

ТЕРРИ ГУДҚАЙНД

Осаждённые
Камнем

Хроники Никки

ТОМ III

Колдунья Никки, волшебник Натан Рал и юный мечник Бэннон оказались в осажденном городе. Освободив легендарный Ильдакар от деспотического правления палаты волшебников, они столкнулись с последней местью сверженного правителя: древнее заклинание развеяно, и полумиллионная вражеская армия очнулась от пятнадцати веков каменного плена. Троица должна объединиться с освобожденными ильдакарцами и дать отпор давнему врагу, поклявшемуся уничтожить город. Бывшая сестра Тьмы знает, что под ударом не только Ильдакар. Если она не совладеет с каменной армией, то никто не помешает войску наводнить Древний мир и добраться до Д'Хары.

Терри Гудкайнд

«Осажденные камнем»

Хроники Никки, Том 3

Перевод с английского *Dr. Pertseff* и *Татьяны Алексеевой*
Под редакцией *Дмитрия Великого* и *Татьяны Алексеевой*
Корректоры *Дина Зайцева* и *Валерия Невдах*

Руководитель группы перевода *Дмитрий Великий*
Старший переводчик *Татьяна Алексеева*

Ильдакар продолжал гореть, хотя накал восстания был уже не таким сильным. Лидер повстанцев Зерцалоликий поднял угнетенных жителей города, и теперь они крушили соседние процветающие кварталы. Воины арены, торговцы и одаренная знать сражались друг с другом любимым доступным им оружием и средствами.

Никки и Натан Рал вместе пресекали самые значительные разрушения, но колдунья знала, что волнения еще далеки от завершения. Впрочем, беды Ильдакара больше не были ее заботой. Никки помогла изнывающему городу обрести свободу, и теперь его жители должны перестроить свое общество, состоявшее из дворян и рабов, одаренных волшебников и простых рабочих. Чтобы город продолжал существовать, все эти слои общества должны трудиться вместе.

Ричард, вероятно, сталкивался с теми же беспорядками в Д'Харианской империи, но в гораздо большем масштабе. Работа Никки заключалась в том, чтобы донести идеи магистра Рала о свободе до всего Древнего мира, а не только до одного города, и ей со спутниками не терпелось отправиться в другие места.

Однако в последние часы этой изнурительной ночи Ильдакар по-прежнему был ее первоочередной задачей. Она выкрикивала распоряжения, созывая людей на борьбу с вышедшим из-под контроля пожаром на складе торговца шелком. Пламя, лизавшее деревянные стены, выбило стекла и вырвалось из верхних окон. Ильдакар был знаменит своим тонким шелком, который создавали одаренные мастера гильдии прядильщиков, но теперь сотни рулонов ценной ткани сгорали, посылая в воздух кислый дым.

— Мы должны подчинить огонь, пока он не перекинулся на другие здания.

Никки посмотрела пронзительными голубыми глазами на толпу потрепанных людей, оценивая их и как бойцов, и как помощников. У многих одежда была забрызгана кровью и перепачкана сажой, в то время как другие были растрепаны и взлохмачены после битвы друг с другом или попыток потушить повсеместные пожары.

— Не время выбирать, кто от этого выиграет.

Ренделл, один из немолодых рабов, присоединившихся к мятежу Зерцалоликого, руководил несколькими своими соратниками.

— Мы уничтожили чаши для умывания, чтобы властительница Тора не могла шпионить, но можем взять воду из акведуков. — Он подбежал к ближайшей стене с разбитым фонтаном; вместе взявшись за металлические прутья, они выломали заглушку на трубе фонтана, и оттуда вырвалась серебристая струя. — Ведра! Нам нужны ведра!

Из соседних магазинов и домов появились люди с бадьями и кадками; набрав льющуюся воду, они подбегали к складу шелка и выплескивали ее на огонь. Огромное здание превратилось в пылающую топку. Языки пламени вырывались из дыры в черепичной крыше, и искры проносились по воздуху, словно мерцающие в ночи. До рассвета оставался час или два, но пока небо было освещено оранжевым заревом пожара.

Пылающие клочки шелка неслись по воздуху к соседним крышам. Никки призвала дар и создала поток ветра, который отогнал искры от крыш и не дал им загореться. Красные угольки взметнулись выше, кружась оранжевыми звездами на фоне глубокой тьмы, а потом угасли сами по себе.

Волшебник Натан стоял рядом с Никки; его длинные белые волосы были спутаны после

ночного сражения. Не испытывая ни капли неуверенности, он улыбнулся и сделал шаг вперед.

— Я вновь обрел дар, колдунья, и пришло время немного попрактиковаться в магии.

После долгой разлуки с даром Натан упивался возвращением способностей. Эту награду он получил от волшебников Ильдакара, хотя повелителю плоти пришлось вырвать из груди сердце Натана и заменить сердцем умирающего главного укротителя Айвена. Процесс был жутким, но решил проблему Натана.

Пока Ренделл и его сподвижники продолжали передавать ведра по цепочке и заливать огонь, Натан взорвал второй фонтан на перекрестке, и на улицы хлынуло еще больше воды. Он подчинил поток воды и сформировал кнут, раскручивая его в воздухе. Водная масса поднялась над крышей склада, а затем гадюкой устремилась через пролом на ревущее пламя. Натан выкачивал из акведуков воду, чтобы поддерживать поток. С шипящим свистом поднялся пар, перекрывая черный дым. Пламя начало плеваться, отступая от окон склада.

Никки сформировала заслон из воздуха вокруг разрушенных стен, через которые пытались прорваться языки пламени.

Натан согнул пальцы, ощущая в них покалывание магии.

— Так волнующе вновь творить магию!

Хозяин склада, мужчина с пышной каштановой бородой и кудрявыми длинными волосами, был одет в многослойные разноцветные одежды из шелка, помявшиеся в ночных передрыгах. Со смятением на лице он смотрел на гибель товара.

— Весь шелк, все мое богатство. Рабы уничтожили его!

— Его уничтожил огонь, — сказала Никки. — Дворяне и торговцы повинны в мятеже не меньше рабов.

Ренделл вручил безутешному торговцу деревянное ведро с водой:

— Если хочешь спасти хоть часть своего товара, тогда берись за дело и помогай.

Мужчина взял ведро и беспомощно посмотрел на группу людей, непрерывно льющих воду в затихающий огонь.

— Склад не наш, но мы тушим его ради спасения Ильдакара, — сурово сказал Ренделл, подтолкнув замершего в нерешительности торговца.

Оторопевший хозяин склада расправил плечи и занял место в цепочке рабочих, наполнявших ведра из трубы фонтана.

— Ради Ильдакара, — пробормотал он, убеждая самого себя.

Легендарный город пятнадцать веков прятался под саваном вечности. Все это время властительница Тора пыталась создать идеальное общество, но с годами атмосфера становилась все более мрачной и застойной. Тора и одаренная знать не обращали внимания на взрывоопасную обстановку, которую создали. Муж Торы, главнокомандующий волшебник Максим, воспользовался ситуацией и стал лидером повстанцев. Он пытался уничтожить город только потому, что устал от него, но личина Зерцалоликого была раскрыта, и Максим бежал в самый разгар восстания. Тора была свергнута и обращена в камень палатой волшебников — точно так же, как сотни тысяч каменных солдат, осадивших Ильдакар пятнадцатью столетиями ранее.

— Никки! — позвал знакомый голос.

К ним бежал Бэннон Фермер, сопровождавший волшебника и колдунью в странствии по Древнему миру. Его длинные рыжие волосы развевались на ветру. За время скитаний юноша обзавелся мускулами, а в ходе обучения в качестве бойца арены его тело стало еще более

подтянутым. После побега из тренировочных ям он так и не успел найти рубашку, зато держал в руке свой невзрачный меч — Крепыш. Встревоженный Бэннон остановился перед ними, тяжело дыша.

— Три колючих волка хозяйничают на Горшечной аллее, и уже убили девятерых. Несколько горожан загнали их в тупик, но не могут прикончить. — Молодой человек поднял меч. — И я не могу сделать это в одиночку.

— Ты не один, мальчишка, — сказала подбежавшая к нему молодая жилистая женщина. Ее наряд состоял из двух полос черной кожи: одна на бедрах, а вторая на груди. Короткие русые волосы слиплись от пота и торчали в разные стороны. Тело женщины пестрело защитными рунами, нанесенными на кожу во время обучения, в результате которого она стала Морасит — безжалостной воительницей. Лила обеспечила Бэннону суровые тренировки, чтобы он стал воином арены, но после восстания, хоть и неохотно, предложила свое сотрудничество.

— Колючих волков спустили убивать людей, — произнес Натан.

Повелители плоти видоизменили и без того грозных диких волков, нарастив мускулы, выгнув спины и удлинив клыки.

— Их выпустили сбежавшие рабы, — сказал Бэннон, — но теперь мы должны сладить со зверями, пока они не навредили кому-то еще.

— Сегодня нам предстоит многое уладить, — сказала Никки. — Веди, Бэннон Фермер.

Высокий юноша поспешил прочь, и Лила бросилась за ним. Вместе они пробежали мимо закрытых ставень магазинов, разгромленных лавок сапожников и бакалейщиков и, наконец, влетели в переулок, где стояли гончарные круги и полки с готовыми изделиями. В конце улицы, возле общей закопченной печи для обжига, столпились взволнованные люди с палками, едва сдерживавшие трех колючих волков. Несколько мужчин уже лежали на земле с разодранной грудью и вспоротым горлом.

Позади загнанных в угол волков Никки слышала плач двух маленьких детей и их матери, запершихся в небольшой гончарной лавке. Дверь из старых досок была слишком хлипкой, чтобы служить надежной защитой. Один волк зарычал на хнычущих детей и ударил по двери большой лапой, расколов часть досок, но тычки копий и лопат отвлекли внимание зверей.

Устремившись в конец улицы, Никки схватила с ближайшей полки глазурованный горшок и швырнула с идеальной точностью, разбив о череп волка. Три зверя зарычали, и невольные защитники в страхе попятнулись. Никки шагала вперед, положив руки на кинжалы на поясе; Натан, Бэннон и Лила следовали за ней.

Она увидела проблеск рыжеватого меха и услышала знакомое рычание — откуда-то появилась Мрра. Сестра-пума бродила по улицам Ильдакара после своего освобождения из тренировочных ям, но благодаря связи с Никки не нападала на людей в городе.

В отличие от песчаной пумы, трех волков нельзя было поймать и приручить, поэтому Никки не собиралась позволять им пугать или убивать людей. Она кинула взгляд на Бэннона и Натана.

— Мы должны сделать это быстро. Не стоит им страдать. Они стали чудовищами не по своей вине.

— Да, у нас сегодня еще много работы, — кивнула Лила.

Никки могла бы просто потянуться даром и остановить их сердца, быстро и милосердно покончив с угрозой, но защитные руны на шкуре колючих волков делали их неуязвимыми

для прямых магических атак. Придется убить более традиционным способом. Никки достала кинжалы, Натан выставил перед собой изысканный клинок, Бэннон поднял Крепыша, а Лила схватилась за короткий меч.

Рычащие звери поняли, кто их настоящий враг. Двигаясь стаей, они ринулись в атаку. Никки рубила и колола кинжалами, а на пытавшихся впиться в нее волчьих клыках блестели серебряные нити слюны. Колдунья кинжалом в левой руке распорол горло одного хищника, а второй кинжал вонзила в его сердце. Мрра накинулась на зверя, повалив его на землю.

Колючий волк был в два раза тяжелее Никки, и сила инерции толкнула ее на землю. Когти бившегося в судорогах зверя оставили длинную рану на ее голой руке, и Никки вогнала ножи глубже. Волк извивался и дергался, но вдруг его голова покатила в сторону — это Бэннон снес ее ударом меча.

Никки спихнула с себя зловонную волчью тушу, но одежда уже была пропитана кровью твари. Она выдернула кинжалы, и по ее запястьям потекла кровь. Вскочив, Никки посмотрела, не нужна ли Натану помощь, но волшебник победоносно стоял над другим зверем, а его изысканный меч был обагрён кровью. Волшебник вытер лезвие о клочковатый мех волка. Бэннон и Лила убили третьего хищника.

Никки собрала все свое самообладание, хотя пыль и гравий пристали к окровавленному черному платью, а пальцы стали липкими от крови. Она вытерла кинжалы о волчий мех и положила их в ножны. Мрра подошла и встала рядом, подергивая длинным хвостом.

Две маленькие девочки и их мать толкнули хлипкую дверь лачуги возле гончарной лавки и со всхлипами бросились в объятия широкогрудого мужчины. Толпа ликовала, выкрикивая имя колдуньи:

— Никки! Никки!

В начале этой жестокой ночи те же самые люди кричали имя Зерцалоликого, но Никки оказалась более ответственным лидером.

— Никки, мы продолжаем битву! — послышался чей-то голос. — Ты помогла нам, показав, как.

— Избавимся от ильдакарской знати! — крикнул другой голос.

Она повернулась к двум дюжим рабам в серой одежде рабочих с яксеновых скотобоен. Мужчины гордо несли пропитанные кровью мешки, словно трофеи. Один из них, со шрамом от ожога на лбу, шагнул вперед, глядя на мертвых колючих волков.

— Ты убила этих боевых зверей и помогла обезопасить город. А мы продолжаем борьбу с нашими настоящими врагами.

Никки беспокоили окровавленные мешки.

— А ты знаешь своих настоящих врагов?

Двое дерзких рабов подошли к ней, игнорируя Бэннона и Натана. Остальные люди на Горшечной аллее отступили к магазинчикам. Развязав мешки, мужчины вытряхнули содержимое: четыре головы дворян. На мертвых лицах с открытыми глазами застыли гримасы, а неровные обрубки шей продолжали кровоточить.

— Они были жестокими хозяевами, — сказал грубоватый мужчина со шрамом от ожога. — Избивали и плохо обходились с рабами.

— Может, они и одаренные, но не неуязвимые, — усмехнулся второй мужчина. Несколько человек на Горшечной аллее поддержали его, хотя большинство были потрясены и испытывали тошноту от пережитого этой ночью.

— Зерцалоликий обманул нас, но в его словах была правда, — сказал раб со шрамом. —

Мы будем мстить, и ты, Никки, нам поможешь. Мы требуем справедливости и хотим перестроить Ильдакар. Городом должны править рабы.

Прежде чем Никки успела заговорить, Натан выразил свои собственные тревожные мысли:

— Добрые духи! Вам всем придется править вместе, чтобы сделать Ильдакар сильнее. Если убьете всех дворян и станете новым правящим классом, то будете такими же жестокими и развращенными, как они.

— Никогда! — оскорбленно заявил раб со шрамом и пнул отрубленную голову, которая покатила по улице, словно мяч в игре Джа'Ла.

— Волшебник прав, — сказала Никки. — Я не оправдываю порочную знать — мне известно, что сделали Тора и Максим. Но Ильдакар ваш город, так что не упускайте шанс. Вам предстоит много тяжелой работы, а у меня своя миссия, порученная мне магистром Ралом. — Она покачала головой. — Я и мои спутники провели в Ильдакаре уже слишком много времени.

Двое рослых забрызганных кровью рабов поникли от упреков, но они ничуть не раскаивались, глядя на отрубленные головы. Никки была уверена, что убийств будет еще немало, пока все окончательно не успокоится. Она знала: весь город не спасти. Никки не собиралась становиться новой властительницей и навязывать свое правление.

— Теперь вы свободны. Поймите, что это значит. Вам нужно установить свои законы и жить с последствиями своих поступков.

— Боюсь, такова цена истинной свободы, — согласился Натан. — Впереди могут быть тяжелые и мучительные времена, но это единственный способ по-настоящему ценить то, что построите.

После долгой и суровой ночи над новым Ильдакаром показалось солнце. Жертвенная пирамида была разрушена, как и устройство ритуала кровопролития, с помощью которых Тора хотела сотворить новый саван вечности. Легендарный город безвозвратно стал частью реального мира.

Лила молча глядела на мертвых волков.

— Эта суматоха скоро утихнет, — со своим обычным оптимизмом сказал ей Бэннон. — Люди прислушаются к голосу разума и захотят обустроить свою жизнь.

— Им просто нужно вспомнить, как это сделать, мой дорогой мальчик, — ободряюще сказал Натан.

Едва забрезжил рассвет, как поднялась тревога. Караульные на высоких городских стенах закричали — сначала один, затем десятки. Громко забил набат.

— Колокола предупреждают о нападении. — Лила, нахмурившись, подняла взгляд. — Столетиями они молчали.

— Что за угроза может исходить оттуда? — спросила Никки, вспомнив широкую пустынную долину в окружении сухих холмов.

Сигнал тревоги стал громче и настойчивее; они поспешили к внешней городской стене. Мрра вприпрыжку бежала следом. У стены их встретил верховный капитан Стюарт, возглавлявший городскую стражу Ильдакара. Лицо его было пепельным.

— Они движутся. Спустя столько времени... они движутся!

— Кто? — спросил Бэннон. — Что?

Никки проскользнула мимо Стюарта и взбежала по каменным ступеням на гребень высокой стены. Остальные последовали за ней и устремили взоры на запад, на предгорья и

далекие горы. Когда колдунья и ее спутники окинули взглядом широкую долину, то увидели огромную армию статуй, некогда ведомых генералом Утросом. Войско едва не взяло штурмом Ильдакар, но волшебники города сотворили заклинание окаменения. В тусклом утреннем свете Никки увидела, что огромная каменная армия зашевелилась. После долгих лет в камне солдаты начали двигаться, выстраиваясь перед Ильдакаром.

С гребня стены Натан созерцал огромную окаменевшую армию.

— Добрые духи, такого зрелища я не ожидал.

Бэннон побледнел, с трудом сдерживая вздох. Лила стояла рядом, уверенная и непокорная.

Когда они впервые увидели статуи, Натан с интересом завязтого историка изучал доспехи, оружие, выражения древних лиц, застывших в момент предполагаемой победы над великим городом. Натан столетиями читал и накапливал знания, а потому знал историю генерала Утроса, чья сокрушительная армия пыталась завоевать Древний мир во имя императора Кергана. Но с тех пор как Натан, Никки и Бэннон вошли в город и оказались вовлеченными в беспорядки, он почти не вспоминал об окаменевшей армии.

Раскрасневшийся верховный капитан Стюарт уставился на осадные силы, приближающиеся к стенам.

— У города и так достаточно проблем после восстания. Мои люди все еще тушат пожары, отлавливают боевых животных и пресекают мародерство. Но это...

Никки сосредоточилась, что-то прикидывая в уме:

— Что заставило древних солдат вновь ожить? Почему сейчас? Это не случайность.

Бэннон перегнулся через край стены, чтобы увидеть больше.

— Помните солдата по имени Ульрих, который пробудился, когда мы с Амосом, Джедом и Броком были за стенами? Чары развеялись, и он растерянно стоял среди тысяч воинов. — Голос юноши стал печальнее: — Ульрих просил о помощи, но беднягу бросили на боевую арену, где его убил главный укротитель Айвен.

— Убить его было непросто. Тело оставалось твердым как камень, а кожа была намного жестче обычной, — напомнила Никки, думая об угрозе под стенами, а не о грустной истории воина. — Ульрих был лишь одним пехотинцем. Пред нами многотысячная армия.

У Натана пересохло в горле, когда он все понял. Он посмотрел на Стюарта:

— Верховный капитан, я предлагаю закрыть и забаррикадировать ворота, а одаренные пусть укрепят их магией. Нужно усилить укрепления Ильдакара.

Стюарт убежал, чтобы созвать волшебников и стражников.

Во время пребывания Натана в городе очаровательная Эльза, входившая в палату волшебников, показала ему, насколько неприступным был Ильдакар — или должен был быть. Однако он не был уверен, что после полутора тысяч лет под саваном вечности город сохранил обороноспособность. Палата волшебников была слишком самонадеянна и слишком уверена в своей изоляции. Саван укрыл Ильдакар от потока времени, и его не могли достать ни армия, ни магия.

Теперь саван уничтожен, и Ильдакар не может скрыться. Город вернулся в реальный мир, а заклинание окаменения, нейтрализовавшее вражескую армию, более не действовало. Главнокомандующий волшебник Максим, сотворивший заклинание, позорно бежал из города. Неужели он развеял свои чары и освободил армию изваяний? Это было его последнее предательство?

Натан тряхнул белыми волосами, достававшими до плеч, и попытался добавить уверенности в голос — ради людей на гребне стены.

— Нам придется полагаться лишь на городские укрепления.

После событий прошлой ночи и разрушения жертвенной пирамиды никакая магия крови не могла вернуть саван.

Бэннон уставился на далекое скопление движущихся фигур.

— Как их много! Пресвятая Мать морей, словно обитатели сотни муравейников приготовились к войне.

— Будь они муравьями, мы бы их растоптали, — сказала Лила. Похоже, ей понравилась эта мысль.

Смирившись с неизбежным, Натан повернулся к Никки:

— Что ж, колдунья, вряд ли мы сможем сейчас уйти.

Шурша пурпурным платьем, по ступеням поднялась Эльза.

— Ах, вот ты где, Натан! Я хотела убедиться, что ты, вновь обретя дар, не станешь спасать город без меня. — В ее глазах блеснуло восхищение. — Я видела, что ты сотворил с гигантским воином Иксаксом, и не сомневаюсь, что ты в одиночку сможешь уничтожить целую армию.

— Спасибо, что так веришь в меня, моя дорогая, но мне потребуется помощь. — Натан почувствовал тепло в груди, которое не имело ничего общего с бьющимся в ней сердцем Айвена.

Ильдакар защищали не только высокие стены со стороны равнины. Тысячелетия назад волшебники изменили ландшафт, подняв огромный пласт земли вдоль реки Киллрейвен, и теперь Ильдакар оканчивался отвесной скалой, нависающей над водой. Магическое преобразование также затронуло русло реки, создав низины с замысловатыми очертаниями на многие мили вниз по течению. Окрестные болота внушали страх путаницей неглубоких протоков и болотными чудищами — творением ильдакарских повелителей плоти. Самый прямой путь в город пролегал через равнину. Столетия назад генерал Утрос прошел этой дорогой с несметной армией и занял долину, осадив город.

Бэннон настороженно прищурил карие глаза:

— Мы здесь в западне.

— В Ильдакаре мы в безопасности, мальчишка, — поправила его Лила. — Этот город никогда не был взят.

— Что насчет беглых рабов, укrywшихся в холмах, а также охотников, погонщиков яксенов и путешественников, оставшихся без защиты городских стен? — Юноша покачал головой.

— Они могут убежать и спрятаться, если не дураки, — сказал Натан. — Я больше беспокоюсь за нас.

Они с напряженным молчанием наблюдали, как древние солдаты выстраиваются в шеренги, словно фигурки на широкой игровой доске. До них донесся гулкий отдаленный грохот оружия, щитов и тяжелых сапог, когда вражеский авангард начал маршировать.

— Если верить истории, генерал Утрос хорошо обучил своих людей, — сказал Натан. — Он был умелым и сильным полководцем, и именно благодаря его военному таланту император Керган завоевал большую часть Древнего мира. Сам Керган не был великим правителем, но из-за Утроса все его боялись.

Передние ряды неуклюже шагали к стенам; пока что их было всего несколько сотен, и Натан сомневался, что они смогут сломить оборону города. Он постукивал пальцем по подбородку, разглядывая многочисленных древних воинов на открытой равнине.

— Взгляните на них. Они кажутся сбитыми с толку.

— Думаю, это пробная атака, — заключила Никки. — Они, как и мы, не понимают, что с ними случилось, и мы можем воспользоваться их замешательством.

— Хотела бы я знать, что они задумали, — сказала Эльза, прикрывая глаза рукой. Тени от восходящего солнца прочертили равнину, смазывая детали.

Все еще чувствуя боль в шраме на груди, Натан призвал дар. Сердце волшебника — сердце Айвена — продолжало биться, качая кровь и усиливая хань. Волшебник расставил пальцы и поднял ладони перед собой, словно касался невидимой стены.

— Рассмотрим их как следует. — Он смял воздух и покатал в ладонях, словно тесто, а потом принялся растягивать. — Воздух прозрачен, но если сложу и изогну, то смогу сотворить своеобразную линзу.

Пред ним замерцало нечто вроде окна, когда он заставил воздух изогнуться. Натан повысил четкость и навел фокус. В воздухе повисла картинка, когда бесплотная линза увеличила наступающего врага.

У древних солдат оказались безразличные выражения лиц и белая как мел кожа. На них были шлемы сложной формы, закрывавшие щеки, и кожаные рубахи с нашитыми на них многочисленными металлическими пластинками. Воины с тяжелыми мечами, шипастыми булавами и длинными копьями проходили сквозь фокальную точку магической линзы Натана. На рубашках и щитах выделялся огненный символ императора Кергана.

Натан испытал легкий трепет, и по его спине пробежал холодок. Он долго изучал записи во Дворце Пророков и прочитал половину библиотеки, разбираясь в истории, но давным-давно окаменевшие воины больше не были историей. Они ожили и теперь намеревались атаковать Ильдакар.

За пятьсот лет до рождения Натана одним из самых могущественных правителей в Древнем мире был император Керган, прозванный Железным Клыкком из-за вставного зуба, который придавал устрашающий вид. Своим успехом Керган был обязан военному гению генерала Утроса, который служил императору с абсолютной преданностью, но в то же время был тайно влюблен в его жену, императрицу Мэджел. Утрос отправился завоевывать Ильдакар, но не вернулся. Теперь Натан знал причину: волшебники обратили армию в камень.

Керган был злым и своенравным правителем, не способным руководить землями, завоеванными для него Утросом. В отсутствие генерала вспыльчивый император узнал об измене жены и публично содрал с Мэджел кожу, скормив еще живую императрицу плотоядным жукам. Он не обращал внимания на рыдания и раскаяние женщины, утверждавшей, что она по-прежнему верна мужу и императору.

Когда подданные Клыка увидели, каким страшным пыткам он подверг их любимую императрицу, то они подняли бунт и свергли его, а затем протащили тело императора по улицам. Великая, но хрупкая империя распалась на враждующие королевства...

Глядя на армию через мерцающую воздушную линзу, Натан с восхищением думал, что бесчисленные солдаты все еще считают, будто идут маршем во славу Кергана. Вряд ли они знали, как много времени прошло. Но беспокоился волшебник не о давно умершем императоре.

— Самой большой угрозой всегда был генерал Утрос, — пробормотал он. — Он здесь, и именно его мы должны бояться.

Первые нестройные ряды вражеских солдат продолжали шагать. Они начали кричать, и ужасающий глухой звук становился все громче и громче. Грохот шагов раздавался по

травянистой равнине.

Когда-то давно вокруг внешних стен были вырыты глубокие траншеи и рвы, заполненные шипами и острыми камнями, но за прошедшие столетия канавы осыпались и заросли из-за попустительства жителей Ильдакара. Теперь сотни солдат могли подойти к толстым каменным стенам, нависавшим над ними.

— Что они собрались делать? — спросил Бэннон, вперив взгляд в отряды, остановившиеся у стен.

— Скоро увидим, — ответил Натан.

Вражеские солдаты выстроились в два-три ряда вдоль каменной преграды. Шагнув вперед, они подняли руки в латных рукавицах и забарабанили по блокам, крича глухими голосами, молотя и молотя по стенам. Вскоре первая шеренга отступила назад, позволив второй занять ее место и продолжить грохотать. Несколько минут спустя вторая шеренга сменилась третьей. Монотонный стук эхом разносился по всему Ильдакару, словно непрекращающиеся раскаты грома.

Эльза, стоявшая рядом с Натаном, занервничала.

— Стены выдержат, — сказала она. Слова звучали как молитва.

Натан подумал, что стены долго не продержатся, но промолчал.

Он пробудился в изменившемся мире. Генерал Утрос, командовавший великой армией императора Кергана, достиг своей цели — Ильдакара. Его армия должна была стать неудержимой силой. Сотни тысяч воинов, набранных со всей империи Железного Клыка, осадили легендарный город, настоящий трофей южных земель. Утрос намеревался вскрыть его, как спелый гранат, чтобы угоститься сладким лакомством внутри.

В тот холодный ясный день его солдаты заполонили равнину, и Утрос увидел перед собой высокие городские стены. Он отметил красивые башни, разноуровневые кварталы, тесно расположенные здания и глазурованные черепичные крыши, сияющие подобно чешуе на спине дракона. Он хотел завоевать этот город во имя императора.

Его многочисленные солдаты были нетерпеливы, но Утрос собирался не допустить крупных разрушений, осознавая ценность города. Он хотел сохранить как свою репутацию, так и этот трофей. Малокровное завоевание принесет выгоду и Утросу, и жителям Ильдакара. Однако когда армия прорвется через стены, даже самая строгая дисциплина не сможет удержать солдат от грабежа.

Победа над Ильдакаром не могла быть простой или бесхитростной.

Утрос стоял перед своей целью в холодном свете послеполуденного солнца, чувствуя прохладу приближающейся зимы. Он пристально вглядывался, как всегда все просчитывая и выискивая слабые места. Мысли его были непрерывным заседанием военного совета. У генерала имелись советники — например, прекрасные колдуньи-близнецы, Ава и Рува, — но он всегда принимал решения самостоятельно и уже разработал несколько вариантов взятия Ильдакара.

На высоких стенах появилась большая группа волшебников в разноцветных шелковых балахонах. Они творили какую-то магию. Утрос слышал о могущественных одаренных Ильдакара, но не боялся их.

Неожиданно он почувствовал, что его тело стало коченеть от тяжести, навалившейся как изнутри, так и снаружи. Генерал едва мог думать, пока чудовищная сила, охватившая его тело, затвердевала подобно высыхающей глине. Окружающие звуки стали приглушенными, и последнее, что он услышал — крики ужаса из тысяч глоток. Солдаты кричали в смятении, застывая на месте.

Ава и Рува, стоявшие рядом с большим командным шатром, побелели, как статуи. Зрение генерала затуманилось, замерев в одной точке, словно на центре мишени, и последним, что он увидел, был Ильдакар, так дразнивший его.

Утрос провалился в забытие на неизвестный срок, не ощущая хода времени. Через мгновение — или вечность — яркий день сменился предрассветной тьмой. Сперва показалось, что он ослеп. Вокруг слышался звук, похожий на треск льда в пруду. В ушах загудело, будто мысли, запертые в разуме, разом получили свободу.

Утрос обнаружил, что по-прежнему стоит лицом к Ильдакару, но многие детали изменились. Городские огни сияли в ночи, затмевая звезды, а на востоке прямо перед ним маячила предрассветная дымка. Еще до того, как он пошевелился, его разум принялся искать возможное объяснение. Утрос не предпринимал дерзких и неосмотрительных действий. У него было самое большое и хорошо вооруженное войско в мире, и он уже завоевал большую часть континента для Железного Клыка. Но величайшим достоянием армии был ум

генерала.

Воздух был намного теплее, чем в тот холодный день, который он видел всего мгновение назад. Была уже не морозная зима, а как минимум ранняя осень, и это означало, что большая часть года миновала. Как такое могло случиться? Трава была бурой и сухой, но пышно разросшейся, а этого просто не могло быть. За время осады огромная армия вытоптала равнину, превратив почву в бесплодную грязь.

Утрос сделал шаг и тотчас ощутил неестественную жесткость кожи, скованность рук, шеи и лица. Его гибкое и сильное тело теперь казалось точильным кругом, слишком долго простоявшим без смазки. Он посмотрел на голые руки и странно потускневшие медные браслеты с пламенем Кергана. Кожа была бледна как мел. Утрос осторожно ткнул себя в бицепс пальцем и обнаружил, что плоть стала жестче и походила на полусохшую глину. Он ощущал давление пальца, но чувствительность кожи снизилась. Генерал согнул руку, заметив, как неохотно двигается локоть. Мускулы вздулись, будто бульжники.

Он коснулся лица, ощупал бороду, квадратную челюсть с ямочкой на подбородке, которую не могла скрыть щетина; повел по гладкому восковому шраму от ожога на левой щеке — тот больше не ныл. Утрос вспомнил, как плененный серебряный дракон сбежал и спалил часть лагеря своим едким огнем. Теперь шрам казался гладким и гораздо менее чувствительным.

Вокруг раздавались возгласы удивления, тихие вопросы, переходящие в крик. Он обернулся оглядеть лагерь, но обнаружил, что тот исчез! Прежде повсюду толпились бесчисленные тысячи воинов: солдаты на позициях, кто-то стоял на часах, а большинство держалось рядом со своими отрядами. В долине были сотни палаток, повозок, коновязей, сторожевых застав и больших костров. А теперь... ничего.

Он помнил свой большой командный шатер, яркие и броские знамена Железного Клыка, зерновые склады, палатки оружейников, точильные круги и привалы мастеров-лучников, но все куда-то делось. Не осталось ничего, кроме самих людей, бледных и малоподвижных, все еще в доспехах, с мечами и щитами. Некоторые лошади бродили без привязи, но загоны и кормушки исчезли.

— Владетель и духи, — пробормотал он. — Что случилось?

Сбитая с толку армия походила на облако кружащих комаров, но генерал сконцентрировался и словно впал в транс. Полностью сосредоточившись, он смог приглушить шум лагеря. Утрос сомневался, что кто-то в его армии знает о случившемся больше, чем он сам, но ему нужно было во всем разобраться.

Утрос сделал несколько шагов. Тело еще казалось отчасти каменным, плоть так и не стала мягкой, как у обычного человека. На нем по-прежнему была кожаная безрукавка, усиленная прямоугольными металлическими пластинами, а также устрашающего вида шлем с рогами, спиленными с чудовищного быка, которого спустил Ильдакар. Он вспомнил день, когда бестия пронеслась через лагерь, сея настоящий хаос. Утрос лично убил чудище и взял рога в качестве трофея.

Он повернулся к своим грациозным колдуньям, пребывающим в таком же замешательстве, как и он сам. Стройные и хорошо сложенные Ава и Рува были одеты в голубые платья, плотно стянувшие узкую талию и подчеркивающие пышную грудь. Сестры были неотличимы друг от друга, но Утрос знал их так же хорошо, как свои ладони, которыми изучал каждый дюйм их тел. Колдуньи давали ему силу, но в этом не было сексуального подтекста.

Сейчас он нуждался в их силе.

Ава и Рува были бледны, плоть их казалась даже холоднее, чем у трупа. Их кожа была совершенно лишена волос: острыми ножами они тщательно сбрасывали волосы на голове, брови и даже растительность между ног. Ава и Рува ухаживали друг за другом и в свободное время раскрашивали оголенные участки сливочной кожи завитками и узорами, которые помогали им направлять дар.

В брезжащем рассвете женщины посмотрели друг на друга и повернулись к Утросу; на их лицах читалось множество вопросов. Ничего не говоря, он подошел, и они втроем прижались друг к другу. Он чувствовал, как растет их общая сила.

В лагере нарастала неразбериха, и Утрос обратился к колдуньям:

— Мы должны выяснить, что случилось. — Недовольные выкрики сменились возгласами неуверенности и страха. — Мне нужно что-то сказать солдатам.

— Тогда придется солгать, поскольку мы ничего не знаем, — сказала Рува. — Во всяком случае, пока.

— Мы знаем, что это было заклинание, причем могущественное, — возразила Ава. — И мы уверены, что волшебники Ильдакара применили его против нас.

Рува коснулась лица генерала, проведя ладонью по бороде и шраму на щеке. Это походило на любовную ласку, но она лишь изучала его. Ава протянула руку, чтобы дотронуться до сестры.

— Камень. Нас превратили в камень.

— А потом обратили изменения вспять, — добавила Рува.

— Но не до конца. Мы плоть и кровь, но по-прежнему тверды.

Утрос смотрел на окруженный стеной город в лучах восходящего солнца. Теперь, когда потрясение растворилось в море вопросов, он заметил небольшие изменения в Ильдакаре. Некоторые здания горели, и по небу расплзались щупальца маслянистого дыма.

— Волшебники обратили нас в камень, — сказал он, — но магия, необходимая для обездвиживания тысяч воинов, выходит за пределы моего понимания. — Он указал на возвышающийся над рекой город. — Взгляните на Ильдакар. Там что-то произошло. Пожары... возможно, там идет гражданская война.

— Может, в этом причина пробуждения? — спросила Рува.

— Вероятно, волшебник, наложивший заклинание окаменения, умер, — предположила Ава, — и магия исчезла.

Тысячи воинов из первых рядов, испытывая отчаянное замешательство, двинулись на стены и ворота, хотя в этом не было смысла.

— Они разгневаны, — заметила Рува.

— Пусть гnevаются, — бросил Утрос.

Его люди были так хорошо обучены, что могли атаковать даже во сне. Когда они инстинктивно бросились на стены, Утрос не стал останавливать бесполезную атаку. Он не любил незапланированных действий, но это займет их, а он пока решит, что делать. Если армия обратилась в камень на месяцы или даже годы, ему нужно узнать больше. Мысли беспорядочно метались, он искал ответы и пытался предугадать последствия. Утрос не мог объяснить, почему исчезли палатки, лагерные костры и подводы с припасами. Он отчетливо помнил, что равнина была вытоптана солдатами, загромождена механизмами и материалами, в которых нуждалась столь крупная военная кампания.

На прошлой неделе три дня лил холодный дождь, и даже выпал первый снег. Земля

превратилась в кошмарную грязь, которая должна была замерзнуть по ночам, но из-за костров и шагавших воинов оставалась жидким месивом. Дым от десятков тысяч костров сделал воздух тяжелым и горьким. Чтобы добыть дрова, солдаты вырубали холмы на мили вокруг, но сейчас вдалеке маячил густо разросшийся лес. Ландшафт полностью восстановился. Он начал подозревать, что прошло больше нескольких лет. Как такое возможно?

— Генерал Утрос, — послышался знакомый грубый голос.

Это был Енох, его покрытый боевыми шрамами первый командующий. Он служил у Утроса с самого начала его карьеры полководца. Хотя Енох был на десять лет старше и носил шрамы от многих других сражений, он был всецело верен Утросу. Он хорошо разбирался в тактике, на лету схватывал планы своего командира, но был не настолько амбициозен, чтобы что-то кому-то доказывать. Енох не искал славы для себя и довольствовался служением генералу Утросу. Его верность императору Кергану стояла на втором месте. Первый командующий тоже не оправился от окаменения и выглядел бледным как мел.

— Что случилось, генерал? Что-то пугающе изменилось.

Утрос выпрямился:

— На данный момент ты знаешь столько же, сколько и я, первый командующий. Илздакар наложил на нас какое-то заклинание.

Енох нахмурился, думая о своих обязанностях:

— Сэр, пока мы не узнаем, что произошло, смятение среди солдат будет расти, и это подорвет военную дисциплину.

Генерал знал, что такой огромной армией сложно управлять даже в благоприятных условиях.

— Думаешь, воины напуганы настолько, что откажутся продолжать осаду? Неужели они в таком замешательстве, что поддадутся панике и разбегутся?

Потрясенный такими выводами Енох разочарованно скривился:

— Конечно, нет, генерал. Они никогда не дезертируют. Каждый принадлежит вам и сердцем, и душой. Но они будут ожидать объяснений. Вы должны сказать им что-нибудь в самое ближайшее время.

Улыбка Утроса вышла сдержанной из-за скованности кожи.

— Разошли по войску гонцов, пусть солдаты ждут моего обращения к ним. — Оглядывая многолюдный строй, он заметил несколько свободных лошадей. — Разошли всадников по долине и вели оповестить каждый отряд о том, что генерал Утрос все еще возглавляет их, что мы победим. Я отомщу нашим врагам за все.

— Они и так знают это, сэр, — кивнул Енох.

— И все равно скажи им, а мне сначала нужно оценить ситуацию. — Пока Енох не ушел, Утрос выдал еще несколько распоряжений: — Похоже, мы потеряли все, поэтому должны действовать без промедлений. Не выказывай страха, не позволяй людям думать о последствиях, хотя у нас нет ни лагеря, ни дров, ни укрытия. Если начнутся бури, нам понадобятся палатки. Отправь людей в холмы рубить деревья, готовить припасы и охотиться. Пусть используют свои мечи и боевые топоры, если придется.

Он знал, что ручьи, протекающие через долину, обеспечат их водой, но его солдатам нужно гораздо больше.

Он оглянулся и снова встревожился при виде пустого пространства на месте его большого шатра.

— Мне срочно нужен новый штаб. Если не смогут найти ткань, пусть для постройки используют дерево. — Он упер руки в бедра, продолжая раздавать приказы. Енох молча слушал. — Также организуй сотню боевых отрядов по двадцать всадников в каждом. Пусть разойдутся во всех направлениях и разведают, что находится вокруг нас, найдут города и села, где можно раздобыть запасы и инструменты, которых у нас больше нет.

— Да, генерал. — Енох мысленно записал каждое поручение.

После того как Утрос отпустил его, Ава и Рува подошли ближе, молчаливые и задумчивые. Солдаты толпились вокруг, но никто не осмеливался приблизиться. Генерал Утрос внушал благоговейный страх, хотя не был жестоким и безжалостным, как император Железный Клык.

Неудивительно, что милая Мэджел нуждалась в нежных прикосновениях, любви и сопереживании, даже если это означало, что они предадут Кергана в своих сердцах.

Утрос жаждал увидеть ее вновь. Прошло полгода с тех пор, как он бывал в Ороганге, столице империи. Казалось, он уже долгие годы не касался нежной кожи Мэджел, не проводил пальцами по ее густым волосам, не целовал ее сладкие губы.

Он запер эти мысли в особом уголке своего разума. Часто, засыпая по ночам, Утрос открывал этот уголок, чтобы насладиться воспоминаниями о времени, проведенном с ней. Но сейчас он не мог позволить себе отвлекаться. На него давила сложность ситуации, которую, как он надеялся, солдаты еще не осознали. Времени было мало. С таким количеством бойцов, оставшихся без припасов, сложность станет очевидна, как только люди начнут голодать.

Когда пробудившиеся солдаты начали насаждать на стены, Никки решила, что у города еще есть время, хотя и не так много. Непрестанный град ударов был способен повредить блоки, но волшебники могли укрепить камень заклинаниями. Дозорные не нуждались в линзе Натана, чтобы с высоты видеть внушительное вражеское войско. На службе у Джеганя Никки сопровождала огромную армию Имперского Ордена, который потратил десятилетия на завоевание Древнего мира, постепенно продвигаясь на север и вторгаясь в Новый мир. Но колдунья никогда не видела такой впечатляющей армии, как эта.

Она повернулась к дружелюбной колдунье Эльзе, которая стояла рядом, глубоко обеспокоенная. Другие советники еще не добрались до стены, но Никки знала, что скоро они начнут работу.

— После ночного мятежа люди должны отринуть политические разногласия, восстановить город и укрепить его позиции. — Она кивнула на внушительные силы, двигавшиеся к городу. — Несмотря на тлеющие угли обид, у фракций Ильдакара общий враг. Настало время выковать непоколебимый внутренний мир, сделать город достаточно сильным, чтобы повергнуть генерала Утроса. Предлагаю использовать эту возможность, чтобы решить свои проблемы.

Эльзу это не успокоило.

— Если люди действительно этого захотят.

Верховный капитан Стюарт, отрывисто выкрикивавший приказы страже, распорядился использовать стандартную систему обороны: обрушить на врага валуны, острые снаряды, кипящее масло и горящие стрелы. У защитников была выгодная позиция, и они могли обстреливать нападавших без особого риска.

Никки знала, что оборона в хороших руках.

— Созови экстренное совещание в башне властителей. В палате волшебников раскол, но вы должны создать новую. Эльза, настал кризис. Ты, Квентин и Деймон сохранили свои должности, но нам нужно сплотить одаренных Ильдакара.

— Давно следовало включить в палату больше волшебников, — сказала Эльза. — Еще когда Лани обратили в камень. Мы нуждаемся в них больше, чем когда-либо, ведь главнокомандующий волшебник Максим ушел, Андре и Айвен мертвы, Тора повержена, а Ренн отправился на глупые поиски архива Твердыни.

Натан потер грудь:

— Сердце главного укротителя Айвена все еще бьется во мне. Я снова одаренный, и дар мой силен, поэтому нам повезло. Мы будем работать вместе, чтобы защитить Ильдакар.

Бэннон задумчиво нахмурился. Его кожа была бледнее обычного, и веснушки резко выделялись на лице.

— Мятеж еще не закончился. Если созываете военный совет, то вы не можете призвать только одаренную знать. Они были частью проблемы города. Вам нужно прислушаться к повстанцам и освобожденным рабам, а также к бойцам арены. Если речь идет о настоящем сражении, то это лучшие воины Ильдакара.

Лила метнула в него взгляд:

— Как и Морасит, мальчишка. Мы лучшие бойцы.

Натан поднял руку, прекращая их спор:

— Это не соревнование. Все будут защищать Ильдакар по-своему. Я согласен с тобой, дорогая Эльза. Палата волшебников должна как можно скорее восполнить свои ряды, и кто-то должен возглавить город, оказавшийся на грани войны.

Мрра скользнула мимо Никки, положила голову между зубцов и уставилась на пробуждающуюся в утреннем свете армию. Пума зарычала в ответ на звук ударов твердых кулаков.

* * *

Войдя в главный зал башни властителей, Никки и остальные увидели, что две каменные колдуньи очнулись и схлестнулись в битве.

Властительница, которую Никки презирала, была наказана за оскорбление народа Ильдакара. Вместо казни Тору постигла участь армии Утроста. После объявления приговора Эльза, Квентин и Деймон наложили на Тору заклинание, превратив в дерзкую статую в палате властителей. Другой колдуньей, которую постигла та же судьба, была Лани. Это случилось многие столетия назад после ее неудачной попытки бросить вызов правлению Торы. Никки никогда не видела Лани живой, только в виде статуи. Теперь женщины ожили и напали друг на друга в открытом пространстве башни властителей. Никки узнала широкие плечи Лани, красивое, хоть и угловатое, лицо и длинные волосы, которые прежде были мраморными, а теперь приняли оттенок темного меда. Воскресшая колдунья бросилась на Тору, которая выглядела такой же разъяренной. Заклинание окаменения исчезло, освободив не только армию генерала Утроста, но и этих двоих.

Женщины дрались врукопашную, и Никки, ворвавшаяся в палату властителей вместе с Натаном и Эльзой, велела колдуньям прекратить. Волшебники Деймон и Квентин вошли следом в сопровождении других могущественных волшебников, откликнувшихся на призыв военного совета.

Пол здесь был выложен голубым мрамором, напоминавшим каменное озеро перед возвышением, на котором стояли троны властительницы и главнокомандующего волшебника. Тора в длинном платье из зеленого шелка сцепилась с Лани. Женщины сражались и заклинаниями, и физическими ударами, пуская в ход кулаки и ногти, но их твердая бледно-серая кожа оставалась невредимой.

Пока Никки шагала вперед, приказывая женщинам остановиться, Лила пронеслась мимо и вмешалась в драку. Вместе Никки и Лила растащили колдуний. Лани и Тора были смущены, разозлены и растеряны, но не забыли о взаимной ненависти. Неумолимый взгляд Никки вынудил Тору замешкаться, в то время как Морасит удерживала Лани. С презрительной усмешкой Лани отвернулась от Торы и перестала сопротивляться, завидев Эльзу, Деймона и Квентина.

— Знаю, вы на моей стороне. Где Максим? — Она посмотрела внимательнее. — И Ренн? Что случилось с моим дорогим Ренном?

— У нас у всех слишком много вопросов, — дипломатично произнес Натан, — и недостаточно ответов.

— Времени тоже мало, — сказала Никки. — Заклинание окаменения рассеялось, освободив не только вас, но и сотни тысяч воинов за стенами. Армия генерала Утроста пробудилась.

Эта весть стала ударом для обеих женщин, и они погрузились в неловкое молчание.

Натан шагнул вперед, глядя на Квентина и Деймона.

— Мы созвали совет, чтобы решить, как бороться с врагом.

Лани сердито посмотрела на соперницу:

— Я не могу входить в состав палаты волшебников, если там есть Тора. Властительница развратила и уничтожила Ильдакар.

— Тора больше не властительница и не член совета, — вмешалась Никки. — Она предала Ильдакар и расплатится за это.

— Ильдакар — мой город! — воскликнула Тора. — Это Максим уничтожил его, подняв мятеж перед своим побегом. Я не удивлюсь, если он сам развеял заклинание, чтобы Ильдакар пострадал. — Она повернулась к Никки. — И ты тоже. Ты виновата и в восстании и во всех последовавших за ним разрушениях.

— Восстание назревало уже давно, — возразил Натан. — Ты посеяла семена, а твоя тирания подпитывала насилие. Так не жалуйся, что собрала горький урожай.

— Довольно разговоров о мятеже и непокорных рабах, — сказал мужчина с длинными волосами цвета соломы, заплетенными в косу на левой стороне головы. — Город осажден. Спустя пятнадцать столетий армия императора Кергана снова бьется в наши стены. Если мы собираемся препираться из-за всяких мелочей, то с тем же успехом можем распахнуть ворота для врага.

Никки взглянула на незнакомца и решила, что ей нравится твердая позиция этого человека. Эльза подалась к ней и шепнула:

— Это Орон, могущественный волшебник и глава гильдии скорняков. Его кандидатуру рассматривали на должность члена палаты волшебников, но властительница не допускала никаких перемен из страха, что новые советники могут свергнуть ее.

— Кажется, лорд Орон — отец Брока, — добавил Бэннон. — Я видел его, когда Амос, Джек и Брок взяли меня на прогулку по городу.

— Надеюсь, он достойнее своего сына, — пробормотала Никки. Брок и его двое товарищей плохо обошлись с Бэнноном, обманув его и отправив в тренировочные ямы.

Хотя Никки не считала себя ответственной за Ильдакар, она ступила в центр синего мраморного пола. Кто-то должен был направить разговор в нужное русло.

— Мы должны начать заседание и приняться за работу. — Она жестом велела одаренным, и даже Лани, занять места за столами.

В многочисленной толпе стояли военные командиры и другие высокопоставленные лица вперемешку с обозленными рабами и рабочими. Верховный капитан Стюарт и двое солдат взяли Тору под стражу и отвели в сторону. Она сохраняла вызывающий вид, несмотря на обвинения и арест. Люди, переговариваясь, слушали рассказ Никки, Натана и Эльзы о движении огромной вражеской армии. Встревоженные торговцы и одаренные дворяне спорили и выражали свое недовольство. Кажется, их больше беспокоили беспорядки в городе.

— Что насчет рабов и причиненного ущерба? — требовательно спросил кто-то из гильдии прядильщиков. — Просто забудем об этом? Кто-то из неуправляемых ублюдков убил дворян, отрубив головы!

Представители низших классов тоже высказались. Ренделл, измазанный сажей после тушения пожара на складе шелка, возвысил голос, чтобы перекричать толпу:

— А как мы можем игнорировать ущерб, нанесенный знатью? Они поколениями вредили нам. Что насчет пролитой ими крови?

— Разве несколько отрубленных голов может сравниться с этим? — спросил Натан. — Искренне сомневаюсь.

— Только глупцы будут продолжать спорить, когда в городские стены стучит вражеское войско, — выходя из себя, сказала Никки. — Сосредоточьтесь на реальной проблеме. Каждый горожанин должен знать, как сражаться с генералом Утросом. Вот, что самое важное.

Темнокожий волшебник Квентин с пепельными волосами прочистил горло. Глубокие морщины на лице лишь подчеркивали его привычную хмурость.

— Когда-то у Ильдакара были более могущественные волшебники, чем сейчас. Повелитель плоти Андре создал трех гигантских воинов Иксакс, которых так и не использовали в бою. Главнокомандующий волшебник Максим разработал и пустил в ход заклинание, обратившее в камень целую армию. Ценой огромного количества жизней волшебники сотворили магию крови, которая укрыла нас саваном вечности.

Деймон встал рядом со своим другом. У Деймона было худое лицо, оливковая кожа и длинные усы, свисавшие по бокам ото рта.

— Если мы и тогда не смогли повергнуть генерала Утроса, какие шансы сейчас?

Когда по залу пронесся ропот, Никки громко произнесла:

— Ильдакар в отчаянном положении, но это не значит, что город слабее, чем раньше. — Она пристально оглядела толпу голубыми глазами. — Я здесь, как и Натан Рал. Мы принесли новые идеи, новую магию и новые способы борьбы.

— И я тоже вернулась, — сказала Лани.

— Но вражеская армия тоже изменилась, — вставил Бэннон. — Это не обычные солдаты. Вспомните пробудившегося Ульриха, который так и остался отчасти каменным. Его было трудно убить. А теперь под стенами тысячи таких. — Он поднял меч, поворачивая из стороны в сторону тусклое лезвие. — Сомневаюсь, что наше оружие будет эффективным против них.

— Мы используем в сражении магию, но для этого нужно восстановить численность палаты, — сказал Орон. — Мы уже потеряли слишком много одаренных.

— И Тору в том числе, — жестким тоном сказала Эльза. — Она была изгнана из палаты и лишена должности.

— И неважно, как сильно вы во мне нуждаетесь? — насмешливый тон Торы напоминал замороженный уксус.

— Неважно, как сильно ты на это надеешься, — сказала Лани. — Раз окаменение больше не работает, предлагаю поместить ее в темницу со сдерживающими рунами, чтобы не вырвалась с помощью магии.

Квентин кивнул. Ему не терпелось перейти к другому вопросу.

— Пока сгодится. Решим судьбу Торы, когда минует кризис.

— Предлагаю включить в палату волшебников Орона, — сказал Деймон. — Его имя уже упоминалось в этом ключе, и он неоднократно доказывал ценность и способности. — Он пригладил усы. — На длинные церемонии времени у нас нет.

— Согласен, — проговорил Квентин. — Нам нужны волшебники и полный состав совета. Он может быть временным советником.

— Согласна, — отозвалась Лани.

Сияющий Орон перекинул через плечо светлую косу.

— Для меня честь служить совету.

— Этого недостаточно, — заявила Эльза. — Нам нужна новая властительница, и нет никого могущественнее Никки. Давайте провозгласим ее новой властительницей Ильдакара.

Голоса стали громче, но Никки перекрычала их:

— Нет! Мы окажем содействие, поскольку тоже заперты здесь, но дальше вам придется справляться самим. Это не мой город, а ваш.

— Это мой город! — сказала Тора. — Неважно, что вы со мной сделаете, я создала Илдакар. Никто не заботился о городе больше меня, и я не увижу его падения.

— Ты вообще ничего не увидишь. — Лани сделала знак верховному капитану Стюарту и его стражникам, чтобы они увели Тору в темницу под башней. Опозоренная и побежденная бывшая властительница деревянной походкой пошла прочь.

Никки была рада, что Максим сбежал из города. Он исчез, возможно, даже схвачен пробудившейся каменной армией. Главное, что он больше не ее забота.

Когда Адесса думала о главнокомандующем волшебнике, ей хотелось держать в руках его голову. Лидер Морасит стремилась к одной цели, которой мог добиться либо очень терпеливый, либо одержимый человек. Все мысли занимало лицо Максима: узкий нос, темная козлиная борода и густые каштановые волосы. Она мечтала провести пальцами по этим волосам и крепко схватить, не обращая внимания на сгустки крови. Ей хотелось смотреть в карие глаза Максима, пока они будут стекленеть, а потом оторвать голову от окровавленных плеч и позволить телу рухнуть на землю. Она высоко поднимет трофей, с обрубка шеи будет капать кровь, а она будет улыбаться, глядя на обмякшее лицо, с которого навеки сотрется напыщенная усмешка.

Адесса была полна решимости выследить и убить волшебника за то, что он сотворил с Ильдакаром. Это была ее миссия, и как лидер Морасит она не могла потерпеть неудачу.

Ночью, во время мятежа, она выбежала из своего любимого города, обутая в боевые сандалии с высокой шнуровкой и одетая в ленты черной кожи на бедрах и груди. Ее обнаженная кожа была закалена боями и испещрена защитными магическими рунами. Она прекрасно знала каждый символ и помнила, как наставница прижимала раскаленное докрасна железо к ее рукам, внутренней поверхности бедер, спине. Каждая руна была даром, полученным через боль, была несравненной защитой от магии. Она вызвала в памяти жар, шипение и дым — иногда наставница держала клеймо дольше необходимого, потому что наслаждалась гримасой на лице Адессы и шипением сжигаемой плоти. Получив первые несколько символов, Адесса научилась не выказывать реакции и игнорировать боль. Это было так давно...

Каждая руна делала ее сильнее, если она была достаточно сильна, чтобы получить ее. Недостойные кандидаты в Морасит, которые хныкали или вздрагивали, были отвергнуты. Некоторых сразу казнили, другим позволяли умереть на боевой арене или, что самое худшее, отправляли в рабство, чтобы они жили в публичном унижении. Большинство из этих падших женщин совершали самоубийство в считанные недели.

Когда Тора лично поручила ей убить Максима, Адесса не стала тратить время на сбор провизии и пожитков. Она промчалась через хаос улиц — мимо диких рабов, опьяненных неожиданной свободой, мимо горящих зданий и вырвавшихся с арены зверей — и выбежала из города, чтобы найти Зерцалоликого и не дать сбежать. Если бы властительница попросила, Адесса сражалась бы против рабов ночь напролет и не считала бы число убитых, ведь кровь предателей ничего не стоит. Но ей поручили принести голову Максима и бросить ее, как дыню, перед властительницей. Если понадобится, Адесса потратит остаток жизни на достижение этой цели.

Быстроногая Адесса бежала в темную ночь за пределами города. Проведя всю жизнь в напряженных тренировках и жестоких битвах, она обрела силу. У нее был заостренный короткий меч, кинжал в ножнах у правого бедра, рукавица с шипами на левой руке и нож-эйджаил, острие которого могло погрузить жертву в мир боли. И это было только очевидное оружие. Адесса сама по себе была настоящим оружием. К тому же, она обладала магией жизни внутри себя, силой растущего ребенка; она впитала плод в свое чрево, забрав жизнь, которую сама и создала. Адесса окажется не по зубам главнокомандующему волшебнику — как только до него доберется.

В царившей за городом темноте Адесса обнаружила следы Максима. Поняв, в каком направлении он пошел, она помчалась по траве к холмам на юге, преследуя его. Максим всегда был надменным и ленивым мужчиной, избалованным могущественным положением. Ее восприятие было усилено магией жизни, и она легко замечала сломанные травинки, примятые сорняки и вонь волшебника. Максим даже не понимал, сколько на нем масел и духов. В окружении городских запахов он не замечал этого, но теперь оставлял за собой стойкий след благовоний, по которому и шла Адесса.

Перед самым рассветом на холмах к югу от города она нашла четкую отметину на склоне. Максим расчистил это место от травы и ножом вырезал на земле сложное заклинание. Адесса смотрела на узор, но не могла узнать запущенную им магию — судя по остаточному покаяванию, очень мощную. Опустившись на колени, она дотронулась до влажных валиков грязи, которые шли вдоль основных линий, и рассмотрела красно-черную жижу на кончиках пальцев. Это была не просто грязь, а смешанная с кровью земля. Не увидев поблизости тела человека или животного, она поняла, что Максим пролил свою кровь, чтобы активировать заклинание. Кровь волшебника обладала значительной силой. Она задумалась, что за магию он использовал.

Морасит настороженно огляделась, прислушиваясь к предрассветным звукам, беспокойному шуму ветра в траве и существам, рыскающим в последний час ночи. Знает ли Максим, что она на него охотится? Может, он задействовал маскирующее заклинание, которое собьет ее со следа? Нет, это заклинание было другим.

Магия Максима ее не беспокоила. Имело значение только одно: она должна выследить и убить его. Она увидела следы: он оставил кровавое заклинание и направился по холмам на юг, вдоль высокого берега реки Киллрейвен. Она поняла, что он идет в болота, которые тянулись на многие мили вниз по течению.

На лице Адессы появилась мрачная решимость. Может, он рассчитывает укрыться там, но она этого не позволит.

* * *

В древние времена Киллрейвен была одной из главных водных артерий Древнего мира. Изначально Ильдакар был речным портом, оживленным центром торговли, в который прибывали баржи из многочисленных горных поселений в верховьях и устье реки, впадавшей в море на юге. Во время войн волшебников три тысячи лет назад и Срединной войны, которая случилась полторы тысячи лет назад, волшебники Ильдакара защищали город, изменяя ландшафт. Вдоль берега они подняли из земли неприступные скалы и выпустили реку из русла, позволив затопить низины и создать непроходимые болота. Давным-давно палата волшебников даже не задумалась о последствиях. Многие процветающие деревни были разрушены и смыты потоком, но Ильдакар обрел защиту от нападений.

Адесса выслеживала Максима уже два дня, идя по чередке холмов, которая постепенно спускалась к реке. Преследуя жертву, она оставила Ильдакар далеко позади. Изнеженный главнокомандующий волшебник держал на удивление быстрый темп.

Адесса вошла в затопленную низменность с искривленными узловатыми деревьями, балансирующими над илистой почвой. Идти по следу стало труднее. Она шла по поросшим травой бугоркам и беспорядочным твердым островкам в лужах. Первое время тропа была хорошо различима, и Морасит видела, где прошел Максим, но вскоре она оказалась перед тысячами вариантов пути: налево или направо, через эту лужу или другую. Она задрожала от радости, когда нашла в грязи глубокий отпечаток ноги: в этом месте Максим оступился.

Побулькивающее болото становилось все более зловещим. Серебристая паутина, растянутая меж веток, была достаточно большой, чтобы поймать жужжащих стрекоз, мохнатых мотыльков и даже мелких птиц. Поджидавшие добычу пауки размером с яблоко напоминали свисавшие с веток черные фрукты. Один паук упал на голое плечо Адессы, и она раздавила его ладонью, разбрызгав гемолимфу и смахнув с кожи острые дергающиеся лапки. Она засомневалась, что волшебник здесь выживет. Если болотный монстр убьет его раньше Адессы, она будет очень зла.

Она продолжала путь, выискивая следы, которые не успело стереть болото. Она потеряла Максима больше чем на день и была вынуждена вернуться по собственным поблекшим следам, ища знак. Адесса осматривала кочки, заглядывала между узловатых корней деревьев, продиралась сквозь плети растений и высокую траву с бритвенно-острыми листьями, шлепала по жиже, выискивая любой намек на то, куда он пошел. Но Максим исчез. Сначала она была уверена в себе, но, часами обходя очевидные маршруты и не находя следов, Адесса начала впадать в отчаяние. Она не может потерпеть неудачу! Она не осмелится вернуться к Торе без отрубленной головы ее мужа. Морасит расширила круг поиска, остановившись для медитации и простерев свое восприятие в поисках следов. Максим был слаб и неопытен, она не могла позволить превзойти ее. Просто не могла.

Лицо Адессы было испачкано грязью, ее короткие темные волосы слиплись от пота. Она прорывалась через заросли, рубя кинжалом паутину. Когда она вывалилась на открытый травянистый участок, то оказалась прямо перед болотным драконом. Вдоль позвоночника шел острый гребень, а вытянутая морда оканчивалась полной клыков пастью, которыми она могла схватить добычу, ломая кости и разрывая плоть. Покрытая броней свирепая рептилия прильнула к земле, подняв голову с разинутой пастью, но глаза с щелями зрачков были тусклыми и окаменевшими. Монстра обратили в камень. Должно быть, создание попыталось атаковать главнокомандующего волшебника Максима, и тот пустил в ход заклинание окаменения. Болотный дракон стал зловещей статуей среди травы и грязи.

Адесса улыбнулась. Она снова шла по верному следу. Это было напоминанием о тварях, с которыми она могла столкнуться на болотах, но она не боялась. Морасит была самым опасным из здешних существ. Адесса простерла свои чувства и снова выбрала направление. Теперь она знала, куда идет. Она продолжала охоту.

Генерал Утрос потерял все, кроме самых примитивных орудий, но у него имелась неиссякаемая рабочая сила, и солдаты полностью посвящали себя службе. Он не собирался терять время. В течение всего дня после пробуждения армия пребывала в замешательстве, но первый командующий Енох послал отряды в холмы. Солдаты рубили деревья острыми боевыми топорами, тесали и перетаскивали бревна на равнину, где изготавливали строительный брус. Приложив немалые усилия, мужчины возвели дюжину строений для командования, самым большим из которых стал штаб генерала и колдуний. Здания были с крепкими стенами из бревен, скрепленных глинистым раствором; крыши были покрыты слоем тонких веток и пучков длинной травы.

Хотя пробудившиеся солдаты по-прежнему находились в состоянии странного оцепенения и были невосприимчивы к холоду, наступившему ночью, Утрос настоял на обустройстве лагеря, в котором будет как можно больше привычных атрибутов, пусть даже и символических — его бойцам нужно было ухватиться за что-то знакомое.

Расположенный в центре равнины штаб командования представлял собой прямоугольное строение с высокой крышей. Дневной свет проникал через открытые окна, а еще внутри стояли две жаровни, в которых горел огонь. Грубое здание было не таким комфортным, как его прежний роскошно обставленный командный шатер, но в ходе завоеваний для Железного Клыка генерал Утрос прошел немало пустошей и был привычен к аскетизму. Его вполне все устраивало.

Сейчас он сидел внутри, вдыхая дым от жаровен и греясь в оранжево-красном свечении углей, смешанных с пряными травами. Из тесаных бревен солдаты смастерили скамьи и длинный грубый стол, за которым Утрос мог собрать военный совет, но пока у него не было ни карт, ни бумаги, ни чернил — ни даже свежей одежды. Он надеялся, что его разведывательные отряды в скором времени найдут отдаленные поселения, где смогут раздобыть основные припасы.

Утрос сидел на крепкой скамье во главе длинного стола, упорядочивая мысли об Ильдакаре, о своей армии и этой войне. Ава и Рува были рядом — такие близкие и манящие, с гладкой как мрамор кожей. Много раз он наблюдал, как обнаженные сестры, стоя в темном укрытии, выскребали острыми как бритва ножами каждый дюйм своей кожи. Единственным, что портило их безупречные тела, был уродливый шрам на внешней стороне бедра. Он располагался зеркально в том месте, где их тела были сросшимися при рождении.

Завитки краски на их коже выцвели и облупились, но ни одна из женщин не выглядела слабой. Они были терпеливы и сильны. Они полагали, что Утрос даст им необходимое, как только сможет.

И он намеревался это сделать.

Передовые отряды продолжали бить по неприступным стенам Ильдакара, демонстрируя мощь. Будь у них достаточно времени и людей, крепкие кулаки действительно могли бы пробить толщу камня. Крошечный желудь, проросший в трещине, способен расколоть валун.

С высоких стен защитники Ильдакара кидали в солдат снаряды: камни, кирпичи, ночные горшки. Они выливали на бойцов горящее масло, которое липло к ним и вынуждало с криками убегать прочь. Но летящие предметы почти не вредили твердотелым солдатам, и потери в их численности были ничтожно малы. Пылающее масло обжигало солдат и их

доспехи, но Утрос повидал немало обожженных людей и видел, что огонь почти не повреждает твердую плоть. Пусть его огромная армия теперь была не совсем человеческой, но плотная кожа делала воинов почти неуязвимыми. Как командующий он мог использовать этот фактор.

Час за часом в штабе появлялись лейтенанты, передававшие донесения по военному уставу, как их учили. Офицеры докладывали о расположении войск и состоянии пробудившегося лагеря. Утрос впитывал информацию, запоминая сообщения, поскольку у него не было бумаги для заметок. Колдуньи тоже внимательно слушали.

Многочисленная армия шествовала по Древнему миру, пересекая крутые горы и ежедневно преодолевая многие мили в быстром темпе, и потому все умели организовывать огромные лагеря по пути.

Сейчас возле дальнего от Утроса конца стола стоял один из старших лейтенантов. Ава и Рува сверлили его напряженными взглядами, точно два стервятника, ожидающие смерти подымающей лошади. Вымуштрованный лейтенант игнорировал колдуний, сосредоточив свое внимание на генерале.

— Мы обустроиваем лагерь, сэр. В долине нет следов, которые наша армия оставила на пути к Ильдакару и при его осаде, пока мы не превратились в камень. Я отправил сотню отрядов на обычные работы: выкапывание мусорных траншей, расчистку мест под палатки, хотя у нас нет палаток или одеял. Они роют отхожие места, чтобы их хватало на всех — тысячи ям. — Он отвернулся, и его бледное суровое лицо приобрело хмурое выражение.

Утрос облокотился о грубую поверхность стола.

— В чем проблема, лейтенант? Докладывай.

В вопросах, касающихся естественных потребностей сотен тысяч солдат, не было ничего постыдного. Без должной санитарии гигантский лагерь превратится в выгребную яму, где распространяются болезни вроде дизентерии и чумы. Утрос знал, что такие изнурительные заболевания убивают большее количество солдат, чем вражеский меч.

— Лопаты у вас есть. Достаточно ли места, чтобы копать ямы?

— С отхожими местами закончено, генерал, но...

Ава и Рува уставились на мужчину. Нетерпение Утроса росло.

— Говори! Я сталкивался со многими врагами и их огромными армиями. Какая может быть проблема с отхожими ямами?

— Они оказались не нужны, сэр, — признался лейтенант.

— В каком смысле? — Утрос сдвинул свои широкие брови.

— До сих пор никому... они не понадобились, сэр. Солдаты не...

— Они ходят в кусты? — требовательно спросил Утрос.

— Я спрашивал, сэр, но никто не сказал, что чувствует позывы. Признаюсь, я и сам не... ну, понимаете, не хотел даже помочиться.

Утросу пришлось заниматься многими важными вопросами, но этот даже никогда не приходил в голову. Собираясь прорычать следующий вопрос, он понял, что за последние полтора дня и сам ни разу не чувствовал потребности облегчиться.

Это натолкнуло его на следующую мысль. Отряды соорудили искусственные водоемы, куда доставляли воду из ручьев со всей долины. В командном штабе было вдоволь воды, но Утрос не мог вспомнить, хотелось ли ему пить.

— Мы провели в окаменении неизвестно сколько времени, ничего не ели и не пили. Наши тела не чувствуют такой потребности.

Раздался стук в дверь — пришел кто-то еще. Утрос повернулся к ответственному за уборные, который стал отступать к двери.

— Это всего лишь наблюдение, сэр, — сказал лейтенант. — Я решил, что вам следует об этом знать.

— Верно подмечено. Спасибо.

Следующие посетители вызвали у Утроса тошноту. Он видел кровавую жестокость в многочисленных битвах, был свидетелем ужасных ран и мук, но в этот раз все было гораздо хуже. Ава и Рува, сидевшие на боковой скамье, вскочили на ноги. Даже командир подразделения, который привел в штаб четырех солдат, выглядел так, словно его мутило. Свет жаровен и косые лучи дневного света из окон осветили обезображенные лица двух слепых, еле стоявших на ногах солдат. Они еще были в доспехах, но лица их походили на пережеванное сырое мясо. Носы воинов отсутствовали, глаза были выдавлены. У одного не доставало уха. Зубы их были выбиты, и из десен, будто горшечные осколки, торчали неровные обрубки. Дыхание солдат походило на влажный хрип, исходивший из неровных ротовых отверстий.

У третьего мужчины отсутствовала рука по локоть, и с неровной окровавленной культи, хотя и перетянутой кожаным ремнем, на пол капала кровь. У четвертого была изуродована промежность, словно кто-то тупым топором раздробил пах, лишив половых органов и изранив внутреннюю сторону бедер. Жертвы стонали от ужасных страданий, которые причиняли увечья неизвестного происхождения.

— Нашлись десятки подобных, генерал, — сказал командир подразделения. — Они живы и в сознании, но сильно изуродованы. Я не понимаю, как так вышло. Это злонамеренный, бессмысленный вред.

Утрос старался не выказывать отвращения. В его мыслях проносились различные варианты, пока он, наконец, не понял:

— Их атаковали, пока они были каменными и не могли ответить. Какой-то жестокий человек нанес им ужасные повреждения.

Генерал вспомнил, как его армия проходила по завоеванным городам, грабя их, снося здания, сжигая храмы и уничтожая статуи, потому что генерал Утрос не признавал никакого бога кроме императора Кергана. Да, Владетель властвовал в подземном мире, за завесой, но в мире живых должны были почитать и бояться только Железного Клыка. Если солдаты-завоеватели находили статуи правителей, то били по их лицам до тех пор, пока те не превращались в обломки камня.

Увидев ужасные раны солдат, сломанные руки, злостно изуродованную промежность, он понял, что кто-то надругался над неподвижными фигурами его окаменевшей армии. Только это были не просто статуи, а настоящие, верные ему люди, и Утрос пришел в ярость.

— За это мы тоже отомстим, когда прорвемся в Ильдакар, — заявил он. — Позаботься о бедолагах как сможешь. — Он не был уверен, слышат ли его стонавшие от боли жертвы. — Вы уже заплатили невероятную цену, за что я бесконечно благодарен. Клянусь, Ильдакар заплатит гораздо больше.

После их ухода Утросу потребовалось немного времени, чтобы прийти в себя. Он с облегчением поднял взгляд, когда вошел первый командующий Енох, на грубом лице которого отражалось удовлетворение. На покрытом шрамами лице Утроса появилась кривая улыбка.

— Енох, надеюсь, ты принес хорошие известия. Я уже достаточно наслушался о

выгребных ямах, палатках и изувеченных солдатах.

Енох выглядел довольным.

— Да, генерал. У нас наконец-то есть некоторые ответы.

Трое солдат в доспехах втащили двух пленников, мужчину и женщину среднего возраста, сторбленных от многих лет тяжелого труда. Одежда на пленниках была сшита из лоскутов кожи, шерсти и меха. Парочка жалась друг к другу, но солдаты втолкнули их в полумрак комнаты. Женщина оступилась, и мужчина подхватил ее под руку, удержав спутницу на ногах. Они дрожали, стоя перед столом.

Первый командующий шагнул влево:

— Разведчики нашли лагерь этих двоих на горном лугу. Это скотоводы, они держат пятьдесят созданий, называемых яксенами.

— Да, сэр, — произнес пленник приветливым и услужливым тоном. — Мы погонщики яксенов, простые люди. Мы пасем животных и отводим на продажу в Ильдакар или в горные поселения.

Утрос был рад, что нашлись реальные свидетели, которые не пребывали в состоянии камня долгие годы.

— Значит, у вас есть жизненно важная для нас информация. Вам должно быть ведомо, что происходит в мире.

Ава и Рува скользнули вперед в хищном молчании, сверля взглядами дрожащих мужчину и женщину.

— Мы захватили и их скот, сэр, — доложил Енох. — Разведчики гонят их в лагерь, так что у нас будет немного съестных припасов. Возможно, их мяса будет достаточно для наших офицеров.

— Отличная мысль, первый командующий. — Утрос переплел пальцы рук, склонившись над столом. Он говорил спокойным голосом, надеясь, что пленников не придется принуждать: — Расскажите об окружающих нас землях. Где находятся ближайшие селения и города помимо Ильдакара? Кто их правители?

— Милорд, мы простые погонщики яксенов! — ответил мужчина. — Мы ничего не знаем.

Утрос добавил резкости в свой голос:

— Можешь обращаться ко мне «сэр», а не «милорд». Я служу императору Кергану и сам решу, много ли вы знаете.

— Император Керган? — проямлила женщина. — Но, милорд... то есть, сэр... он мертв уже целую вечность. Он...

Утрос грохнул кулаком по столу, уже сомневаясь, что хочет ее слушать.

— Как ваши имена? Давайте начнем с несложной информации.

— Меня звать Бойл. — Мужчина дотронулся до руки женщины: — Это Ирма, моя жена. Мы всю жизнь пасли яксенов. Двое наших детей выросли и теперь живут в горном городке на севере.

— Как он называется? — спросил Утрос.

— Городок? Так ведь... Стравера, мил... сэр, — ответил Бойл. — Стравера. Это ближайший крупный город.

Ирма прочистила горло:

— За столетия после исчезновения Ильдакара многие селения разрослись, но теперь, когда город вернулся, мы сможем продавать яксенов и там.

— В каком смысле «вернулся»? — нахмурился Утрос.

— Ну, весь город исчез на многие века, сэр, скрылся под саваном вечности, — сказала Ирма. — А ваша армия... сэр, она превратилась в камень. Тысячи и тысячи статуй. Они стоят тут всю мою жизнь, и еще многие поколения до этого. Легенды рассказывают, откуда вы пришли, но мы никогда не были в них уверены.

— Летом мы отгоняли наши стада на верховые пастбища, — подхватил Бойл, — а с приближением холодов спускались на равнину. Год за годом мы разбивали лагерь среди каменных солдат. Кажется, я даже видел одного, похожего на вас, сэр, и... на этих леди. — Он взглянул на Аву и Руву.

— Расскажите мне эти легенды. Как мы превратились в статуи?

— Да ведь все их знают, сэр, — недоуменно сказал Бойл.

Сестры задрожали, будто змеи, готовящиеся к атаке.

— Знай мы их, не стали бы спрашивать. Говори! — прикрикнул Утрос.

— Было вот как, сэр: когда армия генерала Утроста пришла осадить город, волшебники Ильдакара наслали могущественное заклинание и превратили их всех в камень, — начала Ирма.

— Ну а после, — продолжил Бойл, — волшебники, которые знали, что Ильдакар всегда будет мишенью для чужаков, применили магию снова и стерли весь город с лица земли на тысячу лет. Лет двадцать назад эта магия исчезла. Город вновь появился, и мы начали продавать там мясо и шкуры.

— Так почему армия пробудилась лишь вчера? — спросил Утрос.

Бойл и Ирма растерялись. Они открывали и закрывали рты, не произнося ни слова. Они переглянулись, и Утрос заметил промелькнувшее чувство взаимной тревоги и заботы друг о друге. Это было оружие, которое он мог использовать.

— Мы были в холмах. Мы даже не знали, что вы пробудились, пока солдаты не схватили нас. Прежде тут всегда были лишь статуи, — сказал Бойл. — Это все.

Генерал и не ждал, что эти двое подробно расскажут ему о магии.

— Скажите, как найти Страверу, и опишите другие города в этой местности. Вы должны знать их расположение, вы же пастухи.

— Мы знаем о нескольких, — сказала Ирма, — но я ни разу в жизни не была дальше Страверы или Ильдакара.

— Двое наших сыновей живут в Стравере, — вторил Бойл. — Зачем нам идти куда-то дальше? Пастбища для яксенов есть и здесь.

Утрос не думал, что они лгут, но на всякий случай задал немало вопросов, выпытывая все новые подробности. Зная об их слабостях, он велел Еноху сломать Ирме оба мизинца, и сухой хруст потонул в пронзительном крике боли. Бойл что-то лепетал и повторял одно и то же, но угроза переломать жене остальные пальцы заставила припомнить названия еще четырех горных и приречных поселений, в которых он никогда не бывал, но о которых слышал.

— Благодарю, — наконец сказал генерал, глядя на рыдающую старуху и бледного измученного старика. — Вы очень помогли. — Он повернулся к колдуньям: — Думаете, они сообщили все, что знают?

— Все, милорд! — возопила Ирма.

— Уверяю вас, генерал! Клянусь! — настаивал Бойл.

— Очень хорошо. Я вам верю. — Он кивнул, и Ава с Рувой скользнули к двум

перепуганным пастухам.

— Мы можем... мы теперь можем идти? — запинаясь, произнес Бойл. — Как пленники мы бесполезны. Никто не заплатит выкуп.

— Мы никто, — настаивала Ирма, поднимая искалеченные руки с безвольными сломанными пальцами.

Колдуньи странными жестами поглаживали воздух около несчастных, кружа вокруг двух хнычущих пленников, будто голодные волки.

— Вы дали все, что могли, — сказала Ава успокаивающим голосом. — Вам больше не нужно занимать место в этом мире.

Рува наклонилась ближе, направляя свой дар. Между близняшками была связь, их жесты были идеально симметричными и синхронными.

— А теперь сложитесь, чтобы мы могли вас убрать.

Бойл и Ирма извивались и дергались, не понимая, что происходит. Руки вопреки их воле поднялись и прижались к груди. Несчастные склонились в талии под невероятным углом, пока позвонки не треснули, словно хрупкие ветки. Бойл кричал, согнув ноги в коленях, а затем сложился еще раз в середине бедра. Плечи трещали и хрустели, деформируясь, будто увядающий цветок. Ирма рядом с ним продолжала складываться снова и снова.

Две человеческие фигуры, будто старые одеяла, были смяты, затем сложены вновь и вновь во все меньший и меньший сверток. Наконец шеи переломились, и крики прекратились, но щелчки и треск костей продолжались, пока эти двое складывались в прессованные тюки плотной, капающей плоти на полу генеральского штаба. Весь процесс занял несколько шумных минут.

— Можете от них избавиться, — велел Утрос Еноху. — Позовите меня, когда приведут стадо яксенов. Сегодня состоится наш первый после пробуждения пир.

* * *

Все пятьдесят косматых животных были забиты у границы лагеря. Поскольку новых запасов могло и не быть, мясники постарались сохранить всю кровь, потроха, кости и шкуры — все, что могло пригодиться. Шкуры можно было использовать как одеяла или для сооружения палаток, из высушенных сухожилий изготовить веревки, из кишок — тетивы, а из остального сварить в больших чанах похлебку.

Мясо жарилось на огромных лагерных кострах. Его было недостаточно, чтобы накормить тысячи солдат, но Утрос распределил пищу среди высшего командирского состава и их лейтенантов. Пятьдесят яксенов дали достаточно мяса, чтобы накормить больше тысячи человек, если его распределить с умом. Утрос принял решение выделить себе не больше, чем другим.

Он стоял перед костром, вдыхая аромат жарящихся ляжек на кости. Мясной сок капал на угли. Командующие проталкивались вперед, чтобы их обслужили. Из-за напряженной обстановки, неразберихи и множества забот Утрос более чем на день отогнал все мысли о еде, но знал, что следует поесть. Он взял небольшую порцию свежего мяса и убедился, что Ава и Рува тоже обеспечены едой.

Ощущая жар большого костра даже своими притупленными чувствами, он стоял рядом с близняшками и первым командующим Енохом. Все откусили дымящееся мясо, но еда на вкус казалась странной и будто свинцовой. Утрос любил недожаренное мясо, источающее сок, и много раз ел дичь, приготовленную на костре, но сейчас к горлу подступила тошнота. Когда он попытался проглотить кусок, тело взбунтовалось. Он не хотел есть, не чувствовал

вкуса мяса. Утрос почувствовал отвращение и увидел, что остальные отреагировали так же. Один даже выплюнул мясо, выглядя смущенным и растерянным.

— Может, лучше отдать мою долю кому-нибудь из солдат, генерал? — сказал Енох. — Я... не голоден.

Утрос осознал, что и он тоже. Не на шутку сбитый с толку генерал огляделся и увидел, что никто ничего не ест. Все забитые яксены пропали впустую. В голове крутилось все больше деталей, пока он пытался расставить все на свои места, но ничто не имело смысла. Он помнил, что никто не пил воду, никто не пользовался отхожими местами. Многие припасы остались нетронутыми, несмотря на то, что они были доступны солдатам. Тело его не нуждалось в питании. Заклинание окаменения сохраняло его на протяжении столетий и даже сейчас не полностью отпустило. Он уставился на Ильдакар, когда его осенило. Утрос бросил мясо на землю, не чувствуя ничего. Остальные встревожились, придя к тому же выводу.

Утрос улыбнулся, поняв, что на них лежит великое благословение. Возможно, ему вовсе не придется кормить гигантскую армию.

Бэннону стало не по себе, когда они с Лилой вернулись в тренировочные ямы у боевой арены. Об этом месте у него остались только плохие воспоминания, но именно здесь пожелали собраться сотни закаленных воинов. Они чувствовали себя как дома там, где учились сражаться на потребу ильдакарцев. Теперь придется защищать город, который их поработил. Каждый видел огромное войско у стен.

Бэннон отдохнул после ночи восстания, но так и не смог расслабиться. Город был осажден, и ему тоже придется сражаться за Ильдакар, который он и не мечтал называть своим городом. Пробудившаяся каменная армия заполонила долину и уже три дня билась в стены Ильдакара, хотя и без особого успеха. Генерал Утрос не выдвинул никакого ультиматума, но город должен быть наготове.

Лила держалась рядом с ним, хотя он и не понимал, зачем она стоит так близко. Он не мог забыть, как она много раз его запугивала, бросала вызов, ставила на поверженного Бэннона ногу во время изнурительных болезненных тренировок, когда готовила к сражению с отчаянными воинами или голодными зверями. Теперь Лила считала его своим другом — или особым подопечным — хотя он не просил ее составить ему компанию.

На тренировки Лила созвала более двух дюжин выживших Морасит, чтобы они подготовили воинов к более жестоким битвам. Эти суровые женщины словно состояли из тугих пружин, твердой кожи и острых граней. Морасит служили городу без вопросов и колебаний и не признавали, что их роль изменилась после восстания. Ильдакар по-прежнему был Ильдакаром. Хотя воинов арены было в десять раз больше, чем Морасит, они проявляли к женщинам явное уважение.

Бойцы вернулись в тренировочные ямы, чтобы вооружиться. Многие, в том числе и Бэннон, помогли делу Зерцалоликого во время кровавого восстания, но теперь город осадила древняя армия, и противоборствующие стороны с трудом пришли к шаткому перемирию. Угнетенные рабы испытывали многовековую неприязнь к бывшим хозяевам, но большинство этих воинов признавали общего врага. Как только они победят генерала Утроса, то продолжат спорить и перекраивать правительство — если кто-то выживет. Бэннон надеялся к тому времени покинуть Ильдакар.

В туннелях возле арены было много искусственных пещер, превращенных в боевые ринги, тренировочные площадки и ямы, где бойцы могли биться друг с другом. Бэннон много раз дрался там с Лилой, а один раз даже с плененной пумой Мрра.

После начала осады бойцы собрались здесь будто для привычной тренировки, хотя и понимали, насколько серьезна ситуация. Выжившие были мускулистыми, покрытыми шрамами людьми с твердым взглядом. Многие были одеты только в набедренные повязки, хотя у некоторых были кожаные нагрудники. Они выбирали заостренные посохи, квадратные палицы, изогнутые багры, короткие мечи — как будто с оружием чувствовали себя комфортнее.

Лила стояла в освещенной факелами пещере, держа в одной руке кнут, а в другой — короткий меч. У бедра висел нож-эйджаил, на небольшой рукояти которого были выгравированы магические руны. Маленький острый клинок мог причинить невероятную боль. Бэннон не раз испытал на себе это жало, когда Лила хотела контролировать его, наказать или заставить сражаться жестче. Теперь она словно забыла, как обращалась с ним.

Ли́ла обвела собравшихся воинов твердым взглядом. Остальные Морасит стояли на своих местах, прекрасные и смертоносные. Бэннон видел, как они тренируют бойцов, и знал несколько имен — Ке́дра, Лайес, Марла, Торн, Дженда, Райси — но никто из них не уделял ему «особого» внимания, как Ли́ла.

— Пока мы ждем следующего хода генерала Утроса, сделаем из вас лучших бойцов. Мы должны подготовить вас к войне, — сказала Ли́ла, взявшая на себя роль лидера. — Адесса ушла. Кто-то видел, как она покинула Ильдакар в ночь восстания — возможно, у нее особое личное задание. Раз ее здесь нет, она больше не наша забота. Я и мои сестры продолжим закалять вас. Ради Ильдакара.

— Мы тренируемся не ради того, чтобы сражаться на потеху одаренной знати, — сказал Бэннон. — Никто из нас. Я хочу, чтобы все это понимали. — Он посмотрел на бойцов. — Но мы должны быть готовы биться против армии снаружи. Вот кто наш настоящий враг.

— Конечно, мальчик, — усмехнулась Ли́ла. — Считаешь, сражаться с древними солдатами будет проще, чем на арене? Не смейся. Битва насмерть — это битва насмерть, неважно, на песке арены или на поле боя. Станьте достаточно умелыми, чтобы выжить.

Остальные Морасит расправили плечи и подняли оружие, готовые встретиться с превосходящим по численности противником.

— Сегодня мы с сестрами сделаем все возможное, чтобы научить вас выжить в настоящей войне, — продолжила Ли́ла. — Те немногие, кто погибнет почти сразу, не принесут пользы нашему городу. — Она посмотрела на Бэннона, пока остальные бойцы нервно переминались с ноги на ногу. — Я хочу, чтобы ты выжил, мальчишка, и буду крайне разочарована, если ты позволишь убить себя слишком быстро.

— Я тоже, — ответил Бэннон безо всякого намека на юмор.

Он поднял Крепыша и взмахнул, разминая руку. Он вырос на ферме и работал на капустных полях. Он был сыном озлобленного человека, который слишком много пил и не мог контролировать склонность к насилию. Отец избивал Бэннона, но больше всего доставалось матери. В конечном итоге отец избил ее до смерти, и все потому, что Бэннона не было рядом, чтобы остановить мерзавца. Отца повесили за преступления, но Бэннон не получил от этого удовлетворения.

Чувствуя в себе тьму, он напряг мускулы и сжал рукоять меча. Его не волновала судьба холодной Морасит или других бойцов, которые сражались на арене, потому что такова была их работа. Гнев усилился, когда он подумал о том, как сильно хотел убить отца, как не смог спасти мать. Присев, он рубанул клинком воздух, позволяя жестокости вскипать внутри, но не позволяя перерасти в неконтролируемую ярость.

Иногда в пылу битвы Бэннон впадал в кровавую ярость и забывал, кем он был, просто сражался и убивал, а потом долго не мог прийти в себя. Теперь он держал гнев под контролем, воображая, что стоит перед огромным древним войском за стенами.

Он не знал, как они отобьют осаждающих, даже если усилят городскую стражу сотнями воинов арены. Клинок лязгнул по его мечу, вытолкнув Бэннона из задумчивости, и он крутанулся, инстинктивно поднимая Крепыша в защитную позицию. Ли́ла нанесла мощный удар коротким мечом, намеренно поймав конец его меча, чтобы не ранить Бэннона. Юноша отшатнулся и присел в оборонительной стойке.

— Я не был готов.

Она рассмеялась:

— Думаешь, Утрос вежливо предупредит, когда решит напасть? — Она атаковала снова,

дополнив удар взмахом хлыста.

Теперь Бэннон не позволил себе отвлекаться. Он парировал атаку, заблокировав ее меч, и поднырнул под змеиный кнут. Освещенная факелами тренировочная пещера была большой, и в ней хватало места для битвы. Лила и Бэннон сражались возле одной из ям, которая была пять футов в глубину. Дно было посыпано песком и пеплом, который впитывал пролитую кровь.

— Мы должны дать остальным место для битвы, мальчик, — сказала она, а потом крикнула: — Всем сражаться с моими боевыми сестрами! Сражайтесь друг с другом, бейтесь за жизнь, потому что ваше выживание может зависеть от того, чему вы научитесь у нас и друг у друга. Кедра! Торн! Лайес! Выберите противников.

Пока остальные Морасит выбирали оппонентов, Бэннон посмотрел на гладкую стену ямы.

— Я не думаю...

Лила врезалась в него плечом, толкнув назад. Он споткнулся, пытаясь восстановить равновесие, но она нырнула к нему и толкнула за край. Они оба жестко приземлились на мягкий песок. Девушка сидела на его груди, прижимая к земле.

Он сбросил ее и встал в боевую стойку. Лила перекатилась, смеясь.

— Ты должен постараться, мальчишка, если хочешь, чтобы вечером я тебя наградила.

— Это не награда. — Он думал о том, как она требовала его тела, давая лишь намек на нежность и голодную похоть — его тело не могло на это не реагировать. — Теперь я свободен. Я не твоя зверушка. Я не пленник.

— Свобода делает тебя упрямым и разочаровывающим, — парировала она. — Мне не нравится, когда меня разочаровывают.

Она обрушила на него шквал ударов меча и кнута. Бэннон сосредоточился на отражении атак. Наверху, на основном тренировочном поле, Дженда, Райси, Марла и другие Морасит сосредоточились на схватке с выбранными противниками. Крики и возгласы отражались от грубых каменных стен и уходили в туннели. Для Бэннона они звучали, как настоящая битва, но он знал, что это всего лишь тренировка. Хотя Морасит были безжалостны к ученикам, он понимал, что все они преследуют одну цель — защитить Ильдакар.

— Пресвятая Мать морей, — выдохнул он, когда Лила снова набросилась.

Он стал двигаться быстрее, заставив ее отступить, и нанес звонкий удар, от которого ее короткий меч завибрировал. Она ударила кнутом, пытаясь поймать его, но близкая дистанция делала длинный кнут неэффективным. Он протянул руку, схватил переплетенную кожу хлыста и с силой дернул, заставив Морасит налететь на него. Он отпустил кнут и молниеносным движением вцепился в ее запястье, подтягивая Лилу к себе.

Она прижала свое лицо к его, улыбаясь.

— Так ты хочешь меня сейчас? Пытаешься взять прямо здесь, на песке? Эта мысль будоражит! Может, я даже позволю. Ты сегодня хорошо поработал.

Он оттолкнул ее:

— Ты мучила меня. Билась со мной. Как ты можешь думать, что мы станем просто любовниками?

Кажется, она смутилась.

— Я тренировала тебя, как мне и велели. Учила необходимым навыкам и сделала лучшим бойцом, чем ты был. Я спасла твою жизнь, ну или как минимум продлила. Как ты смеешь обижаться?

Он чувствовал лишь раздражение.

— Я обижаюсь на то, что ты держала меня взаперти, вынуждала сражаться. Я никогда не был частью Ильдакара. Я просто хотел спасти Яна. Он был моим другом, но вы изменили его и заставили забыть о прошлой жизни.

— Он был чемпионом, — недоумевала Лила. — Мы уважали его, а Адесса даже сделала его своим любовником. Может, она даже зачала от него ребенка. Чего еще может желать мужчина?

— Чего? — Бэннон сплюнул на песок. Он отошел, держа меч поднятым перед собой. — Я хотел сам делать выбор. Я не хотел оказаться на боевой арене. Не хотел, чтобы ты меня тренировала.

Она посмотрела на его меч, мускулистые руки, поджарое жилистое тело.

— И все же ты должен быть благодарен. На что обижаешься?

Они оба тяжело дышали и обливались потом. Он знал, что хорошо бился. Лила парировала удары и наступала, и ему приходилось отходить. Не хватало совсем чуть-чуть, чтобы поставить ее в безвыходное положение. Но теперь она отступила, обеспокоенная его реакцией.

— Ты кажешься мне странным, мальчишка. Я такая, какая есть. Я выполняла приказ. Чего еще ты от меня хочешь? Когда-нибудь ты оценишь по достоинству то, что я тебе дала.

Он был благодарен Натану Ралу за уроки фехтования. Он изучил основы боя на палубе «Бегущего по волнам». До этого он просто размахивал мечом из стороны в сторону, пытаясь подобраться достаточно близко, чтобы проткнуть беспечного врага, но Натан показал технику и приемы. Впрочем, Лила и правда превратила его в настоящего воина. Он был вынужден драться один на один с Яном, бывшим лучшим другом, который стал кровожадным убийцей с холодным стальным взглядом. Чемпион бился далеко не в полную силу, в то время как Бэннон был вынужден использовать все умения, чтобы выжить в бою, и ему едва удалось. Ян ударил его по голове плоской стороной палицы, оглушив, а не убив. Бэннон был уверен, что друг поступил так нарочно, но если бы он позволил себе ослабить оборону хоть на долю секунды, то был бы мертв. В этом он не сомневался.

— Я не смогу забыть то, что ты для меня сделала, — сказал он. — Прости, Лила. Я знаю, кто ты. Я не могу винить гадюку за то, что она меня укусила, но ее яд все равно причиняет боль.

Она хохотнула.

— Теперь ты сравниваешь меня с гадюкой? Я надеялась на что-то более романтическое. — Она сузила глаза и заговорила жестким тоном: — Мальчишка...

— Меня зовут Бэннон. Пока ты не считаешь меня личностью, я не могу думать о тебе как не о гадюке.

Она снова засмеялась.

— Как пожелаешь, Бэннон. Буду вспоминать об имени время от времени, когда заслужишь. Но пойми: я и мои сестры Морасит всегда сражались во благо Ильдакара, и это осталось неизменным. У каждого в городе один и тот же враг, и только глупец будет злопамятным в такой ситуации. Сражайся с армией Утроса, а не со мной. — Она понизила голос: — И тогда поймешь, что мы оба заслуживаем награды.

Бэннон обдумывал ее слова, опасаясь, что она воспользуется моментом и нападет. Он знал, что она права.

— Ладно, забуду о своей обиде на тебя и Морасит. На время.

Она улыбнулась. Искренняя улыбка делала ее довольно красивой.

Морасит и боевые арены были неотъемлемой частью ильдакарского общества, которое столетиями пряталось под саваном. Лила не была злой, хотя иногда создавалось такое впечатление. У нее не было эмоциональной привязанности, она просто выполняла свою работу. Когда она «награждала» его своим телом, то ожидала, что он получит такое удовольствие, как и она сама. В эти вечера Лила обхватывала его с неистовой энергией — не из желания продемонстрировать силу, а как женщина мужчину. Учитывая, сколько ударов она на него обрушивала, награда была не совсем неприятной.

— Все здесь должны забыть об обидах, как ты и сказала. И мы должны стать смертоносными воинами.

Он опустил острие Крепыша на песок, показывая, что тренировка окончена. В других тренировочных ямах продолжались бои. Лила растерла свои руки, дотронувшись до большого места, куда он ударил плоскостью клинка. Бэннон рассматривал ее подтянутую фигуру, жесткие мышцы и отметки заклинаний на коже. Она была прекрасным диким созданием. Никаких обид...

Он снова подумал о Яне с острова Кирия — невинном парне, которого захватили норукайские работорговцы. Ян пожертвовал собой, чтобы Бэннон мог убежать. Бэннон смотрел, как отвратительные налетчики избивают его дорогого друга до потери сознания. Они связали Яна и уплыли, а потом продали на рынке рабов Ильдакара.

Больше всего Бэннон ненавидел норукайских налетчиков. Возможно, он мог найти способ простить или хотя бы проигнорировать то, что сделали Морасит. Возможно, эти женщины смогут искупить прошлое, если спасут город от осады.

Но Бэннон никогда не сможет ни забыть, ни простить норукайцев. Эту обиду он будет нести в себе до самого конца.

Волны били о черные скалы, словно змеиный бог был сердит или неспокоен, но норукайцы были привычны к штормам и высоким волнам. Суровые воды и коварные протоки между островами подогревали кровь норукайцев и закаляли их.

Воздух в огромном бастионе короля Скорбь, возвышающемся над центральным норукайским островом, был влажным и холодным. Непрístupные квадратные стены, сложенные из идеально подогнанных черных камней, казались даже более устрашающими, чем остроконечные рифы, выступающие из пенящегося прибоя.

В покоем на пещеру очаге тронного зала ревел огонь, поленья для которого доставляли корабли-лесовозы, прочесывающие побережье. Норукайцев боялись как налетчиков, разрушителей, работорговцев, но на их скалистых островах древесина была ценностью, сравнимой с золотом; к тому же, поленья доставляли меньше проблем, чем непокорные пленники. В тронном зале непрерывно горел большой огонь, отгоняя неизменный сырой холод.

Король Скорбь был одет в безрукавку из кожи волчьей акулы, которую он сам поборол, затащил на скалы и выпотрошил, пока та была еще жива. Его бицепсы были огромными из-за тяжелой работы и убийств. Норукайский король должен быть сильнее своих людей, и Скорбь часто демонстрировал это, хотя и трудно было заставить кого-либо сражаться с ним — любой соперник знал, что умрет.

Он сжал кулаки, сидя на троне из каменных глыб и уставившись на яркий жаркий огонь. В его костяшки пальцев были вживлены изогнутые железные пластинки. Одним ударом он мог сокрушить противнику череп и повалить, как оглушенную рыбу-меч. Королю нравилось так делать, хотя тогда поединок заканчивался слишком быстро.

Завывающий ветер пытался пробиться внутрь бастиона. Бриз скребся в укрепленное стекло, дребезжа оконными рамами. Даже с закрытыми ставнями король слышал шум прибоя. Все ровные участки острова были застроены каменными зданиями, пытавшимися укрыться от непрерывного ветра. Несмотря на идущий дождь, люди занимались повседневными делами. Женщины высаживали травы и суккуленты в скальные трещины, используя каждый клочок плодородной земли. Пастухи пасли коз среди мхов и лишайников. Рыбаки, бросившие вызов волнам, возвращались с уловом. Король будет ужинать свежей рыбой, как и каждый вечер, а большая часть улова пойдет на засолку, консервацию или будет смешана с капустой и уксусом и помещена под пресс в чанах, где заквасится во время худшего периода сезона штормов.

В узкой гавани, защищенной высокими утесами, стояли доки из дерева и железа, к которым причаливали большие змеиные корабли с добычей после набегов. Норукайский народ не настолько слаб, чтобы беспокоиться о погоде, а это всего лишь небольшой шторм.

Прислушиваясь к ветру и думая о войне, король Скорбь слышал звон железных колоколов, установленных на утесах гавани. Часовые стучали по длинным полым цилиндрам, сообщая о приближении корабля. Это не была тревога — никто не осмелится атаковать архипелаг Норукай, состоявший из сотен островов, нанесенных на карты, и множества слишком малых островков, чтобы отмечать их. Каждый остров был крепостью. Железные колокола возвещали, что в гавань вернулись налетчики или разведывательный отряд.

Король Скорбь почесал щеку, нащупав длинный шрам, тянувшийся от уголка губы к суставу челюсти — этот разрез был сделан, а потом зашит намеренно, чтобы рот стал шире и походил на змеиный. Татуированные чешуйки на коже еще больше отдавали дань змеиному богу. У короля были и другие улучшения тела: в плечи вживлены костяные шипы, а левая ноздря проткнута заостренным крючком. Вместо пояса он обмотал вокруг талии железную цепь, в которую добавлял по одному звену за каждого человека, убитого им в бою. Теперь этот пояс обвивал его талию более трех раз.

Король нахмурился, глядя на белого худого человека, приплясывающего перед камином. Огромный очаг походил на пасть дракона, готовую дохнуть огнем в шамана, который пытался согреться. Он склонился так близко к огню, что белоснежная кожа покраснела.

Услышав колокола, бледный человек склонил голову набок и всплеснул руками.

— Это капитан Кор! Капитан Кор вернулся.

— Откуда тебе знать, Мелок? Это может быть кто угодно.

— Я знаю. Колокола звенят в моей голове. Голоса говорят мне то, чего я не вижу собственными глазами, а глаза мои видят то, что я не могу представить. — Энергично извиваясь, шаман отступил от ревущего огня и принялся выплясывать на холодном каменном полу. — Это капитан Кор, я знаю.

Те, кто видел Мелка впервые, часто содрогались, но король видел в нем лишь друга. Мелок не носил одежды кроме набедренной повязки, сшитой из рыбьих шкур. Его собственная кожа была прозрачно бледной с самого рождения. В семье его называли мерзостью и старались избегать. Его тело покрывали многочисленные мелкие шрамы от рыбьих укусов. Когда Скорбь был подростком, его отец, король Суровый, приказал бросить Мелка в пруд, полный плотоядных бритвенных рыб. Клыками они рвали нежную кожу, пуская кровь и вкушая плоть. Но по какой-то неизвестной причине, разве что считать это благословением змеиного бога, рыбы не сожрали Мелка. Юный Скорбь спас его, вытащив из воды, при этом на его долю тоже выпало немало жестоких укусов. Рыбы поели мягкую и нежную плоть: уши Мелка, часть губ, век и интимных мест. Юный альбинос поправился благодаря уходу своего спасителя — но уже не был прежним.

Юный Скорбь чувствовал силу Мелка. Король Суровый испытывал отвращение к изгою, но его сын подружился с покрытым шрамами полубезумным юношей и слушал его болтовню. Ужасное испытание пробудило в нем странный дар, похожий на некое предчувствие. Мелок предвидел многие вещи и даже сказал другу, когда именно нужно бросить вызов и убить отца.

С тех пор альбинос стал шаманом и советником. Хотя Скорбь часто задавал много вопросов о странных заявлениях Мелка в попытках прояснить видения, чтобы использовать в своих целях, он никогда не сомневался в их достоверности.

— Ты уверен, что это капитан Кор? — повторил он, зная, что Мелок не изменит ответа.

— Это Кор. Три корабля. Он вернулся. Я знаю, мой король! Король Скорбь! Все будут скорбеть! — напевно бормотал он, словно мантру, прыгая с ноги на ногу. — Вот увидишь. Слушай колокола. Корабли скоро причалят. Кор придет и расскажет о твоей новой войне.

— Какой войне? Я еще не решил насчет войны.

— Решишь. Скоро сам узнаешь.

Король скрестил руки на жилете из акульей кожи и откинулся на троне. Буря продолжала свистеть и завывать, в окна хлестал холодный дождь.

— Если ты окажешься прав, я вознагражу тебя.

— Еще рыбки? Можно мне еще рыбок для моего аквариума? Мне нравятся миленькие рыбки.

— Посмотрим, — сказал Скорбь. — Но, если ошибешься, я придумаю подходящее наказание.

Мелок отскочил, подняв руки к своей неровной коже.

— Не скармливай меня рыбам. Только не рыбы. Только не они. Я твой Мелок, ты мой король. Король Скорбь. Все будут скорбеть!

Выражение жалкого ужаса на лице шамана заставило короля помедлить, и он заговорил более мягким голосом:

— Ты прекрасно знаешь, что я не отдам тебя на корм рыбам.

— И змеиному богу тоже. Не приковывай меня к скалам.

— И это тоже. Ты слишком ценен, и ты мой друг.

— Король Скорбь друг, — тихо проскулил Мелок. — Они все будут скорбеть.

Доверившись предсказанию Мелка, он знал, что капитан Кора придет с докладом о том, что видел в городе Ильдакар. Король с нетерпением ждал новостей. Возможно, Мелок прав насчет войны.

Король рывкнул, зовя пятерых рабов, и те поспешили в тронный зал. Дерганой походкой к трону почтительно приблизились две женщины и трое мужчин. Во время обучения многим рабам бастиона ломали кости, заставляя их срастись неправильно — в качестве напоминания. Король держал здесь нужных ему рабов, в то время как других отправляли служить на прочих норукайских островах, а наиболее ценных продавали. Любого раба бастиона было легко заменить, и они не имели особой ценности.

— Подайте обед в честь возвращения храброго капитана Кора, — рыкнул король Скорбь, — чтобы он мог доложить о походе. У нас достаточно свежей рыбы на кухне, или я должен забить одного из вас, чтобы мы снова попиروвали человечиною?

— Празднование! — восхищенно воскликнул Мелок.

Рабы со стонами попятились.

— Рыба есть, король Скорбь, — сказал самый старый раб, который трудился в бастионе уже почти десять лет. — Копченая и свежая. Вам больше не придется есть человеческую плоть.

— А если мне нравится ее вкус? — спросил король, скорее чтобы запугать их. — От рыбы устаешь, а я люблю мясо.

— Велю поварам приготовить рыбу, — ответил тот же старый раб.

Эммет, да, так его зовут. Казалось, он всегда был здесь, хотя король почти не обращал на него внимания. Он задался вопросом, насколько умен этот раб, раз выжил до сих пор. Обычно король не любил выживших, поскольку они часто доставляли проблемы. Возможно, он казнит Эммета и зажарит, но, судя по узловатым рукам и морщинистому лицу, плоть будет жилистой и горькой. Нет, оно того не стоит. Он позволит старику продолжать службу.

Мелок юркнул к очагу, чтобы согреться. Он бормотал что-то о разных видах рыб: о маленьких, которых держал в своем аквариуме, о больших ядовитых тварях с шипами, о таких, которые могли ударить словно молнией. Аквариум был привилегией, которую король даровал своему шаману и другу.

Когда еду внесли в тронный зал на каменных подносах, через закопченные деревянные двери вошли трое рослых норукайцев. Король узнал капитана Кора по торчащему из бритой головы акульему зубу. У каждого из норукайцев были разрезаны рты, чтобы перекроенные

лица прославляли змеиного бога. Король на массивном троне подался вперед — руки сложены на широкой груди, из плеч торчат костяные шипы. Скорбь никогда не требовал притворных почтительных поклонов от самых храбрых воинов или капитанов налетчиков. Он предпочитал выражение почестей, преданности и уважения в действиях, а не пустых жестах. С Кором прибыли Йорик и Ларс — капитаны двух других кораблей из связки работорговцев.

— Я же говорил, это Кор, — сказал Мелок. — Он вернулся из похода. Кор, Кор, будет раздор!

Трое новоприбывших устремили взгляды на грозного короля на высоком троне. Покрытый шрамами шаман нервировал их.

— Расскажи, что вы выяснили, капитан, — заговорил король. — Доклад может подтолкнуть нас к новым завоеваниям. Самое время.

Кор выглядел решительным.

— Наши три змеиных корабля направились далеко на юг, туда, где река впадает в море. Как и в прошлые разы, мы поднялись по течению, словно торговые суда с почти двумя сотнями рабов. По пути мы захватили еще больше.

— Хорошо, — сказал король. — Я думаю, прибрежные городки на юге обобраны дочиста, как и леса. Теперь наши набеги будут направлены на северное побережье.

Кор поклонился.

— Возможно, у нас есть более достойная цель для завоевания. Мы торговали с Ильдакаром многие годы, хотя город появляется и исчезает. Волшебники прячутся под неким магическим саваном, но они слабнут, и я знаю, что на их улицах беспокойно. Наш человек пропал в одну из ночей, и мы так и не нашли его тело.

— Это был Дар, — проворчали Ларс и Йорик.

Король Скорбь застыл.

— Надушенные хлыщи убили одного из норукайских воинов?

— Мы не знаем наверняка, мой король, — заговорил Йорк. — Дар часто торчал в борделях Ильдакара, и в один день пропал. Возможно, он был пьян, и его ограбили и убили в каком-нибудь переулке.

— Мы можем использовать это как предлог для нападения, если пожелаешь, — предложил Кор. — Можем отомстить за Дара.

— Мне не нужны предлоги, я их презираю. — Король стукнул железными костяшками друг о друга. — Если мы хотим объявить войну, то просто нападем.

— Ильдакар — наша судьба, — вставил Мелок. — Мой король. Король Скорбь. Все будут скорбеть!

Король шикнул на шамана. Мелок продолжал кривляться, но прикрыл рот рукой, будто сдерживая слова.

— Капитан Кор, что думаешь о завоевании Ильдакара?

— Это мудрая идея, — сказал норукайский капитан. — Наш корабль загружен бочонками кровавого вина и ящиками с консервированным мясом существ, которых зовут яксенами. Ильдакарцы производят прекрасный шелк и роскошные меха, над созданием которых трудятся городские лаборатории и предприятия. Город приветствовал нас. Они желают торговать. — Кор улыбнулся разрезанным ртом. — Нам просто нужно попасть внутрь, когда саван спадет, и тогда мы застанем их врасплох. Им требуются многодневные приготовления и крупное кровопролитие, чтобы вновь исчезнуть. У нас будет масса

возможностей для нападения и грабежа. Этот город — сундук с сокровищами и потенциальными рабами.

— И вином, — вставил Ларс.

— Жители города слабы, — продолжал Кор, — хотя многие из их волшебников чрезвычайно одарены.

— Волшебники? — воскликнул шаман. — Магию можно одолеть. Змеиный бог знает, как именно. И Мелок знает.

Король Скорбь повернулся к нему:

— Как можно одолеть магию?

— Пока не знаю. Но найду способ. — Мелок отступил к теплу очага, где сгорбился, потирая руки над огнем и глядя на тлеющие угли, будто в поисках ответа. — Я узнаю, когда настанет время.

Тарелки с едой уже расставили, поэтому Кор, Йорик и Ларс заняли места за длинным столом, а король уселся во главе перед самым большим блюдом. Он разрывал жареную рыбу пальцами, отделяя слоистое мясо от костей.

— Первым делом отправьте мясо яксенов в бастион. Я устал от рыбы, а козлятину не люблю. А я пока займусь военными планами. На островах строится сотня змеиных кораблей, и я не выступлю, пока не будут готовы хотя бы пятьдесят. Ильдакар стоит уже тысячи лет и подождет еще несколько месяцев. Рано или поздно мы их сокрушим.

Кор обсосал рыбки кости и отбросил жареную рыбку голову.

— Не хочу ждать месяцами, мой король. Торговля исчерпала мое терпение, и я жажду пролить свежую кровь. Поручи мне что-то еще.

Кор только что вернулся из спокойного плавания, и ему не помешает хорошая битва.

— Я все равно планировал налет. Отправляйся на север, пусть твои корабли атакуют поселение, которое зовут бухтой Ренда. Они каким-то образом потопили наши корабли во время последнего набега, и надо дать им урок.

— Урок! — воскликнул Мелок. — Выпустить им кишки, сжечь их!

— Пусть поселение опустеет, — велел король Скорбь. — Пусть там останутся лишь призраки.

— Призраки! — воскликнул шаман, касаясь обезображенной кожи. — Вроде меня.

Среди взрослых норукайцев только у Мелка не был разрезан рот. Его губы были обычного размера, разве что поедены рыбами.

Кор кивнул так усердно, что это было равносильно поклону.

— Принимаю это задание с благодарностью, мой король.

Король наказал капитана, потерпевшего поражение у небольшого рыбацкого поселения. Его приковали к скалам и скормили змеиному богу, чтобы его кровь укрепила силы морского змея, а змей, в свою очередь, защитил и укрепил силы норукайского народа.

— Не подведи, — предупредил король.

— Не сомневайся во мне, — ответил Кор.

Король нашел ответ удовлетворительным и закончил с рыбой, уже представляя себе вкус обещанного мяса яксена.

— Я волшебник Ильдакара, — надувшись от важности, сказал Ренн. Он стоял перед аббатисой Верной в большом холле архива Твердыни. У чужака было пунцовое лицо с пухлыми щеками, которые немного обвисли за недели трудного путешествия. Его багровые одежды закручивались вокруг ног.

Верна невозмутимо скрестила руки на груди и шагнула навстречу чужаку. Как бы ни хорохорился самопровозглашенный волшебник, он нервно перевел взгляд с нее на генерала Зиммера. Он был впечатлен величиим портика, колонн, мраморного пола внутри огромного нависающего утеса. Верна ощущала в мужчине дар, но думала, что, если бросит вызов, его бравада улетучится, как вытекшее из дырявого бурдюка вино.

— А я аббатиса сестер Света, — сказала Верна. — Архив Твердыни — бесценная библиотека основополагающих магических знаний. Она, хотя и с некоторыми ограничениями, доступна одаренным ученым, которые ищут знаний.

— Но она не доступна тем, кто требует этого, — прорычал Зиммер.

У крепкого воина были темные волосы и квадратный подбородок, на котором пробивалась щетина, хотя он начисто побрился всего несколько часов назад.

Ренн подавился, засуетился и фыркнул.

— Должно быть, вам неизвестна история происхождения архива. Знания Твердыни принадлежат Ильдакару. — Он с трудом скрывал высокомерие в голосе. — Мы благодарны, что ваши люди присматривали за знаниями, но мой город давным-давно сыграл немаловажную роль в создании архива — до того, как император Сулакан уничтожил все магические записи.

Десять солдат в незнакомой ильдакарской форме стояли позади Ренна, неуверенно поглядывая на волшебника.

Их капитан сказал:

— Сэр Ренн, может, нам не стоит вести себя столь...

Дородный волшебник замахал ему, чтобы тот помолчал.

Ученые Твердыни, услышавшие громкие голоса, отважились выйти в большой холл. Они были одеты в удобную одежду из шерсти и льна и мягкие сандалии. Наряды прилежных архивариусов и помнящих с усиленной магией памятью отличались несильно.

Верна успокаивала себя привычным упражнением — медленно вдыхала и выдыхала воздух.

— Мне известна история Твердыни, хотя Ильдакар в записях упоминается не так часто, как вы могли подумать. Сестры Света тоже гости здесь. Мы пришли изучать библиотеку и охранять опасные знания от тех, кто может ими злоупотребить.

В зал вошли привлеченные голосами сестры — в том числе Элдин и Рода, а также розовощекая послушница Эмбер. Верна заметила похожего на филина ученого-архивариуса Франклина, который вошел рука об руку с главой помнящих Глорией — пышнотелой и решительной женщиной. На лице Франклина была неуверенная гостеприимная улыбка.

— Твердыня была укрыта тысячи лет, и маскировочный саван развеялся совсем недавно. Наши знания открыты всем, кто того заслуживает.

Верна оставалась настороже.

— Неразумное и неумелое использование столь могущественных знаний уже привело к

нескольким трагедиям, поэтому мы должны быть осторожны. Генерал Зиммер и его д'харианские солдаты поклялись защищать архив. — Она сузила глаза. — Если такая мощная магия окажется в неправильных или даже неподготовленных руках, может случиться новая катастрофа.

Ренн вышел из себя:

— Я волшебник Ильдакара, мой ранг и способности превосходят любого в Твердыне. Я беру управление архивом в свои руки.

— Нет, этому не бывать, — сказал Франклин. — Я отвечаю за записи Твердыни. — Обычно спокойный и тихий человек, который чувствовал себя комфортнее в обществе книг, а не людей, пришел в ярость от высокомерия волшебника.

Раздраженная Глория сделала шаг вперед и встала рядом с ученым-архивариусом.

— Я представляю помнящих, которые запечатлели в своих разумах тысячи книг. Мы тысячелетиями храним информацию Твердыни и никому ее не отдадим.

Верна добавила в голос остроты, когда еще больше ученых встало перед отрядом из Ильдакара.

— Сестры Света тоже одаренные. Вы обнаружите, что все мы сильные враги... если решите сделать нас врагами. — Она указала на все пребывающих в холл ученых. — Многие из нас изучали древние заклинания. Не сомневаюсь, если дело дойдет до битвы, они будут только рады опробовать полученные знания.

Ренн разволновался, и его красное лицо приобрело свекольный оттенок.

— Но... но я же волшебник Ильдакара! — Он замолчал, словно эти слова должны были повергнуть их в трепет. — Властительница Тора отправила меня с заданием найти архив. — Он оглянулся на сопровождавших его солдат. — И я должен...

— Вы нашли его. — Верна стояла на своем, но не пыталась его провоцировать. — Книги останутся там, где их можно защитить.

Девять вооруженных д'харианских воинов вошли в холл, поднявшись по склону вслед за чужаками. То была лишь малая часть сил генерала Зиммера, но они уже превосходили числом ильдакарскую стражу. Зиммер положил руку на навершие меча, и остальные д'харианцы последовали его примеру, демонстрируя угрозу. В зале повисло напряжение.

Глава ильдакарского отряда ненавязчиво перебил взбудораженного Ренна, который пытался что-то сказать:

— Мы преодолели долгий и тяжелый путь через горы. Я капитан Тревор, глава охраны волшебника. Может, нам следует узнать друг друга лучше, а потом уже спорить?

— Мы даже не закончили составление каталога знаний, — тихо и задумчиво проговорил Франклин. — Мы не знаем, какие книги хранятся в архиве. Библиотека пророчеств была уничтожена в результате... ох, в результате магической ошибки, когда студент Элберт использовал заклинание Плачущего Камня, которое не смог контролировать. Все книги пророчеств...

— Книги пророчеств все равно теперь бесполезны, — со вздохом пробормотала Верна. — Просто потраченная бумага.

Ренн глядел по сторонам, лихорадочно соображая. Очевидно, его встретили не так, как он представлял во время долгого путешествия.

— Я хочу увидеть архив.

— Книги останутся здесь, — твердо сказал генерал Зиммер.

Плечи признавшего поражение Ренна поникли.

— Сомневаюсь, что Тора в состоянии оценить эти знания. Она всегда насмехалась надо мной и дорогой Лани за то, что мы тратили время на чтение и обучение. — Взволнованный волшебник понизил голос, и Верна едва расслышала слова: — Может, она этого не заслуживает.

Его поведение изменилось. Как и предполагала Верна, он сдулся.

Аббатиса шагнула вперед и спокойно заговорила:

— Вы прошли долгий путь, который подточил ваше самообладание и терпение. Давайте узнаем друг друга лучше, как предложил капитан Тревор. Нам так же не терпится узнать об Ильдакаре, как вам о Твердыне.

— На кухнях варятся целые котлы чечевичного супа с колбасой и печется свежий хлеб, — сказала Глория. — Может, продолжим беседу за обедом?

При упоминании о еде глаза Ренна расширились, и Верна почти увидела, как у него текут слюнки. Сопровождавшие его солдаты тоже оживились — они явно были не прочь перекусить.

Зиммер обратился к Тревору и девяти потрепанным солдатам Ильдакара:

— В долине разбит военный лагерь, где хватит провизии и места для ваших людей. Солдатам всегда есть о чем поговорить, если только они не враги.

— Да, если только они не враги, генерал, — с улыбкой ответил Тревор. — Давайте пока остановимся на этом. — Он повернулся к своим людям: — Мы пойдем в лагерь и отдохнем. Поляна возле ручья выглядит лучше любой стоянки, которая у нас была после ухода из Ильдакара.

Ренн, казалось, не хотел оставаться один в Твердыне, но заставил себя выглядеть расслабленно.

— Чечевичный суп звучит очень заманчиво.

Напыщенный волшебник начал беседу с жестких требований, но потерял почву под ногами. По морщинам на его лице и довольно заметным прорехам на багровом одеянии Верна могла сказать, что путешествие было не из легких.

Когда генерал Зиммер повел капитана Тревора и его солдат по крутой тропинке, идущей по склону скалы к военному лагерю, аббатиса поинтересовалась у волшебника:

— Как вы узнали, где искать Твердыню? Мы не знали, что слухи распространились до самых дальних уголков Древнего мира.

— Недавно к нам пришли странники издалека, — ответил Ренн. — Молодой мечник Бэннон выболтал местоположение Твердыни. Он путешествовал с утратившим силу волшебником Натаном Ралом и светловолосой колдуньей Никки.

У Верны перехватило дыхание.

— Вы видели Натана и Никки?

— Да. Вы их знаете? Они в Ильдакаре, ведут дела с палатой волшебников.

Сгорая от любопытства, Верна повела его в глубины архива.

— В таком случае нам многое нужно обсудить.

* * *

Пока дымящийся чечевичный суп разливали по большим мискам и расставляли на столе, нетерпеливые ученые сгрудились вокруг волшебника Ренна и сыпали вопросами. Верна посмотрела на Роду, Элдин, Эмбер и других сестер, которые с нетерпением слушали ответы.

Она знала, что Никки и Натан странствуют по Древнему миру, потому что они

отправляли гонцов с отчетами о приключениях. В одном из таких сообщений, доставленном двумя молодыми учеными Твердыни, Никки призывала солдат и одаренных помочь защитить древний архив опасных знаний. Обитатели Твердыни обладали несчетными томами с могущественной магией, но едва ли понимали, как их использовать.

Прочитав просьбу Никки, Верна присоединилась к генералу Зиммеру и сотне д'харианских солдат, которые отправлялись на юг. Большая часть Древнего мира была белым пятном на карте, землей загадок, неоткрытых городов и народов. Древние войны волшебников отгремели, Имперский Орден был повержен, лорд Рал сокрушил Сулакана и его армию мертвецов, но на никем не управляемом континенте оставалось много опасностей.

В ходе поисков Твердыни Верна и ее спутники прошли через бухту Ренда — прибрежное поселение, страдавшее от свирепых налетчиков, которые грабили и жгли деревни. Генерал оставил часть экспедиционного отряда, поручив брату Эмбер, капитану Норкроссу, помочь бухте отогнать норукайцев, если те надумают вернуться.

Это был только один шаг к возведению обороны Древнего мира, который являлся частью расширяющейся Д'Харианской империи. Верна знала, что для достижения полной безопасности потребуется много времени, но, как часто говорили ученые Твердыни, «Книга читается по одной странице, полка читается по одной книге, а библиотека читается по одной полке». Верна надеялась, что Норкросс и жители бухты Ренда будут в безопасности, но в качестве защиты в бухте встали на якорь три больших корабля.

Твердыня пережила ужасные трагедии, когда неопытные ученые, забавляясь с магическими знаниями и не зная, что делают, случайно вызвали разрушения. Верна могла только представлять, насколько хуже пришлось бы всему миру, если бы тиран вроде императора Джеганя заполучил такие знания и использовал в качестве оружия.

Когда они прибыли в каньон Твердыни, д'харианские солдаты осмотрели оборонительные сооружения. Архив был построен внутри алькова, расположенного высоко в отвесной скале, и поэтому здесь было относительно безопасно. Но Зиммер планировал соорудить серьезные баррикады, укрепления и стены с бойницами. Вход в скрытый каньон было найти непросто, но Зиммер хотел усилить охрану. Такая откровенная оборона вызывала смутение у ученых, но они уже видели, какое опустошение принес Поглотитель жизни, и как чудовищно бесконтрольна была колдунья Виктория.

Ренн жадно черпал суп ложкой.

— Я привык к пирам Ильдакара, жареному яксену, изысканным десертам, засахаренным фруктам. — Он съел еще ложку и промокнул губы мягким теплым хлебом. — Это считается едой низших сословий, даже скорее рабов. Но я никогда не пробовал ничего вкуснее!

— Мы едим то, что дает долина, — сказала Глория. — Нам приходилось самим себя обеспечивать очень долго. Твердыня мало общается с внешним миром.

— В каньоне есть сады, поля и стада овец, — добавил Франклин. — Вы заметили в супе ягнятину?

— Очень вкусно, — повторил Ренн. Теперь он выглядел довольным, и его высокомерие исчезло. Он со вздохом оглядел стол. — Я бы хотел остаться здесь на какое-то время — как представитель Ильдакара, конечно же.

— Зачем Ильдакару все эти магические знания? — спросила Верна. — В древние времена волшебники спрятали здесь книги, чтобы Сулакан не смог их уничтожить. Мы не

хотим породить нового безжалостного тирана.

— Ох, волшебники Ильдакара никогда не станут тиранами! Они никогда не злоупотребляют... — он осекся. — Ну, властительница Тора отправила меня сюда, потому что желает контролировать силу. А главнокомандующий волшебник Максим уже использовал несколько впечатляющих заклинаний для защиты города. — Он поскреб щеку. — Борода Владетеля, ума не приложу, зачем им все эти знания. — Он понизил голос. — Не уверен, что стоит им их давать. — Он помолчал, жуя булочку, а потом продолжил: — А может, им все равно. Возможно, они никогда и не верили, что я смогу найти Твердыню. У меня было только примерное направление и довольно скудные припасы. Капитан Тревор и его люди никогда не отправлялись в долгий путь и не умеют выживать в делях. Они лишь городские стражники... Нам пришлось нелегко. В дороге мы потеряли троих. Только благодаря удаче мы отыскали Твердыню — и как раз вовремя. — Его лицо помрачнело, он казался погруженным в свои мысли. — Властительница Тора отправила меня не пойми куда. Может, хотела избавиться? Тора так и не простила меня после того, как Лани бросила ей вызов. — Он почесал шею и похлопал себя по животу. — Тогда я был моложе. Некоторые даже называли меня симпатичным, но после того, как Тора обратила Лани в камень, я просто не... — Ренн покачал головой. — Я все еще преданный гражданин Ильдакара, но город — это не властительница. После всех этих веков под саваном вечности Тора сама могла искривиться, как дерево, которое пытается расти внутри стеклянной бутылки. — Он потянулся через стол, взял большую супницу и налил еще чечевичного супа. — Пожалуй, останусь и разузнаю побольше. Может, архив Твердыни должен остаться там, где он есть.

Верна кивнула, испытывая немалое облегчение. Сидевшая рядом Эмбер ловила каждое слово, но воздерживалась от вопросов.

— В Твердыне полно информации, как и у вас, волшебник Ренн, — сказала аббатиса. — Мы хотим услышать все об Ильдакаре, а также новости о Никки и Натане.

Мрра, запертая в стенах города, чувствовала себя неудобно. Песчаная пума бродила по улицам, желая охотиться, бежать. Она контролировала себя, хотя и очень хотела убить какого-нибудь зверька.

Никки через связывающее с пумой заклинание тоже чувствовала себя как в клетке, пока сотрудничала с повстанцами в катакомбах под городом. Теперь, когда древняя армия осадила Ильдакар, чувство несвободы усилилось. Люди укрепляли оборонительные сооружения, чтобы те выдержали долгую осаду, и Никки спрашивала себя, сколько продержатся Утрос и его войско. Чего он хочет? Прошло уже три дня с пробуждения армии, а древние солдаты все еще восстанавливали лагерь, готовясь ринуться на неприступный город.

Наступила ночь, но монотонные удары по каменным стенам продолжались. Годы назад, когда Имперский Орден начал маршировать на север, чтобы покорить Новый мир, император Джегань потребовал, чтобы барабаны непрерывно били день и ночь, если он намеревался посетить город. Бой барабанов заставлял население дрожать от ожидания, даже если Джегань тратил месяцы, чтобы добраться до них. Этот стук звучал похоже, и раз уж у Утроса было много тысяч солдат, он мог поддерживать град ударов очень долго.

Ночью Никки осталась в своих просторных гостевых покоях в большом особняке. Максима и Торы не было, и Никки решила продолжить жить в покоях, как и Натан с Бэнноном.

Нервная Мрра предпочитала рыскать по темным улицам, охотиться на крыс, прыгать с крыши на крышу, чтобы позабавиться и размяться. Никки отказалась сажать пуму на привязь или запираť в клетке. Мрра понимала, что нельзя нападать на людей, как это делали колючие волки, но Никки не забывала, что песчаная пума — дикий зверь. Если большая кошка занервничает или будет спровоцирована, она нападет. Она должна была свободно бродить по травянистым холмам и охотиться в лесах. Но как Никки могла отпустить ее, пока город окружает огромная армия?

Колдунья села на край широкой кровати. Шелковые занавески трепетали на ветру. Помимо далеких ударов она слышала звуки города, доносившиеся из особняков дворян и борделей с шелковыми яксенами. Слышались крики уличных торговцев, шум таверн, музыка... Ильдакар пытался сохранить привычный уклад жизни, даже когда в ворота стучалась древняя армия.

Мрра вошла в спальню и потерлась коричневым боком о колени Никки. Колдунья наклонилась и почесала за ушами песчаной пумы. С довольным урчанием Мрра обошла комнату по кругу и остановилась на открытом балконе, наострив уши и слушая звуки улицы. Она фыркнула, передернув усами, и вернулась к Никки, чтобы та снова ее почесала. Колдунья чувствовала, как кошка жаждет свободы — и не важно, сколько вражеских солдат снаружи.

— Ты будешь в опасности, — сказала Никки.

Чем занимаются генерал Утрос и его армия? Что они запланировали? Почему не направили представителя обсудить условия?

Мрра рыкнула, словно говоря, что жизнь в Ильдакаре тоже небезопасна. Никки ощущала острые когти кошки, ее молниеносные рефлексy и прекрасно знала, что та может о себе

позаботиться. Хотя их магическая связь обострялась во сне, Никки без проблем могла общаться с Мрра. Они понимали друг друга.

Никки резко выпрямилась — она поняла, что большая кошка, свободно разгуливающая за пределами города, может принести пользу Ильдакару. Мрра станет ее тайными глазами там, куда она сейчас не может заглянуть. Кто может быть лучшим шпионом, чем хищник, который невидимо скользит сквозь ночь?

Никки наклонилась и обеими ладонями обхватила большую голову кошки. Золотые глаза встретились с ее взглядом.

— Снаружи вражеская армия. Мы видим их лагерь, но мне этого недостаточно, чтобы планировать действия. Ты покажешь мне то, что увидишь? Если отпущу тебя, ты будешь осторожна? Позаботишься о себе сама?

Песчаная пума забила хвостом. Никки решилась.

— Оставайся в холмах, прячься на деревьях, но можешь охотиться. Следи за ними, чтобы я смотрела твоими глазами. — Никки слабо улыбнулась. — Будь моим шпионом в армии генерала Утроста.

Мотая хвостом, Мрра подошла к двери покоев и вышла в коридор. Никки ощутила ускори́вшийся пульс, и поняла: пума в нетерпении.

— Идем. Я найду малые ворота и выпущу тебя подальше от солдат, которые колотят в стены. — Она нахмурила брови. — Может, снаружи ты будешь в большей безопасности, чем мы в городе.

Солдаты в основном атаковали участок возле высоких главных ворот, но у Ильдакара были меньшие ворота возле отвесной скалы у реки, входы для путешественников и тайные калитки для торговцев в дальних участках стены. Никки и Мрра настороженно шли по улицам, прислушиваясь к ночным птицам и разгуливающим вдоль канав кошкам. Мрра ступала впереди, пока они направлялись к северному концу стены, где та заворачивала и упиралась в отвесный обрыв.

Никки отыскала хитроумно спрятанную низкую дверь, облицованную камнем — именно там, где ей и говорили. Она высвободила дар и с помощью магии сдвинула засов. Ни один разведчик армии Утроста не смог бы найти этот тайный вход. Когда магический замок открылся, она потянула на себя дверь высотой в человеческий рост. На нее хлынул поток влажного воздуха с текущей внизу реки Киллрейвен и травянистых холмов вокруг равнины.

Коричневое тело Мрра напряглось от предвкушения. Никки положила ладонь между лопаток пумы, разделяя кошачий восторг.

— Я хочу пойти с тобой, но мое место в Ильдакаре — пока что.

Она наклонилась и обхватила руками туловище пумы. Мрра утробно мурлыкнула и лизнула щеку Никки шершавым языком.

— Иди, — сказала Никки. — Я буду с тобой. Я твоя сестра-пума.

Мрра выскочила через калитку и помчалась в холмы, вскоре исчезнув в ночных тенях. Никки ощутила боль в сердце. Она надеялась, что видит песчаную пуму не в последний раз. Она знала, как опасно снаружи, но Мрра и сама была опасной.

Никки смотрела через долину на бесчисленные костры осадившей их армии. Для каждого такого костра требовалось вырубить целый склон деревьев. Огни походили на мерцающие красные глаза злых духов, на стаю гончих сердца, выпущенных из преисподней.

Возле каждого костра было достаточно солдат, чтобы захватить деревню. Воины были освобождены для разграбления Древнего мира, но вполне могли покорить и весь континент.

Никки придется как-то сдерживать их здесь. Она долго смотрела на костры, слушая далекий шум неизмеримо больших вражеских сил. Мрра свободно разгуливала там, но Никки стояла у ворот, чувствуя себя в ловушке.

* * *

Сильно после полуночи Никки вернулась в покои и попыталась поспать несколько часов. Ей нужны силы. Она не хотела спать, не хотела думать, но, когда уснула, сознание освободилось, и она оказалась внутри разума пумы. Мрра наслаждалась свободным бегом. Внутри города она чувствовала себя подавленной, но теперь она бежала ради удовольствия, ощущая, как передние лапы касаются свежей травы, а задние отталкиваются от земли. Большая кошка была создана для свободной жизни в природе, даже если ее вывели дрессировщики Ильдакара, вырастили и натренировали быть жестоким бойцом, убивать врагов на арене. На шкуре Мрра были выжжены руны, защищающие от магических атак. Но зачем свободной пуме бояться магии?

Мрра и две ее сестры-пумы из первой троки вырвались из клеток главного укротителя. Они сбежали из Ильдакара и умчались через сельскую местность. Они бесцельно бродили, пока не встретили возле Твердыни Никки и ее компаньонов. Три большие кошки напали на людей, как их и учили, но Никки и остальные убили двух ее сестер-пум и чуть не убили саму Мрра. Пока Никки ее исцеляла, их кровь смешалась, выковав магическую связь и сделав колдунью ее новой сестрой-пумой. Теперь у Мрра не было другого пути.

Выпущенная пума побежала в холмы. Она ходила среди деревьев, тревожа ночных птиц и вынюхивая зверьков в подлеске. Она ощущала других зверей арены, сбежавших из Ильдакара во время восстания, но не нападала на них. Мрра даже не охотилась за свежей добычей. Не сейчас. Она была голодна, но больше изголодалась по свободе.

Несмотря на радость, Мрра понимала, что нужно Никки. Ее сестра-пума попросила бродить по окраинам лагеря и наблюдать за огромной армией, чтобы видеть все острым кошачьим зрением. В особняке Никки ворочалась и ерзала на шелковых простынях, закрытые голубые глаза метались — во сне она смотрела по сторонам. Мрра и Никки видели масштаб угрозы, с которой столкнулся город.

Поздно ночью генерал Утрос лежал в главном штабе, прижимая к себе двух обнаженных женщин. Ава и Рува лежали неподвижно, но он знал, что они не спят. Он чувствовал своей кожей их кожу, гладкую, но холодную и более твердую, чем привычная для него мягкая женская плоть. Его кожа была такой же жесткой. Нервные окончания ощущались приглушенно, как чей-то далекий крик.

Рува пошевелилась, и соединенная с ней неосязаемой связью Ава тоже сменила позу. Утрос лежал неподвижно между двух колдуний, глядя на обрешетку крыши и думая о единственной женщине, которую действительно желал, о страсти, которая все еще трепетала в его каменном сердце. Он не любил преданных ему близняшек, но они давали ему необходимое. Мэджел давала ему намного больше.

Он думал, что она находится далеко — в столице Ороганг вместе с императором Керганом, человеком, которому Утрос присягнул в верности. Он все еще был связан этой клятвой, но разрывался между страстью и настойчивой потребностью служить им обоим, даже если это терзало его и все разрушало. Если двум погонщикам яксенов можно верить, теперь его с Мэджел разделяет больше, чем расстояние. Его память говорила о том, что он виделся с прекрасной императрицей. Возможно ли, что он и его армия окаменели на века, а эта красивая и страстная женщина давно мертва? Если это правда, то реальность невыносима. Он должен узнать наверняка, но как, находясь на этой широкой равнине, вдали от Ороганга и империи Железного Клыка, он узнает истину? Если Мэджел мертва и Керган превратился в прах костей истории, то ради чего сражаться?

Утрос запер переживания в отдельном уголке разума — словно поставил плотину на ручье. Пойманные в ловушку мысли и беспокойства затопят его, если он не найдет правдивые ответы.

Он слышал шум лагеря за стенами штаба. Деревянное строение соорудили наспех из грубо отесанных бревен и веток. Его солдаты хорошо выполнили задачу, затратив минимум ресурсов. Они всегда служили Утросу без вопросов и никогда не разочаровывали, а он был их командиром.

За время многолетнего военного похода он привык к добротному шатру с занавесками, шкурами и столами, заваленными картами и планами боя. Желая доставить удовольствие Аве и Руве, он взял женщин с собой в постель и крепко обнял, словно пытался раздавить их свое тело и впитать в себя их энергию. Они лежали втроем под недавно выделанной шкурой яксена. Она не могла сравниться с тонкими ткаными одеялами или шелковыми простынями дворца в Ороганге, но это был только первый шаг.

Тонкий матрас был набит сушеными травами. При других обстоятельствах он был бы жестким и неудобным, но затвердевшей коже Утроса были нестрашны такие мелочи. Дым от жаровен завитками поднимался вверх и выходил через щели в настиле крыши. Тусклое красное свечение тлеющих углей и ладана заливало помещение мягким светом. Дым был густым, но Утрос едва его чувствовал. Две колдуньи добавили в жаровни особые травы, которые иногда вызывали у него видения и откровения. Теперь травы едва оказывали эффект на его забитые пылью легкие. Но он и не нуждался в видениях. У Утроса есть разум, и он может составить план.

Разведывательные отряды вернулись в лагерь с припасами, обобрав в холмах несколько

домов поселенцев, лесорубов, одинокого золотоискателя и двух мужчин с мулами, которые везли товары в Страверу. Они подтвердили сведения, полученные от погонщиков яксенов Бойла и Ирмы. Вскоре поисковая группа найдет большой город и принесет больше жизненно необходимых инструментов и материалов. Его непобедимая армия заставит мир трепетать. Утрос пронесся через земли и захватил целый континент от имени Железного Клыка, потому что поклялся это сделать. Генерал всегда выполнял обещания.

Теперь он чувствовал себя нищим. Его огромная армия, все еще мощная, была лишь сборищем беженцев. У солдат не было палаток и еды, хотя теперь они и не хотели есть. Прославленный город Ильдакар стоял перед ними, огромный и неприступный, издевательски демонстрируя свое богатство и образ жизни.

Утрос должен узнать, что на самом деле случилось с его армией. Необходимо понять, что делать дальше, узнать ответы до того, как многочисленные солдаты начнут понимать, что генерал сомневается.

— Я знаю, что вы не спите, — сказал он.

Ава отстранилась от него и приподнялась на локте. Рува прижалась к его широкой груди, словно пытаясь успокоить мягкостью своей груди, но ее соски были твердыми — из-за последствий заклинания окаменения, а не от возбуждения. Она тоже отстранилась.

Лежа на спине, он продолжил говорить:

— Мы должны выяснить, что случилось с Ильдакаром, с империей. Кому мы теперь служим?

— Мы служим Железному Клыку, — сказала Рува. — Как и всегда.

— А если Железный Клык теперь не больше, чем скелет в гробнице, страница в книге истории?

Женщины некоторое время молчали, а потом Ава сказала:

— Тогда служи сам себе, как мы всегда служили тебе.

— Я не служу сам себе, — фыркнул Утрос. — Я не мелкий тиран. Я не занимаюсь собственным возвышением.

— Ты — может, и нет, возлюбленный Утрос, — сказала Рува, — но мы служим тебе. Мы поддерживали Кергана лишь потому, что ты выбрал служить ему. Все солдаты сражаются за тебя, а не за Железного Клыка. Ты получил их преданность. Ты вел их к славе. Железный Клык — просто клещ на ухе собаки, раздувшийся от выпитой крови.

Утрос сел, отбросив в сторону тяжелую шкуру яксена:

— Керган мой император. Заговори вы так в Ороганге, вам бы вырвали языки и заставили смотреть, как их поджаривают на шампурах.

— Мы не в Ороганге, — сказала Ава. — Ты знаешь, что империя построена тобой, а не Керганом.

— Император не заслуживает тебя, возлюбленный Утрос, — подхватила Рува. — Но мы с сестрой уважаем тебя и служим твоей воле.

— Сотворите заклинание или покажите мне видения, чтобы я мог понять свое место в этом мире. Я буду безжалостно сражаться, чтобы защитить то, что должен защитить, но мне нужно знать!

— Ты уже знаешь. — Ава выскользнула из постели, подошла к жаровне и бросила на угли сухие листья, чтобы дым стал гуще. Она замахала руками, гоня дым к Утросу и сестре.

Генерал вдохнул сладкий аромат трав.

— Погонщики яксенов уже дали тебе ответы. Ты им не веришь?

Утрос вздохнул.

— Я не хочу им верить. Ты говоришь, что я сердце этой армии, но я черпаю силы в служении императору. И я предал Кергана с его женой... моей любимой. Может, я и сильный, может, и привел солдат ко многим победам, — говорил он, — но без императора я как дверь без петель. Он мой командир.

Ава вернулась к постели и села рядом с ним. Она начала ласкать его грудь, в то время как Рува гладила спину. Они дотронулись до его щек — гладкой кожи и шрама от драконьего ожога.

Но он мог думать лишь о прекрасной Мэджел с длинными черными волосами с красноватым отливом, заметном при солнечном свете. О миндалевидных карих глазах, смуглой коже, что прекраснее золота, ее поцелуях, вздохах, столах, когда он обнимал ее, яростно беря в своей палатке, как самку в период течки. А после утоления страсти они занимались любовью дольше и медленнее, создавая песню телами, тайную песню, которую Керган никогда не мог услышать...

— Наша магия дана тебе, — сказала Ава, ложась и закидывая ногу на него, в то время как Рува коснулась его бедра, а затем тоже обвила его тело собой.

Они пытались сплестись в клубок холодной плоти. Женщины раскрасили гладкую безволосую кожу свежими яркими красками, но он не мог разглядеть деталей в полумраке чадающих жаровен.

— Мы дадим тебе все, возлюбленный Утрос, если сможем.

— Как и всегда, — мягко сказал генерал, а затем ответил на их прикосновения.

Сестры отдавали ему свою преданность, любовь, энергию и веру с подросткового возраста. В маленьком горном городке, где они жили, их считали чужаками, но почитали. Это поселение было одним из первых завоеваний Утроста в расширяющейся империи Железного Клыка. Ава и Рува с рождения были гораздо ближе, чем обычные близнецы. Их тела еще в утробе срослись ногами, как две прижатые друг к другу мягкие свечки.

Малышки могли умереть или их могли отправить в изгнание суеверные односельчане, но их отец пошел на ужасный риск — пока мать рыдала от отчаяния, он взял самый острый нож для свежевания, положил двух младенцев на стол и разделил их тела. Он разрезал кожу и сросшиеся кости, похожие на переплетенные ветки. Разъединив их ножки, он перевязал раны, которые все кровоточили и кровоточили. Но в раны попала инфекция, младенцы плакали и дрожали от лихорадки, становясь все слабее и слабее.

Потом они умерли. Души двух невинных младенцев отправились в подземный мир и предстали пред Владетелем. Их сердца остановились, но всего на несколько минут. Каким-то образом деревенскому лекарю удалось вернуть их к жизни. Отец стоял рядом, лицо его перекопилось от ужасного осознания, что он наделал. Но девочки выжили. Их отняли у Владетеля. Только он все равно их уже коснулся.

У каждой остался ужасный шрам на ноге, но они были сильными, и исцелились. Сестры заботились друг о друге. Девочки подросли, научились ходить и бегать почти не хромя. Своих шрамов они не прятали, напротив, выставляли их напоказ, нося короткие рубашки. Они росли необщительными и красивыми.

Когда им было по десять лет, Владетель взыскал с них долг: их мать и отец умерли от страшной чумы, и странные близняшки оказались предоставлены сами себе. В деревне боялись Авы и Рувы, но их магия по-настоящему проявилась только в тринадцать лет, когда

у них начались месячные. Юные колдуньи жили в хижине, построенной их отцом, и наводили ужас на жителей деревни. Они не работали, а просто брали любую еду, какую желали, одежду, в которой нуждались, заходили в другие дома и рылись в шкафах и на полках, забирая все, что им приглянулось. Селяне слишком боялись, чтобы перечить.

Когда армия Утроса вошла в деревню, солдаты устроили грабеж, перевернув все вверх дном, и глава деревни умолял двух колдуний о помощи. Ава и Рува только посмеялись над ним, затем прошли сквозь изумленные ряды солдат и остановились перед генералом Утросом.

— Ты должен взять нас с собой, — сказала Рува.

— Зачем? — спросил Утрос, не понимая, что это за близнецы. Он заметил странный блеск в их глазах и отстраненное выражение лиц.

— Рано или поздно ты узнаешь.

Утрос взял близняшек себе в собственность, но не сделал любовницами — они были слишком молоды. Хотя они выросли в красивых женщин, Утрос не поменял своего решения. Когда генерал спросил Аву и Руву, что ему делать с их деревней, которую он захватил от имени императора Кергана, девочки посоветовали ему поступить так, чтобы у других деревень, которые стояли на его пути, не возникло никаких сомнений. Поэтому он убил всех жителей и сжег дома, отправив об этом весть. Тогда он был дерзким молодым командующим, а жертва этой деревни заставила пятнадцать других поселений в пределах одного дня езды незамедлительно сдаться под знамена Железного Клыка.

Утрос никогда не присваивал себе победы, всегда настаивая на том, что Керган заслуживает власти и славы, но это значило, что император также берет на себя всю вину и осуждение. Утрос двигался дальше, завоевывая все новые и новые земли...

— Мы поможем тебе сражаться, — прошептала Рува в полумраке штаба. — Мы с сестрой знаем множество заклинаний, но для извлечения простой информации есть более прямолинейный способ.

— Знаю, — сказал он.

Прошло уже несколько дней с пробуждения армии, и город был прочно осажден. Он вспомнил, как войско впервые достигло Ильдакара. Они только оправились от разрушительной атаки взбешенного серебряного дракона, которого намеревались выпустить на город. Даже без дракона войско заполонило всю равнину, предоставив Ильдакару возможность трепетать перед невысказанной угрозой, а еще через два дня он подошел к городским воротам, требуя капитуляции. Он знал, что Ильдакар сдастся не сразу, но он мог заморить их голодом.

Утрос не ожидал, что волшебники Ильдакара обратят его армию в камень на многие столетия. Ему казалось, что то было всего неделю назад.

— Я принял решение, — сказал он. — Мы потребуем переговоров с их представителями. Наш следующий шаг зависит от того, как отреагирует Ильдакар. — Он улыбнулся, затем протянул руку, чтобы погладить жесткую бороду и шрам на левой щеке. — А после я спланирую, как разрушить город.

На следующее утро Никки проснулась посвежевшей, оставив во снах свободный быстрый бег и изучение вражеской армии. Перед ее мысленным взором сложились детали огромного лагеря, увиденного глазами Мрра.

Она присоединилась к Натану, который вышел из своих покоев в элегантном белом балахоне волшебника с золотым шитьем на манжетах и воротнике. После освобождения из длительного заточения во Дворце Пророков Натан Рал предпочитал тонкие рубашки с кружевами, узкие штаны, высокие сапоги и широкие пояса, но во время их путешествия он надолго лишился магии, и потом, снова обретя дар, решил выглядеть, как волшебник.

— Сможем ли мы сегодня решить нашу проблему, колдунья? — спросил он с усмешкой. — Спасти Ильдакар и рассеять вражескую армию, чтобы снова тронуться в путь?

Никки сжала челюсти, когда они вышли из-под навеса со сладко пахнущими цветами на лозах.

— Да, неплохо бы.

Она никогда не отступала перед сложной задачей. Даже без угрозы древней армии у общества Ильдакара было много тяжелых ран, которые требовали исцеления. Многие ильдакарцы были глупы и эгоистичны, заботились только о себе и избегали тяжелой работы, пока другие обеспечивали их, проливая кровь и пот. Но она познакомилась со многими сильными и достойными горожанами, в том числе среди последователей Зерцалоликого. Хотя сам лидер мятежников оказался ненастоящим, освобожденный раб Ренделл проявил мудрость и храбрость. Никки была уверена, что многие торговцы и низшая знать тоже заслуживают спасения. Да, часть Ильдакара необходимо сохранить.

Когда Никки вела завоевания для Имперского Ордена, она считала всю армию Джеганя — от командиров до пехотинцев — инструментами, не более. Она сама была воспитана в ядовитой философии Ордена, не умела видеть добро в людях. За годы боль и страдания превратили сердце Никки в черный лед, и когда ее любовь к Ричарду Ралу растопила этот лед и помогла увидеть истину, она сама стала инструментом — оружием, которое было необходимо Ричарду.

Никки получила удовлетворение, убив Джеганя, но ее холодная решимость была испытана до предела, когда пришлось убить невинную маленькую Чертополох, чтобы получить яд, необходимый для спасения мира. Таково было предсказание, написанное ведьмой Рэд в книге жизни Натана. *Колдунья спасет мир*. Другое предостережение ведьмы привело потерявшего силу Натана к высокому перевалу Кол Адаир и к Ильдакару, где он нашел сердце волшебника и восстановил дар. Никки всегда делала свой выбор и преследовала свои цели, а не следовала за капризными ветрами пророчества, но она серьезно отнеслась к записи в книге жизни.

Чтобы победить в Ильдакаре, ей необходимо снова превратить свое сердце в кусок черного льда. Она использует свои умения, чтобы спасти город и повергнуть генерала Утроса. Для борьбы требуются ресурсы, оружие, магия и рабочая сила всего города — от могущественных волшебников до обычных людей. Она надеялась, что они согласятся заплатить за свободу.

За пределами величественного особняка удары вражеской армии по стенам наполняли улицы монотонным фоновым грохотом, но после нескольких дней Никки едва его замечала.

Когда стук в одно мгновение прекратился, наступившая тишина показалась криком.

Натан, шагавший рядом, споткнулся на ровной гравийной дорожке.

— Добрые духи! — Он оглядел небо и посмотрел на крошечные точки солдат на равнине.

Никки сузила глаза, прислушиваясь к неожиданной тишине.

— Мне это не нравится.

Натан выдавил из себя неубедительную улыбку:

— Может, Утрос решил сдаться.

— Мы с тобой не настолько глупы, чтобы в это поверить, — сказала Никки и поспешила к стене.

* * *

Когда они добрались до высоких главных ворот, верховный капитан Стюарт выкрикивал приказы дежурным солдатам, чтобы они приготовились к атаке. Впрочем, древние солдаты уже отступали за пределы рва. Стюарт поспешил к Никки и Натану:

— Из штаба армии поступил какой-то сигнал. Солдаты прекратили бить в стены и отступили.

Никки посмотрела вниз с высокой зубчатой стены и увидела сколы на поверхности огромных нижних блоков. Бесконечные удары повредили камень, оставили щербинки и небольшие трещины, но одаренные волшебники укрепили блоки заклинаниями. У основания стены она увидела дымящиеся пятна, лужи масла, разбросанные валуны и другие снаряды, которые погубили сотни врагов. Тела уже утащили.

На равнине армия генерала Утроста разделилась с нагоняющей жуть координацией, и ряды солдат сформировали проход для одного всадника. Человек сидел верхом на светло-сером боевом коне, который тащился вперед так, словно тянул за собой плуг. Наездник был одет в кожаные доспехи с широкими пластинами на плечах, на голове у него был тяжелый шлем, а у бедра — искривленный широкий меч в ножнах. Конь размеренным шагом приблизился к огромным воротам и остановился.

Никки посмотрела вниз с высоты парапета. Мужчина был ветераном с грубым лицом, старым воином, излучавшим силу и уверенность. Он долго смотрел на них снизу вверх, пока верховный капитан Стюарт и стражники на стенах переговаривались, ожидая, что скажет представитель.

Наконец покрытый шрамами ветеран поднял кулак в перчатке и крикнул:

— От имени генерала Утроста и всемогущего Железного Клыка, императора Кергана, мы требуем переговоров с представителем Ильдакара. Мы обсудим, сколько урона должен понести город перед тем, как ему будет позволено сдаться.

Он ждал ответа.

Стражники перешептывались, глядя на Стюарта, который в свою очередь ждал ответа от Никки и Натана. Остальные советники палаты волшебников еще не добрались до стены.

Натан нахмурил брови и крикнул мужчине на коне:

— Значит, ты не генерал Утрос? Ты просто его прихвостень.

Лицо мужчины в доспехах скривилось, но потом снова приняло каменное выражение.

— Я первый командующий Енох и говорю от имени Утроста, который говорит от имени императора Кергана. Мы отведем наши силы, чтобы вы могли послать переговорщика. Мы гарантируем безопасность вашего представителя. Генерал хочет проявить здравомыслие, если не дадите поводов для обратного. — Енох развернул коня и поехал обратно, исчезнув в

рядах бесчисленных вражеских солдат.

* * *

Без твердой руки властительницы и главнокомандующего волшебника советники палаты были неорганизованными. Веками они жили под саваном, занимаясь бесцельными городскими делами, но теперь, столкнувшись с ужасным кризисом, советники даже не знали, кто примет такое важное решение или даже кто будет говорить от имени Ильдакара. Кажется, добровольцев не было.

Никки и Натан сидели среди них, сгорая от нетерпения. Советники Эльза, Деймон Квентин и полуокаменевшая Лани обсуждали ультиматум Утроса. Орон, новый член палаты, говорил больше всех.

— У нас нет другого выбора, кроме как поговорить с Утросом. Только так мы сможем получить сведения.

— Это единственный способ решить проблему, — согласился Деймон. — Вдруг он предложит приемлемые условия?

— Но нельзя отправлять туда самых могущественных людей, — сказал Квентин. — Вдруг это уловка? Если генерал продолжит осаду, город сильно ослабеет.

— Он дал слово, пообещал безопасность представителю, — сказала Эльза. — Армия целыми днями стучала в наши стены, и это предложение — первое, что мы услышали от генерала. Разве мы не должны выяснить, чего он хочет?

Орон согласился, положив свой подбородок на сжатый кулак.

— Так мы выиграем время, чтобы выяснить, как отвадить их или найти способ сбежать.

— Сбежать? — фыркнул Натан. — Добрые духи, да в городе полмиллиона человек! Ты хочешь, чтобы они спустились со скал при помощи веревок и лестниц и уплыли по реке? Это невозможно.

— Речь не об эвакуации, — сказал Квентин. — Мы обдумывали другие варианты.

— Может, генерал Утрос не знает ничего о том, что с ним произошло, — сказала Никки. — Они пробудились после многовекового каменного сна. Он может не понимать, сколько прошло времени.

— Я и сама не замечала хода времени, когда была статуей, — кивнула Лани. — Возможно, он не знает, что император давно мертв.

— Его осада не имеет смысла, — сказала Эльза. — Может, мы заставим его понять это. Поступит ли он благоразумно?

— Он в отчаянном положении. Город долгое время был самодостаточным, и мы можем выдержать бесконечную осаду, но ему нужно кормить своих солдат, — заметил Квентин. — Сотни тысяч солдат остались без продовольствия. Мы можем подождать, пока они просто не умрут от голода. В этом наше преимущество.

Орон холодно и неестественно засмеялся.

— Нужно послать лучшего оратора. Если у Утроса нет императора, которому можно служить, Ильдакар может нанять его армию.

— Тогда нам самим придется их кормить, — сказала Эльза. — Даже если они согласятся сложить оружие, как город сможет прокормить бессчетные тысячи новых граждан?

— Это предложение несерьезно, — сказал Деймон.

Натан выглядел озадаченным.

— Нет, это важный момент. Уже прошло несколько дней. Уверен, они ничего не ели с

момента пробуждения. Должна быть паника, массовое дезертирство, но они по-прежнему соблюдают дисциплину. Как сотни тысяч солдат могут жить без еды и крова?

На лице Лани было смущение.

— Я не чувствую потребности в еде и питье с тех пор, как пробудилась. — Она дотронулась до своей белесой кожи. — Заклинание еще отчасти действует. Возможно, им и не нужна еда.

— Тогда они могут осаждать нас вечно, — сказала Никки.

Деймон застонал:

— Если бы могли снова поднять саван и жить как прежде, когда в Ильдакаре был мир.

— В Ильдакаре никогда не было мира, — проворчал Натан. — Ты просто этого не понимаешь.

— Когда Утрос узнает, что Железный Клык давно мертв и сама империя рухнула, он может понять, что в осаде нет резона, — вернула беседу в нужное русло Никки. — Кто-то должен убедить его.

— Но кто пойдет к нему и скажет это? — спросил Квентин. — Я определенно не вызовусь. Я не верю, что эти кровожадные солдаты не убьют нашего представителя и не перекинут через стену его отрубленную голову.

— Почему бы не послать Тору? — предложил Деймон. — Пусть рискнет. Она настаивает, что желает для Ильдакара только лучшего. Кроме того, ее не жалко.

Это вызвало громкое недовольное бормотание.

— Мы не можем ей доверять, — сказала Лани неожиданно ядовитым голосом. — Никак не можем.

Никки была разочарована.

— Вы — палата волшебников, — жестко сказала она. — И никто не собирается встретиться с генералом Утросом ради вашего города? Вы не выйдете отсюда и не договоритесь с вашим злейшим врагом?

Эльза вздохнула, погружившись в свои мысли. Деймон и Квентин посмотрели на Орона, словно ожидали, что новый советник примет вызов, но тот просто ковырялся в ногтях небольшим кинжалом.

— Довольно глупой болтовни, — сказала Никки. Она уже ходила во вражескую армию и видела худшее из того, что творил Имперский Орден. — Пора браться за работу. — Она взглянула на Натана. — Пойдешь со мной, волшебник? Мы можем говорить еще и от имени лорда Рала.

— Конечно, — с печальной улыбкой сказал он. — Я веками изучал историю. Чем бы все ни кончилось, я буду рад лично встретиться с легендарным генералом Утросом.

Ворота Ильдакара медленно открывались с гнетущим стоном. Объединив усилия, волшебники сняли запирающие заклинания и защитные чары, ослабив оборону. Высокие створки из укрепленного дерева, висевшие на гигантских петлях, со скрипом расходились.

Светлые волосы Никки трепал ветер, прорвавшийся в открывающиеся врата. Вычищенное черное платье сидело идеально. Натан, стоявший рядом с ней, тоже производил впечатление: его светлые волосы были расчесаны до шелковистого блеска, а белый балахон с золотым шитьем придавал могущественный и внушительный вид.

Ворота Ильдакара в тридцать футов высотой весили много тонн, но в основном были архитектурным излишеством. Открытыми их держали только во времена полного мира и безопасности.

— Мы могли бы выйти через дверь для торговцев, — сказала Никки, взглянув на калитку в нижней части громадных ворот.

— Было бы не так эффектно, — возразил Натан, — а нам нужно произвести впечатление. Мы не крадемся, словно мыши, готовые шмыгнуть обратно в норку. Это Ильдакар, и я хочу показать генералу Утросу, что мы достойны его репутации. Мы не боимся.

Пока створки открывались с тяжеловесным величием, Никки окинула взглядом обширную равнину. Бесчисленные вражеские солдаты ожидали на безопасном расстоянии от стены, чтобы переговорщики могли свободно покинуть город, не опасаясь засады.

Натан погладил чисто выбритый подбородок:

— Я много читал о генерале Утресе. Он благородный уважаемый человек и будет соблюдать предложенные им условия. — Губы волшебника изогнулись в улыбке. — Мне не терпится встретиться с человеком, который шагнул прямо со страниц истории. У меня множество вопросов о Срединной войне, о Железном Клыке, о его уникальной тактике, которая приносила победу за победой. — Прежде чем сделать шаг вперед, он посмотрел через ворота на ожидавшую их гигантскую армию. — Но, полагаю, эту дискуссию следует отложить до тех пор, пока войска не оставят попытки уничтожить город и нас всех.

— Мы расскажем генералу, насколько изменился мир с тех пор, как они обратились в камень. — Никки вскинула подбородок. — Едва он увидит полную картину и поймет свое новое положение, то — если он действительно великий полководец — сможет присоединиться к Д'Харианской империи. Если его военный гений окажется на службе у магистра Рала, то у Утроса будет истинная цель, а мы обретем неоценимого союзника.

Натан усмехнулся:

— Или они окажутся слишком рассерженными, чтобы прислушаться к нашим аргументам, из-за того, что окаменели на многие столетия и потеряли все, что у них было в прошлом.

— Такое тоже возможно, — сказала Никки.

Лицо Натана потемнело.

— Я не сомневаюсь, что Утрос будет очень расстроен, узнав, что случилось с императрицей Мэджел. Она была его любовницей, и... это плохо кончилось для нее.

Бэннон с нетерпением поспешил за ними. Длинные рыжие волосы были перевязаны кожаной лентой. Он был одет в свободную коричневую ильдакарскую рубашку, темные

шпаны и свежие сапоги.

— Я тоже пойду. Защищу вас, если солдаты генерала решатся напасть.

В другое время Никки посмеялась бы над предложением юноши, но Бэннон уже доказал свою храбрость, хотя его рвение и наивность иногда могли доставить проблемы. Впрочем, его присутствие не обеспечит им дополнительной защиты.

— Нас двоих будет достаточно, мой мальчик, — как можно мягче ответил Натан. — Мы рассчитываем, что ты защитишь Ильдакар, если мы потерпим неудачу.

Бэннон явно не поверил ему, но отступил с торжественным кивком. Советники и любопытные горожане собрались у ворот, с надеждой наблюдая, но позволяя Никки с Натаном идти на риск.

Когда ворота полностью открылись, Никки и Натан вышли за городские стены и направились к полю брани. Колдунья смотрела вперед, на выстроенные полки солдат. Десятки тысяч воинов походили на почетный караул, стоявший вдоль пути к штабу генерала.

Двое переговорщиков уверенно шагали по коридору древних воинов, стоявших плечом к плечу. Некоторые держали самодельные знамена с изображением пламени Кергана, трепещущие на ветру. Вражеские солдаты смотрели прямо перед собой с непоколебимыми лицами, будто снова стали статуями. Никки задержала взгляд на шлемах, кожаных жилетах с металлическими пластинами, округлых стальных наплечниках. Пепельно-серый цвет лиц указывал на то, что заклинание окаменения сошло не полностью. Этих людей будет трудно убить.

Когда первый из них, Ульрих, случайно пробудился, ей хотелось, чтобы совет волшебников потратил больше времени на изучение его затвердевшей кожи и выявление слабостей, но дворянам не терпелось бросить его на боевую арену. Очередное неудачное решение совета.

— Выглядят очень достойными бойцами, — пробормотал Натан.

— Наша единственная забота — генерал Утрос. Если сможем переубедить его, то не придется беспокоиться об армии.

Пока два вынужденных переговорщика неторопливо шли по проходу среди воинов, Никки нашла зловещее молчание громадной армии заслуживающим внимания. В военных лагерях Имперского Ордена всегда кипела деятельность — солдаты рубили дрова и точили сталь, слышался лязг тренировочных мечей, крики пленников, грубый смех азартных игроков, громогласные приказы лейтенантов и капитанов. Армия Утроста казалась угрожающе тихой.

Они приблизились к деревянному зданию из грубо обтесанных бревен, выкрашенных краской. Строение было украшено самодельными знаменами и где-то раздобытыми предметами. Армейский скарб и снаряжение за прошедшие века сильно обветшали. Перед дверью штаба стояли четыре стражника. Из здания вышел высокий, обветренный мужчина, в котором Никки узнала первого командующего Еноха.

— Генерал готов вас принять, — сказал он.

— Нам не терпится все уладить, — сообщила Никки, — чтобы он мог взять свою армию и отправиться в путь.

Покрытый шрамами ветеран перевел взгляд с Натана на Никки.

— Вы правители Ильдакара? Главнокомандующий волшебник и властительница?

— Нет, вовсе нет, — усмехнулся Натан. — Власть в городе сменилась с момента вашей последней встречи.

— Мы гости Ильдакара, но тоже оказались в осаде, — отчеканила Никки. — Мы пришли говорить от лица города как нейтральные представители. — Она заглянула за Еноха в штаб. — Мы должны обсудить условия с вами или с самим генералом Утросом?

Енох жестом пригласил их внутрь. Ветер трепал их волосы, пока они входили в грубое, но крепкое строение. Свет проникал через открытые окна. Из жаровен по обеим сторонам основной комнаты поднимался едкий дым.

Генерал Утрос с прямой спиной сидел за столом на крепком деревянном стуле. Это был солидный мужчина с широкими плечами и могучей грудью. У него была аккуратно подстриженная серо-каштановая борода, не скрывавшая воскового пятна на левой щеке, где остался гладкий шрам после серьезного ожога. На грубой скамье сбоку от него сидели две поразительные девушки в тонких как паутина платьях, облежавших фигуру. Близнецы. Головы их были гладко выбриты, а кожа разрисована красками. Никки ощутила исходящий от них дар и поняла, что сестры — колдуньи.

Они с Натаном остановились перед столом и предоставили генералу возможность заговорить первым. Утрос остался сидеть в кресле, но полностью сосредоточил на них свое внимание.

— Я команду армией, которая завоеует Ильдакар. Ваша судьба зависит от того, насколько благоразумным будет город.

Никки игнорировала сестер и говорила только с генералом:

— Мы слышали, что вы мудрый человек, генерал Утрос. Так продемонстрируйте нам свою мудрость. Вы хоть знаете, что случилось с вами и вашей армией? Как много прошло времени? Какова судьба императора Кергана и императрицы Мэджел?

Генерал рассерженно подался вперед.

— Я слышал просто невообразимые истории.

Натан вмешался, заговорив примирительным тоном:

— Позвольте, мы так толком и не представились! Это колдунья Никки, а я волшебник Натан Рал. Когда-то я был еще и могущественным пророком, но теперь пророчества полностью исчезли. — Он вздохнул и поправил подол белого балахона. — Не уверен, что вы знали об этом. В мире так много изменилось... — Он указал рукой на двух колдуний, обращаясь и к ним тоже. — Как вы вскоре увидите, подоплека магии в корне изменилась. Прежде чем мы начнем, позвольте рассказать о положении в мире. Вам многое нужно узнать, чтобы принять мудрое решение о действиях вашей армии.

Утрос нахмурился со смесью недоверия и гнева.

Натан сложил руки и заговорил так, словно читал лекцию собравшимся студентам:

— Столетиями я воображал себя кем-то вроде историка, поэтому могу заполнить ваши пробелы. И да, я многое знаю о вас, генерал Утрос. Ваши свершения легендарны. Как вы, наверное, догадались, ваша армия окаменела от заклинания Ильдакара. Каменные фигуры простояли под открытым небом полторы тысячи лет. — Натан выдержал паузу, чтобы Утрос осознал это число. — Боюсь, все знакомое для вас исчезло, генерал. Империя Кергана давно превратилась в прах.

Две гладкокожие колдуньи забормотали, переговариваясь. Утрос посуровел и насторожился, подавшись вперед на своем крепком стуле.

— Слыхали, но сама идея абсурдна. Мы не видели доказательств.

— Какие еще доказательства вам нужны? — решительным тоном вмешалась Никки. — Где ваши палатки? Ваш лагерь? Ваши припасы? С течением времени все превратилось в

тлен. Прошли столетия. История оставила вас позади. Все, что вы знали, изменилось. — На ее лице появилось жесткое выражение. — Вы наверняка заметили, что ваши тела не вернулись в исходное состояние, потому что заклинание сошло не полностью. Признайте правдой то, что вам уже известно.

Когда Утрос зарычал, Натан вмешался вновь, сложив руки и отвесив небольшой учтивый поклон:

— Позволишь, колдунья? Ваши завоевания легендарны, генерал. Как ученый, я впечатлен беседой со столь выдающейся личностью. Вас считали значительной фигурой в военной истории, пока вы и ваша армия не исчезли. Теперь мы знаем, что с вами случилось. Тем не менее, ваша тактика ведения боя и ваши завоевания более тысячи лет были предметом изучения.

Утрос остался непреклонным:

— Меня не интересует лесть, волшебник. Я завоевал эти земли для моего императора. Я служу Железному Клыку, и он приказал взять Ильдакар. Я намерен исполнить приказ. Я никогда не предаю его.

— Ба! — усмехнулась Никки. — Интересно, что при этом вы были любовником его жены. Разве это не предательство?

Полукаменный Утрос вскочил на ноги, нависнув над ними.

— Все было не так! Мэджел любила меня. — Его серые глаза метались между Никки и Натаном. — Откуда вы можете знать это? Это невозможно.

— То, что известно истории, известно и нам, дорогой генерал, — пояснил Натан, — а история знает все. Все открылось, когда рухнула империя Кергана. Вы с императрицей Мэджел были не так осторожны, как вам казалось, и эта ужасающая история веками рассказывалась студентам. После завоевания большей части Древнего мира ваша армия выступила из Ороганга, повинувшись приказу Железного Клыка захватить Ильдакар. Но потом вы и ваше войско пропали, как и сам город. Бесследное исчезновение такой огромной армии было загадкой, над которой столетиями бились ученые.

Утрос переплел пальцы, ухватившись за край грубо сколоченного стола. На углу столешницы лежал его внушительный шлем, украшенный изогнутыми бычьими рогами.

— Но что с моим императором? И... Мэджел? Что, по-вашему, вы знаете? Что случилось с ней? И с империей?

— Увы, — фыркнул Натан. — К сожалению, без вашей армии и поддержки империя Кергана рухнула, не продержавшись и десяти лет. Человек, которому вы служили и которого предали, давно мертв.

В повисшей тишине взяла слово Никки:

— Теперь есть новый император — достойный правитель, которому вы можете служить. Его имя Ричард Рал, и мы стремимся сплотить эти земли, чтобы править по законам справедливости и свободы. Вот почему мы с Натаном прибыли в Ильдакар и оказались втянуты в этот бесполезный конфликт. Магистр Рал — новый достойный повелитель для такого великого и уважаемого военачальника, как вы. Мы надеемся, что вы и ваша армия согласитесь служить ему.

— Я служу императору Кергану, — настаивал Утрос.

— А мы служим тебе, генерал Утрос, — в унисон произнесли две колдуньи, сдвинувшись на скамье.

Он взглянул на них:

— Это Ава и Рува, мои советницы и могущественные колдуньи. Мы не боимся магии, которую Ильдакар применит против нас.

— Кажется, вы боитесь правды, — сказала Никки. — Императора Кергана больше нет, он почти забыт. Присоединяйтесь к Д'Харианской империи и станьте одним из величайших генералов магистра Рала. Нет нужды завоевывать Ильдакар.

— Мне нужно завоевать Ильдакар, потому что я поклялся, — упрямо сказал Утрос. — Керган — мой император, а не этот выскочка магистр Рал, который для меня не более чем имя.

— Уверяю, магистр Рал — это не просто имя, — сказала Никки с оттенком угрозы в голосе. — И он жив и могущественен, в отличие от Железного Клыка и вашей убитой любовницы.

— Убитой? — в бешенстве воскликнул Утрос. — Как она... они умерли? Что с ними случилось?

— Боюсь, все закончилось плохо, — продолжил рассказ Натан. — Люди Железного Клыка восстали и свергли его. Толпа убила императора за то, что он сделал с... — он сделал паузу. — Это довольно неприятно, генерал. Вы уверены, что хотите услышать подробности?

— Что сделал Керган? — требовательно спросил Утрос. Затем морщины на его лице разгладились. — И что стало с Мэджел?

— Император казнил ее, — сказала Никки, используя слова, словно колючую плеть. — Когда Керган узнал о любви Мэджел к вам, он публично содрал с нее кожу. Заживо. Затем, пока императрица медленно умирала, истекая кровью на городской площади Ороганга, Керган высыпал плотоядных жуков на ее тело, которое они насквозь прогрызли. Как я понимаю, она кричала много дней.

— Нет! — возопил Утрос. — Император не стал бы... — он умолк, когда понял, что история звучит слишком правдоподобно.

— И этому человеку вы клялись в верности, — напомнила Никки.

— К сожалению, история правдива, — сказал Натан. — Если вы действительно знали императора, то поверите мне. Разве он не был жесток и непостоянен? Как думаете, что бы он сделал, узнав о предательстве Мэджел, которая изменила ему с отважным генералом?

— Это было не предательство! — хрипло закричал Утрос. — Она любила его, но также любила и меня. Я дал ей то, чего не мог дать муж, и я также дал императору то, чего не мог достичь он сам. Я любил ее, но оставался верен ему.

— История уже написана, генерал, — сказал Натан. — И Мэджел, и Керган стали духами, а завеса безвозвратно запечатана. Ни один дух не может возвратиться из подземного мира. — Он поведал о перемещении звезд, инициированном Ричардом и о том, как тот покончил с пророчеством и навсегда запечатал брешь.

Утрос с силой сжал кулаки, но каким-то образом сдержал ярость.

— Я вам не верю.

— Ваше сердце знает, что мы не лжем, — сказал Натан. — А как еще объяснить то, что вы видите и чувствуете?

Одна из колдуний поднялась со скамьи и сказала:

— Может, мы задержим этих двоих, возлюбленный Утрос, и вырвем из них правду? Просто для уверенности.

— Можете попытаться. — Глаза Никки сверкнули. — Но я бы не советовала.

— Вы обещали безопасность, генерал, — напомнил Натан. — Разве легенды о вашей

чести врут?

— Убирайтесь! — закричал Утрос. — Возвращайтесь за городские стены, пока я думаю, как лучше их снести. Я завоюю Ильдакар, как и поклялся. Не имеет значения, что императора больше нет. Это моя миссия, и я должен ее выполнить. Это все, что мне нужно знать. — Он грохнул кулаком по столу с такой силой, что свежее дерево дало трещину. Его рогатый шлем упал на землю. — Уходите!

Никки и Натан удалились; первый командующий Енох вытолкнул их на свежий воздух. Внезапный порыв ветра подхватил длинные светлые волосы Никки. Тысячи солдат так и стояли, выстроив коридор к воротам Ильдакара.

Скорбь с удовлетворением наблюдал за ходом работ с высокой стены бастиона. Потребовалось всего четыре дня на загрузку припасов в охотничьи корабли капитана Кора и подготовку к набегу на бухту Ренда. Вместе с еще тремя змеиными кораблями они были готовы отчалить от главного острова. Предыдущая экспедиция Кора в Ильдакар была тайной. Смысл ее заключался в том, чтобы найти уязвимые места величественного города и изучить возможности вторжения.

На этот раз у Кора было более привычное для норукайцев задание, и король ожидал, что налетчики ворвутся в нахальную рыбацкую деревню и захватят столько рабов, сколько смогут, набив трюмы ходячим мясом, которое можно продать на различных рынках. Капитаны Кор, Ларс и Йорик убьют пленников, которые не поместятся в лодки, а затем сожгут бухту Ренда. Это послужит уроком остальному миру.

Кор возьмет несколько сотен опытных норукайских воинов — покрытых шрамами мускулистых мужчин и жестоких опасных женщин, — но на кораблях должно остаться место для пленников.

Когда туманный шторм кончился, король Скорбь на высокой зубчатой стене глубоко вздохнул, разглядывая клыкастое устье гавани. На шести змеиных кораблях бурлила деятельность, налетчики прибывали на борт. Корабли с широкими корпусами, длинными веслами и узнаваемыми парусами цвета ночного неба наводили страх на побережье. На носу каждого корабля была резная фигура жестокого змеиного бога, ведущего налетчиков к победе.

Наблюдая за приготовлениями экспедиции к отплытию, король Скорбь страстно желал снова отправиться в набег. Он с восторгом вспоминал дни юности, когда король Суrowый отослал сына, чтобы тот ожесточился, закалился кровью или умер в битве, если окажется недостаточно умелым воином. Такова была участь неудачников.

Соленый ветер хлестал по крыше бастиона, но небо было ярко-голубым, а море — относительно спокойным. Мелок любил оставаться у очага, но сегодняшнее солнце было достаточно ярким, чтобы белокожий шаман решился присоединиться к королю. Мелок подпрыгивал и суетился, пытаясь согреться.

— Бухта Ренда, бухта Ренда! — сказал он. — Не думай о бухте Ренда!

— Почему? Кор уничтожит поселение, и больше не придется о них беспокоиться.

Скорбь, зевая, сунул пальцы в рот и выковырял застрявший кусок мяса яксена, которое ел на обед. Королю этот вкус нравился куда больше надоевшей рыбы или жесткой козлятины. Еще одна причина завоевать Ильдакар.

— Бухта Ренда, бухта Ренда! — Мелок потер руки, глядя меж зубцов стены на шесть змеиных кораблей, пришвартованных у доков далеко внизу. Шаман был настолько неловким и легкомысленным, что чуть не упал со стены, но успел ухватиться за стену тощей рукой. — Война с Ильдакаром, мой король Скорбь! Все будут скорбеть! Ильдакар, а не бухта Ренда.

— Кор уничтожит бухту Ренда и успеет вернуться до войны. Мы еще не достроили корабли.

— Бухта Ренда! — голос Мелка напоминал крик вороны.

Шаман затряс покрытой шрамами головой и попятился, ничего больше не говоря. Кожа на его плечах, руках и спине была испещрена следами укусов голодных бритвенных рыб.

Король прислушивался к видениям Мелка, но шаман был чудаковат и немного не в себе. Редкие пучки волос покрывали его голову там, где они смогли пробиться через шрамы. Мелок вытер костяшками слюну, вытекшую из поврежденного рта. Он стоял в солнечном свете, обратив лицо к небу и подставляя теплу обнаженную кожу.

Хотя жуткое прошлое наделило Мелка способностью к видениям, Скорбь так и не простил отца за этот поступок. Тогда он был еще слишком молод, чтобы бросить вызов королю Суровому, и едва знал Мелка — не настолько хорошо, чтобы отдать жизнь ради спасения странного создания. Вытащив альбиноса из бассейна с бритвенной рыбой, Скорбь завернул израненного и покалеченного мальчика в парусину и забрал его. Остальные норукайцы решили, что уродец мертв, но принц перевез его через залив на соседний остров, больше похожий на пригорок из камней и трав, торчащий над волнами, будто пень. Там в хижине жила слепая старая рыбачка, к которой многие обращались как к целительнице, особенно когда раны на щеках воспалялись после ритуального разрезания рта. Старуха была знатоком по части шрамов. Скорбь принес старухе Мелка и властно, как его отец, приказал спасти мальчика. Не споря, она покрыла разодранную кожу Мелка жирными дурно пахнущими мазями, сделанными из гуано и рыбьей печени, и обернула альбиноса полосками ткани, запеленав, словно в кокон. Скорбь не мог позволить, чтобы король Суровый или любой другой норукаец узнал, что он пытался спасти несчастного, которого они намеревались принести в жертву. Каждый день он тайком плывал на лодке к острову рыбачки, следя за выздоровлением Мелка. Наконец, покрытый шрамами бледный мальчик пришел в себя достаточно, чтобы говорить, и взглянул на юношу, странно закатив глаза.

— Пока не убивай отца, — отстраненно сказал Мелок потусторонним голосом. — Позволь сказать, когда придет время. Я узнаю.

Скорбь ответил молчанием, уставившись на слепую рыбачку, которая притворилась, что не слышит. До сих пор он даже не думал об убийстве отца. Правление островами Норукай маячило в далеком будущем, но Мелок выглядел абсолютно уверенным. Юноша почувствовал, как по спине и рукам поползли мурашки. Он верил, что Мелок узнает и расскажет ему. Что тот и сделал.

За эти годы он посетил сотню главных островов, образующих архипелаг Норукай, а также побережья, которые налетчики разграбляли, забирая ресурсы. Норукайцы заставляли рабов вырубать леса, оставляя лишь голые холмы, и добывать в горах железо, золото и серебро. Но Скорбь всегда хотел большего, и теперь намеревался получить это.

Он согласился с предсказанием шамана и оценкой Ильдакара капитаном Кором. Если они захватят легендарный город, то вонзят нож в сердце Древнего мира. Оттуда норукайцы смогут выдвинуться во всех направлениях, вверх и вниз по реке Киллрейвен, блокировать устье и занять все побережье до Танимуры и даже дальше.

Тысячи лет назад норукайские племена были дикими и свирепыми, вели бесконечные междоусобные войны, оставляя после себя разруху и горе. Но опустошавшие земли норукайцы были недостаточно организованными, чтобы стать непобедимыми. Когда империя Сулакана набрала силу, на племена объявили охоту, поскольку те доказали свою неуправляемость. Норукайцы отказались присягнуть на верность Сулакану, и император приказал истребить весь народ. Армия императора оттеснила норукайцев к морю, и племена отступили к многочисленным неприступным островам. Число погибших с обеих сторон было огромно.

Спустя тысячелетия норукайцы снова набрали мощь и принялись неторопливо мстить.

Но это заняло слишком много времени.

Нетерпение стало одной из причин, по которой Скорбь сверг короля Сурового. И теперь обглоданный рыбами череп его отца был главным украшением стоявшего в тронном зале аквариума Мелка, где тот держал своих любимых рыбешек.

Скорбь и Мелок стали друзьями; шаман-альбинос был всецело предан своему спасителю. Новый король убил девять неотесанных норукайских воинов, которые совершили ошибку, посмеявшись над странным юношей. После этого остальные норукайцы оставили Мелка в покое, тем самым неохотно выказывая уважение королю.

Король настаивал на том, чтобы Мелок оставался дома, когда он сам отправлялся в набеги. Он ценил видения шамана, но Мелок не был бойцом, а Скорбь знал, что иногда ходячее мясо может впасть в ярость. Всякий раз, когда король возвращался домой с новыми боевыми шрамами, его друг радовался, видя его живым.

Как-то раз перед обычным набегом шаманом овладел необъяснимый испуг. Скорбь намеревался повести четыре корабля на юг для совершения набега на шахтерскую деревню, которую они не грабили на протяжении пятнадцати лет. Дети, которых они оставили в живых, должны были уже вырасти, а жители все позабыть и расслабиться. Набег обещал быть легким, но Мелок умолял короля остаться. Он не объяснял причин, но все более неистовствовал, пронзительно вопя:

— Не уходи, не уходи!

Скорбь никогда бы не признался в своем страхе, но настойчивость Мелка охладила его пыл. Норукайцы так и не поняли, почему он отказался участвовать в набеге, но король не обязан никому ничего объяснять. Когда одна свирепая воительница, Атта, слишком громко рассмеялась и стала напирать, Скорбь сломал ей нос и разбил скулу, ранив так сильно, что ей самой пришлось остаться дома.

Позже король узнал о страшном шторме, накрывшем корабли. Три судна затонули сразу, а последнее, кое-как плывшее в сторону дома, подверглось нападению злобных сэлок. Подводные создания разнесли корабль на части, и среди обломков нашли лишь троих выживших. Если б Скорбь отправился с ними, то тоже бы погиб. С тех пор он всегда слушал Мелка, даже если не понимал таинственных предсказаний.

В гавани забили железные колокола; звон эхом отражался от скал, заглушая рев океана и свист ветра. Шесть змеиных кораблей подняли темные паруса и пустили в ход погодные заклинания, чтобы поймать ветер. Мускулистые норукайцы взяли за весла, выводя суда, словно кинжалы, из узкой защищенной гавани под несмолкающий звон.

— Бухта Ренда, бухта Ренда! — Мелок снова подбежал к нему. — Готовься к Ильдакару и всему миру, мой Скорбь, король Скорбь! Они все будут скорбеть.

— Я построю свой флот, — сказал король. — Мы начнем вторжение только тогда, когда наши воины будут готовы. Наша флотилия будет подобна стае акул.

Когда корабли Кора отплыли от главного острова, Скорбь рукой прикрыл глаза от солнца, вглядываясь в далекие и нечеткие холмики островков в море, соединенные труднопреодолимыми судоходными коридорами через рифы. На подветренной стороне островов были возведены длинные доки, где строились новые змеиные корабли — в дополнение к уже существующим. Скорбь приказал привезти с ближайших берегов материка весь строевой лес; самые высокие деревья пускали на мачты, а остальные распиливали на доски для корпусов. Шпангоуты изгибались вдоль килей, превращаясь в устрашающие змеиные корабли — целые дюжины кораблей.

На каждом острове был свой опытный резчик по дереву, который при помощи резцов и долота создавал характерную носовую фигуру для каждого корабля, уникальный образ змеинобога. От каждого крупного острова полагалось одно большое судно. За последние две недели было закончено тридцать новых военных кораблей, строились еще пятьдесят и планировались десятки. С вершины бастиона Скорбь слышал отдаленный гул: норукайские кораблестроители воспользовались хорошей погодой, чтобы ускорить работу.

Королю Суrowому потребовалось слишком много времени, чтобы начать войну с материком, а молодой король Скорбь терял терпение. Когда Мелок сказал ему, что время пришло, тот не колебался. Он бросил вызов и убил отца. Суrowый не привел норукайцев к славе, которую те заслуживали, но Скорбь все исправит.

Теперь, глядя на растущую внушительную флотилию, он знал, что это лишь вопрос времени.

— Они все будут скорбеть, — пробормотал он про себя, и Мелок усмехнулся.

Генерал Утрос сидел в темном штабе и размышлял, борясь с неверием и ужасающей неизбежностью. Солнце зашло за холмы на западе, за которыми был Кол Адаир, но еще до наступления темноты Утрос закрыл ставни. Внутри мрачного и душного помещения Ава и Рува раскалили угли в жаровнях, наполнив тени оранжевым светом, а затем и едким запахом трав. В замкнутом пространстве кружил горький дым, но то, что узнал Утрос, было намного горше.

В многочисленных небольших королевствах и княжествах царила неразбериха после разгрома его армией, и новости могли распространяться по Древнему миру очень медленно. Может ли быть так, что Утрос завоевал континент, пересек горные перевалы и осадил Ильдакар во имя империи, которая уже рухнула? Как история могла быть такой жестокой? Как время посмело отвергнуть его после стольких выдающихся побед? И все же его сердце поверило тому, что сказали Натан и Никки. Утрос не мог отрицать очевидное.

Теперь двери и окна были закрыты, стражники стояли снаружи, не пуская внутрь командиров с донесениями. С Утросом были только колдуньи, но даже их могущественная магия не могла развеять его сомнений. Железный Клык исчез, его империя рассыпалась в пыль с течением времени. Императрица Мэджел, прекрасная Мэджел, тоже умерла самой ужасной смертью, какую только можно представить. Утрос в любом случае оплакивал бы возлюбленную, но знание о том, что ее собственный муж содрал кожу с ее молочно-белых плеч, округлой груди, плоского живота, ее гладких бедер...

Утрос зажмурился, представляя красивое лицо Мэджел с правильными чертами, ее сияющие темные глаза, которые смотрели на него с любовью и запретной страстью. Когда они были вместе, она испытывала радость от объятий того, кто хочет любить, а не обладать ею.

А потом она погибла от руки человека, за которого вышла замуж, которому Утрос поклялся в своей верности.

Этого же человека предали и сами Утрос и Мэджел.

— Может ли это быть правдой? — спросил он вслух, глядя на Аву и Руву. Казалось, он умолял колдуний сказать ему иное.

Лица сестер были разрисованы свежей краской, на щеках смешались алые и желтые оттенки, на шеях — пятна цвета индиго, очерченные багровым.

— Как это может быть ложью? — спросила Ава. — Ты чувствуешь это, возлюбленный Утрос. Ты и сам знаешь ответ.

— Я не смогла применить заклинание, чтобы проверить истинность слов посланников, когда они были здесь, — добавила Рува, — но я не видела сомнений или обмана в их глазах.

Ава шагнула ближе:

— Императора Кергана, определенно, больше нет, но наша преданность не исчезла. Ты всегда был нашим лидером. Сотни тысяч солдат повинуются твоим приказам, кто бы ни занимал трон империи.

— А я следую приказам императора, — сказал Утрос, борясь с собственной преданностью. — Когда мы покинули Ороганг, я поклялся завершить миссию, и мне не нужно было получать никаких дальнейших инструкций от Железного Клыка. Каменное проклятие не может что-то изменить только потому, что прошло слишком много времени. Я

все еще должен завоевать Ильдакар.

— Пусть город падет, если это тебе необходимо, — добавила Ава. — Твои солдаты сделают то, что поклялись сделать. Ради тебя.

— После падения Ильдакара ты можешь стать его военачальником, новым правителем современной империи, — поспешила добавить Рува, словно подхватывая мысль сестры.

Но кое-что беспокоило Утроса.

— Нет, это заставит меня еще больше чувствовать себя предателем. — Образ Мэджел промелькнул перед глазами, и он нежно отодвинул его в дальний угол своего разума. — Я воин, а не властолюбивый деспот. Я делаю это не для себя.

— Но твоя армия нуждается в лидере, — сказала Рува. — Так командуй ею. Делай то, что необходимо.

— Возможно, вы правы. — Он принялся крутить кистями, переплетая пальцы в попытках размять окоченевшую кожу. — Я охотник и не спускаю глаз с дичи, которую собираюсь умертвить. Прежде чем беспокоиться о том, как сохранить мясо на зиму и распределить его по амбарам, я должен убить добычу.

— Ильдакар, — сказали девушки в унисон.

Утрос закрыл глаза, отгораживаясь от них, убирая все, что отвлекало. Ава и Рува, вероятно, думали, что он строит военные планы, мысленно расставляя группы солдат, отправляя огромные отряды для захвата окружающих земель. Войско могло заблокировать Ильдакар, навалиться на его стены, тем самым посеяв в городе ужас, даже если усиленные магией защитные сооружения сдержат атаку. Но Утрос не мог перестать думать о Мэджел. Его каменное выражение лица маскировало отвращение к тому, как она умерла, к ее крови и боли. Он должен был быть с ней. Он должен был спасти ее, но не мог понять, как была раскрыта тайна их любви. Что они сделали не так? Они вели себя так осторожно! Где они просчитались?

Хотя он жаждал записывать свои мысли каждый день, он послал Мэджел всего несколько писем и просил сжечь их после прочтения. Даже если бы она решила их хранить, кто осмелится копаться в личных вещах императрицы? И ни один посыльный не сломал бы печать, чтобы прочесть письма.

Но что, если Железный Клык заинтересовался, почему военный посыльный передает секретное запечатанное послание от генерала его жене? Неужели Керган перехватил и прочитал одно из писем? Посыльный поклялся доставить его только получателю, но разве он посмеет противиться прямому приказу императора? Нет.

Утрос слишком хорошо знал своего правителя. Керган сидел на троне в Ороганге, но человеком был капризным и безрассудным. Слова Никки и Натана о том, как история оценивает Железного Клыка, были верны. Император Керган достиг величия только благодаря победам и мудрому предводительству своего величайшего полководца. Утрос завоевал Древний мир, и Железный Клык стал править им, несмотря на неспособность управлять столь обширным государством.

Возможно, Керган сам понимал это. Может, он чувствовал себя недостойным и завидовал талантливому генералу. В душе он осознавал, что победы принадлежат Утросу, и его армия и подданные тоже знали это. Этот вспыльчивый правитель, обнаружив, что он не только несуразный лидер, но и любовник, не смог бы этого вынести. Это была бы очередная победа, одержанная генералом Утросом. Железный Клык обрушил бы свою месть на кого-то слабее себя, человека, которого любил Утрос. На Мэджел.

Да, он вполне мог поверить, что Керган заживо содрал кожу с собственной жены, а затем скормил еще живое тело плотоядным жукам.

Утрос поморщился, изо всех сил стараясь вынести ту яркую картину, которую рисовал ему страх. Выкрикнула ли Мэджел его имя, держась за свою любовь к нему, когда ее тело разрывалось на части? Или она умоляла гнусного мужа о прощении, каясь в предательстве и вновь клянясь ему в верности? Это бы не помогло ей.

Утрос знал о конфликте чести и нужды в ее душе. Он сам едва мог выдерживать борьбу между преданностью к ней и императору. Он дал священный обет служить императору, и это было целью его существования, и все же его сердце перевернулось к Мэджел. Как он мог примириться с этим? Преданность или любовь? Пока Керган не знал об их страсти, Утрос был способен разделять свой долг перед Железным Клыком и любовь к Мэджел. Но теперь, если возлюбленная убита, их страсть раскрыта, а сама империя рухнула, как мог Утрос что-либо уравновесить? В чем смысл его существования? Что делать с данным ему приказом, его миссией по захвату Ильдакара?

Он зажмурился и почувствовал жжение слез. Он оставался глубоко погруженным в свои мысли, пока не очистил эмоции, превратив их в камень и раскрошив в пыль внутри своего сердца.

Наконец он открыл глаза и увидел, что Ава и Рува напряженно ждут, не сводя взглядов с его лица. Он даже не слышал их дыхания.

— Мы по-прежнему должны сокрушить Ильдакар, — сказал Утрос. — Я должен выполнить приказ. — Он думал о том, как бросил вызов легендарному городу пятнадцать столетий назад. — Волшебники Ильдакара когда-то были очень могущественны, но если каменное заклятие исчезло, то их магия сейчас слабее, чем прежде. — Он прищурился, глядя на них. — А ваша, я надеюсь, все еще сильна.

Ава и Рува кивнули.

— Дар по-прежнему с нами, а теперь мы плоть и кровь, укрепленная силой камня. Мы стали еще могущественнее.

— Мы знаем секреты, неведомые другим, — добавила Рува.

За пределами штаба сгущались сумерки, но тусклый свет в жаровнях продолжал пульсировать оранжевым.

— Никки и Натан могли нечаянно оставить то, что мы можем использовать против них, — сказала Ава.

Ее сестра улыбнулась:

— Да, они не были осторожны. Они не подозревают о силе, что пребывает в каждой частичке их самих. Но мы знаем.

Перед прибытием переговорщиков колдуньи помогли друг другу сбрить ножом волоски с бровей, головы, рук и ног, обработав каждый участок, удалив самые крошечные волосинки, которые потом сожгли в жаровнях. Затем девушки обрезают ногти, также скормив каждый кусочек огню. Они позаботились о том, чтобы враг не обнаружил ни малейшей частицы их тел. Но Никки и Натан проявили небрежность.

Ава и Рува тщательно обыскали то место, где стояли колдунья и волшебник. Женщины ползали, осматривая половики, дверные косяки и прочие места, к которым прикасались посетители. Утрос не спрашивал, зачем им это, но они явно что-то искали.

Ава провела пальцами по грубому дереву дверной коробки, шурясь в свете жаровен. Затем с торжествующим криком продемонстрировала золотистый волос, зацепившийся за

щепку, и вытащила его. С восторженными лицами, полными предвкушения, колдуньи рассматривали тонкий волос, который, очевидно, принадлежал Никки.

— Теперь у нас есть то, что нужно. — Глаза Рувы засияли.

— Никки может быть сильной противницей, наделенной великой магией, — сказала Ава. — Но она дура, раз оставила нам такое оружие. Мы с сестрой никогда не допустим такой чудовищной ошибки.

Держа волос, Рува поднесла его ближе к жаровне, так что красноватый свет заискрился по всей его длине. Волос казался изящным и эфемерным, словно паутина. Она свесила его над тлеющими углями, и сестра, жадно вглядываясь, наклонилась ближе. Утрос чувствовал растущую между ними магию. Несмотря на отсутствие у него самого дара, он уже видел, что вытворяли близняшки. Они не подведут его.

Ава подняла волосок повыше:

— Нужны день или два на приготовления, но с этим единственным золотым волосом мы можем сотворить великую магию. И Никки будет нашей целью.

Теперь Натан понимал, что древний полководец ни за что не откажется от осады. Он увидел в глазах легендарного командира решимость и отказ отступить. Для Утроста все было потеряно, оставалась лишь осада.

Ильдакар закрыл ворота и вновь их запечатал, и теперь совет несколько дней будет обсуждать доклад Никки и Натана. В глубине души волшебник знал, что городу нужны другие способы дать отпор. В прямом столкновении одолеть гигантскую армию невозможно.

— Нужно найти выход из этой осады, моя дорогая, — сказал он Эльзе, когда на следующий день они отправились на прогулку. — Учитывая легендарную славу Ильдакара, я уверен, что одаренные смогут придумать неожиданный ход с магией. Может, и не очередное заклинание окаменения, но наверняка они что-либо предложат.

— О, непременно.

Эльза была привлекательной женщиной с гладкой кожей, но лицо было широковатым и не слишком утонченным. В теплых карих глазах светились ум и чувство юмора, а также терпение. Она определенно была терпелива с Натаном, особенно в то время, когда он не мог использовать дар. Она помогала ему восстановиться после того, как повелитель плоти Андре заменил ущербное сердце Натана сердцем умирающего главного укротителя Айвена. Натан почувствовал покалывание в груди, шрам пронзила боль. Тук-тук. Тук-тук. Но новое сердце было сильным, дар вернулся к Натану. Он снова был волшебником.

— Когда Утрост и его армия пришли в первый раз, волшебники экспериментировали со многими разновидностями магии, — сказала Эльза. — Они не боялись последствий и возможных побочных эффектов. Они хотели защитить Ильдакар любой ценой.

Натан и Эльза шли по краю обрыва над рекой. По неровной поверхности отвесной скалы спускалась череда платформ и переходов, ведущих в туннели для доставки в город продовольствия с реки.

Колдунья указала на сеть болот на юге вниз по течению:

— Смотри, древние волшебники затопили речную долину и превратили ее в смертельные топи.

На Эльзе было пурпурное шелковое платье, скорее удобное, чем роскошное. Даже будучи членом палаты, она вовсе не желала роскоши и пышности, соответствующих положению. Она всегда была внимательна к людям и старалась укрепить общество Ильдакара, заботясь о других. Эльза хорошо обращалась со своими рабами. Она даже приобрела лишних слуг, в которых на самом деле не нуждалась, просто чтобы уберечь их от тренировочных ям или тяжелой работы.

После восстания Зерцалоликого Эльза поговорила со своими рабами, которых взбудоражило настроение толпы, пронесшейся по Ильдакару. Той ночью Эльза сама испачкалась в пыли, пепле и крови, сражаясь бок о бок с Натаном и Никки против жестокой властительницы Торы. Она объявила слугам, что они вольны идти куда пожелают, но она надеется, что они останутся в своем доме. И большинство осталось.

— Можно ли использовать твою магию переноса для обороны города? — спросил Натан, знавший о даре Эльзы. — Или для атаки на Утроста?

— Это всегда возможно. — Она погладила подбородок, неосознанно подражая

привычке волшебника. Он нашел это милым. — Я могла бы нанести закрепляющую руну в Ильдакаре, но второй символ должен быть на цели, чтобы сработала магия переноса. Например, могу начертать руну рядом с ревушим огнем в моем особняке, а затем переместить жар и воспламенить Утроса. — Она помолчала. — Но кто-то должен изобразить соответствующую руну на его груди, и я не думаю, что он будет стоять на месте.

— Да уж, вряд ли. И все же давай использовать воображение. Нужно мыслить шире. Может, есть что-то еще.

Они наблюдали за прибывшей с верховьев реки баржей, груженной ящиками, бочонками и мешками — припасами, которые понадобятся из-за осады. Рабочие спускались к барже у дока по мосткам и шатким платформам. Трудяги, разгружавшие груз у подножия утеса, казались крошечными. Они напрягались, натягивая канаты и вращая рукояти воротов, чтобы поднять тяжелые клетки на платформы и к туннелям.

— Мы отправим весть вверх и вниз по реке, — сказала Эльза. — Ильдакару нужны все припасы, которые могут предоставить деревни, и мы за это дорого заплатим.

— Осажденный город может довольно долго продержаться, — сказал Натан. — Все эти столетия под саваном вы были самодостаточны.

— Но, как ты сказал, основы магии изменились. Заклинание окаменения исчезло. Ричард Рал инициировал перемещение звезд, и последствия только начинают сказываться на всем мире.

Новое сердце Натана вздрогнуло, словно в ответ на это.

— По крайней мере, брешь в завесе подземного мира запечатана, и больше не нужно беспокоиться о Владетеле или армии нежити.

— У нас хватает врагов и в реальном мире, — заметила Эльза.

Пока они гуляли, она рассказала о своей жизни в Ильдакаре. У нее был счастливый брак с волшебником по имени Дерек, добрым человеком с сильным даром и интересом к ремеслам и музыке. Дерек демонстрировал подлинную магию, когда играл на лютне, которая могла издавать музыку более волнующую, чем любое заклинание. После многих лет семейной жизни Эльза поддразнивала его из-за растущего живота, а Дерек отвечал, что так проверяет искренность ее любви. А потом как-то ночью он подавился рыбьей костью, ужиная в своих покоях. Никого не было рядом помочь, а Эльза обнаружила его лишь утром. Она оплакивала потерю почти век, но теперь могла рассказывать об ушедшем муже с задумчивой улыбкой и блеском в глазах.

— И ты не нашла другого мужа? — спросил Натан, выслушав ее трагическую историю. — В городе полно дворян и волшебников.

Она застенчиво взглянула на него:

— Я больше не встречала человека, который мог бы сравниться с Дерекком в доброте или в чарующих увлечениях. — Она пренебрежительно махнула рукой. — Я больше не ветреная девица, ищущая романтики. У меня и так все хорошо.

Натан смущенно пригладил белые волосы, перекинув их на спину:

— Ах, моя дорогая, я уверен, что в тебе все еще живет та ветреная девица. Я вижу это в твоих глазах и застенчивой улыбке.

Она отвернулась, но он успел заметить румянец на ее щеках.

Эльза упоминала о древних хранилищах на нижних уровнях Ильдакара — обителях и лабораториях прежних волшебников.

— В те дни одаренные были намного сильнее, — говорила она. Они придумали магию

настолько ужасную, что боялись ее использовать, но тогда в этом и не было нужды.

— Кажется, сейчас мы в этом нуждаемся. — Натан мельком подумал о могущественных знаниях в архиве Твердыни, но она была слишком далека. — Если у тебя есть какие-либо предложения...

— В Ильдакаре есть места, о которых никто не вспоминал больше тысячи лет, — сказала Эльза. — За саваном мы укрылись от внешних опасностей и даже помыслить не могли, что армия пробудится.

— Помнишь, где примерно находятся эти места? — спросил Натан.

Она повела его вниз по одной наклонной улице, затем по другой, выведшей к более просторным районам с рыночными площадями, скотными дворами и складами. На пути попадались крупные ремесленные кварталы, шумные и вонючие — кузнечные, кожевенные и прочие. Эльза и Натан приветствовали плотников, распиливающих бревна, и мебельщиков, занятых своим делом, несмотря на осаду. Ткачи работали за выставленными на улицу огромными станками, изготавливая ткани с замысловатыми узорами — зачарованными либо просто декоративными. Некоторые смотрели на пару с подозрением, но Натан тепло махал рукой. Эльза провела его мимо расшалившихся детей, лающей собаки, кузнеца, нарезающего тонкие полоски железа и кующего из них гвозди, которые он бросал в деревянное ведро.

Там, где город сливался с равниной, виднелись большие холмы песчаника, похожие на обветренные рыжеватые укрытия — все, что осталось от разрушенных башен предсказателей погоды и астрономов. Когда одаренные переместились на более высокие уровни города, эти здания стали использовать для хранения силоса, в качестве общежитий для рабочих или просто разбирать на материалы. В некоторых холмах песчаника виднелись каменные двери, все еще запечатанные.

— Вот этот. — Эльза подвела его к островку песчаника, который когда-то был фундаментом величественного здания, разрушенного стихией. Дверной проем был заложен каменными блоками. — Здесь было какое-то хранилище, в которое пускали только самых высокопоставленных волшебников, но я так нигде и не смогла найти записей о том, что здесь было.

— Может, тогда выясним это сами? — Натан остановился перед каменной кладкой и прикоснулся к твердым блокам тонкими пальцами. Они казались такими же неприступными, как и сама скала. — Однако я вижу одну проблему.

— Эту решить достаточно легко. — Эльза положила руку на твердый камень рядом с рукой Натана, мягко коснувшись его пальцев.

— Могу высвободить дар и взорвать, — сказал Натан, отступив.

— Да, можешь, но давай лучше не будем. Я использую магию переноса. — Эльза подошла к кузнецу, и он перестал стучать молотом, когда она попросила одолжить ведро для воды.

Протянув ей пустое деревянное ведро, он указал на корыто.

— Что угодно для помощи Ильдакару, — без иронии сказал он.

Натан зачерпнул ведром воду и отнес его к каменной кладке.

— Хочешь облить водой камни и растворить их?

— Конечно же, нет. — Она опустила палец в воду и нарисовала на стенке ведра символ. Прежде чем узор успел растечься или испариться, Эльза снова смочила палец и нарисовала увеличенную версию символа на стене. — Вот, якорная руна и руна соответствия. Смотри.

Когда она закончила с узором, ведро задрожало. Поверхность воды покрылась

концентрическими кольцами, которые двинулись внутрь, а затем наружу. Каменная преграда тоже сдвинулась. Вода стала мутной, грязной и илистой. Каменные блоки осели. Раствор, удерживающий их, стек, словно жидкость, а вода в ведре превратилась в цемент. Между блоками появились щели, и некоторые камни упали на землю.

— Теперь толкни, — сказала Эльза, когда магия сделала свое дело.

— Поразительно. — Натан прижал ладонь к камням и надавил. С пугающей легкостью блоки рассыпались, открыв вход в большое хранилище. — Все оказалось проще, чем я ожидал. Пожалуй, магия переноса весьма эффективна, если знать, как и когда ее использовать.

Натан и Эльза ступили внутрь; каждый создал шарик света на ладони осветить помещение. Прохладная темнота пахла сыростью с привкусом металла — не только заржавевшего железа, но и серебра с медью. Вместо склада магических устройств или огромной библиотеки тайных заклинаний они обнаружили лишь низкую круглую стену в центре — похоже, колодец. Он был источником странного запаха.

— Я надеялась на большее. — Эльза нахмурилась. — Еще один источник воды? Зачем они спрятали его и замуровали?

— Я уже встречался с подобным, это не просто колодец. — Натан ощутил озноб, а вместе с ним и возбуждение. — Это сильфида.

* * *

Натан лишь намекнул на их находку и убедил Никки поспешить.

— Мой дар восстановлен, но эта находка не принесет мне никакой пользы, поскольку она требует как магии Приращения, так и магии Ущерба. А ты сможешь это использовать, колдунья.

Оказавшись в открытом ими помещении, Никки шагнула вперед и зажгла огонек, разглядывая низкую стену колодца. Деймон, Квентин и бледная колдунья Лани тоже были с ними — их заинтересовала находка, вызвавшая у Натана такой энтузиазм.

— Что это? — спросил Деймон, косясь на Эльзу. Казалось, он был настроен скептически. — Просто дыра, зачем такой переполох?

— Это больше, чем дыра, — сказала Никки, сделав еще пару шагов и уже обдумывая открывшиеся возможности. — Это колодец сильфиды — часть транспортной сети.

Лани нахмурилась:

— Что такое сильфида? Никогда не слышала.

— Сильфида — это женщина... Точнее, была женщиной, которую превратили в существо с великой силой. Всякий, кто наделен магией Приращения и Ущерба, может путешествовать в сильфиде на огромные расстояния, почти не затратив времени. Я уже использовала ее раньше.

— Думаешь, эта сильфида еще жива? — спросил Натан. — Ты можешь путешествовать в ней?

Никки положила руки на край колодца и взгляделась в сырую пропасть, пахнущую металлом. У колодца словно не было дна; воды тоже не было — только бесконечная пустота. Она не чувствовала никакого движения, не слышала шума.

— Я уже имела дело с двумя разными сильфидами. Эта может оказаться одной из них или третьей. Ильдакар далеко от всех известных мне мест. Колодец может быть частью обособленной сети, охватывающей весь Древний мир.

В ее голове кружились мысли. Может, стоит отправиться в Народный Дворец и

рассказать Ричарду и всей Д'Харианской империи о древней армии? Ильдакар был изолирован осадой, и все, кто мог ему помочь, находились слишком далеко.

— Возможно, когда поймем планы Утроса на Ильдакар, мне стоит отправиться в путешествие и предупредить другие города.

Максим, хотя и презирал город Ильдакар, начал переосмысливать взгляды, оказавшись вдали от цивилизации. После пяти дней в коварных болотах он был похож на мокрого оборванца, грязного и голодного. Его постоянно атаковали тучи кровососущих насекомых.

Продираясь сквозь колючий кустарник и бритвенно-острую осоку, Максим применял дар, чтобы выпутаться из приставучей паутины. Добравшись до пригорка, состоявшего из замшелой земли, трухлявых веток и слежавшегося тростника, он был вынужден смириться с тем, что лучшего места для ночлега уже не найдет.

Черные шаровары были мятыми и грязными, но прочный ильдакарский шелк не порвался. Сапоги из кожи яксена не пропускали влагу, но иногда он погружался по колени в жижу и зачерпывал воду.

Он обошел удручающе маленький островок по кругу, прислушиваясь к бульканью и всплескам существ в стоячей воде. Максим натаскал скользких веток, покрытых мхом — целую кучу мокрой древесины для костра. Требовалось мастерское владение даром, чтобы в течение ночи быть в сухости и тепле, но он был одним из самых могущественных волшебников Ильдакара. Разумеется, он умел разводить костер. Максим без всякого изящества накидал трухлявый хворост в беспорядочную грудку, затем взмахом руки выпустил дар на ветки и бревна, с шипением выпарив влагу. Он направил в центр кучи крошечную искру, осторожно, чтобы дерево не вспыхнуло все разом. Вскоре сгустилась тьма, но у него был потрескивающий костер.

Решив использовать одно бревно в качестве импровизированного сиденья, он счистил грубую кору, прежде чем усесться. Предстояла еще одна неудобная ночь. Максим с тоской вспомнил о просторных кроватях в своем большом ильдакарском особняке. Он мог бы спать на шелковых простынях, чувствуя задувающий в окна прохладный бриз — разумеется, после того как утолит свою страсть с одним из многочисленных участников вечера удовольствий.

Или он мог бы лежать рядом с холодной и язвительной Торой, равнодушие которой пропитало ее плоть и душу. Максим тотчас вздрогнул и склонился к пламени. Нет, даже здесь лучше, чем с ней.

Почти две тысячи лет назад его любовь к Торе была искренней. Мысли о ней главенствовали над его эмоциями и действиями. Максим с Торой были неразлучны, любили друг друга со страстью, которую даже менестрели не в силах выразить словами. Вместе властительница и главнокомандующий волшебник сотворили великую магию, чтобы править городом, хранителями которого они себя считали. Тора мечтала создать идеальное общество, в котором каждый раб, каждый рабочий, каждый торговец служил бы на благо Ильдакара.

Это была мечта Торы, и Максим, разум которого был одурманен любовью, позволял жене действовать по ее желанию. Теперь, среди ночного гудящего болота, эта мысль вызывала тошноту. Максим не мог поверить, что был таким доверчивым. Он же могущественный волшебник, так почему его сердце оказалось слабым? Он мог бы проявить характер и вылепить Ильдакар согласно своим желаниям, а не ее. Тогда он был дураком, думая, будто хочет того же, что и Тора. Возможно, так оно и было, но его желания и потребности изменились, а интерес угас. Ильдакар стал его величайшим триумфом, но за столетия застоя город ему наскучил.

Когда Утрос осадил город, Максим и Тора объединились с волшебниками Ильдакара. То были дни триумфа, наполненные смыслом! Но даже страсть, которая горит столь ярко, рано или поздно иссякает. Величайшая любовь не может длиться вечно — такова человеческая природа. У Торы было идеальное тело, а красоту лица не в состоянии были запечатлеть скульпторы, но когда-то сладкие поцелуи стали безвкусными, нежные изгибы тела и теплая плоть ощущались как старый поношенный наряд. Его обожание превратилось в презрение.

Ильдакар, построенный согласно мечтаниям Торы, стал горьким и затхлым. Большинство горожан даже не замечали изменений. Ильдакар ходил на красивую фарфоровую вазу, испещренную бесчисленными тончайшими трещинами. Максиму хотелось ее разбить.

Он стал Зерцалоликим, забавляясь смутой среди рабов и низших классов, питая их сомнения и гнев. Это восхитительное занятие некоторое время забавляло. Угнетенные люди так жаждали избавителя, героя, и Максим дал им его, представ в виде таинственной фигуры в сером балахоне, скрывающей лицо за зеркальной маской.

Сначала это была игра, и Максим наслаждался, дурача изнывающий народ. Но по мере усложнения планов, он понял, что нашел способ подорвать положение знати, членов совета, заносчивых волшебников — и особенно Торы. Весь город был готов вспыхнуть, достаточно лишь искры.

Восстание стало его звездным часом. Он наблюдал, как рабы выпускают на волю боевых зверей, ведут за собой воинов арены и бегут по улицам. Максим испытал возбуждение, видя, как осуществляются его планы с помощью харизматичной колдуньи Никки, искренне верующей в цель. Максим добился успеха: Тору свергли. Но он бежал из Ильдакара, не желая стать жертвой внутреннего распада города. Желая убедиться, что великий город падет, он подлил масла в огонь, развеяв уникальное заклинание окаменения, которое когда-то создал, и пробудив древних солдат, некогда осадивших город. Как же ему хотелось просто сидеть и смотреть, как разворачиваются события!

Но сейчас одинокий и несчастный Максим торчал посреди болота, хотя сам был виноват в своих бедах. Сидя на покрытом мхом бревне перед потрескивающим костром, Максим при помощи дара испарил воду из одежды и избавился от грязи. Да, так гораздо лучше. Он обладал способностью контролировать обстановку. Пусть у него не было роскошной кровати с шелковым бельем, как в большом особняке, но он выживет. Максим мнил себя королем всего этого болота, царства грязи, насекомых и рептилий. По крайней мере, он король. Это начало чего-то нового.

Подобрав с земли зеленый ивовый прут, Максим потыкал им в стоячую воду и нащупал крупную донную рыбу. С помощью дара он остановил маленькое сердечко. Спустя несколько секунд мертвая рыба всплыла кверху брюхом на расстоянии вытянутой руки. Максим вытащил ее из воды, выпотрошил и продел ивовый прутик через рот, чтобы поджарить над костром.

Он сидел молча, вслушиваясь в зловещий, но все же успокаивающий шум ночных животных. Максим услышал тяжелый всплеск и треск веток, но крупные хищники не решаются его беспокоить — иначе пожалеют об этом.

Он наблюдал, как рыбья кожа чернеет, коробится и отслаивается, оголяя прилипшее к костям белое мясо. Кровососущие насекомые гудели у самой его головы, привлеченные не запахом жареной рыбы, а им самим. Когда крупный комар ужалил его в шею, он вздрогнул и

с раздражением сотворил заклинание окаменения, пустив его волной, чтобы все надоедливые насекомые в воздухе превратились в крошечные каменные пылинки и попадали. Теперь он сможет спокойно заняться ужином, пока не налетели новые паразиты.

Мысли Максима уносились прочь, пока он жевал нежную рыбу. Он вновь напомнил себе, что жить с Торой было хуже, чем это.

Внезапно из темных ночных зарослей появился демон — женщина. Адесса, лидер Морасит. В ее глазах читалось желание убить его.

На лице гибкой женщины было свирепое выражение, в каждой руке она сжимала оружие — короткий меч и кинжал. Обнаженная кожа блестела в оранжевом свете костра, покрытая не только рунами, но и царапинами, рубцами и распухшими следами укусов насекомых.

Вид ее был настолько неуместен, что Максим мог только ахнуть.

— Меня послали убить тебя. — Адесса махнула коротким мечом, рубя перед собой ветки и кустарник, чтобы броситься на него.

— Что ты творишь? Я запрещаю! — выпалил Максим, отпрыгнув от костра. — Я главнокомандующий волшебник.

Она бросилась к нему, не говоря ни слова. Другой воин издал бы леденящий душу вопль, но Адесса была безмолвной машиной для убийств. Максим среагировал инстинктивно, высвободив дар и швырнув в нее шар огня, но защитные руны Морасит вынудили пламя расплескаться, не причинив вреда. Она замахнулась мечом, когда волшебник перепрыгивал бревно, и клинок громко стукнул по замшелому стволу. Она споткнулась на яме в мягкой жиже, и Максим направил заряд магии в костер, заставив его взорваться пламенем. Огонь не обжег воительницу, но яркая вспышка света и жар заставили отшатнуться, давая ему шанс удрасть. Максим перемахнул через пригорок и плюхнулся в мутную воду. Адесса прыгнула прямо сквозь бушующее пламя, и в ее суровых безжалостных глазах блеснул отсвет огня.

— Властительница Тора приказала убить тебя и принести голову. Я не подведу ее.

Он много раз видел Адессу в битве, видел, как она одолела Никки в тронном зале, когда колдунья бросила вызов Торе, видел, как Адесса сражалась с теми, кого тренировала, и как она расправлялась с могучими монстрами в показательных поединках на арене. Кажется, ей это нравилось. Максим никогда не смог бы биться с ней. Он бы не выжил.

Волшебник швырнул в нее воздушный кулак, пытаясь отбросить назад, но руны на коже защитили ее. Тогда он вызвал ветер, который сорвал ветки и кинул их в Адессу, словно дубинки, но та отбила их. Морасит шагала к нему, будто он был яксеном в загоне скотобойни.

Максим бежал по водной протоке, увязая в мягкой грязи по колено. Адесса без особого труда следовала за ним. Применив магию, он заставил воду позади себя вскипеть. Клубящийся пар ослепил Адессу. Он не мог сосредоточиться на управлении даром, пока удирал, спасая свою жизнь. Он главнокомандующий волшебник! Максим мог оказать сопротивление, мог задержать ее, но знал, что Адесса безжалостна, как и все Морасит. Он не знал, что делать и где спрятаться.

В конце концов, его спасло болото. Пока Максим пробирался через мутную воду, создавая клубы пара, обрывая кусты и лозы, чтобы бросить их в Адессу, та продолжала идти, не обращая внимания на опасности болота. Но в тростнике затаились два больших болотных дракона, собираясь броситься на потерявших бдительность болотных оленей или диких кабанов. Покрытые броней ящеры выскочили навстречу Морасит. Их челюсти могли

перекусить даже дерево.

Максим прыгнул на очередную кочку и перемахнул через поваленное дерево, а Адесса повернулась лицом к неожиданно возникшим монстрам. Она рубанула мечом, высекая искры из серо-зеленых шкур. Первый болотный дракон бросился на нее, оттеснив назад. Второй приблизился, нацелившись на ее ногу, но Адесса подпрыгнула с гневным рыком. Она полностью сосредоточилась на битве с двумя гигантскими ящерами. Максим бросил на нее последний взгляд и убежал в ночь. Он не ждал, что драконы смогут ее убить — Адесса была слишком опытным бойцом, — но монстры отвлекут ее достаточно, чтобы он скрылся. Теперь он знает, что за ним охотится Морасит, и больше не ослабит бдительности.

Город и его жители предали Тору, но она все равно считала, что Ильдакар принадлежит ей. Его богатство, его легенда, сама его душа и общество выжили благодаря ей, и только ей. Еще недавно она стояла в башне властителей, взирая на многообразие зданий, на городские уровни, поднимавшиеся от внешних стен к вершине плато. Она правила всем этим, защищала. Но Ильдакар отвернулся от нее. Горожане не оценили того, что она сделала для них как властительница, хотя были обязаны ей уже за само свое существование. Если солдаты Утроса разграбят Ильдакар по причине отсутствия у людей могущественного лидера, тогда, возможно, они поймут. Тора надеялась, что они осознают свою ошибку, пока не стало слишком поздно.

Каменные стены камеры давили на Тору. Она сжала кулак, почувствовав, как одеревенелые суставы пальцев согнулись по ее команде, но проклятое заклинание окаменения, наложенное на нее Эльзой и Деймоном, все еще действовало.

Она находилась в неосвященной темнице в недрах утеса, оставленная наедине с темнотой и мрачными мыслями. Дверь из прочного дерева толщиной в полфута висела на трех железных петлях, закрепленных на деревянном косяке длинными заржавевшими штырями. Тяжелый засов и внушительная деревянная перекладина надежно запирали дверь. Властительница Тора знала эти подземелья, поскольку столетиями отправляла сюда выражающих недовольство дворян и беспокойных горожан. Заточение было наказанием, иногда служившим для их собственного блага, но всегда для блага Ильдакара. Теперь же она сама оказалась запертой здесь.

Тора была самой могущественной колдуньей этого города за все время его существования. Ее правление длилось более пятнадцати столетий. Своим даром она была способна разнести дверь в клочья или сокрушить каменные стены, но волшебники еще давным-давно зачаровали эти камеры. На деревянной двери и камнях вокруг были высечены защитные руны, которые сводили на нет любые магические атаки — подобно символам, выжженным на шкурах животных арены или на коже Морасит. Она вскользь подумала о верной Адессе, зная, что лидер Морасит найдет и убьет презренного Максима, как ей и приказано. Торе хотелось присутствовать на казни супруга: ненависть к нему была куда сильнее злости на потерю своего положения и плен. Тора была настроена вернуть законный трон Ильдакара к тому времени, как Адесса принесет голову Максима.

В одиноком мраке камеры она, стиснув кулак, пробиралась сквозь тьму к стене, где через маленькое зарешеченное окошко в двери виднелось смутное серое пятно. Даже туннели не были освещены, поскольку никто не собирался расходовать дрова или магию переноса на розжиг факелов. Темнота и мрак были частью наказания, но Тора отказывалась принимать его. Теперь тьма стала ее другом и местом, где можно обдумать свое положение и составить планы.

Она прижала ладонь к холодному гладкому камню, ощутив склизкие водоросли, росшие в тених, но восприятие ее было приглушено, нервы в потяжелевшей плоти притупились. Когда-то чувствительные пальцы неуклюже скользили по поверхности, поэтому она сжала ладони в кулаки и принялась колотить по каменному блоку, подражая полукаменным солдатам генерала Утроса, которые непрерывно бились во внешние стены города.

Раздался глухой стук, но она почувствовала лишь отдаленное эхо боли.

Заинтересовавшись, она ударила другой рукой, на этот раз сильнее. Твердые блоки тюрьмы держались крепко. В последний раз ударив костяшками, Тора сделала шаг назад. Будь она обычным человеком, разбила бы руки в кровь, но сейчас чувствовала лишь слабую пульсирующую боль. Руки, как и стена, остались неповрежденными.

Ей нужно выбраться отсюда. Ильдакар без нее падет. Беспорядки начались из-за Максима, но она винила вероломных членов совета, которые свергли ее, осудили и наложили заклинание окаменения. Особенно она негодовала от вмешательства Никки, ставшего катализатором столь многих потрясений. Никки вместе с обессилевшим волшебником явились в Ильдакар в поисках помощи, утверждая, что они лишь путешественники с посланием от Д'Харианской империи, но Тора подозревала их с самого начала. Никки в действительности хотела стать следующей властительницей и прибрать к рукам Ильдакар. Теперь Тора оказалась заперта в подземелье, а иноземная колдунья завладела городом, но ей и остальным теперь угрожала неуязвимая армия из прошлого. Тора знала, что часть Ильдакара осталась лояльной к ней. В крошечной темноте она представляла великолепные здания, террасы садов, фруктовые сады и оливковые рощи, созданные ею самой. Такой чудесный, безупречный город.

Ее лицо вспыхнуло от гнева. Во имя Владетеля, как же ей хотелось, чтобы Никки и остальные предатели потерпели крах и умерли в мучениях! Тора вновь безрезультатно ударила по стене.

Она пошла вдоль стены, пока не наткнулась на низкую каменную скамью, у которой был обломан передний угол. Неровный край скола за столетия был сглажен нервными, потными, даже окровавленными пальцами многих отчаявшихся заключенных.

У властительницы была узкая талия, хрупкие черты и тонкие изящные руки. Она никогда не считала себя слабой, но в сражении с врагом не полагалась на физическую силу. Собственное тело казалось тяжелым и неповоротливым из-за остаточного действия заклинания, но Тора чувствовала дар в сердце. Она вытянула руку и призвала магию, создав небольшое пламя, которое вспыхнуло трепещущей свечой на ее ладони. Ободряющий огонек был ярким проблеском надежды и отбрасывал желтые блики на стены. Теперь, когда она могла лучше разглядеть тесную темницу, она заметила магические руны вокруг двери. Зная, что это бесполезно, Тора призвала мощный заряд огня и швырнула его в стену; пламя просто расплескалось и выжгло в слизи дурно пахнущее пятно. Ее огонь кружил по камере, отражаясь от стен. Тора вздрогнула, когда пламя захлестнуло ее, но твердая кожа защитила, а потом огонь исчез, превратившись в тусклый отсвет.

Изумившись, Тора потеряла руки в местах, где ее коснулось пламя. Она ощутила покалывание и увидела отметину ожога на серо-белой коже, но след легко стерся. Ни ей самой, ни тюремной камере не было нанесено вреда. Все бесполезно. Она не может выбраться, как бы сильно жители Ильдакара ни нуждались в том, чтобы она их спасла.

Весь следующий час она посвятила ненависти к Максиму — за то, что он сделал, за намерение обратить рабов против взрастившего их города, просившего взамен лишь преданности. Как могли эти слабые людишки жаловаться на несправедливость, на тяжелую работу и не видеть, что она сама страдает за Ильдакар больше, чем кто-либо! Никто не осознавал мучительной цены процветания так, как Тора. Возможно, у рабов болели мускулы, а некоторые даже погибли, но неужели строительство цивилизации, пережившей тысячелетия, того не стоило? Она презирала тех, кто отказывался принести жертву ради блага Ильдакара. Сама Тора, безусловно, отдавала всю себя.

Максим вырвал с корнем основы ее прекрасного общества. Когда-то давно она любила его, но теперь не понимала, как могла быть такой глупой. Возможно, виной тому молодость, наивность, романтичность и страсть? Столетиями разделяя постель с ним, а затем и со многими другими, Тора поняла, что страсть легко можно утолить, не отдавая своего сердца и не теряя рассудка. Она потратила лучшие годы своей юности на Максима, позволяя ему изменять и прощая его. Она обратила свое сердце в камень задолго до заклинания окаменения — когда осознала, насколько он ничтожен. Главнокомандующий волшебник обладал слишком большой мощью, чтобы отказаться от него, поэтому она позволила ему оставаться ее мужем — но лишь формально.

Возможно, она переоценила его силу. Тора пребывала в благоговейном страхе перед его знаменитым заклинанием окаменения, играла роль инструмента в грандиозном ритуале кровопролития, создавшем саван вечности — хотя могла сделать все сама. Он не был ей нужен.

Ясно одно: магия Максима слабеет, раз каменная армия пробудилась. Неудивительно, что он сбежал. Возможно, дар Торы также угасает. Саван начал истончаться за много лет до того, как его полностью сняли. Она готова применить последнюю магию крови, чтобы сделать саван постоянным, но будет ли он действительно вечным?

Основы магии изменились, фундаментальные законы мира преобразились неизвестным ей образом. Никки предложила объяснение, но Тора не совсем поверила в то, что сделал Ричард Рал. Впрочем, Утрос и его армия и вправду пробудились, а сама Тора тоже очнулась от заклинания окаменения. Да, произошло много перемен, и она должна использовать это в своих интересах.

Максиму не потребовалась магия, чтобы разжечь огонь революции в доверчивых представителях низших классов и направить этих безмозглых животных в человеческом облики на уничтожение ее города. Мятежники последовали за ним, без усталости приветствуя глупую мечту, которую они не заслужили.

Когда гнев и разочарование вскипели в ней, Тора снова сорвалась; разжав пальцы, она обрушила на стену град магических ударов, будто мастиф, бьющийся о прутья клетки, но руны отразили натиск, и магия рассеялась, не причинив вреда камере. Тора откинулась назад и позволила огоньку на ладони погаснуть. Она вцепилась в обломанный край каменной скамьи и вновь прислушалась к гулкой тишине.

Во тьме ей казалось, что время тянется бесконечно, и она не знала, как долго ждала, пока не увидела, что свет в коридоре стал ярче. Она услышала тяжелый стук сапог, бряцанье ключей и грубые голоса, увидела тени за решеткой окна. Со скрежетом переключатель отошла в сторону, когда ее вытащили из металлических опор, затем послышалось лязганье засова. Петли протестующе взвизгнули, когда двое рослых стражей толкнули дверь. Камеру затопил свет факелов в руках двух мужчин, обозначив их силуэты и слепя привыкшую к темноте властительницу.

Один мужчина с черной щетиной на подбородке и криво сидевшим на большой голове шлемом был одет в неподходящий по размеру жилет со стальными пластинами, позаимствованный у городской стражи. Форма явно была для него непривычной. С уколом боли Тора вспомнила, как браво выглядел верховный капитан Эйвери, который служил еще и ее любовником. Но Эйвери был зверски убит мятежниками Зерцалоликого, и Тора знала, что это не случайность. Максим — Зерцалоликий — сделал это в приступе ревности, чтобы насолить.

Без сомнений, стражники были мятежными рабами, ощутившими свою важность, надев незаслуженную форму. Первый мужчина посмотрел на Тору с похотливой усмешкой и заговорил грубым голосом, заставив ее усомниться в богатстве его словарного запаса:

— Мы снова пришли к тебе, властительница. Тебе все еще одиноко? Может, ты и чутка каменная, но кожа выглядит вполне гладкой. Если раздвинем твои ноги, ты будешь мягкой и влажной где надо?

— Подозреваю, вам будет трудно это выяснить, — возразила она.

Второй стражник прыснул от смеха в ответ на ее оскорбление.

— А может, я раздавлю твой вялый член, словно меж двух камней.

Не найдясь с ответом, грубый стражник доказал, что его словарный запас и правда ограничен.

Второй мужчина держал поднос с черствым хлебом, чашкой воды и небольшой миской каши.

— Мы принесли еду. Если осада будет долгой, наверняка придется урезать пайки для пленников.

Тора не была голодна. Стражники принесли пищу уже в третий раз, но она не чувствовала голода и жажды. Вода не приносила пользы, а еда просто оседала свинцовой тяжестью в желудке. Когда стражник подошел ближе, она выбила из его руки поднос, расколов пополам каменным кулаком. Стражники отскочили назад, когда посуда со звоном разбилась о пол камеры. Они не знали, чего от нее ждать.

— Мне не нужен паек, — заявила Тора. — Мне нужна свобода.

— Такого дать не можем, — сказал второй стражник.

— Оставим тебя в компании с самой собой, — произнес первый мужчина, все еще уязвленный ее словами. — И с темнотой. И крысами. — Он фыркнул. — Можешь мечтать обо мне.

Второй стражник посмотрел на нее с презрением:

— Мне больше нравилось, когда ты была статуей в башне властителей. Этого ты и заслужила. — Он бросил взгляд на разбитый поднос и посуду. — Больше никакого пайка. Сбережем еду для добрых жителей Ильдакара.

Крякнув от усилия, стражники захлопнули дверь. В замке повернулся ключ, засов вновь скользнул на место, а перекладина легла на опоры. Мужчины удалились, потушив факелы в коридоре. Тора снова села на каменную скамью, протянула в темноте руку и вызвала огонек. Она забавлялась с пламенем, которое подпрыгивало и танцевало на ее ладони.

Бэннон, укрытый высокими стенами города, был вынужден наблюдать. Он хотел сражаться, хотел действовать, но как мог даже целый город противостоять столь многочисленной вражеской армии?

Впрочем, сейчас его больше мучили воспоминания о ночи восстания и об ужасных обстоятельствах, которые привели к насилию. Его мысли обратились к коварной троице, называвшей себя его друзьями. Они оказались вовсе не друзьями Бэннону, и это разрывало сердце. Амос, Джед и Брок подставили его и не попытались спасти; они даже не удосужились рассказать Никки или Натану, что его схватили и потащили в ямы. Да, он выжил в этом испытании — приобретя новые шрамы и, возможно, став сильнее, — но разве друзья могли так поступить? Ответ очевиден: они никогда не были ему друзьями.

Лила во время их тренировочного поединка призывала его забыть про обиды. Ильдакару, если он собирается выдержать осаду, нельзя допустить раскола. Пред лицом опасного врага стоило отложить в сторону разногласия.

Но Джед и Брок... действовали злонамеренно. С подачи Амоса они взяли молодого и наивного чужеземца под крыло, чтобы показать город, только вот сделали это для того, чтобы обмануть и поиздеваться. Но Бэннон был не просто очередным легковерным дурачком.

Он пристегнул меч и собрал всю храбрость, зная, что больше не может этого избегать. Пришло время встретиться с двумя уцелевшими парнями и заставить осознать, что они натворили. Пальцы сомкнулись на кожаной обмотке рукояти Крепыша, предплечье напряглось до дрожи в твердых мускулах. Его мышцы окрепли после рукопашных схваток и тренировок с оружием, сердце и разум тоже закалились.

Бэннон вышел из величественного особняка и зашагал к главному зданию гильдии скорняков — там он хотел найти лорда Орона, нового члена палаты волшебников и отца Брока. Юноша не обращал внимания ни на густые виноградники на узких террасах крутых склонов, ни на тесные сады с карликовыми фруктовыми деревьями. Несколько рабочих собирали виноград, яблоки, срывали с деревьев зеленые оливки. Большая часть работ была брошена после восстания. Освобожденные рабы негодовали, многие отказались от своих обязанностей: «Пусть дворяне ради разнообразия натрут мозоли, собирая урожай», — говорили они.

Другие, однако, понимали, что, если город собирается пережить осаду, им понадобится вся провизия, которую способен дать Ильдакар. Бывшие рабы взвоют от голода так же быстро, как и дворяне. Те, кто вернулся к работе, сделали это по собственному выбору, скорее из чувства ответственности, нежели под чьим-то давлением. Так хотя бы у их семей будет еда.

Бэннон носил простую одежду, потому что чувствовал себя некомфортно в подбитой мехом накидке или пышных шароварах, которые были пиком ильдакарской моды. Несмотря на многочисленные приключения, в сердце он все еще оставался фермерским мальчишкой с острова Кирия, и это никогда не изменится.

Амос, Джед и Брок считали себя выше него, но все же потащили нового приятеля в питомник шелковых яксеов, чтобы он тоже поразвлекся с женщинами. Сначала он был уверен, что эти трое дразнят его, а может, действительно хотят сделать Бэннона таким же,

как они. Шелковые яксены — это женщины, созданные и воспитанные так, чтобы быть лишь красивыми телами, служившими для удовольствия клиентов. По общему мнению, они не способны ни мыслить, ни чувствовать, но Бэннону было жаль их. Амос отвратительно обращался с шелковым яксеном Мелоди. В ночь восстания он изнасиловал ее, избил до синяков, и в итоге она ответила обидчику — перерезала ему горло осколком зеркала. В ту же ночь семь других девушек убили клиентов-насильников, а после вернулись к кротости и смирению, не отрицая преступлений и равнодушно принимая обвинения. Ильдакар был охвачен беспорядками, и Бэннон не знал, привлекут ли шелковых яксенов к ответственности. Правосудие все равно уже свершилось. Он не удержался от воспоминаний о том, как отец избил мать до смерти. Но Джед и Брок никогда не переживали из-за того, как поступили с ним, не признавали ответственности. Было ли им вообще жаль?

Он подошел к особняку Орона, который был соединен с длинным флигелем, где гильдия скорняков вела свою деятельность. Юноша собрал все свои силы, которые обрел с тех пор, как покинул Кирию и присоединился к Никки и Натану. Бэннон не знал, чего ждать от Джеда и Брока, но должен был закончить это дело.

Никто не ответил, когда он позвонил в небольшой медный гонг у входа в особняк. Услышав внутри шум, он неуверенно толкнул дверь и с удивлением увидел нескольких слуг, развалившихся в удобных креслах и на диване.

— Извините. Разве вы не слышали, как я стучал?

Слуги лишь рассмеялись от такого заявления. Мужчина средних лет, лежавший на диване, приподнялся на локте. Одет он был в рубаху раба из серой грубой ткани, но вокруг лежали шелковые простыни и подбитые мехом плащи вперемешку с драгоценностями.

— Промежность Владетеля! Лорд Орон может сам открыть гостям проклятую дверь. С чего нам напрягаться ради тебя?

Бэннона обескуражило их отношение.

— Потому что я сражался рядом с вами во время восстания. Я бежал из тренировочных ям и помог остановить великое кровопролитие на пирамиде.

— Тогда зачем тебе Орон? — проворчал один из мужчин.

— Ты пришел убить его? — спросил другой раб с надеждой в голосе. — Если так, то можем и помочь.

— Нет, я пришел не убивать его, — недоуменно ответил Бэннон. — Он могущественный волшебник, и Ильдакару понадобится его дар в сражении с генералом Утросом. — Он хмуро оглядел мужчин. — Нам пригодится и ваша помощь. На счету каждый боец.

— Мы отдали Ильдакару достаточно, — сказал мужчина на диване, ноги которого лежали на прекрасной ткани. — Пора городу вернуть должок.

Бэннон был раздражен, но не хотел продолжать спор.

— Я пришел поговорить с сыном Орона, Броком.

Раб на диване указал куда-то вглубь особняка.

— Иди через черный вход. Они в помещениях для животных. Многие рабы отказались снимать шкуры, и Орон занимается этим сам.

— Пришло время ему по-настоящему замарать руки в крови, — хохотнул раб в кресле. — Он заставил взяться за дело Брока и еще одного парня, Джеда. Будь осторожен, как бы и тебя не припахали. Шкура сама себя не снимет, а работы там навалом, ведь иначе зверьки погибнут под тяжестью собственного меха.

— Я... я буду иметь это в виду. — Он тяжело сглотнул.

Пресвятая Мать морей!

Когда он направился к кухням в задней части особняка, один из рабов крикнул ему вслед:

— Если голоден, в кладовых полно еды. Съешь ее раньше, чем это сделает какой-нибудь одаренный дворянин.

— Я не голоден. — Бэннон поспешил через кухни; печи давно остыли, а шкафы были открыты и обшарены в поисках еды. По полу и столешницам была рассыпана мука, повсюду валялись недоеденные фрукты. Пожилая женщина свернулась в углу, громко храпя в компании двух пустых бутылок из-под кровавого вина.

Бэннон прошел по крытой галерее, ведомый дорожкой из мелкой сверкающей щебенки, и вскоре оказался перед большим приземистым строением с пологой крышей и распахнутыми настежь окнами. Оттуда доносились звуки возни, грохот, хрюканье, а также леденящие кровь вопли животных.

Он остановился на секунду, а затем вспомнил, как Амос и его друзья смеялись над ним, когда норукайские капитаны избили его до потери сознания во дворе яксеновой скотобойни. Избитый и сломленный Бэннон едва выжил, а они передали его Адессе для подготовки к смерти на арене. Эти мнимые друзья обещали помочь, но ничего не предприняли. Он мог умереть.

Толкнув дверь, Бэннон вошел в огромный флигель, заставленный клетками с животными — источником прекрасных мехов, которые носили одаренные дворяне. В нос ему сразу же ударил смрад: медный запах крови, резкая вонь испражнений и скверный мускусный запах ужаса, источаемый умирающими зверьками. Вдоль помещения тянулись два ряда клеток, еще больше клеток располагалось возле внешних стен. Тут же стояли длинные рабочие столы с неглубокими желобами, уходившими к стокам в полу. Восемь измотанных, забрызганных кровью рабочих трудились за столами для снятия шкур.

Орон тоже находился здесь. Его лицо и грудь покрывали красные крапинки, а поверх изодранной шелковой рубашки был надет перепачканный кровью фартук. Его длинные волосы цвета соломы, завязанные в хвост, были спутаны и измазаны спекшейся кровью. Он рывкал на рабочих, которые, как понял Бэннон, были мелкими дворянами.

— Если сейчас не снять шкуры, мех перестанет расти. На этом держится наша гильдия! Если ленивые рабы не будут выполнять свои обязанности, мы, дворяне, сами займемся этим... как всегда. — В его голосе слышались усталость и отвращение. Орон ходил вдоль ряда столов и клеток. — Теперь, когда я член палаты волшебников, у меня стало в десять раз больше обязанностей. Приходится полагаться на других членов гильдии. — Он повернулся к юноше, на лице которого была гримаса отвращения. — И на тебя тоже, сынок. Твоя жизнь была слишком легкой. Пришло время испачкать руки в крови.

Бэннон сначала не узнал Брока, потому что лицо парня было измазано кровью, короткие темные волосы покрыты коркой, а руки покраснели до локтей.

— Я всегда делал то, что мог, — проскулил Брок.

Когда Бэннон наконец увидел, что они на самом деле делают, то в ужасе отшатнулся. Скорняки открывали клетку, совали внутрь руку и хватали визжащее животное за загривок. У странных существ были широкие квадратные туловища, маленькие головы и короткие недоразвитые лапки, которые беспомощно болтались, пока зверьков тащили из клеток. Они больше походили на набитые живые подушки из меха. Головы были размером с черепашью, а все тело покрывал густой пушистый мех — пятнистый или с пепельно-серыми полосками.

Бэннон понял, что это не обычные животные, а существа, созданные повелителями плоти для ужасного и болезненного предназначения.

Никто не заметил тихо стоявшего в дверях Бэннона. Он наблюдал, как другой неразговорчивый юноша — он узнал в нем Джеда — схватил зверька с рыжим мехом и бросил извивающееся и пищущее создание на разделочный стол. В руках он держал короткий острый нож.

— Мы делаем то, что можем, сэр, — сказал Джек в свою защиту. Он придавил брыкающееся создание к столу, держа за шею, и воткнул острие ножа возле плеча. Юноша сделал надрез по кругу, обойдя короткие передние лапки и проведя лезвием вдоль тельца. Существо завывало и визжало от боли. Поддев ножом край шкурки, Джек сорвал широкий лоскут меха, положил его чуть в стороне и выскоблил. Скулящее существо дергалось и истекало кровью, но, несмотря на сорванную шкурку, было еще живо. — Когда мех снова отрастет? — спросил Джек, бросая освежеванного зверька обратно в клетку.

— Те, что выживут, через три недели обзаведутся новой шкуркой, готовой к снятию, — сказал Орон.

Скорняки занимались одной клеткой за раз, хватая зверьков, сдирая с них шкуры и возвращая в клетки.

Желудок Бэннона сжался от тошноты. Здесь были сотни животных.

— Это ужасно. Вы все отвратительны! — Люди подняли головы, удивленные его появлением. Юноша замотал головой, его била дрожь. — Весь этот город ужасен.

— Отлично, как раз нужна помощь, — гаркнул Орон. — Тут много работы, а слишком много ленивых людей отказывается ее делать.

— Вы мучаете бедных созданий, — простонал Бэннон, который всегда любил животных.

— Как думаешь, откуда берется мех? — Орон раздраженно фыркнул. — Всегда есть темная сторона того, что нужно обществу. Ешь мясо? Нельзя съесть стейк из яксена, не убив самого яксена. Или предпочитаешь ходить голым и питаться растениями?

Борясь с рвотными позывами, Бэннон собрал все свое мужество и зашагал к покрытым кровью Джеду и Брокку, которые работали плечом к плечу. Увидев его, Джек скривил губы в язвительной улыбке.

— Мы все думали, что с тобой случилось. Тебе понравилось играть с Адессой в тренировочных ямах?

— Я выжил. Много узнал о себе и узнал правду о вас.

Брок вытащил из клетки очередное животное, на этот раз в серых пятнышках, и швырнул в лужицу крови, оставшуюся от предыдущего.

— Если ты нам друг, то помоги с работой.

— Вы не были мне друзьями, — сказал Бэннон. — Просто хотели сделать из меня посмешище. Но я стал сильнее и знаю, кто вы на самом деле.

— Это не мы, это Амос — сказал Джек. — Мы просто не мешали.

— Что делает вас соучастниками. Вы могли рассказать Никки или Натану, но хотели, чтобы я остался там, в ямах. — Рука Бэннона потянулась к мечу, хотя он не собирался убивать их. Тем не менее, Джек и Брок вздрогнули, будто испугавшись того, на что способен юноша. Было странно осознавать, что они боятся его, но Бэннон не отступал: — Амос издевался над бедняжкой Мелоди, избивал ее, и та убила его. Вам двоим крупно повезло в ночь восстания.

— Мы спрятались, — сказал Брок. — Это было верное решение.

— Амос мертв. — Джеду каким-то образом удалось добавить в голос возмущение. — А он был сыном главнокомандующего волшебника и властительницы.

— И они единственные, кто будет его оплакивать, — парировал Бэннон. — Но Тора заперта в подземелье, а Максим бежал из города. — Его переполняли гнев и отвращение. Это чувство имело мало общего с кровавой яростью, которая периодически в нем пробуждалась. Он ощутил силу. Ему нужно было сказать это вслух.

Продолжая работу, Брок вспорол шкурку животного и содрал мех. Бэннона едва не вырвало.

— Брок столетиями нежился в иллюзиях, — вмешался в разговор Орон, глядя на сына скорее с презрением, чем с гордостью. — В этом есть и моя вина, как отца. Ему нужно соответствовать статусу сына члена палаты волшебников. Он должен работой заслужить почтение.

Брок явно был уязвлен, но продолжил кровавую работу. Воющий зверек лежал на столе со снятой шкуркой, дергаясь, но не в силах вырваться.

— Мы сражались за город, — прорычал Брок. — Сколько раз мы выходили за стены и разбивали каменных воинов? Больше никто в Ильдакаре так не делал. Если бы остальные жители города причинили каменной армии столько же урона, мы бы не оказались в осаде. Войско просто было бы уничтожено.

— Да уж, вы отважно крушили статуи, — сказал Бэннон. — Ты говорил, что хочешь сражаться против генерала Утроса за то, что он сделал в прошлом. Ну, теперь можешь повоевать по-настоящему. Город в осаде, и армия ожила. Если придется биться за Ильдакар, будешь ли ты на передовой? — Он вызывающе поднял подбородок, хотя еле выдерживал здешнее зловоние.

— Мы уже внесли свой вклад, — пробормотали Джед и Брок, отводя взгляд.

— Ты должен чего-то добиться, сынок, — твердо произнес Орон. — Я столетиями работал, чтобы усилить власть и влияние, и теперь я, наконец, член совета. Ты тоже должен проявить себя. Мать Джеда, леди Ольга, со мной согласна. — Он поднял суровый взгляд. — Я надеюсь, ты выполнишь свой долг, когда настанет время. Генерал Утрос в ближайшее время вряд ли согласится на мир.

— Нам... нам вовсе не требуется идти в бой, — упорствовал Брок. — Палата волшебников найдет способ снять осаду.

Орон открыл клетку и вытащил оттуда корчащегося и извивающегося зверька с черным мехом.

— Мы попытаемся, но, если дойдет до настоящей битвы, тебе придется помочь Ильдакару. — Он прижал существо к окровавленному столу, затем взглянул на Бэннона и рыкнул: — А ты, парень, надень халат, возьми нож и помоги нам.

Вместо этого Бэннон направился прочь.

— Нет. Оставляю вам работу, для которой вы были рождены.

Пока ночь опускалась на Ильдакар, Никки обдумывала неудавшуюся встречу с генералом Утросом, а также то, как она могла бы использовать серфиду, колодец которой Натан и Эльза нашли среди развалин. Так или иначе, она была намерена спасти Ильдакар.

Древняя армия так и стояла на месте эти два дня, но само ее присутствие внушало страх. Утросу многое нужно обдумать и решить, но она надеялась, что генерал примет истину и поймет, что его усилия не только напрасны, но и бессмысленны. Ресурсы Ильдакара позволяли выдерживать осаду годами, десятилетиями и даже веками.

Никки представлялось, что лучшее решение — выждать, но она сомневалась, что генерал откажется от идеи сокрушить Ильдакар. Его чувство долга было тверже гранита. Никки понимала его одержимость, ведь сама схожим образом относилось к обещанию, которое дала Ричарду. Если б какой-то посланник принес весть о кончине лорда Рала, или если б она очнулась от сонного заклятия и узнала, что прошли целые века, разве оставила бы она долг перед Д'Харианской империей? Никогда. Разумеется, они с Натаном посеяли сомнения в разуме генерала и заставили задаваться вопросами, но он привык подчиняться приказам, и его верность была легендарной. Он покорил континент по приказу Железного Клыка, но и безрассудным назвать его нельзя. Она надеялась, он вскоре предложит еще одни переговоры.

С возвышенности, на которой стояла башня властителей, Никки смотрела на окутанные ночными тенями улицы Ильдакара. Напряженные жители сидели по домам и ожидали решения. По крайней мере, постоянный стук в стены закончился, но тишина не подарила городу спокойствие. Никки и Натан, войдя в сердце огромного лагеря неприятеля, доверились вошедшей в историю чести генерала. Но что он планировал сейчас? Как он собирался прорвать оборону города и сразить множество его одаренных защитников?

Когда она перевела взгляд на черное небо, усеянное звездами, из величественного особняка вышел Натан; вместо белого балахона волшебника на нем были рубашка с рюшами, черные брюки и сапоги. Он захватил даже изысканный клинок, будто хотел напомнить себе, что быть искателем приключений ему нравится так же сильно, как и волшебником.

— Вышла полюбоваться на звезды, колдунья? — Он посмотрел на неизвестные созвездия на ночном небосводе, напоминавшем некий саван. — Созвездия изменились, но однажды и они станут для нас знакомыми.

После перемещения звезд Никки не обращала внимания на узоры в небе.

— Если Утрос и правда столь благороден, как утверждает история, я надеюсь найти способ спасти Ильдакар и позволить генералу сохранить лицо. Мы сможем разрешить проблему, если он этого захочет.

Блеск в глазах Натана заставил ее встревожиться.

— Ты облачилась в оптимизм с такой же легкостью, как и в свое черное платье, и тебе идет и то, и другое, — подтрунивал волшебник. — А дальше ты можешь превратить башню властителей в радуго.

Вот только Никки было не до шуток.

— Я была сестрой Тьмы и посвятила себя Владетелю, а потом служила сноходцу Джеганю. Я принесла в мир достаточно отчаяния, прежде чем Ричард показал иной путь — взаимовыручки, дружбы и веры. Он открыл мне глаза на изъяны Имперского Ордена и

заставил осознать, что я сама распространяла этот яд. — Ее голос стал мягче. — Ричард научил меня надежде, и этот урок я не забуду.

Она пошла по тропе, которая вела мимо освещенных особняков к жертвенной пирамиде, центру власти Ильдакара. Здесь находилось устройство для ритуала кровопролития, где сотни рабов должны были погибнуть ради создания савана вечности, но Никки, Натан и другие восставшие свергли властительницу и разрушили сооружение.

Никки чувствовала, что ее тянет к этому месту. Пирамида была центром магии Ильдакара, и колдунья обдумывала, как использовать эту магию против осадной армии.

Волшебник догадался, куда она направилась:

— Мы с Эльзой уже обшарили завалы в поисках чего-то ценного. Увы, полезного мы не нашли.

— Надо продолжать поиски. — Никки не замедлила шаг. — Вы нашли колодец сильфиды. Кто знает, какие еще секреты хранит Ильдакар?

— Мы осмотрели и другие запечатанные развалины, но, к сожалению, нашли только еще больше пыли, — хмуро ответил волшебник. — В заброшенной сапожной мастерской отыскалась забытая на века бочка с яблоками, инструменты и куски задубевшей кожи. И ничего, что могло бы заставить Утроста дрожать во сне от страха.

За спиной послышался звук быстрых шагов. Никки обернулась и увидела бегущего к ним Бэннона с мечом в руке; его длинные рыжие волосы были распущены, а рубашка выправлена.

— Куда идете? — улыбаясь, выкрикнул юноша. — Позвольте присоединиться, если это опасно.

Натан одарил его отеческой улыбкой:

— Лучше мы рискнем сами, мой мальчик.

Запыхавшийся Бэннон выглядел взволнованным.

— Сегодня я виделся с Джедом и Брокком. Уж поверьте, я с ними потолковал, — недовольно буркнул он.

Никки нахмурилась, проходя мимо самых крупных каменных блоков у основания пирамиды. Ей не нравились ни эти двое юношей, ни их главарь Амос. Она знала, как плохо они обращались с Бэнноном, который отчаянно нуждался в их дружбе. С того момента, как она спасла его от грабителей в переулке Танимуры, Никки чувствовала ответственность за парня. Она и не надеялась, что неугомонный юноша добьется чего-то или проживет так долго, но он удивил ее. Признаться, Бэннон даже оказался полезен в их передрыгах.

— Я убила бы обоих за то, что они сделали, — сказала она. — Но ты решаешь проблемы по-своему.

— Позвольте пойти с вами, — взбудоражено настаивал Бэннон. — Может, у меня появится идея. Взгляд со стороны не лишней.

— Ладно, заслужил. — Никки продолжала идти к руинам пирамиды, не став прогонять парня. — Ты не раз хорошо сражался и помог освободить рабов.

Бэннон покраснел:

— Обычно вы не щедры на комплименты, колдунья. Спасибо.

— Это факт, — сказала Никки, — а не комплимент.

— Нужно освободить город от осады. — Натан похлопал парня по плечу: — Любые предложения приветствуются.

Они поднимались по разрушенным ступеням, шаг за шагом. Вершина была уничтожена в ходе битвы, и повсюду валялись огромные каменные обломки.

— Мне интересно, — размышлял вслух Натан, — сколько же людей были принесены здесь в жертву за те века, что Ильдакар прятался под саваном вечности. Сколько крови пролито просто для того, чтобы поддерживать саван?

Никки вытянула ладонь с расставленными пальцами и сконцентрировалась:

— Ничего не чувствую. В этом месте магия умерла. — Она закрыла глаза и продолжила искать любой намек на дар, но в итоге покачала головой. — Ничего.

Натан был с ней согласен.

Но затем Никки почувствовала странное покалывание, исходящее из нее самой, будто чей-то палец ощупывал ее; пройдя вдоль позвоночника, прикосновение добралось до затылка. Голова начала пульсировать, по коже забегали мурашки.

— Постой, тут есть что-то еще, очень мощное.

Чувствуя волну энергии, она с возрастающей тревогой огляделась. Ее светлые волосы поднялись в воздух, потрескивая от статических разрядов. Она сделала шаг вверх по ступеням пирамиды. Над головой сияли алмазы звезд, а огни города казались тысячами глаз.

Что-то было не так.

Натан нахмурился, тоже почувствовав перемену в воздухе:

— Моя дорогая колдунья, ты уверена, что не призываешь никакие силы?

— Я ничего не делаю, оно само идет ко мне.

Длинные волосы развевались и хлестали по Никки, будто вокруг бушевала буря. Она обхватила пальцами золотые пряди, и те показались живыми. К ее удивлению, волосы стали прорастать между пальцев, вырываясь из хватки. Они становились все длиннее, как бурно растущие сорняки. Волосы на всей голове извивались, как живые нити в огромной гриве. Она схватила их, но волосы ударили по ней, как щупальца. Они продолжали бесконтрольно расти. Она вцепилась в них, дернула, но пряди отбивались.

— Что нам делать? — ступив вперед, отчаянно закричал Бэннон.

Никки с силой потянула волосы, которые пытались обернуть ее как удавкой. Золотые пряди молотили по ней и отросли уже ниже талии. Дотянувшись до коленей, они обвились вокруг ног подобно веревкам, закручиваясь и сплетаясь. Колдунья попыталась отбиться, но волосы обмотались вокруг рук, опутывая тонкими цепями. Очередная прядь туго обвилась вокруг шеи и перекрыла приток воздуха. Никки боролась, задыхаясь. Дотянувшись до кинжала у правого бедра, она отсекла обернутую вокруг шеи прядь и бросила на землю. Еще больше волос устремилось к запястьям, стискивая с такой силой, что у колдуни затрещали кости.

Бросившись на помощь, Натан взмахнул изысканным клинком, рассекая нападающие пряди.

— Твои волосы прекрасны, но с ними пора попрощаться. — Он с силой рубанул, отрезая целый пучок волос, которые продолжали извиваться, как черви, даже когда отделились от головы.

Бэннон резал волосы колдуни острым клинком, стараясь не задеть ее саму, но тут пряди стали нападать и на него.

Когда она закричала, еще одно щупальце проникло в рот и устремилось в горло. Задыхаясь от тошноты, она сжала зубы и перетирала ими волосы, пока не откусила их. Она полоснула клинком, освободив запястье, но еще больше волос обернулось вокруг талии и связало ноги. Потеряв равновесие, колдунья упала на каменные ступени пирамиды. Она принялась пилить кинжалом очередную прядь.

И все же они продолжали расти, точно зараза. Волосы Никки атаковали руку Бэннона, удерживающую меч. Он вскрикнул и попытался отбиться, но не смог освободить запястье. Пока он отрывал от себя одну взбесившуюся прядь, другая уже ухватила его ногу, обвиваясь вокруг левого ботинка и подтягивая его ближе к основной массе волос. Он даже не мог размахнуться своим мечом.

— Помогите! Пресвятая Мать морей!

Натан, который продолжал рубить волосы, рассек пряди, пленившие Бэннона. Юноша попятился, спотыкаясь на ступенях. Никки продолжала орудовать кинжалом, бросая отрезанные волосы на землю, но те бились и извивались в поисках новых целей. Они поползли вперед, пытаясь обвить сапоги Натана. Сколько бы их ни резали, волосы продолжали расти, и длина их уже превысила рост колдуньи. Заключенная в кокон из волос и обессиленная колдунья поняла, что резать их бесполезно. Нужно найти более разумное решение, каким-то образом обратить магию того, кто на нее напал.

Никки едва могла дышать, тело ее было зажато в удушающих тисках, но она призвала дар и послала волну огня по своему телу. Жар опалил волосы, заставив их съежиться и сгореть, но в считанные секунды они отросли снова и обернулись вокруг нее. Руки едва шевелились. Сосредоточившись, она смогла ощутить враждебную магию; словно молния прочертила след в ее ауре, походя на навязчивую лозу, расползшуюся по всему ее хань. Магия была направлена на ее волосы, она чувствовала это. Должно быть, имелось какое-то слабое место, брешь в ее обороне, которую она не заметила. Но... нет, это не все волосы, а лишь одна прядь! Да, она нашла фокальную точку, через которую враг использовал один волосок на ее голове.

Веревки волос затягивались все туже, сдавливая ребра, талию и перекрывая кровообращение в ногах. Она лежала на земле, словно муха в паутине. Никки перестала сопротивляться и резать кинжалом, чтобы сосредоточиться. Это ее единственный шанс. Где-то вдали слышались крики Натана, призывающего не сдаваться, но Никки никогда не сдавалась. Она углубилась в себя, отслеживая свой хань, как учили сестры. Наконец она нашла единственную связь, которая позволила злой магии поймать ее, словно крючок рыбака. Вот что связывало ее с заклинанием!

Она должна найти леску, тянущуюся от этого крючка, и разорвать. Никки проследовала за своими мыслями, закрыв глаза и не обращая внимания на то, что не может дышать, что кости трещат и вот-вот сломаются. С трудом шевеля опутанными пальцами, она сражалась с дикими враждебными прядями, чтобы дотянуться до головы. Никки следовала за яркой линией в своем разуме, ведущий к одному обломанному волоску. Другая часть этого волоска была где-то далеко в руках врага — волшебника или колдуньи. Близнецы!

Никки нашла на голове один короткий волос, который не вырос, как все остальные. Вот нить, которая связывает с ней заклинание: часть волоса растет на ее голове, а другая находится в руках врагов. Она не могла отделить этот волосок от других, поэтому накрутила на палец сразу прядь и резко дернула, вырвав кровоточащий клочок — в котором и был тот обрывок волоса.

Как только она выдернула эту прядь с корнем, магическая связь разорвалась. Враждебная магия отскочила, как перерезанная натянутая веревка. Хищные волосы обмякли и поникли. Пути вокруг тела ослабли, давая возможность сделать глубокий вдох и наполнить легкие. Ребра болели, и несколько наверняка было сломано. Горло было покрыто синяками от удушающей хватки волос.

Выкрикивая ее имя, Натан и Бэннон резали волосы, снимая их с лица и рта, освобождая колдунью из пут.

Она тяжело вздохнула и устремила взгляд голубых глаз на своих спутников.

— Спасибо.

Бэннон сорвал с себя мертвые пряди, освободил ноги и отшвырнул спутанную массу в сторону. Он опасливо огляделся и откинул свои рыжие волосы назад, будто боясь, что и они могут внезапно ожить.

— В чем дело, колдунья? В пирамиде осталась некая необузданная магия?

— О, нет. — Никки перевела ледяной взгляд на Натана.

Волшебник выглядел измученным, разбитым и даже растерянным.

— Добрые духи, что же тогда?

— Ты знаешь. Генерал Утрос не желает вести переговоры. Его ручные колдуньи напали на меня, пытаюсь убить. Не будет никакого благородства. — Она стряхнула волосы с черного платья, стоя в золотистой спутанной копне. — И теперь я в ярости.

Весь следующий день Никки с Натаном провели в гневных дискуссиях с членами совета о том, как реагировать на угрозу генерала Утроста. Бэннон не принимал участия в обсуждении, поэтому утром в компании Лилы отправился в город. Да, древняя армия разбила лагерь за стенами города, но у Ильдакара были и другие враги, а значит, горожане должны сплотиться. Восстание окончилось, но беспокойство осталось. Когда палата волшебников призвала всех к полной самоотдаче, низшие классы вспомнили о многих столетиях угнетения со стороны одаренных дворян. Бэннон и сам побывал в тренировочных ямах, а его друга Яна превратили из мальчишки-идеалиста в машину для убийств.

Собравшись отправиться на нижние уровни города, он не пригласил Лилу, но она сама вызвалась его сопровождать. Морасит, кожа которой пестрела многочисленными защитными рунами, обладала первобытной чувственностью, одновременно ужасающей и притягательной.

— Куда идем, мальчишка? — шагавшая рядом Лила оценивающе посмотрела на его свободную рубашку и меч у бедра. — Будет драка?

— Мое имя Бэннон, — напомнил он ей. — Я иду на бывший рынок рабов. — Прищуриле карие глаза, он взглянул на нее. — Ты Морасит, и бывшие рабы вряд ли будут тебе рады.

Лила даже не замедлила шаг.

— Я не жду объятий или улыбок, но ты доказал, что нуждаешься в защите. Я иду с тобой.

— Я в состоянии о себе позаботиться, — фыркнул он на ходу.

— Я тоже могу о тебе позаботиться. Так я буду уверена, что с тобой все в порядке. Если какой-то головорез убьет тебя в переулке, это будет моя ошибка.

Зная, что ее не переубедить, Бэннон зашагал к рынку. Ему вспомнился день, когда три змеиных норукайских корабля прибыли по реке Киллрейвен, привезя на продажу более ста пятидесяти пленников — ходячее мясо, как звали их норукайцы. Бэннон стал свидетелем омерзительного зрелища, когда дворяне торговались за рабов, как торговцы шелком за рулоны ткани, а затем властительница и главнокомандующий волшебник перебили ставку, чтобы выкупить всю партию для грандиозного ритуала кровопролития. Рабы обрели свободу, но не были настроены прощать. Теперь они оказались в ловушке Ильдакара, вынужденные защищать город наравне со своими угнетателями.

Бэннон и Лила прошли под аркой ворот и оказались на площади, по периметру которой располагались ярусы с каменными скамьями, где когда-то сидели благородные участники торгов, осматривая выставленных на продажу пленников. Он ожидал, что после восстания невольничий рынок опустеет, но сейчас здесь велась шумная торговля. Повсюду стояли палатки и навесы из разноцветного ильдакарского шелка, натянутого на деревянный каркас. На каменных плитах вместо ковров были расстелены искусные гобелены, наверняка сорванные со стен в особняках дворян. Вокруг костров с готовящейся едой сидели и переговаривались семьи. Одни люди были мрачными, в рваных туниках или тускло-коричневых балахонах, в то время как другие щеголяли в дорогих нарядах, украденных из жилищ хозяев.

После мятежа Зерцалоликого многие представители низшего сословия, получив свободу, покинули прежние жилища и образовали новое сообщество, отказавшись от старого

порядка и прежних обязанностей. Но каждый должен работать по мере возможностей, содержать город и обеспечивать продовольствие, чтобы выдержать осаду. Кто-то понимал свой долг, но другие, казалось, не желали помогать высшему сословию, по-прежнему относясь к нему с негодованием. За последние дни было тайно убито еще несколько благородных.

Когда Бэннон оказался на площади, на него обратились сотни взглядов. Он ощущал себя нарушителем границ, но многие из рабов тут же узнали его. Во время восстания он сражался на их стороне и был с ними на вершине плато, освобождая жертвенных пленников.

Среди гомона толпы он расслышал недовольное ворчание в адрес Морасит, на которое она, впрочем, не обращала внимания. Лила шла перед Бэнноном, словно расчищая путь. Она хмуρο огляделась.

— Это ты хотел увидеть, мальчишка? — Она повысила голос и принялась отчитывать бывших рабов, оккупировавших рынок: — Это не ваш дом, а общественная площадь. Вы не должны жить здесь.

— Мы не желаем слушать Морасит, — проворчал мужчина, схватившись за крепкий деревянный шест, на котором висел край украденного гобелена. — Теперь это наш дом. Мы больше не служим знати в особняках.

— Это и наш город, — сказала старуха, которая стирала одежду в фонтане и раскладывала ее сушиться на нагретых солнцем плитах.

Двое мальчишек, со смехом играющие в догонялки, резко остановились, уставившись на Лилу. Когда она посмотрела в ответ, дети в ужасе убежали.

— Да, это ваш город, — согласилась Лила, — и у вас тоже есть обязанности. Вы должны помочь защитить Ильдакар от врагов.

— От всех врагов, — сказал человек с деревянным шестом.

Бэннон шагнул вперед, желая уладить все миром:

— Мы знаем, что общество должно измениться. Никки и Натан помогут, донеся это до палаты волшебников.

— От нашего имени некому говорить, — проворчала старуха, бросая мокрую мыльную тряпку на каменные плиты.

Бэннон подыскивал слова. Он всего лишь бывший капустный фермер, а не политик, и не знал, как устранить социальную несправедливость. Вокруг стало собираться все больше людей. Потенциальных противников здесь было достаточно, чтобы разорвать Лилу на части, но Морасит перед смертью наверняка прикончит половину из них. Она стояла неподвижно, как каменный воин.

Бэннон поднял руку, понимая, что теперь он защищает ее.

— Это займет время. Вы уже высказали свою точку зрения, и ваши претензии примут к сведению.

Лила, казалось, не обращала внимания на опасность. Несколько человек взяли горящие головни из костров, а еще один подобрал импровизированную деревянную дубинку. Она даже не вздрогнула, когда они приблизились.

— Посмотрите, как много изменилось за такое короткое время. — Голос Бэннона стал более настойчивым: — Главнокомандующий волшебник сбежал, властительница в темнице. Вы добились прогресса. Не губите его необдуманными действиями. Мы все должны сражаться против генерала Утроса.

— Сучки Морасит тоже должны сидеть в темнице, — сказал юноша с изувеченной

рукой. — Подумай, что они сделали с бойцами арены, в том числе с тобой, Бэннон! Я вместе с тобой освобождал жертв у пирамиды.

— Как ты можешь стоять рядом с ней? — насмешливо поинтересовалась стирающая старуха, окинув Лилу свирепым взглядом. — Разве она не била тебя, не ломала?

— Все не так просто, — неуверенно сказал Бэннон.

Лила устремила взгляд на людей, поселившихся на невольничьем рынке.

— Вы живете в Ильдакаре. Вы все видели тысячи вражеских солдат за городскими стенами. Наша настоящая битва — против генерала Утроста, нашего общего врага. Как только мы победим, и город будет в безопасности, мы сможем обсудить вопросы равенства и представителей в совете. Но сейчас идет война, и нам нужны все бойцы.

Ее тон не успокоил их. Один мужчина заплетал длинные кожаные ремешки, изготавливая кнут. Он заговорил:

— За последние несколько лет много беглых рабов ускользнуло из города и начало новую жизнь в Стравере и других горных поселениях. Я остался, но вдруг я ошибся? Возможно, чем скорее Ильдакар падет, тем будет лучше для нас.

— Нам следует покинуть город и присоединиться к генералу Утросту, — высказался кто-то.

От этих слов Лила пришла в ярость:

— Тогда вы настоящие враги Ильдакара и заслуживаете смерти.

— Лила! — заорал Бэннон, испугавшись, что толпа бросится на нее. — Пресвятая Мать морей, ты не понимаешь, где находишься?

— Среди потенциальных предателей.

Затем неожиданно для всех прозвучал юношеский голос:

— Мне все равно, что с нами сделали высокомерные дворяне. Ильдакар все еще наш город. Хотим ли мы заслужить наше новое место в нем или нет? Что бы сказал Зерцалоликий?

— Он сам нас предал, — проворчал человек с кнутом.

Бэннон обернулся и увидел лохматого оборванца не старше четырнадцати лет в грубой тунике и хлипких сандалиях. Как ни странно, кожа мальчика, его лицо и волосы были бледно-серого оттенка. Бэннон тут же узнал его:

— Я знаю тебя — ты погонщик яксенов, уличенный в работе на Зерцалоликого.

— Меня сцапали Морасит, когда я вставлял в стены осколки зеркала, наши условные знаки. — Мальчик фыркнул, глядя на Лилу. — Кажется, она тоже была там, но для меня они все на одно лицо.

— Вы для нас тоже на одно лицо, — парировала Лила.

Бэннон вспомнил день, когда Адесса и другие Морасит притащили пленника в башню властителей. Мальчик признался в связях с мятежниками, и главнокомандующий волшебник наложил на него заклинание окаменения, не дав сообщить никаких деталей. Поскольку сам Максим и был Зерцалоликим, Бэннон теперь понимал, почему он так быстро разобрался с пареньком.

— Ты знаешь, что Зерцалоликий лгал вам, используя волнения низших классов в своих целях, а не для вашего блага? — спросил он.

Мальчик выглядел подавленным.

— Это не значит, что его слова не были правдой. Мы подняли восстание, преследуя свои цели, а не его.

Все еще злившаяся Лила положила руки на черную полосу кожи на талии, коснувшись ножа-эйджаила, который мог причинять другим невероятную боль.

— Ильдакар — ваш город, несмотря ни на что. Будете бороться за него или уклоняться от долга и причитать?

Бэннон подошел к полукаменному погонщику яксенов:

— Они поставили тебя в качестве статуи на рынке рабов, чтобы другим было неповадно выступать против дворян.

— И что, сработало? — фыркнул юноша. — Меня зовут Тимоти, все знают меня. — Он улыбнулся непослушными губами. — Можно сказать, превращение в статую стало самым знаменательным событием в моей жизни. — Он посмотрел вокруг, и Бэннон понял, что освобожденные рабы, разбившие лагерь на рыночной площади, действительно считаются с ним. Тимоти заговорил громче, обращаясь ко всем: — В этом я согласен с Морасит. Ильдакар — наш город. Мы слишком упорно боролись за свободу, и теперь, когда мы многого добились, разве можем мы так просто отказаться от этого?

Бэннон встал рядом с мальчиком:

— Мы сражаемся за одно и то же. Судя по размеру армии за стенами, нам пригодится любая помощь.

Тимоти долго и с неуверенностью смотрел на Бэннона.

— Я слышал о тебе. Ты освободил воинов арены и сражался рядом с Никки. — Он покачал головой, посмотрев на Лилу. — Поскольку я работал на Зерцалоликого, то смирился с тем, что меня когда-нибудь схватят; это не помешало мне распространять сообщения, помогая привлекать новых людей к борьбе за наше дело.

— Мы выследили тебя, — сказала Лила, — и многих других.

— Но все равно победили мы, — пожал плечами Тимоти. Он казался юным, беспечным и решительным, будто был не только каменным, но и железным. — Я согласен сражаться за Ильдакар, и все эти люди тоже, но только если после победы нам отдадут часть города.

Вспомнив невероятных размеров армию снаружи и грохот каменных кулаков, от которого дрожали толстые стены, Бэннон засомневался, что от города что-то останется, если они не справятся с врагами в самое ближайшее время.

— Нам нужна армия, — надменно сказала Лила, — а не мямлящие рабы, которые прячутся в палатках на городской площади.

Тимоти скрестил руки на твердой груди:

— Я буду сражаться, но только если меня возьмут в настоящую армию. Это лучше, чем пасти яксенов.

Лила с грозным видом подошла к нему вплотную, но мальчик не отступил.

— Ты всего лишь тощий костлявый ребенок. Чем ты можешь быть полезен для нашей армии? Ставить подножки солдатам Утреса?

Он смотрел прямо на нее, не уклоняясь от вызова.

— Я буду сражаться.

— Ты никогда не станешь настоящим бойцом. Разве ты в состоянии нанести врагу урон? — Лила молниеносно ударила тыльной стороной ладони по его груди, вложив в удар немало силы.

Костяшки ее пальцев неожиданно хрустнули, соприкоснувшись с его твердой кожей. Ее удар отбросил бы назад любого, но Тимоти словно прирос к каменным плитам. Потрясенная Морасит посмотрела на свою отбитую руку с окровавленными костяшками.

Тимоти усмехнулся и небрежно ударил ее в ответ. Лила, не ожидавшая удара, пошатнулась. Изумленно моргнув, она с гораздо большим уважением посмотрела на уличного оборванца.

— Может, мы все-таки сделаем из тебя бойца.

— Научи драться, и я покажу, на что способен, — сказал Тимоти.

Люди в лагере поднимали головы от костров и выходили из шелковых палаток.

Лила слегка улыбнулась, бросив взгляд на Бэннона.

— Тренировки превратят его в настоящего бойца. Я займусь тобой, Тимоти. Возьму под свое крыло.

— Научи драться нас всех, или нет сделки, — ответил мальчик.

Морасит размышляла, пока бывшие рабы переговаривались. Они уважали Тимоти, который пострадал за их дело, и теперь он, понимая их тревогу, недовольство и протест, побуждал их действовать.

Бэннон ощутил странное облегчение.

— Мы будем рады видеть вас в рядах защитников Ильдакара. Каждый боец на счету.

Высокие окна в палате властителей были открыты, впуская ветер и городской шум, а также возобновившийся грохот каменных кулаков о стены. Никки сидела в стороне, ее светлые волосы были неровно обрезаны и растрепаны после атаки колдуний Утроста.

Квентин опустил взгляд на разложенный на столе длинный свиток, в котором он делал пометки.

— Каков порядок наших действий? — Он повысил голос, чтобы привлечь внимание членов совета.

Деймон сидел рядом с Квентином, вглядываясь в учетные книги, будто выискивал какую-то цифру в давно забытой ведомости. Неподалеку сидел Орон, одетый в отороченную мехом накидку и рубашку с меховым воротником. Коротким ножом он чистил ногти, удаляя остатки крови. Рядом с ним на каменной скамье пристроилась невысокая Ольгия, глава гильдии прядильщиков шелка — еще один новый член совета. В уголках ее округлых глаз виднелись мелкие морщинки, а длинные прямые каштановые волосы, перевязанные яркими шелковыми лентами, были прочерчены еле заметными седыми прядями, словно ниточками шелка-сырца. Это была мать Джеда.

Толку от совещания было мало, и Никки начала терять терпение. Верховный капитан Стюарт представил длинный список рекрутов из числа бойцов арены и из народного ополчения — сотен ильдакарцев, готовых сражаться.

— Население Ильдакара многочисленно, и мы можем собрать грозную армию, если решим атаковать, — сказал он. — При определенных обстоятельствах наши силы могут даже сравняться в числе.

— Предприняв полномасштабное наступление, мы определенно можем нанести врагу немалый урон, — высказался Деймон. — Подумайте об одаренных Ильдакара! У Утроста только две колдуньи, а на нашей стороне множество могущественных волшебников.

— И кто же возглавит удар? — спросил Орон. Взглянув на пустующие троны главнокомандующего волшебника и властительницы, он продолжил: — Рано или поздно придется выбрать новых лидеров. Собрания не должны превращаться в утомительные споры, как то было веками. Мы находимся в осаде — нам нужно больше, чем комитет!

Никки встала и смущенно провела рукой по неровным волосам.

— Прежде чем выбирать лидеров, мы должны — нет, вы должны — заполнить пустующие места в совете. Но палата не может состоять из одной ильдакарской знати, как раньше. — Она кивнула Верховному капитану Стюарту, и тот устремился в холл, чтобы привести человека, ожидавшего за пределами палаты властителей.

— Мы уже предлагали тебе и волшебнику Натану официально присоединиться к нам, — сказала полукаменная колдунья Лани. — Вы двое — лучшие кандидаты, и ваш дар нужен нам для битвы. Почему бы вам не согласиться стать членами совета?

— Мы не станем вступать в совет, — упрямо отказалась Никки. — Мы не из вашего города. Вы должны принимать свои собственные решения, справедливые для всех людей. — Она смягчила тон, добавив в голос примирительные нотки: — Но мы поможем вам.

— Тогда кого ты предлагаешь? — вздохнул Деймон. — В Ильдакаре есть и другие одаренные, но никто не равен нам по статусу.

— Восстание ничему вас не научило? — резко спросила Никки. — Свобода и

стабильность должны обеспечиваться общими усилиями. Вам нужен совет, представляющий граждан Ильдакара — всех. Ваш город — это дом не только для волшебников и дворян, и вы не можете брать в совет только благородных. Нужны представители купцов, низших классов и даже рабов.

Все обернулись — в зал вошел Ренделл, надежный и решительный пожилой мужчина, который помогал выходить Никки после битвы с Торой. Все бывшие последователи Зерцалоликого уважали его.

— Добро пожаловать, Ренделл. Я бы хотела, чтобы все присутствующие считали тебя новым членом совета. Каждая фракция города должна иметь голос.

Эльза выглядела озадаченной, на белом лице Лани было нечитаемое выражение, но Квентин, Деймон и Ольга нахмурились.

— Раб! — фыркнул Орон. — Мы же пытаемся спасти Ильдакар.

— Спасать город можно по-разному, — сказала Никки, — и Ильдакару будет лучше, если вы дадите всем людям единую цель. Ренделл сможет выступать в совете от имени низших классов. Как вы видели в ночь восстания, рабы могут быть безжалостными бойцами. Представьте, что они сделают против вражеских солдат.

— Рабу не место в правящем совете. — Квентин громко выдохнул через нос. — Разве эти животные не убили уже достаточно знати? Слышал, вчера обезглавили еще одного, а ты решила их поощрить?

— Я не раб, — громко возмутился Ренделл, шагнув вперед. — Теперь я свободен, и я гражданин. Я представляю многие тысячи людей, которые легко могут стать вашим худшим кошмаром.

— Он угрожает новым восстанием! — воскликнула Ольга. — И это во время осады!

— За последние дни чернь убила нескольких дворян, — сказал Орон. — Как можно доверять одному из них?

Ренделл выглядел искренне опечаленным.

— Я поговорю с ними и потребую прекратить бесчинства. Я могу перенаправить их гнев, если вы выслушаете наши претензии и позволите нам по-настоящему стать частью города.

— Зачем они нам вообще? — скривился Квентин.

Никки повернулась к темнокожему волшебнику:

— Вы все оглохли? Он предложил вам большую боевую силу взамен лишь на то, чтобы вы справедливо к ним относились. Разве не вы сейчас предлагали атаковать осаждающую армию?

— Мы не можем отвергнуть их помощь, — сказала Эльза. — На протяжении веков мы требовали от рабов содержать Ильдакар. Этот город и их дом тоже. Дайте людям право голоса, и они будут яростно сражаться, защищая его. Мы должны позволить Ренделлу стать временным членом совета, чтобы контролировать беспорядки.

— Если Утрос пробьет стены и разрушит город, мы все умрем, — сказал Орон, продолжая хмуриться. — Я бы предпочел, чтобы люди Ренделла погибли, сражаясь с врагом, а не убивали нас в наших постелях. — Он пожал плечами. — Бросьте рабам косточку, чтобы больше не беспокоиться о них.

На лице Ренделла появилось оскорбленное выражение, но Никки, не дав ему заговорить, шагнула на голубой мраморный пол:

— Для начала пойдет, но этого недостаточно. В состав совета должны входить также

купцы и торговцы. Каждый в Ильядакаре должен знать, что его услышат. Если сделаете это, то после снятия осады у города будет прочный фундамент. Вы даже можете создать идеальное общество, о котором мечталось властительнице Торе.

— Я все еще думаю, что это рискованно, — проворчал Квентин.

— И глупо, — добавил Деймон.

— Это не глупо. — Лани, сидевшая на каменной скамье рядом с Натаном и Эльзой, поднялась. — После свержения властительницы Торы многое должно измениться. — Она повернулась к бывшему рабу: — Я тоже рада приветствовать Ренделла в совете.

— Я голосую «за», — добавил Натан, — если мой голос можно засчитать.

— Вполне, — сказал Орон.

Ольгия потеревила одну из своих косичек, а затем перебросила ее через плечо.

— Полагаю, мое мнение ни на что не повлияет. Можем перейти к более важным делам?

Оставшиеся в меньшинстве Деймон и Квентин пожалы плечами и уселись на свои места.

— Решение принято, — произнес Квентин. — Надеюсь, мы не ошиблись.

— Совет волшебников и раньше совершал ошибки, — заметила Лани. — Поэтому у нас сейчас и проблемы. Не отправь Тора моего дорогого Ренна с бессмысленным заданием, у нас был бы еще один сильный волшебник против Утроса. — С ее полукаменных губ сорвался долгий вздох. — Надеюсь, с ним все в порядке...

— Это не просто совещание, а военный совет, — вновь обратилась к присутствующим Никки. — Мы должны принять решения. Что мы предпримем в ответ на нападение колдуний генерала? — Она обвела всех взглядом голубых глаз, коснувшись своих грубо срезанных волос. — Есть предложения?

— А какие есть варианты? — спросил Деймон.

Эльза подалась вперед, поставив локти на каменный стол.

— Все варианты? Ну, можем уничтожить Утроса и его армию... что маловероятно. Или прогнать их, рассеяв по другим землям.

— Даже если прорвем осаду и прогоним войско, Утрос обратится против всего Древнего мира, — возразила Никки. — А я отвечаю не только за этот город.

— Я лишь перечисляю все варианты, какими бы они ни были. — Эльза загнула третий палец: — И еще один — сдать, открыть ворота и пустить в город захватчика.

За столом послышались потрясенные шепотки.

— Предпочла бы не выбирать такой вариант, — произнесла Лани.

Эльза улыбнулась:

— Поэтому лучший вариант — четвертый. — Она взглянула на Натана. — Найти способ договориться о мире. Это лучший вариант и для генерала. За что ему теперь сражаться? Зачем ему осада? У него больше нет императора.

— Не похоже, что он настроен на переговоры, — сказала Никки. — Его колдунии напали на меня.

— Если продемонстрируем ему силу, он нас выслушает, — сказал Орон. — Предлагаю совершить целенаправленное нападение на часть его войска, тем самым задев его гордость. Покажем, на что способны и что его ждет дальше, если он не образумится. — Он фыркнул. — С нами шутки плохи.

— Вот и все варианты, что приходят на ум, — сказала Эльза.

Пока советники обсуждали услышанное, Квентин взял слово:

— Вы забыли еще об одном варианте. — Он взглянул на Деймона, и тот кивнул. Они явно уже обсуждали это.

— Мы знаем, как работает магия крови, — сказал темноволосый волшебник, пригладив свисающие усы. — Мы уже прибегали к ней. Можно восстановить устройство, начертить заново заклинание и найти достаточное количество добровольцев для жертвоприношения. — Он выдержал паузу, чтобы все поняли, о чем он говорит. — Если мы снова накинem на город саван вечности и спрячем Ильдакар от времени, то все будем в безопасности. — Он улыбнулся. — Нам никогда не придется беспокоиться о генерале Утресе.

* * *

Когда собрание прервалось на неловкую паузу, Никки поднялась на вершину башни властителей, откуда открывался вид на равнину с огромной армией. Она смотрела на занятые маневрами вражеские ряды, походившие на игровые фигуры на бескрайней доске.

Когда Джегань желал попрактиковаться в стратегии, этот великий тиран находил способы развлечься и отточить свое мастерство. В те времена, когда Имперский Орден объединил Древний мир и двинулся на север на завоевание Д'Хары, он играл в игру хар'кур, заставляя Госпожу Смерть выступать в роли его противника. Несмотря на его оскорбления, она старалась угодить ему, веря в дело Ордена.

На большой поляне в лагере солдаты Джеганя размечали копьями дерн, а затем расставляли игровые фигуры — рабов, — которые олицетворяли собой армии противников. Никки и император Джегань восседали на деревянной смотровой площадке и приказывали фигурам двигаться по полю. У рабов не было выбора, кроме как идти куда велено. Если Никки проигрывала ход, то солдаты Джеганя алебардами отрубали голову выбывшей «фигуре».

Однажды одна из фигур Джеганя, обреченная после смелого хода Никки, попыталась убежать с игрового поля, но была пронзена копьями. По правилам, установленным самим Джеганем, сбегаящая фигура означала, что эта сторона проигрывает. В ярости Джегань приказал уничтожить все фигуры. Сноходец не умел проигрывать.

— Будет всем уроком, — ухмыльнулся император, глядя на убитых рабов. — На войне иногда случаются трагедии.

Теперь, наблюдая за древней армией, Никки желала, чтобы на генерала Утреса обрушилась подобная трагедия.

Натан вышел в сад, разбитый на крыше башни. Под открытым небом в кадках росли кусты живой изгороди, жасмин и карликовые цитрусовые деревья. Певчие птицы порхали теперь без страха — тончайшие сети властительницы Торы были убраны.

Натан улыбнулся:

— Я не собирался тебя беспокоить, колдунья, но не нашла ли ты блестящего решения, как совладать с вражеской армией?

— Еще думаю. — Именно в этом умиротворенном саду главнокомандующий волшебник Максим тайно подстрекал ее бросить вызов властительнице. — Совет должен сам принимать решения. Ни я, ни ты не можем ими командовать.

Натан погладил подбородок:

— Согласен. Но я не уверен, что внезапное наступление против огромной армии будет таким эффективным, как полагают волшебники. — Он задумался. — Мы могли бы направить на переговоры с Утресом новую делегацию. Есть ли основания полагать, что

генерал готов выслушать их после того, как у него было время обдумать свое положение? Возможно, его бахвальство было тактическим ходом. Мы отразили атаку его колдуний и продемонстрировали силу.

— И теперь знаем, что нельзя ему доверять. — Никки вдохнула холодный воздух и посмотрела вдаль. — Он напал на меня, Натан. Я не могу оставить это без ответа. Я хочу причинить ему боль. Если совет нанесет удар при помощи одаренных и крупного отряда солдат, внезапный и нацеленный на отдельную часть армии, то мы сможем добиться определенного успеха.

Мурлыча под нос, волшебник выставил перед собой ладони, сложил из пальцев прямоугольную рамку и при помощи дара создал увеличительную линзу в воздухе. Возникло четкое изображение армии Утроса. Когда Натан переместил руки, то сдвинулась и картинка. Тысячи солдат маршировали, образуя отдельные отряды. Небольшие конные группы направлялись в холмы для разведки или набегов.

Никки подняла руку:

— Верни чуть назад. Что это?

Они проследили за группой из более тысячи солдат, которая маршировала по холмам на запад, в сторону гор. Другая большая армия двигалась на север, в направлении густых лесов и горных шахт. Третий экспедиционный корпус двигался на юг к низине Киллрейвен.

Натан нахмурился.

— Он сокращает свои осадные силы.

Никки была глубоко обеспокоена.

— Очень немногие города смогут противостоять даже одной из отправленных им армий. Представь, что все эти солдаты придут в Твердыню или бухту Ренда, или в один из крупных городов вдоль морского берега, такие как побережье Ларрикан или Серримунди. Генерал Утрос угрожает всему Древнему миру. — Никки сжала кулаки, чувствуя в сердце холод, образующий черный лед. Она не могла перестать думать о том, что приказал ей и Натану Ричард. — Мы не можем этого допустить. Нам нужно объединиться с волшебниками, чтобы удержать внимание Утроса здесь.

Натан взмахнул руками, и мерцающая картинка исчезла.

— Я абсолютно уверен, что ты способна нас спасти, — мягко сказал он. — В конце концов, ты ведь должна спасти весь мир. Это предсказано в моей книге жизни.

— Я не доверяю словам ведьмы, а пророчеств больше нет. Ты знаешь это лучше, чем кто-либо. Почему мы должны верить в это?

Вместо споров Натан достал книгу, будто слова Рэд были доказательством. Он открыл том в кожаном переплете и пролистал до места, где начал вести записи о приключениях: от Темных земель до Древнего мира, вдоль Призрачного берега и дальше через горы в Ильдакар. На первой странице он прочел строки, которые они так хорошо знали:

Кол Адаир лежит далеко на юге Древнего мира. Оказавшись там, волшебник узрит то, что поможет ему вновь обрести целостность. А колдунья спасет мир...

Вскоре после того, как Ричард отправил их в качестве странствующих посланцев, они повстречались с Рэд, обитавшей в усыпанной черепами глуши, в глубине Темных земель. Натан попросил ее создать для него книгу жизни, желая сохранить свою личную историю, и странная ведьма исполнила его просьбу — но не так, как он ожидал.

Натан протянул ей книгу и коснулся страницы длинным пальцем.

— Мы не можем отбросить эти слова, колдунья. В то время мы не знали, что они

значат, но Рэд абсолютно права. Теперь у меня сердце волшебника, я вернул дар, но ты, моя дорогая Никки, все еще должна спасти мир. — Он постучал пальцем по странице. — Как и написано.

Никки забрала у него книгу и закрыла ее.

— Как я уже сказала, пророчество исчезло.

— Это не обязательно пророчество, — возразил Натан, возвращая себе книгу. — Может, просто хороший совет.

Они продолжали наблюдать за отрядами, уходившими в разных направлениях. Никки не возражала против слов Рэд, независимо от того, верила она в них или нет.

— Я спасу мир по своим собственным причинам.

— Вот и славно. А я помогу тебе, насколько это в моих силах.

Верна провела утро в библиотеке Твердыни, попивая горячий чай и изучая книги, которые приносили ей ученые. Две другие сестры Света, Рода и Элдин, внимательно просматривали тома и шепотом обсуждали записи.

Послушница Эмбер впорхнула в помещения, неся стопку гроссбухов. Девушка сдула пыль с тисненой кожаной обложки верхнего тома:

— Вот еще один каталог, аббатиса. — Она шумно положила на стол книги, от чего чашка Верны звякнула. — По большей части карты и описания. Ученый-архивариус все еще пытается найти правильные перечни, поскольку многие книги посвящены не одной теме.

Верна посмотрела на раскрытый том и провела кончиком пальца по строчкам. Многие были написаны размашистым почерком ученого-архивариуса Саймона, который десять лет составлял каталоги, но новые записи были сделаны убористым почерком Франклина.

Аббатиса подняла взгляд на Эмбер.

— В названиях упоминаются легенды о магических созданиях, извращенных творениях, которые служили оружием в древних войнах волшебников. Например, сильфида. — Верна покачала головой, глядя на длинный список. — А здесь целых два тома об опасности суккубов! Этих тварей выпустили в Древний мир, чтобы они соблазняли и убивали мужчин, тем самым ослабляя вражеские армии. — Она поджала губы и нахмурилась. — Полагаю, текст весьма непристойный.

Эмбер вспыхнула, заставив Верну задуматься, насколько опытна в любовных отношениях эта симпатичная юная особа. Перевернув пыльную страницу, Верна вспомнила о своей юности, которая была больше полутора столетий назад — тогда они с Уорреном были одного возраста и пытались профессиональными границами сдерживать растущую привязанность друг к другу. Верна покинула Дворец Пророков ради поисков Ричарда Рала и постарела за эти десятилетия, а Уоррен остался таким же молодым. Дорогой Уоррен... Она так скучала.

Она перевернула страницу назад, взглянув на другие списки.

— В библиотеке есть три книги о сэлках, и одна из них — древний журнал капитана военного корабля.

— О сэлках? — Эмбер наклонилась ближе.

— Это люди, которым дали способность дышать под водой и выпустили жить в океан. Они могли атаковать вражеский флот из-под воды.

— Мы далеко от океана, аббатиса. — Девушку передернуло. — Не хотела бы я с ними встретиться. — Она обеспокоенно нахмурилась. — Надеюсь, у брата все хорошо. Он все еще в бухте Ренда. Как думаете, сэлки могут напасть на деревню?

— Капитан Норкросс строит оборонительные сооружения против другого врага, дитя, — сказала Верна. — Больше вероятности потерять сон из-за норукайских налетчиков, чем из-за сэлок. — Кажется, ее слова мало утешили девушку.

В помещение вошли Оливер и Перетта. Хотя ученые прожили всю жизнь в каньонах Твердыни, эти двое вызвались выполнить просьбу Никки и отправились в долгое путешествие — доставить отчет магистру Ралу. В Танимуре они встретили Верну и Зиммера, которых привели сюда. Робкие и увлеченные ученые были рады вернуться домой, но путешествие изменило их. Верна видела в их глазах беспокойный блеск; они все еще были

под впечатлением от пережитого, и аббатиса полагала, что вскоре парочка вновь захочет исследовать мир.

— Мы принесли книги по целительству, — сказала худенькая большеглазая девушка с копной темных вьющихся волос. — Я их запомнила, но подумала, что вы захотите взглянуть.

— Исцеляющие заклинания всегда высоко ценились, — сказала Верна, — и они всегда полезны.

— Это просто список книг, а не сами заклинания, — поправил Оливер, шурясь на тома, которые нес. Он был молод, но годами корпел над неразборчивой писаниной, выцветшими чернилами и крошащимися страницами, и поэтому его зрение уже ослабло. — Полный каталог — это первая часть понимания доступных нам знаний. — Он устало вздохнул. — Мы трудимся изо всех сил, но Франклин считает, что пройдет не меньше десятилетия, прежде чем мы завершим список заголовков из всего архива Твердыни.

— Сестры окажут посильную помощь, — сказала Верна, забирая книги. — Когда я попала сюда, то мне не терпелось изучить все эти знания. — Она помолчала и улыбнулась. — Теперь мне кажется, что мы можем годами читать одни лишь названия книг.

— Одно дело знание, аббатиса, — сказал Оливер, — но знание того, о чем именно вы знаете, — это утерянная способность.

— Я знаю, о чем знаю, — фыркнула Перетта. — Как и все помнящие. — Она покраснела от смущения. — Простите, я не хотела показаться высокомерной. Мой дар памяти — это преимущество, но у всех вас тоже есть способности. — Она бросила быстрый извиняющийся взгляд на друга. — Оливер очень умен.

Он ответил смущенным смешком.

— Для меня эти книги — целое открытие, полное приключений. Узнав что-то, еще важнее поделиться этим знанием. — Он тепло посмотрел на девушку, с которой провел так много времени вдалеке от цивилизации. Между ними возникла крепкая связь — быть может, даже романтическая.

— Не зная того, что имеем, мы не сможем найти то, что нам нужно. — Верна вытащила из кармана покрытую глазурью жабку — забавный сувенир, который нашла в руинах Дворца Пророков. Насколько она могла судить, фигурка не имела ценности. Верна предполагала, что она принадлежала сестре Эрминии. Сейчас же жаба была лишь воспоминанием о лучших временах. Верне нравилось представлять, что жаба безмолвно наблюдает за их напряженной работой.

— Помню, как мы нашли ее. — Эмбер взяла фигурку и с восторгом улыбнулась, а потом поставила жабу на стол.

В помещение поспешно вошел Ренн, который выглядел посвежевшим после нескольких дней отдыха. Он был одет в чистый балахон ученого вместо своего багрового шелкового наряда, который остро нуждался в починке после долгого путешествия.

Он подошел к заваленным книгами столам:

— Должен признаться, аббатиса, архив меня впечатлил. Я всегда любил книги и заключенные в них знания. Я посвятил столетия чтению библиотек Ильдакара, а затем перечитывал эти книги вновь, чтобы понять нюансы. Под саваном вечности у меня было достаточно времени! Но все эти книги в Твердыне, — он щелкнул языком, — как целая река знаний. Как мне успеть прочитать их все?

Верна поняла, что хорошая еда и вежливый прием смягчили буйный нрав высокомерного волшебника.

— Теперь, когда увидели это огромное количество книг, надеюсь, вы больше не желаете погрузить их на мула и отвезти в Ильдакар.

— Во имя бороды Владетеля, — усмехнулся Ренн, — я и не задавался такой целью. Мой город настолько далеко, что я не горю желанием снова совершить такое путешествие. Да в этом и нет смысла! Повара и пекари у вас довольно талантливы. Не думаю, что мне когда-нибудь надоест баранина и смородиновый пирог, который приготовили прошлым вечером. — Он похлопал себя по округлому животу.

Верна подняла брови:

— Значит, капитан Тревор и девять его людей не намерены захватить архив, одолеть генерала Зиммера с д'харианскими солдатами и присвоить все книги?

— О, — шумно выдохнул Ренн. — Думаю, это слишком проблематично, как бы сильно властительница Тора ни хотела заполучить эти записи. — Он тяжело опустился на скамью подле Верны и с любопытством посмотрел на фигурку жабы. Ренн взял книгу и бегло просмотрел названия томов о легендарных суккубах. — Хм, интересно. Не думаю, что у нас в Ильдакаре когда-либо был суккуб. — Еще некоторое время он читал, а потом взглянул на Верну — теперь уже более серьезно. — Ильдакар действительно великолепен, аббатиса, такой же, как в легендах, но и Твердыня прекрасна. Я восхищаюсь этим творением, и я никогда не видел никого похожего на помнящих.

Стоявшая у стола Перетта гордо улыбнулась.

— Потому что никогда не было никого похожего на помнящих.

Ренн растерянно взялся за другой том:

— Вместо того чтобы тащить все эти хрупкие и древние книги по суровой и дикой местности, было бы гораздо разумнее взять в Ильдакар нескольких ученых и помнящих, чтобы они смогли передать хотя бы частичку здешних знаний.

Просияв, Оливер взглянул на Перетту.

— Это можно устроить. И я хотел бы отправиться вместе с вами.

— Я определенно хочу увидеть Ильдакар, — добавила Перетта.

Ренн, удивленный такой бурной реакцией на опрометчивое высказывание, вскинул пухлую руку.

— О, я пока не предлагаю этого! Мне понадобится гораздо больше времени, чтобы оправиться от нашего тяжелого похода. — Он отвел взгляд. — И я хочу проявить осторожность, так как не знаю, что властительница Тора намерена делать со столь могущественным знанием. Как член совета, я верен Ильдакару, но властительница сделала много предосудительных вещей. Она превратила в камень мою любимую Лани. — Он на мгновение умолк. — Ритуалы кровопролития, обращение с недаренными, презрение к тем, кто слабее ее — мне было стыдно за деяния Торы.

Верна закрыла книгу перед собой и отхлебнула уже остывший чай.

— Хорошо, что Никки и Натан сейчас там, чтобы держать ее под контролем. Я не верю, что кто-то из них потерпит такого тирана.

Ренн усмехнулся при этой мысли.

— Да, я видел прекрасную Никки, вспышку гнева в ее удивительно голубых глазах! Наши волшебники за пятнадцать веков стали слишком самодовольными, а она бросила вызов их насущным предубеждениям. Торе это не понравится. — Он вздохнул. — Ах, жаль, что Никки не появилась несколькими столетиями ранее, когда Лани бросила вызов властительнице. Вдвоем они наверняка свергли бы Тору.

— И вы хотите передать властительнице весь этот магический архив? — Эмбер выглядела озадаченной. — Зачем вам это?

— Ну... таков ее приказ — но, быть может, мне пора перестать слушать все, что говорит Тора. — Он фыркнул, вновь посмотрел на фигурку жабы и отодвинул ее в сторону. — Ильдакар был прекрасным городом. Я и Лани были счастливы вместе. Видели бы вы, как она призывала певчих птиц. Они собирались вокруг нее, щебеча и распевая. — Он вздохнул. — Но когда Тора казнила раба за кражу драгоценностей, которые, как она знала, украл ее сын Амос, Лани не вынесла такой несправедливости. Она бросила вызов властительнице. — Его глаза наполнились слезами, и он отвернулся. — Лани была влиятельной и многоуважаемой, но сострадательной, а Тора безжалостной. Она одолела мою бедную Лани, превратила в камень и поставила в виде статуи в тронном зале, чтобы все видели цену неповиновения. — Он вытер глаза и отвлекся, открыв другую книгу и всмотревшись в текст. — Что это такое? Целый список снадобий от метеоризма? Это жизненно важные магические знания?

— Если кто-то страдает от такого недуга, то лекарство для него очень важно, — сказала Верна.

— Как и для его семьи и соседей, — прокомментировала Рода со стола напротив, вызвав смешки среди ученых.

Ренн вернулся к своим раздумьям, проигнорировав обсуждение кишечного расстройства.

— Властительница всегда сомневалась во мне, потому что я испытывал сильные чувства к Лани. Да, я был самым слабым одаренным в палате волшебников, и она всегда угрожала этим. Она и меня обратила бы в камень, если б я не поддерживал ее суровые решения. Мне не следовало соглашаться, но выбора не было. — Он постучал пальцами по столу. — Теперь я понимаю, что она послала меня в это рискованное и бессмысленное путешествие, чтобы избавиться. Она не ожидала, что я найду Твердыню, возможно, даже не верила в ее существование. Она дала мне только дюжину солдат в сопровождение для преодоления опасностей долгого и трудного путешествия по неизведанным землям. — Он покачал головой. — Мы с капитаном Тревором, конечно, сможем отыскать дорогу домой, но чего ради?

— Я бы хотела знать, что делают Никки и Натан, — предложила Верна.

— Вы правы, но давайте подождем еще немного? Я бы хотел провести еще несколько ночей в сухой постели под теплым одеялом.

* * *

Зиммер и пятьдесят солдат разбили на пастбище у ручья лагерь, состоявший из пары десятков аккуратных палаток. Фермеры Твердыни возделывали поля с зерновыми, семьи пропалывали огороды, пастухи пасли скот неподалеку от садов с фруктовыми и ореховыми деревьями. Д'харианские солдаты чувствовали себя расслабленно после долгого путешествия из Танимуры, хотя и находились далеко от дома.

Несмотря на защиту высоких каменных стен, узкий вход в каньон и изолированность плато, Зиммер не позволял себе расслабиться. Он исследовал главный каньон вдоль и поперек, изучил притоки ручьев и боковые каньоны. Генерал настоял, чтобы пятьдесят его солдат держали мечи наточенными, броню вычищенной, а сами были настороже. Он не хотел, чтобы их застигли врасплох.

Зиммер был молод для столь высокого чина, но тяжелые испытания прибавили ему лет. Его назначили генералом только потому, что слишком много высших офицеров погибло в

жестоких битвах против хищной армии нежити под предводительством воскресшего императора Сулакана, хлынувшей через Темные земли. Зиммер сам сталкивался лицом к лицу со смертью, был омыт кровью бесчисленных врагов, а еще раньше возглавлял специальный отряд в Древнем мире, сражаясь против армии Имперского Ордена. Он вспомнил прежних командиров, храбрых наставников, что пали под скрежещущими зубами ужасного врага, с которым никто не должен был столкнуться.

В каньоне Твердыни царила безмятежность, в садах щебетали птицы, а в голубом небе сияло солнце. Легко было успокоиться и забыть об истинных опасностях этого мира, но Зиммер никогда не терял бдительности.

К нему подошел капитан ильдакарского эскорта по имени Тревор, все еще облаченный в нагрудную броню, высокие сапоги и при коротком мече.

— Мои люди отдохнули, генерал, и не могут усидеть на месте. Хотя здесь мирно, как мы и надеялись, я не хочу, чтобы мои стражники заплыли жиром. Они не были готовы к путешествию из Ильдакара, и я потерял троих. — Он смущенно прочистил горло. — Я бы хотел, чтобы остальные девять были бдительнее. Вы позволите им тренироваться с вашими солдатами? Состязаться с ними? Мы могли бы поучиться у ваших людей, и наоборот.

Генерал Зиммер окинул его скептическим взглядом:

— Мне кажется, капитан Тревор, или всего неделю назад горстка ваших людей намеревалась покорить Твердыню?

Ильдакарский командир смущенно отвел взгляд. Тревор оказался намного моложе, когда смыл дорожную грязь и пыль и сбрил щетину.

— Вы прекрасно знаете, генерал, у нас было мало шансов. — Он понизил голос до заговорщического тона: — Ренн — волшебник из Ильдакара, а они склонны начинать разговор с бахвальства, вот и все.

Зиммер оставался настороже:

— Тренируясь с нашими людьми, вы хотите обучиться д'харианской боевой технике? Что если вы обратите ее против нас?

Тревор пожал плечами:

— Я мог бы сказать то же самое. Мои люди также обучат вас нашим методам ведения боя. Наверняка нам есть чему поучиться друг у друга? — Он нахмурился, когда у него промелькнула мысль: — Или мы пленники? Нас здесь удерживают?

Зиммер обдумывал его слова и ответил не сразу.

— Если вы покинете Твердыню, я вполне могу снова позволить вам бесцельно бродить по дикой местности. — Он поднял брови. — Если именно этого вы хотите.

Тревор нервно кашлянул.

— Нет, в этом нет необходимости. Я предпочитаю заводить друзей, а не врагов. Ильдакар уже немало раз сталкивался с недругами.

Зиммер сохранил в голосе суровость:

— Тогда, возможно, вашим волшебникам следует поучиться дипломатии. Это было бы крайне выгодно для обеих сторон. — Он взглянул в лицо молодому капитану, увидев неподдельную серьезность. Остальные ильдакарские стражники были рады, что их приютили в Твердыне. Он смягчился и сказал: — Я тоже хотел бы иметь Ильдакар в союзниках, а не врагах. Я слышал легенды о вашем городе и хотел бы увидеть его когда-нибудь. Лорд Рал желает объединить Древний мир. — Он хлопнул Тревора по плечу. — Ваш город сможет быть независимым до тех пор, пока вы не станете агрессивными захватчиками.

— Для сильной империи и мирной жизни требования более чем приемлемые, — произнес Тревор.

Зиммер зашагал рядом с капитаном к строю д'харианских солдат:

— В таком случае предлагаю вашим людям присоединиться к тренировке. Продemonстрируем наши умения и укрепим союз, который сделает всех нас сильнее.

Капитан Норкросс был доволен скоростью возведения оборонительных сооружений в бухте Ренда. В прибрежном поселении жили рыбаки, строители лодок, ткачи, фермеры и торговцы; все они слишком долго страдали от набегов норукайцев.

Благодаря укреплениям, возведенным д'харианскими солдатами, бухта Ренда стала менее уязвима, но все же это не гарнизон. Жители готовы защищать свои дома, хотя и не были закаленной в боях армией. У них хватало шрамов, а после того, как Никки и Натан вместе с жителями отбились от отвратительных работорговцев, бухта Ренда изменилась сердцем. Люди отказались быть жертвами. В поселении усилили дозоры, разослали береговые патрули, восстановили дома и укрепили оборону. Затем прибыл д'харианский экспедиционный корпус, и Норкросс получил четкий приказ от генерала Зиммера остаться вместе с частью солдат в бухте Ренда, пока остальные направляются в Твердыню. Молодой капитан поклялся защищать рыбацкую деревню, но знал, что даже пятидесяти храбрых солдат будет недостаточно против свирепых норукайцев.

Норкросс стоял на краю гавани; было уже позднее утро, туман рассеялся, а рыбацкие лодки вышли на промысел. Сезон красноперки подходил к концу, и люди были заняты засолкой и копчением рыбы на холодные месяцы. Стада овец и коз паслись в холмах, набирая вес; одних зимой забьют, другие будут давать шерсть и молоко, из которого сделают сыр.

Жители бухты днем и ночью трудились вместе с людьми Норкросса, выстраивая башни и стены, чтобы поселение было готово к возвращению налетчиков. Норкросс знал толк в осадной обороне, боевой тактике и наступательных орудиях. Хотя сам он не был инженером, три его офицера знали, как построить катапульты и наблюдательные башни лучников. Также в запасе были тактические наработки, которые можно использовать против морских налетчиков.

Капитан не мог дать своим людям отдых, пока поселение не будет в безопасности. Несмотря на тихое солнечное утро и соленую прохладу в воздухе, каждый здесь знал, что в любой день, дождливый или солнечный, их могут атаковать зловещие змеиные корабли.

Таддеус, возглавивший поселение после убийства норукайцами его предшественника, сопровождал Норкросса во время осмотра строительства башен, которые возвышались над гаванью по обеим сторонам речного устья. Массивные сторожевые башни, сложенные из каменных блоков с прибрежных каменоломен, не отличались красотой. Они были почти закончены. За зубцами в верхней части стены располагались деревянные платформы, с которых защитники могли стрелять по кораблям налетчиков. Три больших грузовых судна встали на якорь за пределами бухты, напоминая крупных сторожевых псов.

— Скоро закончат? — спросил Таддеус, вытирая лоб. — Я не смогу спокойно спать, пока укрепления не достроены.

— В нужный момент мы будем готовы, — ответил Норкросс. — Мы уже готовы дать отпор, если нас атакуют. С каждым днем наши усилия делают нас сильнее.

Таддеус медленно кивнул. На широком лице рыжебородого мужчины за последний месяц появилось немало морщин.

— Мы не остановимся, пока норукайцы не поймут, что лучше оставить нас в покое.

— Мы — часть д'харианской армии, а это многое значит, — заверил его молодой

капитан. — Но если дело дойдет до битвы, нам понадобится каждый в бухте Ренда: от мальчишки-фермера, размахивающего граблями, до старушки, атакующей чугунной сковородкой. Не стоит недооценивать тех, кто сражается за свой дом и свободу.

Таддеус посмотрел на холм по другую сторону от устья реки, и лицо его стало печальным.

— Научись мы сражаться раньше, на кладбище было бы не так много деревянных столбов.

На следующий день после того, как генерал Зиммер, аббатиса Верна и вторая половина экспедиционного корпуса отбыли в Твердыню, Норкросс вместе с главой поселения отправился на кладбище бухты Ренда. Каменные надгробия увековечивали память павших за прошедшие годы, но гораздо больше было деревянных столбов с вырезанными на них именами тех, кто не погиб, а был схвачен норукайскими работорговцами, избит дубинками до потери сознания и затащен на борт змеиноного корабля.

— Ваше кладбище, — сказал Норкросс, — должно быть местом для старых бабушек и дедушек, которые спокойно умерли в своих постелях, окруженные близкими. А не так, как сейчас.

— Да, — с грустью вздохнул Таддеус, — так было бы лучше.

Среди шума, издаваемого каменщиками и плотниками при строительстве сторожевых башен, отчетливо звенела сталь под молотами кузнецов, которые ковали мечи, наконечники копий и железные пики. Норкросс насторожился, услышав в отдалении какой-то лязг. Он прикрыл глаза рукой от солнца и устремил взгляд в открытое море.

Один из каменщиков на вершине южной башни замахал руками, крича тем, кто был внизу:

— Лодка возвращается. Кажется, торопится.

Норкросс и Таддеус поспешно поднялись по ступеням башни на верхнюю платформу. Хотя строительные работы еще не были закончены, защитники поставили наверху корзины стрел с просмоленными наконечниками, сложили груды больших круглых камней и выставили в ряд луки со снятой тетивой. На обоих берегах реки стояло по большой осадной машине; метательные рычаги гигантских катапулт были сделаны из цельных стволов деревьев и крепились толстыми канатами к поперечине, а в корзину на их конце можно было положить покрытые смолой валуны и поджечь.

С платформы Норкросс заметил одинокую рыбацкую лодку, лавирующую по волнам и на всех парусах мчащуюся в сторону бухты Ренда. В воздухе раздавался металлический звон, когда рыбак на борту лодки бил по железному горшку, чтобы поднять тревогу.

Норкросс нахмурился, жалея, что лодка не может плыть быстрее.

— Предупредите всех. Мы должны быть наготове. Что-то не так.

Таддеус отдал приказ, и гонцы помчались вниз по ступеням, чтобы распространить весть по улицам бухты Ренда. Д'харианские солдаты покинули рабочие места и взяли за доспехи и оружие, надевая толстые кожаные рубахи и крепя к поясам мечи. Еще больше людей прибежало с холмов и дальних домов.

Хотя рыбацкая лодка мчалась к гавани так быстро, как только могли нести ее шальные ветра, Таддеус узнал широкое и крепкое рыбацкое судно задолго до того, как оно подошло к берегу.

— Это «Дейзи». Кеннет выглядит так, будто бежит от шторма.

Норкросс продолжал смотреть.

— Это не шторм, а что-то другое.

Кеннет спешил к гавани. Бородатый лохматый рыбак стоял на носу «Дейзи», пытаясь звоном поднять тревогу. Норкросс вспомнил, что Кеннет первым заметил три парусных корабля, которые доставили экспедиционные силы генерала Зиммера из Серримунди.

Д'харианцы реквизировали три торговых судна и отправились по неизведанным водам вдоль побережья, ведомые Оливером и Переттой, двумя учеными из Твердыни. Капитанов кораблей звали Миллс, Стрейкер и Донелл. Сейчас три д'харианских судна стояли на якоре в устье бухты Ренда, потому что не могли уместиться в узкой гавани. Паруса кораблей были свернуты, и на них находился лишь основной состав команды, предпочитающий спать на борту, а не в общих комнатах в поселении. Три капитана настояли на том, чтобы оставаться на палубе, если только их не вызовут на берег для чего-то важного.

Когда «Дейзи» с орущим во всю плотку Кеннетом достигла входа в гавань, Норкросс заметил зловещие очертания на горизонте — узкие хищные корабли налетчиков с парусами цвета полночи.

Таддеус громко сглотнул.

— Змеиные корабли. Это норукайцы.

Капитан Норкросс наблюдал, как появляются паруса одного змеиного корабля за другим. Всего их было шесть.

— Их в два раза больше, чем при прошлом набеге, — слабым дрожащим голосом произнес Таддеус. — Даже с помощью колдуньи Никки мы едва прогнали их. Как нам сражаться с шестью кораблями?

— Мы покажем, — уверенно сказал Норкросс. — Мы планировали день за днем, готовили людей, обучали. Ваша оборона стала сильнее.

— Но мы еще не готовы, — возразил Таддеус.

— Готовы. Добрые духи, у вас нет другого выбора.

Таддеус повернулся и побежал вниз по лестнице дозорной башни.

Норкросс отдал солдатам приказ собраться на пирсе и приготовиться защищать поселение. У него было всего пятьдесят воинов.

— Каждый из вас должен стать командиром, — крикнул он. — Возьмите под свое крыло нескольких жителей поселка. Вы знаете, что на этот раз норукайцев ждут сюрпризы. Давайте прогоним их так, чтобы им было неповадно нападать на бухту Ренда.

Его люди ответили одобрительными возгласами. Они понимали, что им грозит страшная опасность, но не сомневались в нем. Вот только Норкросс чувствовал себя слишком молодым и неопытным. Ему едва исполнилось двадцать пять, и он не был готов к такой ответственности. Сам он сражался только в двух больших битвах, а теперь у него была лишь горстка солдат — столь же неопытных и, вероятно, напуганных, как и он, — и много сельских жителей, уже не раз побитых и запуганных. Но выбора не было. Они должны быть готовы.

Норкросс помнил, что генерал Зиммер тоже был молод, когда продвижение по службе превзошло все его способности и ожидания, но он взял на себя ответственность и стал поистине вдохновляющим лидером. Теперь Норкросс понимал эту концепцию больше, чем когда-либо. Он не подведет ни своего генерала, ни магистра Рала.

«Дейзи» подошла к ближайшему свободному причалу. Кеннет набросил канат на столбик, быстро привязал лодку и спрыгнул на пристань. Стуча пятками по настилу, он побежал навстречу солдатам.

— Вы видели их? Шесть змеиных кораблей! Они были совсем рядом со мной.

— Поселение готово их встретить, — сказал Норкросс. — Мы собираем всех наших защитников. Благодарю, Кеннет, твое предупреждение дало нам дополнительный час на подготовку.

Глава поселения Таддеус стоял рядом с Норкроссом, пытаясь выглядеть так же уверенно, как д'харианский капитан.

— Бухта Ренда больше не будет жертвой — только не под моим руководством. Норукайцы ожидают увидеть упитанных ягнят, но теперь мы научились сражаться.

Солдаты бросились готовить осадные машины. Рабочие наполняли телеги камнями и бочонками с маслом, затем бежали по улицам к пристани. К трем стоявшим на якоре парусным судам, на которых готовились к битве капитаны Миллс, Стрейкер и Донелл, потянулись весельные лодки. Защитники деревни двинулись к высоким башням по обеим сторонам речного устья.

По всей бухте Ренда громко звенели колокола на случай, если кто-то еще не знал о готовящейся атаке. Норкросс наблюдал за приближением зловещих кораблей.

— Мы готовы, — бормотал он себе под нос. — Идите и получите свой урок.

* * *

Мореходная магия, дарованная змеиным богом, наполняла ветром полуночно-синие паруса, натягивая ткань и гоня норукайские корабли к бухте Ренда. Впередсмотрящий на корабле Кора заметил рыбацкое суденышко и призывно прорычал. Кор сменил курс, чтобы броситься в погоню за лодкой, но рыбак либо сам владел магией, проявлением особой благосклонности Матери морей, либо просто был весьма сноровист. Лодка выхватывала правильные потоки ветра, лавируя с севера на юг, покрывая волну за волной быстрее, чем корабли налетчиков. Расстояние между рыбацкой лодкой и берегом все сокращалось, и вскоре со змеиных кораблей уже была видна бухта Ренда.

Первый помощник капитана, рослый мужчина с татуировками на руках и шее, вцепился в ограждение.

— Он предупредит их, Кор. Нельзя дать ему сбежать.

— Я не даю ему сбежать, — резко ответил Кор. — Может, сам хочешь поплыть за ним, гоняться за морскими змеями, а потом разбить лодку, пока он не успел предупредить своих?

— Нет, капитан, — отступил первый помощник.

В обычном плавании подобный вызов мог считаться оскорблением. Кор мог ударить его, сломать челюсть и выбросить за борт, но сейчас ему нужен каждый боец. Но Кор позволит ему погибнуть во время набега, если так суждено.

На двух следующих за ними змеиных кораблях Ларс и Йорик подняли сигнальные флажки, готовясь к безрассудной атаке. У них не было никакой военной тактики. Змеиные корабли просто войдут в бухту, и норукайцы атакуют берег с лодок. Кто-то пойдет к берегу вброд вдоль пирсов, чтобы поджечь любые уцелевшие постройки. Они убьют или захватят в плен каждого, кого смогут. Любой, кто не сгодится в качестве раба, будет убит на месте.

Целью набега было не только заполучить больше ходячего мяса для продажи по побережью, но и послать весть. Кор получил приказ от короля. От бухты Ренда должны остаться безжизненные руины, чтобы черный дым, поднимающийся в небо, был виден остальным прибрежным городам.

Кор склонился к носу корабля, восхищаясь резной головой змея, усиленной железными шипами для тарана кораблей. Кор сам видел настоящего змеиного бога трижды и знал, что

никакая статуя не может сравниться с величием и ужасом громадного существа. Впрочем, Кор и его бойцы сами будут внушать ужас. Бухте Ренда нужно бояться не змеиного бога, а норукайцев.

На берегу, словно перепуганные муравьи, суетились жители. Губы Кора дернулись в имитации улыбки на разрезанных щеках. Нос корабля разрезал воду, посылая в воздух соленые брызги. Капитан прищурился, глядя на беззащитное поселение. Он чувствовал голод.

Вечером следующего дня, уже после захода солнца, генерал Утрос осматривал свой обширный лагерь и многочисленную армию. Воины жгли костры, но не потому, что нуждались в тепле или горячей пище, а потому, что привыкли к такому распорядку с древних времен. Костры помогали поддерживать дух товарищества. Утрос заметил, что от заклятия окаменения у него и солдат не только ухудшилась чувствительность кожи, но и ослабло ночное зрение. Он видел вызывающе яркие костры, но тени казались глубже, чем раньше.

За прошедшие с пробуждения несколько дней распространилась весть о том, что империя Железного Клыка давным-давно пала, и солдат охватило отчаяние. Утрос провел этот день, расхаживая среди своих людей и говоря, что хотя все им знакомое исчезло, они по-прежнему остаются его армией.

— Мои солдаты, вы всегда были для меня настоящей семьей, и я поведу вас дальше.

Утрос говорил с отрядами, подходя лишь к нескольким преданным мрачным воинам, но остальные тоже подтягивались, желая послушать. В шлеме с рогами чудовищного быка он выглядел впечатляюще, но все равно ощущал потрясение своих людей, их уныние. Он понимал их неверие в происходящее, но ничем не мог им помочь. Он тоже потерял все. Мэджел...

— Я не могу никого вернуть, — сказал он. — Время украло у нас семью, друзей, любимых и сами наши жизни. — Он выдержал паузу. — Нет, не время — волшебники Ильдакара, ведь это они наложили заклятие. — Он сжал в кулак неестественно твердую руку. — Они во всем виновны. — Утрос видел скорбь утраты в глазах, неспособных пролить слезы. Реальность проникала в их разум, оставляя тысячам солдат лишь долг и верность генералу. — Я не могу вернуть прошлое, не могу вернуть никого. Но я могу дать надежду и долг. Наша действительность теперь состоит в завоевании Ильдакара, как мы поклялись много веков назад, когда покидали Ороганг. — Он глубоко вдохнул, чувствуя, как расправляются его легкие. — Это мы и сделаем.

Первые возгласы поддержки были нерешительными, но солдаты постепенно проникались новыми идеями и новой целью. Ближе к ночи солдаты собрались под общим знаменем вокруг больших костров, рассказывая истории о своих семьях, потерянных из-за разрушительного действия времени. Солдаты будут вспоминать своих любимых и детей, свои дома, которые никогда больше не увидят, но они выполняют свой долг. Ради него. Утрос знал это. Воины смирились с судьбой. А какой был выбор? Они всегда следовали за Утросом, и он их не подведет. Пока он сможет убедить их в своих взглядах, они продолжат ему служить. Но даже у него не было окончательного плана.

Первый командующий Енох подошел с докладом от разведчиков, которые отправились вдоль городской стены, в холмы и вдоль обрыва у реки. Слова его не были оптимистичными.

— Возможно, если уйти с равнины, то можно найти спуск к реке, но она переходит в болота, которые кажутся непроходимыми. Если пошлем войска вдоль воды, двигаясь у подножия утесов под Ильдакаром, нам все равно придется взобраться по скалам, чтобы попасть в город. — Енох нахмурился. — Это не кажется хорошей стратегией, генерал. У ильдакарцев с той стороны тоже есть укрепления, а у нас нет ни лодок, ни средств для атаки с воды. Думаю, осада у стен — лучший вариант. Ильдакар не сможет противостоять вечно.

Утрос слушал, впитывая информацию.

— Я продолжу работать над планом, первый командующий. Сообщай мне все данные, которые соберешь. Должен быть выход.

Енох церемонно поклонился и ушел.

Несмотря на все заверения Утроса, у него было мало времени, чтобы четко сформулировать свои цели — вопросов у армии было больше, чем ответов. Приказам императора Кергана было уже пятнадцать столетий, а сам неуравновешенный правитель был свергнут собственным народом из-за своей жестокости.

Когда-то давно Утрос принес клятву верности Железному Клыкку, но была еще и Мэджел, любовь к которой столь же сильна, как валун, отклоняющий стремительный поток. Каким-то образом Утросу удалось разделить эти противоречивые приверженности и разместить их в разных частях разума. Он удерживал их, как два магнита, которые то притягивались, то отталкивались. Только благодаря твердой воле он мог удерживать равновесие.

Разглядывая разбросанные по долине костры, он чувствовал скорее холод, чем тепло. Кергана не стало. И Мэджел тоже. Железный Клык больше не мог давать ему советы или новые приказы, Утрос больше не мог слышать прекрасный голос своей возлюбленной. Они оба теперь в подземном мире, а их души принадлежат Владетелю. Утрос никогда не сможет поговорить ни с кем из них.

В древние времена ходили слухи об истончении завесы, о редких случаях недолгого возвращения духов в мир живых, но Ричард Рал переместил звезды, запечатав брешь навсегда — если верить Никки и Натану. Духи больше не смогут вырваться из подземного мира. Правитель и возлюбленная потеряны для него навсегда, и Утрос остался один. Даже окруженный сотнями тысяч верных солдат и в компании колдуний, которые служили ему физически и при помощи магии, Утрос чувствовал себя совершенно одиноким...

Стоя в дверях штаба, он повернулся внутрь помещения. В красном свете двух жаровен его ждали Ава и Рува, облаченные в прозрачные облегающие платья. Свежевыбритые и разрисованные краской близняшки молча наблюдали за ним, позволяя собраться с мыслями, но читали его разум как раскрытую книгу.

— Мы не забыли изученную магию, возлюбленный Утрос, — сказала Ава.

— Мы прочли все книги из завоеванных городов, — сказала Рува.

Утрос закрыл за собой деревянную дверь.

— Я никогда не сомневался в этом. — Он чувствовал дурманый дым, исходящий от жаровен. — Но если посланцы Ильдакара сказали правду, то основы магии изменились. Ваши самые сильные заклинания могут не сработать.

Ава подняла палец, рассмотрела его внимательно, а затем погладила по щеке сестру.

— Или сработать, но не так.

Рува закрыла глаза и довольно вздохнула в ответ на прикосновение сестры.

— А еще это значит, что у нас могут появиться новые возможности. Магия может дать то, на что мы раньше не рассчитывали.

Утрос провел ладонью по своей покрытой шрамами щеке.

— Может, вы найдете заклинание, которое обратит каменные стены Ильдакара в пыль, и тогда мы промаршируем по улицам города.

— Интересный вариант. — Рува протянула руку, чтобы тоже погладить лицо сестры. — Но ты больше всего хочешь не этого, возлюбленный Утрос.

Близняшки пристально смотрели на него.

— Мы знаем, чего ты хочешь, и это укрепит твое сердце, — сказала Ава.

— А значит, укрепит и армию, — добавила Рува.

Утрос нахмурился.

— О чем вы?

— Ты точно знаешь, что случилось с твоей дорогой Мэджел, женщиной, которой ты отдал сердце и душу, — сказала Ава, — в то время как твой ум и талант служили императору Кергану. Абсолютная преданность и абсолютная любовь, противостоящие друг другу.

Рува кивнула.

— Прежде чем ты сможешь принять свое место в этом времени, тебе нужно поговорить с Железным Клыком. И с Мэджел.

У генерала защемило сердце.

— Это правда, но они давно мертвы. Единственный для меня способ поговорить с ними — отправиться в подземный мир, а я еще не готов умереть.

— Возможно, есть другой способ, — в унисон произнесли сестры, и это прозвучало зловеще.

Рува сделала полшага вперед, и алый отсвет жаровен нарисовал на ее коже свой собственный узор.

— Мы поразмыслили над словами колдуньи Никки. Мы создавали проверочные сети и прощупывали их своей магии. Мы приносили в жертву маленьких существ, и их кровь дала нам ответы.

— Подземный мир действительно запечатан, нет никакой брешки или слабого места. Ты не можешь отправиться за завесу, а мы не можем вернуть дух Мэджел или Железного Клыка, — сказала Ава.

Рува и Ава понемногу приблизились и остановились, почти касаясь его и позволяя ощущать их присутствие.

— Возможно, ты все же сможешь заглянуть за завесу в преисподнюю и найти духов.

Утрос заморгал.

— Вы имеете в виду возможность пообщаться, не приводя их в наш мир? Я не рассматривал эту идею, но было бы замечательно.

— Мы с сестрой нашли способ сделать окно — линзу, через которую ты можешь заглянуть за завесу и увидеть духов Мэджел и Кергана. Ты мог бы поговорить с ними.

— Смог бы поговорить с ней, — произнес Утрос хриплым шепотом. — Смог бы сказать... — он вздохнул и выпрямился, возвращая самообладание. — Я мог бы отчитаться перед императором Керганом и получить дальнейшие указания, узнать, чего он действительно хочет от меня через столько столетий после того, как я осадил Ильдакар. — Утрос почувствовал, как у него отлегло от сердца — впервые с момента пробуждения. — Да, сделайте это. Я приказываю.

— Нужны непростые приготовления, — сказала Ава. — Чтобы создать такую линзу, понадобится особый вид стекла.

— И особые ингредиенты, которые трудно достать, — добавила Рува.

— У вас будет все необходимое, — заверил Утрос.

Колдуньи и так это знали.

— Расплавленное стекло нужно смешать с кровью невинных детей. Эти непорочные жертвы порадуют Владетеля, и тогда с помощью магии мы сможем видеть сквозь завесу.

— Я велю первому командующему Еноху найти невинных детей и взять их кровь, —

бросил Утрос. — Я отправил в горы немало разведывательных отрядов, и они наверняка обнаружили деревни, в которых есть чем поживиться.

Ава и Рува прижались к нему, обхватив руками твердое тело. Он чувствовал их изгибы, жесткость кожи и тел, крепкую грудь.

— Давай теперь заснем и поделимся нашей силой, — сказали они.

Утрос ощутил уже забытые ясность и оптимизм. Ава и Рува сорвали с себя одежду, а затем сняли с генерала нагрудник, меч, кинжал, поножи и пояс. Пока сестра завершала раздевать Утроса, Рува добавила больше пряных трав в жаровни, наполнив комнату слабым ароматным дымом.

Они вместе легли на низкую наспех сделанную кровать, переплетя обнаженные тела. Не для того, чтобы делиться телесным теплом — в их твердой плоти его было мало — или страстью, хотя Утрос знал, что в сердцах колдуний горел огонь любви к нему. Сейчас они делились силой, как и много раз прежде во время завоевания Древнего мира.

Утрос обнимал привлекательных сестер, гладил их гладкую холодную кожу, следуя изгибам спин и ягодиц. Кончики их пальцев чертили узоры заклинаний, спускаясь от его груди к ногам. Лежа в постели, он мог думать только о возможности вновь увидеть Мэджел и поговорить с ней, пусть и через стену смерти.

Многоярусные зрительские скамьи боевой арены Ильдакара возвышались со всех сторон, когда Никки выходила на разровненный песок вместе с Натаном, Эльзой и могущественными одаренными советниками. Они наконец приняли решение и планировали перейти в наступление.

На скамьях плечом к плечу сидели тысячи людей. Никки видела размытые расстоянием лица: низшие классы в серых одеждах на нижних рядах, купцы на лучших местах и дворяне в зрительских башнях, защищенных от насилия и кровопролития. Хотя огромная арена была заполнена до отказа, Никки знала, что это лишь малая часть населения Ильдакара. Да, город действительно имел потенциал для создания грозной армии. Несмотря на свои сомнения по поводу плана совета, Никки поможет им добиться победы. Они лишь должны выбрать верную цель. Натан тоже был полон решимости.

Члены палаты шли вперед, оставляя следы на том самом песке, где погибло множество воинов и боевых животных. Людской гомон стих, когда правящий совет остановился, чтобы обратиться к огромной аудитории. Тут же был и Ренделл, новый официальный советник. Низшие классы, рабочие и освобожденные рабы увидят его и поймут, что в структуре власти города произошли фундаментальные изменения. Если все получится, совет убедит ильдакарцев направить свое недовольство на армию генерала Утроста за стенами города.

В нижнем ряду Никки заметила Бэннона, молчаливо поддерживающего ее. Юноша надел простую рубашку и собрал волосы на затылке. Рядом сидела Лила, словно личный страж. Она напомнила Никки Морд-Сит, которые всегда держались рядом с Ричардом.

Квентин, Деймон и Эльза молча стояли рядом с пробудившейся от заклинания Лани и новыми одаренными членами палаты волшебников, Ороном и Ольгией. Никки и Натан остались в совете, и хотя многие ильдакарцы смотрели на них как на героев-чужеземцев, Никки настояла, чтобы слово взяли представители города. Однако без главнокомандующего волшебника или властительницы у совета не было определенного оратора.

Ожидание толпы затянулось, и Эльза наконец выступила вперед. Она усилила голос, чтобы могли слышать все:

— Люди Ильдакара! Граждане Ильдакара! Мы столкнулись лицом к лицу с врагом, которого боялись пятнадцать столетий. Древняя армия пробудилась и находится за стенами.

Слово взял Орон:

— И нас, словно яксенов в загоне, ожидает бойня, если мы не сделаем что-нибудь. — Он шагнул вперед, сделав голос еще громче. — Что касается меня, то я не собираюсь ждать. Мы должны показать свою мощь, доказать, что можем быть грозным противником и противостоять врагу. В Ильдакаре много могущественных одаренных, и наша магия сильнее всего, что есть в распоряжении генерала Утроста.

— А еще у нас есть множество бойцов, — сказала Лани. — Посмотрите друг на друга! Мы призываем каждого, кто может держать в руках оружие, подготовиться к бою и нанести сокрушительный удар по врагу. — Она оглядела публику, увидев бледные лица, яркие ильдакарские шелка, невзрачную одежду рабочих и бывших рабов. — С нами городская стража, Морасит и воины арены. Вместе мы армия, армия Ильдакара.

Люди оживленно забормотали, и Никки заметила, что Бэннон аплодирует. Она ощутила, как крепнет ее решимость. Она слишком далеко ушла, слишком упорно сражалась

во имя лорда Рала и не могла позволить врагу из незапамятных времен одержать победу над легендарным городом. Илдакар должен стать одной из столиц новой Д'Харианской империи. Но для этого Никки сначала должна его спасти.

Она подумала о крови, что пролилась на этих песках, о вынужденных сражаться воинах, которых порубили на куски противники или растерзали боевые звери. В этом извращенном городе было много отталкивающего, но было и за что его спасти. Если горожан убедить жить по благоразумным законам лорда Рала, Илдакар способен стать могущественным союзником.

Она решилась и повысила голос. Восторженная толпа замолчала, желая услышать, что скажет Никки.

— Враг считает, что мы укрылись за стенами и просто ждем. Они думают, у нас нет способа бороться с ними. Думают, наша магия слаба, ведь каменное заклятие развеялось. — Она немного подождала. — Мы покажем им, что это неправда. — Никки знала, как сплотить этих разных людей, эти фракции, которые испытывали друг к другу неприязнь, недовольных мятежников, которые все еще затаили обиду. — Нам требуются солдаты, но мы знаем, что не все из вас воины. Илдакар также нуждается в любой доступной материальной поддержке. Оружейники должны создавать оружие, клинки и копья. Понадобится много стрел. Нам нужны доспехи и щиты. — Она обвела взглядом бывших рабов на нижних рядах, торговцев, купцов, даже одаренных аристократов на верхних ярусах. — Недавнее восстание едва не разорвало Илдакар на части, но у вас есть шанс залечить раны. Я призываю сражаться за свой город, а не друг против друга.

Орон почтительно кивнул ей и добавил:

— Наша главная надежда — это внезапная атака. Давайте тренировать бойцов, собирать одаренных. Когда будем готовы, наша армия поздней ночью соберется возле стены, где враг не сможет нас увидеть, нанесет быстрый и смертельный, как молния, удар, а затем вернется в безопасность стен. — Он протянул руку, указывая на зрителей. — Мы должны нанести большой урон, чтобы заявить о себе.

Никки сосредоточилась на море лиц на многоярусных скамьях. Гул разговоров на арене возрастал, сопровождаемый хлопками и топотом.

Шесть кораблей норукайцев стремительно приближались к гавани; ряды их весел напоминали конечности сороконожек, бегущих по воде.

Капитан Норкросс бежал вдоль доков, выкрикивая приказы. Он немало ночей в одиночестве просидел за столом при свечах, просчитывая варианты и составляя план обороны от налетчиков. Он советовался с солдатами, и у них возникло множество идей как гениальных, так и невыполнимых. Норкросс решил воплотить в жизнь все, что возможно. Он не обладал магией, но мог применить тактику.

Теперь он торопился к краю южного пирса, поглядывая, как три больших грузовых корабля выдвигаются на позицию, готовые сомкнуть клещи на приближающихся норукайских кораблях. На правом борту самого большого корабля под командованием капитана Миллса столпились вооруженные матросы. Вспыхнули яркие точки света, когда дюжина лучников зажгла покрытые смолой стрелы и выпустила их на ближний вражеский корабль.

Норукайцы поспешно тушили огонь на палубе, но несколько стрел угодило в темный парус, который тотчас вспыхнул. Трое налетчиков были убиты горящими стрелами, и их товарищи по команде быстро сбросили тела за борт.

Остальные пять змеиных кораблей голодными хищниками неслись вперед. Громкий и гулкий бой барабанов доносился с судов налетчиков, а норукайские воины столпились вдоль бортов, готовые сражаться мечами, копьями и боевыми топорами. Они издавали нечеловеческий вой.

Яркие деревянные буи на воде обозначали позиции. Норукайцы не обратили на них внимания, но д'харрианские мастера практиковались в точности и дальности выстрелов, а буи отмечали точки удара. Когда змеиные корабли приблизились к линии, Норкросс едва сдержал улыбку.

— Катапульты! — выкрикнул он.

— Катапульты! — подхватили приказ солдаты, точно знавшие, как и когда запустить гигантские валуны.

Солдаты вертели тяжелые рукояти осадных машин, наматывая канаты и приводя в движение шестерни. Канаты застонали, а длинные деревянные балки заскрипели, отводя назад рычаг катапульты. Мускулистые рыбаки погрузили в корзину валун, облили его смолой и подожгли. Когда змеиный корабль миновал первый буй, капитан Норкросс подал сигнал, и катапульта выстрелила. Со звонким щелчком и треском рычаг взметнулся, запуская в воздух снаряд. Огромный пылающий камень летел подобно комете.

Норукайцы на борту закричали от ужаса, когда горящий валун разбил корпус судна. Жители бухты Ренда возликовали при виде немалых повреждений. Подбитый вражеский корабль повернул к югу, пока налетчики пытались восстановить контроль и потушить пожар.

Тем временем горело и первое судно, утыканное пылающими стрелами. Парус почти полностью сгорел, и огонь перекинулся на палубу, подбираясь к мачтам.

Когда корабли норукайцев приблизились к сторожевым башням у входа в гавань, налетчики тоже пустили в ход огненные стрелы, похожие на дождь падающих звезд. Многие защитники вскинули щиты, прикрывая головы, но у некоторых щитов не оказалось. Десятки

людей упали, пронзенные стрелами, не добежав до укрытия.

Норкросс оказался отрезанным ото всех в конце пирса. Вокруг падали стрелы, ударяясь в доски причала.

Четыре уцелевших змеиных корабля неумолимо приближались. Первое судно врезалось в основание дозорной башни у входа в гавань, и его резная носовая фигура разбила конец пирса. Норукайцы покидали палубу — кто-то прыгал в воду, кто-то приземлялся на пристань и устремлялся в атаку.

Норкросс, который видел налетчиков впервые, был потрясен. Они действительно были отвратительными, как ему говорили; их рты были разрезаны и при помощи татуировок превращены в подобие змеиных челюстей, а в кожу по всему телу были вживлены шипы и рога. Эти чудовища были столь же ужасны, как и нежить императора Сулакана, которую Норкросс видел лишь единожды.

Еще один корабль врезался во второй причал, и из него хлынул новый отряд захватчиков. Защитники с двух сторожевых башен пускали стрелы и швыряли камни. С такой высокой оборонительной позиции они вполне могли уничтожить захватчиков. Норкроссу все же стало дурно, когда он выхватил меч и ринулся в бой. Покрытых шрамами работоторговцев, казалось, не волновали собственные потери.

* * *

Обычно во время набегов воины Кора были похожи на волков, гонящихся за жирными глупыми овцами, но теперь он видел, что бухта Ренда доставит проблемы. Ее жители бились по-настоящему и оказали неожиданное сопротивление.

Кор издал рокочущее шипение. Жители все равно проиграют, но это станет испытанием для его людей, а норукайцам это нравится. Суровые испытания делали их сильнее, а холодные ветренные острова подтолкнули их к стремлению завоеваний. Сопротивление бухты Ренда приведет лишь к жестокому возмездию, и Кор не возражал.

Пылающий валун из второй катапульты пронесся по воздуху, с треском выпущенный рычагом. Гигантский камень просвистел над головой, и команда его мишени — корабля Йорика — налегла на весла в яростной, но тщетной попытке сменить курс. Снаряд задел верхушку мачты, расколов нок рею, и парус свалился с нее.

Корабль Кора вошел в небольшую гавань, миновав одну из новых каменных башен. Его судно врезалось в ближайший пирс, а бойцы бросили веревки, чтобы пришвартоваться. Норукайцы спрыгнули с палубы и в ярости рванули вперед, поднимая оружие.

Через считанные минуты они столкнулись с отрядом обученных солдат — настоящих солдат, а не простых деревенщин, — в доспехах и с хорошими мечами. Кор решил, что заберет эти мечи, даже если придется вырвать их из окровавленных рук павших воинов.

Ревущие налетчики врезались в строй солдат — с брызгами крови и лязгом стали. Чужеземные солдаты, прибывшие в бухту Ренда, были хорошо обучены; их не так-то легко напугать. С некоторым удивлением Кор наблюдал, как несколько его воинов пали, сраженные умелыми противниками. Тела норукайцев грубо сбросили в воду, чтобы не мешали.

В качестве оружия Кор предпочитал топор с длинной рукоятью, которая с другой стороны была увечена круглым каменным навершием. Он взмахнул оружием, удерживая его одной рукой, и прыгнул на пирс, яростно разя направо и налево. Кор ударил первого попавшегося солдата, обрушив топор на стальной меч. Запястье солдата хрустнуло, и мужчина отшатнулся, уставившись на согнутую под странным углом руку и торчащую кость.

Норукаец снова взмахнул оружием, ударив по лицу солдата каменным концом. Для верности он развернул оружие и с хлюпающим треском вонзил лезвие топора в грудь защитника. Кор наступил сапогом на грудную клетку павшего солдата, чтобы высвободить свое орудие. Крики боли, гневные вопли и оглушительный лязг оружия были музыкой для ушей Кора.

Со сторожевых башен бросали камни и острые дротики, а лучники осыпали градом стрел. Кор увидел, как семеро его людей упало в одно мгновение; из их тел, будто пики, торчали стрелы. Сам он повернулся как раз вовремя, чтобы стрела вместо сердца угодила ему в плечо. Он потянулся за спину и вырвал ее, и зазубренный наконечник оставил широкую рану в плоти. Но Кор не чувствовал боли — сейчас его мысли занимала битва.

Первая волна норукайцев пронеслась по пирсу в сторону поселения. Многие дома, заново отстроенные после последнего набега, вновь пылали, подожженные горящими стрелами. Защитники выстроились в линию, чтобы помешать налетчикам войти в поселение. В руках они держали мечи, копья, даже грабли и лопаты, а выражение их лиц было мрачным и решительным. Он ожидал увидеть разрозненную и охваченную паникой стаю трусов, но жители бухты Ренда были обучены, и это его удивило. Впрочем, они все равно умрут.

Норукайцы врезались в защитников, размахивая топорами и копьями. Селяне старались держать строй, но падали, как срезанные серпом злаки. Выжившие продолжали сражаться.

Один из офицеров на противоположной стороне бухты — вроде капитан, — выкрикивал приказы, когда пятый и шестой змеиные корабли вошли в устье гавани. Норукайцы на борту рвались в атаку. Жители по обеим сторонам бухты вращали огромные рукояти, натягивая цепи и поднимая что-то из-под воды. Кор инстинктивно взмахнул мечом, чтобы отразить багор бородатого рыбака, но его внимание было поглощено происходящим на воде. Он ударил рыбака кулаком в лицо, столкнув с причала, и снова повернулся к морю.

Смертоносный гребень из заостренных железных стержней был прикреплен к валу, погруженному на дно мелководной гавани. Прежде Кор не видел ничего подобного. Вал начал поворачиваться, поднимая стержни на поверхность, и вскоре длинные смертоносные пики смотрели прямо на приближающийся змеиный корабль.

Кор видел, что должно произойти, но ничего не мог поделать.

— Нет! — взревел он. — Сменить курс!

Корабль налетчиков шел на полной скорости, подталкиваемый синхронными взмахами весел. Несколько норукайцев на палубе выкрикнули предупреждение, и гребцы беспорядочно замахали руками, отреагировав недостаточно быстро. Инерция загнала судно прямо на торчащие пики.

Кор даже услышал скрежет и треск, когда стальные наконечники вспороли корпус корабля, будто рыбе брюхо. Около сотни норукайских воинов прыгнули за борт — и некоторые угодили напрямик на пики. Корабль был разрушен, киль раскололся, и уже через несколько минут трюм наполнился водой. Острые пики продолжали удерживать обломки, как зарезанную козу на крюке мясника.

Другие налетчики плыли вдоль доков к поселению, и шлюпки скребли дном каменистый берег. Перед высадкой на берег норукайские мужчины и женщины бросали факелы в пришвартованные рыбацкие лодки. Взметая брызги, рослые норукайцы выбирались на берег и мчались по гальке в атаку.

Кор вел собственный отряд, размахивая боевым топором, убивая жителей и солдат в доспехах и продвигаясь вглубь улиц.

Сотни других селян появились из укрытий; люди выходили из зданий, где выжидали в

засаде. В считанные мгновения число защитников удвоилось, и атака захватчиков захлебнулась.

Пораженный Кор взвыл в бессловесной ярости. Предполагалась вылазка за рабами, карательная атака, чтобы отомстить за предыдущую неудачу более слабых норукайцев. Ему было поручено вырезать все население и сравнять с землей дома, но уже три его корабля были уничтожены. Жители бухты Ренда не бежали в ужасе. Напротив, они окружили налетчиков и преградили пути отхода.

Первый помощник Кора, один из его лучших бойцов, наносил копьем колющие удары и уже убил трех жителей бухты, но к нему подступали еще шестеро. Его копье поймали багром, направили в землю и сломали древко. Налетчик отбивался кулаками и рычал, открывая и закрывая покрытый шрамами рот, будто хотел вцепиться в противников зубами. Жители бухты Ренда сбили его с ног, закололи ножами и забили дубинками. Наблюдая за гибелью товарища, Кор ощутил страх. Впервые в жизни он почувствовал, что проиграл.

Корабль Йорика за пределами гавани накренился; судно пыталось отступить, но его поврежденный снарядом корпус заполняла вода. От тонущего корабля уплывало пять лодок, набитых налетчиками, готовыми биться насмерть.

Три больших трехмачтовых парусника, подобных которым он никогда не видел, неумолимо приближались к гавани, на всех парусах преследуя норукайские лодки. С высоких палуб матросы стреляли из луков до тех пор, пока не убили всех воинов, пытавшихся бежать. Ближайший грузовой корабль со скрежетом врезался в поврежденное змеиное судно. Матросы перепрыгнули через леера, заполнив палубу норукайского корабля.

Кор развернулся, чтобы посмотреть на картину настоящего провала, почти не обращая внимания на тела убитых им людей. Еще два десятка защитников бухты неслись к нему по улице. Они совсем не выглядели испуганными. Напротив, в их глазах светилась жажда крови, которую Кор раньше видел только у норукайцев. Попятившись в поисках оборонительной позиции, он бросил взгляд на дальний конец гавани, где солдаты с мечами и копьями преградили путь двадцати норукайцам, которым некуда было бежать. Налетчики яростно сражались, но потерпели поражение, и их тела сбросили в воду.

Окинув взглядом поле боя, Кор быстро подсчитал силы. Он потерял три из шести змеиных кораблей, погибли две трети его воинов. Невозможно! Если и другие города научатся так обороняться, норукайцы будут терпеть поражение за поражением. Такого он совершенно не ожидал. Кор не мог смириться с мыслью, что потерпел поражение от рыбацкого поселка!

Он увидел, что Ларс и Йорик еще живы и изо всех сил пытаются собрать команды на трех оставшихся кораблях. Кор знал, что ему придется отступить с оставшимися бойцами к кораблям, которые еще остались на плаву. Король должен узнать, что произошло. Кор хрипло выкрикнул приказ, который боялись услышать все норукайцы, приказ, который веками почти не использовался.

Приказ отступать.

Кор велел всем норукайцам, которые еще могли прорваться, поспешить к кораблям. Он выведет их из бухты Ренда в открытое море и как-нибудь доберется до островов Норукай.

Его люди были покрыты ожогами и ранами, а пламя в их сердцах угасло. Лучше бы ему остаться и погибнуть здесь — как только Кор сообщит о неудаче королю, его наверняка принесут в жертву змеиному богу. Но он не имел права думать об этом. Он должен спасти своих воинов, чтобы они потом вернулись и неистово сражались — ради мести. Король

Скорбь должен узнать об этой ужасной и будоражащей угрозе, даже если это будет стоить Кору жизни.

Он обезглавил здорового селянина, который замахнулся на него наточенной лопатой. Кор даже не стал смотреть, как упала его жертва, а побежал к морю, надеясь, что сумеет живым добраться до корабля.

В стенах Ильдакара Никки трудилась весь день и всю ночь, чтобы сплотить защитников города, вооружить их и подготовить к вылазке. Совет утвердил этот план. С момента коварного нападения близняшек-колдуний город не получал от генерала Утроста ни вестей, ни ультиматумов, ни требований. Никки была уверена, что генерал разрабатывает свою стратегию, но надеялась, что Ильдакар ударит первым, застав его врасплох.

Даже ночью Никки продолжила собирать информацию, блуждая во снах вместе со своей песчаной пумой. Большая кошка скользила среди теней и изучала вражеские войска, а иногда, набравшись смелости, даже рыскала среди солдат коричневым призраком. Мрра не могла судить об увиденном с человеческой точки зрения, но посредством ее глаз Никки могла оценить лагерь, численность врага, количество припасов, оружия и разглядеть слабые места.

Используя кошачье чутье, Никки могла сказать, что эти древние воины были не совсем людьми. Они пахли неправильно, а их кровь и плоть были холоднее, чем у обычного человека.

Следующим утром Никки отчиталась совету о том, что увидела глазами Мрра. Натан отсутствовал, сославшись на проверку какой-то другой идеи.

На собрании леди Ольга сообщила:

— Моя гильдия изготовила достаточно особого шелка, чтобы сшить защитные плащи для двадцати одаренных дворян, которые возглавят атаку через несколько ночей. Наши черви плетут до изнеможения. Повелители плоти приспособили и усилили их, но они не могут двигаться быстрее.

Никки знала, что приготовления не могут продолжаться вечно.

— Генерал Утрост скоро начнет действовать, и мы должны нанести удар первыми — иначе потеряем элемент неожиданности.

— В подготовке задействован весь город, и это будет серьезное наступление, — сказал Деймон. — Бойцы собираются в отряды и тренируются, им раздают оружие. Потребуется еще минимум три дня, прежде чем мы будем готовы выступить.

— Я приказал выставить охрану у всех ворот, даже у пастушьих калиток, — сказал Квентин. — Их укрепили заклинаниями. Внутри стен никто не пройдет.

Орон нахмурился.

— Я больше обеспокоен бывшими рабами, которые хотели поубивать невинных дворян и сжечь город. Да, Ренделл теперь в совете, но все ли рабы столь же преданы делу, как мы? Что мешает одному такому предателю выскользнуть наружу и передать информацию врагу?

Ренделл, расстроившись, поднялся с каменной скамьи:

— Мы поклялись защищать Ильдакар, как и вы. Рабы боролись за справедливость, но теперь видят путь к лучшему будущему. Думаю, я достучался до каждого. Как только восстановим город, он будет принадлежать и им. Так зачем им предавать нас?

Никки прищурила голубые глаза:

— Понимаю твой пыл, Ренделл, но вряд ли все они такие же бескорыстные. Даже шепоток не должен долететь до генерала Утроста.

— Наше главное оружие — внезапность, и мы не должны его потерять, — сказала Лани. — Мы составили план и должны вложить все силы в эту атаку, нанести как можно

больше урона. Нужно убедить Утроса, что мы способны одолеть его.

Советники ответили с уверенностью и энтузиазмом. Никки надеялась, что они правы.

* * *

Войдя в безмолвный пустой особняк повелителя плоти, Натан ощутил в тяжелом воздухе опасную магию.

Два воина Иксакс возвышались над обломками. Каменные колонны, походившие на огромные древесные стволы, лежали среди кусков разрушенного потолка и стен. Тяжесть всего здания обрушилась на неподвижных гигантов, оставив на их доспехах слои пыли и каменное крошево, но не причинили титанам реального ущерба. Эти двое стояли наготове, как и пятнадцать столетий назад — недвижимые, но находящиеся в сознании.

Приблизившись к двум гигантским фигурам, Натан посмотрел на них с благоговейным страхом. Даже зная, сколько ущерба причинил их освободившийся товарищ, он позволил себе небольшой проблеск надежды. Высокие кожаные сапоги волшебника с хрустом наступали на разбитый камень, разбросанный по потрескавшимся плитам.

Где-то под пылью и обломками находилось теперь уже высохшее большое красное пятно. Брызги крови, размолотая плоть и раздробленные кости — вот и все, что осталось от Андре, когда пробудившийся Иксакс выпустил свою ярость. Никто не потрудился убрать беспорядок, поскольку все слуги и ученики повелителя плоти бросили его во время восстания.

Носком сапога Натан сдвинул камешек, под которым оказался кривой желтоватый осколок черепа с клоком волос, покрытых спекшейся кровью.

— Добрые духи, — пробормотал он.

Он не мог отрицать, что Андре получил по заслугам за многовековое истязание троих Иксакс... Высвобожденный воин пробил магический щит повелителя плоти. Андре создал титанов для защиты Ильдакара, но их никогда не использовали. От скуки он веками мучил их и изводил. Неудивительно, что освобожденный гигант устроил хаос в Ильдакаре, прежде чем Натану удалось уничтожить его. Сама ситуация была прискорбной.

Теперь весь Ильдакар готовился к нападению на древнюю армию. Совет дал людям цель, надежду на настоящий успех, хотя Натан считал, что они больше полагаются на энтузиазм, чем на выверенную военную стратегию. Возможно, им удастся одурачить генерала и нанести серьезный ущерб. А может, древний полководец удивит их своим военным гением. Натан, знавший историю, не желал его недооценивать. Он надеялся увеличить шансы, найдя оружие, которого армия Утроса еще не видела. Могут ли Иксакс послужить этой цели? Возможно ли их контролировать?

Он перешагнул через упавшую колонну и встал перед титанами в доспехах, каждый ростом в пятнадцать футов. Они не могли говорить, но слышали. Собравшись с духом и помня, как разъяренный Иксакс едва не уничтожил его, Натан стал внимательно разглядывать великанов. В чистом балахоне волшебника и с белыми волосами он выглядел впечатляюще, как высокопоставленная персона. Тишина была напряженной и зловещей, но Натан уверенно смотрел на две громадины.

Он прочистил горло, и звук показался ему чересчур громким.

— Приветствую! — Едва это слово сорвалось с его губ, он понял, как глупо оно прозвучало. — Меня зовут Натан Рал. Я волшебник, но не из Ильдакара. Я прибыл сюда из далеких земель.

Иксакс не вздрогнули и не шелохнулись — сковывающее заклинание не давало им

двигаться. Толстые железные шлемы скрывали их головы, оставляя лишь щелки для глаз. Тяжелые металлические доспехи охватывали тела, делая плечи массивнее, а на нагрудных пластинах было множество круглых выступов с выгравированным символом Ильдакара: солнцем и молниями. Массивные руки были оголены, и шагренева кожа, не походившая на живую плоть, была усыпана мелкими камешками. Ладони были скрыты огромными латными рукавицами с острыми шипами. У каждого гиганта был жуткий меч в человеческий рост. Ноги воинов походили на дубовые стволы, покрытые рельефными мускулами. Их сапоги могли крушить каменные глыбы. Сквозь прорези в шлемах глядели округлые внимательные глаза размером с гранат, потрескивающие от магии. Извращенная магия Андре превратила трех простых пехотинцев, добровольно вызвавшихся защищать любимый город, в... это.

— Я сожалею о том, что с вами сделали, — сказал Натан, надеясь, что они услышат и прислушаются. — Я знаю, вы не ожидали этого, когда вызывались добровольцами, но сейчас Ильдакар отчаянно нуждается в вас.

Тишина по-прежнему окутывала их, словно плащом. Он даже не слышал дыхания воинов Иксакс. Нужно ли им дышать?

Но он почувствовал незначительную перемену. Пылающие желтые глаза под массивными шлемами слегка сместились, перестав вглядываться в вечность. По спине Натана пробежал холод, и он уверился, что их внимание переключилось на него.

— Повелитель плоти Андре сделал это с вами, и он заплатил за все причиненные вам мучения. Вы могли видеть это своими глазами.

В ночь восстания был пробужден один — всего один — Иксакс, и эта махина разнесла весь особняк, убила Андре и устроила погром в Ильдакаре. Только Натан смог остановить его. Осталось двое.

— Вас создали для защиты Ильдакара, — сказал он. — Я знаю, что изначально было в ваших сердцах: вы были храбрыми солдатами. Ильдакар все еще в опасности — Утрос осадил город. Ильдакар по-прежнему нуждается в вас. — Он глубоко вздохнул. — Даже несмотря на то, что город — нет, не город, а отдельные плохие люди — поступили с вами неправильно. — Он пытался разглядеть в прорезях шлема что-то кроме ярости и безумия в пылающих глазах. Натан задавался вопросом, сколько веков прошло с тех пор, как кто-либо говорил с великанами по-доброму и с состраданием. — Я немного понимаю, что вы чувствуете, ведь я и сам тысячу лет был пленником. Сестры Света держали меня во Дворце Пророков, потому что боялись меня, как многие ильдакарцы боятся вас. Видите ли, я был пророком, а пророчество может быть очень опасным. — Он начал расхаживать туда-сюда, немного расслабившись. Волшебник потер шрам на груди, чувствуя биение сердца и вернувшийся дар.

Он помнил, как еще в детстве зачатки дара вызывали яркие кошмары, помнил свое смятение от проявившегося дара пророчества. Натан происходил из рода Ралов, так что дар не оказался неожиданностью. Но он не знал, что с ним делать.

Он не мог забыть тот день, когда сестры разыскали его, как и всех одаренных молодых людей. Юный Натан все сильнее впадал в отчаяние по мере усиления головных болей, испытывал замешательство и страх из-за обрушившихся на него непостижимых пророчеств. Сестры давали обещания, почти все из которых впоследствии оказались ложью, и он пошел с ними, подчиняясь Рада-Хань, железному ошейнику, с помощью которого сестры контролировали волшебников. Этот железный ошейник с натяжкой можно было сравнивать с бесконечным заточением воинов Иксакс. И тем не менее, он понимал...

— Я вернусь и поговорю с вами снова, — сказал Натан успокаивающим тоном. — Ваша жертва не напрасна, вы можете нам понадобиться. Ильдакар не забыл о вас, поверьте. — Он нервным жестом провел пальцами по длинным волосам, чувствуя, как на лице проступили капельки пота. — Вы оба все еще нужны нам. Правда.

Натан выдержал неловкую паузу, надеясь, что все же достучится до их сознания, пока не стало слишком поздно.

* * *

Выражение лица Ренделла, встретившего Никки возле большого особняка, не скрывало возмущения и злости.

— Пойдем со мной. — Он тяжело сглотнул и повел ее по улицам, спускавшимся с плато. — Советники скоро узнают, но, быть может, мы сумеем предотвратить кровавую бойню. Этого не должно было произойти. — В его голосе звучало отвращение.

Колдунья последовала за бывшим рабом по малолюдным петляющим аллеям, затененным высокими деревьями. В этом районе располагались роскошные бордели, обслуживавшие богачей. Питомники перестали пользоваться большим спросом после ночи восстания, когда прекрасные шелковые яксены убили нескольких дурно обращавшихся с ними клиентов. Никки видела испуганные лица людей в дверных проемах, мимо которых они проходили. Многие были одеты в серую одежду низших классов — это были рабы, отказавшиеся вернуться к работе. Многие из них заняли роскошные дома и особняки, выгнав дворян, которые уже не обладали прежней властью.

Ренделл все еще не объяснил причину своего гнева и тревоги, и Никки это нервировало.

— Почему ты думаешь, что я могу помочь?

Бывший раб повернулся к ней с усталым выражением лица.

— Потому что ты сражалась за нас, Никки. Ты вела нас в ночь восстания, помогла обрести свободу, когда Зерцалоликий предал нас. — В его глазах читалась грусть. — Может быть, они прислушаются к нам с тобой и прекратят кровопролитие.

Они свернули за угол и направились к особняку с мраморными колоннами. Это был один из самых дорогих питомников шелковых яксенов. Десять человек в серой и коричневой одежде собрались в группу, о чем-то перешептываясь. Перед зданием стояла жердь с насаженной головой мужчины. Открытые глаза уже остекленели, челюсть отвисла; уложенная в причудливые локоны борода и тщательно причесанные кудрявые волосы запеклись от крови. С ближайшей колонны свисало подвешенное за ноги обезглавленное тело. На белом мраморе кровью этого аристократа было написано «наш черед».

Желудок Ники сжался, а челюсти напряглись от гнева.

— Мы должны остановить это! — хрипло произнес Ренделл. — Иначе весь Ильдакар обратится против нас.

— Чье тело? — требовательно спросила Никки. — Знаешь имя?

— Лорд Авбур. Утром я получил сообщение, в котором говорилось, что справедливость восторжествовала и чудовище устранено. — Ренделл растерянно покачал головой. — Я не просил об этом. Это может сделать только хуже!

Рядом с собравшимися у особняка стояли пять красивых женщин в платьях из тонкой ткани. На лицах шелковых яксенов было безмятежное равнодушие.

— Лорд Авбур владел тремя питомниками, — продолжал Ренделл. — Слышал, он плохо обращался с ними, но не хуже, чем остальные.

— Они убили своего хозяина? — Никки изучала их бесстрастные лица, но не видела

брызг крови на сливочной коже.

Ренделл сжал губы:

— Не думаю. Но обвинят во всем их. Я знаю, что никто из шелковых яксенов не мог написать записку, которую я получил. Большинство не умеет ни читать, ни писать.

Никки почувствовала нарастающее смятение. Она ничего не знала об этом лорде Авбуре, ей не было дела до хозяина шлях, но с продолжением насилия напряжение в обществе точно не исчезнет.

— В Ильдакаре нужно многое исцелить, но вы никогда не построите лучшее общество, если ваши люди продолжают убивать тех, с кем нужно помириться.

— Я знаю! — простонал Ренделл. — И тот факт, что я получил место в совете, означает, что мы сделали шаг вперед. Но это уже десятая казнь аристократа с ночи восстания. Среди низших классов есть те, кто хочет убить их всех и очистить город.

Пять шелковых яксенов продолжали смотреть на обезглавленное тело, но остальные отошли в сторону.

— Если убьете всех одаренных в городе, то кто поможет вам защититься от Утроста? — возмутилась Никки. — Ваши люди не видели, что творится за стенами? Совет запланировал масштабную атаку, как только мы вооружимся и подготовимся. Если бывшие рабы так жаждут крови, вели им сразиться с врагом, который угрожает всем нам!

— Помоги заставить их понять это, Никки, — взмолился Ренделл. — Они скандировали твое имя в ночь восстания. Они знают, что ты не бросила их, как это сделал Зерцалоликий. Они прислушаются.

— Повторяю еще раз: это не мой город! Спасение и восстановление Ильдакара должно исходить изнутри.

— Иногда нужно немного подтолкнуть к этому. — Ренделл отвел взгляд от окровавленного тела и отрубленной головы. — Я знаю, как донести до людей нужные слова.

Покинув место убийства, они пошли по знакомым улицам туда, где прежде был невольничий рынок. Никки презирала это место с тех пор, как наблюдала за ликующей ильдакарской знатью, которая торговалась за «ходячее мясо». Рынок теперь заняли сотни освобожденных рабов, которые больше не хотели жить в лачугах на нижних уровнях города. Здесь собрались воссоединившиеся семьи и новые друзья.

Увидев Ренделла и узнав Никки, они захлопали было в ладоши, но Ренделл вскинул руки, требуя внимания. Ропот сотен людей, собравшихся вокруг костров и под самодельными навесами, стих.

— Вы думаете, у вас есть свобода, — начал Ренделл; голос его был грубым и сердитым. — Вы думаете, что победили, но некоторые из вас пытаются уничтожить наш единственный шанс. Вы направляете нож прямо в наши сердца! — Он сделал паузу. — Убит еще один дворянин.

— Мы свободны, — выкрикнул хриплый мужчина. На лице его был шрам, а одет он был в одежду рабочего со скотобоев яксенов. Никки узнала его. Она встретила его в ночь пожаров после схватки с колючими волками. Он и его напарник с гордостью преподнесли ей отрубленные головы четырех убитых ими дворян.

— Вы не заслужили свою свободу, — сказала Никки низким, опасным голосом. — За свободу приходится платить, и часто кровью. Но не любой кровью. Вы не можете продолжать проливать ее без разбора.

Народ зароптал. Они ожидали поздравлений, а не выговора от этих двух людей, которых

считали героями.

Ренделл умоляюще посмотрел на толпу:

— Вы все знаете, что я состою в правящем совете. В скором времени мы включим в него и других представителей низших классов: не только одаренных дворян, но и торговцев, рабочих и даже рабов вроде меня. Мы должны добиваться равного представительства.

— Мы должны искоренить болезнь, которая ослабляет Ильдакар, — вызывающе сказал человек со шрамом. Он повернул голову, чтобы его слышала толпа: — Все вы знаете, что они делали с нами. Справедливость должна восторжествовать.

— Должен установиться мир! — воскликнул Ренделл. — Убито уже немало дворян.

— Не убиты, а казнены! — произнес неопрятный мужчина. — За преступления, совершенные против нас.

— Каким судом и какой властью? — требовательно спросила Никки. — Вы ненавидели могущественных дворян за то, что они издевались над вами. Теперь вы хотите отплатить той же монетой? Ильдакар все еще в осаде, и мы должны сразиться с древней армией, все вместе. Нам нужен каждый человек, каждый дворянин, каждый раб, каждый торговец. Город должен быть сильным, а не рваться на части изнутри.

— Лорд Авбур заслужил, — настаивал мужчина со шрамом. — Мы все знаем, что он делал с шелковыми яксенами.

Поскольку Никки с Ренделлом не упоминали имени жертвы, стало ясно, кто виновен в убийстве.

— Это новое убийство станет искрой для пороховой бочки, — сказала Никки, подойдя к мужчине. — Вы хоть представляете, сколько потребовалось усилий, чтобы включить Ренделла в совет? Вы уничтожите весь прогресс, которого мы достигли. Вы глупцы!

Люди перешептывались, выглядя смущенными. Тимоти, юный полукаменный погонщик якшенов, вышел вперед:

— Мы еще далеки от равного счета. Мы думали, ты будешь сражаться за справедливость вместе с нами, Никки.

Никки повернулась к юноше, который не так давно был статуей:

— Каждая жертва воспринимает справедливость по-своему. Ваши действия заставляют дворян чувствовать себя жертвами и принимать ответные меры. — Она указала на толпу, на самодельные палатки, на груды награбленного из особняков. — У меня уйдет много сил, чтобы отговорить радикально настроенных советников сжечь тут все и вся. Городская стража с факелами и мечами может окружить площадь и перебить всех вас в отместку за то, что один человек сделал с лордом Авбуром. — Она посмотрела на грубияна, который так гордился совершенными казнями. — И все потому, что некоторые из вас не могли дождаться подходящего времени для мести.

— Мы все желаем мести, — с ухмылкой ответил мужчина. — По одной за раз.

— Я думала, вы хотите справедливости, а не мести, — возразила Никки. — А правосудие требует отчета. Ты объявил Авбура виновным и обезглавил, потому что счел себя его судьей, и теперь дворяне захотят, чтобы ты заплатил за это кровью. Ты заставляешь вновь и вновь крутиться это колесо.

— Это шаг в верном направлении. — Человек со шрамом скрестил мускулистые руки на груди, отказываясь отступать. — Я думал, ты будешь довольна. Ты много чего сказала, когда вела нас против властительницы, и я думал, ты на нашей стороне и противостоишь злу.

— Зло принимает множество форм, включая самооправдание. Суровая справедливость

— вот как нужно разорвать этот замкнутый круг. Ты убил лорда Авбура. Ты знаешь это. Мы все это знаем. — Она сделала еще шаг к нему.

Люди на площади неуверенно зашевелились. Убийца расправил плечи и посмотрел на Никки. Несмотря на меньший рост, она была намного опаснее него.

— Вот как я отчитаюсь, — сказала она. — Я смогу убедить совет, что виновный заплатил за преступления и погибшие отпущены. — Ее голос гремел так, что слышали все собравшиеся на рынке. — Но все закончится здесь. На дворян больше никто не нападет, если вы надеетесь стать равноправными в Ильдакаре. Понимаете?

Мужчина со шрамом фыркнул.

— Я сам пойду и поговорю с ними, сам все растолкую. — Он все еще не понимал опасности. — Я заставлю их понять. Я...

Никки протянула руку, направив дар, и одной лишь мыслью остановила сердце мужчины. Он выпучил глаза, дернулся и замертво рухнул на каменные плиты, как зарезанный яксен.

Толпа ахнула, а Никки посмотрела на Ренделла. Тот тяжело сглотнул, кивнул и обратился к людям:

— Я говорю с вами как член совета. Мы не можем иметь любимчиков. Если хотим равенства, то должны быть равны со всеми, с едиными правилами. Если хотим свободы, мы должны заплатить за нее. Если мы хотим часть Ильдакара, мы должны стать частью Ильдакара.

— Это значит, что вы тоже должны сражаться за Ильдакар, — добавила Никки в ошеломленной тишине. — Когда мы нападём на генерала, понадобятся все бойцы. Мы обучим, выдадим оружие и доспехи, если захотите принять участие в атаке. Если вы намерены пролить кровь за свою свободу, то убедитесь, что делаете это правильно.

Испуганные люди нервно переминались с ноги на ногу.

— Когда члены совета узнают об убийстве лорда Авбура, мы с Ренделлом сообщим им, что вопрос закрыт. — Никки сделала долгую паузу, напряженно оглядев толпу и увидев, что ее слова произвели впечатление.

Никто не подходил к мертвецу, распростертому на каменных плитах. Никки быстро кивнула.

— Хорошо. Тогда, как я уже сказала, вопрос закрыт.

Бэннон уже бывал в битвах, но никогда не участвовал в полномасштабной войне. Этой ночью он вышел на песок боевой арены, сжимая в потной ладони Крепыша. Лила и другие Морасит учили его обращаться с дубинками и ножами, биться на кулаках, но он предпочитал свой меч. Блеклая сталь, навершие и плоская гарда смотрелись простовато, но не для Бэннона. Внешность бывает обманчивой. Когда оружие разрубает врага надвое, какая разница, сверкает ли сталь?

Бэннон, одетый лишь в набедренную повязку и военные сандалии, которые предпочитали ильдакарские воины, ощущал вечернюю прохладу в воздухе. Ничего, скоро он согреется в жестокой схватке. Он был уверен в своих навыках, но мысль о том, чтобы броситься с одним мечом против тысяч полукаменных воинов, вызывала мурашки.

Пока совет прорабатывал планы, бойцы продолжали тренироваться, оттачивая навыки для массированной внезапной атаки. Над верхним кольцом арены сияли хрустальные факелы, походившие на светло-голубые солнца. Шестдесят лучших воинов вместе с офицерами городской стражи вышли из арки на открытый песок, неся тренировочные мечи, посохи и копья. На ильдакарской арене иногда устраивались ночные представления, рукопашные схватки десятков бойцов, которые выливались в захватывающую бойню. Сегодня ночью разношерстная армия защитников будет тренироваться в полной темноте.

Бэннон завязал длинные волосы в хвост, чтобы они не мешали в бою. Лила предложила обрезать их по примеру Никки.

— Враг может схватить тебя за волосы, дернуть, вывести из равновесия и даже свернуть тебе шею.

Мысль о взбесившихся волосах Никки заставила его вздрогнуть, но он покачал головой.

— Я не стригся с тех пор, как покинул остров Кирия. Я не хочу терять часть себя.

— Тогда ты можешь потерять голову.

— Постараюсь этого не допустить.

Выражение лица Лилы было жестким, но ее взгляд чуть смягчился.

— Постарайся, хотя бы ради меня.

Лила и еще шесть Морасит, выбрав себе оружие по вкусу, стояли на арене лицом к бойцам. Выжженные на коже руны защищали воительниц от магии, но не от обычного оружия, а Утрос и древние солдаты сражались сталью. Женщин по-прежнему интересовала лишь защита Ильдакара. Их цель не изменилась. Противник есть противник.

Бэннон переговорил со многими воинами арены, спрашивая, не держат ли те зла на Морасит за жесткое обращение, но за эти годы почти из всех опытных бойцов выбили стремление к независимости. Он вспомнил, что чемпион Ян был беззаветно предан Адессе, но она убила его в ночь восстания. За это Бэннон не мог простить лидера Морасит, как не мог простить и норукайских работаровцев.

Но Лила... он медленно и неохотно начал понимать образ мыслей молодой женщины. Ее суровое и болезненное обучение сделало его гораздо сильнее, и эти навыки могли его спасти в настоящем бою.

Морасит взяли оружие наизготовку. Лила в одной руке держала короткий меч, в другой — хлыст, а у остальных были деревянные боевые посохи, длинные багры и пики. Дженда, плотная и приземистая воительница, носила обитые железом перчатки и готовилась

сражаться одними кулаками.

— Поражению нет оправданий, — выкрикнула Лила. — Когда нападём на Утроса и его армию, не позорьте меня своей смертью. — Она ни капли не шутила, но кто-то из городской стражи нервно усмехнулся. Воины арены — нет. — Вы будете сражаться и учиться. И если достаточно хорошо проявите себя в реальной битве, вам может и не придется снова сражаться с Утросом.

— Мы зададим им перцу, ха-ха! — раздался бодрый юный голос.

Бэннон обернулся и увидел Тимоти, который сменил груботканую рабскую одежду на набедренную повязку. Сорванец был без рубашки и сжимал в руке короткий меч, который казался для него слишком большим. Его кожа была серовато-белой от остаточного воздействия каменного заклятия. Когда он взмахнул мечом, движения были медленными, а суставы еле гнулись, но ухмылка на лице была настоящей.

Кажется, он произвел на Лилу впечатление.

— Я ожидаю, что каждый будет столь же храбрым и сильным, как этот погонщик яксенов.

Кто-то выразил согласие, другие же, в частности надменные городские стражники, ворчливо осуждали высокомерие мальчишки.

— Мы будем сражаться рядом с тобой, Тимоти, — сказал Бэннон.

Семь Морасит разделили бойцов на отряды, которые будут сражаться вместе.

— На поле боя не будет аренной тактики, — сказала Лила. — Если не будете следить за спиной, пока деретесь с одним врагом, другой может метнуть копье вам в сердце. Не ждите ни правил, ни чести. — Она вышагивала среди них, впиваясь взглядом в тех, кто не проявлял достаточной уверенности. — И я не жду, что вы будете драться по каким-то четким правилам. Настоящая битва — не игра, и победители не получают ленты или трофеи. Впрочем, некоторые могут получить приятную награду от одной из наших прекрасных Морасит. — Она выждала, уверяясь, что завладела их вниманием. — Вы отвечаете за защиту города и сохранение нашей свободы.

— А у нас теперь есть свобода? — спросил один из домашних рабов, мускулистый мужчина, который пришел сюда сам.

— У вас больше свободы, чем прежде, — ответила Лила. — А если Утрос потерпит поражение, вы будете вправе потребовать большего.

Бывший раб расставил ноги и уткнул острие меча в песок, глядя на Лилу, которая шагнула вперед, отвечая на его вызов.

— Я был бы полностью свободен, если бы ускользнул однажды ночью, — сказал он. — Многие бежали из Ильдакара и теперь живут полной жизнью далеко отсюда. Некоторые горные деревни, такие как Стравера, принимают беглых рабов. Когда мой друг Гарт бежал, он умолял меня пойти с ним, но вместо этого я послушал Зерцалоликого. Я остался низвергать Ильдакар ради всеобщей свободы. — Он поморщился. — А теперь гляньте на нас! Весь город как тюрьма. Я должен был уйти, когда был шанс.

Лила подошла к нему вплотную, почти касаясь.

— Думаешь, сможешь сбежать сейчас? Улизнуть тихонько ночью, прокравшись мимо тысяч вражеских солдат? Валяй.

— Я остаюсь, — проворчал мужчина. — И буду сражаться. Я уже принял решение. Колдунья убедила меня.

Лила сделала шаг назад.

— Хорошо, тогда будешь моим первым противником. — Она бросила взгляд в сторону. — Бэннон, ты тренируешь Тимоти. Слови погонщика яксенов, если сможешь.

Дженда громко и пронзительно свистнула, и все бойцы встали по стойке смирно. Кедра, Лайес, Марла, Торн и Райси заняли свои позиции напротив отрядов противников. Когда Дженда свистнула во второй раз, сражение началось.

По арене разносился звон брони под ударами деревянных посохов, усиленные перчатки громко врезались в плоть, сталь ударялась о сталь. Рослая Дженда впечатала латный кулак в грудь своего противника, и тот навзничь повалился на мягкий песок.

Сразу после сигнала Тимоти со смехом замахнулся коротким мечом на Бэннона. Рыжий юноша поднял Крепыша, чтобы отразить удар, и тоже улыбнулся при виде ретивости сорванца. Тимоти без всякого изящества размахивал мечом, и Бэннон легко парировал каждый выпад. Он не мог не вспомнить о собственных неуклюжих движениях, когда приобрел меч у кузнеца в Танимуре. Дав себе клятву никогда больше не быть беззащитным, он потратил свои последние монеты на оружие, с которым не умел обращаться.

Тимоти наседал с таким упорством, что Бэннон отступил на шаг. Он встречал каждый удар, отражая энергию мальчишки, но погонщик яксенов слишком часто открывался. Как только выпала возможность, Бэннон нанес сильный удар плоскостью клинка по плечу противника. В последний момент он остановил удар, не желая ранить Тимоти, но сталь соскользнула с обнаженного плеча, будто с твердой поверхности. Бэннон от неожиданности замешкался, и его юный противник бросился вперед, ударив по Крепышу так сильно, что чуть не выбил оружие из рук.

Тимоти издал радостный крик:

— Я мог бы убить тебя, Бэннон Фермер! Остерегайся такого достойного противника, как я.

Бэннон скользнул под коротким мечом мальчишки и вновь ударил по его тощей руке плоскостью клинка.

— А я мог бы отсечь тебе руку.

— Разве? Моя кожа лучше любых доспехов, которые ты когда-либо носил. Кроме того, у меня две руки, и, клянусь бородой Владетеля, я продолжу сражаться, даже если потеряю одну.

Вокруг продолжался шумный бой, перемежаемый воплями боли, когда бойцы получали притупленные удары от Морасит. Один ветеран арены, мужчина со шрамами на теле и на лице, словно и не хотел драться. Бившаяся с ним Райси повалила его на землю и приставила к груди меч.

— Разве тебе все равно? Если потерпишь неудачу, умрешь. Помни об этом, когда будешь сражаться с вражескими солдатами.

Лицо ветерана покраснело. Он поднялся с песка, стряхивая пыль с потной и окровавленной кожи.

— Я не собираюсь оправдываться, Райси.

Зарывав, он с новыми силами бросился в бой.

Бэннон продолжал поединок с Тимоти, хотя у него болели мышцы, а по лицу струился пот. Сорванец был безрассуден и полон энергии, и Бэннон после нескольких ушибов решил перестать поддаваться.

— Ты неосторожен, — предупредил он и шлепнул плоскостью меча по твердому бедру мальчишки.

— Мы должны идти на риск! — воскликнул Тимоти. — А как еще тысяча наших сразится с десятками тысяч врагов? Или даже больше?

Бэннон не знал, что ответить, поэтому просто усилил натиск.

Из арочного входа на краю арены раздался мужской голос:

— Я привел вам еще двоих для тренировки.

Дженда снова свистнула, и бой прекратился. Рычание, лязг и звон сменились тяжелым дыханием, кашлем и стонами боли.

Лорд Орон подтолкнул вперед двух парней.

— Мой сын Брок и его друг Джед выполняют свой долг и будут сражаться за Ильдакар. Мы с леди Ольгией убедили их добровольно принять участие в предстоящей атаке.

Бэннон вытер пот с лица, глядя на некогда заносчивых молодых людей. Он задумался, не следствие ли это его резких слов в доме скорняков. Одеты юноши были в подпоясанные шелковые безрукавки, Брок — в малиновую, Джед — в темно-зеленую. На обоих были черные шаровары и начищенные сапоги, и каждый нес сверкающий меч, только что взятый из городской оружейной. Это оружие явно еще не видело ни боя, ни тренировок.

Кто-то из бойцов при виде дворян захихикал, кто-то заворчал. Джед и Брок неуверенно шагали вперед. Брок повернулся к отцу.

— Но мы одаренные. Мы должны опробовать наши умения в магии. Тренируй нас!

— У вас было на это очень много лет, — сказал Орон, — а теперь неплохо бы вам научиться постоять за себя. — Резким жестом он велел им присоединиться к потным воинам.

Лила вышла вперед:

— Эти двое должны раздеться, если собираются драться. Это не вечер удовольствий или банкет, и мы не хотим пачкать эти прекрасные шелка.

Орон даже не сдвинулся с места, чтобы присоединиться к двум новичкам на тренировочном поле.

— Это новый шелк, который может защитить их. Мать Джеда сказала, что ткань не так-то легко пробить ударом. — Он окинул юношей хмурым взглядом, в котором сквозило нетерпение. — Джед и Брок с удовольствием испытают эту одежду в бою.

Двое молодых людей явно нервничали.

Бэннон слегка подтолкнул Тимоти локтем, и они пошли навстречу этой парочке.

— Мы будем тренироваться с Джедом и Броком. Сначала не будем сильно на них наседавать.

Два молодых дворянина надменно посмотрели на соперников, как будто Бэннон и юный оборванец были намного ниже их ростом.

— О, не надо их жалеть, — сказал Орон со стальной улыбкой. — Генерал Утрос определенно не станет. — Лорд Орон перебросил на спину соломенного цвета косу и зашагал прочь с арены.

Бэннон и Тимоти остановились перед новичками, которые обнажили свои новенькие мечи. Дженда снова пронзительно свистнула, начиная бой.

Когда Бэннон встретил нервные взгляды Джеда и Брока, он вспомнил, как отчитал их за то, что они сделали с ним. Он сомневался, что его слова что-то изменили. Брок и Джед определенно не собирались просить у него прощения.

— Теперь мы на одной стороне, Бэннон Фермер, — нехотя сказал Джед, — ради Ильдакара.

— Если мы победим генерала Утроса, ты и твои друзья сможете уйти, — добавил Брок. — Вы тут и так слишком задержались.

— Я и сам хочу уйти, — сказал Бэннон. Он поистине устал от этого легендарного города.

— Хватит разговоров! — Тимоти бросился вперед, размахивая мечом, и Брок испуганно отшатнулся.

Он попытался поднять клинок, чтобы защититься, но сорванец напал слишком рьяно. Меч Тимоти угодил Броку в левый бицепс, и Бэннон испугался, что первый же удар разрубит руку дворянина, но шелковая ткань повела себя как прочная тонкая кольчуга. И все же Брок вскрикнул и пошатнулся, схватившись за ушибленную руку. Тимоти выглядел так, будто намеревался его убить.

Джед бросился защищать друга и перехватил погонщика яксенов. Бэннон и сорванец сражались вместе, испытывая двух благородных, которые пытались выстоять и помогали друг другу.

— Я хотел драться не так, — пожаловался Джед.

— Я видел, как вы сражаетесь, — с горечью сказал Бэннон. — Вы выходили за стены, чтобы разбить лица статуям, которые не могли даже пошевелиться.

— Мы побили их сотни, и это на сотни больше вражеских солдат, чем сразил ты, Бэннон Фермер, — сказал Брок, все еще морщась и едва сгибая ушибленную руку.

— Нам следовало уничтожить тысячи солдат, — сказал Джед.

— Согласен, но теперь вы должны противостоять солдатам, которые могут дать реальный отпор.

Адессу, продиравшуюся через грязь, сплошь покрывали укусы насекомых и слизь. Кинжалом она разрубила колючую лозу, преградившую путь, и перерубленные стебли отпрянули, истекая зеленоватым соком. Эти неразумные опасности задерживали ее в погоне за настоящей добычей — волшебником Максимом.

Другая колючая лоза упорно хлестала ее, будто кнутом, и острые шипы поблескивали бриллиантовыми капельками яда. Колючка прошла по руке Адессы, рассекая кожу. Женщина крутанулась на месте и дважды взмахнула кинжалом, перерубив лозу и позволив подергивающемуся щупальцу упасть в мутное болото. Кожа вокруг царапины уже воспалилась. Без колебаний Морасит провела по руке кинжалом, превратив царапину в обильно кровоточащий порез, и принялась выдавливать из раны яд. Убрав кинжал в ножны, она мечом пробила путь через агрессивные заросли, идя по слабому следу Максима.

Адесса столкнулась с ним лишь однажды: ночью, когда нашла его лагерь, а он отвлек ее магией и оставил сражаться с парой болотных драконов. Максим скрылся в делях, а она потеряла полчаса на расправу с тварями. С тех пор она больше его не видела. Задача усложнилась, ведь теперь Максим знал, что Тора послала Адессу убить его. Ему прекрасно известно, как смертоносны Морасит, и особенно она.

Выискивая его след, она думала о том, чем занимаются ее сестры в Ильдакаре. Адесса полагала, что Морасит подавили волнения и спасли властительницу. Она верила в них, и поэтому сейчас должна сосредоточиться на своем задании. Когда она принесет голову главнокомандующего волшебника, то снова займется Ильдакаром.

Ожидая новых атак со стороны лоз, она пробиралась через болото, изучая сломанные веточки, примятую траву, старые отпечатки в мягкой грязи. Она знала, что Максим опережает ее на день или даже больше. Волшебником он был могущественным, но, к счастью для Адессы, не преуспел в заметании следов.

Она осторожно передвигалась в туманном свете, проникавшем сквозь листву. Адесса не хотела, чтобы презрение к Максиму заставило ее совершать ошибки. Вчера она пошла по неверному пути, преследуя, как оказалось, молодого черного медведя, который удирал в подлесок. Она поняла, что Максим пошел совсем в другом направлении. Потеряв несколько часов, Морасит наконец нашла то место, где сбилась с пути. Теперь она снова шла за Максимом, опустив глаза в землю, поглядывая по сторонам в поисках паутины, атакующих лоз или притаившихся болотных драконов.

Максим был равнодушным человеком. Несмотря на свой статус, он пренебрежительно относился к Ильдакару, и теперь Адесса знала, что он был Зерцалоликим, предателем, который организовал восстание рабов и причинил городу колоссальный вред. Даже без приказа властительницы Адесса считала, что он должен умереть за преступления.

Она всегда была предана Ильдакару. Адесса родилась спустя столетия после создания савана вечности, и выросла, слушая легенды о врагах извне, но никогда не видела другой угрозы кроме беспорядков внутри Ильдакара.

В детстве Адесса применяла свою физическую силу в жестоких и грубых играх, которые для развлечения смотрели аристократы. Однажды в дом ее родителей пришли три Морасит, которые заплатили за нее золотом из ильдакарской казны и забрали с собой. Они убедили мать и отца Адессы, а также саму девочку, что вступление в их ряды — величайшая честь,

которую может оказать их любимый город. Безоговорочно согласившись, Адесса пообещала стать лучшей Морасит, которую знал Ильдакар, но отец отчитал ее за хвастовство:

— Тебе не обязательно быть лучшей. Быть Морасит достаточно.

Она вместе с другими девочками своего возраста начала боевые тренировки. С самого первого дня это было более утомительно и болезненно, чем все, что она знала до этого. Поначалу новобранцы были настроены друг к другу дружелюбно, но, когда девочки сражались недостаточно усердно или не стремились изо всех сил причинить боль противникам — их товарищам, — другие Морасит набрасывались с дубинками на всю группу и били до потери сознания, пока к девочкам не приходило понимание. Или, по крайней мере, к большинству.

Две умерли в первую же неделю. На второй месяц Адесса сама убила одну девочку, которая пыталась завести друзей, но проявляла при этом слабость. После содеянного Адесса была вознаграждена первой защитной руной на предплечье.

Она вспомнила невозмутимых Морасит, которые стояли рядом, одобрительно кивая, шепчась и наблюдая, как наставница достает раскаленное добела железное клеймо из пылающей жаровни. Адесса напряглась, зная, что если закричит, то будет наказана за слабость. Она думала, что готова, но не ожидала той обжигающей вспышки жара, проникшей в ее кожу, нервы и сознание. Адесса стиснула зубы и не издала ни звука, прислушиваясь к отвратительному шипению, вдыхая запах собственной паленой плоти. Боль тянулась вечно, но на самом деле все было сделано быстро. Кто-то из женщин выплеснул ей на руку ведро холодной воды, другая промыла водой глаза, чтобы смыть следы слез, которые могли просочиться из-под сжатых век.

— Порядок, — сказала наставница, убирая дымящееся клеймо в жаровню. — Теперь можешь упасть в обморок.

Получив разрешение, Адесса тут же потеряла сознание.

На протяжении многих лет каждое новое клеймо было таким же болезненным, но Адесса никогда не кричала, не вздрагивала, не плакала. Теперь ее кожа была настоящим произведением искусства. Каждая часть тела была неуязвима для магической атаки.

Адесса гордилась древними традициями сплоченного сообщества воительниц и стражниц. Согласно древним легендам, некоторые Морасит отправились на север в качестве наемниц, но было это давно, и если их учение сохранилось где-то еще, то эти женщины наверняка сильно изменились за прошедшие тысячелетия. Адесса же и ильдакарские Морасит оставались неизменными.

Когда на болота опустилась тьма и Адесса уже не могла разобрать дорогу, она нашла место для ночлега под толстым деревом со свисающими с его ветвей пучками мха. Прислонившись к стволу, она позволила себе вздремнуть, но часть ее сознания была настороже на случай, если какая-то тварь сочтет ее легкой добычей. Сидя неподвижно, она слышала в траве шорох. Выглянув из-за завесы мха, Адесса увидела змею толщиной с ее бедро, скользящую по подлеску.

Когда змея пробила через тростник, почуввав Адессу, то поднялась, показав целых три змеиных головы, трезубцем расходившихся от туловища. Черные языки пробовали воздух. У каждой головы был только один глаз. Когда змея бросилась вперед, три ее рта раскрылись, обнажив изогнутые клыки. Адесса приготовилась к бою. Даже трехголовая змея была просто змеей. Морасит не чувствовала страха.

Средняя голова нырнула вниз, нападая, но Адесса увернулась, и клыки вонзились в

покрытый мхом ствол дерева. В следующее мгновение Адесса срубила застрявшую голову мечом, и из обрубка хлынула темная кровь. Толстое туловище двинулось вперед, поднимаясь, и две уцелевшие головы набросилась на Морасит. Женщина подняла меч над головой и резко опустила его вниз, рассекая сочленение змеиных голов. Острый клинок прошел сквозь позвоночник, и змея стала походить на разрезанную с одного конца ленту. Отсеченные головы, не понимая, что уже мертвы, продолжали попытки укусить. Адесса продолжила давить на меч, пока не добралась до сердца змеи — или одного из сердец. Змеиное тело замерло.

Адесса скривилась от отвращения, обнаружив, что вся покрыта змеиной кровью вдобавок к укусам насекомых, грязи и поту. Стоя над мертвой тушей змеи, она кинжалом содрала чешуйчатую шкуру. Змеиное мясо, даже сырое, годилось в пищу.

Жуя влажную плоть рептилии, Адесса снова уселась под деревом, отдыхая и размышляя. Она все еще ощущала внутри магию крови нерожденного младенца, увеличивавшую чувствительность и силу. Этот эффект будет длиться до тех пор, пока она не выследит и не убьет Максима.

Но она должна поддерживать организм. Она следила, что потребляет достаточно воды и еды, чтобы сохранить тело сильным. Многие годы она давала одно и то же наставление всем новичкам боевой арены. Адесса никогда не рассматривала бойцов как рабов. Она считала их своими питомцами, которых нужно дрессировать.

Теперь, сидя в темном болоте под жужжание насекомых, Адесса вспоминала сотворенных ею чемпионов и своих любовников. Когда она заканчивала их воспитание, эти мужчины становились безоговорочно преданными ей, и она могла вить из них веревки, даже отправить на боевую арену умирать. Одни были похищены еще детьми из деревень рядом с Ильдакаром, а потом сломлены, другие проданы норукайскими работоторговцами или рождены от городских рабов.

Ян, ее последний чемпион и любовник, был преданным юношей, который никогда не разочаровывал ее и всегда защищал. Он был таким до тех пор, пока этот чужак Бэннон не заставил его вспомнить прошлое. Хотя Бэннон казался слабым и наивным, он сумел создать тонкие трещины в нерушимом чувстве долга Яна, что в конечном итоге обратило чемпиона против нее.

Адесса все еще не понимала, что сделала не так. Она взяла Яна к себе в постель и показала настоящую страсть, первобытное совокупление, как у диких животных. Он едва не терял сознание от удовольствия. Адесса даже проявляла нежность, иногда прижимая к себе его потное тело после того, как он получал удовлетворение, а она позволяла извергнуться своему внутреннему вулкану наслаждения. Она позволила ему зародить в ней дитя и чувствовала, как оно растет, ощущала энергию нерожденной части ее самой.

Если бы не восстание, она родила бы ребенка от Яна. Но Ян предал ее, и поэтому она убила плод. Растущая в ней невинная жизнь оказалась мощным ресурсом, и теперь в дополнение к защитным рунам на коже Адесса обладала магией крови, магией жизни нерожденного дитя, жертвой столь же великой, как пролитая на великой пирамиде кровь рабов. Как женщина она дала жизнь, а как Морасит забрала ее.

Ночные часы тянулись медленно, и она сидела, прислонившись к поросшей мхом коре дерева, ощущая пустоту в своем чреве и сравнивая ее со свежей силой своих мускулов.

Через несколько часов взошла луна, и Адесса шагнула в серебристый свет, продолжая погоню за своей добычей.

Сидя во мраке своей темницы, властительница Тора жалела, что не может снова стать статуей и позволить времени течь мимо, пока не кончится весь этот бред. Поскольку ее полукаменное тело не нуждалось в еде и питье, стражники перестали приносить пищу.

В сырой камере царила такая глубокая тишина, что Тора при желании могла расслышать мягкое движение паучьих лапок. Однажды до нее донесся шорох пробежавшей по полу крысы, исчезнувшей в какой-то дыре. Впрочем, паразитов не интересовало ее твердое тело. После исчезновения крысы она зажгла на ладони огонек и несколько часов осматривала помещение, касаясь каждого каменного блока от пола до потолка. В конце концов она обнаружила щель в камне, достаточно широкую для тощей крысы, но бесполезную для Торы.

Больше всего сводила с ума неизвестность о происходящем в Ильдакаре. На какое безрассудство пошла пребывающая в смятении палата волшебников? Какие будут последствия? Никки и Натан уже наверняка захватили в совете власть, провозгласив себя властительницей и главнокомандующим волшебником, хотя были чужаками в Ильдакаре. Тора столетиями строила свой идеальный город, а сколько пробыла тут незваная гостья Никки? Месяц?

Горячо любимый Торой город разрушался, пока она сидела взаперти. Она даже не знала, день снаружи или ночь.

Спустя вечность она услышала шум в коридоре и увидела яркий свет, просачивающийся через крошечную решетку. Это пробудило в ней интерес, и она подкралась к двери, прислушиваясь к шагам. Тора предположила, что вновь явились эти наглые стражники, уличный сброд, недостойный мундира городской гвардии.

Шаги звучали медленнее, чем обычная поступь — будто шел воин, облаченный в тяжелые доспехи. Поскольку она была единственной пленницей в этих подземельях, а защитные руны на двери блокировали ее магические атаки, Тора задалась вопросом, зачем кому-то понадобилось защищаться от нее подобным образом.

К двери кто-то подошел, и она услышала скрежет массивного ключа в замке. Перекладина скользнула в сторону, петли заскрипели, и дверь открылась, впуская поток света из коридора. Встретившись лицом к лицу с визитером, Тора с удивлением увидела колдунью Лани, которая бросила ей вызов, но проиграла и провела столетия в виде статуи, служившей предупреждением всем остальным. Две соперницы уставились друг на друга, и Тора почувствовала исходящую от Лани ненависть.

— Я пришла поговорить с тобой, Тора, — наконец сказала Лани, нарочно опустив ныне утраченный титул. — Многое нужно сказать.

На Тору это не произвело впечатления.

— Ты пришла позлорадствовать.

— Не все такие, как ты.

Лани осталась у двери, а Тора не сделала к ней ни шага. Хотя Тора была самой сильной колдуньей, Лани нельзя назвать слабой. Да и начертанные на двери руны подавили бы любую ее магическую атаку.

— Я помню прежний Ильдакар и вижу, каким он стал, — продолжила Лани. — Тогда я бросила тебе вызов, потому что осознала, какой вред ты причиняешь. Я потрясена,

насколько хуже все стало теперь. Из-за тебя. Хвала духам, мы можем начать восстановление, когда вы с Максимом убрались с дороги.

— Я сохранила Ильдакар! Я люблю Ильдакар, — усмехнулась Тора. — Ты всегда была слабой, была ведомой, возилась со своими птицами, забавлялась с водой и шпионской магией. — Она фыркнула. — Я училась у тебя. Я держала жаворонков в клетках в качестве милых птичек, а с помощью твоей магии наблюдения следила за беспорядками в моем городе.

— Это больше не твой город, — возразила Лани.

— Теперь, может, и так, но люди знают, что я сделала для них. Скоро они поймут, что без меня Ильдакар обречен.

— Что ты сделала с Ренном? — резко сменила тему гостя.

Спокойная, интеллигентная Лани довольствовалась слабым волшебником — не лучший выбор, хотя раньше Ренн был привлекательным. Тора поняла, зачем эта женщина пришла на самом деле.

— Он отправился с нелепым поручением, и я сомневаюсь, что мы когда-нибудь увидим его вновь. Вряд ли он добьется успеха.

— Я знаю, что ты отправила его на поиски Твердыни, — сказала Лани. — Но что ты сделала с ним за прошедшие столетия? Ты причиняла ему боль, не так ли? Он был таким мудрым человеком, полным идей, ученым, историком. Мы с ним часами изучали древние книги заклинаний, чтобы отточить наши навыки.

— Да, я помню, как это было мило, — усмехнулась Тора. — Когда вы вдвоем ложились спать, то прятали древние книги под подушки для большей романтичности?

Лани выглядела раздраженной.

— Наш отказ от участия в ваших вечерах удовольствий вовсе не означает, что мы не занимались любовью. Ты отправила моего бедного Ренна в дикую местность без подготовки. Мог ли он пережить такое путешествие?

— Это полностью зависит от его способностей, — сказала Тора.

— Тогда я в нем уверена. А когда Ренн вернется и присоединится к нам, палата волшебников станет еще сильнее. Вместе мы восстановим Ильдакар и сделаем город идеальным обществом для всех, а не только для такой самодовольной эгоистки, как ты.

Тора оскорбилась, услышав такую ложь.

— В моем правлении не было ничего эгоистичного. Все, что я сделала в статусе властительницы, лишь укрепляло величие города. Со временем люди это поймут. А я просто подожду. — Мерцающее пламя в ее ладони внезапно вспыхнуло ярче. — Единственная причина, по которой в этой камере я, а не ты — нелепая случайность. Три советника предали меня, а мой муж предал нас всех. Ты даже не приложила руку к этой победе.

Лани ответила ей легкой улыбкой.

— Нечаянная победа все равно победа, а ты по-прежнему сидишь в подземелье, где больше не можешь причинить вреда.

Ее самоуверенные слова привели Тору в ярость. Она напрягла каменные мускулы и стиснула зубы, почувствовав растущую в ней силу, хотя знала, что не сможет высвободить свой дар.

— Я хочу спасти свой город, и ты скоро поймешь, что тебе нужна моя помощь. Люди будут ценить меня.

— Они больше ценят свою свободу, — сказала Лани. — Мы проголосовали за новых

членов совета: не только за Орона и Ольгию, но и за представителя освобожденных рабов, который может говорить от имени низших классов. В совет также войдут торговцы, которые помогут определить будущее Ильдакара. Вместе мы единый народ с общим врагом — генералом Утросом. Когда-нибудь все те люди, которым ты причинила боль, возможно, и простят тебя, но не сейчас.

Тора хранила молчание, а ее твердая кожа помогала скрыть сердитое выражение лица. Она решила использовать слова, которые непременно глубоко ранят Лани:

— После того как я одолела тебя и превратила в камень, Ренн был сломлен. Он все еще служил в палате волшебников, но стал слаб и апатичен. Иногда он плакал, глядя на твою статую. Ничтожный человечиска, но я держала его, потому что он делал то, что ему говорили. Я могла бы в любой момент сделать его своим любовником. Ренн был полностью моим. Он почти не заботился о себе, набрал вес, одежда его была потрепанной и нелепой. Даже ты не захотела бы его сейчас.

— Это я сама решу, когда вновь его увижу. — Лани отступила от двери, заканчивая спор. — А вот тебя я вряд ли снова увижу. Возможно, если мы навечно оставим тебя в камере, то Ильдакар исцелится.

Она толкнула тяжелую дверь и с грохотом поставила перекладину на место. В замке заскрежетал ключ, и Лани погасила яркие факелы еще до того, как покинула коридор.

Снова оставшись в темноте и тишине, Тора ощущала бессилие и ярость. Всю свою жизнь она посвятила сотворению легенды об Ильдакаре, а теперь все это у нее украли, и она ничего не может поделать.

Тора стояла перед надежно запертой дверью. Она призвала свой хань и зажгла пламя, чтобы еще раз изучить окружавшие ее каменные стены. Она знала, что защитные руны сильны. Когда-то давно она сама создала многие из них, и никакие ее заклинания не могли разрушить их.

Зная, что никто ее не услышит, она громко закричала от отчаяния. Эхо пронеслось по коридорам, отражаясь от каменных стен темницы. Вложив в удар всю силу своего полукаменного тела, она впечатала кулак в каменные блоки, удерживающие дверь. Кожа ее была твердой и нечувствительной к боли, но на этот раз ей было все равно. Она могла бы искалечить руку, если захочет, зная, что потом исцелится.

Ярость превратила кулак в таран. Когда он врезался в раздражающие ее блоки, она почувствовала сильный толчок и услышала треск. Тора удивленно отступила назад, подняв руку, чтобы осветить комнату. Ее каменный кулак почти не пострадал, но, осмотрев блоки вокруг двери, она заметила в одном из них трещину. Она сделала это?

Не магия, а настоящая грубая сила. Ее гнев и каменное тело были достаточно сильны, чтобы разбить камень! Она задумалась, сможет ли разрушить его.

С растущим удивлением она провела твердыми пальцами вдоль трещины, отмечая, как ее удар повредил руну заклинания. Даже если магия не сможет освободить ее, возможно, ей хватит и физической силы. Она осмотрела почти не поврежденные костяшки пальцев и задумалась.

Вот это уже интересно, и у Торы было сколько угодно времени.

Обосновавшийся в Твердыне Ренн часами сидел в окружении желавших пообщаться с ним ученых. Верна слушала его истории, хотя и сомневалась в некоторых описаниях. Ренн нараспев вещал об Ильдакаре, мечтательно рассказывая о вещах, которых теперь лишился.

— На каждом уровне города стоят фонтаны и многочисленные статуи! Скульпторы Ильдакара настоящие виртуозы, в их руках твердый мрамор все равно что податливая глина. — Он тяжело вздохнул. — А в наших террасных садах зреют самые вкусные на свете яблочки, из которых получается превосходное яблочное вино.

После тяжелого путешествия он постриг бороду, расчесал и намаслил каштановые волосы. Последние несколько недель Ренн наслаждался гостеприимством Твердыни, и его щеки снова округлились, а из-под глаз исчезли тени. Он был расслаблен и болтлив.

Верна слушала его, надеясь выведать что-то о Никки с Натаном и о том, как они продвигают идеи лорда Рала о мире, свободе и процветании. Эмбер рядом с ней внимательно слушала, будто сидела в классе, а сестры Света учили ее безопасной связывающей сети. Пока Ренн воодушевленно рассказывал об Ильдакаре, его самыми преданными слушателями были Оливер и Перетта. Двое ученых немного повидали мир и знали, что впереди еще много интересного.

— Как далеко находится Ильдакар? Если точно? — наводил справки Оливер. — Как долго туда идти? Ну, если бы мы хотели туда отправиться.

Ренн взял с тарелки возле своего кресла рассыпчатое печенье и откусил его, а затем стряхнул крошки со своего восстановленного бордового балахона.

— Ох, это очень далекое и кошмарное путешествие. Мы блуждали неделями, пока не отыскали Твердыню.

Лицо Перетты было крайне сосредоточенным.

— Но вы не знали, куда идете. Уверена, найти обратный путь будет уже не так сложно. За это время мы с Оливером пересекли половину Древнего мира.

— Будет тебе, — пробурчал Ренн и вытер рот. — Мы шли по гористой местности, почти без дорог. Мы пережили много невзгод и трудностей.

— Нам тоже досталось, — согласился Оливер. — И все же я хотел бы увидеть Ильдакар своими глазами.

Верна была удивлена, что волшебник выглядит подавленным и нисколько не радуется перспективе отправиться домой.

— Да, отлично понимаю. Мы с капитаном Тревором видели прекрасные пейзажи, но... — Он неуверенно понизил голос. — Вполне возможно, мы никогда не отыщем Ильдакар — потому что его здесь больше нет. Властительница и главнокомандующий волшебник собирались снова укрыть город саваном вечности. Если они это сделали, я навсегда остался снаружи. — Он сменил тон на деловитый. — Наш саван не так уж отличается от маскировочного савана, который столетиями скрывал архив.

— Маскировочный саван Твердыни исчез навсегда, — сказала Верна. — Но если найдем способ вернуть его, архив никогда не попадет в плохие руки. — Собравшиеся ученые неодобрительно заворчали, но Верна непринужденно заправила за уши вьющиеся каштановые волосы, тронутые сединой. — Это может оказаться единственным способом обеспечить полную безопасность.

Эмбер встревоженно посмотрела на нее:

— Но если мы это сделаем, то никто из нас не сможет изучать архив. Аббатиса, там так много знаний. — Она покраснела.

— Я говорила об этом как о последней отчаянной мере для защиты архива, — попыталась успокоить их Верна. — Генерал Зиммер всегда наготове.

Зиммер каждый день муштровал своих солдат в закрытом каньоне, поддерживая их в отличной боевой форме. Тревор и ильдакарские стражники присоединились к д'харианцам. Они пока не слышали слухов о больших армиях вроде войска Джеганя, которое прошло по Древнему миру, но Зиммер не ослаблял бдительности.

Вошедшие в зал Глория и Франклин услышали последние фразы, и Глория сказала:

— Я категорически против этого, аббатиса. Наши знания принадлежат всем людям, мы не можем снова запечатать архив.

— В древние времена пришлось защищать знания от императора Сулакана, но теперь они должны быть доступны всем одаренным ученикам, — поддержал ее Франклин. — Ради блага всего человечества.

— А не только для Ильдакара. — Глория сузила глаза, глядя на Ренна.

Волшебник съел последнее печенье со своей тарелки.

— Согласен. Знания следует предоставить всем, но на определенных условиях. Властительница Тора может преследовать личные цели, но в палате волшебников и среди знати Ильдакара много одаренных. Я могу только представлять, как вместе с моей Лани мы были бы рады возможности изучать эти книги! — На его губах мелькнула задумчивая улыбка. — Открытие архива может стать началом новой золотой эпохи. Мы можем вернуть время волшебников, о котором говорится в древних исторических книгах.

— Мы сами только начали изучать его, — сказал Франклин. — Многие наши ученые освоили простые заклинания, но потребуются столетия, чтобы разобраться, что вообще хранится в архиве. Мы не хотим спешить. — Он понизил голос. — Этот урок мы уже усвоили.

Верна взяла слово:

— Никки недвусмысленно выразила свою обеспокоенность, когда попросила кого-то опытного прийти и помочь защитить архив. Знания Твердыни опасны, ими не стоит злоупотреблять. — Она оглядела слушателей. — Но наша миссия не только в этом. Мы служим лорду Ралу, правителю Д'Хары. Его правление принесет силу и счастье в Древний мир. Нам нужно заключить союз. Никки и Натан уже в Ильдакаре, и этот город может стать одним из сильнейших союзников.

Ренн с важным видом кивнул:

— Надеюсь, однажды вы сможете посетить наш город и увидите, что мои рассказы правдивы.

Верна приняла решение.

— Да, нам следует это увидеть. Но почему не сейчас?

Оливер и Перетта загорелись этой идеей, а юная Эмбер восхищенно улыбнулась.

— Рассказы Ренна, должно быть, вдохновили нас, — продолжила Верна. — Сестры Света всегда ищут знания. Мы должны отправиться в Ильдакар.

Сестры Рода и Элдин явно заинтересовались. Группа сестер покинула Танимуру в поисках новой цели для своего ордена, ведь пророчество исчезло, а Дворец Пророков был разрушен. Все они надеялись найти свое призвание в Твердыне. Давным-давно сестры

покаялись обучать и защищать одаренных молодых мужчин, и теперь их новым воспитанникам предстояло раскрыть свой потенциал.

Верна уверенно кивнула своим мыслям.

— Да, мы должны пойти в Ильдакар и помочь, если сможем. Натан Рал могущественный волшебник и бывший пророк, а Никки... это Никки. Она была Госпожой Смерть.

Брови Ренна взметнулись вверх; он выглядел неловко.

— Они оба произвели на меня впечатление, но... — Он заколебался и снова поскреб щеку.

— Мы идем, — настойчиво сказал Оливер, дотронувшись до руки своей молодой спутницы. — Мы с Переттой идем. Никки и Натан могут нуждаться в нас.

Помнящая даже не взглянула на него.

— Конечно, идем. Мы поможем найти путь, даже если никогда не были в тех местах. У нас это неплохо получается.

Пораженный Ренн лихорадочно думал.

— Будет трудно проложить маршрут через горы. Мы не готовы...

— На сей раз мы снарядимся должным образом, — сказала Верна. — Нас может сопровождать отряд во главе с генералом Зиммером, а капитан Тревор наверняка теперь знает дорогу. Путешествие будет куда легче.

При виде нетерпения собравшихся Ренн опустил плечи.

— Полагаю, и я готов отправиться в обратный путь, раз у нас будет все необходимое. Но можем ли мы отдохнуть еще несколько дней?

— Несколько дней, — согласилась Верна. — Нам нужно разработать план и собрать припасы. Мы изучим все имеющиеся в Твердыне карты, чтобы найти лучший маршрут.

Ей уже не терпелось увидеть легендарный город и воссоединиться с Никки и Натаном. В прошлом она гонялась за Натаном по многим странам, когда он сбежал из Дворца Пророков. А еще раньше она потратила годы на поиски Ричарда Рала, зная лишь, что в мире родился боевой чародей. Путешествие из Твердыни в Ильдакар не казалось ей таким уж трудным. Верна была уверена в своих силах.

Она оглядела зал, ощущая возбуждение ученых, и кивнула Ренну.

— Мы все увидим этот город волшебников.

Первый командующий Енох, ведя сотню отобранных им солдат в холмы за Ильдакаром, вспоминал начало своей службы под руководством генерала Утроса. Они несли знамя Железного Клыка, но каждый солдат знал, что на самом деле сражается за Утроса. Императорский дворец Ороганга был далеко, и император Керган мало влиял на их жизнь. Но вот Утрос всегда был рядом.

Енох встречался с императором только раз — на военном параде с яркими вымпелами и громкими фанфарами. Генерал Утрос поклялся, что непокорные земли склонятся, а Енох пообещал своему командиру помочь в этом. Он и его верные солдаты были готовы проливать пот, использовать все силы и умения, даже заплатить жизнями за это.

Во время той короткой церемонии император Керган не произвел на Еноха сильного впечатления. Император больше любовался атрибутами власти — броской одеждой, драгоценностями и памятниками, — чем вел за собой людей. Енох недоумевал, как такой человек собирается править землями, которые захватит для него Утрос, но решил, что первый командующий должен следовать приказам своего генерала — выполняя их один за другим.

Как сейчас.

Утрос сказал, что его колдуньям требуется важный ресурс для создания линзы, через которую можно увидеть преисподнюю. От одной только мысли об этом Еноха бросило в холодную дрожь, но он слушал и кивал, не высказывая своего мнения. Его отряд выполнит приказ генерала и добудет то, что нужно Аве и Руве.

Теперь Енох с сотней солдат размеренно шел по лесистым холмам, направляясь на север. Полукаменные воины не нуждались ни в пище, ни в воде, ни в отдыхе и могли поддерживать ровный темп. Они выискивали в непроходимых лесах тропу, которая выведет их к Стравере, горному поселению. Группы разведчиков уже прочесали окрестности и обыскали несколько стоявших на отшибе домов, но теперь Еноху и его солдатам нужно найти крупный город, в котором будет достаточно детей, чтобы выполнить требование генерала.

Небольшое войско шло по лесу, состоявшему из дубов и сосен, перелезая через упавшие стволы. Вскоре они наткнулись на полосу поваленных деревьев на склоне холма — сосны были вырваны из земли ураганом. Такое препятствие стало бы непреодолимым для обычной армии: ветви торчали подобно копьям, норовя проткнуть или кастрировать неосторожного человека. Но закаленный отряд Еноха просто прошагал через завал, круша сапогами сухую древесину в щепки.

Солдаты промаршировали по рedeющему лесу, а затем поднялись на хребет, с которого открывался вид на оставшиеся позади холмы вокруг широкой долины. Разведчики Еноха нашли хорошую тропу, и он приказал солдатам подниматься по ней гуськом. Вскоре тропа стала шире и превратилась в настоящую дорогу, которая наверняка вела в большое поселение.

Шагая по дороге, они заметили далеко впереди человека, который вел на поводу старую лошадь. Мужчина заслони́л глаза и посмотрел на них, не понимая, что такой большой вооруженный отряд делает на этой дороге. Прижав к голове соломенную шляпу, мужчина побежал, дергая за поводья и заставляя упрямую клячу поспевать за ним.

— Мы на верном пути. — Первый командующий Енох кивнул своему отряду: — Идем за этим человеком.

Солдаты в ногу маршировали по дороге, хотя с ними не было барабанщика. Они быстро продвигались по лесистым холмам и по пути видели другие дороги, вливавшиеся в эту.

В Стравере было несколько сотен домов, торговые лавки и кузница у ручья, спускавшегося с холмов. От кузнечного горна в воздух поднимался дым. Тут же на берегу стояла лесопилка, приводившаяся в действие водяным колесом. В центре города располагался рынок под открытым небом. На столах и прилавках лежали ткани, фрукты, овощи, мясо, стояли плетеные корзины с яйцами. Многие вышли из своих домов и побежали прочь от приближающейся армии, но больше сотни жителей остались на рынке, вооружившись кто чем — мужчина со старой лошадью предупредил их. Впрочем, Енох видел, что они не представляют угрозы.

Он пошел к взволнованным, но решительным поселенцам. Позади него идеальным строем маршировала колонна, которая остановилась по мановению его руки. Он молча смотрел на страверцев, отмечая разнообразие одежды, цвета волос, бледной веснушчатой или темной кожи. В городке жили люди из самых разных стран. Кажется, главным здесь был мужчина с оливковой кожей и иссиня-черными волосами. У него были широкие плечи и развитая от тяжелой работы мускулатура. Не желая стеснять свободу движений, он носил коричневую рубаху с отрезанными рукавами. Судя по копоти на лице и руках, грубым пальцам и почерневшим ногтям, он был кузнецом.

— Это Стравера? — спросил Енох.

Жители городка затаили дыхание, когда кузнец шагнул вперед.

— Да, это свободный город, который мы построили своими руками. Меня зовут Гарт, и я говорю от имени всех этих людей. — Он нахмурил брови. — Большинство здешних — рабы, которые сбежали из Ильдакара. Но вы не оттуда. Ваша военная форма и внешний вид... Вы из другого места.

— Меня зовут Енох, я первый командующий армии генерала Утроса. Мы осадили город от имени императора Кергана, чтобы заставить Ильдакар поклясться ему в верности. Уверен, вы слышали об этом.

Люди переговаривались, не скрывая изумления.

— Это было много веков назад. Каменная армия пробудилась? — Гарт выглядел взволнованным. — Теперь я узнаю ваши доспехи. Вы враги Ильдакара, как и мы? Их нужно научить смирению. — Гарт оглянулся на поселенцев. — Мы им не друзья. Дворяне поработили нас, пытали нас и убивали родных. — Он пошел навстречу Еноху, который не двинулся с места. — Вы пробудились от заклинания окаменения, но все еще выглядите бледными. Как вы передвигаетесь?

— Заклинание ослабело достаточно, и наша армия готова сокрушить стены Ильдакара.

— Мы не ваши враги — ни один из нас. — Гарт говорил настойчиво и изо всех сил старался не показывать страха. — Когда саван рассеялся, мы выстроили в Стравере свое убежище. Нам следует заключить союз. Больше всего я хочу увидеть, как падет палата волшебников и одаренная знать. Чем мы можем помочь?

— Мы нуждаемся в содействии, — сказал Енох. — За прошедшее время почти все наши припасы и снаряжение рассыпались в пыль. Когда мы пробудились, у нас ничего не осталось. — Он медленно повернулся и сузил глаза, разглядывая прилавки, кузницу и торговые лавки. — Определенно, в Стравере есть то, что нам необходимо.

Гарт нервно кивнул.

— Мы окажем посильную помощь, но сами живем небогато. — Он тут же пожалел о своих словах. — Я видел размер каменной армии, когда убегал из Ильдакара. Едва ли мы сможем прокормить такое войско. Вас тысячи! Нам самим едва хватает...

— Нам не нужна ваша еда, — поднял ладонь Енох. — Мне — и генералу Утросу — нужны самые простые материалы. Для начала хватит нескольких фургонов, например, четырех.

— Это можно устроить, — с облегчением сказал Гарт и принялся отдавать распоряжения. Он очень старался оказать содействие, опасаясь вооруженных солдат, которые и так могли взять что угодно.

— И бочонки, — добавил Енох. — Пустые бочонки. Шести будет достаточно.

— У нас... У нас есть бочки с вином, если оно вам нужно. И с пивом, которое мы варим в городе.

— Мне не нужно ни вино, ни пиво. Только пустые бочки. Мы наполним их другим.

— Конечно-конечно. — Гарт вытер пот со лба. Длинные иссиня-черные волосы обрамляли его лицо. — Во имя духов, мы поможем вам принести свободу Ильдакару.

Горожане пригнали из конюшен четыре пустых фургона, и Енох одобрил крепкие колеса. В каждый фургон был запряжен мул. Другие поселенцы выкатили на городскую площадь большие бочки, чтобы загрузить их в фургоны. Все это время солдаты Еноха совсем не шевелились, словно снова обратились в камень. Они просто ждали, пугая людей своим присутствием.

— Мы можем помочь и другими способами, — не унимался Гарт. — Мы хотим увидеть, как стены Ильдакара падут и люди будут освобождены. Рабы вынуждены выполнять прихоти дворян, но в городе назревают волнения. Когда я сбежал, человек по имени Зерцалоликий спланировал низшие классы. Он мог бы стать для вас мощным союзником. Я могу отправить в город весточку, которая способна поднять восстание. — Он улыбнулся. — Ильдакар падет от внутренней угрозы, даже если ваша армия разрушит стены. Это будет легкая победа.

— Я обдумываю эту идею, — сказал Енох. — Хотя обычно наш генерал использует другой подход.

К тому времени, как фургоны и пустые бочки были готовы, Енох успел все обдумать. Их огромный лагерь был жалок, потому что все палатки, инструменты и припасы обратились в ничто.

— Вижу, у вас есть лесопилка, — кивнул он на ручей. — Нам понадобится много досок и бревен, чтобы отстроить здания командования. А еще ткань для палаток и флагов. — Он кивнул сам себе, вспомнив, что все их яркие знамена давно истлели.

Жители города теперь казались встревоженными еще больше, но не отказали в просьбе. Гарт ослабевшим голосом приказал доставить припасы и погрузить их в фургоны.

— И инструменты, — продолжил Енох. — У нас почти ничего нет. Нам нужны киянки, пилы, молотки, гвозди и ломы.

— Пожалуйста, первый командующий, — возразил глава поселения. — Это разорит Страверу.

— Служить армии генерала Утроса не всегда легко, — резко сказал Енох. Он сломит этих людей так или иначе — с их согласия или грубой силой.

— Но наше будущее... — взмолился Гарт. — Во имя духов, я просто хочу сказать, что это будет непросто. — Обливаясь потом, он поскреб свою густую бороду.

— У вас есть дети? — спросил Енох.

— Дети? — удивился такому вопросу Гарт. — Что ж, у меня два маленьких сына и дочка, совсем кроха.

— Хорошо. А вообще в Стравере много детей?

— В любом городе есть дети, — ответил кузнец, что-то заподозрив. — На прошлой неделе как раз родились двое. Двадцать детей учатся письму и счету в нашей школе. Из-за жизни в рабстве мало кто из нас получил образование, и мы хотим исправить это.

— Двадцать, хорошо, — сказал Енох. — Особенно меня интересуют упомянутые тобой младенцы. — Он ничего не смыслил в магии, но подозревал, что у младенцев самая сильная кровь. — Нам нужны все. Приведите их.

Жители Страверы ахнули, то ли не понимая, то ли не веря в происходящее.

— Ваши дети! Быстро! — прорычал Енох. — Приведите всех. Я ожидаю увидеть двадцать детей и трех младенцев.

Сотня его солдат шагнула вперед, сомкнув ряды по обеим сторонам от первого командующего. Горожане начали плакать, кто-то попытался ускользнуть. Двое солдат Еноха схватили девушку, кинувшуюся бежать, изрубили ее тяжелыми мечами и бросили окровавленное тело на городской площади. Горожане закричали, но выполняли поручение первого командующего недостаточно быстро.

— Убейте еще одного! — рявкнул Енох.

Двое воинов схватили худого мужчину с длинными волосами, который сопротивлялся и изворачивался. На этот раз они даже не воспользовались оружием, а просто изломали его тело, ударив твердыми коленями по позвоночнику, шее и рукам. Раздался громкий треск ломающихся костей.

Поселенцы подчинились, и вскоре под громкий вой и плач из домов вывели группу растерянных детей различного возраста: от малышей до подростков. Многие из них дрожали. Одни были одеты в лохмотья, другие же — в добротную одежду, скорее всего, прихваченную во время побега из Ильдакара.

Дожидаясь исполнения приказа, Енох заметил загон для коз. Он велел своим людям выпустить коз, а потом отвести в освободившийся загон детей. Трех младенцев вручили совсем юным девушкам, которых тоже загнали за ограду.

Гарт обеспокоился еще больше, когда увидел, что мальчиков и девочек заперли в загоне.

— Довольно! Вы не можете забрать у нас все.

— Мы и не хотим забирать все, — сказал Енох, глядя на всполошившихся взрослых. — Ты нам не нужен.

Страверцы попытались снова встать в оборонительную шеренгу, но Енох отдал солдатам приказ, и началась бойня. Как бы решительно ни были настроены поселенцы, они не могли тягаться с сотней обученных воинов с мечами.

Когда погибли больше двадцати жителей, Гарт упал на колени, воздев руки и вопрошая, за что им все это. Енох оставил его в живых до тех пор, пока не перебили всех остальных, а затем лично обезглавил кузнеца.

Дети внутри загона кричали и плакали. Некоторые просто застыли от шока. Десять солдат окружили загон и следили, чтобы никто из мальчиков и девочек не пытался сбежать.

— Их нужно связать? — спросил один из солдат. — Они замедлят нас, если мы потащим их в лагерь через лес.

— Нам ненужно брать их с собой, — сказал Енох. Он приказал отнести шесть пустых

бочек в загон с детьми. — Нам нужна только их кровь. Шести бочек должно хватить.

* * *

Обратный путь занял два дня. Солдаты разграбили Страверу, забрали все припасы и инструменты, которые могли пригодиться. Они нашли много полезных предметов: веревки, посуду, гвозди, ножи, сети, кожу и меха. Солдаты опустошили Страверу, загрузив все найденное в два дополнительных фургона. Они направились в горы, а когда дорога сошла на нет, прорубили путь через поваленные деревья и проложили новую дорогу к долине.

В сумерках вереница фургонов вернулась в лагерь, миновав сухие холмы. Мулы тащили фургоны вперед, и трава шелестела под колесами. Первый командующий отчитался перед генералом, испытывая гордость.

Утром и две разрисованные краской колдуньи вышли ему навстречу. Ава и Рува улыбнулись при виде фургонов с запятнанными бочками. Близнецы коснулись деревянных стенок и посмотрели на липкую красную жидкость, оставшуюся на их пальцах.

— Именно то, что нужно, — сказала Рува.

За несколько часов до запланированного налета ильдакарские бойцы собрались на нижних уровнях города возле складов, зернохранилищ и скотобоен. Верховный капитан Стюарт привел пять сотен городских стражников, которые были в нагрудниках и с короткими мечами. Красный наплечник Стюарта, перешедший к нему от предыдущего капитана, отмечал его ранг, но сотни бывших бойцов арены не интересовались званиями. Еще здесь были многочисленные добровольцы из низших классов, которые где-то отыскивали оружие и решили присоединиться к нападению на осадившую город армию.

По всему Ильдакару семьи доставали из тайников оружие — семейные реликвии, никогда не бывавшие в битве. Часть людей обзавелись оружием, недавно выкованным в перегруженных работой кузницах. Кузнецы изготовили сотни дубин с железными наконечниками: рукоять из твердого дерева оканчивалась металлическим шаром с шипами. Разношерстные бойцы быстро освоили это оружие, грубое и смертоносное. Против твердокожих врагов дубины были эффективнее острых клинков и требовали меньшей подготовки. Для их использования нужны были лишь злость и сила.

В стувившихся сумерках Натан присоединился к Никки, стоявшей у ворот. Волшебник имел лихой вид в белом балахоне, черных дорожных штанах и сапогах. Он словно не мог решить, кто он: искатель приключений или волшебник. Натан и Никки смотрели, как собирается новая ильдакарская армия.

— Добрые духи, будет настоящее сражение. — Натан поднял брови. — Надеюсь, уверенность совета обоснована. Это точно будет сюрпризом, но я не уверен в разумности атаки на такую большую армию.

— Мы нападём только на часть лагеря, которая находится возле холмов рядом со стенами, — сказала Никки. — Нам нужно следовать плану: нанести сосредоточенный удар, причинив как можно больше вреда, и вернуться за стены, пока остальная армия не успела отреагировать. Тогда мы добьемся успеха. — Она придала твердости голосу: — Лично я собираюсь нанести им большой урон.

Стоявший рядом Натан недоверчиво улыбнулся, указав на ее неровно отстриженные волосы.

— Может, ты так поступаешь из-за гнева на напавших колдуний?

— Я никогда не делаю чего-то только из-за гнева, — ответила она. — Но злость полезна. У меня есть враг. У Ильдакара есть враг. Уверена, если генерал Утрос сокрушит этот город, то он двинется дальше, угрожая остальному Древнему миру и Д'Харе. Значит, мы должны остановить его здесь. У нас с палатой волшебников общая цель.

— Да уж, действительно, — хохотнул Натан. — Когда дорогой Ричард отправил нас в Древний мир, он ожидал совсем не этого.

— Остальное зависит от генерала Утроса, — заключила Никки.

Эльза пробилась к ним через толпу. У нее был встревоженный и растерянный вид.

— Я установила в городе несколько рун переноса и на поле боя смогу использовать их в качестве якорей для заклинания. — Она улыбнулась. — Это точно должно удивить их.

Сотни воинов арены, присоединившиеся к армии, имели развитую мускулатуру и были почти без доспехов, потому что ценили свободу движений. Они выбрали то оружие, которое привыкли использовать в показательных боях. С ними пришла группа суровых Морасит, и

Никки порадовалась, что воительницы на их стороне. Выжженные на коже руны защитят женщин от магических атак, но в основном им придется биться с тысячами неестественно крепких воинов Утроса.

К ним подошел Бэннон, за которым следовала Лида. Юноша нес в руке дубинку с железным навершием, а на боку у него висел Крепыш.

— Мы готовы к бою. — Он посмотрел на все возраставшую толпу вооруженных защитников. — Все готовы.

Натан цокнул языком.

— Мой дорогой мальчик, это не игра. Нам придется нелегко, очень нелегко.

— Но мы это сделаем, — сказал Бэннон.

— Да, сделаем. Выйдем и сразимся! — сказал Тимоти, в одной руке у которого был короткий меч, а в другой — обитая железом дубина. — На тренировке никто не побил меня, и в бою тоже не смогут.

К группе присоединились далеко не столь оптимистично настроенные Джед и Брок. У обоих были подаренные леди Ольгией плащи из яркого шелка. Эти дерзкие юнцы не казались Никки бойцами.

Когда окончательно стемнело, у них уже было многотысячное беспокойное войско. Вражеская армия за стенами никак не могла заметить приготовлений. Никки сомневалась, что после нескольких дней напряженной тишины Утрос заподозрит столь неожиданное ночное движение. Они выступят в полночь.

Бойцы собирались в отряды, получали воду и пищу, переговаривались между собой, хвастаясь удачей и подкрепляя свою храбрость. Некоторые нервничали, не без оснований. Многие прежде не участвовали в битвах. Никки наблюдала за возраставшим волнением, пока члены палаты готовились к вылазке, говорили с верховным капитаном Стюартом и осматривали свое разозленное войско. Волшебники и колдуньи Ильдакара внесут свою лепту и обрушат на врага самые сокрушительные заклинания.

Она вспомнила ночи перед полномасштабными нападениями армии Джеганя. Он позволял солдатам пить, играть в азартные игры, посещать палатки наслаждений и унижать поработанных женщин. Джеганя не заботило, чем заняты его солдаты — при условии, что они победят на следующий день.

Никки предпочитала дисциплину. Эти люди сражались за Ильдакар, и она посоветовала палате волшебников тщательно рассчитать время и выбрать момент, когда энтузиазм бойцов достигнет пика и не успеет смениться нетерпением и сомнением.

В полночь без всякого боя барабанов и звуков горна волшебники убрали с высоких главных ворот запирающее заклинание. Потребовалось четыре человека, чтобы сдвинуть массивный засов. Советники были наполнены магией, разгневаны и, возможно, слишком самоуверенны.

Никки забралась в седло выделенного ей гнедого боевого коня и обернулась, держа поводья. Сидя в седле перед войсками, она выглядела впечатляюще. Могущественные волшебники палаты тоже сидели на крепких лошадях из конюшен Ильдакара, но в давно изолированном городе не хватало скакунов для кавалерии, поэтому в седлах были лишь командующие городской стражей и состоятельные одаренные дворяне. Советники были сосредоточены друг на друге и смотрели на невероятно огромные ворота. Далекие от народа волшебники не умели вдохновлять своих людей, а Никки знала, как важно сплотить их. Выждав волнительное мгновение, она заговорила, и тысячи бойцов замолчали, слушая ее.

— Мы выйдем за стены и нападём на нашего врага. Мы должны ударить сильно, нанеся максимально возможный урон, и разорить их лагерь. Атака заставит их дрогнуть.

Она не хотела, чтобы вражеская армия получила предупреждение, но не смогла удержать войско от оглушительного ликования. Квентин, Деймон и Орон повернулись к ней и благодарно кивнули. Лани и Ольга тоже были в седле, готовые к битве. Только Эльза осталась стоять рядом с Натаном.

Она глубоко втянула воздух и продолжила:

— Этой ночью будет сражаться весь Ильдакар: рабы, воины арены, городские стражники и одаренные дворяне. Каждый из вас заинтересован в этом.

Никки не стала объяснять своих мотивов или мотивов Натана, но решила приложить все усилия, чтобы подать им пример. Защитники Ильдакара смогут перестроить свой город, когда освободятся. Но сперва нужно повергнуть генерала Утреса.

— Следуйте за нами! — крикнул толпе Квентин. — Мы полторы тысячи лет ждали сражения с этой армией.

— За Ильдакар! — взревели солдаты, выражая готовность к битве.

Огромные створки врат распахнулись, и армия подобно шторму хлынула на залитое лунным светом поле брани.

Защитники Ильдакара были наполнены энергией, яростью и ощущением непобедимости. Вырвавшись из ворот, они с криком побежали вперед, держа в руках дубинки, мечи и копья. Они намеревались пошатнуть позиции генерала Утроста. Скакавшие перед строем члены палаты волшебников были готовы выплеснуть свой дар. Они были уверены в себе и полны сил.

Как и планировалось, армия бросилась к намеченным вражеским рядам возле холмов. В первых рядах были нетерпеливые воины арены и городские стражники, которые бежали, высоко поднимая оружие и вопя на ничего не подозревавшую армию, разбившую лагерь под стенами. Впереди был гнедой конь Никки, поднимавшей вверх тонкую руку. Неровно подстриженные светлые волосы придавали ей вид духа мщения под светом звезд.

Поскольку Эльза никогда не ездила верхом, а уж тем более в битве, она настояла на том, чтобы ее коня отдали какому-нибудь бойцу. При виде ее сомнений Натан тоже решил сражаться пешим.

— Я останусь с тобой, моя дорогая. Вдвоем мы будем достаточно сильны. Я вернул свой дар и смогу защитить тебя на поле брани.

Она с сомнением посмотрела на него:

— Натан, мне не нужна твоя защита. Почему бы нам не сражаться вместе, чтобы нанести врагу вдвое больше урона?

— Звучит как отличная идея.

Они двинулись вперед вместе с волной бойцов.

Натан чувствовал себя величественным, словно снова маршировал с армией Ричарда Рала. Он не сомневался, что объединившиеся защитники нанесут болезненный удар древней армии, но в то же время не терял головы и понимал, что это чувство будет недолгим и продлится до тех пор, пока две армии не столкнутся по-настоящему.

Эльза не выглядела атлетом, но двигалась легко и обладала большой выносливостью. Она не отставала от Натана, пока они бежали в ногу с солдатами. Богато украшенный меч Натана был в ножнах у бедра — он собирался сражаться как волшебник. Он раскрыл левую ладонь, немного согнув пальцы, и его магия вскипела.

Армия Утроста разожгла на сухих холмах множество костров, которые напоминали рой красных демонических глаз, и у каждого огня были сотни вражеских солдат. Натан затаил дыхание, когда до него дошло, сколь огромна численность их врага.

— Я уже принимал участие в отчаянных битвах, но никогда не выступал против такого войска.

— Ты никогда не сражался бок о бок со мной, Натан. — Эльзе пришлось говорить громко, чтобы перекричать галдеж наступавшей армии. — Мы им покажем.

Изучив с городских стен вражеские позиции, палата волшебников решила нанести удар против отрядов на северном склоне долины.

Когда защитники Ильдакара схлестнулись с врагом, древняя армия всколыхнулась с лязгом оружия и выкриками приказов. Огромное войско не впало в беспорядочную панику, как надеялся Натан. Дисциплинированные вражеские солдаты выстроились в ряды возле командиров, собираясь оборонять свои позиции. Сигнал о неожиданном нападении распространился вместе с побежавшими от отряда к отряду гонцами. Загорались факелы,

крики становились громче.

Вдалеке Натан различил деревянный штаб, в котором он и Никки встречались с Утросом, но их атака не зайдет так далеко и ограничится нападением на войска, стоявшие возле стен. Впереди Никки призывала шторм. Она создавала обжигающие молнии, которые взрывались среди передних рядов врага. Еще одна молния полетела в сторону, разорвала самодельные палатки и подбросила в воздух десятерых воинов как солому, которую подхватил ветер. Молнии Никки пестрели черно-синими шипами — колдунья использовала не только привычную всем магию Приращения, но и магию Ущерба.

Орон, Деймон и Квентин тоже использовали свой дар, швыряя заряды сгущенного воздуха, обрушивая на врага такой жестокий ураган, что он сметал боевой порядок солдат Утроса.

Обезумев от энтузиазма, защитники бежали вперед:

— За Ильдакар!

Передние ряды древних воинов стояли плечом к плечу, выставив щиты и подняв старинные мечи, чтобы отразить атаку. Ильдакарские бойцы врезались в них на полной скорости, не сумев остановиться. Натан видел, как городские стражники, бойцы арены, Бэннон и Морасит Ли́ла бросаются в схватку. Неповоротливые полуокаменевшие солдаты защищались от волны окованных сталью дубин. Пронесся шум, напоминавший лавину.

— Мы не должны отставать, моя дорогая, — крикнул Натан Эльзе, создавая на ладони шар огня волшебника. Он держал огонь, дожидаясь, пока Никки и советники уедут вперед и освободят простор для удара.

Эльза призвала сферу обычного огня, не в силах соперничать с мощью волшебника — но ее огонь будет жечь не хуже.

Натан швырнул первый снаряд, и тот перелетел через передние вражеские ряды, не проронив ни искорки на силы Ильдакара. Жадное магическое пламя взорвалось вдалеке, охватив почти сотню воинов. Они кричали и дергались, обращаясь в серый пепел. Эльза кинула свой шар огня, и он взорвался даже дальше, чем шар Натана. Ее пламя нанесло меньше урона, чем огонь волшебника, но взрыв разметал замешкавшихся врагов. В целом, атака была довольно впечатляющей.

Собираясь нанести новый удар, Натан призвал дар, ощущая сильный хань нового сердца и остатки гнева укротителя Айвена. Ему не нравилось коварное прикосновение другого волшебника, но он воспользовался гневом и тьмой, чтобы создать еще больший шар огня волшебника, взрыв которого отбросил сотни солдат.

Ильдакарские воины, разъяренные и недисциплинированные, расплескались по рядам противника — как вода, накатывающая на камни в ручье. Они сражались с сотнями отдельных противников и начали прорываться через наспех организованный строй.

Молния Никки пронеслась через укрепления Утроса, а остальные волшебники продолжили наносить удары магией. Эльза подожгла бесчисленные палатки и вражеских солдат, которые пытались сбежать. Натан нашел в себе запасы энергии, призвал еще один шар огня волшебника и поразил еще несколько дюжин врагов. Пускай каждый удар откидывал назад войска генерала, Натан понял, что предпринятая вылазка способна лишь слегка потрепать армию.

Натан должен мыслить более масштабно и найти способ наносить больше урона, чем сотне врагов за раз. Пока остатки огня волшебника продолжали жечь намеченную часть лагеря, вызывая новые пожары, он придумал, как им с Эльзой легко нанести гораздо

большой урон.

— Холмы! Сухие холмы! — Он указал на бурые склоны по краю долины. — Они миглом вспыхнут! Можем разжечь огонь, который спалит всю армию.

Она мгновенно все поняла:

— Этому они не смогут противостоять.

Вытянув обе руки, она при помощи дара зажгла огонь на ладонях и распалила его. Пока она была сосредоточена на заклинании, росляк с изогнутым мечом бросился на нее, собираясь разрубить надвое.

— Нет! — Натан выставил свободную руку, создавая воздушный щит, который свалил противника и выбил из руки искривленный меч. Воин упал на землю, но Натан был настолько взбешен, что обрушил на воина кулак из воздуха, сокрушив грудь и лицо.

Эльза ахнула и поблагодарила Натана, а потом бросила еще один шар огня, стараясь закинуть подальше в сухие холмы. Натан снова призвал огонь волшебника, создав по шару в каждой руке, и запустил оба в воздух. Полыхающие разрушительные сферы промчались через ночь подобно кометам, ярко освещая поле битвы. Шар Эльзы ударил первым, извергая искры и поджигая новое пятно травы, а мощный огонь Натана ударил выше по склону.

Сперва враги почти не обращали внимания на распространявшийся по траве огонь, но Натан с радостью смотрел, как разгорающееся пламя превращается в пожар. Огненные завесы катились по склонам в сторону вражеского лагеря.

— А идея весьма хороша, — усмехнулся он Эльзе.

— Иди за мной, Натан. Мне нужна твоя помощь. — Эльза побежала вглубь лагеря, удаляясь от основного сражения. — Мы можем использовать больше магии.

Он понял, куда она идет. Армия Утроста быстро наращивала мощь — солдаты из глубин лагеря хватали оружие и бежали к сражению. Натан надеялся разбить нестройные ряды до прибытия подкрепления.

— Не туда. Мы не можем...

— Мы это сделаем, — ответила она. — Я использую магию переноса. Вспомни, я же готовилась.

Эльза бежала с удивительной прытью, а Натан не мог оставить ее сражаться в одиночку.

— Как скажешь. Мы пообещали защищать друг друга.

Эльза добежала до большой вытоптанной площадки и стала разглядывать землю, будто искала что-то под ней. Указательным пальцем она ткнула в почву и двинулась по причудливой круговой траектории.

Догнавший ее Натан задыхался.

— Что ты делаешь? Как я могу помочь?

— Охраняй меня. Не дай солдатам напасть, пока я не закончу узор.

— Что ты чертишь?

— Руну переноса.

Эльза суетливо работала, и из ее указательного пальца вытекала тонкая струйка силы, которая невидимым ножом прорезала в грязи линии, складывавшиеся в сложный узор. Она бегала туда-сюда, пальцем добавляя детали к линиям на земле.

— Это заклинание! — крикнул Натан.

— Руна переноса, — сказала Эльза. — Я уже показывала тебе.

К Натану и Эльзе уже бежали две сотни древних воинов. Полукаменные солдаты плохо видели в темноте вдаль от костров, но все же могли окружить их. У многих были факелы и

яркие головешки, взятые из костров.

— Они идут к нам, — сказал Натан. — Надеюсь, ты хорошо все продумала.

— Да, очень тщательно. В Ильдакаре я выгравировала парную руну на резервуаре, в котором хранится почти тысяча баррелей воды.

Не собираясь разгадывать ее планы, Натан призвал огонь волшебника и обрушил на передние ряды приближавшегося противника. Огненный взрыв уничтожил пятнадцать солдат, но позади были еще сотни. Желая дать Эльзе время, он создал ветер и молнии, отбивая атаку.

— Почти готово, Натан. — Эльза указала на замысловатый узор, который охватывал большой участок земли.

Когда древние воины снова устремились вперед, Натан понял, что их с Эльзой сметут в любой момент.

— Ага! — воскликнула она.

Когда солдаты ступили на изрисованный Эльзой участок, она ткнула в землю и прочертила последнюю линию, завершив узор руны переноса и связав ее с заклинанием.

В этот миг вся вода из далекого резервуара оказалась там, где была твердая земля, и сотни вражеских солдат оказались в жидкой грязи и зыбучих песках. Ряд за рядом погружался в жижу до талии, плеч, а потом земля поглощала беспомощных солдат.

Натан тяжело вздохнул.

— Я не должен был в тебе сомневаться, моя дорогая.

Эльза посмотрела на результат своей работы. В одно мгновение все вражеские солдаты оказались беспомощными. Потом она оглянулась на травянистые холмы, в которых продолжал бушевать огонь.

— Натан, ты не должен был во мне сомневаться.

Во время тренировок на «Бегущем по волнам» неопытный Бэннон учился обращаться с мечом, гарцуя по палубе, а Натан демонстрировал ему свое мастерство. Он и представить не мог, что столкнется с таким многочисленным врагом, но это случилось.

Вместе с сотнями бойцов он бежал вперед, напоминая себе, что они атакуют лишь небольшую часть огромного лагеря — то, что им по силам. Древние воины и при обычных обстоятельствах являлись выдающимся противником, но теперь были еще и полукаменными.

Бегущая рядом Лила вовсе не казалась испуганной.

Армия Утроса выстраивалась в ряды, готовясь к обороне, но разобщенные и беспорядочно бегущие ильдакарцы превращали столкновение в массовую драку. Действуя чисто по инерции, первые атакующие врезались в противника, сотрясая незаконченный строй. После этого сражение распалось на отдельные поединки.

Бэннон собрался с духом и ринулся в свалку, держа в одной руке обитую железом дубинку, а в другой Крепыша. Его тусклый клинок перехватил изогнутую саблю, и от звенящего удара по руке прошла дрожь. Он крякнул, но выдержал и ударил дубиной по груди противника. Удар не причинил заметного вреда, но заставил солдата отступить на два шага. Бэннон подался вперед и взмахнул Крепышом, перерубив основание шеи противника. Столкновение лезвия с плотью ощущалось как удар топора, впившегося в плотную древесину, но клинок легко прошел сквозь твердую кожу. Враг повалился на землю.

— Неплохо, мальчишка! — воскликнула Лила, растянув губы в жесткой усмешке. — Теперь сделай так еще с десятков раз, и мы добьемся некоторого успеха.

Неистово зашипев, она прыгнула вперед, орудуя двумя железными дубинками. Мускулы на обнаженных бедрах играли от напряжения, пока она двигалась, раздавая удары. Морасит била одного противника за другим, не жалея сил. Она выкашивала древних воинов, но потери быстро восполнялись.

Торн, Дженда, Райси и другие Морасит сражались в команде, выбирая цели и уничтожая их. Воины Утроса были сильны, но каменные тела делали их медлительными, в то время как проворные Морасит били, отступали и разили вновь, точно разъяренные гадюки. Женщины продвигались подобно урагану, подавая пример воинам арены.

— Держись ближе, мальчишка! — на ходу крикнула через плечо Лила. — Я буду бить их, а ты приканчивай.

— Постараюсь. — Бэннон взмахнул тяжелой дубиной в левой руке, разбив лицо воину. Другая его рука уже ныла от ударов мечом, разбивавших броню и разивших плоть врагов.

Джед и Брок, стоя плечом к плечу, неуклюже сражались неподалеку. Шелковые плащи обеспечивали некоторую защиту против жестких ударов, но яркий цвет превратил юношей в мишени. Эти двое оборонялись, не выискивая цель, а просто пытались выжить.

Зато Тимоти был в восторге от битвы. На тренировках погонщик практиковался с мечом, но, кажется, ему больше нравилось размахивать дубинкой. Вражеские солдаты впадали в ступор при виде этого безумного бойца, такого же бледного и твердого, как они сами.

Верховный капитан Стюарт, возглавлявший более организованную городскую стражу, выкрикивал приказы. Один из его подопечных протрубил в золотой горн, собирая облаченных в форму солдат для единой атаки. Столкновение ильдакарской гвардии с

древними солдатами было подобно удару грома.

В шумном и неистовом безумии боя Бэннон не мог угнаться за Лилой и Морасит. Он только и успевал, что защищаться от подступающих воинов. Казалось, их тут тысячи. Его меч пронзил нагрудник бородатого солдата, но враг не прекратил атаку. Когда бородач замахнулся кривой саблей для смертельного удара, подлетел юный Тимоти и сзади ударил мужчину по шлему. Солдат с хрипом рухнул на колени. Тимоти сделал приглашающий жест Бэннону, и тот взмахом меча перерубил солдату шею.

Накал сражения все нарастал, звуки битвы почти оглушали. Никки и волшебники Ильдакара, скакавшие на лошадях впереди, обрушивали порывы твердого как камень ветра и косые вспышки молний. В другой стороне Натан и Эльза метали огненные шары, поджигая холмы, покрытые сухой травой.

Затем Бэннон краем глаза заметил промелькнувшую рыжеватым пятном Мрра. Мощная песчаная пума столкнулась с древним воином, вспоров его твердую плоть, затем отпрыгнула, чтобы атаковать другого, уклоняясь от взмахов вражеских мечей. Мрра хватала жертв когтями, разрывала броню, чтобы добраться до затвердевшей кожи. Ее золотистые кошачьи глаза на мгновение встретились с глазами Бэннона, а потом пума унеслась прочь.

Джед и Брок с напряженными и испуганными лицами сражались спина к спине.

Тимоти бросился на двух рослых воинов. Глупо считая себя неуязвимым, он разил направо и налево своими железными дубинками, пока два вражеских солдата не повернулись к нему лицом. Воины взмахнули тяжелыми мечами, и Тимоти пошатнулся. Дерзкая ухмылка на лице юноши дрогнула.

— Берегись! — закричал Бэннон. — Отойди от них.

— За Ильдакар! — Тимоти лишь еще безрассуднее размахивал оружием.

Он разбил руку одному из противников. Другой солдат ударил погонщика яксенов сбоку, вынудив развернуться. Поскольку полукаменная кожа защищала Тимоти, он выстоял, но у врагов была такая же защита. Третий воин, подойдя сзади, крепко приложил мальчишку плоскостью клинка, почти оглушив его.

Бэннон был занят собственной схваткой. Разя мечом и дубиной, он пытался быстрее расправиться с противником, чтобы помочь юному сорванцу, но воин оказался более умелым, чем он ожидал. Бэннону требовалось быть предельно собранным, чтобы остаться в живых.

Тимоти продолжал бой, и некоторое время ему удавалось отбиваться от трех врагов. Но тут подошел четвертый. Они окружили мальчишку, подняв мечи и дубинки. У одного была массивная булава. Совместной страшной атакой они пробили оборону Тимоти, и тяжелый удар булавы раздробил ему руку. Несмотря на полукаменное состояние, плоть разошлась, а кости сломались.

Древние воины били по очереди: один ударил Тимоти дубиной, второй нанес еще удар, а третий повалил юнца на землю. Погонщик яксенов был покалечен, плечо его было раздроблено. Он походил на белую кровоточащую статую.

— За Ильдакар! — простонал он.

Бэннон наконец убил своего врага. Легкие пылали, руки дрожали от напряжения, но он бросился к попавшему в западню мальчишке.

— Тимоти!

Стоя на коленях, юный погонщик больше не мог удержать дубинки. Четверо врагов продолжали вбивать его в кровавую грязь.

Бэннон опоздал. Его обступили крепкие солдаты. В отчаянии посмотрев вперед, он увидел, что Лила и другие Морасит уже далеко. Женщины яростно сражались, убивая бесчисленных противников. Он позвал Лилу, но слова его утонули в шуме битвы.

Джед и Брок тоже были окружены, и отчаянно сражались за свои жизни. Вокруг продолжались сотни поединков. Бэннон видел множество павших врагов, но ему казалось, что половина ильдакарцев также лежит мертвыми. Генерал поднял свою армию, ответив яростным контрнаступлением. Подкрепление из тысяч воинов пришло с другой стороны долины, и ильдакарцы были отброшены.

Бэннон отступил ближе к Джеду и Броку, вынужденный сражаться рядом с ними. Он боялся, что у них не осталось ни единого шанса. Отбросив боль и усталость, он решил, что это его последний бой.

— За Ильдакар! — закричал Бэннон, вспомнив клич Тимоти перед лицом отчаяния.

Он взглянул на Джеда с Броком. Эти двое обливались потом, в ужасе размахивая обитыми железом дубинками, — таким же оружием они забавы ради колотили неподвижные статуи. Парни не откликнулись на его боевой клич.

Чувствуя, как кровь кипит от боевой ярости, Бэннон приготовился сражаться до последнего. Когда приблизились враги, он снова закричал, на этот раз без слов, и забылся в бою.

Травяной пожар вышел из-под контроля Натана и Эльзы. Когда Никки атаковала молниями и порывами штормового ветра, она видела, как пламя в холмах переходит с высокой травы на узловатые дубы. Линия пожара устремилась к тылу лагеря Утроса, распространяясь быстрее человеческого бега. У пробужденной армии было несколько сотен палаток, разбросанных среди групп солдат, и теперь Никки смотрела, как огонь поглощает палатки.

Генерал появился из штаба и принялся выкрикивать приказы. Пожар распространялся, грозя большей опасностью, чем атака ильдакарцев. Утрос приказал тысячам солдат бороться с огнем, который грозил охватить всю долину. В его резерве имелось множество людей, и тушение пожаров не ослабило натиск на защитников Ильдакара.

Никки, чувствующая опустошение после мощной магической атаки, все же призвала еще одну стену молний. Зазубренные стрелы взорвали землю, расшвыряв несколько сотен врагов, зажав их между огнем и молниями. Большинство солдат предпочли столкнуться с пылающей травой, и теперь их доспехи и тела дымились от жара.

Никки выпустила еще несколько молний. Она видела, что ильдакарская армия действительно нанесла немалый урон части лагеря, на которую они нацелились. Советники упивались кровавой бойней, но для Никки эта победа отдавала горечью. Она знала, что Утрос быстро справится с последствиями сегодняшней атаки. Городские стражники и воины арены, сражавшиеся традиционным оружием, гибли сотнями. Армия Утроса могла позволить себе целый день терять бойцов, но Ильдакар смог выставить всего несколько тысяч людей.

Гнедой скакун Никки заржал, напуганный запахом крови и шумом, но она схватилась за поводья, чтобы придержать коня.

Ехавший рядом Орон надменно вздернул подбородок:

— Сколько еще мы продержимся? Наши люди гибнут повсюду.

Никки призвала смерч, походивший на бушующего монстра, который раскидывал ряды вражеских солдат до тех пор, пока она была в состоянии его поддерживать.

— Думаю, мы уже добились своей цели.

Следуя ее примеру, Орон обрушил на огромный лагерь бурю с ледяным ветром и дождем. Квентин и Деймон тоже призвали стихию, чтобы прервать атаку пяти сотен вражеских воинов. Ольгия создала огонь и прочертила воздух зигзагами молний.

Вылазка продолжалась уже почти два часа, и Утрос начал выстраивать полноценную линию обороны. Павшие воины сменились мощным подкреплением. Атака членов палаты сосредоточилась на северной оконечности долины, но после призывов к оружию в бой готовилась основная часть армии Утроса. Защитникам Ильдакара придется отступить, иначе их силы будут разбиты.

Колдунья Лани, медлительная из-за последствий каменных чар, также участвовала в схватке. На ней не было доспехов, только бледно-голубое платье. Вражеские солдаты признали в ней сильного одаренного противника, и четверо воинов с криками бросились в ее сторону, вскинув изогнутые мечи. Лани не обращала на них внимания, подготавливая атаку. Никки уничтожила эту группу ударом молнии, чтобы дать Лани больше времени, но полукаменная колдунья даже не вздрогнула. Опустившись на колени, она подняла бледные

твердые кулаки, нараспев произнося неразборчивые слова, а потом резко опустила кулаки, как кузнец, ударяющий по наковальне.

На ее руках вспыхнул яркий свет, ослепивший Никки, и по земле распространилась ударная волна. Поле боя покачнулось, как вставшая на дыбы лошадь. Лани осталась стоять на коленях в центре созданного ею землетрясения, в то время как войска вокруг нее оказались сбиты с ног. Землю прочертила неровная трещина.

Когда ударная волна стихла, Никки придержала коня, впечатленная деянием Лани, хотя это лишь ненадолго отбросило врага. И все же им нужна была эта задержка, чтобы ильдакарская армия могла вернуться в безопасность городских стен. Никки, несмотря на свое стремление продолжать бой, понимала, что их потери огромны.

— Волшебники! — Она усилила голос с помощью дара. — Мы сделали все, что могли. Назад, за стены!

Над остатками городской стражи прозвучали звуки горна, и верховный капитан Стюарт выкрикнул приказ солдатам. Морасит продолжали сражаться, отступая, в то время как забрызганные кровью воины арены уничтожили еще нескольких противников.

Никки смотрела, как Мрра прыгает среди вражеских солдат, сея хаос. Большая пума все еще была полна энергии, но Никки заметила несколько ран на покрытой рунами шкуре. Колдунья направила мысль сестре-пуме, не уверенная, что она пройдет сквозь боевое безумие кошки. Она призывала Мрра отступить, убежать от распространявшегося огня и найти безопасное место в лесу.

Опасаясь, что ильдакарцы могут ускользнуть, солдаты Утроста издали жуткий боевой клич. Подкрепление прибыло как раз вовремя, чтобы усилить потрепанные передние ряды. Никки видела, что вражеский строй с каждой минутой становился все сильнее. У них осталось мало времени, чтобы ретироваться. Она развернула лошадь и крикнула Орону, Деймону, Ольгии и Квентину:

— Все вы, используйте дар, чтобы отбросить их назад. Нам нужно выиграть время для отступления.

Неподалеку в свете луны ярко сиял Ильдакар. Факелы и жаровни пылали на вершине высокой стены, с которой команда часовых наблюдала за сражением. Одаренные члены палаты волшебников снова призвали магию. Орон вызвал сильный град, Натан и Эльза метнули огненные шары в растущее вражеское полчище.

Генерал был слишком далеко, чтобы лично вступить в бой, но Никки видела, как он приказал солдатам организовать плотный строй, защитив собой от огня штаб и большой фургон с припасами. Его бледные и прекрасные колдуны, на коже которых плясали отсветы пламени, призвали ветер, чтобы отвести огонь. Древние солдаты сформировали живой щит, преграждая огню путь к штабу, фургону и нагромождению больших бочек. Воины закричали, когда их захлестнули огненные сполохи, но не отступили.

— Еще раз, Лани! Встряхни землю! — выкрикнула Никки.

Полукаменная колдунья вновь упала на колени, сосредоточилась и создала толчок, который отбросил назад вражескую армию.

Воспользовавшись передышкой, ильдакарцы отступили к городу. Они немного потрепали вражеские ряды, но теперь следовало отходить, пока не уничтожили их самих. Натан и Эльза присоединились к ним, не забывая швырять во врага огонь. Никки нашла в себе силы призвать огонь волшебника, который обрушила на ближние ряды безжалостных солдат. Армия Утроста неуклонно приближалась.

Натан и Эльза бежали изо всех сил, но все равно отставали.

Никки подъехала к ним:

— Волшебник, возьми меня за руку! Садись за мной.

— Мы не можем оставить Эльзу!

— Мой конь не унесет еще двоих, — возразила Никки.

Следом подъехал Деймон:

— Давай со мной, Эльза. Ты хорошо поработала сегодня, как и остальные волшебники.

— Ну, тогда я принимаю твое предложение, — сказал Натан, усаживаясь на коня позади

Никки.

Колдунья снова призвала всех к отступлению, но ильдакарских бойцов подгонять не было нужды.

— Мы оставили свой след, и Утрос будет знать, что мы можем ему навредить. — Никки позволила себе особую суровую улыбку. — Мы составим еще более грандиозный план для следующей атаки.

Натан сидел позади, прижавшись к спине Никки, которая пустила лошадь галопом. Эльза уселась за Деймоном, и они поскакали следом. Усталые и побитые воины бросились к гигантским открытым воротам. С некоторым облегчением Никки почувствовала, что Мрра убежала в пустошь, спасшись от огня. Но даже при очевидном успехе их миссии в Ильдакар возвращалось мало бойцов. Слишком мало.

Враг преследовал, придавая выжившим заряд энергии. Толпа хлынула через высокие ворота, и Никки оглянулась, задавшись вопросом, сколько ильдакарцев останется снаружи. Она не хотела бросать бойцов, которые последовали плану совета и взялись сразиться за свой город, но кое-кто из них еще продолжал биться с древней армией. Большинство оставшихся ильдакарцев уже пало в бою. Сотни людей, торопящихся к воротам — вот и все, что осталось от защитников.

Натан склонился ниже, когда они галопом промчались через высокие ворота. Когда большинство изможденных солдат оказалось внутри, часовые налегли на огромные колеса с толстыми канатами, чтобы закрыть гигантские ворота. В исчезающий просвет протиснулось еще несколько отставших. Спотыкаясь, они брели по мощеным улицам. Один молодой мужчина с кровоточащей раной на руке подхватил оступившуюся женщину, и они, прихрамывая, отошли в сторону, где вместе рухнули на землю. Последний из отряда прорвался через смыкающиеся створки. Высокие ворота с оглушительным грохотом захлопнулись. Рабочие с криками передвинули на место перекладины размером с дерево — как раз в тот момент, когда армия Утроста врезалась в стены. Полукаменные солдаты вновь принялись нещадно колотить по блокам, издавая громopodobный шум.

Не слезая с коня, Никки оглядела измученных бойцов, переговаривающихся меж собой. Одни ликовали, другие стонали от боли, третьи содрогались от запоздалого ужаса.

— Добрые духи, что была за битва! — послышался позади голос Натана.

Никки позволила себе глубокий вздох.

— Да. Мы испытали их и испытали себя. Ильдакар доказал свою храбрость, и мы потрепали Утроста.

Она с удивлением увидела, что Лида одна. Морасит выглядела побитой, всю ее покрывали копоть и кровь. Коротко стриженные волосы были влажными от пота.

Натан пытался восстановить дыхание.

— Они нас тоже потрепали, колдунья. Мы еще долго будем подсчитывать потери. — Он

осмотрелся, и взгляд его остановился на Лиле, которая выглядела несчастной. Голос волшебника дрогнул, когда он обратил внимание на то, что должна была немедленно заметить и Никки. — Бэннон исчез.

Увидев, что на Норукайские острова возвращаются только три корабля из отряда Кора, король Скорбь не увидел причин для ликования. Он собирался закатить пир, возможно, даже угостить победоносных капитанов изысканным мясом яксена. Вместо этого он почувствовал вскипающий гнев. Что-то пошло совсем не так.

Во время предыдущего набега на бухту Ренда ее жители сумели дать отпор, даже прибегли к помощи могущественной колдуньи. Тот капитан был глуп и самонадеян. Мелку этот человек никогда не нравился, а значит, не нравился и королю, да и вернулся он из бухты со сплошными отговорками. Каждый норукаец знает, что не стоит возвращаться живым после подобного разгрома. Без всякого сожаления король скормил капитана змеинному богу. Однако Кор с вдвое большим количеством кораблей и воинов должен был отомстить за это бесславное поражение.

Железные трубы, служившие колоколами, издавали заунывный звон, который был слышен даже в бастионе. Скорбь клацнул челюстями, ощущая рубец вдоль рассеченных губ. Он заскрежетал зубами, будто хотел перегрызть Кору горло и стереть его позвоночник в пыль. Сжав кулаки, он щелкнул железными пластинами на костяшках.

Мелок сидел на корточках перед камином, склонившись к очагу и греясь у огня. Когда раздался звон колоколов, шаман вскочил на ноги.

— Безрадостная миссия, ужасная, мой король. Бухта Ренда!

С растущим гневом Скорбь покинул тронный зал и стал подниматься по ступеням на высокую крышу бастиона, откуда сможет наблюдать за морем. Мелок бросился за ним.

Лестничной площадкой выше открылась дверь, из которой вышла рабыня со стопкой одеял. Она бросила один лишь взгляд на гримасу короля и нырнула обратно за дверь. Король ее запомнил. Он разглядел ее лицо и накажет рабыню позже. Но сейчас всю тяжесть его гнева на себя примет капитан Кор.

Выйдя на продуваемую ветром крышу, король подошел к зубчатой стене, положил массивные ладони на шербатый камень и устремил взгляд на узкую защищенную гавань, в которую заходили три потрепанных змеиных корабля. Один полуночно-синий парус висел ключьями. Два других тоже пострадали, но были грубо починены широкими стежками из канатов. Длинные весла вели корабли мимо опасных скал.

Король Скорбь что-то невразумительно проворчал, просто чтобы выразить недовольство. Мелок склонился ближе, и его покрытая шрамами кожа прошуршала по мускулистой руке короля.

— Бухта Ренда, бухта Ренда!

— Не беспокойся о ней, — сказал Скорбь. — После такого я уничтожу поселение, а еще тех слабаков, которые провалили миссию.

— Может быть, — произнес Мелок. — Может быть.

Норукайский повелитель приказал привести к нему трех капитанов сразу же, как корабли причалят к докам. Осталось узнать, был ли Кор настолько глуп, чтобы вернуться живым.

Пока корабли находились в плавании, Мелку снились захватывающие сны, полные насилия. Он предвидел норукайские завоевания, которые описывал королю, хотя туманные предсказания часто были трудны для понимания. Разобраться в болтовне шамана было

непросто. Тем не менее, король ждал победы для своего народа.

Из-за откровенной неудачи Кора к горлу короля подступила желчь. Он ухватился за шероховатый каменный выступ, изъеденный соленым воздухом и непогодой. Мелок метался от одного смотрового окна к другому, всматриваясь в волны, разбивающиеся о скалы.

Король видел в отдалении грубые очертания десятков других островов, некоторые были окутаны туманом. В его империи было больше сотни островов, может быть, тысяча — ни один норукайский король никогда не вел им счет, — но даже этого было недостаточно. Его отец, король Суровый, укрепил норукайский народ, но будущее для него было туманным, и он не загадывал далеко. Поэтому Скорбь не имел другого выбора, кроме как убить отца по настоянию Мелка.

Набеги на побережье участились, змеиный флот наращивал численность. Многие норукайские воины были призваны, чтобы проявить себя перед новым королем. Но это было только начало. У Мелка были предчувствия, а у короля — великие мечты. Вместе они знали, как претворить будущее в явь. В некоторых разграбленных городах норукайцы видели статуи местных героев, почитаемых лидеров, военных гениев. Налетчики с радостью уничтожили все эти статуи, но король Скорбь хотел, чтобы и в честь него когда-нибудь поставили памятники и огромные каменные фигуры, хотел, чтобы люди никогда не забывали его. Он регулярно приносил жертвы змеиному богу, и теперь кровь норукайцев была столь сильна, как великие морские змеи.

За десять дней, прошедших с отплытия капитана Кора, было построено еще пятнадцать боевых кораблей. Участники других набегов возвращались на острова с сокровищами, рабами и припасами, а также информацией об остальном Древнем мире. Скорбь тщательно составлял карты, отмечая еще не завоеванную территорию. Иногда, сидя в одиночестве, он смаковал земли подобно голодному человеку, который решает, что съест на пиршестве в первую очередь. Если он собирался завоевать мир, то не мог срамить себя поражениями.

В угрюмом молчании он наблюдал, как три поврежденных корабля причаливают к пристани. Мелок свесился с края бастиона, вытянув длинную тощую руку в попытке дотянуться до чаек, круживших где-то ниже. Король Скорбь схватил друга за плечо, удержав его:

— Мелок, давай вернемся в тронный зал. Пора выполнять королевские обязанности.

— Да, мой король. Король Скорбь! Они все будут скорбеть.

— Кор — несомненно. — Он повернулся спиной к свежему, холодному бризу и зашагал в укрытие бастиона.

* * *

Король в ожидании сидел на величественном троне. В огонь подбросили еще несколько поленьев, и теперь жаркое пламя было способно испепелить кого-то заживо. Скорбь рассматривал этот вариант наказания. Все зависело от доводов Кора.

Стеклянный аквариум, в котором плавали любимые рыбки Мелка и лежал обглоданный череп короля Сурового, стоял на каменной полке позади трона. Скорбь мог бы повернуться и взглянуть на него, но предпочел пристально смотреть вперед, на входившего в зал Кора. Занятый аквариумом Мелок почти не обращал внимания на царившее в помещении напряжение. Он стучал пальцем по стеклу, наблюдая, как маленькие рыбки уносятся прочь, чтобы вернуться через несколько мгновений.

Кор в сопровождении столь же угрюмых Ларса и Йорика медленно вошел в тронный зал. На каждом был жилет из акульей кожи, на поясе висели ножны с кинжалом, а руки

были закованы в кандалы, хотя король и не отдавал такого приказа. Троица вошла без сопровождения стражи.

Король подался вперед, не вставая с грубого трона и ощущая костяные шипы на плечах. Он положил руку на железную цепь на талии.

— Думал, тебе хватит мозгов не возвращаться после поражения. Лучше бы вы перерезали себе глотки.

— Может и так, но мы норукайцы и не боимся, — сказал Кор. — Мы могли бы покончить с собой, чтобы избежать твоего гнева, но тем самым мы обокрали бы своего короля. Наши жизни принадлежат только королю Скорбь. — Он поднял руки в тяжелых наручниках. — Мы заковали себя в цепи, чтобы сдаться. Лучше смерть от твоей руки, чем путь труса.

Три капитана пали на колени. Татуировки на лице Кора изображали чешую змеиного бога, а из выбритого черепа бивнем торчал вживленный острый зуб. Ларс и Йорик тоже склонили головы, позволив железным цепям прогреметь по полу. Скорбь встал с трона и зашагал, громко стуча сапогами по каменным ступеням. Спустившись к полированному полу, он навис над коленопреклоненными мужчинами.

Мелок сорвался с места, оставив аквариум. Он по замысловатой траектории кружил вокруг Кора, Ларса и Йорика.

— Скорбеть! Вы все будете скорбеть!

Три побежденных капитана не поднимали головы.

— Теперь можешь убить нас, — проговорил Кор. Его плечи напрялись, на шее выступили сухожилия.

— Я сам решаю, как и когда отнять ваши жизни! — взревел король. — Во-первых, я хочу знать, как мелкое поселение смогло одолеть норукайцев, причем дважды! У них есть еще одна колдунья?

— У них оборонительные укрепления и армия, король Скорбь. Они укрепили поселение и подготовились к нашему возвращению.

— К ярости норукайцев невозможно подготовиться, — фыркнул Скорбь.

— Они... хорошие воины, — пристыженно сказал Ларс.

— А вы разве нет? Норукайцев было недостаточно?

— У них военные корабли, — добавил Кор, — осадные укрепления у входа в гавань и великое множество вооруженных солдат. Это уже не просто рыбаки.

Король кинул взгляд на Мелка:

— Ты сказал, что мы захватим мир! И одной рыбацкой деревне удалось выстоять против нас?

Мелок не обратил внимания на гнев короля.

— Не беспокойся об одной рыбацкой деревне, мой король. Она ничтожна. Просто деревня.

— Если они одолели нас, то они не ничтожны.

— Ничтожны, ничтожны! — упорствовал Мелок позади Кора. — Не важны!

Король Скорбь хмуро оглядел склонившихся капитанов.

— Мы отправим десять змеиных кораблей... нет, двадцать, на север и сокрушим бухту Ренда, покараем их за позор, который они навлекли на норукайцев.

— Нет, нет! — воскликнул Мелок. — Мне это снилось. Только не бухта Ренда.

Король Скорбь подавил гнев. Он был удивлен возгласом шамана. Кор, Ларс и Йорик

продолжали смотреть в пол, вытянув шеи и ожидая, когда тяжелый клинок короля снесет их головы с плеч.

Король сердито глянул на Мелка:

— Хочешь сказать, я никогда не захвачу бухту Ренда? Я должен забыть о ней и позволить одержать победу?

— Это не победа. Деревня не имеет значения. — Бледный шаман бросился к королю и вперил в него взгляд. Его покрытые шрамами губы обвисли, но глаза смотрели предельно серьезно. — Нам нужны города. Большие города! Вот где должны быть твои победы. Послушай же меня, мой король, король Скорбь. Мы все будем скорбеть! — Он отбежал к камину и уставился на огонь.

Король Скорбь ждал в неловком молчании. Опозоренные капитаны не двигались с места.

Шаман протянул руки к камину, и его пальцы едва не коснулись пламени.

— Я вижу это. Города, Древний мир, целый континент! — Он снова повернулся к трону и покачал головой; из уголка кривого рта потекла слюна. — Не рыбацкая деревушка, мой король. Ты должен отправиться в Ильдакар. Направь все корабли. Завоюй этот город. Ильдакар должен быть твоей столицей.

Скорбь призадумался:

— Ильдакар стал бы подходящей столицей.

Капитан Кор решил поднять голову:

— Я согласен, мой король. Мне нет никаких оправданий. Я собирался захватить людей и сжечь бухту Ренда дотла, но это был лишь жест против горстки людей на рыбацких лодках. Ильдакар — один из величайших городов на континенте. Это подходящее место, чтобы править огромной Норукайской империей.

— Ты намерен захватить Ильдакар, хотя не сумел справиться даже с рыбацким поселением? — усмехнулся Скорбь.

— Не только Ильдакар, — возбужденно воскликнул Мелок. — Все города, много городов! Большие города, древние города. Я знаю их названия. Я видел их во снах: Серримунди, побережье Ларрикан, Танимура, замок Скальда, Эффрен... их так много, что у меня кружится голова. Ты должен завоевать их, король Скорбь.

Король боролся с желанием наказать этих слабаков. Кор продолжал смотреть на него, но в глазах его не было мольбы, а обезображенное шрамами лицо оставалось твердым и суровым.

— Послушай шамана, мой король. Ильдакар — достойная столица твоей империи. Я сообщил тебе все, что знал, так используй это мудро. — Он снова склонил голову. — Наши жизни принадлежат тебе.

Король кипел, едва сдерживаясь, чтобы не продемонстрировать свою власть над этими капитанами. Его подмывало схватить все их команды и по одному бросать в пруд с бритвенными рыбами. Он снова заскрежетал зубами, понимая, что не время жертвовать таким количеством воинов. Он не посмеет себе сомневаться в шамане.

Неугомонные норукайцы и их многочисленные жены наплодили множество детей — целое поколение воинов, которым требовалось завоевать новые земли. И король предоставит им такую возможность.

Он подошел к аквариуму, в котором безглазый череп отца взирал на плавающих в мутной воде рыб. Он мог отомстить, а мог действовать обдуманно. Он уже разработал по

своим картам примерную последовательность действий. Как только он завладеет Ильдакаром, норукайцы смогут подняться вверх по реке Киллрейвен, а затем проникнуть вглубь страны через горы, попутно атаковав с моря ключевые прибрежные города. Они могут завоевать весь континент, и тогда больше не придется совершать набеги и грабежи. Несмотря на свою известность, налетчики были всего лишь жестокими падальщиками. А король Скорбь хотел создать собственную империю.

Он снова повернулся к трем капитанам.

— Ваши жизни принадлежат мне, и я приказываю казнить вас.

Норукайцы поникли духом, но держали себя в руках.

— Но я сам выберу время казни, — продолжил король, — особенно твоей, капитан Кор. Ты настоящий неудачник. — Он скрестил мускулистые руки на груди. — Посмотрите на меня! — Капитаны подняли головы. — Кор, я повелеваю казнить тебя на поле боя. Я хочу, чтобы ты возглавил атаки вверх по побережью, пока что игнорируя бухту Ренда, как настаивает шаман. — Он недовольно хмыкнул, но решил послушаться Мелка, ведь тот никогда не подводил. — Возьмите десять кораблей, а я дам вам карты. Атакуйте и грабьте побережье Ларрикан, замок Скальда и все поселения по пути. Если выживете в этих битвах, то приказываю атаковать Серримунди. Если завоюете этот город и останетесь живы, то переходите к другому, и так дальше. — Король наклонился, понизив голос: — Вы можете отсрочить казнь до тех пор, пока будут продолжаться ваши победы.

Кор казался потрясенным и не верил в такую удачу.

— Я умру, как прикажешь, мой король. Сделаю все, чтобы умереть в последний день последней битвы, после того, как последний город Древнего мира падет к твоим ногам.

Король Скорбь подошел к двум другим капитанам, которые избегали на него смотреть.

— Ларс, ты поступишь так же. Возьмешь десять кораблей. Объявляю тебе такой же смертный приговор за позор, который ты навлек на норукайцев. Приказываю умереть, завоевывая для меня Древний мир.

Наконец он остановился перед Йориком, поставил ногу тому на грудь и с силой толкнул. Капитан повалился на пол.

— Да, да, это было в моем сне! — Мелок приплясывал от ликования. — Ты знал, король Скорбь, мой король! Ты знал.

— Нужно смягчить гнев змеиного бога, — сказал король. — Это цена, которую мы должны заплатить за могущество нашего народа. Мы напоим змеиного бога твоей кровью, Йорик, даже если она осквернена поражением и трусостью. Пожертвуй собой ради нас.

Йорик, лежа на спине, закрыл глаза и поднял руки.

— Я с радостью упаду в объятия змеиного бога.

Король проревел воинам приказ поспешить в тронный зал бастиона. Безвольного Йорика схватили, оставив в кандалах. С Кора и Ларса кузнец снял цепи, чтобы они готовились к смерти в бою.

После нескольких дней страданий, блуждания по топям и сражений с чудовищными тварями Максим заметил, что колючий кустарник и осока сменяются обычным болотом. Местность по-прежнему была малопривлекательной, но теперь ему грозили лишь естественные опасности, а не хищные и злобные препятствия. Неудивительно, что ни один враг никогда не пытался атаковать Ильдакар с болот, хотя сам он и не предполагал, что местная флора и фауна может помешать его побегу.

По крайней мере, он оставил надоедливую Адессу далеко позади.

Он устал и проголодался, кожа была покрыта пленкой пота, а модные шаровары и шелковая рубашка, распахнутая на груди, были в плачевном состоянии. Он неоднократно при помощи дара пытался счистить грязь и освежить одежду, но суровые болотные условия могли противостоять даже его магическим способностям. Как же он тосковал по вечерам удовольствий в роскошном особняке!

Много столетий назад он отдал все во имя славы своего города, стремясь защитить его. Он и властительница Тора были сердцем и душой Ильдакара, но главнокомандующий волшебник со временем стал презирать богатство и беспечность знати. Нескончаемая скука портила людей. Общество, запечатанное саваном вечности, постепенно разлагалось. Максим понимал это, но Тора оставалась слепа — в этом заключалась одна из причин его ненависти.

Когда-то Тора была цветущей и желанной, как и его прекрасный город, но они испортились, как полежавшая на солнце рыба. Большую часть прошлого столетия Максим строил планы по уничтожению Ильдакара. Люди разрушат свои жизни и дома. Это восхитительно!

Он бесконечно предавался развлечениям и не знал, как подступиться к своему плану, но тут их прекрасный саван дрогнул. Сама магия ослабела и изменилась. Ильдакар лишился защитного барьера, и его выбросило в обычный мир. Волшебникам удавалось снова и снова накрывать город саваном, но это требовало крупного кровопролития, и держалась пелена недолго.

Вкусив свободу внешнего мира после пятнадцати долгих столетий, Максим решил привести механизм в движение. Ильдакар был обречен, восстание было неизбежно. Угнетенные цеплялись за надежду, людьми было легко манипулировать — как груженой телегой на вершине склона. Максим просто подтолкнул ее, и та под тяжестью груза понеслась по склону, неся городу неминуемый крах. Максим наслаждался мыслью начать все заново, создать еще один легендарный город, выстроить идеальное общество со своими правилами. Как только он найдет новый дом, то снова станет главнокомандующим волшебником, уже без сварливой Торы. Пока он еще не все продумал.

Шлепая по грязи и траве, он сдернул с себя одежду и высвободил дар, желая освежить цвет и развеять вонь немытого тела. Его когда-то аккуратно подстриженная козлиная бородка отросла, а на щеках появилась длинная колючая щетина. Вокруг жужжали насекомые, жаждущие его крови, и Максим потратил немало магии, отгоняя их. Все это было утомительно и вызывало раздражение.

Дороги не было, и он ступал по травяным кочкам, пробираясь через заросли тростника выше его головы. Вскоре он с удивлением обнаружил тропу с примятой травой, возможно, протоптанную болотными кабанами или оленями. Тропа постепенно расширялась. Тростник

был слишком высок, чтобы разглядеть что-то впереди, но ему попадались узкие ручьи, ведущие к большим лужам, в которых прыгала рыба — и он нашел притопленные в воде корзины, привязанные веревками. Ловушки для зверей? В грязи виднелись отпечатки ног.

Максим остановился, гадая, не Адесса ли оставила эти следы. Впрочем, он не видел лидера Морасит уже несколько дней и был уверен, что оторвался. Нет, это следы кого-то другого. Возможно, неподалеку находится поселение, где можно найти еду и кров.

Максим шел сквозь тростник по тропинке, которая вскоре превратилась в дорогу с вливавшимися в нее другими тропами от многочисленных прудов. Тростник расступился, открыв вид на реку Киллрейвен. В спокойной заводи расположилась деревушка из более чем пятидесяти тростниковых хижин. Некоторые дома возвышались на сваях, а хижины поменьше стояли прямо на заболоченной земле. Он увидел лотки с выпотрошенной рыбой над дымящими кострами, и его желудок заурчал от голода. Жители деревни занимались повседневными делами. По водным каналам плыли каноэ, в то время как большие лодки выходили из спокойной заводи в основное течение реки.

Увидев поселение, Максим по-настоящему обрадовался — не только от мыслей о теплой пище, чистой одежде и сухой постели. Это был настоящий поселок с большим количеством людей, а ему нужен народ, если он собирается построить новый город.

Максим насчитал больше сотни мужчин, женщин и даже шумных детей. Рыбаки в каноэ сбрасывали улов на деревянные причалы, а полуголые жители деревни сидели на тростниковых циновках на берегу, потроша рыбу и отрезая головы, а мясо и внутренности раскладывая по корзинам. Старухи присматривали за коптящейся над кострами рыбой. Молодежь сидела группами, плетя корзины из тростника и болотной травы, а женщины растирали тростниковое волокно и скручивали в веревки, из которых плели сети. С болот приходили люди, неся мешки с колючими стручками или грязными клубнями, извлеченными из мягкой почвы. В прибрежном иле детишки лежали на досках с веслами, сачками вылавливая раков и бросая их в горшки.

Максиму было приятно видеть, что его новая деревня процветает. Убрав с лица последние пятна грязи и пригладив немного отросшие темные волосы, он вышел из болота. Силой дара Максим мог заставить селян думать о нем положительно, видеть в нем нового лидера и верить всем речам. Когда-то давно он таким же образом очаровал Тору, вынудив стать его женщиной. Он так сильно ее желал, что был готов отдать что угодно! Во имя промежности Владетеля, если бы только он мог вернуться в прошлое и предостеречь себя от напрасной траты сил. В их отношениях действительно были и хорошие времена — быть может, лет сто из пятнадцати веков. Но сейчас самое прекрасное заключалось в том, что он больше никогда не увидит Тору.

Он вышел из зарослей с воздетыми руками, и, как только жители деревни его заметили, их монотонная болтовня утихла. Они взирали на незнакомца с удивлением и страхом. Убедившись, что завладел их вниманием, Максим размашисто выпустил дар, и в безоблачном небе раздался гром. Затем он нацепил на лицо благодушное выражение и шагнул вперед.

— Сердечно приветствую вас. Я Максим, главнокомандующий волшебник Ильдакара. — Он подождал немного и улыбнулся шире, выпустив покальывающие чары обаяния, словно одеялом накрывшие их неуверенность. — И у меня есть радостная весть: отныне я и ваш главнокомандующий волшебник! Как называется эта деревня?

— Тарада, — сказала старуха с рыболовной сетью, продернув веревки и стянув их в

узел. — Мы народ простой, и у нас почти ничего нет. Если вы пришли обокрасть нас, то будете разочарованы.

— Я пришел не красть, — сказал Максим. — В вас есть большой потенциал, вот что имеет значение. Кто у вас главный? Я хочу видеть своего заместителя.

Вперед вышел угрюмый широкоплечий мужчина чуть старше сорока. У него были короткие каштановые волосы с проседью, а на левой руке не хватало двух пальцев.

— Меня зовут Даннер. Я здесь разрешаю споры, но Тарада не нуждается в большом руководстве.

— Теперь у вас новый лидер — главнокомандующий волшебник. — Максим усилил воздействие чар, и люди зашептались, кивая и неуверенно улыбаясь.

— У нас никогда не было главнокомандующего волшебника, — упорствовал Даннер.

— Тогда это великий день для деревни. Я помогу все изменить. Отныне вы мои подданные, и мы переделаем Тараду в нечто большее. Вы и помыслить не могли о таком великом будущем.

Максим улыбнулся, радуясь, что больше не нужно прятать лицо под зеркальной маской. Эти люди в его руках.

— Во-первых, мне нужна пища, одежда и дом, соответствующий моему статусу. — Он указал на лидера поселения, который еще не понял, что лишился власти. — Даннер, позаботься об этом. Уверен, люди с радостью переберут свои вещи и предоставят все необходимое главнокомандующему волшебнику.

Он оглядел местных женщин, сравнивая их с красивыми благородными дамами на вечерах удовольствий. Покидая во всем беспорядке Ильдакар и скрываясь в дикой местности, Максим не думал, сколько времени пройдет, прежде чем он снова уложит в постель женщину, которая будет стонать от удовольствия, что оказалась в объятиях главнокомандующего волшебника.

Женщины в Тараде казались невзрачными, изможденными и выглядели старше своих лет из-за непростой жизни. Он заметил нескольких молодых девушек, едва достигших подросткового возраста. Возможно, если их отмыть, они окажутся привлекательными. Если Тарада станет началом его нового правления, ему придется хоть немного вознаградить этих людей. Если женщины доставят ему удовольствие, он ответит им благосклонностью.

Подплыли мужчины в каноэ, привлеченные сборищем вокруг незнакомца. С широкой реки возвращались большие лодки, и Максим приветствовал их. Он поддерживал в воздухе успокаивающую завесу своего дара. Деревня уже принадлежала ему, оставалось только закончить с деталями.

* * *

В течение нескольких дней, благодаря стараниям Максима, Тарада совершенно преобразилась. Пять небольших хижин были снесены, а тростник, опорные столбы и соломенное покрытие были использованы для постройки большого здания. Не дворец, конечно, — любой в Ильдакаре посмеялся бы над таким определением, — но довольно величественное здание по сравнению с остальной деревней.

Жизнь в Тараде строилась на добывании пищи, в чем местные жители неплохо преуспели, но у Максима были большие амбиции, и ему надо было начинать строить свою новую империю. Даже Ильдакар начинался со скромного поселения на берегу Киллрейвен. Обустроившись в Тараде, Максим мог бы переехать в более притязательное место — возможно, в один из оживленных городков ниже по течению. Но Тарада была прекрасным

началом, и он остался доволен собой.

Даннер проявил себя весьма способным заместителем. Этот человек знал всех местных и все деревенские ресурсы. Под чарами Максима он всецело посвятил себя службе новому лидеру.

Максим выбрал двух довольно милых девушек — одна из них была дочерью Даннера — и сделал их своими любовницами, наделив особыми привилегиями. Деревенские девушки были неопытны и лишены воображения, но доставляли ему удовольствие. Максим мог обучить их или взять в любовницы других симпатичных девиц. Он не хотел, чтобы кто-то в Тараде чувствовал себя обделенным. Впервые с ухода из Ильдакара перед ним забрезжило светлое будущее.

А потом явилась Адесса.

Всю последнюю неделю Максим готовился к ее возможному приходу и велел жителям предупреждать его о приближении незнакомцев, но Адесса оказалась слишком быстрой.

Из камышей выскочила рыбачка, крича во весь голос:

— Здесь Морасит! К оружию!

Спустя несколько мгновений Максим вышел из своего камышового дворца и увидел Адессу, надменно шагавшую по деревне с оружием в руках и смертельным блеском в глазах. Околдованный Максимом пожилой рыбак бросился на нее с багром, но Адесса разрубила его деревянный посох пополам и полоснула мужчину ножом по животу. Не замедлив шага, она отпихнула его в сторону, и тот повалился, хватаясь за вываливающиеся внутренности.

— Максим, я пришла за твоей головой по приказу властительницы.

Зная, что она защищена от его магии, Максим крикнул людям:

— Защитите меня! Остановите ее! — Он использовал заклинание очарования, чтобы подстегнуть жителей деревни, и так плясавших под его дудку.

— Мы не позволим причинить вред главнокомандующему волшебнику! — Даннер двинулся вперед с гримасой гнева и отвращения на лице.

К нему присоединились еще два рыбака. Адесса посмотрела на них, как на надоедливых мух. Жители деревни могли только неуклюже размахивать импровизированным оружием, как и предполагал Максим. Они были нужны лишь для отвлечения. Селяне ненадолго задержали Адессу, но Морасит сбила Даннера с ног, пронзила ножом двух рыбаков и неутомимо зашагала дальше.

С диким воплем юная дочь Даннера прыгнула вперед и накинула на Адессу рваную рыболовную сеть, застав воительницу врасплох. Морасит пыталась вырваться, ее короткий меч запутался в сети, в то время как жители деревни с воем бросились на нее, воспользовавшись заминкой. Толпа била лидера Морасит палками. Ребенок с ножом для потрошения рыбы прыгнул на нее, целясь в покрытые рунами ноги. Адесса отпихнула мальчишку в сторону, и тот упал в воду. Толпа напирала, собираясь убить Адессу, но она вырвалась из сети.

Теперь Морасит отнеслась к атакам всерьез. Крутясь на месте, словно была на ильдакарской боевой арене, она быстро убивала жителей деревни, как только те оказывались в пределах досягаемости меча. Некоторым удавалось ударить ее, однако Адесса не обращала внимания на боль. Она вырезала их всех, усеяв болотистую землю отрубленными конечностями и головами.

Максим послал еще нескольких жителей деревни на свою защиту, прекрасно понимая, что Морасит наверняка одолеет их. По мере гибели людей слабели и его чары. Ужас ослабил

его власть над людьми, и они отступили.

Волшебник понял, что пришло время для другой тактики. Эта маленькая рыбацкая деревня не станет столицей его новой империи. Это был всего лишь эксперимент, небольшая остановка в путешествии, и пришло время использовать высшую силу своего дара, чтобы ускользнуть невредимым.

Магия не причинит вреда Адессе, но он достаточно умен, чтобы использовать ее по-другому. Он направил хань на медленные воды излучины, изменяя течение. Пока Адесса пробивалась через последних жителей деревни, Максим обрушил на Тараду поток речной воды. Нахлынувшая волна смыла тростниковый дворец и многочисленные хижины. Адесса подобралась, встречая поток.

Максим призвал еще больше магии, создав тепло и превратив водную завесу в горячий пар, который с ревом и свистом накрыл деревню. Кипящая вода окатила людей и постройки, смыв Адессу горячим потоком. Заводь оказалась окутана непроницаемым туманом.

Теперь у Максима было идеальное прикрытие для побега. Он уже нашел лодку, на которой доберется до основного течения реки. Теперь он отправится как можно дальше.

Тора устала ждать в безмолвной темнице. Она больше не позволит тюремщикам решать ее судьбу, она не будет ограждена от великого города — ее города. Ильдакар отверг ее, засунул в этот темный угол, и никто больше не беспокоился о ней. Тора была доведена до предела.

Ее муж распространил свой яд, разрушил город и исчез, смеясь над содеянным. Долгое время Тора испытывала к нему презрительное безразличие, а теперь при воспоминаниях о его поцелуях и прикосновениях чувствовала тошноту.

Верховный капитан Эйвери был превосходным и внимательным любовником, который ценил ее красоту, а не только силу. Сидя в камере и думая о красавце-капитане, Тора касалась своих рук, груди, ласкала себя между бедер, но вместо покалывающего возбуждения ощущала лишь приглушенные прикосновения. Тело больше походило на камень, чем на живую плоть, и было не способно испытывать удовольствие.

Как же она ненавидела Максима, ненавидела волшебников, наложивших чары окаменения, заговорщиков, объявивших ее виновной и не понимающих, что она сделала для Ильдакара. Все ради Ильдакара!

Она чувствовала себя нелюбимой падчерицей в родном городе. Совет отверг ее взгляды и отказался от мощи ее магии, которая защищала их на протяжении многих веков. Ее сердце было разбито, мечты растоптаны.

Она вернулась к двери в обрамлении покрытых рунами каменных блоков, которые не позволяли сбежать посредством магии. Тора зажгла на ладони огонек и оставила его висеть в воздухе, освещая каменные стены. Она изучала паутинки трещин, оставленные на камне ее кулаком, когда она пришла в ярость от насмешек Лани.

Это только начало. Она знала, что способна на большее.

Тора должна выбраться из камеры, должна увидеть свой город. Нет, надо сбежать из него. С ужасом и отвращением она поняла, что Ильдакар больше не был ее домом. Никки и Натан, палата волшебников, неблагодарные низшие классы, которые восстали против Ильдакара и убили ее сына Амоса, — они больше не были ее народом. Нет, Ильдакар больше не был ее городом. Неважно, сколько она ему дала.

Она сжала кулак, отвела руку назад и врезала по камню над треснутым блоком. Костяшки пальцев ударили так сильно, что по руке пошла дрожь, откликнувшись болью в плече. По крайней мере, ей казалось, что она это чувствует. Но повредить этот блок ей не удалось. Чего-то не хватало.

Подстрекательства Лани пробудили в ней новую силу. Теперь, когда она подумала о своих притупленных чувствах, о том, как ей хотелось ощутить трепет наслаждения в потерявшем чувствительность сокровенном месте, она снова испытала гнев. Он стал ярче пламени, висевшего в воздухе рядом с ней.

Ильдакар забрал у нее слишком много! Выйдя из себя, Тора нанесла еще один сокрушительный удар и ощутила, как блок треснул. Не позволяя гневу угаснуть, Тора била снова и снова, доводя себя до иступления. Она воскрешала в памяти вечера удовольствий, которые ей так нравились, своего любовника Эйвери, убитого мятежниками Зерцалоликого... убитого ее же мужем!

После многочисленных ударов Тора почувствовала, что рука повреждена, и увидела

кровь, сочащуюся из бледной кожи. Будь она обычным человеком, кулаки уже превратились бы в кровавое месиво. Но она не отступила, проигнорировала раны и продолжила. Она била по камню, пока не уничтожила руны. Блоки рассыпались, дверь повисла на петлях, и Тора с силой ударила ногой по тяжелой деревянной преграде. Металлические штыри не выдержали, и засов с лязгом упал в коридор. Дверь застонала и рухнула на пол, открыв путь к свободе.

Тора со смехом вышла из темницы. Миновав защитные руны, она ощутила расцветающий внутри дар. Она небрежно взмахнула окровавленной рукой, и в коридоре зажглись факелы. Бросив взгляд на свои разбитые кулаки, изнывающие от боли, Тора залечила самые глубокие раны. Она снова была властительницей, вновь была невредимой, хотя и не могла избавиться от каменной медлительности, все еще сковывавшей тело.

Она была свободна и могла сделать то, что необходимо. Ильдакар бросил ее, но генерал Утрос мог по достоинству оценить работу Торы и ее магию. Если она присоединится к нему, то поможет уничтожить сломленный Ильдакар и предателей-советников; затем она снова провозгласит себя властительницей и начнет восстановление. Да, именно так она может вернуть свой город. Она восстановит свою мечту, даже если ради этого придется заключить ужасный союз с древним врагом.

Она отогнала мысль о том, что сделает с Ильдакаром армия Утроста, ворвавшаяся через городские врата. Все это будет к лучшему в долгосрочной перспективе. Она больше ничего не должна городу и перестроит его с нуля.

Тора хорошо ориентировалась в подземельях. За время правления она приговорила множество предателей к смерти на боевой арене или просто обратила в камень. Но некоторых все же отправляли в подземелья, где они должны были усвоить урок. Иногда она забывала о пленниках так надолго, что они сначала раскаивались, потом впадали в отчаяние, а после и вовсе сходили с ума. Они сгнивали в камерах, оставляя после себя лишь обглоданные крысами косточки. Тора не испытывала сочувствия ни к этим жертвам, ни к своим тюремщикам. У нее были свои приоритеты.

Освободившись, она пошла по длинным коридорам к выходу. В освещенном тамбуре она напугала двух стражников, которые играли в азартную игру, ставя на кон золотые монеты и драгоценные камни. Это были те самые мужчины, которые так неуважительно к ней отнеслись. Когда она вошла в тамбур, они вскочили как ошпаренные.

— Властительница сбежала!

Она призвала воздушный кулак и впечатала одного стражника в дальнюю стену, а потом надавила сильнее, с трепетным восхищением наблюдая, как трескаются его ребра, а изо рта и носа течет кровь. Она продолжала давить, сплющивая его сердце и вминая грудную клетку в позвоночник. Второй стражник с криком попытался убежать, и Тора хлестнула его магией, когда он проходил через дверь. Череп мужчины ударился о стену, словно дыня. Она медленно надавила, сжимая его череп, пока мозг розовато-серой массой не брызнул на стену.

Продвигаясь вперед, Тора врывается в двери, раскидывая солдат. Кто-то пытался сражаться, но она быстро с ними расправлялась. Другие бежали. Теперь она в полной мере владела своим даром и не была ограничена защитными рунами. Никто ее не остановит. Когда она дошла до закрытого решеткой проема, служившего входом в туннели под утесом, то согнула и скрутила железную преграду, а потом швырнула ее в двух охранников, выбежавших навстречу.

Наконец Тора вырвалась на идущие между садов улицы и остановилась, вдыхая запах

свободы, запах Ильдакара. Была уже очень поздняя ночь, и улицы опустели до рассвета. Все особняки знати были ярко освещены, но она не видела там никакого движения. Руины жертвенной пирамиды наверху словно издевались над ней. Именно там Никки сорвала планы властительницы по возведению савана вечности. Так много разрушилось той ночью...

Торе необходимо многое изменить, но она не может этого сделать, пока Ильдакар выступает против нее. Нет, город нужно очистить. Ей придется перестроить Ильдакар, чтобы он обрел заслуженную славу. Она использует Утросу, смертельного врага Ильдакара — но город и так стал врагом самому себе, и она должна спасти Ильдакар. Чтобы сдать генералу, ей нужно выйти за стены. Она верила, что ее примут во вражеском лагере.

Она помедлила, чувствуя холодок опасений. Она боялась, что победившие вражеские солдаты разграбят Ильдакар, накажут людей за сопротивление и за то, что их обратили в камень. Они уничтожат почти все великолепие...

Нет, она отогнала эти мысли. Если это единственный способ снова стать властительницей, то ужасная цена оправдана.

Теперь, когда удалось сбежать, надо быть осторожной. По пути к главным воротам она может столкнуться с Никки, Натаном и членами палаты, поэтому Тора двигалась быстро, пока не распространилась весть о ее побеге.

На нижних уровнях города она услышала шум, увидела множество факелов и толпу. Что-то творилось у главной стены, а за городом Тора заметила большие пожары, раскинувшиеся от травянистых холмов до лагеря осаждающей армии.

Возможно, в этом хаосе у нее будет шанс. Тора, стараясь идти скрытно, пробиралась по улицам города. Она наткнулась на работающего допоздна садовника, толкающего маленькую тележку с нечистотами. Он ухаживал за вьющимися по изгороди виноградными лозами даже после наступления темноты. Садовник зачерпнул лопатой удобрение для растений и поднял на нее взгляд.

— Добрый вечер, миледи. — Затем он узнал ее, немало удивившись: — Властительница Тора! Я думал, вы...

Махнув рукой, она свернула ему шею, и мужчина рухнул на бурое содержимое тележки. Она должна была почувствовать укол вины, поскольку он был одним из ее подданных, но Тора больше не считала этих людей своими. Теперь все они были препятствиями для побега.

Приблизившись к высокой стене, она услышала крики, топот, ржание лошадей и бряцание доспехов. Выйдя к высоким воротам, Тора увидела потрепанную неслаженную армию, возвращавшуюся с битвы в этот темный предрассветный час — сотни бойцов в плохо подогнанной форме, при доспехах и оружии. Что произошло? Городские стражники шагали рядом с рабами арены. Она даже увидела среди них нескольких Морасит, что лишний раз подтвердило разложение Ильдакара. Сама основа города была разрушена!

Тора попыталась сложить кусочки в единую картину. Неужели Ильдакар предпринял атаку? Неужели эта разномастная группа защитников пыталась бросить вызов генералу Утросу и его бесчисленным солдатам? Вернувшиеся бойцы выглядели побитыми, угрюмыми, и вовсе не ликовали, как было бы в случае победы. Скорее, они казались разгромленными.

Затем она увидела ненавистную Никки верхом на гнедом скакуне. Позади нее сидел Натан, а следом ехал рысью Деймон в одном седле с Эльзой. Даже глава гильдии скорняков Орон и леди Ольга ехали наравне с членами палаты, будто имели к ней отношение. Лани вышагивала с важным видом, упиваясь собственной силой. Возвращавшиеся бойцы

протискивались через закрывающиеся ворота.

Деймон и Квентин вытянули ладони и наложили на врата магическую защиту. Тора поняла: этим путем выбраться не удастся. Наверняка остальные ворота тоже запечатаны. Придется как-то перебраться через стену, оставив этих людей наедине с заслуженной судьбой. Вскоре она услышала монотонный стук: солдаты Утроса заколотили по стенам. Тора в одиночку пробила выход из темницы и понимала, что под бесчисленными ударами твердых кулаков стена не выдержит, невзирая на все укрепляющие заклинания. В ее намерения входило быть на другой стороне вместе с победителями, когда город падет.

Ильдакарская армия толпилась у ворот, Никки выкрикивала приказы, а советники созывали командиров для доклада. По главным улицам города с криками пробежала группа стражников, направляясь к волшебникам. Тора с леденящим страхом услышала их слова:

— Властительница сбежала! Она пробила выход из подземелья.

Тора бросилась бежать, метнувшись в черные тени закоулков. Ее страх немного ослабел, когда она добралась до ступеней, ведущих к сторожевым башням на стене. После ночной атаки часовые явно находятся в состоянии повышенной боевой готовности, и проскочить мимо них будет сложнее. Но если она призовет порыв шквального ветра или вспышку огня, то при определенном везении расчистит путь к стене. Она может спрыгнуть с гребня стены и даже пережить приземление благодаря полукаменному телу. Отчаянное и отнюдь не изящное решение. Она сможет задержать стражников лишь на несколько мгновений, но этого должно хватить для побега.

Отринув всякую осторожность и поставив на карту все, Тора бросилась вперед. Когда она оказалась на открытом хорошо освещенном месте, несколько ближайших солдат ее заметили.

— Вот она! Властительница Тора здесь!

Тора отбросила их в сторону магическим зарядом, но убивать не стала, чтобы не тратить время. Ей просто нужно было убрать их с дороги. Расчистив путь грубой силой и магией, она побежала вверх по каменным ступеням. Гулкие беспощадные удары солдат Утроса далеко разносились в забрезжившем рассвете.

Часовые на гребне стены закричали, увидев поднимающуюся Тору. В нее тут же полетели стрелы, большая часть просвистела мимо, но две стрелы угодили в руку, оцарапав, и отскочили. На коже проступили тонкие полоски крови, но раны она залечит позже, когда сбежит.

Суматоха нарастала, и все больше солдат спешили к ней, но Тора продолжала бег по ступеням. Ее снова потрясло то, что ее народ обратился против нее. Она увидела могущественных членов палаты волшебников, подъехавших к основанию стены. С ними были Никки и Натан. Наверху кричали часовые, а за ней по пятам бежала группа солдат. Тора не останавливалась.

Никки спешила, взметнув черное платье. Колдунья последовала за властительницей, как мстительная буря.

— Мы остановим тебя, Тора.

Тора ускорила. Еще чуть-чуть.

Добравшись до гребня стены, она раскидала часовых, скинув троих вниз. По ту сторону стены выстроились сотни вражеских солдат. Если удастся туда спрыгнуть, она представится и потребует, чтобы ее отвели к генералу. Она поможет ему свергнуть Ильдакар, а потом вернет себе власть. Тора знала слабые места города.

Но до земли было далеко, и она спасовала. Тора засомневалась, что переживет падение даже в своем полукаменном состоянии. А когда она приземлится, станут ли эти злобные солдаты слушать ее или просто прикончат, потому что она из Ильдакара? Тора колебалась, заглядывая за край.

Никки шагала к ней по гребню стены. Теперь светлые волосы колдуньи были коротко и неровно острижены. Тора атаковала ее ударом ветра, очень похожим на тот, которым вышвырнула Никки из окна башни властителей во время их предыдущей дуэли.

Но теперь Никки явно стала сильнее, а Адессы не было рядом, чтобы помочь властительнице в битве. Никки блокировала ударную волну и швырнула пульсирующий огонь волшебника — колдуньи на такое не способны! Тора едва увернулась, но языки обжигающего пламени опалили кожу и обуглили одежду, напомнив ей, что она все же уязвима. Она снова посмотрела на отвесный обрыв, размышляя, сможет ли пережить падение.

— Собираешься покончить с собой, Тора? — усмехнулась Никки, подходя ближе. — Если так этого хочешь, можем помочь.

— Я намерена спасти Ильдакар! — сказала Тора. — Вы все восстали против меня, и единственный способ спасти мой город — дать Утросу победить. Когда вас низвергнут, мы перестроим Ильдакар!

— Так ты намерена предать свой город, как это сделал Максим, — заключила Никки.

— Никогда! Я люблю Ильдакар. — В смятении она атаковала молнией, которую Никки отразила вспышкой своей молнии.

Следом за Никки на стену поднялись Лани, Натан, Эльза и Орон.

— Ты так и в своей темнице говорила, а теперь взгляни на себя, Тора. Ты пытаешься оправдать свои действия, но они не во благо Ильдакара. Ты спасаешь только саму себя.

— Я — властительница! Я — Ильдакар. Что бы я ни делала...

— Что бы ты ни делала, — перебила ее Никки, — это не ради этих людей. Тысячи горожан вышли за стены сегодня ночью, и сотни отдали жизни, чтобы испытать Утросу. Разве они сделали бы это ради тебя? — Колдунья понизила голос, и он зазвучал твердо и грозно: — А ты сама пошла бы на такую жертву ради Ильдакара?

— Я никогда не причиню вред своему городу, — сказала Тора.

Деймон и Квентин добрались до вершины стены, и воздух загустел от мощи их дара, будто сама магия была живой и угрожающей.

— Ты действительно хотела перебежать на сторону генерала Утроса? — с горечью и потрясением спросила Эльза.

Мысли Торы путались в попытках отрицания. Она посмотрела на Эльзу, затем на Лани. Тора ненавидела своих соперниц-колдуний, но действительно ли это будет «во благо Ильдакара», если примкнет к вражеской армии? Если она вступит в союз с той самой силой, которая хочет завоевать город?

Тора посмотрела на равнину с сотнями тысяч воинов, которых волшебники Ильдакара когда-то превратили в камень на долгие века, вырвав из потока времени. Если она поможет пробить оборону Ильдакара, они непременно будут мстить. Будут пожары, разрушения, изнасилования и грабежи — как и всегда с приходом армии завоевателей. Как она могла допустить такое с ее городом? Как? Что она делает? Тора смотрела на войско далеко внизу. Она не посмеет оказать врагу содействие. Когда Никки и советники приблизились, готовые объединить магию для сражения, Тора поняла, что это ее последний шанс спрыгнуть со

стены. Но она не могла этого сделать.

Тора повернулась лицом к Никки и остальным.

— Я никогда не причиню вред Ильдакару, — твердо сказала она, а затем понизила голос. — Я не уподоблюсь мужу.

Она опустила руки по бокам и смиренно склонила голову. Когда волшебники связывали ее, она не противилась.

Бэннон не мог вспомнить, что с ним произошло, но боль в мышцах, ушибах и синяках понемногу приводила его в чувство. Воспоминания возвращались, но были размытыми. Всякий раз, когда он впадал в состояние безумной кровавой ярости, то после не помнил, что делал.

Во всяком случае, он жив.

Проморгавшись, Бэннон обнаружил, что находится в деревянной хижине. Тусклый утренний свет проникал сквозь щели между плохо подогнанными досками. Глубоко вдохнув, Бэннон зашипел от боли, которая была и внутри, и снаружи. Он осторожно дотронулся до затылка и нащупал шишку размером с яйцо.

— Очнулся, наконец, — послышался хриплый голос.

— Может, его убьют первым. — Второй голос был ближе и звучал жалобно. — Уверен, они убьют нас всех.

Бэннон повернулся на голоса и поморщился. Ноющая пульсация в голове превратилась в громкий барабанный бой. Он увидел Джеда и Брока, жавшихся к деревянной стене хижины. Парни сидели на земле, подтянув к груди колени. Их яркая шелковая одежда была испачкана грязью и кровью, глаза опухли, а лица покрыты ссадинами.

— Вы тоже выжили! — сказал Бэннон. — А где мы?

— Во вражеском лагере, конечно, — сказал Брок. — Мы пленники.

— Промежность Владетеля! — Джед опустил голову. — Полагаю, нам следует поблагодарить тебя за то, что нас пленили, а не убили на месте.

— Он лишь отсрочил неизбежное, — простонал Брок. — Может, лучше было бы умереть там. Тогда бы все уже закончилось.

— Нас взяли в плен из-за меня? — Бэннон нажал на шишку на затылке, нащупав засохшую кровь в волосах. — Но что я такого сделал? — Он потрогал ушибленный глаз, посмотрел на порезы на руке и решил не искать другие раны. — Я не помню ничего, кроме битвы с солдатами.

— Мы знали, что умрем, но ты сражался как умалишенный, — сказал Джед. — Я никогда не видел ничего подобного. Когда ты бросился на них, что-то изменилось. Ты превратился в берсерка.

— Я... — Бэннон тряхнул головой и тут же стиснул зубы от боли. — Иногда такое случается. Я забываюсь в боевом безумии.

— Как бы то ни было, ты спас нас, — сказал Джед. — Мы с Броком пытались защищаться, но ты... думаю, ты убил дюжину, прежде чем тебя схватили. Солдаты сказали, что ты хорошо сражался, и решили показать тебя Утросу. Мы тоже сдались. Выбора не было.

— Шелковая одежда выдала наш высокий статус, — добавил Брок. — Возможно, потому мы и спаслись.

Пытаясь выглянуть наружу, Бэннон прижался здоровым глазом к щели между досками. Пахло густым едким дымом. При свете дня он увидел почерневшие склоны холмов и сотни воинов, которые сновали по выжженной местности и тушили тлеющие участки. Собравшись с мыслями, он вспомнил, как сражались Лила и другие Морасит, как Мрра рвала на части вражеских солдат, как Никки и другие одаренные металы огонь волшебника и молнии, в то время как он и многочисленные защитники Ильдакара сражались обычным оружием.

— Мы победили? — спросил Бэннон. — Наша армия укрылась в городе?

Брок грубо хмыкнул.

— Мы не победили — это невозможно. Мы убили много солдат Утроса, но они уничтожили большую часть нашей армии.

— Мы их все же потрепали, — признал Джед. — Думаю, даже больше, чем ожидал Утрос.

Дверь лачуги распахнулась, и на пороге появился бледный солдат.

— Мне приказано доставить вас к генералу Утросу. Немедленно.

Бэннон поднялся на ноги.

— Хорошо. Я и так собирался требовать с ним встречи.

— Вот теперь он нас убьет, — простонал Брок.

— Сначала генерал допросит вас, — сказал солдат. — А потом, может, и убьет. Зависит от ваших ответов.

Пленников вывели наружу, и Бэннон сощурился от яркого утреннего света после зловонного полумрака хижины. Вражеские солдаты работали в лагере, устраняя разрушения. Холмы все еще дымились, но пожар был остановлен. Стремительное пламя успело вторгнуться в огромный лагерь, сжигая палатки и строения. Огонь даже подобрался к штабу генерала, но был остановлен ценой героических усилий. Древние солдаты, среди которых были и обожженные, сердито смотрели на трех молодых пленников, которых стража вела к штабу.

Преодолевая пульсирующую головную боль, Бэннон пытался храбриться. Джеда сотрясала дрожь, Брок шмыгал носом. Благородная парочка вела себя заносчиво в компании Амоса, но теперь они казались сломленными и испуганными.

Бэннон очень хотел, чтобы они стали его друзьями, но Никики часто говорила ему, что он наивен. Крепыша при нем не оказалось, что было неудивительно, хотя он и не помнил, как его обезоружили. Потеря меча расстроила Бэннона, но он боялся, что потеряет гораздо больше.

Когда пленников подвели к грубому зданию штаба, он узнал легендарный силуэт генерала Утроса. Это был крупный мускулистый мужчина в кожаном жилете со стилизованным изображением пламени. У Утроса была окладистая, аккуратно подстриженная борода, но левую щеку покрывали шрамы от старого ожога. Кожа и волосы генерала были серовато-белыми из-за каменного заклятия.

Две странные, но красивые женщины вышли из темного помещения и встали по обеим сторонам от Утроса. Они посмотрели на Бэннона хищными глазами, и он предположил, что это те самые колдуньи, которые заставили волосы Никики напасть на нее.

Джед и Брок держались позади Бэннона, будто прячась за ним, но юноша не растерял храбрости и сам шагнул навстречу генералу.

— Меня зовут Бэннон Фермер. Я мечник и путешественник. Я прибыл в Ильдакар с своими друзьями — Никики и Натаном.

Утрос помолчал, затем с уважением кивнул.

— Ты исключительный боец. Тебе удалось впечатлить даже мою непобедимую армию. — Он сделал шаг вперед. — Значит, ты не из Ильдакара? А еще ты знаком с колдуньей Никики и волшебником Натаном, которые приходили ко мне на переговоры?

— Да, я их друг. — Он повернулся к своим спутникам. — А это Джед и Брок, они из Ильдакара.

Двое молодых людей сердито на него посмотрели, словно предпочли бы не привлекать внимания и оставаться инкогнито.

— Я знаю, что они дворяне. Возможно, за них даже заплатят выкуп, — сказал Утрос. — Однако они мало помогли тебе во время боя.

Джед и Брок выглядели оскорбленными.

— Они не бойцы, — ответил Бэннон.

— Защитники Ильдакара действовали на удивление хорошо, — неохотно признался Утрос, — но вам не победить. Я следую приказам императора Кергана. — Он посмотрел куда-то за спину Бэннона, будто увидел что-то нематериальное. В следующую секунду он сосредоточил внимание на юноше, словно хищник, нацелившийся на добычу. — Эти двое бесполезны, но ты хороший боец, Бэннон Фермер. Не желаешь присоединиться к моей армии? Победишь вместе с нами.

Бэннон пришел в ужас.

— Я никогда так не поступлю. Я не предаю друзей.

— Мы не бесполезны, — сказал Брок. — Еще до пробуждения каменной армии мы уничтожили сотни ваших солдат. Больше, чем кто-либо другой в городе.

Утрос перевел тяжелый взгляд на юношу позади Бэннона, и на его малоподвижном лице появилось отвращение.

— Вы разбивали статуи? Когда мы были беспомощны?

— Мы не знали, что вы когда-нибудь пробудитесь, — дерзко сказал Джед, — но мы повредили сотни статуй.

— Жаль, что не уничтожили все, — добавил Брок.

Колдуньи зашептались, и их голоса походили на шипение змей.

— Тогда я изменю свое мнение, — сказал Утрос. — Вы слабые дворяне, которые нанесли непоправимый ущерб.

Бэннон расправил плечи, глядя на вражеского генерала.

— Люди Ильдакара не беспомощны. У них много могущественных волшебников, и Никки с Натаном самые сильные из них. Ваша осада не имеет шансов на успех.

— Как Никки выжила после нападения волос? — спросила одна из разрисованных краской колдуний.

Бэннон раздул ноздри.

— Мы сражались все вместе. Я был там. Мы с Натаном помогли ей перерубить волосы, а она при помощи магии разорвала связь. Мы сильнее, чем вы думаете.

— Как и мы, — сказал Утрос.

К генералу подбежал с докладом солдат, прервав их разговор. Утрос выслушал его, а затем подозвал двух стражников.

— Верните их в камеру. Допрошу их позже, когда закончу дела. — Он бросил стальной взгляд на Джеда и Брока. — Двое благородных заслуживают допроса с пристрастием. Они должны рассказать все, что знают о внутреннем устройстве Ильдакара.

Белесые стражники отвели троих пленников обратно в хижину, особо не церемонясь. Пока Бэннона подгоняли пинками, он изучал лагерь, надеясь углядеть хоть какой-то шанс на спасение.

Никки видела Морасит в действии, знала о крепости их тел и гневе, пульсирующем в их венах, но когда на следующее утро после атаки к ней подошла потрепанная Ли́ла, Никки увидела то, чего не ожидала. Морасит выглядела побежденной.

— Я подвела его, — сказала она. — Я подвела Бэннона. Он погиб из-за меня.

Подернутое дымкой полуденное солнце грело вершину плато. Никки стояла у башни властителей в тени высокого здания, протянувшейся до реки и отвесных утесов. Опустошенная ночной битвой Никки пока что не позволяла себе обдумать ее эмоциональные последствия. Она намеренно блокировала чувства и старалась мыслить аналитически. Сердце ее было твердым и холодным... как черный лед. Она цеплялась за эту мысль.

— Прошлой ночью погибли сотни людей, не только Бэннон, — сказала Никки. Чем сильнее она старалась не вспоминать лицо парня, его нетерпеливую улыбку и добродушие, тем четче становился образ.

Лилу это не успокоило.

— Верно, многие погибли, но остальных я не подвела. А вот Бэннон... Скорее всего, я недостаточно его подготовила, а сама не смогла защитить. Я потеряла его из виду, когда сражалась вместе с сестрами-Морасит, и нахлынувшие вражеские солдаты отрезали меня от него. Я даже не видела, как он упал, поэтому не знаю, что с ним случилось.

Никки тоже этого не видела. В безумии ночной битвы бойцы арены, городские стражники, добровольцы и советники были предоставлены самим себе.

— Бэннон был хорошим бойцом, — сказала Никки. Затем она понизила голос и сказала то, что не собиралась: — Он был моим другом. — Никки было странно признать этот факт, но другого слова не нашлось. Бэннон Фермер стал не просто временным спутником в их путешествии. — Если ты подвела его, то и я тоже. Теперь мы никак не можем ему помочь.

Они все еще подсчитывали погибших. Орон потерял своего сына Брока, и леди Ольгия сообщила скорее с гневом, чем с горем, что Джед тоже не вернулся. Никки не могла представить чувств родителей, потерявших детей, даже таких никчемных и не оправдавших надежд, как Джед и Брок, — но затем она вспомнила о Чертополох, и тяжесть боли заставила ее понять их.

— Может, Бэннон не погиб, — сказала Ли́ла, ошарашив Никки. — Я не оставлю надежды, пока не буду знать наверняка.

Никки ожесточила свое сердце, не желая тратить время на несбыточные иллюзии.

— Слишком мало шансов. Ты знаешь это.

Ли́ла скрестила руки на груди, прикрытой черной кожаной полосой.

— Если ты не намерена сдаться, то мы должны цепляться за любую надежду. У Ильдакара слишком мало шансов, но мы не сдадимся.

Никки понимала, что молодая Морасит права. Ричард Рал никогда не опускал руки, иначе он сдался бы Имперскому Ордену еще до первых сражений.

— Надежда может стать нашим величайшим оружием. Не забывай о ней. — Она посмотрела в решительные глаза Лилы. — Спасибо, что напомнила мне об этом.

Морасит убежала, а Никки не стала спрашивать, что она собирается делать дальше. У нее и самой хватало забот. Генерал Утрос и его армия должны пребывать в смятении после

нападения, но сам Ильдакар также гудел от предположений, вопросов и неопределенности. Защитники нанесли мощный удар, и палата волшебников будет упиваться этим достижением еще несколько часов. Ни одна из сторон пока не была готова к масштабным действиям, но только глупец мог предполагать, что осада скоро завершится.

Тора снова оказалась в заточении, но уже в другой темнице. Бывшая властительница изменилась, будто внутри нее что-то окончательно сломалось, но Никки по-прежнему не доверяла ей.

Советники разошлись по домам, чтобы восстановить силы, а потом уже собрать палату волшебников и обсудить следующие шаги. Когда Никки вошла в тихую башню властителей, перед ней предстал безмолвный главный зал с пустыми тронами и каменными скамьями. В зале слышалось лишь гулкое эхо ее шагов.

— Ах, так и думал, что найду тебя здесь, колдунья, — сказал Натан, напугав ее.

Никки обернулась и увидела волшебника. Балахон его был потрепан, а белые волосы спутаны. Она подивилась, что он еще не умылся и не сменил одежду после прошедшей ночи. Натан всегда заботился о внешнем виде и комфорте, но ночная битва потрясла его.

— Хотела найти место для раздумий, — сообщила она.

Натан подошел ближе, и выражение его лица изменилось.

— Знаю. Я тоже скорблю о дорогом мальчике. Это ужасная потеря.

Никки не хотела признаваться в своих чувствах.

— Нет времени для скорби или глупых надежд. Нужно обдумать дальнейшие действия, пока выдалась передышка. Она может продлиться всего несколько дней. — Никки бросила взгляд на лестницу позади тронного возвышения. — Пойдем на вершину башни, оттуда открывается хороший вид на долину.

Они поднялись по спиральной каменной лестнице и оказались на крыше. Здесь ярко светило солнце и беззаботно порхали жаворонки, но даже отсюда она слышала монотонные удары в стены.

Никки понизила голос, хотя никто кроме Натана ее не слышал.

— Этого недостаточно. Бэннон погиб, защищая даже не свой город, а наша самонадеянная атака не принесла никакой пользы. Как долго Ильдакар сможет выдерживать осаду?

Натан провел пальцами по длинным волосам, и этот жест напомнил ей о Ричарде.

— До тех пор, пока это необходимо. Я не верю в существование непобедимой армии. Джегань и Имперский Орден пали. Сулакан и его войско нежити были уничтожены. Утроста ждет та же участь.

Никки прислушалась к граду ударов по внешней стене:

— Вода камень точит. Не думаю, что у нас так уж много времени. Ильдакар — лишь промежуточная цель генерала Утроста. Его армия угрожает всему миру.

Они смотрели на широкую долину. Покатые холмы на северной окраине почернели от огня, а по земле стелилась пелена дыма, но враг по-прежнему казался неисчислимым, хотя и понес потери.

Натан выставил перед собой ладони, начертил в воздухе прямоугольник и растянул воздух, создавая увеличительное окно. Немало солдат усердно трудилось над восстановлением лагеря, но колонны из тысяч воинов в разных направлениях покидали долину. Каждый из отрядов мог бы захватить целый город. Никки внутренне похолодела. Скорбь по Бэннону окутывала одеялом, неспособным растопить черный лед ее сердца, но

Утрос был куда большей угрозой.

— Если эти экспедиционные силы намерены завоевать еще больше территорий, то генерал может захватить земли, которые Ричард повелел нам спасти. — Она посмотрела на Натана. — Опасность выходит за пределы Ильдакара. Утрос может завоевать весь Древний мир. Что помешает ему направиться в Д'Хару, подобно Джеганю и Имперскому Ордену? Мы должны остановить его здесь.

Натан погладил подбородок, на котором уже пробивалась светлая щетина. Ей еще не доводилось видеть его столь неопрятным.

— Теперь, когда мы показали ему наш боевой дух, не следует ли снова потребовать переговоров? Может, война не в его интересах?

— Как мы убедим его в этом? — Никки покачала головой. — Он уже отправил часть своей армии.

Через линзу они наблюдали за группой инженеров, которые изготавливали из длинных стволов деревьев различные детали, в том числе и внушительный рычаг метательного орудия. Работая с трудолюбием пчел, они соорудили катапульта и покатали к высоким воротам.

— Даже если они будут швырять каменные глыбы, заклинания защитят наши стены и ворота, — сказал Натан. — Что он задумал?

Часовые на внешней стене подали сигнал тревоги, и стражники встали наизготовку, когда катапульта выдвинулась на позицию. Никки прищурила голубые глаза.

— Я думаю, у него на уме что-то другое.

Они с тревогой наблюдали, как воины наматывали канаты катапульты, оттягивая рычаг. Катапульта дернулась, рычаг врезался в останавливающий блок и выбросил груз из корзины. С десятков трупов перелетело через высокую стену и упало на улицы Ильдакара, приземляясь на черепичные крыши и в резервуары с водой. Это были ильдакарские солдаты, убитые во время ночной атаки. Головы их были отрублены, а тела обезображены. Когда первый залп из трупов обрушился на нижние ярусы города, древние воины перезарядили катапульта. К ней подтягивались повозки, нагруженные телами.

Никки стиснула зубы.

— Генерал не настроен вести переговоры.

Ее сердце заледенело. Она ощутила покалывание магии Приращения и Ущерба. Они бьются не только за Ильдакар. Теперь она знала, что делать.

— Весь Древний мир и вся Д'Харианская империя должны знать об этой угрозе. Я займусь этим. — Ветерок на вершине башни трепал ее короткие светлые волосы. — Завтра я воспользуюсь сильфидой.

* * *

Ночью, пытаясь отдохнуть перед стремительным путешествием, Никки снова отправилась вместе с Мрра в окрестности огромного лагеря. Темнота воспринималась по-другому через глаза песчаной пумы, но она видела разрушения, чувствовала едкую гарь сгоревших холмов, а также запах крови после большой битвы. Мрра вышла из укрытия в заросшей деревьями лошине и направилась к армии Утроса. Большая кошка знала, что у древних воинов слабое даже для людей ночное зрение, поэтому она отважилась подойти еще ближе к лагерю.

Никки мысленно направляла пуму, пока ее тело в беспокойном полусне лежало на кровати в роскошном особняке. Ее по-прежнему тревожили огромные потери прошлой ночи.

Днем жители Илдакара приходили в себя и пытались оценить, какой урон сумели нанести врагу, но изуродованные тела, выпущенные из катапульта, вызвали смтение и шок. Люди изо всех сил старались ощутить вкус победы, но не могли не подсчитывать своих павших, хотя опознать изуродованные трупы было невозможно. Никки даже не знала, было ли среди них тело Бэннона.

Однако с помощью песчаной пумы Никки могла увидеть истинный ущерб, нанесенный Утросу. Многие из пылающих огней не были яркими лагерными кострами, как предполагали илдакарцы. Мрра почуяла запах горячей плоти, увидела груды тел, обуглившуюся кожу и почерневшие кости, превращающиеся в сальные угли. Это были погребальные костры. Хотя кожа древних воинов была твердой из-за последствий заклинания, они все же истекали кровью и умирали. Теперь трупы сжигали, хотя для этого требовалось много дров.

Находясь в состоянии полусна, Никки прикинула, что потери Утроса в три, а то и в пять раз больше, чем потери Илдакара. Впрочем, это все равно было сомнительным поводом для радости.

Мрра походила на тень в слабом лунном свете, кружа возле войск и погребальных костров, замечая воронки от магических взрывов и разрушения. Когда она подкралась ближе к штабу генерала, Никки ощутила, как ее чувства обострились, а все звуки и запахи десятикратно усилились. Мрра обнаружила несколько больших бочонков, пахнущих кровью. Никки не знала, зачем Утросу понадобились бочки с кровью, а Мрра было все равно. Кровь ее не пугала.

Никки запоминала все детали, пока Мрра продолжала бродить по лагерю. Большая кошка не понимала, что такое человеческая война, но наблюдала, и Никки благодаря связи со своей сестрой-пумой многое выяснила. Помимо всего она заметила странные, знакомые запахи, которые не принадлежали древней армии.

Не имея возможности подойти ближе из-за бодрствующих солдат, Мрра заметила деревянную хижину без окон и с зарешеченной дверью. Она услышала шевеление, приглушенные голоса, почуяла иной запах. Внутри были люди, но не пахнущие пылью, а теплокровные. Пленники? Заложники, которых Утрос держит в качестве козыря?

Конечно же, не было никакого способа спасти их из самого сердца вражеского лагеря.

Утром, перед тем как идти к сильфиде, Никки должна сообщить эту новость палате волшебников. Благодаря кошачьему шпиону у нее было много новой информации.

Многие города Древнего мира пострадали от Имперского Ордена, но войско Утроса было совершенно иной угрозой. Части его армии пришли в движение, и Никки должна повсюду распространить предупреждение. Она отправится в Танимуру, Серримунди, на побережье Ларрикан, а может, даже в Эйдиндрил или Народный Дворец, если сильфида сможет доставить ее так далеко. Она обо всем расскажет, поднимет тревогу и сплотит людей любыми способами.

Но нужны доказательства. В ее дикую историю могут не поверить.

На следующее утро Никки доложила палате волшебников о том, что видела Мрра, и рассказала о своем плане распространить тревожную весть в другие города. Когда Никки с Натаном вышли из башни властителей, к ним присоединилась Эльза, одетая в чистое пурпурное платье. Ее тронутые сединой волосы были заколоты на затылке.

Пожилая женщина улыбнулась и медленно кивнула.

— Думаю, у меня есть нужное тебе доказательство. Я знаю способ взять с собой древнюю армию и показать всем, сколь велика угроза. Они не смогут отрицать опасность. — Она приподняла небольшой кусок стекла, который принесла с собой. — Мы можем использовать магию переноса.

Острием кинжала Эльза нацарапала руны в каждом углу стеклянного прямоугольника и критически осмотрела свою работу.

— Я могу перенести на стекло изображение, которое мы видим, и сохранить его на этой панели. Получится живая картина.

Никки и Натан смотрели, как она подняла прямоугольную панель в вытянутой руке и медленно провела ею слева направо, глядя через стекло на обгоревшие холмы, на бесчисленных солдат и палатки необъятной осаждающей армии. Затем она коснулась нацарапанной руны в левом нижнем углу и передала стекло Никки.

— Это должно убедить любого, кто посмотрит на изображение.

Никки держала панель, пораженная тем, как точно здесь запечатлен открывавшийся от башни вид — неоспоримое и пугающее свидетельство присутствия огромной армии под стенами Ильдакара.

— Да, это очень поможет. — Она завернула стекло в тряпицу. — Теперь я пойду к сильфиде.

— Мы с тобой, — сказал Натан. — Вдруг понадобится помощь.

Никки бросила на него скептический взгляд, но воздержалась от комментариев. Целеустремленно шагая по крутым улицам в сопровождении Натана и Эльзы, она думала о сильфиде.

— Я могу быстро преодолеть большое расстояние, но не смогу взять с собой никакой помощи. Ильдакар все еще предоставлен сам себе.

Эльза взяла Натана за руку:

— Мы были сами по себе очень долго. — Она выглядела уверенной и даже величественной. — В течение многих веков под саваном я мечтала о внешнем мире. Я читала описания других городов, шахтерских поселений в горах, центров торговли у океана. Эти места казались волшебными, и очень немногие ильдакарцы помнили, что когда-то видели их. Если бы я знала о сильфиде и о том, что можно путешествовать с такой

легкостью, я могла бы исследовать их. — Они прошли через квартал торговцев и оказались в многолюдном жилом районе низших классов. — Но я полагаю, даже сильфида не смогла бы пройти сквозь временной пузырь. Наш саван непроницаем.

Никки не сбавляла шаг.

— Это не главная проблема. В сильфиде может путешествовать только тот, кто владеет обеими сторонами дара — магией Приращения и Ущерба. Тысячелетия назад было полно таких волшебников, но сейчас очень немногие могут использовать магию Ущерба.

— Но как ты воспользуешься сильфидой? — спросила Эльза.

— Я была сестрой тьмы и служила Владетелю. Я могу использовать магию Ущерба, но заплатила за это страшную цену. — Она подумала о вызванных ею разрушениях, о людях, которым причинила боль, о том, как пыталась уничтожить Ричарда. Хотя она отвергла эту тьму, у нее остались шрамы и губительная сила. — Я могу путешествовать.

Они добрались до самых нижних уровней Илдакара, и Никки направилась напрямик к приземистому каменному зданию с колодцем сильфиды. Дверь была открыта, и здание не охранялось, но люди избегали этого места. Тех, кто туда все же заглядывал, отталкивали жуткая темнота и холод. Никки пригнулась и вошла, зажигая на ладони свет, чтобы разогнать тени. Эльза и Натан последовали за ней. В воздухе пахло застоявшейся водой и плесенью с оттенком гнили. На каменном полу рос зеленый мох, но в помещении было пусто — ни мебели, ни украшений, ни символов.

Никки знала, как призвать сильфиду. Она и раньше пользовалась этим необычным способом передвижения, иногда без приключений, а иногда и с суровыми испытаниями. Она не видела другого способа так быстро и широко распространить предупреждение об опасности.

Гладкий пол шуршал под ее ногами, пока она шла к низкому круглому колодцу. Она вспоминала, куда могла путешествовать сильфида, и прикидывала, куда лучше отправиться, чтобы оповестить и сплотить другие города. Люди по всему Древнему миру должны подготовиться к обороне и войне. В качестве доказательства у нее был сверток со стеклом Эльзы, который она прикрепила к поясу рядом с кинжалом. Она не знала, будет ли этого достаточно.

Никки заглянула в бездонный колодец. Пустая чернота источала холод и безмолвие.

— Сильфида! Сильфида, я призываю тебя. Я желаю путешествовать. — Не ощутив ответа, она закричала громче: — Сильфида, я приказываю тебе проснуться! Я желаю путешествовать. — Она оглянулась через плечо на Натана и Эльзу. — Мне нужна ваша помощь.

— Ты уверена, что это создание еще живо? — спросила Эльза.

— О, я уверен, она жива. Возможно, она просто впала в спячку, — сказал Натан. — Эти существа созданы не природой. Мы должны позвать ее еще раз.

— Не так давно я путешествовала в сильфиде, — сказала Никки. — Так мы смогли вовремя вернуться в Народный Дворец, чтобы сразиться с ордами Сулакана. — Сосредоточившись, она потянулась своим даром, вложив в призыв разум и сердце: — Сильфида, ты знаешь меня. Я нуждаюсь в твоих услугах.

Никки вспомнила, что первая созданная сильфида при жизни была шлюхой. Готовясь к войне, волшебники древности превратили женщину в магическое существо, предназначением которого было переносить путешественников в различные места, получая от этого огромное удовольствие. Но была и другая сильфида, которая спасла Никки и ее

спутников, когда они оказались запертыми в горном городке Стройза. Ее звали Люси. Она была не такой страстной, услужливой и отзывчивой, но Ричард убедил ее унести их всех прочь.

Никки не знала, какая из сильфид обитает здесь.

Натан и Эльза стояли рядом с ней у холодных камней колодца.

— Потянитесь своим даром, — попросила Никки. — Призовите ее. Ильдакар далеко от других известных мне колодцев, и мы должны заставить сильфиду вспомнить о нем.

Она сфокусировала мысли, протягивая в колодец нити магии — как рыбак, закидывающий удочку. Никки направила мысли в бесконечность черного колодца, а Натан и Эльза сосредоточились, отдавая все что могли.

— Сильфида! — громко крикнула Никки, одновременно мысленно и вслух.

Наконец из глубины донеслось слабое бульканье, словно по очень длинной трубе текла вода. Журчание становилось все громче и ближе, словно из глубин мира к ним приближался водопад.

Натан и Эльза встревоженно отпрянули. Никки тоже отступила от низкой стены, но стояла прямо, когда вверх взметнулась бурлящая серебряная пена, напоминая гейзер. Она даже не вздрогнула, когда жидкая ртуть вскипела у самого края колодца и замерла идеальной гладью, как острая кромка льда. Из зеркальной поверхности вырастала фигура, превращаясь в красивую женщину.

Эта сильфида отличалась от первого угодливого создания и от менее покладистой Люси. У нее были длинные волосы, похожие на расплавленный металл, широкое лицо с высокими скулами, пустые зеркальные глаза и тонкие губы, на которых не было ни намека на улыбку. При жизни она была красавицей.

— Ты желаешь путешествовать, — сильфида скорее утверждала, а не спрашивала. Голос ее звучал холодно, раздражительно и вовсе не ласково. — Все было так давно. Я не знаю, сколько прошло времени.

— Да, я желаю путешествовать, — сказала Никки. — У меня неотложное дело. Я должна посетить некоторые города Древнего мира, чтобы распространить известия о войне.

Лицо сильфиды несколько оживилось.

— Я создана служить нашему делу. Мое предназначение — доставить наших лазутчиков и диверсантов для борьбы с волшебниками Нового мира. Я разочарована тем, что война еще не выиграна. — Она посмотрела на Натана и Эльзу. — Вы все хотите путешествовать? Вы все служите Сулакану?

— Добрые духи, — произнес Натан. — Я не думаю...

Никки быстро вскинула руку, призывая его к молчанию.

— Разве война когда-нибудь закончится? Мы должны продолжать борьбу. Если ты служишь делу, то поможешь мне путешествовать. — Она бросила быстрый взгляд на волшебника, который понял, как опасно раскрывать слишком многое.

— Я служу нашему делу. Однажды даже император Сулакан путешествовал во мне. Я все еще чувствую его привкус. — Она устремила жуткие серебряные глаза на Никки. — А какая ты на вкус? Ты должна быть во мне, а я в тебе, и тогда мы будем путешествовать.

Встревожившись, Натан понизил голос:

— Колдунья, может, передумаешь?

— Мне нужно доставить наше донесение, и поскорее. — Она повернулась к сильфиде. — Очень важно, чтобы я передала свои сведения. Нас ждут. Все может зависеть

от моего доклада.

— Я пожертвовала всем ради нашего дела, — сказала сильфида. — Мы будем путешествовать. Куда хочешь отправиться?

Никки растерялась, поскольку сильфида могли отправиться только туда, где бывали раньше, где существовал сообщающийся колодец. Она подозревала, что после стольких веков названия многих городов изменились, но знает ли их сильфида? Однако важнее всего Никки было предупредить Ричарда.

— Ты знаешь Народный Дворец рядом с равнинами Азрита? Или, быть может, Эйдиндрил?

— Народный Дворец мне не знаком, но Эйдиндрил? — спросила сильфида. — Замок Волшебника? Хочешь отправиться на вражескую территорию? Слишком опасно. Мне не позволялось путешествовать в Новый мир. Только туда, где есть дела у наших шпионов и агентов.

— Назови последнее место, в котором ты побывала, — попросил ее Натан. — Возможно, мы его знаем.

— Танимура была самой дальней точкой, хотя я доставляла много верных бойцов в Серримунди, на побережье Ларрикан, в Ороганг.

Никки быстро наметила планы.

— Танимура вполне годится. — Она знала этот город еще со времен жизни во Дворце Пророков, и найдет способ отправить оттуда восточку Ричарду.

— Я доставлю тебя туда, — сказала сильфида. — Наше дело не должно ждать. Ты сможешь нам одержать победу над волшебниками Нового мира.

Никки не ответила, решив не говорить этой сильфиде, что прошли тысячелетия, что война древних волшебников давно закончилась и Сулакан побежден, причем не один раз, а дважды.

— Будь осторожна, колдунья, — предупредил Натан.

Она повернулась к нему и Эльзе:

— Я ненадолго отлучусь, а вы ищите способ защитить город. — Она жестоко улыбнулась. — Я буду очень недовольна, если по возвращении найду Ильдакар разрушенным. — Натан хохотнул, и Никки повернулась лицом к сильфиде. — Я готова путешествовать.

— Тогда дыши. — Текучая сильфида поднялась, нависнув над Никки. — Вдохни меня и иди со мной.

Серебристая фигура обьяла Никки волной холодного жидкого металла. Вокруг забурлила пена, и Никки погрузилась в колодец. Сильфида обняла ее, сжав сильнее.

— Дыши! — послышался в голове Никки настойчивый приказ.

Она вдохнула серебристую субстанцию, чувствуя, как сильфида заполняет ее рот, горло, нос, легкие. Ее сердце продолжало биться, но она тонула. Сильфида уносила ее вниз, все дальше и дальше.

Когда серебристая сильфида поглотила Никки и утянула в колодец, Натан с беспокойством заглянул в темноту, ощущая металлический привкус в сыром воздухе. Он перевел взгляд на потрясенную Эльзу.

— Возможно, это и хорошо, что я не могу путешествовать таким образом, — сказала она.

Натан повернулся к дверному проему, через который в помещение проникал свет. Он не сомневался в Никки.

— Уверен, ей ничего не угрожает, моя дорогая. Но пока Никки спасает остальной мир, перед нами стоит задача попроще — защитить всего один город.

Уголки полных губ Эльзы опустились.

— Никогда не понимаю, шутишь ты или нет, Натан.

— Я настаиваю, что нужно рассматривать сложные задачи с определенной точки зрения. Это помогает не упускать из вида неординарные решения, что предпочтительнее, чем впадать в отчаяние, ты согласна?

Она одарила его намеком на улыбку, выходя вслед за ним наружу.

— Мой Дерек тоже был жизнерадостным. Это заразительно.

— Тогда позволь мне заразить тебя. — Он выставил локоть, и Эльза взяла его под руку. Натан подумал, что в молодости она была красивой, и тут же поправил себя: она по-прежнему красива, а еще очаровательна и умна. — А теперь давай найдем достаточно мощное оружие, способное уничтожить армию генерала Утроса.

— Звучит амбициозно. — Эльза прильнула к нему.

— Ты помогла мне восстановить дар, так как я могу не быть амбициозным? — Натан дернулся от вспышки боли, когда его сердце пропустило один удар. Он потер грудь, ощущая длинный тонкий шрам.

— Что-то не так? — Эльза посмотрела на него с беспокойством.

— Просто небольшое несварение. — Он задался вопросом, не осталась ли в сердечной мышце частичка главного укротителя Айвена. Прежде чем Эльза продолжила расспросы, он сказал: — Пойдем, у меня есть идея, и я хочу тебе кое-что показать.

Эльза наверняка встревожится, ведь его замысел был чрезвычайно опасен, но Натан считал, что это лучшая возможность нанести серьезный удар по генералу Утросу.

Они прошли мимо огромной боевой арены и больших домов знати, направляясь к особняку повелителя плоти Андре. На улицах лежали огромные блоки из песчаника — результат разрушения городских зданий. Рабочие расчистили часть завалов, но несколько улиц еще были заблокированы обломками. Каменщики грузили камни в тележки и отвозили к внешней стене, где дозорные использовали их как снаряды, сбрасывая на врага.

Эльза побледнела, когда поняла, куда он ведет ее.

— Ужасное напоминание о случившемся той ночью. Тогда ты спас меня.

Натан погладил ее по руке:

— Спасение тебя от гиганта Иксакс было подходящим стимулом, чтобы снова обрести дар. — Он повел ее вверх по улице. — Просто смотри на вещи шире.

— Ради тебя я готова. — Она еще крепче сжала его руку.

Он помог ей перебраться через груды щебня, рухнувшие колонны и обвалившиеся стены

студии повелителя плоти. Она с беспокойством озиралась по сторонам:

— Надеешься найти уцелевшие реактивы или записи Андре? Какой от них толк?

— Ни записи, ни реактивы мне не нужны. — Под ногами потрескивали обломки камней, пока они пробирались через разрушенный портик к заднему крылу. — Я верю, что эти двое все же могут спасти Ильдакар. — Он остановился перед воинами Иксакс.

Глаза Эльзы расширились, и она отдернула руку.

— Ты же видел, что один из них сделал с нашим городом! Это создание едва не убило нас обоих.

— Едва, Эльза. Именно что едва. — Он поднял глаза на возвышающихся тварей, которые когда-то были людьми. Судя по рассказам Андре, этих наивных мужчин не принуждали стать воинами Иксакс. Они вызвались добровольно, желая спасти Ильдакар.

Эльза заметно нервничала, глядя на огромных воинов.

— Но ярость, которая в них заключена... — прошептала она, указывая на разруху вокруг. — Зерцалоликий пробудил только одного, но это создание убило нашего самого могущественного повелителя плоти, разрушило этот особняк, устроило хаос на улицах Ильдакара и пыталось убить нас с тобой.

Натан повернулся и посмотрел на неподвижных воинов.

— Вспомни, что Андре сделал с этими несчастными. Он держал их здесь многие столетия, застывшими в невыносимой скуке. Он дразнил их, доводя до убийственной ярости. Но в них еще живет знание о том, для чего их создали. Я верю, Ильдакар по-прежнему в их сердцах. — Он понизил голос. — Нам просто нужно помочь им вспомнить.

Выражение смятения на лице Эльзы напомнило ему об аббатисе Энн, с которой он провел немало времени после побега из Дворца Пророков. Поначалу он обижался на Энн, потому что она столетиями держала его в заточении. Он считал ее заклятым врагом, но постепенно проникся к ней уважением и даже полюбил. Однако он с самого начала знал, что Эльза особенная. Она была самой отзывчивой из одаренных советников, больше остальных понимала бедственное положение Натана и помогла вернуть дар.

Эльза заставила его вспомнить, как он полюбил Энн, которую потом убили служившие Джеганю сестры Тьмы. До этого он был влюблен в юную Клариссу — этот роман тоже закончился трагически. Любовь оставила Натану много шрамов, и он должен был озлобиться на нее за своеправие и боль. Но в этом-то и была вся суть любви: она всегда дарила надежду и уверенность, что в следующий раз все будет хорошо.

— Я прихожу сюда уже несколько дней, просто разговариваю, читаю, составляю им компанию. Они довольно внимательная аудитория. — Натан сделал несколько шагов к гигантам и громко обратился к ним: — Я пришел рассказать еще кое-что из истории, а также о собственных свершениях. Уверен, вы не знаете об Имперском Ордене и императоре Джегане. С вашего разрешения я поведаю о том, что происходило в мире с тех пор, как Ильдакар исчез под саваном.

Звучным голосом он поведал о злом сноходце, который истязал людей и контролировал их через кошмары.

— Джегань был жестоким человеком, который поработил сестер Тьмы, в том числе и Никки. — Он улыбнулся. — Ах, позвольте мне рассказать о Никки. О ней можно говорить часами. — Натан погладил подбородок и посмотрел на Эльзу. — Пожалуй, так и сделаю. Вы все найдете это приятным развлечением. — Он присел на поваленную колонну. — Ну а после нужно будет рассказать о Ричарде Рале, Д'Харианской империи и о том, как он

победил не только Даркена Рала, но и Джеганя. Он даже запечатал завесу подземного мира и положил конец пророчеству. — Он усмехнулся. — Как бы мне хотелось, чтобы дорогой Ричард был сейчас здесь. Он обязательно спас бы Ильдакар. — Натан заглянул в горящие желтые глаза воинов в доспехах. — Вы оба были созданы именно для этого — для спасения Ильдакара. — Неужели их ненависть поутихла? Кажется, он завладел их вниманием. — Я знаю, как ужасно оказаться в ловушке без возможности выполнить свое предназначение. Но скоро настанет ваше время, обещаю.

Эльза чинно села рядом и выпалила, присоединяясь к разговору:

— Я Эльза, одна из советников. Я только... — она покачала головой. — Я сожалею о том, что Андре сделал с вами. — Она указала открытой ладонью на возвышающиеся фигуры. — Я чту вашу жертву. Я горжусь вами и приношу глубочайшие извинения от имени Ильдакара. Андре теперь мертв. Пожалуйста, не держите зла на всех нас.

Фигуры по-прежнему не могли ни двигаться, ни говорить.

— Мне еще многое нужно рассказать, — дружелюбно продолжил Натан, — и я могу приходить снова и снова, чтобы развлечь и просветить вас. Перед тем как я отправился в Древний мир, у нас была война против воскресшего императора Сулакана. Возможно, вы слышали о нем, ведь он использовал Ильдакар в качестве одного из плацдармов во время войн волшебников три тысячи лет назад. Он привел огромную армию полулюдей из Темных земель. Они хлынули из Третьего царства, собираясь уничтожить Д'Хару. — Натан задумался, и глаза его блеснули. — Хотел бы я, чтобы вы сразились в той битве. Вы бы уничтожали нежить тысячами. Вы только посмотрите на себя!

Натан был уверен, что яркий свет в их глазах смягчился. Возможно, вскоре он сочтет их готовыми к освобождению.

Сидя с Джедом и Броком в пыльной хижине, Бэннон прислушивался к далеким ударам по стенам Ильдакара. Он не знал, большой ли урон наносят древние солдаты, но монотонные удары должны были взбудоражить жителей города. Впрочем, у Бэннона были более важные причины для беспокойства.

— Как думаете, скоро нас убьют? — спросил Джек. — Я думал, нас уже начнут пытаться.

— Ты куда-то торопишься? Промежность Владетеля! — Брок прижался к шаткой деревянной стене.

— Сомневаюсь, что все быстро закончится, — простонал Джек. — Они хотят сделать из этого представление. Наверняка нас порежут на кусочки перед городскими воротами, чтобы все это увидели.

Брок переплел пальцы.

— Отец не имел права заставлять меня драться в качестве обычного пехотинца. Я дворянин!

— Ты пленник, — поправил его Бэннон. — И лучше трать время на раздумья о способе побега, а не на размышления о мучительной смерти.

— Побег? — вскрикнул Брок.

— Тише! — шикнул Бэннон. — Солдаты услышат.

Юноша и не собирался говорить тише.

— Да, здесь тысячи солдат! Какая разница, если они нас услышат? Как мы вообще собираемся через них прорваться?

— Придумай способ освободиться, не ввязываясь в драку. — Прижавшись лицом к стене, Бэннон заглянул в щель меж досок: день клонился к вечеру, солнце почти скрылось за горами, а по равнине протянулись длинные тени. — Не лучше ли погибнуть при попытке сбежать, чем прилюдная казнь? Помнишь, ты хотел, чтобы я умер на потеху публики? — В его голосе зазвучала горечь. — Я не дал вам такой радости. — Он отвернулся от стены и посмотрел на второго юношу. — Я никогда не был вашим рабом, но вы с Амосом сговорились отправить меня в тренировочные ямы. Сейчас я свободен. — Он ударил кулаком по деревянной стене, и доски задрезжали. — Даже здесь я свободен. Если хотите освободиться, лучше начать думать, как отсюда выбраться.

Он знал, что Джек и Брок будут бесполезны. Все зависело только от него самого. Он ожидал, что Утрос сделает их заложниками, притащив всех троих к воротам и угрожая казнить, если город не сдастся. Хотя Джек и Брок были сыновьями могущественных дворян, он знал, что они не так уж важны. Бэннон ни на минуту не поверит, что Никки или даже Натан пожертвуют Ильдакаром ради его спасения.

— Мы должны выбраться, — тихонько пробормотал он.

Джек и Брок не были его друзьями, и он видел их насквозь, но был выше этого. Эти двое оставались его соратниками, и все они оказались в одинаково затруднительном положении. Он должен хотя бы попытаться помочь им.

Прижавшись к щели между досок, он попытался рассмотреть что-то в тенях сумерек, поглотивших лагерь. Древние воины собрались вокруг костров. Как и солдаты любой армии, находившейся далеко от дома, они разговаривали и хвастались друг перед другом. Кто-то пел, кто-то играл в азартные игры. Солдат было невероятно много, и они не слишком

переживали из-за пленников. Только глупец попытается сбежать при таких обстоятельствах.

Но у Бэннона не было другого выбора кроме как совершить глупость. Что еще он мог? Он смотрел через щель в стене лачуги и усиленно размышлял. Его сердце подпрыгнуло, когда он увидел проблеск коричневого меха в стороне от костров. Затем он снова уловил движение. Да, это была Мрра!

Мимо прошли двое древних солдат, заслонив Бэннону обзор. Песчаная пума нырнула в темноту, а когда бледные воины ушли, Бэннон больше ее не увидел.

— Мрра, я здесь! — прошептал он через щель. — Это я.

Он не знал, как большая кошка ему поможет, но ее присутствие дарило надежду. Он простукивал доски, проверяя на прочность. Служившее тюрьмой строение было наскоро возведено при помощи примитивных инструментов. Почти не обработанные доски были воткнуты в землю, но все равно шатались. Бэннон раздвинул их и сумел просунуть в щель пальцы. В его костяшки тут же впились занозы.

Джед с Броком не удосужились помочь.

— Наверное, перед казнью они нас допросят, — сказал Джед. — Генерал Утрос захочет узнать больше об Ильдакаре.

— Я не собираюсь ему ничего говорить, — заявил Брок.

Бэннон продолжил расшатывать доски, расширяя щель.

— Все равно расскажешь, и ты это знаешь, — сказал Джед. — Когда сломают колени и вырвут ногти, ты заговоришь. Ты видел тех колдуний. Что если они зажгут твои пальцы вместо свечей, по одному? Они будут гореть, пока плоть не стечет воском, обнажив кости.

Брок начал поскуливать.

Стиснув зубы, Бэннон раскачивал доску. Он бы потребовал у них помочь, но места все равно хватало лишь для одной пары рук. Пришлось делать все самому. Когда дерево скрипнуло о соседнюю доску, Бэннон застыл. Щель стала шире, и он мог лучше разглядеть лагерь.

Никто из солдат не обращал на них внимания. До ближайшего костра было минимум шестьдесят футов, и Бэннон видел тени, в которых растворилась Мрра. Может, если они смогут незаметно выбраться из хижины, им удастся ускользнуть во тьму. Он отметил, что солдаты плохо видят в темноте, поэтому теперь такой план казался ему гораздо лучше, чем в начале. Как же Бэннону не хватало Крепыша!

Даже призрачный шанс был лучше, чем совсем никакого. Когда он пошевелил доску, она снова скрипнула, но на этот раз намного тише. Лагерь успокаивался на ночь, и над холмами всходила луна. Серебристый свет мог стать помехой. Скрипучая доска шевелилась уже куда свободнее. Сильным ударом он мог выбить ее и протиснуться в щель, когда выберет правильный момент.

— Подождем до полуночи, а потом сбежим, — кивнул он сам себе.

— Нас поймают, — сказал Джед. — И убьют.

— Можешь остаться и умереть. Я пытаюсь тебе помочь! Пресвятая Мать морей, вы хоть раз в жизни делали что-то сами?

Двое возмущенных юношей ничего не ответили.

Часы тянулись медлительно. Бэннон прислушивался к лагерю, жизнь в котором затихала. Солдаты не ложились спать, ведь в отличие от обычных людей не нуждались во сне и пище. Интересно, они когда-нибудь теряют бдительность? Он надеялся, что да.

Наконец, намного позже, стало тише. Он продолжал вглядываться во тьму, выискивая

Мрра, чтобы обрести уверенность. Но он в любом случае был готов действовать.

Он удивился, заметил проблеск серого и черного — крадущуюся тень. Это была женщина, кутавшаяся в пестрый шелковый плащ цвета теней. Когда она легкой поступью двинулась к лачуге, Бэннон раздвинул расшатанные доски. Женщина приблизилась, прячась в рисованные тени плаща. Оказавшись у стены, она сбросила маскировку.

— Лила! — шепотом выдохнул он.

В левой руке она держала короткий меч, а в правой — длинный клинок. Крепыш! Где она только его достала.

— Идем, мальчишка. Я выведу тебя отсюда.

Он пошевелил доску и вырвал ее, как гнилой зуб, а потом позвал через плечо:

— Давайте, пора идти.

— Ты с ума сошел, фермер, — сказал Джед.

— А я собираюсь сбежать, — вскочив, сказал Брок.

Лила приняла доску и отставила ее в сторону. Бэннон просунул плечо в отверстие и, царапая грудь, протиснулся через узкую щель. Когда он выбрался, Лила схватила его за руку и вручила меч.

— Нашла его в мусоре возле лагеря. Подумала, захочешь вернуть.

Он стиснул обмотанную кожей рукоять и задрожал от волнения.

— Спасибо.

Широкогрудый Брок выбирался через дыру, заставив доски застонать. Джед потянул за доску, и дерево с громким щелчком треснуло. Отверстие стало шире, но шум привлек внимание.

— Пора! — прошептала Лила, потянув Бэннона за руку. — Нужно уходить.

Джед выбрался вслед за Броком, и все они оказались снаружи хижины. Морасит уже бежала прочь, а Бэннон не отставал от нее.

— Быстрее! — подгонял он своих спутников.

Он едва видел Лилу в сливавшемся с тенями плаще. Два дворянина бежали позади, тяжело дыша.

Затем по древней армии прокатился крик:

— Пленники убегают!

Солдаты побежали к кострам, чтобы схватить оружие и головешки. Тяжелые шаги каменных солдат были громче, чем их крики. Трое вражеских воинов побежали к ним наперерез с разных направлений.

Лила прыгнула вперед и нанесла тяжелый удар ногой прямо в грудь солдата, повалив того на спину. Ночь взорвалась криками. Солдаты с факелами в руках спешили перехватить беглецов.

Джед и Брок запаниковали при виде приближающихся солдат.

— Они снова нас поймают, — сказал Брок. — Давайте поделимся! Нужно убираться отсюда.

— Лучше держаться вместе, — крикнул Бэннон. — Идем за Лилой.

Джед и Брок ринулись в разных направлениях, уклоняясь от солдат. Бэннон остался с Морасит, готовый нанести Крепышом столько урона, сколько получится. Клинок затупился и покрылся зазубринами после ночной битвы. Он не помнил, что делал в кровавом безумии, но знал, что убил десятки солдат Утреса. И сегодня он это повторит.

Твердокожие воины приближались с разных сторон, и сердце Бэннона екнуло. Лила

отбросила плащ, чтобы тот не мешал.

— Вместе со мной, Бэннон. Покажи, как хорошо я тебя обучила.

— Но Джед и Брок... — начал он.

— Они потеряны. Теперь это лишь твоя и моя битва.

Двое солдат преградили Лиле путь, а с других сторон подступили новые. Бэннону и Морасит придется пробивать себе путь, но он боялся, что теперь его схватят вместе с Лилой.

Размытая кошачья фигура врезалась в солдат сбоку, сбив с ног двоих. Мрра полоснула когтями по лицу древнего воина, оторвав тому челюсть, а потом прыгнула на второго солдата.

Лила воспользовалась заминкой и набросилась на следующего врага, вонзив клинок с такой силой, что убила его на месте. Бэннон тоже не терял времени и прорубил твердые доспехи и каменную кожу четвертого противника. Их внезапная яростная атака пробила брешь.

— Беги, мальчишка! — Лила прыгнула между поваленными солдатами, пока Мрра продолжала атаковать.

Морасит помчалась через тени к обугленным холмам, и Бэннон устремился за ней, выкладываясь на полную. Он мчался как никогда в жизни. Мрра сбита с ног преследующего их солдата и сжала в челюстях его горло. Бэннон и Лила бежали не оглядываясь, хотя юноша мог думать лишь о Джеде и Броке, которые остались в ловушке. Может, они тоже вырвались. Может...

— К стене. — Голос Лилы был грубым и хриплым. — Там небольшая дверь, через которую мы проникнем в город.

Бэннон не стал сбивать дыхание ради ответа и просто продолжил бежать. Они со всех ног удирали от полукаменной неповоротливой армии, увеличивая разрыв. Когда они оказались в относительной безопасности, Мрра устремилась в холмы, где могла укрыться. Лила сменила бешеный темп на рысцу и улыбнулась Бэннону.

— Рада, что ты выжил, мальчишка. Я была бы разочарована твоей смертью.

— Как и я.

На Бэннона накатила волна облегчения, пока они в лунном свете бежали к высоким стенам. Он даже не стал ругать ее за то, что она не назвала его по имени.

* * *

Когда шум стих, генерал Утрос узнал, что один пленник сбежал, а двое слабаков были пойманы. Он был разочарован побегом молодого мечника со столь впечатляющими боевыми навыками.

— Им помогли, генерал, — доложил Енох. — Кто-то проскользнул в лагерь и помог им освободиться.

— И там была песчаная пума, — сообщил другой солдат, доспехи которого были изодраны, а одна бледно-серая рука расплосована когтями. — Боевой зверь с арены Ильдакара.

На Утроста это не произвело впечатления.

— А у нас сотни тысяч солдат, которые почему-то не смогли остановить их.

Он приказал притащить пленников. Окровавленные юноши хныкали, пока их волокли к генералу. Их запястья были сломаны, и они стонали от боли. Шелковые одежды были изодраны и покрыты кровью, от обоих разило мочой, а на штанах были мокрые пятна. Они беспомощно смотрели на свои сломанные запястья и поднимали руки, не веря, что они им

больше не подчиняются.

— Сдаемся, — сказал Брок. — Мы больше не попытаемся сбежать.

— Проблема в том, что вы для меня бесполезны, — сказал Утрос. — И у нас нет еды для пленников.

Парни дрожали, пока Утрос расхаживал перед ними.

— Но вы можете послужить другой цели. Можете заплатить за вред, причиненный моей армии, пока та была беззащитна.

Пленники подняли на него затуманенные болью взгляды.

— Вы были так храбры, — продолжал Утрос, — пока мы не могли пошевелиться и защитить себя, не могли увидеть, кто на нас напал. Вы думали об ужасах, которые совершили? Понимаете, в каком состоянии оставили моих преданных солдат? Вы совершили... зло.

Утрос отдал команду, и вперед вывели шаркающие фигуры. Некоторых поддерживали солдаты, других несли на покрывалах. Двое пленников, захлебывающихся собственной болью, в ужасе смотрели на изувеченных людей. Лицо одного из солдат походило на кусок отбивного мяса, без носа и глаз — только разодранная кожа и проломленный рот. У других были полностью оторваны конечности, уши, пальцы, и остались только беловатые обрубки с мясом. У кого-то вообще не было лиц, и они издавали чавкающие звуки, вдыхая через дыры разнесенных вдребезги голов.

— Нет! — закричал Джед.

— Узрите, что наделали. Они искалечены, но они мои солдаты. Они все еще хотят сражаться с врагом. — Он перевел взгляд с одного хнычущего пленника на другого, который снова обмочился. — Сейчас вы оба беззащитны, как были они. Вы изуродовали их, когда они не могли дать отпор. Я дам им ту же возможность. — Утрос повернулся к изувеченным солдатам. — Они ваши.

Здоровые воины выстроились в большой круг плечом к плечу и смотрели, как двое юношей плачут и молят о пощаде.

Изуродованные солдаты приблизились и начали практиковаться в нанесении увечий.

Осада Ильдакара продлится еще какое-то время, но Утрос мог думать только о возлюбленной Мэджел, с которой его разделяли время и сама смерть. Он также нуждался в наставлениях императора, для которого поклялся захватить весь известный мир. Существуют ли еще его приказы? Две колдуньи дали ему новый шанс. Утрос цеплялся за детскую надежду на возможность снова поговорить с Керганом и Мэджел. Его преданность и страсть походили на две враждующие армии, но его рациональный разум разделял эти противоречивые желания, чтобы те не свели его с ума.

Когда они справились с последствиями атаки Ильдакара, он приказал Аве и Руве начинать. Сестры пришли в восторг от бочек, наполненных кровью невинных детей Страверы. Они ласкали доски, прижимали ладони к запечатанным крышкам, ощущая находившуюся внутри красную жидкость и ее силу.

— Этого достаточно, возлюбленный Утрос, — сказала Рува.

— Но нам нужны и другие материалы для линзы: пепел и песок, из которых мы изготовим стекло, — добавила Ава.

— Вы получите все.

Утрос подозвал первого командующего Еноха. У него не было недостатка в рабочей силе.

На начальном этапе осады его солдаты вырыли огромные траншеи, перекрыли и перенаправили широкие ручьи, которые текли по открытой равнине и питали акведуки Ильдакара. Впрочем, город мог брать воду из реки внизу. Теперь ему была нужна не вода, а песок с берегов. Его люди привозили песок фургон за фургоном, а колдуньи расчищали площадку возле штаба.

Они собрали взятое из Страверы железо, а также ржавые обломки доспехов и толстые старые кольчуги, найденные на древнем поле боя. Ава и Рува при помощи магии нагрели металл и придали ему форму чаши в семь футов шириной. Потом чашу обложили глиной, создав огромный тигель для изготовления стекла. Одни солдаты наполнили тигель чистым песком из русел ручьев, а другие привезли телегу горько пахнущего пепла от сожженной травы и углей из многочисленных костров.

Когда пепел смешался с песком, Ава и Рува взялись за руки и при помощи дара создали постоянный поток тепла. Материалы в тигле размягчались, плавились и растекались. Женщины по очереди перемешивали расплавленную смесь на протяжении многих часов.

Утрос нетерпеливо ждал, вдыхая едкий запах и разглядывая серебристо-белое озеро горячего стекла.

— Я чувствую в нем силу, — сказал он.

Ава слабо ему улыбнулась. Рисунок на ее щеках и плечах смазался из-за пота.

— Это просто стекло. Мы еще не сделали его особенным.

Стеклянная смесь нагревалась полдня, становясь более гладкой и чистой, пока не была готова. Рува взглянула на бочки с кровью невинных и широко улыбнулась.

Утрос смотрел, но воздержался от советов и вопросов. Его колдуньи знали, что делают. Солдаты отнесли запятнанные бочки к тиглю, воздух вокруг которого дрожал от волн тепла. Их полукаменная кожа выдерживала жгучий жар.

Сестры подошли к бочкам и погладили крышки.

— Используем все, чтобы наверняка хватило.

Когда они открыли бочки, Утрос ощутил в воздухе кислый и резкий медный запах. Ава и Рува с наслаждением смотрели, как рослые солдаты поднимают бочки к краю тигля с бурлящим расплавленным стеклом. Колдуньи пробормотали заклинание, призывая свой дар и изменяя структуру смеси. По сигналу солдаты наклонили бочки и вылили в озеро стекла темно-красную жидкость. Свист испаряющейся сожженной крови походил на вопли бесчисленных убитых детей. Красное пятно кружилось в расплавленной массе, а Ава и Рува при помощи дара перемещивали густое варево темной магии.

Закончив, женщины испустили долгий вздох облегчения.

— Смесь готова, — сказала Рува. — Стекло и кровь превратятся в линзу. Невинные духи оставили свой отпечаток, и когда линза будет готова, невидимый след их жизней позволит заглянуть за завесу.

В глубине разума Утрос слышал голос Мэджел, ее смех, шепот, нежные слова, которые она шептала ему после их соития.

— Скоро будет готово?

— Осталось несколько этапов, — сказала Ава. — Нужно вылить стекло и придать ему форму.

В грязи за пределами штаба они вырыли неглубокую яму шести футов в диаметре. Выпустив из ладоней струйки силы, сестры сплавляли грязь и глину в твердую монолитную форму, а потом открыли слив огромного тигля и направили туда вязкую окрашенную кровью жидкость. Теперь перед ними была лужа застывающего стекла. Утрос стоял рядом с колдуньями, восторгаясь расплавленным стеклом. Субстанция мерцала, словно сопротивлялась теплу и новой форме.

— Даже с учетом магии потребуется день, чтобы стекло остыло, возлюбленный Утрос. Потом мы сможем довести поверхность до совершенства, поднять линзу и активировать последнее заклинание.

Утрос вздохнул, умерив свое нетерпение.

— Я ждал пятнадцать столетий, но еще день кажется вечностью.

Колдуньи ласкали руки генерала, прижимаясь к нему холодной твердой плотью.

— Мы скрасим ожидание, — сказала Рува.

— Скоро, — прошептала Ава. — Скоро мы заглянем за завесу.

* * *

Во время следующего заката облака над горами окрасились в малиновый цвет, словно кровь детей добавили и в небо. Утрос был беспокоен, и сердце его рвалось на части. Он готов встретиться с духом императора и снова увидеть возлюбленную Мэджел.

Обычную линзу такого размера потребовалось бы постепенно охлаждать неделями, утеплив ее и контролируя, чтобы в стекле не осталось изъянов. Но Ава и Рува использовали дар, чтобы упорядочить внутреннюю кристаллическую структуру, пока стекло твердело и стабилизировалось. Объявив линзу готовой к следующему этапу, они опустились на колени возле застывшего стеклянного пруда и ладонями придали форму внешней поверхности. Они сформировали точно выверенный изгиб, который держали в уме с самого начала.

Тридцать самых сильных солдат подсунули под линзу обернутые тканью прутья, прикрепили веревки и вытащили затвердевшее стекло из кратера. Они поставили линзу вертикально, а колдуньи изготовили раму для этого зеркала шести футов в высоту. Женщины подошли к стеклянной заготовке с разных сторон и принялись работать руками, сглаживая,

придавая форму, разравнивая линзу и делая ее прозрачной.

Утрос зачарованно следил за каждым штрихом, но все его мысли были заняты тем, что он скажет. Повинуясь давно отданному приказу Железного Клыка, он продолжал осаждать Ильдакар и не сомневался, что город в конечном итоге падет. Но миссия, порученная императором, касалась не только Ильдакара. Он пообещал завоевать весь мир, и ему не нужно столько тысяч воинов, чтобы удерживать осаду. Он уже отослал часть армии в других направлениях.

Император Керган хотел править Древним миром из своего главного дворца в Ороганге. Утрос захватил этот раздробленный континент. Когда посол Натан Рал рассказал, что империя распалась вскоре после смерти Кергана, Утрос после первого потрясения понял, что к тому были предпосылки. Завоеванные территории требовали жесткого военного контроля, но Утрос не мечтал управлять целым континентом. Ему было приказано завоевывать, а не править.

Пока пробудившаяся армия продолжала осаду, он строил планы по захвату земель, которые уже однажды пали под его военным кулаком. Одни его отряды пойдут к побережью, другие направятся на юг, третьи устремятся к холмам и горам на севере или вдоль реки Киллрейвен. Они продвигнутся так далеко, как только смогут, захватывая земли от имени почти забытого императора Кергана.

Связавшись с духом императора, он доложит о большом продвижении, пускай и спустя пятнадцать столетий. Если Керган сможет отдавать приказы через линзу и продолжит править из преисподней, то его империя будет существовать вечно, а Утрос испытает великое удовлетворение, выполняя свой долг тщательнее любого в истории.

Но он ощущал холод в сердце. Дух Мэджел тоже находился по ту сторону завесы. Натан и Никки сказали, что Железный Клык узнал об измене. Сохранилась ли жажда мести после пятнадцати столетий в подземном мире? Прошло ли какое-то время для духа императора?

Утрос стоял перед кровавой линзой. Он был храбрым и решительным человеком, и история доказывала это множество раз, но эта встреча могла стать самым нервным событием в его жизни.

— Активируйте! — приказал он. — Я должен их увидеть.

— Мы должны остаться, чтобы при помощи дара создать связь через завесу, — сказала Рува, взглянув на взволнованных зрителей. — Но остальные...

Ава посмотрела на ближних солдат, которые были встревожены и напуганы кровавой линзой.

— Да, Утрос. Возможно, приватная обстановка будет лучше всего.

Он повернулся к первому командующему Еноху.

— Отошли все войска прочь, расчисти пространство. Я хочу поговорить со своим императором наедине.

— Понял, генерал.

Енох стал отрывисто выкрикивать приказы, отгоняя солдат, а потом и сам отошел, когда Утрос шагнул к высокому стеклянному диску. Он не мог показать ни страха, ни колебаний — ни императору, ни солдатам. По крайней мере, никто не услышит его слов.

Когда закат сменился густыми сумерками, колдуньи встали по обе стороны линзы. Полупрозрачное стекло поблескивало, как лунный камень, показывая лишь тени в глубине. Оставшись наедине с линзой, Ава и Рува что-то шептали друг другу, протягивая руки к круглой раме. Они рисовали символы, погружая кончики пальцев в размягченный кристалл,

и эти заклинания светились оранжевым. Узоры продолжали мерцать, пока близнецы делали последовательные отметки, нанося на раму якорные точки.

Ава вытянулась вверх и двигалась по часовой стрелке, а Рува наклонилась и двинулась в другом направлении. Они изобразили десять рун, закончив одновременно. Руны продолжили гореть, когда колдуньи отступили от линзы.

Стекло трепетало от тепла и энергии, пропуская свет, а потом стало абсолютно прозрачным. Но оно показало не то, что было позади линзы, а завесу с завитками зеленоватого тумана.

Утрос подошел еще ближе, пока его лицо не оказалось в нескольких дюймах от изогнутой поверхности. Он вглядывался в пропитанное кровью стекло и видел там силуэты, духов, тени, отголоски бесчисленных людей, миллионы убитых, миллионы умерших от старости, невероятное количество мужчин и женщин, которые жили с начала времен. В распоряжении Владетеля были столь многие...

Утрос жаждал отыскать тех, кто был ему нужен. На его глазах выступила влага, но он не хотел признавать, что это слезы.

— Мэджел, — позвал он, радуясь, что остальные его не слышат. — Где же ты? Я не покинул тебя. Я все еще хочу тебя. Мы должны поговорить. — Сначала он найдет Мэджел, а потом сможет сделать официальный доклад Железному Клыку. Его сердце требовало, чтобы его удовлетворили раньше разума. — Мэджел, где ты?

Духи словно слышали его через линзу. Бесчисленные фигуры были далеко, но вняли зову и отыскивали того, кто был нужен. Ава и Рува стояли позади, едва дыша, но Утрос мог смотреть лишь в изогнутое стекло перед собой. Когда фигура двинулась к нему, он узнал ее походку. Узнал мгновенно, ведь сердце его принадлежало ей.

— Мэджел...

Он помнил ее красоту, ее сияющие глаза, мягкость ее кожи.

Когда она приблизилась к линзе, зеленоватый туман прояснился.

— Утрос, это ты?

Он узнал голос. Но когда изображение стало четким, Утрос мог лишь смотреть, чувствуя, как разбивается его сердце.

Лицо Мэджел было лишено кожи. Двигая сырыми красными мышцами челюсти и обнаженными изломанными зубами, она сказала:

— Я здесь, любовь моя.

Путешествие в серебристой сильфиде казалось бесконечным, но на деле было быстрым. Никки вынырнула из колодца, который почти ничем не отличался от ильдакарского. Она ничего не видела через застилавшую глаза ртуть, которая так же была у нее во рту и в легких.

— Дыши! — скомандовала сильфида. — Дыши!

Никки давилась и кашляла. Она была поглощена этой потусторонней сущностью и плыла вместе с ней, но, когда они прибыли в место назначения, сильфида исторгла ее из себя. Никки перевалилась через низкую стенку колодца.

Она упала на колени и наполнила легкие воздухом, пытаясь сопоставить детали и вспоминая, где она должна была оказаться. Танимура! Под ее коленями и ладонями хрустели сухие ветви, трава и прутики, пока она ползла вперед.

Поднявшись на ноги, Никки увидела через переплетение ветвей деревьев пасмурное ночное небо. Она слышала шепот ночных насекомых и крики хищных птиц, но не видела признаков города.

— Где мы? — Она снова закашлялась и обернулась к фигуре из затвердевшего серебра, поднимавшейся из зеркального пруда.

— Танимура. Как ты и приказывала.

Никки осмотрелась.

— Это лес.

— Лес за пределами Танимуры. У нас есть тайные военные планы, и мы не могли поместить колодец посреди города, где его могут обнаружить. — Сильфида посмотрела на Никки так, словно та была умственно отсталой. — Отсюда ты можешь сама дойти до места встречи.

Никки постепенно узнавала Хагенский лес — дебри за пределами Танимуры.

— Ладно хоть колодец не оказался внутри Дворца Пророков, — сказала она. — Дворец был разрушен.

— Разрушен? — удивленно переспросила сильфида. — Во время битвы? Это великое свершение послужило нашей цели?

— Да, дворец был разрушен в ходе битвы, — осторожно ответила Никки, не желая говорить сильфиде ничего сверх необходимого. — У меня есть задание. Я призову тебя, когда буду готова вернуться.

Черты сильфиды отражали лишь решительность.

— Я буду здесь. Мы должны одержать победу над злобными волшебниками Нового мира.

Странное создание опустилось в жидкий металл, напоминая свечу, растаявшую в луже воска. Никки услышала резкий звук, когда серебристая масса умчалась в глубины колодца.

Хагенский лес... Теперь она поняла. Веками этот темный лес считался зловещим местом, опасным и беспокойным. Одаренным юношам, которых обучали сестры, строго запрещалось сюда ходить, но Никки и сестры Тьмы провели здесь немало ритуалов. С дрожью Никки вспомнила, как ее саму привели в лес в качестве новообращенной; мрачные сестры окружили ее и посвятили в служение Владетелю. Процесс был ужасным и болезненным, но другие сестры наблюдали за ним со жгучим наслаждением. Они связали Никки и призвали демонического прислужника Владетеля. Она была вынуждена

подчиниться жестоким ласкам бородавчатого существа, которое брало ее раз за разом, пока она извивалась от боли, неспособная сопротивляться. Никки плакала, стиснув зубы, но старалась не кричать. Это не было изнасилованием, потому что она сама просила этого. Она отдала свое тело и душу, и это изменило ее навсегда.

Она поежилась. Неудивительно, что колодец сильфиды все это время был спрятан в Хагенском лесу. Мало кто заходил сюда, и еще меньше было тех, кто возвращался. Никки задумалась, как давно существуют слухи об опасности темного леса. Может, это часть коварного плана Сулакана: распространить слухи, чтобы лес опустел, и сильфида могла в любое время доставлять сюда шпионов.

Никки огляделась, запоминая местность, чтобы потом отыскать колодец, а затем зашагала через сумрачный лес и вскоре вышла на открытое место, с которого увидела дельту реки Керн и огни Танимуры. Она знала, куда идти.

Никки в черном платье шла через подлесок, а у нее на поясе висел завернутый в ткань кусок стекла. К рассвету она спустилась к окраинам города. По этим улицам она ходила долгие годы, занимаясь делами Дворца Пророков.

Она десятилетиями служила сестрам в порту, где парусные суда швартовались и выгружали свой экзотический груз: организовывала поставки, договаривалась с мастерами, покупала ткани, заказывала у швей наряды. Никки вспомнила, что сестра Хильда, любившая консервированное мясо кракена, часто отправляла ее с поручением купить ящик свежего улова с провонявших и пропитанных жиром кораблей. Кроме сестры Хильды никто терпеть не мог резиновое мясо, которое оскверняло своим запахом дворцовые кухни всякий раз, когда повара пытались его приготовить. Хильда предлагала всем попробовать этот деликатес, но ни одна из сестер не соглашалась.

А еще Никки выполняла темные поручения для Владетеля, помогая сестрам Тьмы вербовать людей, убивая указанных Владетелем жертв, хотя ей никогда не позволяли узнать, почему эти люди должны умереть. Никки не задавала вопросов, подозревая, что это может оказаться проверкой на безоговорочную преданность.

Она ступила на улицы Танимуры с восходом солнца. Ремесленники с сонными глазами уже разжигали огонь в кузнечных горнах и наполняли ведра холодной водой из городских колодцев. Кожевенники начинали скрести натянутые на раму шкуры, гончары доливали воду в размякшую глину или покрывали глазурью необожженные горшки, которые вылепили накануне и оставили на ночь сохнуть.

В переулках собаки с лаем гонялись за цыплятами. Дети сопровождали матерей, которые несли в руках тесто. Каждый день женщины выпекали хлеб в общественных печах и приносили его домой в корзинах. Никки шла, не привлекая к себе внимания. Она запомнила Танимуру процветающим городом с рынками, переполненными жилищами, гостиницами и борделями, стеклодувами и кожевенниками. Впрочем, она не интересовалась их услугами. Ей нужно было отыскать д'харианский гарнизон.

Ричард начал усиливать влияние в новых пределах своей империи. Первые солдаты прибыли в Танимуру, когда она с Натаном пришла сюда в ходе своих странствий. Теперь она надеялась на значительные военные силы, которым она доложит об огромном войске Утроса.

— Как найти гарнизон? — спросила она, остановившись у пестрого прилавка шляпника. — Уверена, командующий там.

— Ну конечно! — сказал шляпник. — Подумать только, они отличные клиенты. В

свободное от службы время солдаты не прочь надеть отличную шляпу и отправиться флиртовать с леди. Мой партнер в соседней лавке изготавливает войлочные куртки и подбитые мехом плащи. Мы с ним единственные, благодаря кому д'харианская армия выглядит сногшибательно.

— Меня не волнует, насколько они сногшибательны, — сказала Никки. — Я должна их предупредить. Где найти гарнизон?

Мужчина поправил разложенные на прилавке шляпы, пробежавшись пальцами по окрашенным перьям.

— Генерал Линден отвечает за гарнизон, поскольку генерал Зиммер с аббатисой Верной и большим отрядом отправились на юг.

— Верна? — спросила Никки, вспомнив Верну из Дворца Пророков. Именно она сумела привести Ричарда во дворец, чтобы он мог начать обучение. — Дворец Пророков разрушен, а само пророчество уничтожено. Я удивлена, что есть сестры, которым нужна аббатиса.

— Ох, леди, но ведь они по-прежнему сестры. Я не знаю, каким бы был мир без сестер Света! Кто еще будет сдерживать Владетеля, я вас спрашиваю? — Он нервно хохотнул.

— Действительно, кто? — спросила Никки, а затем добавила металла в голос: — Скажи, как найти гарнизон.

Было уже позднее утро, когда Никки прошла по краю оживленной гавани, направляясь через рыночные площади к кварталу, где разместились д'харианские солдаты. Она долго жила в этом городе, и некоторые горожане узнавали Никки. Ее платье запомнилось, потому что она всегда носила черное, хотя остальные сестры в основном предпочитали яркие цвета.

Д'харианская армия заняла несколько многоэтажных гостиниц и складов. Из зданий вынесли все лишнее и реконструировали их. С многочисленных лесопилок привезли материалы, чтобы возвести казармы. Солдаты в доспехах Д'Хары маршировали, патрулируя территорию. Танимура станет хорошим плацдармом для расширяющейся империи Ричарда. Хотя город казался южной окраиной цивилизованных земель, теперь Никки знала, что Древний мир намного обширнее, и там есть огромная армия генерала Утреса.

Когда двое солдат, шагавших бок о бок, приблизились к ней, вежливо кивая проходим, Никки порадовалась тому, что танимурцы не пугаются солдат. Когда армия Джеганя оккупировала город, горожане боялись военных.

Никки остановилась перед солдатами, преградив им путь:

— Господа, проводите меня к вашему командиру.

Двое молодых солдат заморгали от удивления.

— Вряд ли это возможно. Я...

— Я колдунья Никки. Я сражалась вместе с магистром Ралом.

— Никки? — вскричал второй солдат, пробежавшись взглядом по ее фигуре. — Я узнаю черное платье, но волосы... Что стряслось?

— Вы солдаты или цирюльники? Я должна поговорить с генералом Линденом. У меня есть новости, о которых лорд Рал должен узнать как можно скорее.

— Да, колдунья, конечно!

Двое мужчин развернулись и зашагали так быстро, что Никки порадовалась их поспешности.

Они провели ее через ворота гарнизона. Солдаты во дворе, упражнявшиеся с мечами, замерли и уставились на нее.

— Это Госпожа Смерть, — раздался чей-то шепот.

Никки не обратила внимания.

Главный штаб представлял собой двухэтажное деревянное здание с открытыми двойными дверями. Втроем они спешно поднялись на второй этаж по лестнице из свежих сосновых досок. Генерал Линден сидел в своем кабинете за столом, заполняя отчеты, складывая их и запечатывая красным воском, к которому прижимал печатку со стилизованной буквой «Р» — символом магистра Рала.

— Простите, дайте пару секунд, — сказал он, не глядя. Он сложил еще один документ, подписал гусиным пером, запечатал воском и отложил в сторону, чтобы тот подсох, и только потом поднял взгляд.

Двое солдат выступили вперед для доклада, но внимание Линдена было сосредоточено на Никки. Он явно был поражен целеустремленностью колдуньи. Худому офицеру было не больше тридцати пяти лет. На его левой щеке было винное пятно, а искривленный нос был сломан минимум один раз, но генерал производил впечатление спокойного человека, а не раздраженного ветерана.

— Генерал Линден, эта женщина... — Голос солдата дрогнул.

Никки прошла между ними и приблизилась к столу. Она сняла с пояса прямоугольное стекло, но оставила его завернутым в ткань.

— Я Никки, компаньон лорда Ричарда Рала. По его приказу мы с волшебником Натаном исследуем Древний мир в качестве послов Д'Хары.

Линден откинулся на спинку стула и улыбнулся.

— Ну разумеется. Для меня честь встретиться с вами, хотя я немало удивлен. Мы получили сообщения из бухты Ренда и Твердыни. Ознакомившись с ними, генерал Зиммер и аббатиса Верна взяли сотню солдат, сестер Света и отправились на защиту великого архива.

Никки была приятно удивлена.

— Рада слышать. Знания Твердыни могут быть очень опасны, если попадут в руки врага. Теперь же еще важнее защитить архив. — Она склонилась над столом и нетерпеливо отодвинула недавно запечатанный генералом документ. — Генерал Линден, мы должны отправить сообщение на север — в Народный Дворец, — а также подготовить все города Древнего мира. Огромная армия из древних времен пробудилась и двинулась с места.

— Древние солдаты? — спросил Линден. — Звучит как байка из таверны.

— Это правда, и они осадили город Ильдакар. Пока что волшебникам удастся их сдерживать, но недавно генерал Утрос разделил свои войска и отправил многотысячные армии исследовать земли. Рано или поздно эта огромная сила двинется на север.

Линден посмотрел на документы на своем столе, как будто в одном из них могли содержаться инструкции для такого случая. Двое солдат позади Никки удивленно перешептывались.

— Я не преувеличиваю опасность. Лорд Рал должен узнать об этом, а вам следует подготовиться. Мы обязаны укрепить не только Танимуру, но и все города вверх и вниз по побережью. Нам нужна д'харианская армия. — Она сняла ткань со стеклянного прямоугольника Эльзы. — Вот необходимые доказательства. — Никки повернула к Линдену магическое окно с изображением армии Утроса, вставшей лагерем на равнине. — Они уже тронулись в путь, генерал, но у вас есть преимущество во времени и расстоянии — если начнете приготовления прямо сейчас.

Линден уставился на картинку в стекле.

— Добрые духи...

Когда экспедиция отбыла из Твердыни, Верна почувствовала прилив оптимизма. Их отряд состоял из генерала Зиммера, части его солдат и ильдакарского эскорта волшебника Ренна. Капитан Тревор и его люди были рады отправиться домой, хотя мысль о еще одном нелегком путешествии удовольствия не доставляла.

— Путь не так труден, если знаешь дорогу, — успокаивала Верна Ренна, который разрывался между желанием вернуться домой и желанием остаться в комфортном архиве.

Он боялся, что они заблудятся, что не хватит припасов, что нападут дикие звери — и прочих многочисленных опасностей нехоженых земель. Впрочем, на этот раз они ехали на лошадях экспедиционного корпуса Д'Хары, а солдаты Зиммера умели ставить лагерь.

Ехавший верхом волшебник оглянулся на Верну:

— Лучше верхом, чем натереть ноги от ходьбы, хотя я могу и передумать через несколько дней в седле. — Он поерзал на спине пепельно-серой кобылы, держась за поводья и потирая начинавшие болеть ягодицы. — В Ильдакаре довольно мало лошадей. Город был запечатан очень много лет, так куда нам было ездить? А чем их кормить?

— Ваша знать не ездит по городу в каретах?

— Ох, иногда ездит. Но они живут на верхних уровнях города и крайне редко бывают в нижних кварталах. Все поручения выполняют домашние слуги. — Ренн покачивался в такт быстрому шагу лошади.

Верна посмотрела на горную цепь впереди, возвышавшуюся над зеленой чашей равнины, которую Поглотитель Жизни когда-то превратил в Язву. Дальняя дорога вызывала опасения у волшебника, который не забыл трудностей первого путешествия. Люди Твердыни говорили о легендарной красоте Кол Адаира, хотя у Ренна остались совершенно иные впечатления о продуваемом ветрами перевале. Он жаловался на разреженный воздух, спотыкался на россыпи камней, пробивался через ивовые заросли, но не видел никакой красоты.

— Ренн, в этот раз будет хорошая дорога, — старалась обнадежить его Верна, пока они ехали к скалистым горам. — Я уверена.

— Я верю вам, аббатиса. Когда мы прибудем в Ильдакар, я окажу вам ответную любезность и покажу наше гостеприимство. — Он понизил голос. — Как только мы предоставим властительнице Торе тщательно обдуманый отчет.

— Уверена, Никки и Натан нам помогут, — сказала Верна.

Ее сопровождали шесть сестер Света и Эмбер, а еще четыре сестры остались в Твердыне, чтобы продолжить исследовать архив вместе с другими учеными. Еще дюжина ученых и их учеников поехала вместе с ними. Эти целеустремленные мужчины и женщины изучали сохранившиеся записи и немало знали о магии. Они мудро опасались использовать свои способности, потому что видели, к каким последствиям приводит неопытных новичков неконтролируемая магия, но Верна полагала, что эти старательные ученики узнают из практики больше, чем из чтения. Путешествие даст им возможность развить способности.

Оливер и Перетта ехали на одной лошади. Вглядываясь вперед, они указывали на примечательные ориентиры друг другу и Эмбер, глаза которой блестели от восторга с самого отбытия из Танимуры. Эти трое молодых людей быстро подружились, и Эмбер рассказывала друзьям о своем брате, который остался защищать бухту Ренда.

Верна прислушивалась к их беседе, но ее голова была занята своими мыслями. Немалую часть жизни она провела в странствиях с сестрами Грейс и Элизабет, разыскивая Ричарда Рала. Тогда Верна не знала, что ее спутницы были сестрами Тьмы и тайно служили Владетелю. От ее внимания ускользнуло столь многое, что она чувствовала смущение и стыд. Она лишь надеялась, что такого не случится впредь.

По воле добрых духов она оказалась в других землях и в другой ситуации. Сестер Тьмы больше не было, завеса подземного мира навечно запечатана, а Владетель оказался взаперти. Магия изменилась. Пророчество исчезло. Дворец Пророков был стерт с лица земли, но Верна оставалась аббатисой, даже если их орден мало что значил.

Несколько дней они шли через холмы, следуя за Тревором, который пытался припомнить путь. Генерал Зиммер довольно прямо высказывал свои сомнения по поводу попыток повторить маршрут растерянной и несчастной группы путников. Они видели высокий перевал впереди, и Перетта припомнила описание Кол Адаира из древних записей. Отряд разбил лагерь на ночь: они разожгли костры, поставили палатки и расстелили теплые одеяла.

Ренн сидел у главного костра вместе с Зиммером, Верной, сестрами Родой и Элдин, накладывая себе вторую порцию вареных бобов.

— Ах, я помню, как мы с Лани просили слуг приготовить пиршество только для нас двоих, а потом наслаждались спокойной беседой до поздней ночи. Она была удивительной женщиной. — Он улыбнулся. — Я не рассказывал, что Лани могла созывать певчих птиц? Они порхали вокруг нас и щебетали. Мы сидели на открытом воздухе, а жаворонки пели лучше любого менестреля.

— Полагаю, это было прекрасно, — сказала Верна. — Она была колдуньей? Что с ней случилось?

— Тора обратила ее в камень. — Лицо Ренна помрачнело. — Если на человека наложено заклинание окаменения, то его уже никак не вернуть. Даже главнокомандующий волшебник сказал, что не может обратить магию вспять. — Он отвел взгляд.

Отряд поднялся выше в горы, дни и ночи стали заметно холоднее. Генерал Зиммер смотрел на неровную гряду гор впереди, к которым вела довольно широкая тропа для лошадей, петлявшая по склону.

— Лучше постараться преодолеть перевал до захода солнца. Если успеем спуститься к деревьям, то ночью будет гораздо теплее.

— И у нас будет полно дров, — добавил Тревор.

Солдаты съезжились в седлах, кутаясь в плащи от холодного ветра. Оливер и Перетта придвинулись друг к другу, завернувшись в одно одеяло на двоих и сберегая тепло.

Лошади брели вперед, взбираясь на вершину перевала. В одно мгновение перед ними возник мир черных гор, испещренных ледниками. Отряд остановился, чтобы полюбоваться на горные пики, на замерзшие волны льда, катившиеся со скал, на потоки талой воды в широких ущельях, на озера, походившие на драгоценные камни, и на пышные височие долины. Солнце уже клонилось к горизонту, и тени прочертили долину за Кол Адаиром.

— Видите, о чем я вам говорил? — указал Ренн на пейзаж. — Представьте, как вы карабкаетесь по этим горам, спускаетесь в долину, а потом снова лезете вверх на этот перевал. Сущий кошмар!

Перетта впитывала открывшуюся картину, сохраняя каждую деталь в своем разуме помнящей. Оливер дивился тому, что видел, хотя слабое зрение не позволяло ему разглядеть

детали.

Зиммер заметил тропу, которая зигзагами спускалась по склону по другую сторону перевала, но до деревьев было довольно далеко.

— Отправлю разведчиков проложить оптимальный маршрут — не хочу, чтобы лошади переломали ноги на коварной горной тропе. В темноте идти не стоит.

Эмбер посмотрела на дальнюю сторону долины, где черные скалистые склоны были прочерчены ледниками.

— Что это там? Вроде люди, причем много.

Оливер приставил ладонь козырьком к глазам и прищурился, но его лицо ничего не выражало. Он покачал головой:

— Я не знаю.

Верна и Зиммер пытались различить то, что заметили острые глаза юной послушницы.

— Теперь вижу, — сказала Верна. — Похоже на внушительное войско возле подножья следующего хребта. У них большой лагерь, но где палатки? Где костры?

Перетта рядом с ней прищурилась:

— Там тысячи людей, может, даже десять тысяч. Напоминает огромный движущийся город.

— Вот только это не город, а армия, — сказал Зиммер.

Ренн в бордовом балахоне волшебника спешил и упер кулаки в бедра. Ветер взъерошил его волосы.

— Но откуда она пришла? Даже у Ильдакара нет армии такого размера.

— Они прямо у нас на пути. Как пройдем мимо них? — Капитан Тревор побледнел и выглядел встревоженным.

— Может, они настроены дружелюбно, — предположила Эмбер.

— Многотысячная армия вряд ли будет вести себя дружелюбно, — возразил Зиммер.

— Единственная огромная армия в окрестностях Ильдакара обращена в камень, — сообщил Ренн. — И они не могли... — Он осекся.

Тревор тоже нахмурился.

— Откуда еще они могли взяться?

— Это мы и должны выяснить. — Зиммер ртом втянул холодный воздух. — Лучше не показываться им. Наш отряд невелик, но на перевале мы как на ладони. Нужно дойти до деревьев. К сожалению, сегодня мы не зажжем костер — его могут заметить.

Верна продолжала обеспокоенно вглядываться вдаль.

— Кто бы это ни был, они движутся в сторону Твердыни.

Потрясенный отряд поспешил спуститься с открытого перевала, тщательно выбирая дорогу по каменистому склону. Ехавшие впереди всадники прокладывали путь к укрытию деревьев внизу. Они добрались до леса в сгущающихся сумерках, и солдаты рассредоточились, чтобы разбить примитивный лагерь. Ренн печально смотрел на многочисленные поваленные деревья, но никто не складывал их в теплый и заманчивый костер. Впрочем, Верна поручила нескольким ученым Твердыни вскипятить воду при помощи магии. По крайней мере, у них будет горячая похлебка и чай. Сестры прибегли к заклинанию, чтобы нагреть камни, и в лагере стало уютнее.

— Мы должны узнать, что это за армия, — обратился генерал Зиммер к нескольким лучшим разведчикам. — Их лагерь большой, но не постоянный, а значит, они не пробудут здесь долго. Я хочу получить ответы, пока они не двинулись дальше. Войску такого размера

понадобится время, чтобы сняться с места и тронуться в путь.

Тревор выглядел дерганым.

— Пусть один из моих отправится с разведчиками. Под покровом ночи они смогут подобраться близко и хорошо рассмотреть армию. Мой человек опознает солдат, если те пришли из Ильдакара.

Зиммер согласился и отправил троих в густые сумерки, чтобы те изучили попавшееся на их пути войско.

Верна села на поваленное дерево рядом с генералом.

— Они вернутся только через несколько часов. Мы пока можем немного отдохнуть. Ночь будет долгая.

Незадолго до рассвета трое разведчиков вернулись; лица их были исцарапаны ветками. Они пробрались к чужому лагерю по изогнутому краю висячей долины и смогли хорошо рассмотреть армию.

— Мы увидели тысячи вооруженных воинов, генерал, — отчитался первый солдат. — Я не знаю, как описать это. Мы не заметили костров, одеял, палаток и еды. Они просто идут вперед, но остановились на ночь. Местность слишком неровная, чтобы маршировать в темноте.

— Их доспехи выглядят древними, — добавил второй. — Некоторые несут знамена с изображением пламени.

— Это символ императора Кергана, — сказал ильдакарский стражник, который ходил с разведчиками. Его голос звучал уверенно. — Я видел его у окаменевшей армии за пределами города.

— Мы видели двоих часовых, которые прошли мимо нас, патрулируя лагерь, — снова заговорил первый разведчик. — Они шли медленно и вели себя не слишком настороженно. — Он глянул на Верну, а потом перевел взгляд на своего командира. — Их кожа была серой как камень, сэр.

Ренн и капитан Тревор потеряли присутствие духа.

— Этого я и боялся, — простонал волшебник. — Борода Владетеля, это древняя армия генерала Утроса. Они каким-то образом пробудились и двинулись с места.

Верна с содроганием слушала эти новости.

— И они маршируют к Твердыне.

Норукайские змеиные корабли были, наконец, готовы, и король Скорбь чувствовал, как горячая кровь поет в венах. Каждый день его люди энергично трудились, готовясь к войне. Их голоса становились все громче, пока они хвалились или стучали в барабаны. Скорбь уже видел такое прежде. Норукайцы называли это налетнической лихорадкой, но сейчас им предстоит не просто налет.

В сопровождении бледного и дрожащего шамана король спустился к гавани, желая посмотреть, как прибывают парусные змеиные корабли с отдаленных островов. Он собрал поистине ошеломительный флот. В дополнение к сорока кораблям, которые уже участвовали в набегах, кораблестроители острова изготовили еще пятьдесят военных судов, а еще десятки были в процессе строительства. Когда флот отправится на завоевание Ильдакара, это войдет в историю как крупнейший налет норукайцев. Его народ покорит целый континент.

У впавших в немилость капитанов Кора и Ларса было по десять кораблей, чтобы сокрушить и захватить крупные прибрежные города. Скоро мир ощутит на себе силу норукайского кулака.

В открытом море позади главного острова ожидали военные суда. Из корпусов торчали длинные весла, которыми орудовали мускулистые матросы, ведя змеиные корабли через опасный лабиринт рифов. На корабли уже были загружены припасы, а по пути капитаны найдут города, в которых можно пожить провизией. В конечном итоге его флот достигнет устья реки Киллрейвен и пойдет вверх по течению, чтобы захватить Ильдакар.

Кор и Ларс, готовые приступить к самоубийственной миссии, собрали выживших членов потерпевших поражение экипажей и призвали добровольцев. Их налетчики были неуправляемыми. В основном, это были норукайцы, которые совершили преступления и хотели отменить приговор; у других были огромные игровые долги. Когда Кор и Ларс созвали бойцов, Скорбь объявил, что любой присоединившийся сможет смыть свои прегрешения кровью. Преступления не забудут, но норукайцы вернут себе честь. Они будут убивать, грабить и разрушать до тех пор, пока не падут в битве. Если они завоюют мир для короля Скорбь, то все будут прощены.

Отвернувшись от гавани, Скорбь посмотрел на гладкие отвесные скалы с пятнами мха и поднял взгляд на грозный бастион. Это был его родовой дом, из которого он правил уже много лет, где жил и умер его отец, где сидели на троне многие норукайские короли. Скорбь понимал, что может никогда не вернуться сюда, если Ильдакар таков, как описывал его Кор, но еще он знал, что король мира не может жить на изолированном острове.

Но перед отправлением необходимо было принести жертву. Норукайцы знали, как гарантировать себе победу.

Приземистые норукайки стояли вокруг барабана пяти футов в поперечнике и били дубинками по натянутой чешуйчатой змеиной коже. Барабанный ритм гремел, отражаясь от утесов и сотрясая воду, заглушая даже шум волн, бьющихся о черные скалы. По другую сторону утесов гавани расположилась вторая группа призывателей, которые били в цилиндрические железные колокола, висевшие на цепях возле каменных стен.

Мелок скакал с ноги на ногу, взбудораженный барабанным боем, но его движения не попадали в ритм. Когда шаман ухмыльнулся, его покрытые шрамами губы искривились, а рябое лицо сморщилось.

— Мой король! И змеиный бог! Змей, змей, змей! И кровь для нашей войны.

— Мы накормим змеиного бога, — сказал Скорбь, — и он будет питать нашу храбрость и силу.

Капитан Кор ждал в конце дока. В гавани было пришвартовано десять змеиных кораблей, которые делали последние приготовления к походу. У Ларса была такая же связка кораблей. Остальной флот стоял на якоре за пределами рифов и был готов отплыть к Ильдакару.

Кор скованно и официально поприветствовал короля Скорбь.

— Для меня большая честь наблюдать за жертвоприношением, стоя рядом с тобой, мой король. Змеиный бог придаст сил моему отряду, как и твоему флоту.

Скорбь широко открыл рот, обнажив зубы до самых моляров, и издал громкое шипение, подражая змеиному богу. Мелок расхохотался, восхищенный представлением.

— Змеиный бог дарует силу мне и моим воинам, — сказал король, — но он должен простить тебя и твою слабость. Как думаешь, у Йорика достаточно крови, чтобы обеспечить и то, и другое?

— Йорик сильный мужчина. Змеиный бог будет доволен.

В гавани собралась толпа, желавшая увидеть зрелище с безопасного расстояния. Норукайки взяли на церемонию детишек, которые смотрели на все широко распахнутыми глазами. Скорбь заметил мальчиков, уже достаточно больших, чтобы подвергнуться шрамированию. Щеки у нескольких юнцов были разрезаны до суставов челюсти, но шрамы все еще были красными и воспаленными. У кого-то и вовсе были повязки на лицах. Юноши с горящими глазами смотрели на приготовления к войне. Кто-то из их матерей тоже вооружится и пойдет в битву, оставив детей на попечение доверенных рабов.

Скорбь взирал на своих людей, и они смотрели на него с восхищением. Все они боялись его, но это был здоровый страх. Он вел их к великой славе и процветанию, но сам оставался в бастионе слишком долго. Он был готов ощутить твердые кости и податливую плоть лезвием своего топора, почувствовать горячие брызги крови на лице. Да, он слишком засиделся. Но перед отбытием он должен получить силу и благословение змеиного бога.

Оставив толпу в безопасной гавани, Скорбь вместе с Мелком и Кором пошел по узкой скалистой тропе над границей прилива. Тропа огибала берег и вела к глубокой скалистой бухте, куда могли подплыть огромные змеи. Они прошли вдоль утеса, и их взгляду открылись установленные на рифах каменные столбы, с которых свисали наручники. Это было место для жертвоприношений, располагавшееся на безопасном расстоянии от кораблей, которые встали на якорь за пределами рифов. Самые нетерпеливые моряки подплыли на маленьких лодках, держась возле неровной линии берега, где не нужно было опасаться великого змея. Некоторые из больших судов тоже подгребли ближе, чтобы команды могли увидеть происходящее. Железные колокола и громкие барабаны грохотали среди скал, неустанно посылая под воду призыв. Змеиный бог услышит и ответит на зов.

— Мы должны подготовиться, — хрипло сказал Кор. Он уставился на каменные столбы и свисавшие с них пустые кандалы. — Быстрее.

— Приготовиться! — крикнул Мелок. — Мой король, король Скорбь.

Большая лодка вошла в бухту и направилась к каменным столбам, стоявшим на глубине. Двое крепких норукайских воинов орудовали веслами, а Йорик сидел на носу лодки, склонившись вперед. Он не казался напуганным, а пристально смотрел на два столба с цепями; затем он перевел взгляд на море, зная, что оттуда придет монстр.

Кор наблюдал за ним с непроницаемым выражением лица.

— Змей, змей, змей! — кричал Мелок. — Я видел это! Кровь, война и победа. — Он понизил голос, склонил голову и хихикнул: — Но кто победит? Кто умрет? Змеиный бог будет пировать.

— Тише, Мелок, — упрекнул его Скорбь. — Это торжественный момент, важный для нашего будущего.

— Наше будущее! Ильдакар! Ильдакар исчезнет, когда мы придем.

— Ильдакар будет нашим, — сказал Скорбь и повернулся к Кору. — Если твои налетчики сделают свое дело, то нашими будут и города вдоль побережья.

— Мы с Ларсом нападём на все города, король Скорбь, — ответил Кор. — Они еще не видели никого подобного норукайцам.

Конвоиры подвели большую лодку к каменным столбам и бросили на скалы крюк, пришвартовавшись. Они подтолкнули Йорика, но того не было нужды понукать. Обнаженный мужчина встал и сошел на берег, добровольно заняв место между столбами с наручниками. Его мускулистое тело было покрыто шрамами и татуировками, представлявшими собой кривые линии вдоль ребер, на плечах, ягодицах и тыльной стороне ног. Глядя на него, Скорбь подумал, что Йорик гордый мужчина, несмотря на столь непростительное поражение.

— Змеиный бог пожрет его и поглотит его слабость, оставив нам его силу, — сказал Кор.

— А ты должен поглотить свою слабость, Кор, — проворчал Скорбь.

— Знаю. Мой позор заострит мой клинок и укрепит лезвие моего боевого топора. Я могу только молиться, чтобы кровь смыла мой позор. Ларс и его корабли будут делать то же самое.

Стражники подняли руки Йорика и защелкнули наручники на запястьях. Мужчина повис на вытянутых руках между двух каменных столбов. Его ноги едва касались скользкой скалы в основании столбов, о которую бились волны.

Стоя на противоположной от столбов стороне бухты, Мелок жадно наблюдал за жертвой. Висевший на цепях Йорик смотрел в море. Он не сопротивлялся. Бой барабанов и звон колоколов становился все громче и громче.

Заковав жертву в цепи, конвоиры забрались в лодку и быстро поплыли прочь. Они знали, что змеиный бог скоро придет.

В конце тропы напротив жертвенных столбов лежала коряга, на которой висел большой медный гонг. Король Скорбь взял колотушку и крикнул:

— Змеиный бог, у нас есть для тебя жертва. Нам нужна твоя сила, и мы даем тебе свою. Помоги нам разделить кровь завоеваний.

Как воин, бьющий булавой по голове врага, Скорбь ударил в гонг, и громopodobный звук проник в самые глубины океана. Звон прокатился по всему острову. Тысячи норукайцев на борту змеиных кораблей разразились криками, как и толпа людей в гавани. Налетчики принялись топтать по палубам и стучать по бортам кораблей. Звон железных колоколов и стук барабанов стали громче и настойчивее.

Мелок выхватил из больших рук короля колотушку и еще раз ударил по гонгу.

Йорик в одиночестве висел над каменным островком, глядя на открытую воду. Вскоре по беспокойным волнам прошла рябь, и зубчатый бритвенно-острый плавник прорезал поверхность воды. Зрители на острове и кораблях зывали к змеиному богу. Скорбь

удивлялся, как этот шум не отвлек огромное создание, но змеиный бог знал, где его ждет жертва.

Змееподобное тело скользило по глубокому каналу, приближаясь к острову. Волны бились о рифы, грохоча о скалы и утесы и наполняя бухту шумом.

— Змеиный бог, я твой! — крикнул прикованный Йорик и издал громкий рык, в котором слышался как вызов, так и покорность.

Очертания приблизились, тень в воде потемнела, и змеиный бог поднялся из волн. У него была длинная острая морда, напоминавшая наконечник копья. На затылке и под челюстью были кроваво-красные веера плавников, чешуя чарующе переливалась синим и зеленым. Каждый глаз монстра был больше человеческой головы. Огромный змей поднялся выше, с его челюсти хлынули струи воды. Создание было страшнее и великолепнее всех носовых фигур кораблей.

Монстр остановил взгляд на Йорике и открыл огромную пасть, мелькая длинным раздвоенным языком и издавая оглушительное шипение. Скорбь как можно шире открыл рот и зашипел, пытаясь подражать змеиному богу. Вися на цепях, Йорик хохотал, вопил и что-то выкрикивал. Он боролся — но не чтобы освободиться, а чтобы приблизиться к змеиному богу.

Король задрожал от священного трепета и изумления. При виде огромного монстра он ощущал себя маленьким, слабым и незначительным. Кор упал на колени, бормоча что-то со страхом и удивлением. Норукайские экипажи на лодках, стоявших на якоре за островом, кричали. Барабаны и колокола продолжали шуметь, но Скорбь видел лишь змеиного бога, который скользил по бухте к мужчине, предназначенному в жертву.

Время словно застыло; змей поднялся, разглядывая Йорика, который продолжал безумно хохотать, извиваться, крутиться и бросать вызов. Скорбь вдруг впал в ужас, задаваясь вопросом, что будет, если змеиный бог отвергнет жертву. Вдруг пороки Йорика сделали его неприемлемым подношением? Не будут ли норукайцы прокляты? Не будет ли его завоевание обречено на провал с самого начала?

Змей рванул вперед и вцепился в Йорика, с силой сжав челюсти и потянув лакомство на себя. Одна из оторванных кистей Йорика выскользнула из оков, ударилась о каменный столб и запятнала его кровью. В два щелчка челюстями змеиный бог поглотил жертву и развернулся, описав изящную подрагивающую дугу.

Огромные глаза рептилии смотрели на короля Скорбь по другую сторону бухты, и тому удалось не отвести взгляд. Мелок захныкал и спрятался за короля, вцепившись в его талию. Скорбь едва замечал шамана. Он смотрел на змеиного бога и делился с ним мыслями. Огонь в его крови разгорелся еще жарче, король выпятил грудь и ударил кулаком по сердцу.

Удовлетворенный змеиный бог нырнул, длинные волнистые плавники прорезали воду, и монстр направился обратно в море.

Увидев знамение, король Скорбь понял, что его норукайцам суждено величие.

Даже когда они оказались внутри стен Ильдакара, Лида продолжила бежать так, словно за ними все еще гнались. Бэннон тяжело дышал, все его мышцы болели. Рубашка порвалась, штаны пропитались грязью и кровью, но он был свободен!

Когда они добежали до поилки яксенов на нижних уровнях города, Бэннон упал на колени и просипел:

— Стой, мне нужно передохнуть.

Он погрузил руки в корыто с водой и плеснул на лицо. Холодная жидкость была восхитительна. Она смывала пот, грязь и кровь. Он глубоко вздохнул с закрытыми глазами, пока вода струилась по длинным спутанным волосам. Он зачерпнул горсть воды и жадно напился.

Лида гордо стояла рядом, на ее коже блестел пот. Он вспомнил, что такой же высокомерной она выглядела в тренировочных ямах, когда подстрекала его, чтобы он сражался усерднее. Но сейчас ее взгляд был странно мягким.

— Ты вернулась за мной, — сказал он, все еще не веря.

— Да. — Она положила ладони на свои узкие бедра, дотронувшись до небольшого цилиндра ножа-эйджаила, который мог причинить немало боли. Она подтолкнула юношу коленом. — Давай, нужно сообщить остальным. Песчаная пума колдуньи Никки заметила нечто похожее на тюрьму для пленных, но никто не поверил, что у меня есть шансы отыскать тебя.

Бэннон заставил себя подняться. Лида быстрым шагом направилась к верхним уровням, не оглядываясь и ожидая, что он последует за ней. Прикрытые черной полосой кожи бедра Морасит покачивались, и Бэннон рассматривал ее покрытую выжженными рунами мускулистую спину. Он ускорил шаг, чтобы идти рядом с Лилой, а не позади нее, словно питомец на поводке.

— Сколько наших погибло в ходе вылазки? Наша атака была успешной?

Лида мрачно посмотрела на него.

— Мы убили много врагов. Две Морасит погибли, но мы хорошо показали себя в бою.

— Две? Кто?

Он был возмущен тем, как эти женщины обращались со своими подопечными, но теперь почувствовал странную тяжесть на сердце из-за их гибели.

— Райси и Марла. Дженда ранена, но она поправится. — Лида не выказывала эмоций произнося их имена. — Когда я потеряла тебя на поле боя, я... — Морасит с трудом продолжила: — Я должна извиниться. Отныне я буду внимательнее смотреть за тобой, если мы снова окажемся в похожей ситуации.

Бэннон сделал прерывистый вдох, не желая даже думать о том, что случилось с Броком и Джедом.

— Будем надеяться, что это никогда не повторится.

Она немного помолчала.

— Генерал Утрос и его армия еще не побеждены, Ильдакар по-прежнему в осаде. Уверена, будет еще много битв.

Бэннон стиснул рукоять Крепыша.

— Знаю. Не сказать, что жду этого с нетерпением.

До рассвета был еще час, и уличные фонари горели, подпитываемые магией переноса. Лила вела его прямо к башне властителей, хотя он и сомневался, что палата волшебников заседает в столь ранний час. Бэннон размышлял, как Никки отреагирует на новость о том, что он не погиб на поле боя...

Когда они достигли вершины плато, он с тоской посмотрел на величественный особняк. Ему хотелось несколько дней проспаться в своей кровати, но сперва он должен отчитаться перед палатой. Вслед за Лилой он вошел в башню и поднялся по каменным ступеням в зал властителей, освещенный огнем в камине и свечами.

Эльза, Орон, Деймон и белая как мел Лани сгрудились над развернутыми свитками, изучая карту извилистых улиц Ильдакара и акведуков, пронизывающих плато. Волшебники подняли взгляды на побеспокоивших их людей, но Лила заговорила раньше, чем кто-то из них отреагировал.

— Я вызволила Бэннона Фермера. Он был точно там, где пума Никки заподозрила тюрьму для пленников.

Из боковой ниши вышел Натан с толстой книгой в руках, которую тут же уронил на мраморный пол.

— Мой дорогой мальчик, ты жив! Погибло так много людей, что мы даже не можем перечислить их имена, но ты жив! — Волшебник с улыбкой подбежал к Бэннону и так крепко сжал в объятиях, что юноша едва мог дышать. — Добрые духи, ты выжил!

Бэннон не знал, что и сказать. Натан отпустил его и отшагнул, глядя на него сияющими глазами и словно пытаясь убедить себя, что происходящее реально. Придя в себя, Бэннон оглядел зал. Советники смотрели на него, на лица читалось множество вопросов, но он не увидел Никки. Он хотел сказать ей, что Мрра еще бродит по холмам.

— Мы пробилась. Я... — Он попытался приструнить разбегавшиеся мысли. — Я бы не выбрался без Лилы. Она пришла за мной. За мной, Джедом и Броком. Я...

Вперед вышел Орон с длинной соломенной косой, перекинутой на левое плечо. Его каменное лицо не выражало сочувствия — так же он смотрел на бедных меховых зверьков, с которых сдирал шкуру.

— Ты был с Джедом и моим сыном? Мы думали, они погибли в битве.

— Мы все попали в плен, и генерал Утрос собирался нас допросить. Но когда пришли Лила и Мрра, мы сумели освободиться. Мы все побежали... — С каждым словом говорить было все тяжелее.

— И? — Орон стоял, ожидая полного отчета.

Обеспокоенная леди Ольга встала рядом с ним:

— Что с Джедом?

Бэннон посмотрел на Натана, ища поддержки. Он должен рассказать.

— Не успели мы отбежать подальше, как прозвучал сигнал тревоги. М-мы бежали со всех ног, но вражеские солдаты приближались. Я звал Джеда и Брока, но они... думали, что у них будет больше шансов, если мы разделимся. Пока мы с Лилой пробивали себе путь, эти двое разбежались в разные стороны. Больше я их не видел. Не знаю, захватили их в плен или убили.

Орон надолго погрузился в размышления. Остальные советники были молчаливы и угрюмы. Наконец глава гильдии скорняков хмуро повернулся к каменным столам.

— Все равно от моего сына не было никакой пользы. Что хуже, быть убитым в битве или попасть в плен? — Он издал звук отвращения. — Дважды?

Ольгия дрожала, закрыв глаза, а когда открыла их, на ее лице появилось железное выражение.

— Я уже смирилась с тем, что мой сын погиб несколько ночей назад. Сейчас у нас есть дела и город, который нужно спасти.

Натан снова по-отцовски обнял Бэннона.

— Выглядишь просто ужасно. Иди умойся, поешь и отдохни. Когда восстановишь силы, палата выслушает подробный отчет о том, что ты видел во вражеском лагере.

Бэннон смущенно кивнул.

— Где Никки? Хотел сообщить ей, что я жив.

Натан помедлил с ответом.

— Она покинула нас.

На мгновение сердце Бэннона замерло: он испугался, что прекрасная колдунья погибла во время сражения.

— Надеюсь, она уже в Танимуре, — продолжил Натан. — Она отправилась в путь в сильфиде, чтобы распространить весть о генерале Утресе и его армии.

По-прежнему считая себя защитницей Бэннона, Лила твердо положила руку ему на плечо и повела прочь из зала заседаний.

— Мы обсудим это позже. Бэннон Фермер устал и голоден. Я позабочусь об удовлетворении его потребностей.

Юноша ощутил облегчение. Он сомневался, что сможет мыслить ясно после всего пережитого. На нетвердых ногах он последовал за Морасит. Они направились к великолепному особняку, который до недавнего времени был домом Максима и Торы. Многие комнаты были заняты домашней прислугой. Лила окликнула двух женщин, которые стояли в коридоре с решетчатой крышей.

— Принесите еду. Этому мужчине необходимо поесть. Он храбрый воин Ильдакара.

Женщины узнали Бэннона и поспешили прочь, выполняя распоряжение Лилы. Добравшись до своей комнаты, он посмотрел на широкую кровать с шелковыми простынями, небольшой стол, платяной шкаф, кувшин со свежей водой и миску с перезрелыми заплесневелыми фруктами, которая простояла здесь не один день. Два мандарина были еще нормальными, хотя кожура высохла и затвердела. Бэннон схватил один и принялся чистить, но Лила забрала фрукт и порезала его на четвертинки своим ножом. Он проглотил сладкий сочный мандарин и почувствовал прилив энергии. Закрыв глаза, он глубоко вздохнул.

Лила принялась деловито снова по комнате. Она нашла мягкую тряпицу, смочила ее водой из кувшина и начала отмывать засохшую кровь с лица Бэннона. Она терла кожу так сильно, словно намеревалась смыть еще и веснушки. Морасит промокнула его пересохшие губы, а затем протерла шею. Она так пристально на него смотрела, словно оценивала товар или готовила его к продаже придирчивому торговцу.

— Я просто хочу лечь и отдохнуть, — сказал он, чувствуя неловкость.

— Рано. Ты прошел через такое же тяжелое испытание, как бой на арене. Ты потный, твои мышцы тверды и скованны. Ты еще не готов заснуть.

Вошли две служанки, неся тарелки с виноградом, сыром, двумя твердыми рулетами и порезанным мясом яксена. Рот Бэннона наполнился слюной. Мандарина было недостаточно.

— Может, я и правда не готов спать.

Женщины задержались спросить, не нужно ли что-то еще, но Лила выпроводила их.

Бэннон жадно впился в один из рулетов, а потом съел сыр и горсть сочного винограда. Он глотал еду, почти не жуя.

Пока он ел, Лила дернула его рубашку, но жесткая от грязи и крови ткань прилипла к ранам на его спине. Разочарованно ворча, она кинжалом распоролла рубашку. Бэннон вскрикнул от удивления, но она отодрала ткань и швырнула ее на пол.

— Все равно уже порвалась.

Бэннон жевал ломтик мяса, наслаждаясь его пряной сочностью. На остальное он едва обращал внимание.

Когда он остался без рубашки, Лила влажной тряпицей протерла его спину, а затем грудь, и Бэннон расслабился. Всего несколько часов назад он был уверен, что его казнят. Он отстранился от подноса с едой и сел на край постели. Закончив протирать грудь, Морасит встала позади и принялась разминать его плечи, спускаясь по спине. Обычно наставницы причиняли подопечным непомерную боль, но сейчас все было в точности наоборот.

— Ты умеешь не только драться, Лила. Я рад.

— У меня много умений. — Она положила ладонь ему на грудь и резко толкнула, повалив на кровать, чтобы удобнее было снимать сапоги. — И ты прекрасно это знаешь.

— Что ты делаешь? Я устал, у меня все болит.

— Ты прошел через великую битву, — ответила она. — Я... волновалась и рада, что тебя не убили. Хочу выразить благодарность.

— Спасибо, но в этом нет необходимости.

Лила никогда не принимала отказов.

— Того требует честь.

После тяжелых дней тренировок в ямах она объявила его своим любовником, пообещав «в награду» плотское удовольствие, хотел он этого или нет. Она не оставляла выбора.

— У тебя есть силы сопротивляться мне?

— Я больше не твой пленник, — напомнил он.

— Но все еще мужчина, — хрипло ответила она. Неуловимым движением пальцев Лила растянула полосу кожи на своей груди и позволила одеянию соскользнуть на пол. — Мне больше не нужно тебя заставлять.

Бэннон, ощущая израненной спиной холодные простыни, смотрел на обнаженную Лилу, которая наклонилась вперед и забралась на него. Он вспомнил трех прекрасных послушниц Твердыни — Одри, Лорел и Сейдж. Они стали его первыми любовницами и подарили удивительные ночи удовольствия, сменяя одна другую. Но потом извращенная магия Госпожи Жизнь превратила трех красавиц в монстров.

Могло ли быть по-другому? Могла ли закаленная Морасит превратиться в мягкую и чувственную женщину? Когда Лила склонилась, он ощутил тепло ее кожи, вдохнул мускусный аромат и вспомнил, какой она была безжалостной. Железная наставница заставляла его выполнять свои требования. Она запугивала его. Сейчас, глядя на нее, он видел, что она стала теплее. Что-то изменилось. Лила прикоснулась к нему с намеком на нежность.

Он нерешительно поднял руку и погладил обнаженную кожу ее спины, чувствуя загадочные символы. Когда он провел ладонями вниз, ему показалось, что он пальцами читает магическую книгу.

— Я спасла тебе жизнь, мальчишка, — сказала Лила. — Ты должен меня вознаградить.

Бэннон не мог с этим поспорить.

Утрос смотрел на кровавую линзу, не в силах оторвать взгляд от возлюбленной Мэджел, о которой тосковал с момента ухода из Ороганга. Он поклялся завоевать мир для ее мужа, но его сердце принадлежало ей. Он помнил ее острый подбородок, аккуратный носик и полные губы, которые целовал так много раз.

Теперь она превратилась в кошмар. Лицо было лишено кожи. Глаза уцелели, но веки были срезаны, чтобы она смотрела, что муж делает с ее телом. Мышцы челюсти походили на полоски красной кожи. Когда она говорила, ее зубы клацали, показывая язык.

— Утрос, любовь моя! Ты меня звал.

Он пораженно смотрел через линзу. Даже дух Мэджел был изуродован как вечное напоминание о том, что Керган лично наказал ее.

— Утрос, почему ты не говоришь со мной? — взмолилась она, подходя к своей стороне стекла. — Ты звал меня через завесу.

Несмотря на ужасные увечья, в ее глазах узнавалась женщина, которую он ласкал и любил. Звавший его голос принадлежал Мэджел.

— Ох, Мэджел, — сказал он. — Владетель и духи, что он с тобой сотворил?

— Форма духа не важна, — сказала она. — Главное — это сердце и душа.

Ава и Рува отступили, наблюдая за беседой. Они были зачарованы тенями душ, таившихся в зеленоватом тумане в линзе.

Внимание генерала было сосредоточено на возлюбленной, и он услышал мудрость в словах женщины.

— Это было так давно, Мэджел, — тихо сказал он. — Я покинул Ороганг и завоевал много земель, как и поклялся. Мы прошли по Древнему миру, отправляя в столицу доклады. Я выполнял приказ Железного Клыка... но невероятно скучал по тебе.

— Но я уже была мертва, — сказала она. — Как и мой муж. Ты сражался напрасно.

— Не напрасно. Я сражался ради... нас. Я должен был доказать, что предан императору. — Ему было больно говорить это, и он заставил себя отвернуться от ужасного облика Мэджел. — Я не собирался уходить так надолго, любовь моя. Века в преисподней наверняка были для тебя мучением, но я все это время был камнем. Я не мог ничего сделать, не мог присоединиться к тебе.

Мэджел смотрела на него своими лишенными век глазами.

— За завесой время ничего не значит. Моя смерть была словно вчера, а может, вечность назад. Утрос, моя тоска по тебе способна превратить в вечность каждое мгновение.

Он протянул руки, но не прикоснулся к стеклу. Он хотел обнять ее, хотел вспомнить, каково это. Единственный способ воссоединиться с Мэджел — умереть. Если только Владетель позволит им быть вместе.

Присмотревшись к нему, она встревожилась.

— Твое лицо, Утрос! Что случилось?

Этот вопрос показался ему злой шуткой, учитывая, что выпало на ее долю. Он поднял руку, чтобы дотронуться до щеки, и нащупал шрам на месте давно зажившей раны, который проходил через висок, вокруг глаза и по щеке, исчезая в клочковатой бороде.

— Ожог от драконьего огня, — сказал он, опустив голову. — Мы захватили серебряного дракона и собирались выпустить на Ильдакар, но тварь обратилась против нас. Я сильно

обгорел, но мои колдуньи меня исцелили. Остальные не оправились от ран, а дракон сбежал.

Утрос не хотел разговаривать о делах минувших дней и тактических ошибках. Он хотел рассказать Мэджел, как сильно желает вернуть ее из-за завесы, но это невозможно. Ава и Рува подтвердили сказанное Никки и Натаном. Завеса была навечно запечатана, и приходилось довольствоваться тем, что он видит и слышит Мэджел. Их разделяла непроницаемая стена между жизнью и смертью.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Я тоже люблю тебя, — ответил лишенный кожи дух. — Я скучала. Утрос, ради тебя я пошла на все, я потеряла все ради тебя. Но я...

— Но она моя, — донесся из линзы другой голос, скрипучий, низкий и до дрожи знакомый.

Из зеленоватого тумана появилась вторая фигура — грузный мужчина с медной кожей и намасленными черными волосами, заплетенными в десятки тонких косичек. У него был низкий лоб, крючковатый нос и волевой подбородок. Император Керган — его император — был величавым мужчиной, который растолстел за годы праздной жизни. Когда он говорил, то выставлял напоказ зубы, демонстрируя изогнутый железный клык на левой стороне рта.

— И ты тоже мой, генерал Утрос. Ты поклялся мне в преданности, как и Мэджел. Эту клятву невозможно нарушить. Преданность сильнее любви. Я приказываю тебе не забывать об этом!

Утрос инстинктивно прижал кулак к сердцу и поклонился.

— Мой повелитель.

Керган приблизился к линзе и встал рядом с Мэджел. Судя по его поведению, он все еще считал ее своей женой, своей собственностью и символом.

— Ты предал меня. Вы оба меня предали. — В его глазах горел не просто гнев, а нечто большее. — Ты принес клятву. Ты разрезал свою ладонь и налил кровь в кубок, из которого я отпил. Мэджел тоже дала мне свою кровь. Мы были связаны навечно. Думаешь, Владелец проигнорирует такой обет? Я требую вашей преданности — вас обоих!

Утрос упал на колени перед линзой.

— Я предал тебя, мой повелитель. У меня нет оправданий, кроме того, что я любил ее. Ты уже наказал Мэджел. — Его голос охрип от ужаса, и он был рад, что солдаты не могут его услышать.

— Мне не нужны извинения, унижения и объяснения, — сказал Железный Клык.

Утросу казалось, что дикие лошади рвут его сердце на части.

— Я по-прежнему предан тебе, мой император. Я завоевал многие страны от твоего имени. Мое войско все еще насчитывает сотни тысяч солдат. Я осадил Ильдакар, как ты и приказывал, и направил армии на завоевание городов и земель, которые были утрачены за эти столетия.

— Почему так долго? — требовательно спросил Керган. — Если бы твои завоевания продвигались быстрее, у меня были бы богатство и власть, и мой народ никогда не пошел бы против меня. Я стал бы величайшим императором в истории, но ты оставил меня в Ороганге с этой вероломной женщиной, которая притворялась, что любит меня. Теперь я знаю, что когда она отдавалась мне, то представляла твои поцелуи и ласки. — Он перевел взгляд на лишенную кожи женщину, которая стояла рядом с ним в мире духов.

— Преданность сильнее любви, — сказала Мэджел, словно он вбивал это ей в голову на протяжении пятнадцати столетий. — Я предана тебе, муж мой. — Ее голос дрогнул. — Мне

жаль тебя, Утрос.

Эти слова нашли отклик в разуме генерала. Он бормотал снова и снова: преданность сильнее любви. Именно так его воспитывали и обучали. Именно этим он дорожил, пока Мэджел не изменила его сердце.

— Ты говоришь это? — спросил у нее Утрос. — После всего, что он с тобой сделал?

— Я осталась преданна своему мужу, — смиренно сказала Мэджел, — императору Кергану.

— И я по-прежнему твой командир, генерал Утрос, — сказал Железный Клык. — Первоначальные приказы остаются в силе, и теперь я могу общаться с тобой из подземного мира. Ты должен заплатить цену, должен выполнить обещание и надеяться на прощение.

— Я так и поступлю, мой император, — сказал Утрос, не поднимаясь с колен. — За эти века очень многое изменилось, но я верну земли, которые завоевал для тебя.

Керган говорил раздраженно и нетерпеливо:

— Почему ты еще не взял Ильдакар? В твоей армии сотни тысяч солдат. Уверен, этого достаточно, чтобы захватить один город.

Он знал, что император был своенравным и вспыльчивым. Он отдавал приказы, над которыми трудились сотни его последователей, а потом отменял их до того, как задача была выполнена. Утрос был спокойным и здравомыслящим командиром. Солдаты выполняли его приказы, а Утрос всегда старался следовать инструкциям Клыка. Смерть разлучила их, но генерал поклялся не останавливаться.

— Мое войско продолжит осаждать город, но волшебники Ильдакара сильны. Я пока не знаю, есть ли у меня оружие, способное сокрушить город. — Он поднялся и встал прямо, как и подобает военачальнику. — Но я найду способ покорить Ильдакар.

— Если твоя армия слишком слаба и у тебя нет подходящего оружия, — резко проговорил Керган, — то найди его. — Он фыркнул. — Я знаю о серебряном драконе, которого ты захватил. Еще один провал! Ты должен был использовать дракона, чтобы разрушить город, уничтожить этих людей огнем и ужасом. Не подведи меня снова. Если ты такой великий генерал, как заявляешь, то почему бы не захватить еще одного дракона? Вряд ли это невозможно.

Мэджел отвернулась.

— Преданность сильнее любви.

Утрос сглотнул и заставил себя повторить ее слова, чтобы угодить Кергану:

— Преданность сильнее любви. — Его мысли закружились, а часть разума начала обдумывать тактику и возможности. — Я обсужу этот вопрос со своими колдуньями. Я не рассматривал возможность призвать другого дракона, но это может оказаться реальным.

Ему придется попытаться. Может, он все-таки одержит победу над Ильдакаром.

— Мы не можем их победить, — веско сказал Деймон, который после ухода Никки держался более раскованно. — Мы знаем об этом уже пятнадцать столетий. — Волшебник обращался к советникам, непрестанно расхаживая взад-вперед по голубым мраморным плитам. Длинные модные усы свисали по бокам его рта и были украшены вплетенными рубиновыми бусинами. — Отправив против Утроста наши лучшие ударные силы, мы уничтожили немало врагов, но потеряли почти треть своих бойцов. — Он указал в направлении высоких окон, которые выходили на далекое поле боя. — Вражеских солдат по-прежнему невероятно много.

Сидевший Натан озабоченно нахмурился, разочарованный такими речами. Он знал, что Никки отругала бы Деймона за упаднические настроения. Он прочистил горло и заговорил:

— Я не могу отмахнуться от твоих слов, Деймон, и понимаю, как тяжело у тебя на сердце. — Неосознанно он потер шрам на груди. — То же самое можно было сказать и об Имперском Ордене или армии нежити Сулакана, но все они были повержены. Вы не можете сдать.

Сидевшая рядом Эльза благодарно улыбнулась и потрепала его по руке.

— Ильдакар не сдастся. Мы можем стать сильнее, чем когда-либо.

Советники были измотаны, страдали от недосыпа, но так и не нашли хитроумного решения, несмотря на бесконечные дискуссии. Натан снова подумал о воинах Иксакс, но он сомневался, что гиганты уже готовы.

Квентин поднялся из-за каменного стола, чтобы присоединиться к Деймону в ораторской зоне и поддержать его.

— Взглянем фактам в лицо, даже если они нам не нравятся. Солдаты непрестанно бьют в наши стены, и, хотя укрепляющие заклинания еще держатся, они не простоят вечно. Наши укрепления казались несокрушимыми, когда мы строили их тысячи лет назад, но даже камень со временем разрушается. Мы не сможем прятаться вечно.

— Мы уже побеждали генерала Утроста, — заметил Орон. — Разве наш город стал слабее? — Раздраженно он придвинул к себе тарелку со сладкой выпечкой, выбрал булочку и откусил.

— Разумеется, мы стали слабее! — взорвался Деймон. — Только представь, что делали волшебники Ильдакара в дни его величия. Они подняли город над рекой, создали обрыв, затопили болота и населили их монстрами. Мы заставили окаменеть целую армию. Разве кто-то из нас способен на это сейчас? Одаренная знать уже не та, что раньше.

— Но Ильдакар свободен, — вмешался Ренделл, который обычно предпочитал молчать на заседаниях. Другие волшебники презирали его и не обратили внимания на замечание.

— Мы лишились главнокомандующего волшебника, — сказал Квентин. — Максим был одним из самых могущественных волшебников в нашей истории, но он ушел. Он создал заклинание окаменения, которое спасло нас в прошлый раз. Андре мертв. Айвен мертв. Ренн ушел. Даже Никки нас покинула!

— Что ж, друзья мои, у вас остался я, — с кривой усмешкой сказал Натан. — Мой дар силен. Давайте не будем терять надежду.

— Возможно, скоро вернется Ренн, — сказала Лани; колдунья с бледной твердой кожей была одета в шелковое голубое платье. — Если он нашел Твердыню, то в архиве может

отыскаться нечто более могущественное, чем заклинание окаменения. Мы сможем использовать его против генерала Утроста.

— Мне нравится Ренн, — нахмурившись, сказала Ольга, — но он всегда казался каким-то... ах, не целеустремленным. Сомневаюсь, что он сумеет найти Твердыню.

Лани была готова встать на защиту свое возлюбленного, но вмешалась Эльза:

— Ренн ушел еще до пробуждения каменной армии, поэтому даже не подозревает о наших трудностях. Он не знает, что нужно искать.

— Ильдакар будет сражаться как никогда прежде, но нам нужен план, — вновь взял слово Ренделл. — У нас много людей, и многие готовы присоединиться к обороне, если мы обеспечим их доспехами и оружием. Но мы не можем просто бросить бойцов на вражескую армию. Неважно, как мы храбры, мы проиграем!

— Мы умрем, — поправил его Орон.

— Это лишь более точное определение проигрыша, — едко заметил Натан.

— У вас есть я, — раздался в дверях женский голос.

Бряцая доспехами и грохоча сапогами, двое ильдакарских стражников привели стройную женщину в платье из струящегося зеленого шелка. Ее жесткие волосы были уложены в сложную высокую прическу из косичек и завитков. Кожа ее была такой же бледной, как у Лани. Натан и Эльза вскочили на ноги, но Деймон повернулся к Торе, вытянув руку в пригласительном жесте.

— Мы с Квентином попросили привести сюда властительницу.

— Она больше не властительница, — сказала Лани.

— Но все еще могущественная колдунья, — возразил Квентин. — Не следует недооценивать ее силы. Нам нужна вся доступная помощь.

Тора шла на два шага впереди стражников, словно это она вела их. Ее руки были связаны толстой веревкой и цепями, но оковы были пустой формальностью. Тора уже доказала, что легко может освободиться при помощи магии, если захочет.

— Когда я позволила схватить себя на стене, я поклялась сражаться за Ильдакар. Это мой город. Мое сердце — это сердце Ильдакара. — Она ступила в ораторскую зону, даже не взглянув на свой пустой трон. — Когда я сбежала, ярость довела меня до безумия. Я думала о том, чтобы присоединиться к генералу Утросту и предать Ильдакар, и теперь мне стыдно за это. Такого никогда не случится. — Она посмотрела на них зелеными глазами, уверенно и твердо. — Но мой дар силен, и я могу помочь.

— И как же? — Натан старался контролировать свое возмущение. — Объясни, будь любезна.

Лицо Эльзы покраснело от гнева.

— Думаешь, сможешь вернуть наше расположение? Деймон, Квентин и я осудили тебя за преступления против Ильдакара.

— Ильдакар сейчас в совершенно ином положении, — смущенно сказал Квентин. — В отчаянном положении.

Деймон прочистил горло и обратился к палате:

— Мы хотим предложить кое-что, к чему сможем прибегнуть, когда ситуация значительно ухудшится.

Квентин продолжил речь друга, словно они репетировали:

— Мы атаковали генерала Утроста и ужалили его, словно оса, но эту осу прихлопнут. Он обязательно нападет на нас. Мы настолько мало ему досадили, что он отправил четверть

своего войска на завоевание других городов. Он знает, что рано или поздно сокрушит нас. Разве мы можем просто ждать?

Ольгия фыркнула:

— И как именно ты предлагаешь использовать Тору для победы?

Бывшая властительница устремила взгляд на советников:

— Это ошибочная цель. Нам не нужно побеждать Утроса, чтобы сохранить Ильдакар. Все это время решение находилось прямо у нас под носом. — Она заговорила громче. — Как мы оставались в безопасности на протяжении пятнадцати веков?

— Вражеская армия была обращена в камень, — сказала Лани. — Но мы не можем восстановить столь грандиозное заклинание.

— Нет, не то, — нетерпеливо выпалил Квентин. — Ильдакар будет в безопасности, если мы снова укроемся под саваном вечности. Город спрячется во времени, как мы сделали много столетий назад. Тогда будет неважно, что делает генерал Утрос.

Услышав это предложение, палата погрузилась в тишину.

— Но пирамида разрушена, — сказала Эльза. — Магического устройства больше нет.

— Я мастер формы и могу воссоздать оборудование. Мы знаем, как творить магию крови.

Орон задумался.

— Может сработать. Сможем спрятаться на несколько веков, и к тому времени армия исчезнет. Она станет не нашей заботой.

Ренделл был ошеломлен таким предложением.

— Но... опять кровопролитие!

— Мы только что вернулись в мир, — сказала Эльза. — И снова окажемся в ловушке.

— Мы будем в безопасности, — настаивал Деймон.

— Добрые духи, это совсем не кажется мне хорошей идеей, — сказал Натан. — Вы должны думать не только о городе. Если Ильдакар исчезнет, огромная армия прокатится по всему континенту и разрушит города один за другим.

— Но Ильдакар будет цел и невредим, — с довольной улыбкой сказал Квентин. — Остальному миру придется защищаться самостоятельно.

Натан был в ужасе.

— Но кровавое жертвоприношение! Может пролиться больше крови, чем при любой атаке Утроса.

— Да, потребуется колоссальное кровопролитие, как и в первый раз, — сказала Тора. — Нужны тысячи добровольцев. Подумайте, сколько людей погибнет, если стены падут и Утрос разграбит город! Мы не можем этого допустить. Лучше пролить кровь одних, чтобы спасти других. Я знаю, что по-настоящему преданные граждане сделают правильный выбор. Пусть решают. И вам понадобится моя помощь, чтобы совершить это. — Тора подняла хрупкие запястья, демонстрируя тяжелые оковы. — Я поклялась сделать все необходимое, чтобы помочь своему городу. И я сдержу слово.

По залу пронеслись шепотки. Натан с тревогой посмотрел на Эльзу, которая стала совсем бледной.

— Но мы должны дождаться возвращения Ренна, — сказала Лани.

— Мы будем ждать, пока это не останется последней мерой, — повторил Квентин. Голос его звучал столь же убедительно, как голос Деймона. — Но ради блага Ильдакара мы должны рассмотреть все варианты. Мы знаем, что необходимо сделать, чтобы город не

попал в руки врага. Разве что, у кого-то еще появится способ победить Утроса.

— Мне это не нравится, — пробормотал Натан. — Добрые духи, совсем не нравится.

Возможно, когда Никики вернется через сильфиду из Танимуры, то принесет обнадеживающие новости. Тогда они смогут обсудить другие варианты.

— Нет причин откладывать подготовку, — ровным голосом предложил Деймон. — Распространим весть по городу, и люди начнут думать о том, кто станет героем и спасет город, пожертвовав кровью.

— Довольно обсуждений, — поднялся Орон. — Нам всем нужно поесть и отдохнуть. Мы уже не в состоянии мыслить ясно.

— Тора не может оставаться свободной, чего бы она ни пообещала, — жестко сказала Лани. — Отведите ее обратно в камеру.

— По крайней мере, пока что, — сказала Ольга.

* * *

Натан, обеспокоенный соображениями палаты, отправился навестить воинов Иксакс. На этот раз он нес в руках тревожившую его книгу, которую он нашел в библиотеке Андре — старый дневник. Во время разрушения особняка полки упали, а книги рассыпались. Натан читал этот журнал с немалым удивлением. Теперь он знал гораздо больше об этих высоких непобедимых воинах и о том, чем они жертвовали, чтобы стать Иксакс.

Натан вошел в зал с огромными фигурами, спокойно улыбаясь. Он знал, что двое гигантов наблюдают за ним, и хотел их успокоить. Они смотрели на него всякий раз, когда он приходил побеседовать. Уже много дней он рассказывал безмолвным фигурам истории, потчuya их легендами и даже приукрашивая некоторые свои подвиги. Теперь закованные в доспехи воины знали Натана Рала, и он надеялся, что Иксакс вспомнят, кем они были до превращения.

Дневник Андре был более горьким доказательством, чем все, о чем Натан говорил им раньше. Он поднял старый дневник с ломкими коричневыми страницами.

— Я знаю, кто вы сейчас. Это дневник, написанный столетия назад рукой повелителя плоти Андре. Он делал записи, когда армия Утроса впервые осадила Ильдакар, а волшебники отчаянно нуждались в способе спасти город. Помните это? — Он сел на поваленную мраморную колонну и стал перелистывать линялые страницы, пробегая взглядом по небрежному почерку. — Позвольте кое-что зачитать: «Я боюсь, что наш город падет. Все ильдакарцы в панике. Волшебники ищут способ отбить огромное войско. Наши стены крепки, как и магия, но армия генерала Утроса подобна рою саранчи. Даже если все наши люди выйдут биться насмерть, этого недостаточно. Необходимы сильнейшие воины, и я могу создать их». — Натан с улыбкой поднял взгляд на гигантов в доспехах, постучав по странице кончиком пальца. — Вы тоже боялись, правда? Вы знали, что должны защитить свои семьи, и когда раздался отчаянный зов, вы трое согласились пожертвовать жизнями и любимыми ради Ильдакара.

Хотя воины Иксакс даже не шелохнулись, он вообразил, как они кивнули.

Натан переворачивал страницы, обобщая суть.

— Андре пишет, что выбрал вас из более дюжины добровольцев, готовых стать могучими Иксакс. Вы помните свои имена? Они звучат знакомо? — Он посмотрел на воинов. — Джонатан, Ральд и Денн. Вы были молодыми мужчинами, талантливыми воинами. Андре пишет, что командиры считали вас лучшими бойцами, что вы отличились в бою. — Натан не знал, кого из троих он убил, но был уверен, что три добровольца прекрасно

знали друг друга. — У Джонатана была жена по имени Мария и больная дочь. Как часть соглашения, волшебники пообещали исцелить девочку, когда он вызвался стать Иксакс. — Натан посмотрел на исписанные страницы. — У Ральда была возлюбленная, но он разорвал отношения с ней, потому что предпочел им долг. — Натан почувствовал комок в горле. — Денн вырос в большой семье, у него было четверо братьев и три сестры. Он был самым младшим. Семья очень гордилась, что он стал рекрутом Ильдакара.

Он смотрел на страницы дневника Андре. Повелитель плоти рассматривал Ральда, Джонатана и Денна как образцы для опытов, а не как страдающих людей. Он игнорировал их храбрость и все, чем они жертвовали. Натан решил не зачитывать эту часть дневника вслух.

Повелитель плоти описывал использованную им магию трансформации. Он высвободил энергию, чтобы кости мужчин росли как деревья, мышцы набухали и расширялись. Тела увеличивались в размерах благодаря сочетанию повеления плотью и кузнечного дела. Андре укрепил их кости бронзой, вживил доспехи в их плоть, чтобы превратить воинов в нечто большее, чем человек. Но Натан знал, что внутри они по-прежнему люди.

— Вы согласились драться за Ильдакар, — сказал он. — Но вам так и не выпал шанс. Андре был жестоким и бессердечным. Я знаю это, как и вы. Он без всякой на то необходимости мучил вас.

Он откинул с лица белые волосы и закрыл книгу. Старик знал, что там написано, но больше не хотел читать капризные жалобы повелителя плоти, которому древняя палата волшебников не позволила задействовать монструозных воинов.

— Ваши помыслы были чисты, — напомнил гигантам Натан. — Я знаю, что ваши сердца помнят это. Пусть ваши семьи, возлюбленные и дети давно мертвы, Ильдакар все еще нуждается в вас. Если настанет время, я надеюсь, что вы вспомните настоящую причину, по которой отдали все. Здесь есть хорошие люди — такие же, какими были вы. — Натан долго сидел в тишине, а потом встал. — Я обещаю, что вернусь. И расскажу вам другие истории.

Когда над горами раскинулся холодный рассвет, Верна заслонила ладонью глаза, больше не замечая красоты Кол Адаира. Древняя армия разбила лагерь под ледниками. Теперь она знала, что тысячи вражеских солдат, выступивших из окрестностей Ильдакара, были не совсем людьми. У них не было палаток, костров и припасов — только военная мощь. Аббатиса могла только представлять, сколько разрушений они вызовут, шагая по Древнему миру.

— Это неестественно, — сказал Зиммер. Его лицо было румяным, а на лбу блестел пот. — Д'харианская армия поклялась сражаться с врагами лорда Рала, а это, несомненно, захватническая армия.

— Но куда они идут? — спросила Верна. — Кто ими командует?

— Они ушли из Ильдакара, — сказал Ренн. — Может, это и хорошо с какой-то точки зрения?

— В этом нет ничего хорошего, — покачал головой капитан Тревор. — Как мы можем их остановить? Нас лишь горстка против нескольких тысяч.

Эмбер продолжала смотреть вдаль, и ее лицо покраснело.

— А если они найдут Твердыню?

Когда свет раннего утра хлынул через скалы, вражеская армия зашевелилась.

— Что бы мы ни решили, нам нужно спешить, генерал, — тихо заключила Верна. — Сейчас они уязвимы и не подозревают о том, что мы их увидели.

— Почему они должны беспокоиться из-за нескольких десятков людей? — спросил Ренн. — Мы слишком незначительны.

— Мы не незначительны, — сказала Верна. — Как и вы, Ренн. Вы волшебник Ильдакара. Я сестра Света. Даже юная Эмбер знает основы магии, как и ученые Твердыни. — Она указала на напуганных ученых и помнящих, которые ушли с ними из архива. — Они хотят научиться использовать магию. Время настало, мы не можем ждать.

— Вы хотите обрушить магию на тысячи древних солдат? — Ренн был настроен скептически. — И что вы предлагаете? Может, вы знаете заклинания, способные уничтожить армию полукаменных воинов? Буду рад изучить их!

— Было бы глупо атаковать вражескую армию такого размера, имея в распоряжении несколько заклинаний, — сказала Верна. — Мы должны попробовать что-то другое.

— Что вы задумали, аббатиса? — спросил Зиммер. — У вас есть достойный военный план?

Стоя под прикрытием редких деревьев, она смотрела на скалы над большим лагерем. Снег на крутых склонах ослепительно сверкал в утреннем свете.

— Мы не будем сражаться напрямую. — Она прищурилась и указала. — Ледники станут нашим оружием.

Ренн усмехнулся.

— Это действительно может обеспечить достаточную силу. Хорошая идея, аббатиса. Никки не единственная женщина, которая мыслит безжалостно перед лицом мощного врага.

Верна послала за сестрами Света, Оливером, Переттой и одаренными Твердыни. Все они поспешно собрались вокруг, зная, что как только армия двинется, они упустят свой шанс.

Ренн потирал пухлые руки, стоя на бодрящем утреннем холоде. Его глаза сияли.

— Пятнадцать столетий назад генерал Утрос осадил Ильдакар, и это мой шанс нанести настоящий удар. Наконец, я смогу стать достойным героем своего города.

Генерал Зиммер был собран и сосредоточен.

— Что требуется от моих солдат, аббатиса?

Верна рассматривала высокую стену плотного снега и льда, которая нависала над тысячами вражеских солдат. Армия готовилась сняться с лагеря. Она знала, что эти бойцы перейдут через Кол Адаир и промаршируют по пустынным равнинам. Разведчики наверняка отыщут скрытый каньон, и враги завладеют архивом Твердыни.

— Сейчас они на идеальной позиции. Мы должны остановить их раньше, чем они тронутся, — сказала она. Восходящее солнце блестело на ледяных участках. — Генерал, пусть разведчики скрытно проведут всех наших одаренных к ледникам. — Она посмотрела на богатые багровые одежды Ренна. — Вы можете сделать себя менее заметным?

Он хмуро посмотрел на роскошную ткань.

— Если настаиваете... — Он прибег к помощи дара, и насыщенный багровый цвет превратился в приглушенный светло-серый, незаметный на фоне снега. — Не в моем вкусе, но вполне подойдет.

Солдаты были готовы сделать все, что в их силах. Капитан Тревор подошел к Зиммеру.

— Я и мои люди хотим сражаться за Ильдакар.

— У вас еще будет возможность сделать это, капитан, — сказал Ренн, оглянувшись на Верну. — Но сейчас черед волшебников. Предоставьте все нам с аббатисой.

Д'харианские разведчики быстрым шагом шли по краю чаши долины, поднимаясь ко льду на склонах. Верна, Ренн, сестры и одаренные ученые перебирались через поваленные стволы, обходили редкие деревья и валуны и карабкались по каменным склонам. Пока день разгорался и освещал неровную долину, древняя армия начала выстраиваться в ряды для марша. Верна совсем запыхалась, но призвала всех поторопиться:

— Если мы сейчас не дойдем до ледников, то упустим шанс.

Разведчики бежали впереди, отыскивая легкий маршрут.

— Этот путь заканчивается глухой скалой, — сказал один мужчина, разворачивая их назад. — Придется спуститься по этому хребту, а потом подняться на соседний. Видите, куда он поднимается?

Некоторые ученые Твердыни огорченно забормотали, но Верна двинулась вперед.

Ренн тяжело вдыхал разреженный воздух.

— Надеюсь, у меня останутся силы использовать магию, когда мы туда доберемся.

— Останутся, — ответила Верна. — Должны остаться.

Наконец, разведчики провели их через огромные заснеженные валуны, когда-то скатившиеся вниз. Впереди раскинулись беспорядочные ледяные торосы. Каждую зиму вершины укрывало снегом, и даже в разгар лета он не таял полностью, оставляя наносы, которые росли год от года. Теперь тяжелые ледники нависли над впадиной, где армия разбила лагерь.

Сердце Верны пропустило удар.

— Быстрее! Мы должны атаковать их магией.

Сестра Рода нахмурила лоб от беспокойства.

— Мы на месте, аббатиса, но как нам столкнуть на них эту массу снега и льда?

— Разбей проблему на составляющие, — сказала Верна. — Мы не можем сдвинуть все

снег, но можем направить туда тепло. Мы вытопим полости в глубине, превратив снег в пар, и освободившиеся участки сдвинутся. Вода подтолкнет верхние слои ледника. — Она указала на большие трещины. — Он и так уже того и гляди превратится в лавину. — Она замолчала и закрыла глаза. — Вы можете ощутить эту мощь. Нужно лишь подтолкнуть ее. Как только начнем, пар расширит трещины, и ледник соскользнет под своим весом. — Она улыбнулась с мрачной уверенностью. — Природа хочет спустить со склона этот ледник. Мы должны просто помочь ей.

Ренн улыбнулся.

— Борода Владетеля, я понимаю, о чем вы. Мы можем это сделать.

Оливер кивнул.

— Мы научились кипятить воду для чая, значит, сможем сделать то же самое, но в более крупном масштабе.

Эмбер осмотрела ледник и указала наверх.

— Начните с вон того участка, на краю. Когда карниз пойдет вниз, остальной лед двинется вслед за ним.

— Тогда не будем напрасно тратить время, — сказал Ренн. Он простер руки, закрыл глаза и высвободил свой мощный дар, заставив воздух зашипеть.

Из висячей долины до Верны доносились громкие голоса вражеских солдат, готовившихся выступить. Она потянулась даром к грудам снега и льда, позволив магии проникнуть в расширяющиеся трещины в голубом льде. Она выпустила тепло и ощутила тающий снег.

Ученые Твердыни сделали то же самое. Сестры Света сосредоточились, посылая волны тепла, которые резали ледник на куски, словно горячие ножи. Полости вскипели, источая пар и расширяя податливые пустоты. Клубы белого пара вырывались из размягченных карманов в снегу. Со скрипом и треском ледяная стена распалась на части. Теплая вода под ней смешивалась с валунами и обломками льда, образуя грязно-снежную кашу.

Верну била дрожь восхищения. Ренн рядом с ней вскинул в воздух левый кулак, словно это движение придавало сил его магии. С оглушительным треском карниз снега на вершине утеса вздрогнул и заскользил по склону.

Но это было только начало.

Над сползающим ледником клубился туман. Пласты льда смещались, врезаясь в другие ледяные обломки и сдвигая их с места. Сестры и их ученики сконцентрировались на переднем крае, нагревая темные валуны, чтобы те растапливали лед вокруг себя.

Тысячи вражеских солдат во впадине увидели, как замерзший горный склон сдвинулся и покатился на них, словно живое существо. Их крики породили такое же громкое эхо, как и лавина.

Верна продолжила высвобождать свой дар, растапливая новые участки льда внизу, и вскоре весь ледник двинулся вперед, набирая скорость и катясь по склону с оглушительным ревом.

Эмбер рядом с ней, зажмурившись и сцепив руки, ритмично ударяла по земле, пытаясь растопить еще больше снега. Верна дотронулась до запястья девушки, останавливая ее.

— Достаточно, дитя. Мы сделали это.

Эмбер открыла глаза и повернулась, глядя, как кошмарная смесь снежных и ледяных глыб увлекает за собой часть самой горы. Рев стоял ошеломительный. Пар и снежные брызги извергались в воздух, словно во время грозы.

Каменная армия была заперта в висячей долине, и ледник похоронил их под лавиной, снег для которой копился веками.

* * *

После того как экспедиционный вражеский корпус был погребен подо льдом, Верна откинулась назад, дрожа не от напряжения, а от осознания того, что она наделала.

— Ох, это было блистательно! — не скрывал восторга Ренн. — Именно так и должен действовать волшебник Ильдакара.

Верна смотрела, как снег и лед продолжают оседать, а камни скатываются с пустого горного склона. Вражеское войско исчезло полностью.

— Мы должны были это сделать, — сказала она.

Никки была самой могущественной колдуньей в армии лорда Рала, поэтому ее боялись и уважали. Когда-то она убила волшебника и похитила его способности, потом изучала магию Ущерба, служа Владетелю, и стала известна как Госпожа Смерть.

В результате, когда она предупредила об Утресе и его огромной армии, в д'харианском гарнизоне ей поверили. Генерал Линден привлек военных писарей, чтобы подробно записать ее донесение, и через несколько часов его копии были отправлены с двумя всадниками, умчавшимися на север к Народному Дворцу разными дорогами. Никки могла сокрушить мелких диктаторов и рабовладельцев, но разгром сотен тысяч воинов выходил за пределы того, с чем она могла справиться в одиночку.

Но ей и не нужно было делать все самой. Прошло немало времени, прежде чем она поняла это.

Генерал Линден собрал офицеров, пехотинцев, кавалеристов и разведчиков, чтобы она могла показать им ужасающую картину, запечатленную Эльзой на стекле.

— Я хочу, чтобы они все знали, — сказал Линден. — Чем полнее будет понимание масштабов угрозы, тем лучше армия подготовится к встрече с ней.

Никки медленно прошла вдоль рядов солдат, собравшихся в стенах гарнизона. Показывая им изображение, она поняла, что вселяет в них страх — не невнятный ужас, а искреннее уважение. К ночи она закончила с делами и решила, что пора возвращаться в Ильдакар.

Она должна убедиться, что стены города еще сдерживают осаждающую армию. Если так, то Никки отправится в сильфиде в другие крупные города вдоль побережья и продолжит распространять свое предупреждение.

Уже стемнело, и Никки решила пока не идти в густой Хагенский лес, в дебрях которого скрывался колодец сильфиды.

— Я переночую в казармах и уйду на рассвете, — сообщила она Линдену.

— До Ильдакара, должно быть, долгий путь, — сказал генерал. — Вам нужны припасы? Военный эскорт?

— У меня есть другие способы передвижения.

Он нашел ей отдельную комнату в офицерских квартирах. Душистый запах свежих опилок и зеленой сосны контрастировал с рыбным запахом фонаря на письменном столе, заправленного жиром кракена. Никки открыла ставни, чтобы впустить прохладный ночной бриз. Щелкнув пальцами, она погасила фонарь в другом конце комнаты и легла на соломенный тюфяк. В большем комфорте она и не нуждалась. Засыпая, Никки отогнала мысли о стратегии, обороне от генерала Утреса и потере Бэннона Фермера. Нужно поспать.

Погрузившись в крепкий сон, она ощутила присутствие поджидающей ее кошки, связанной с ней. Мрра. Хотя Танимура была далеко, на другом конце Древнего мира, песчаная пума навестила Никки во сне. Они побежали вместе. Крепкие мускулы несли ее вперед, когда она отталкивалась задними лапами и приземлялась на широкие передние, чувствуя, как изогнутые когти вонзаются в дерн. Никки радовалась тому, что слилась с прекрасным мускулистым телом большой кошки. Она выкладывалась до предела в этом неистовом беге.

Никки вскоре осознала, что Мрра не охотится, а кошачье сердце колотится вовсе не от

радости свободы. Пума пребывала в ужасе.

Ее преследовали хищные чудовища. Мрра мчалась по холмам, и каждый ее прыжок был отчаянной попыткой спастись. Длинный хвост метался, когти вырывали землю. Она перепрыгнула через поваленное дерево и понеслась по черному пятну выжженной травы. Острые уши уловили за спиной тяжелое дыхание с брызгами слюны, словно позади работали кузнечные меха.

За ней гнались два огромных существа, каждое размером с пони, и с их желтых клыков капала слюна. Свиные хищники жаждали разорвать ее на части. Мрра бежала изо всех сил. Позади громко топали твари, их клыки готовы были вцепиться в ее бок, разорвать горло.

Мрра оглянулась, и ее золотистые глаза увидели преследователей — огромных волкоподобных существ с округлыми ушами, вытянутыми головами и бурой шерстью, делающей их трудноразличимыми на фоне сухой травы. Они с рычанием неслись вслед за ней. Мрра ускорила, и Никки поделилась с ней энергией, заставляя пуму двигаться еще быстрее. Но Мрра была вымотана и едва не падала.

Никки могла только гадать, что это за твари. Ричард рассказывал о гончих сердца, свирепых существах, охранявших туманные границы и завесу подземного мира. Чем больше Никки вспоминала его рассказы, тем больше убеждалась, что это именно они. Неужели они каким-то образом проскользнули через завесу? Но Ричард запечатал ее! Стены подземного мира никогда не должны пропускать подобных чудищ.

Мрра бросилась в дубовую поросль. Она с треском пронеслась по ветвям на земле и перемахнула через покрытый лишайником валун. Гончие сердца ринулись за ней, неотступно приближаясь.

Никки знала, что Мрра не сможет ускользнуть от них ни в лесу, ни на поросших травой холмах. У гончих сердца было настолько острое восприятие, что они слышали биение сердца жертвы даже на расстоянии. Ричард также говорил, что чудища первым делом вырывают сердце своей добычи и пожирают его, как кровавую награду.

Никки бежала вместе с Мрра, подталкивая ее, помогая ей, но она была далеко в Танимуре и не могла дотянуться своим даром до большой кошки. Она могла использовать только тело пумы.

Бег ее не спасет. В травянистых холмах негде спрятаться, даже в темноте. Гончие сердца приближались.

Никки ворочалась во сне, лежа в комнате казармы, но разум ее оставался с пумой. Инстинкты заставляли большую кошку поступать так же, как любое преследуемое животное, но Никки знала, что, если это продолжится, Мрра проиграет.

— Послушай меня, сестра-пума, — послала мысль Никки. — Гончие сердца догонят тебя. Ты не можешь сражаться с ними обеими. Они будут ждать, когда ты устанешь и ослабеешь.

Она почувствовала, как Мрра зарычала на бегу. Перед ней оказался травянистый склон, и Мрра беспрепятственно понеслась вперед. Но ускорились и гончие сердца.

— Ты должна поступить неожиданно, — сказала ей Никки. — Тебе все равно придется сразиться с ними, так что бейся на своих условиях. На наших условиях. Сейчас же! Повернись и сражайся!

Пума развернулась и, вместо того чтобы отпрыгнуть, использовала всю силу своих задних лап, чтобы прыгнуть на приближающегося зверя, как таран из когтей и меха. Мрра ударила под челюсть брызжущей слюной твари, врезавшись в бочкообразную грудь, и ее

когти проскребли по изогнутым ребрам. Инерция гончей сердца помогла Мрра разорвать бурый мех и кости, вскрыв грудину твари. Когда гончая повалилась на нее, Мрра с силой сжала длинные клыки на ее горле и дернула. Брызнула кровь.

Гончая рухнула, булькая кровью, не в силах издать ни звука своим порванным горлом. Инстинкты приказывали Мрра стоять над жертвой, вспарывая ей брюхо и извлекая внутренности, но тварь уже была при смерти. Никки это знала. Вместо этого Мрра отпрыгнула, оставив гончую сердца дергаться и истекать кровью, беспомощно щелкая длинными желтыми зубами.

Вторая гончая пронеслась мимо, застигнутая врасплах маневром Мрра, и промахнулась. Пока тварь пыталась развернуться, пума ринулась прочь от окровавленной туши и прыгнула на спину гончей сердца. Та уже потеряла равновесие из-за своего разворота, и вес Мрра повалил ее на травянистую землю. Гончая ударила лапами, пытаясь сбросить с себя пуму.

Никки вместе с Мрра сомкнула мощные челюсти на заживке гончей сердца, перекусывая позвонки и повреждая спинной мозг. В следующий миг вторая гончая была парализована. Нижняя половина ее тела даже не дергалась, а под задними лапами растекалась лужа дымящейся мочи. Оба врага пумы были мертвы.

Мрра отступила, вся покрытая кровью. Она отошла от двух дергающихся в последних конвульсиях тварей, оставаясь настороже. Большая кошка наострила уши, вслушиваясь в ночь, не воют ли в холмах другие гончие сердца.

Даже лежа на тюфяке в казармах Танимуры, Никки чувствовала во рту железный вкус горячей крови и ощущала бешеное биение сердца. Она и ее сестра-пума одолели созданий, которых вообще не должно было здесь быть. Неужели кто-то повредил завесу после перемещения звезд? Как могли монстры вырваться с окраин подземного мира?

Никки разорвала связь, позволив Мрра вернуться и с удовольствием растерзать тела гончих сердца. Никки снова погрузилась в свой сон, который был довольно тревожным.

Линза в подземный мир помутнела, став туманно-зеленой, но слухи молниеносно распространились по лагерю. Генерал Утрос удалился в штаб, погруженный в мысли и вопросы. Он чувствовал груз прошедших лет, ответственности и тяжесть своего предательства.

Древняя армия продолжала повседневную жизнь, поддерживая осаду. Разведчики рыскали по холмам и лесам, составляя карту местности и отмечая городки, которые можно разграбить или захватить. Они передавали сведения первому командующему Еноху, который отвечал на все интересующие генерала вопросы.

Даже колдуньи не отвлекали Утроса от его тяжелых раздумий. Ава и Рува всегда давали советы и предлагали идеи, но сейчас он находился в такой глубокой задумчивости, что походил на неподвижную статую. Генерал сидел на крепкой деревянной скамье, ссутулившись над тлеющей жаровней. Дым вился у его покрытого шрамами лица, обжигая глаза и нос. Стараясь ему не мешать, близняшки добавляли туда различные вещества и черные порошки, от которых щипало в носу и появлялось легкое головокружение. Утрос сидел молча, чувствуя, как сердце разрывается, а разум мечется между противоборствующими клятвами, обязательствами и желаниями.

Преданность сильнее любви. Но он любит Мэджел! Он помнил ее голос и прикосновения, видел ее лицо после того, что сделал с ней Железный Клык. И этому императору Утрос поклялся повиноваться! И все же Мэджел нарушила священную клятву, как и он. Генерал не только разорвал свою преданность в клочья, но и похитил любовь жены повелителя. Он действительно заслуживал наказания.

Утрос сгорбился над дымом жаровни, закрыв глаза и прижав острые ногти к лицу со шрамом от огня дракона. Возможно, он тоже заслуживал того, чтобы с него живьем содрали кожу. Что, если император Керган потребует этого от него?

Преданность сильнее любви.

Он сел прямо, приняв твердое решение. Он генерал Утрос. Вот почему Железный Клык считал его таким значимым, и по этой же причине он должен добиться успеха здесь, в Ильдакаре. Только так он может искупить свое великое предательство.

Колдуньи молча сидели в другом конце комнаты, прижавшись друг к другу бледными телами. Шрамы на их бедрах соприкасались, будто девушки снова срослись, как в детстве. Хотя близняшек разделили, их сердца, мысли и магия остались связанными.

Когда он решительно посмотрел на сестер, Ава и Рува поняли, что их любимый генерал вернулся, как и его холодный и рациональный военный ум.

— Наш император ясно выразился, — сказал он. — Вы слышали его слова из-за завесы. Мой долг — наш долг — прежний: захватить Ильдакар. Наша армия обязана сделать это. — Обе женщины сидели неподвижно, не отворачиваясь от его жесткого взгляда. — Железный Клык приказал найти способ призвать дракона. Для этого мне понадобится ваша помощь.

* * *

Утрос уважал магию, относясь к ней, как к ручной гадюке, и позволял Аве и Руве делать их работу. Близняшки говорили шепотом, обмениваясь идеями, заканчивая предложения друг за друга. Двигаясь с жутковатой синхронностью, они обсуждали, как отыскать дракона.

Даже пятнадцать столетий назад величественные и ужасающие твари были чрезвычайно

редки. На пути к Ильдакару он разыскал серебряного дракона, поскольку они были самыми воинственными и разрушительными в битве. Серебряных также было труднее всего контролировать. Им удалось схватить одно из созданий, маленькое по сравнению с сородичами. Это был сущий кошмар из металлической чешуи и клыков, изрыгающий огонь и кислоту. Огромные крылья дракона могли свалить палатки и создать ветер, способный остановить кавалерийскую атаку. Заковав чудище в цепи, Утрос понял, что никогда не сможет укротить его — ни временем, ни магией.

Серебряный дракон перегрыз цепи и вырвался. В мстительной ярости тварь испепелила сотни солдат, а потом разнесла лагерь. Утрос лично попытался бросить вызов дракону и вновь пленить его, но в итоге ему обожгло лицо брызгами кислотного огня.

Он протянул руку и провел пальцами по зажившему шраму во всю щеку. Император Керган приказал ему снова захватить дракона.

Ава и Рува подошли к нему, когда он стоял перед помутневшей большой линзой. Созерцая окно в подземный мир, он испытывал благоговейный страх перед следующей беседой с Мэджел или Керганом. Он обернулся к девушкам.

— Мы нашли способ, возлюбленный Утрос, — сказала Ава дрожащим голосом. — Мы можем призвать дракона.

Рува смущенно улыбнулась.

— Способ болезненный и опасный.

Его сердце было черствым и пустым.

— Как я и ожидал, но боль и опасность — спутники нашего долга.

Женщины подошли ближе, словно любовницы в предвкушении объятий. Ава погладила рукой его покрытую шрамами щеку.

— Чтобы найти дракона, нам нужна связь с ним. Они далеки и редки. Ближайший к нам может быть очень далеко отсюда.

— Но ты уже связан с драконами, возлюбленный Утрос, — сказала Рува. — Когда дракон ожег тебя и оставил шрам, он также оставил часть своей сущности. Драконы связаны с сердцем самого мира, переплетены с магией. — Она коснулась шрама рядом с пальцами сестры. — Часть этого осталась здесь, на твоём лице. Твоя кожа несет слабый след драконьего огня, а он является связью с самими драконами.

— Мы можем использовать этот след, — добавила Ава, — чтобы послать зов, которому не сможет противиться ни один дракон — если они еще остались.

Глаза Рувы заблестели от слез.

— У нас есть все необходимое, если ты готов пойти на эту жертву.

— Император приказал мне. Я пожертвую всем, чем потребуется.

Колдуньи положили нежные пальцы на его воскоподобную плоть.

— Нам нужна только твоя кожа, возлюбленный Утрос.

* * *

Внутри темного деревянного строения две женщины подбросили дров в жаровню. Они запечатали двери и окна, чтобы даже первый командующий Енох не видел, что происходит, и никто из солдат не слышал криков генерала.

Из-за длительного воздействия каменного заклятия чувствительность лицевых нервов притупилась, но недостаточно. Он почувствовал жгучую боль, когда колдуньи острым кинжалом взрезали шрам.

Он напрягся, сидя на крепком кресле из связанных брусьев. Когда он сжал кулаки,

толстая древесина закрипела. Его запястья были привязаны к подлокотникам, а туловище — к спинке кресла, лишая Утроса подвижности. Ему казалось, что он вот-вот вырвется.

— Еще несколько мгновений, — сказала Ава, стараясь действовать как можно аккуратнее.

— Нам очень жаль, — прошептала Рува, когда острый кончик кинжала сделал глубокий надрез под его глазом и двинулся вокруг скулы к уху. Рува аккуратно отделила кожу, а Ава подцепила воскообразный лоскут ножом с другой стороны.

Утрос уробно застонал. Он испытал то, что пришлось пережить Мэджел, только ее страдания были намного сильнее. Железный Клык ободрал не только одну щеку, но и все лицо, шею, грудь, спину и бедра — все тело. Мэджел после всего этого еще была жива, и император скормил ее тело плотоядным жукам. Утрос знал, что сможет вытерпеть. Преданность сильнее любви.

Рядом с жаровней стояла небольшая чаша с водой. Когда колдуньям удалось полностью отделить от плоти кожу, помеченную огнем дракона, они опустили в чашу этот неровный лоскут, напоминавший часть маски, и бережно промыли его. Кровь окрасила воду.

— Это первый шаг, возлюбленный Утрос, — сказала Ава.

Когда кожа стала чистой, а вода красной, Рува вынула тонкий лоскут и бросила в жаровню, где он загорелся. Ава добавила туда порошки, от которых огонь вспыхнул ярче. Кожа сморщилась и почернела, как шкура животного. Рува погасила пламя своим даром и взяла обуглившуюся кожу.

— Теперь готово, — сказала она, опуская остатки в чашу с кровавой водой.

Обгоревшая кожа распалась, пепел растворился, и колдуньи, глядя в чашу и помешивая воду кончиками пальцев, начали что-то напевать. Небольшое помещение наполнилось магией, пульсирующей и сверкающей. Они послали неумолимый зов дракону.

В зале совета Квентин просматривал списки имен, что собрали его помощники. Натан и Эльза сидели рядом, негромко разговаривая. Они еще не вынесли на обсуждение совета вопрос по воинам Иксакс.

Несмотря на поздний час, бледнокожая Лани тоже присоединилась к ним. Натан знал о ней немного, но она бросила вызов Торе, из-за чего он заключил, что человек она порядочный.

Не объясняя своих действий, Лани подошла к каменному столу и взяла кувшин с водой, оставленный для членов палаты волшебников.

Натан с любопытством поднял взгляд:

— Я думал, тебе не нужно пить и есть.

Лани заглянула в кувшин с водой.

— Это оружие. Моя собственная магия.

— Я помню твою магию наблюдения. — Эльза улыбнулась и повернулась к Натану. — Она похожа на магию переноса, но Лани проще работать с водой. Она может призывать ее и использовать в качестве проводника — как акведуки под Ильдакаром.

— Этот дар исходит изнутри, смешан с моей кровью. — Лани погладила выгнутый бок кувшина. — Мы с Ренном делились тем, что вычитали в малоизвестных текстах, и обнаружили много забытых легенд и заклинаний. Тору не слишком заботили наши исследования. Она считала себя на пике сил и не желала учиться чему-то новому.

— Учиться нужно постоянно, — сказал Натан. — Даже когда я на тысячу лет застрял во Дворце Пророков, я продолжал читать и учиться. — Он погладил подбородок. — На самом деле я делал это не из альтруизма, а в надежде найти способ сбежать, чтобы жить своей собственной жизнью.

— Я рада, что в итоге тебе это удалось, Натан, — сказала Эльза. — И рада, что ты здесь.

— Снова обретя сердце волшебника, я могу помочь Ильдакару.

— Но достаточно ли силен твой дар, чтобы остановить генерала Утроса? — спросила Лани.

— Разумеется, я не способен на это в одиночку. — Он смущенно отряхнул подол балахона. — Но если все помогут своей магией, мы сможем победить древнего генерала и полукаменную армию.

— Только если знаем, что делает враг. — Лани повернулась с кувшином и, к всеобщему удивлению, вылила воду на голубой мрамор.

Натан поднял ноги, чтобы брызги не попали на его сапоги. Сидевший напротив Квентин поднял взгляд от списка, раздраженно что-то проворчал и вернулся к работе.

— При помощи магии наблюдения я могу шпионить за нашим врагом. — Лани опустила на колени рядом с растекающейся по полированному полу лужей. — Могу увидеть, что делает Утрос, если поблизости есть открытая вода. — Она вздохнула. — Жаль, здесь нет Ренна. Он всегда делился со мной силой, но я сделаю это и без него. — Она встретила взглядом с Эльзой. — Я сделаю это ради него.

— Он обязательно вернется, — сказала Эльза.

Лани простерла руки над водой и призвала дар, заставив появиться изображение. Тора использовала ту же магию, шпионя за своим народом через умывальные чаши Ильдакара.

— Генерал Утрос ничего не заподозрит. Мне просто нужно найти воду поближе к нему...

Лани закрыла глаза, держа белые как мел ладони над поверхностью воды. Направляя дар, она опускала руки, пока ее пальцы не коснулись водной глади. Образы стали четче, и тогда она открыла глаза.

Натан с любопытством смотрел на формирующиеся тени и вскоре узнал место, где они с Никки разговаривали с генералом.

— Это его штаб.

Лани прищурилась.

— Мы наблюдаем то, что сейчас делает Утрос, что он говорит и видит. Я смотрю через чашу в его покоях. — Голос ее упал до шепота, а выражение лица стало более напряженным.

Рябь на поверхности успокоилась, и лужа стала походить на зеркало на полу. В воде Натан увидел Аву и Руву с выбритыми головами, их белая кожа была покрыта загадочными завитками и узорами. Видение было красным, будто они смотрели через витраж.

Генерал Утрос приблизился, пока колдуньи пели, занятые магией. Сидевшая на полу Лани ахнула. Она застыла, но не посмела прервать видение. Она старалась изо всех сил, и поражающая картина становилась все более отчетливой.

Утрос потерял половину лица. Кто-то срезал обожженную кожу на его щеке. Рана была свежей и кровоточила.

Колдуньи продолжали песнопение, взывая на древнем языке, затем обратились к генералу:

— Мы призываем дракона. Он должен явиться.

Натан и Эльза изумленно отшатнулись.

— Добрые духи, они могут призвать дракона?

Когда Лани снова ахнула, обе колдуньи вдруг посмотрели в воду, точно орлы, заметившие кролика с высоты. Лани отдернула руки, пытаясь разорвать связь, но Ава и Рува наклонились и направили в воду грубую волну магии, отслеживая связь с Лани.

— Нет! — крикнула Лани, когда вода на голубом мраморном полу забурлила, как суп в котле.

Видение распалось, но вода продолжала дергаться, собираясь, а потом поднялась полупрозрачной пенящейся колонной и бросилась в лицо Лани. Она подняла руки, пытаясь стряхнуть воду, которая накрыла ее удушающей простыней.

Натан и Эльза перепрыгнули через каменный стол и бросились на помощь. Квентин оторвался от книг и с недоумением уставился на происходящее.

Лани дергалась, но не могла избавиться от воды, которая покрывала все ее лицо, проникая в рот и нос, не давая дышать.

— Она захлебнется! — воскликнул Натан. — Мы должны помочь!

Эльза нацарапала руну переноса, пытаясь переместить воду. Жидкость стягивалась на лице Лани и извивалась подобно медузе, вползая в нос и глаза. Лани не могла дышать, но сопротивлялась.

Натан манипулировал воздухом, создавая вакуум, чтобы высосать воду, но Ава и Рува объединили свой дар и контратаковали. Он не смог отреагировать достаточно быстро.

Вода надавила на носовые пазухи Лани и ее горло. Ожившая жидкость сломала ей челюсть, разорвала трахею, расколола изнутри скулы и заполнила ее голову и легкие.

Пока Натан и Эльза отчаянно пытались ей помочь, Лани рухнула на мраморные плиты.

Пол теперь был сухим, поскольку вся вода находилась внутри нее. Видений не было.

Мертвая колдунья лежала на полу. Ее лицо стало бесформенным и дряблым, ведь все кости были перемолоты в труху. Ее твердая кожа провалилась внутрь, и вода вытекла из носа и рта, растекаясь по мрамору. Злая ирония.

— Ох, Лани! — Эльза обхватила плечи мертвой женщины. — Ох, Лани.

Позади них стоял потрясенный Квентин.

— Я не знал, как остановить это, — сказал Натан, чувствуя себя подавленным и беспомощным. — Я не смог ее спасти. Добрые духи...

— Да уж, добрые духи, — произнес Квентин. Он повернулся к Эльзе и Натану. — А теперь нам следует бояться еще больше. Мы знаем, что генерал Утрос призывает дракона.

Ли́ла никогда не позволяла себе расслабиться, и Бэннон подозревал, что она просто не умеет этого. Молодая Морасит сохраняла бдительность, мускулы ее были напряжены, рефлексy наготове. Даже когда она делила с ним постель и проявляла немного нежности, она оставалась взведенной пружиной, готовой распрямиться.

Она вела его вниз по наклонным улицам к арочным воротам, выходящим на крутой обрыв, и Бэннон понимал, что это не праздная прогулка.

— Мы всегда должны быть настороже, — сказала она. После побега из вражеского лагеря она больше не называла его мальчишкой. Возможно, это знак уважения, а может, Ли́ла просто забывалась. — Стены Ильдакара защищали город тысячи лет, но речные укрепления тоже хороши.

В квартале торговцев она свернула к входу в туннели снабжения, проложенные внутри песчаникового утеса, и он последовал за ней в прохладные освещенные факелами проходы. Мускулистые рабочие катили бочки и грузили мешки с зерном в телеги, в которые были запряжены медлительные яксены или широкоплечие мужчины. Ли́ла быстро шла по широкому туннелю.

— Откуда берутся все эти припасы? — спросил Бэннон. Он знал о торговле с деревнями в холмах, но осаждающая армия отрезала эти пути сообщения.

— Когда мы жили под саваном, Ильдакар должен был быть самодостаточным, — сказала Ли́ла. — Запасы могут обеспечивать нас многие годы, поэтому блокадой генерал не добьется успеха, как бы долго он ни ждал.

Бэннон остановился у деревянных кадок, полных рыбы с обвисшими усами. Рты рыб были открыты, глаза остекленели.

— Это свежая рыба, — сказал он. — С реки?

— Как только саван спал, многие деревни вверх по течению стали торговать с нами, — сказала Ли́ла. — Мы все еще получаем много провизии, и армия на равнине этому не мешает.

Идя вслед за Ли́лой по туннелю, он заметил впереди дневной свет, который был ярче факелов. Морасит подвела его к широкому проему в отвесном утесе над рекой, остановилась на краю и посмотрела вниз.

Бэннон увидел, что хотя отвесная скала казалась такой же неприступной, как и высокие городские стены, тут была сеть ступеней, приставных лестниц, платформ и трапов, позволявшая людям входить и выходить через многочисленные отверстия на обрыве, чтобы принимать груз с причальных платформ на берегу реки. Перед ними, высоко над водой, гонялись друг за другом несколько ворон.

— Мы забираем товары с торговых судов и приносим их сюда для доставки на все рынки города, — пояснила Ли́ла.

Бэннон вспомнил три норукайских корабля с рабами, прибывших в город. Должно быть, Кор и его спутники этим же путем вели на невольничий рынок своих изможденных пленников.

— Мы в безопасности, — сказала Ли́ла. — Если кто-нибудь попытается напасть на нас с реки, мы можем сбросить платформы, отсоединить доки и изолироваться. — Она шагнула к самому краю и посмотрела вниз. Ноги ее были менее чем в дюйме от обрыва. У Бэннона

закружилась голова. — Нам никогда не приходилось прибегать к таким крайним мерам.

Она ступила за край, отыскав хитроумно встроенные в песчаник ступени. Без поручней и веревки Лила начала спускаться к деревянной платформе в двадцати футах под ними. Бэннон заколебался, и она окликнула его:

— Следуй за мной.

Лила быстро спускалась по тропке, вырубленной в скале.

Бэннон решил не показывать свой страх и шагнул за ней. Он разглядывал широкие дорожки и закрепленные в скале деревянные ступени, по которым грузчики могли переносить ящики, мешки и бочки в другие туннели и места хранения. Лила ждала его на платформе, и он понял, что она испытывала его. Он присоединился к ней без комментариев и жалоб, и она поспешила по ступенькам к другой платформе.

Когда они добрались до более широкого места, он обернулся и глянул вверх. Стена утеса была гладкой и отвесной, почти без признаков естественного выветривания мягкой породы. Многочисленные отверстия вели в лабиринт туннелей внутри возвышенности. Они находились посередине высоты утеса, и более чем в сотне футов внизу спокойно текла синезеленая река.

Возле доков стояли две небольшие плоскодонки, и ильдакарские рабочие выгружали из одной лодки запечатанные бочки, а из другой — каменные блоки и плиты. Рабочие при помощи канатов и шкивов поднимали ко входам в скалу тяжелые клетки. Некоторые платформы поднимались в воздух сами по себе, и Бэннон понял, что кто-то из одаренных торговцев использовал магию для доставки груза.

Они возобновили спуск, и двумя уровнями ниже Бэннон увидел небольшую платформу шириной не более четырех футов, на которой стояли две бадьи с живой речной рыбой. Рабочие наверху тянули за веревки, поднимая рыбу к приемной пещере. Город был в осаде, а тысячи вражеских солдат находились сразу за толстыми стенами, но рабочие у реки перекликались, вели непринужденные разговоры, шутили и смеялись, как будто это был обычный рабочий день.

Двигаясь зигзагами вдоль отвесной скалы, они с Лилой спустились с крутого утеса. Бэннон держался за песчаник, сохраняя равновесие, и не сводил взгляда с ее обнаженной спины, чтобы не смотреть вниз. Морасит подошла к южному краю главного утеса, где ступени снова сменили направление, и показала ему поток речной воды, с журчанием текший по деревянному желобу. Бэннон с изумлением понял, что вода течет снизу вверх в каналы акведука. Поток бурлил и брызгался, обратным водопадом уходя внутрь утеса. Юноша увидел руны заклинаний, вырезанные в скале.

— Утрос перекрыл ручьи, текущие через долину, но мы берем воду из реки, — сказала Лила. — Мы просто поднимаем воду в Ильдакар, но при необходимости можем освободить ее. Если захватчики попытаются взобраться по скале, мы откроем шлюзы, и сюда хлынет вода из наших водоемов и резервуаров.

Бэннон последовал за ней к краю реки. Им пришлось шагнуть в сторону, пропуская рабочих, которые с трудом поднимались по лестнице, неся на плечах мешки с зерном. Наконец, они достигли береговой линии и деревянных доков, где разгружались две плоскодонки. У каждого судна был капитан и несколько членов экипажа.

Ильдакарские торговцы стояли у лодок, сверяя припасы с бумагами и расплачиваясь с капитанами кошельками с золотыми монетами и драгоценностями. Один городской торговец надул щеки:

— Выращивание зерна не подорожало, а рыба осталась рыбой. Почему так дорого?

Капитан речного судна нахмурился.

— Прошу прощения за повышенные цены, сэр, но из-за осады вашего города наши риски возросли. Я должен доплачивать своей команде, чтобы они согласились сюда плыть.

— Война повышает расценки, — сказал второй капитан. — Ваши потребности стали острее, тем самым вызвав рост цен. Простая коммерция.

— Мы заплатим требуемую цену, — проворчал торговец. — Ильдакару все равно ни к чему столько золота. Я предпочитаю иметь провизию. — Он посмотрел на последние бочки, в которых дергались скользкие создания. — А это угри, моя страсть! Я сам съем половину груза.

— Но осадная армия на равнине, и солдаты не могут спуститься к реке, — недоумевал Бэннон. — Ваша работа не стала более опасной.

— О, опасность существует, юноша, — сказал капитан, и мужчина на соседней лодке согласно кивнул. — Хэнсон пришел с низовьев реки, а это значит, что он вынужден обходить стороной болота. Чтобы доставить с каменоломен камень, он должен провести лодку мимо всех этих болотных драконов и змей-убийц.

Хэнсон заскрежетал зубами и снова кивнул.

— Одна из тамошних деревень разрушена из-за какого-то волшебника из Ильдакара и Морасит, — продолжил капитан. — От Тарады почти ничего не осталось.

Лила нахмурилась, услышав эту информацию.

— Морасит и волшебник?

Капитан кивнул.

— Тарада была отличным поселением в мирной заводи. Они никому не причиняли беспокойства, но потом волшебник объявил себя их предводителем, и на него напала Морасит — женщина, похожая на тебя. Все жители деревни пострадали, многие были убиты, а большинство их хижин теперь разрушено.

Хэнсон скрестил руки на груди и хмыкнул.

— Поэтому, если вам нужны наши товары, и вы просите нас проделать такой опасный путь, то будьте готовы заплатить немного больше.

— Я уже сказал, что мы заплатим, — напомнил торговец, желая поскорее завершить сделку. Его рабочие загрузили бадьи с угрями на подъемную платформу.

Бэннон смущенно посмотрел на Лилу.

— Как Морасит оказалась в болотах? Думаешь, тот волшебник — это Максим?

— В этом я не сомневаюсь. — Лила посмотрела через широкую реку на болота, похожие на гноящиеся растительностью шрамы. — И я готова биться об заклад, что та Морасит — это Адесса.

Далеко вниз по течению от Ильдакара болота, наконец, сменились обычной местностью. Адессе стоило беспокоиться лишь о привычных природных опасностях. И о Максиме.

Она продолжала охоту. После ухода из разрушенной Тарады прошло уже несколько дней. Она все еще была в царапинах и синяках, но все быстро заживало, и жизненная энергия от поглощенного плода по-прежнему давала несравненную силу. Ей не нравилось растрачивать напрасно драгоценную магию крови, ведь когда она загонит главнокомандующего волшебника в угол, ей понадобится вся сила, чтобы одолеть его. Однако сначала его надо найти.

Адесса выслеживала Максима в болотах, сражалась с низко свисавшими ветвями и с брызгами преодолевала мелководные протоки, пытаясь понять, в каком направлении он пошел. После взрывной волны пара и воды, уничтожившей Тараду, он украл лодку и прошел на ней несколько миль вниз по течению, а потом снова углубился в дебри. Он не мог прятаться вечно, но сильно опережал Адессу.

Она прищурилась в слабеющем вечернем свете. Солнце уже село, и оранжевый отсвет пробивался сквозь лес. Лягушки и ночные насекомые затянули свои песни еще до наступления темноты. Адесса продиралась сквозь высокую траву, но, услышав шорох в подлеске и всплеск воды от крупного животного, решила найти укрытие и переждать темноту. Морасит не чувствовала усталости. В теле ее было достаточно энергии, чтобы идти день и ночь, но было глупо рисковать, двигаясь вслепую. В округе немало хищников, и в темноте легко потерять след Максима.

Смирившись, она нашла старый болотный дуб, который, возможно, был ровесником Ильдакара. Ствол его был покрыт мхом и древесными грибами. Наверху, среди свисающих лиан и плетей болотного мха, она увидела толстую горизонтальную ветку и решила, что это хорошее место для ночевки. Найдя опоры в потрескавшейся коре, она вскарабкалась по стволу. Добравшись до крупной ветви, она оседлала ее, ощущая голыми бедрами шершавую кору.

Одеяло темноты опустилось на деревья. Адесса не нуждалась в огне, поскольку воздух был теплым и влажным, а приготовить все равно было нечего. Вместо этого она устроилась поудобнее, прислонившись спиной к стволу и свесив ноги с толстой ветки. Она потянула несколько ближайших лиан, сломала удерживающие их ветки и воздушные корни, и привязала себя к дереву, чтобы не упасть во сне.

Много ночей она лежала без сна, будучи настороже, давая отдых мышцам, но не разуму. Теперь она чувствовала себя в достаточной безопасности, чтобы дать телу то, в чем оно нуждалось. Она успокоила дыхание, почувствовала биение сердца и сконцентрировалась на своей единственной цели.

Она мысленно повторила слова властительницы Торы: «Убей его. Покинь город и выследи его». — Приказ был выжжен в ее памяти, и Адесса приняла его. — «Принеси в Ильдакар его голову. Жители города должны увидеть, что главнокомандующего волшебника настигло правосудие».

Она представила момент, когда сокрушит главнокомандующего волшебника и длинным боевым ножом отрежет его голову. О дальнейшем Адесса не думала. Она не позволяла себе

размышлять о том, что будет делать после выполнения миссии. Пока не было никакого «после». Убийство Максима было единственной целью ее жизни.

Прижавшись к стволу, она почувствовала, как напряжение в мышцах слегка спало. Не полное расслабление, но этого достаточно для Морасит.

Она подумала о женщинах, которых обучала сражаться, чтобы они служили нуждам Ильдакара. Ни один из воинов арены не мог сравниться с Морасит, а Адесса была сильнейшей из них. Но она оставила своих сестер и теперь была одна в болотах, спасалась от ночных опасностей на высоком дереве.

Адесса закрыла глаза, коснулась плоского живота и провела пальцем по изящным рунам на упругой коже, думая о нерожденном ребенке, которого больше не было в ее чреве. Если бы она позволила ребенку Яна родиться, он стал бы не первым. Она уже беременела от четырех других чемпионов. Три ее дочери воспитывались одаренными дворянами, и, если они докажут, что достойны, Адесса возьмет их на обучение к Морасит. Никто из них не знал, кто их мать, и она не стала бы относиться к ним по-особому. Ее последний ребенок, мальчик, был бесполезен. Кажется, этому непослушному юноше с трудом давался счет, и поэтому он создавал проблемы для семьи усыновивших его торговцев.

Адесса вдохнула воздух, пахнувший гнилью и болотными цветами, и закрыла глаза.

Нерожденный ребенок Яна был другим. Ян был храбрым и сильным парнем, преданным Адессе, пока Бэннону и колдунье Никки не удалось перевернуть давно устоявшийся порядок.

Ян... Она вспомнила, как учила его угождать ей. Когда она пускала его в свое тело, это было похоже на поединок, и Ян был хорош в этой борьбе. Ведь он был чемпионом.

Она отбросила эти мысли. Ян мертв; она сама его убила. Ребенок в ее утробе послужил другой цели, обеспечив мать магической силой, которая поможет одолеть Максима. Все остальное не имело значения.

Адесса слышала шорохи и, глянув вниз со своей высокой ветки, увидела больших существ на коротких лапах, рыскающих по земле или скользящих по грязной воде в поисках добычи: пара болотных драконов, челюсти которых могли перекусить самую толстую бедренную кость. Однако Адесса была высоко, а болотные драконы даже не взглянули вверх. Она не издала ни звука.

В качестве тренировки она подумывала спрыгнуть с ветки, вонзить кинжал им в шею и убить обоих. Это должно было доставить ей удовольствие и дать свежее мясо, но Адесса осталась на месте. Ей нужно было отдохнуть. И ей нужен Максим, а не они. Она могла бы умертвить всех болотных драконов, каких пожелает, будь у нее в мешке голова главнокомандующего волшебника. Это было самое ожидаемое ею удовольствие. Другие развлечения подождут.

Она прислонилась головой к стволу, проверила удерживающие ее лианы и закрыла глаза. Завтра она продолжит охоту. Главнокомандующий волшебник не сможет вечно ускользать от нее.

Покидая Танимуру, Никки осталась довольна настроением д'харианского гарнизона. Она была уверена, что генерал Линден укрепит оборону и оповестит остальную армию лорда Рала. Она планировала отправиться с подобными целями в другие крупные города Древнего мира, но после битвы Мрра с гончими сердца Никки забеспокоилась об Ильдакаре. Она должна вернуться.

— Дыши!

Путешествие в сильфиде закончилось, и Никки перевалилась через низкую стенку колодца внутри помещения на нижних ярусах города. Она упала коленями на твердый пол, откашливая серебристую субстанцию, заполнявшую ее легкие, сердце и душу. Сильфида была в ней, но Никки выталкивала ее из себя.

Никки разогнала полумрак, создав огонек на ладони, и поднялась на ноги. Сияние заполнило все вокруг, и она почувствовала запах влажных камней и мха. Обернувшись, она увидела, что сильфида ждет ее в колодце, блестящая, металлическая и прекрасная.

— Расскажи мне, как ты послужила нашему делу, — попросила сильфида. — Расскажи о Сулакане и о ходе войны. — Она была нетерпелива и настойчива. — Когда-то давно я пожертвовала всем, чтобы одержать победу над волшебниками Нового мира, и ожидаю подобной жертвы от всех наших союзников.

— Моя деятельность — не твоя забота, — сказала Никки. Она подумала, что сильфида способна обнаружить ложь, и потому отвечать совсем не хотела.

Создание было в бешенстве.

— Мне нужно знать. Я могу путешествовать из города в город, но вижу только свой колодец. Прошло так много времени с тех пор, как я переносила кого-то еще. Расскажи мне новости.

Никки нужно было и в дальнейшем путешествовать в сильфиде, но ее беспокоило, что эта незнакомка была такой любопытной и требовательной. Уперев руки в бедра, Никки повернулась к сильфиде.

— Разговоры о секретных миссиях — верный путь к поражению в нашем деле. Ты доставила меня в Танимуру, и я сделала то, что должна была. Тебе не нужно об этом знать. Скоро я попрошу, чтобы ты перенесла меня в другое место для новой миссии. Я ожидаю от тебя сотрудничества.

— Я буду сотрудничать, — сказала сильфида, понурившись.

— Можешь довольствоваться знанием о том, что помогаешь мне.

— До тех пор, пока мы с тобой боремся за общее дело, — предупредила она.

Никки почувствовала нотки подозрения в голосе создания. Не ответив, она подошла к входной двери низкого помещения и вышла на дневной свет Ильдакара. Сильфида позади нее долго наблюдала, прежде чем превратиться в безмятежную жидкость.

* * *

Полукаменные солдаты Утроса продолжали стучать в стены. Ильдакарские механики с тревогой обнаружили волосяные трещины в древних блоках, и одаренные дворяне применили магию, чтобы переформировать и укрепить камень, пока трещины не стали шире.

Вокруг Никки собралась толпа зевак, пока она шла в башню властителей, чтобы

доложить о путешествии в Танимуру. Когда она вошла в палату, Ренделл рассказывал о работе, которую выполнял по всему городу простой люд: они точили мечи, ковали доспехи и оружие, поддерживали жизнедеятельность Ильдакара. Голос бывшего раба дрогнул, когда вошла Никки.

Натан вскочил на ноги.

— Дорогая колдунья! Рад тебя видеть.

Она обвела взглядом комнату.

— Я сообщила д'харианскому гарнизону об Утресе и его армии, и лорд Рал скоро узнает об этой угрозе. Однако в ближайшее время мы не можем ожидать подкрепления. Ильдакар должен защитить себя сам. Вы добились какого-нибудь прогресса? Нашли новое оружие?

Ольгия рассказала, что ильдакарские шелкопрядильщики работают над созданием улучшенных червей, которые смогут производить еще более прочные шелковые доспехи. Прежде чем женщина успела закончить, в комнату ворвался Бэннон с широкой улыбкой на лице и в сопровождении деловитой Лилы.

— Никки! Ты вернулась.

Никки была поражена тем, что молодой человек все еще жив, но не показала этого.

— Рада видеть, что ты выжил. Ты хороший боец, и я не хотела бы тебя потерять.

Он, как всегда, казался излишне жизнерадостным и поспешил вперед, но в последний момент передумал обниматься.

— У нас есть и плохие новости, — добавила Эльза тяжелым голосом. — Лани мертва.

Обсуждения в зале стихли.

— Как это случилось? — спросила Никки.

Натан пригладил длинные белые волосы.

— Она при помощи воды и магии подглядывала за генералом Утресом, но две его колдуньи заметили ее и нанесли ответный удар.

— Лани не смогла противостоять им, — сказала Эльза. — Они убили ее прямо здесь. И мы не смогли ее спасти.

— Это большая потеря, — сказала Никки. — Нам нужен каждый одаренный боец, а Лани была сильна.

— Боюсь, что будет еще хуже, — произнес Натан. — Добрые духи, куда хуже. Перед смертью Лани узнала, что Утрес и те две женщины использовали заклинание призыва настолько могущественного существа, что это меня пугает.

— Это пугает всех, — сказал Квентин. — Нужно всерьез рассмотреть наше последнее средство — саван, — прежде чем генерал сможет добиться успеха. Властительница Тора предложила содействие.

Никки и слышать не хотела о Торе.

— Что обнаружила Лани? Кого они призывали?

— Утрес вознамерился призвать дракона, — сказал Натан. — У него есть связь, и колдуньи воспользовались ею.

— Если дракон присоединится к древней армии, стены не смогут защитить нас. — Голос Деймона дрогнул, выдав страх и напряженность. — Чудище повергнет Ильдакар в хаос. Оно заберет тысячи жизней и уничтожит наши дома.

Никки осознавала масштаб угрозы.

— Если генерал Утрес сможет подчинить себе дракона, нам следует подготовиться.

— Что нам делать, если прилетит дракон? У нас и оружия против него нет, — сказал

Квентин.

Натан посмотрел на стол перед собой, затем расправил плечи.

— Я ждал Никки, чтобы предложить это. — Он обвел всех тревожным взглядом голубых глаз. — У Илдакара есть такое оружие, и теперь мы действительно должны рассмотреть его применение. — Натан поднялся на ноги. Заинтригованная Никки ждала, что он скажет дальше. — Колдунья, пойдем со мной. Ты скажешь мне, не сошел ли я с ума, предлагая эту идею.

* * *

Никки стояла в разрушенной студии Андре, усеянной разрозненными пятнами солнечного света, и смотрела на огромных Иксакс.

— Ты сам уничтожил одного из них, когда к тебе вернулся дар, — сказала она.

Натан и Эльза стояли рядом с ней, чувствуя себя беспокойно.

— Зерцалоликий выпустил его, чтобы вызвать хаос, и Иксакс обезумел от столетий бессмысленного бездействия, — негромко сказал он, поглаживая подбородок. — Вина за это лежит на Андре.

Никки посмотрела на двух оставшихся титанов. Через прорези в громоздких шлемах на нее взирали желтые глаза.

Натан шагнул ближе к воинам, демонстрируя уверенность.

— Эти двое томились в бесконечном ожидании, но все же сохранили свои души, я знаю это. Давным-давно, когда Илдакар впервые подвергся угрозе, они добровольно вызвались стать чудовищными по силе воинами. Но они все помнят и знают, в чем нуждается город.

Никки подумала о сильфиде, которая так же вызвалась стать нечеловеческим созданием в своей горячей преданности делу.

— Уверен, что они помнят о своей верности? Ты говорил с ними? Ты можешь сделать это?

— Я регулярно беседовал с ними, зачитывал им предания, легенды и истории, — сказал Натан. — Я объяснил, что происходит сейчас за стенами, поведал о пробуждении армии. Уверен, они все понимают.

Эльза коснулась его руки.

— Мы напомнили им о долге. Иксакс не способны одолеть дракона, но они самое мощное оружие, которое есть сейчас у Илдакара.

Никки медленно кивнула.

— Они предназначены для уничтожения десятков тысяч вражеских солдат и определенно нанесут гораздо больший урон, чем наша ночная атака. — Никки долго разглядывала гигантских воинов. Они будут разрушительными. — Думаю, мы должны рискнуть.

Борясь со штормом, норукайский флот отплыл от скалистых островов и направился на юг, к широкому устью Киллрейвен, впадающей в океан. Пятьдесят крепких кораблей, благословленных кровью Йорика и милостью змеиного бога, шли по открытой воде; попутный ветер наполнял их темно-синие паруса. Всякий раз, когда бриз стихал, король приказывал бить в барабаны, и его воины брались за весла.

Скорбь всегда был неугомонным человеком. Сидение на каменном троне вызывало у него нетерпение, поэтому он покидал стены бастиона и бродил по острову, охотясь в одиночку, или же отправлялся на небольшой лодке на соседние острова. Народ должен видеть своего правителя и бояться его.

Желая подражаться, он провоцировал вождей кланов, кричал на них, широко открывая обезображенный шрамами рот, словно хотел укусить их за лицо. Он оскорблял и стыдил их до тех пор, пока они не отвечали тем же. Иногда какой-нибудь вспыльчивый глупец впадал в такую ярость, что бросал вызов его правлению. Подобные вынужденные соперники всегда гибли. Скорбь тщательно отбирал их.

Теперь архипелаг Норукай наполовину опустел: самые храбрые норукайцы находились на борту змеиных кораблей в составе огромного флота, другие же ушли с опальными капитанами Кором или Ларсом. Те, другие, были неудачниками и слабаками, пьяницами, обладателями непомерных игровых долгов или рогоносцами, которые не могли без стыда смотреть в глаза собратям. Король знал, что они будут сражаться яростно и ожесточенно, но их кровь будет пролита в угоду его славе. У легендарного Ильдакара были многочисленные волшебники и древние укрепления, которые держались столетиями, но ни один город не выстоит против норукайцев.

Король стоял на носу корабля возле резного змея, разинувшего пасть в немом крике. Когда ему наскучило смотреть на волны и брызги, он пошел вдоль палубы. Шаман приплясывал рядом, не в силах сдержать возбуждение.

— Плыдем, плывем, плывем! — кричал Мелок. — Мы плывем, и скоро будем убивать. Я видел это. Мы будем убивать! Ильдакар исчезнет! Мой Скорбь, король Скорбь! Все будут скорбеть.

— Да, я Скорбь, и наши враги будут скорбеть.

— Скоро мы будем убивать, я видел, — ликующе ухмыльнулся альбинос.

Скорбь знал, что до устья реки еще далеко.

— Кого мы убьем? — В открытом море им не встретятся другие корабли, они не станут нападать на небольшие прибрежные поселения вроде бухты Ренда. Не в этот раз.

— Не знаю, мой Скорбь. — Мелок виновато отвел взгляд.

Он уставился на солнце, не мигая, и смотрел так долго, что король начал опасаться, что шаман ослепнет. Он пихнул локтем неуклюжего шамана в сторону, и тот потер глаза. Еще в бастионе Мелок подолгу смотрел на пламя в большом очаге, размышляя о видениях. За неимением огня он обратился к солнцу, словно выискивал в нем знамения.

Из-за сильного ветра вода была бурной и беспокойной. Мелок прежде плавал только между островами, и сейчас это было самое долгое его морское путешествие. Первые три дня Мелка жутко тошнило, он держался одной рукой за живот, а другой за поручни, пока его рвало за борт. Шаман был убежден, что змеиный бог проклял его, и что жертва Йорика

оказалась недостаточной. В отчаянии он грозился выброситься за борт, но Скорбь удержал его от такого поступка.

— Это не проклятие змеиного бога, а обычная морская болезнь. Ты знаешь, что и другие от нее страдают.

Даже храбрые норукайцы с изуродованными лицами, воины, жаждущие обогреть кровью свои руки и оружие, иногда страдали от морской болезни, за что над ними глумились другие норукайцы.

Два налетчика высмеивали и унижали Мелка во время этого плавания, и король Скорбь забил одного из них до смерти. Из головы мужчины вытекали мозги, как из разбитой скальной тыквы, пока Скорбь выбрасывал тело за борт.

Второй насмешник упал на колени и склонился.

— Смилуйся, король Скорбь! Позволь мне умереть в битве.

Скорбь повернулся к Мелку:

— Тебе решать. Должен ли он умереть?

Имевший жалкий вид шаман покачал головой и поплелся к борту, где его снова вырвало. Скорбь следил, что тот пьет достаточно воды, чтобы выжить. После трех дней качки море успокоилось, и тошнота Мелка прошла. Худшее осталось позади, и шаман снова был полон энергии, жаждал увидеть побережье, реку и Ильдакар.

Змеиные корабли шли на парусах, таща за собой рыболовные сети. Добытая рыба считалась угощением от змеиного бога и была намного лучше, чем завяленные и засоленные припасы. Для себя же король взял остатки мяса яксена из Ильдакара, но делиться им отказался.

Флот налетчиков плыл по казавшемуся серым морю. Мелок метнулся к борту, дергая короля за мускулистую руку.

— Я увидел. И ты увидишь! Смотри. — Скорбь смотрел туда, куда указывал шаман, но ничего не замечал. — Убивать!

Услышав возбужденное лopotание, другие норукайцы тоже подошли к борту. С соседнего змеиного корабля донесся крик, и Скорбь прикрыл глаза рукой от солнца.

— Там! — воскликнул Мелок. — Я говорил, что мы скоро будем убивать. Смотри!

— Сэлки, — утробно прорычал стоявший рядом норукайский воин. — Посмотри на волны, мой король.

Теперь Скорбь заметил покачивающиеся на волнах фигуры, скользкие, серые и нечеловеческие. Скорбь стиснул зубы, почувствовав, как напряглись мышцы челюсти.

— Сэлки... — произнес он так, словно сплюнул яд. — Почему змеиный бог просто не поглотит их, очистив моря от этой грязи?

Он ощутил, как вскипела его кровь. Сэлки были расой подводных злобных монстров, которые, возможно, когда-то давно были людьми. Они держались вместе и служили жестокой королеве. Создания нападали на корабли, которые считали нарушителями. Монстры взбирались по корпусу или пробивали дыры ниже ватерлинии. У сэлок были твердые как железо когти и ряды острейших зубов. Несмотря на жуткий облик, сэлок можно было убить. Скорбь знал это наверняка, ведь он лично убил многих. Часто сэлки, превосходившие численностью экипаж норукайцев, убивали всех на борту и оставляли судно дрейфовать. Время от времени в открытом море находили такие корабли с изорванными темно-синими парусами, сломанными мачтами и палубами в следах когтей, слизи и крови. Скорбь ненавидел сэлок.

Со змеиных кораблей раздались выкрики. Норукайцы похватали копья, топоры и гарпуны, приготовившись к нападению с воды. Они бросали сэлкам вызов, дразня их и подзывая поближе.

— Слишком много, — произнес Мелок, качая головой. — Слишком много.

— Мы сразимся, — сказал Скорбь. — Мне все равно, сколько их.

— Нет-нет, мой Скорбь. Нас слишком много. Сэлки боятся. Слишком много! Норукайцы убьют их всех. Они не станут нападать.

— Тогда они поступают мудро, — разочарованно сказал король.

Он видел минимум сотню тварей, но против них были тысячи норукайских воинов. Существа держались на расстоянии, и король Скорбь сердито и с вызовом смотрел на них. Одна тварь с ярким окрасом держалась впереди, источая злобу. Скорбь подумал, что это королева. Если так, ему бы хотелось забить кулак ей в рот и проломить череп. Он усмехнулся при этой мысли.

Норукайцы на корме потянули за узловатые канаты и подняли сети, чтобы посмотреть на улов. Послышались ликующие возгласы.

— Я говорил тебе, говорил! — Мелок подпрыгивал от нетерпения. — Сейчас мы будем убивать.

В сетях оказалась сэлка. Она пыталась проскользнуть между змеиными кораблями, собираясь атаковать и выискивая слабое место в корпусе. Сколько еще сэлок может быть под водой? Запутавшаяся сэлка извивалась и рвала когтями сеть. Она уже почти выбралась, но норукайцы принялись бить ее дубинками и топорами.

— Не убивать! — вскричал король. — Не сейчас.

У избитого создания были крупные узкие глаза и широкий рыбий рот, который казался насмешкой над разрезанными ртами норукайцев, но Скорбь знал, что сэлки не были детьми их змеинобога.

Израненная, избитая и истекающая кровью сэлка щелкала челюстями и махала когтями. Скорбь шагнул вперед, не боясь этой твари. Он сжал кулак и ударил. Окованные железом костяшки с хлюпаньем и хрустом врезались в лицо сэлки; из расплюснутых ноздрей хлынула кровь, а изо рта потекли слюна и слизь.

— Обвяжите лодыжки канатом и подвесьте на грот-мачте, — приказал Скорбь, проверяя толстую цепь на своей талии.

Норукайцы потащили оглушенное существо по палубе, оставляя след из слизи и крови, будто по доскам прополз слизняк. Скорбь стоял у высокой мачты. Взглянув на воду, он увидел, что в отдалении собралось еще больше сэлок. Скорбь мог чувствовать их гнев, но пойманная сэлка была шпионом и диверсантом. Они послали ее для атаки, и обращение будет соответствующее.

Один из норукайцев взобрался на мачту и перебросил через нок-рею свободный конец веревки. Скорбь ухватился за него и потянул, поднимая плененную сэлку над палубой. Тугая веревка стягивала лодыжки существа. Повиснув высоко над палубой вниз головой, плененная сэлка зашипела и зашевелилась, покачиваясь, словно наживка на рыболовном крючке. Скорбь привязал веревку к палубной стойке. Сэлка дергалась в поисках опоры, выгибая спину и пытаясь дотянуться до веревки на перепончатых ногах, но безуспешно.

— Королева сэлок! — прокричал Скорбь в море. — У нас один из твоих подданных. Смотри, что мы сделаем со всеми вами!

Верзила-король взобрался по мачте, держась за такелаж, и вскоре добрался до нок-реи,

на которой висела сэлка. Существо раскачивалось, вспарывая когтями воздух, но не могло дотянуться до короля.

— Смотри, королева сэлок! — проревел с высоты Скорбь.

Он достал нож с рукоятью из кости морского змея, выброшенного на берег одного из норукайских островов. Опасно балансируя на рее, Скорбь одной рукой подтянул к себе бьющееся существо, а другой провел лезвием по горлу сэлки. Тварь раскрыла рот и щелкнула челюстями, но теперь в ее шее зияла рана, похожая на широкую красную жаберную щель. Сэлка вздрогнула, когда хлынула кровь.

Мелок прыгал по палубе, протягивая бледные руки к кровавому дождю. Другие норукайцы присоединились к шаману, подняв к небу покрытые шрамами лица и лоя красные капли. С высокой мачты король видел собравшихся в воде сэлок, злобных и мстительных, но достаточно мудрых, чтобы не нападать на налетчиков.

Когда из тела перестала вытекать кровь, Скорбь перерезал канат и позволил сэлке упасть на палубу, переломав кости. Он спустился, прыжком преодолев последние пять футов. Склонившись над телом, король большим ножом отделил чудовищную голову создания. Она была скользкой, покрытой кровью, узкие глаза потускнели, но все еще оставались открытыми. Скорбь решил насадить ее на пику позади резной носовой фигуры корабля.

— Сохраню это для своей коллекции, но тело уберите. Перебросьте за борт, а веревку не трогайте. Пусть оно тащится за кораблем, чтобы сэлки могли чувствовать кровь в воде. — Он усмехнулся. — Может, усвоят урок. — В этом, однако, он сомневался.

Норукайцы швырнули обезглавленное тело сэлки за борт, и оно поплыло вслед за ними. Не прошло и часа, как веревка сильно натянулась. Король Скорбь не удивился, когда команда вытащила из воды перегрызенный зубами конец веревки. Тело исчезло.

Ужасающая перспектива призыва дракона вынудила советников быстро принимать решения, а не потакать своей склонности к бесконечным дебатам. Как только Никки добавила свой голос к голосам Натана и Эльзы, совет единогласно проголосовал: обрушить на врага мощь двух воинов Иксакс.

Глубокой ночью рабочие соединили большие деревянные платформы, установленные на тяжелые колеса, окованные железом. Получились две подводы, достаточно прочные для Иксакс. Используя веревки, рабочие медленно наклонили закованных в броню титанов, в то время как Натан и Никки при помощи дара смягчили приземление массивных фигур на дно повозок.

Люди потянули подводы с лежавшими на них воинами Иксакс через развалины виллы Андре. Ночная процессия медленно двигалась по улицам Ильдакара к главным воротам. Многие горожане вышли из домов и толпились под ярким светом уличных фонарей. Некоторые ликовали, безрассудно бросая вызов Утросу, но более осмотрительные горожане были мрачны и напуганы.

Несколько часов назад город погрузился в зловещую тишину, когда полукаменные солдаты без видимых причин перестали колотить по стенам и отступили к лагерю. Натан считал это нехорошим знаком. Утрос планировал нечто ужасное. Вдруг он уже нашел дракона? Сама эта мысль заставляла процессию двигаться быстрее. По мере приближения к гигантским воротам зловещая тишина сменялась возбужденным гулом.

Натан и Эльза шагали рядом с медлительными подводами, а Никки возглавляла процессию. Волшебник смотрел на огромных воинов, которые лежали на спине и глядели на звездное небо через прорези в шлемах. Натан подумал, что эти титаны впервые за пятнадцать с лишним столетий увидели звезды. Сколь же многим пожертвовали эти невинные молодые люди — Джонатан, Ральд и Денн.

Процессия шла через толпу. Дети, широко раскрыв глаза, смотрели на колоссов, в то время как их родители, старики, торговцы и освобожденные рабы наблюдали за происходящим с тревогой.

С наигранным весельем Натан зажег яркий огонь на ладони:

— Чего такие мрачные? Добрые духи, мы должны приветствовать наших героев, наших воинов Иксакс! Они спасут Ильдакар. Покажите, как вы цените их. Они отдали все ради вашего города. — Огонь на его ладони вспыхнул ярче.

Эльза улыбнулась, поняв, к чему он клонит.

— Да! Вы все — приветствуйте их! — Она свистнула и тоже зажгла огонек. — Слава воинам Иксакс, защитникам Ильдакара!

По улицам прокатилась нарастающая волна выкриков и аплодисментов. Шагая рядом с закованной в броню головой одного из Иксакс, Натан склонился и прошептал:

— Слушай их, друг мой. Вас знают и ценят. Скоро вы сможете сделать то, чего ждали веками.

Яркий огонь Эльзы освещал другую сторону подводы, скрипевшей от тяжести. Никки, услышав, как Натан заводит толпу, послала вверх ослепительный столб жаркого огня волшебника, отчего люди испытали благоговейный трепет.

Тяжелые подводы проехали мимо опустевшей окутанной тенями боевой арены, квартала

торговцев, складов и домов рабочих. Наконец они оказались на широком нижнем ярусе города, за которым были высокие стены. Рассвет только занимался, и на востоке за городом поднималось зарево. Высокие ворота были закрыты и забаррикадированы, и подводы с двумя воинами остановились прямо перед ними.

— Воины Иксакс помнят свою душу, семью и свой город, — объявил Натан. — И будут защищать нас, как поклялись когда-то.

Верховный капитан Стюарт приказал караульным снять запирающие заклинания, повернуть шестерни и сдвинуть засовы. Десятки рабочих мощным рывком потянули за канаты, и гигантские ворота начали открываться, медленно и со скрипом. Натан нетерпеливо махнул рукой, магией подтолкнув увесистые створки. Небо уже стало светлее, и солнце показалось над рекой. Когда ворота открылись достаточно, рабочие провели через проем подводы с колоссами.

Армия генерала была довольно далеко от стен, и древние солдаты перемещались по лагерю.

— Посмотри на армию, — обеспокоенно сказала Никки волшебнику. — Что-то происходит. Генерал Утрос делает свой ход.

— Тогда мы должны сделать наш, — ответил Натан. — И побыстрее. — Он повернулся к Эльзе и советникам. — Рабочие не смогут действовать быстро, поэтому мы используем дар и поднимем наших защитников, чтобы они были готовы к освобождению.

Натан и Никки при помощи магии накренили подводы, и гигантские сапоги воинов Иксакс уперлись в землю. Орон, Деймон, Квентин и Эльза посредством дара поставили первого воина прямо. Он походил на статую часового высотой в половину огромных городских ворот. Потом общими усилиями они подняли второго воина.

Теперь эти двое неподвижно стояли, но были наготове. Натан чувствовал изменения в гигантах, трепетное ожидание под их броней, будто кровь в их обездвиженных телах начала вскипать.

— Скоро, — сказал им Натан, указывая на лагерь. — Скоро! Теперь вы видите своего врага, эту гигантскую армию.

Он не был уверен, что Иксакс способны перевести взгляд, но равнина перед Ильдакаром была заполнена тысячами солдат. От численности противника захватывало дух, но Иксакс, казалось, были готовы. Они жаждали.

— Эти солдаты угрожают Ильдакару. Они хотят проломить стены и разграбить город, — сказал Натан, пока небо продолжало светлеть. — Они собираются завоевать Ильдакар во имя императора Кергана, который мертв уже много веков. Вы можете спасти нас. — Он пристально посмотрел на воинов. — Вы двое можете спасти нас.

С высокой стены послышались крики часовых. Утрос расчищал большой участок в лагере, и Натан почувствовал нарастающий страх. Остальные волшебники озирались, также чего-то ожидая.

Натан тяжело сглотнул и повернулся к Эльзе.

— Что ж, моя дорогая, давай докажем, что мы правы. — Он посмотрел на возвышающихся нечеловеческих солдат. — Помните, кто вы. Вспомните, для чего вы были созданы.

— Помните о нас, — добавила Эльза. — Вы должны помнить о нас. — Затем она активировала руны на пластинах брони воинов Иксакс, и та засияла от магии, освобождая их.

Символ разгорался все ярче, и Натан услышал треск, когда суставы шевельнулись, а затвердевшие мускулы напряглись. Глаза за забралами горели гневом и разочарованием. Натан вспомнил ту ночь, когда едва не погиб в столкновении с единственным Иксакс. Он лучше всех прочих знал, какую опасность представляют эти мощные создания. А теперь он высвободил их, чтобы они исполнили предназначение.

Возвращаясь к жизни, они склонили огромные головы и осмысленно посмотрели на Натана. Затем, со стоном древней небывалой силы воины Иксакс пришли в движение.

Было ясное утро. Роковое утро. Солнце поднималось над утесами Ильдакара, очерчивая силуэт города. Генерал Утрос вглядывался в туманную дымку и оранжевые отсветы разгоравшегося рассвета, чувствуя, как набирает силу магия вокруг него — магия Авы и Рувы.

Поскольку заклинание было привязано к коже с лица Утроста, он тоже являлся частью магии. Когда колдуньи сожгли кожу, опаленную драконьим огнем, и смешали пепел с кровавой водой в чаше, возникла связь, похожая на паутину, заброшенную на дар. Они знали, что это займет время. Через несколько дней, сидя в темном помещении штаба, все трое почувствовали... дракона. Да, заклинание смогло отыскать великолепное древнее создание и захватить его. Даже во времена эпохи завоеваний Кергана величественные и непредсказуемые драконы были довольно редки. Теперь же, с помощью могущественного заклинания Авы и Рувы они нашли одного дракона. Только одного.

— Он далеко, — глухо прошептала Ава. Рува наклонилась ближе, поглаживая холодную твердую кожу Утроста. Они делились с ним теплом своих тел и своей магией, находясь рядом. — Но через тебя мы заставим его прийти к нам.

В полночь Утрос отвел войска от стен, хотя непрерывный стук начал наносить урон укреплениям Ильдакара. Он знал, что неожиданная тишина деморализует врага, и от безмолвия они будут вздрагивать точно так же, как от ударов в стены.

Рано или поздно стены не выдержат. Городские волшебники укрепили блоки заклинаниями, но это был только вопрос времени. После пятнадцати столетий каменного плена Утрос не беспокоился о времени. Его император и возлюбленная Мэджел уже были с Владетелем в подземном мире. Утрос хотел добиться своего, нуждался в этом, чтобы искупить предательство. Увидев ярость и жажду мести Железного Клыка, Утрос понял, что заслужить прощение будет нелегко. Вот если он завоюет весь мир... Ильдакар — первый шаг.

Как только солдаты отступили от стен, ночь погрузилась в оглушительную тишину, а Утрос занялся последними приготовлениями.

Колдуньи, удалив со своих тел даже намек на растительность, кончиками пальцев нанесли друг на друга яркие краски. Узоры на руках, шее, лицах и груди складывались в экзотические чувственные шедевры, настолько насыщенные, что им ни к чему была одежда.

Утрос знал, что они не подведут. Во время первой стадии заклинания, растворяя в воде пепел кожи генерала и посылая свой призыв, они обнаружили наблюдавшую за ними колдунью из Ильдакара. Ава и Рува разобрались со шпионкой. Теперь его враги в городе наверняка знали о плане, но сделать ничего не могли. Как Ильдакар мог противостоять дракону, который подчиняется Утросту?

После напряженных дней ожидания настал решающий момент, и скрывать план больше не было смысла. Ильдакар сгорит, стены его рухнут, жители города будут кричать, пытаться сдаться, но будет уже слишком поздно. На рассвете Утрос вместе с двумя колдуньями направился к центру равнины. Он приказал солдатам расчистить большую площадку, с которой будет виден Ильдакар. Скоро Ава и Рува натянут несокрушимые цепи заклинания и притащат гигантского дракона, чтобы тот исполнил приказание генерала.

Обнаженные женщины шли рядом с генералом к месту призыва.

— Рассвет — это грань между тьмой и светом, — проговорила Рува хриплым шепотом, — время, когда магия находится в равновесии. Некоторые заклинания легче наложить именно на рассвете.

— Это непросто, возлюбленный Утрос, — добавила Ава, — но мы с сестрой отдадим все силы. Мы приведем к тебе дракона.

Когда показалось солнце, колдуньи были готовы. Утрос стоял в своей древней военной форме: кожаных доспехах с полосами отполированного металла и шлеме с внушительными бычьими рогами. Его армия расставила вокруг знамени, снова принеся на поле боя пламя Железного Клыка. Утрос коснулся большого меча на боку и стиснул кулаки в кожаных перчатках, ощутив тугой наруч на правой руке.

Солнечный свет отражался от чеканной золотой маски, закрывавшей левую щеку, с которой была срезана кожа. Ава и Рува при помощи магии превратили золотые кольца, браслеты и ожерелья в полумаску, которая точно повторяла очертания его плоти. Сейчас лицо Утроса выглядело привлекательнее, чем со старым драконьим шрамом. Он даже начал чувствовать себя легендарным.

— С какой стороны явится дракон? — спросил Утрос.

Ава и Рува медленно повернулись.

— Он придет с неба, большего мы не знаем. Мы еще не звали его.

По приказу колдуний двое солдат принесли на середину расчищенной площадки большие барабаны. Женщины опустили на колени и полукаменными ладонями начали отбивать громкий ритм, разносившийся над притихшей армией. Барабанный бой был только частью призыва. Они задействовали дар, и Утрос ощутил в теле покалывание. Из-за куска кожи, принесенного в жертву, между ним и всеми драконами возникла невидимая связь. Ава и Рува посылали монотонный зов через эту связь, словно дергая струну на музыкальном инструменте.

Утрос почувствовал внутри толчок, как будто попавшаяся на крючок форель дергала за леску, и на него нахлынуло приятное возбуждение. Он знал, что дракон где-то рядом и приближается. Он ощущал чистейшую силу древней рептилии, создания, самая суть которого была связано с костями мира.

Ава и Рува продолжали бить в барабаны. Магия сверкнула в воздухе подобно молнии, напугав тысячи солдат. Утрос позабыл о пожарах, спаливших травяные холмы, о своих отрядах, которые отправил для завоеваний. Все, что имело значение — этот момент, это место и дракон, который откликнулся на призыв. С нервной дрожью и незабытым страхом Утрос вспомнил серебряного дракона, пойманного когда-то давно. Эта неудача должна была заставить его бояться драконов, но генерал не признавал страха. Но он знал, что такое уважение. Посредством своей связи Утрос будет командовать этим созданием.

Генерал предвкушал это. Он почувствовал приближение дракона еще до того, как его заметили часовые. Ава и Рува били в барабаны, и раскатистые удары разносились по долине бешеным сердцебиением обреченного человека.

Женщины резко остановились, присев на корточки и глядя в небо. Утрос заметил крылатый силуэт на невероятной высоте, казавшийся не более чем серым пятнышком на голубом небе. Он ощутил, как связь дергается, а затем увидел огромные крылья, длинную гибкую шею, зазубренный хвост. Приглушенные вздохи и крики изумления пронесли по рядам солдат. В прошлый раз, посылая дракона на Ильдакар, Утрос хотел, чтобы атаковала и вся армия, но сейчас даже его тактическое мышление не могло сосредоточиться на деталях

военной операции. Не сейчас. Он испытывал настоящее благоговение.

Дракон устремился вниз, неукротимый и невероятный. Он был гораздо древнее и крупнее того дикого серебряного дракона, которого он помнил с давних времен. Этот дракон был серым, от него веяло невообразимым возрастом и неизмеримой мудростью. Желчный гнев дракона захлестывал сердце генерала через магическую связь.

С ревушим свистом горячего воздуха дракон тяжело приземлился перед Утросом. Ава и Рува отступили от барабанов, когда генерал оказался лицом к лицу с созданием.

— Ты — мой, — сказал он.

Голова дракона была размером с телегу, а челюсти его были такими широкими и мощными, что он мог перекусить быка пополам и проглотить за раз. Желтые глаза горели огнем, а из ноздрей клубился дым. Вспомнив ожог от едкого пламени серебряного дракона, Утрос понял, что этот гигант может испепелить его одним дыханием.

— Зачем ты призвал меня из юдоли Кулот? — В низком голосе дракона слышался грохот грома. Черный раздвоенный язык хлестнул по воздуху, будто оружие.

— Я твой хозяин, — сказал Утрос. — Приказываю тебе сражаться за меня и мою армию.

Серый дракон выгнул свою толстую змеиную шею:

— Я Бром, и у меня нет хозяина.

В ответ генерал дернул за магическую связь, наблюдая, как дракон вздрогнул от удивления. Ава и Рува сотворили заклинание, бормоча непонятные слова и синхронно нанося удары. Бром вздрогнул, будто его пронзили раскаленными железными стержнями.

— Я не подчиняюсь тебе! — заявил Бром. — Я храню кости своих предков. — Когда он заговорил, из его пасти повалил дым, а в горле взвились язычки пламени. — Я последний в своем роде.

Утрос прижал ладонь к золотой полумаске.

— Отныне ты предан мне, и у тебя новая миссия. Я взываю к нашей связи. Сражайся за меня. Атакуй и уничтожь Ильдакар.

Бром распростер огромные крылья и дважды взмахнул ими, создавая порыв ветра, который едва не сбил Утроса с ног.

— Я не буду.

— Ты должен! — стоял на своем Утрос. — Я приказываю служить.

Ава и Рува творили свои тщательно продуманные заклинания. Утрос не ожидал, что серый дракон будет так яростно сопротивляться, но колдуньи оказались удивительно сильны. Они жестко ударили объединенной магией.

Бром взревел, мотая головой и изрыгая в воздух длинную струю пламени. Лица Авы и Рувы выражали злобу и упорство, когда они вонзали магические кинжалы боли в мозг Брома.

— Ты будешь повиноваться мне! — снова сказал Утрос. — Я приказываю тебе атаковать Ильдакар.

Колдуньи продолжали мучить его, и огромный серый дракон содрогнулся, будто в него несколько раз ударила молния. Бром сопротивлялся, его желтые глаза пылали ненавистью и непокорностью. Наконец он склонил огромную голову к земле, подчиняясь.

Утрос улыбнулся половиной лица.

Лавина, сошедшая под Кол Адаиром, стерла древние дороги, поэтому экспедиции из Твердыни пришлось потратить несколько дней на обход обломков и завалов. Разведчики карабкались по крутым горным склонам, пробираясь через ледяное крошево и валуны и отыскивая дорогу для лошадей. Тропа была такой узкой, что приходилось идти гуськом, переступая через обломки. Еще они высматривали выживших воинов уничтоженного войска, чтобы хотя бы допросить их.

Перебираясь через груды льда и щебня, они видели множество растерзанных тел. Смертоносный снег похоронил армию, изломал тела, размазал и задушил солдат. На краю ледяного поля разведчики Зиммера откопали тело, которое торчало из сугроба.

— Смотрите, генерал!

Древнего солдата придавило ледяной глыбой. У него была сломана шея, лицо обмякло, а глаза остались открытыми.

— Он выглядит таким бледным. — Верна с любопытством смотрела на мертвого воина. Она много раз видела трупы, и они всегда были бледно-серыми, но кожа этого была неестественно белой.

Ренн наклонился и ткнул пальцем в щеку мертвеца.

— Он твердый и окоченевший.

— Может, из-за холода, — предположил Оливер.

— Не думаю. Его кожа твердая, почти как камень.

Зиммер посмотрел вниз:

— Они по-прежнему способны истекать кровью и умирать, но убить их непросто. Но мы уже сражались с непростыми врагами.

Ренн смахнул снег с нагрудника мертвеца, и тут же обеспокоенно отпрянул.

— Символ пламени. Это солдат из армии Железного Клыка, как и предполагали разведчики.

— Император Керган, — сказала Верна. — Я изучала историю.

— История не раскрывает все подробности. Великий генерал Утрос привел армию из сотен тысяч солдат под стены Ильдакара. — Ренн ткнул в кожаный доспех. — Как я уже говорил, наши великие волшебники обратили их всех в камень, но теперь они почему-то пробудились. — Он пробежался пальцами по своей клочковатой бороде. Дородный волшебник не брился с самого отбытия из Твердыни, утверждая, что растительность сохранит его лицо в тепле. — Может, только часть армии вернулась к жизни и ушла от Ильдакара в поисках дома в горах.

— И мы всех их убили, — потрясенно выдохнула Эмбер. — Мы даже не знали, враги они нам или нет.

— Враги, — сказал генерал Зиммер, глядя на погибшего. — Десять тысяч воинов не могут выполнять мирное поручение.

Он снова покачал головой, глядя на перепаханный лавиной склон.

Пробираясь между ледяными глыбами и шагая по рыхлому снегу, Верна наткнулась на еще одно тело, торчавшее из-под завала. Она замерла, когда воин пошевелился и застонал.

— Один жив! Добрые духи.

Она смахнула снег с лица воина, искаженного болью. Меловая кожа была рассечена и

кровоточила. Мужчина закашлялся. Верна опустилась на колени, начав вытаскивать раненого из снега, и к ней поспешили Ренн и генерал Зиммер. Глаза у древнего солдата были остекленевшими.

— Может, ему помочь? — спросила Перетта. — Аббатиса, вы можете исцелить его своим даром.

— Он может сообщить нам что-то полезное, — добавил Зиммер.

Верна ощущала его страшные внутренние раны, сломанные кости и раздавленные внутренние органы. Солдат застонал, и она удивилась, что он еще жив.

Она смотрела на правильные черты его лица. Воин зажмурился, лицо исказила гримаса. Верна вливала в него энергию, чтобы продлить ему жизнь.

— Он... странный внутри. — Она легонько покачала головой. — И не протянет долго.

Генерал Зиммер наклонился:

— Кто твой командир? Какое у вас задание?

Солдат закашлялся и посмотрел на аббатису и других склонившихся над ним людей в незнакомой форме д'харианской армии.

— Генерал Утрос, — ответил солдат. — Мы служим Утросу во имя императора Кергана. Мы завоюем все земли Древнего мира.

Ренн посмотрел на остальных. Его лицо было таким же бледным, как у умирающего солдата.

— Вы были возле Ильдакара, — требовательно заговорил он. — Ваша армия была каменной, я сам это видел! Почему заклинание исчезло? Что случилось? Почему вы на марше?

— Мы пробудились. Утрос уничтожит Ильдакар, и мы завладеем всем миром. Это... наша миссия.

— Где остальная армия? — напористо спросил Ренн, в голосе которого сквозило отчаяние. — Это лишь малая часть сил войска под Ильдакаром.

— Мы шли вперед... — Солдат заерзал, но не смог вытащить ноги из-под снега. — Другие армии тоже движутся. Мы завоюем все, что встретится на пути. — Его заочневшее лицо скривилось в болезненной усмешке. — Но основная часть наших сил все еще под Ильдакаром, и генерал сокрушит город.

— Ильдакар никогда не падет! — Лицо Ренна побагровело.

Солдат лающе засмеялся, и из его рта потекла кровь. Верне было все сложнее поддерживать жизнь в замерзающем мужчине, но разозлившийся Ренн махнул рукой, и магия сокрушила ребра воина и его грудную клетку, ломая хрупкое тело. Солдат дернулся и замер.

Ренн выглядел больным.

Генерал Зиммер посмотрел на Верну, лицо его было мрачнее тучи.

— Как я и думал, это армия вторжения. Если по Древнему миру маршируют другие такие отряды, мы на грани войны.

— Но почему? — Эмбер смотрела на мертвого солдата. — Мы даже не знаем их. Почему они хотят завоевать мир?

Верне стало жаль наивную девочку. За столетия, прожитые среди сестер Света, аббатиса привыкла к страданиям. Она учила молодых волшебников контролировать дар, и эти уроки часто требовали немалых усилий и приносили много боли. Она повидала разрушения и убийства, когда император Джегань и Имперский Орден прошли через

Танимуру. Она прошла через страшные битвы, в том числе душераздирающее сражение, которое стоило жизни ее возлюбленному Уоррену. Да, она вдоволь насмотрелась на смерть. Но юная розовощекая послушница мало что знала о насилии. Ее брат, Норкросс, повидал кровопролитие в последней войне, но и он был еще совсем юн. К сожалению, Верна знала, что насилие и убийства заставляют наивную молодежь взрослеть слишком рано.

Зиммер созвал солдат.

— Возвращайтесь в Твердыню, — указал он на двух лучников. — Отправляйтесь немедленно и скажите им о том, что мы узнали. Проследите, чтобы они подготовились. Мы оказались перед лицом гораздо большей опасности, чем думали.

— Дело касается не только Твердыни, но и всего Древнего мира, — заметила Верна.

На лице Ренна был нездоровый румянец.

— Но самая большая опасность грозит Ильдакару, а значит, наша миссия стала еще важнее. — Он смахнул снег со своего промокшего одеяния и с тревогой посмотрел на капитана Тревора. — Здесь больше не на что смотреть. Мы знаем, что натворили. Теперь нужно вернуться в город как можно скорее.

Верна заметила напряженное выражение его лица.

— Ренн прав, генерал. Пусть разведчики найдут дорогу через горы, чтобы мы могли попасть в Ильдакар. Как только мы объединимся с Никки и Натаном, у древней армии добавится проблем.

Огромный серый дракон склонил голову под магическими ударами Авы и Рувы, но не выглядел покоренным. Утрос ощущал скорее трепет, чем страх. Большие глаза Брома вспыхнули, крылья вызывающе выгнулись. Он с рычанием выдохнул, посылая в генерала обжигающие струи серы и дыма, но Утрос удержал связь. Он прикоснулся к отполированной золотой полумаске, вспоминая о заплаченной цене.

— Сражайся за меня. Это приказ моего императора.

Дракон заговорил приглушенным от боли голосом, в котором ощущалась угроза:

— Ты не смеешь повелевать мной, человечиска.

Ава и Рува переплели пальцы, объединяя потоки магии. Бром запрокинул голову, когда внутри его черепа взорвалась боль. Он издал еще один рык.

— Я повелеваю тобой, — спокойно сказал Утрос. — Мне нужно оружие, чтобы покорить этот город. Нет никого мощнее дракона.

Бром откинулся, присев на задние лапы.

— Меня не волнует ваша возня. Я страж юдоли Кулот и должен выполнять свой священный долг. — Он захлопал крыльями, и два мощных взмаха подняли тело рептилии в воздух.

Утрос снова потянул за узы:

— Нет, ты уничтожишь город, повергнешь моих врагов и покончишь с этой осадой. Мне все равно, куда ты отправишься потом, но сначала ты должен повиноваться мне. Даруй мне победу.

— Я мудрый дракон. — Бром навис над генералом. — Я тысячелетиями копил знания. Я знаю кости своих предков и охраняю их покой. Я не чье-то оружие.

— Ты дракон! — сказал Утрос. — Лети к Ильдакару и обрушь на город свой огонь. Запугай людей, сокруши башни и стены. Сделаешь это, и можешь быть свободен.

Не дожидаясь ответа серого дракона, колдуньи снова применили магию, швырнув ему в грудь копьё боли. Бром изверг в небо струю огня. Рыча от разочарования и гнева, дракон поднялся в воздух и полетел к Ильдакару.

* * *

Громадные воины Иксакс с низким стоном пошевелились. Глядя на них, Натан испытал прилив страха и восхищения. Стальные доспехи неохотно заскрежетали, когда Иксакс шагнул вперед, двигаясь самостоятельно впервые за многие столетия. Похожие на башни торсы со скрипом повернулись. Головы в шлемах склонились, когда Иксакс посмотрели на Натана. Великий волшебник почувствовал себя жалким под взглядом воинов.

Он вспомнил, как третий из них превратил Андре в месиво плоти и кусочков костей. Если Иксакс окажутся изменниками, то могут пойти против него, выломать ворота Ильдакара и устроить в городе погром.

— Прошу... — прошептал Натан, не зная, слышат ли они.

Иксакс распрямились и устремили взгляд на несметные тысячи вражеских солдат и дракона, только что приземлившегося в лагере генерала. Потом титаны зашагали по полю боя.

— Возвращаемся за стены! — крикнула Никки. — Закрывать ворота!

Оставив за стеной громоздкие пустые подводы, палата волшебников, одаренная знать и

рабочие отступили в город, и внушительные ворота закрылись. Натан, Никки и Эльза поспешили наверх, чтобы посмотреть, что станут делать воины. На гребне стены уже стояли дозорные и многочисленные зеваки.

Натан смотрел, как Иксакс шагают к огромной армии.

— Вот для чего они были созданы.

Воины Иксакс наступали, словно двуногие тараны. Древние солдаты, заполонившие долину, отвлеклись на прибытие дракона, но передние ряды уже повернулись лицом к новой угрозе. Иксакс набирали скорость. Вражеские солдаты выстроились в линию, сомкнув щиты, чтобы защититься от приближающихся живых таранов. У гигантских воинов было по мечу длиной с человеческий рост. Походя на волков в курятнике, каждым ударом меча Иксакс рубили десятки солдат Утроса. Сотни солдат устремились к титанам, без раздумий жертвуя собой, чтобы замедлить их. В ответ двое гигантов рубили их сотнями, пробираясь вглубь лагеря. Зрители на высоких стенах Ильдакара ликовали, подбадривая освобожденных Иксакс.

Никки схватила Натана за руку и указала на небо.

— Смотри, дракон! Он летит к Ильдакару! — Она стиснула зубы от осознания, что Утросу удалось взять под контроль серого монстра. — Я пойду к самой высокой точке города, чтобы сразиться с драконом, если придется. — Не дожидаясь ответа, она устремилась прочь.

Натан смотрел, как титаны выплескивают копившуюся веками ярость на настоящего врага. Они размахивали огромными мечами, выкашивая ряды полукаменных солдат. Иксакс давили воинов массивными перчатками. Враги умирали сотнями, и титаны прорывались вглубь армии, круша черепа десятками.

Натан не испытывал симпатии к Утросу и его армии. Он бы предпочел, чтобы враг внял доводам разума и обосновался где-нибудь на просторах Древнего мира, но теперь он знал, что древнее войско нужно уничтожить. Утрос никогда не сдастся. Он стрелял из катапульт изуродованными телами павших ильдакарцев, и те приземлялись внутри города. Его колдуньи атаковали Никки ее же волосами и убили бедняжку Лани. Они вели смертельную игру, и теперь Иксакс сметут с доски все игровые фигуры.

Расширяющаяся полоса разрушений пронзала вражескую армию. Иксакс стремительно продвигались, оставляя за собой тысячи раненых и мертвых. Натан наблюдал за ними с громадным удовлетворением. Мощь Иксакс оправдала его ожидания. Они выполняли свой долг: защищали город. Но перед ними было многотысячное войско, и Натан боялся, что даже у гигантских воинов нет шансов. И серый дракон, хлопая огромными крыльями, быстро летел к Ильдакару.

* * *

Когда дракон полетел прочь от Утроса, генерал заметил первого командующего Еноха, который мчался к нему на коне и кричал:

— Наши потери исчисляются тысячами, генерал! Нужно бороться с этими гигантами.

Утрос видел, как огромные воины появились из ворот Ильдакара, но подчинение Брома потребовало его всецелого внимания. В другой момент он счел бы двух колоссов пугающими, но у него есть дракон.

Морщинистое лицо ветерана исказилось, а жесты стали дергаными, когда он не услышал ответа.

— Мы должны сразиться с ними, генерал! Нам нужна вся доступная магия. Пусть

колдуньи взорвут их.

Утрос повернулся к Аве и Руве, которые выглядели истощенными.

— Мне требуется вся их сила, чтобы контролировать дракона. Он не должен обратиться против нас. Они уже потратили немало магии.

— Но вы только гляньте на этих исполинов, сэр! Мы потеряем слишком много бойцов.

Утрос смотрел, как высоченные нечеловеческие фигуры продвигаются через ряды солдат. Они казались неустойчивыми. Генерал посмотрел на Еноха через золотую полумаску.

— Так обрушь на них нашу армию, сокруши числом. У нас больше воинов, чем они предполагают.

С холодной отрешенностью он восхищался невероятной силой закованных в доспехи чудовищ. Солдаты разлетались во все стороны, как брошенные монеты. Утрос сделал глубокий вдох и поправил рогатый шлем на голове.

— Да, так мы и должны сделать. Великаны кажутся неуязвимыми, но у нас огромная армия, а цели всего две. — На затвердевшем лице появилась улыбка. — Я уверен в победе.

* * *

Пока за стенами бушевала битва, Никки бежала к вершине плато, где стояла башня властителей. Разрушенная пирамида рядом напоминала о ночи, когда началось падение старого порядка в Ильдакаре.

За стенами Иксакс продолжали выкашивать вражеских солдат, но Никки сосредоточила внимание на драконе в вышине. Она не могла толком его рассмотреть и поняла лишь, что он очень крупный. Взмахнув мощными крыльями, он спикировал вниз, оставляя в воздухе оранжевый пламенный след. Тварь поджигала виноградники, оливковые рощи, крыши складов. Горожане убегали в поисках убежища, но ни дома, ни подвалы не могли защитить их от драконьего огня.

Оказавшись на вершине плато, Никки подняла руки к небу и громко закричала:

— Дракон! Явись ко мне.

Она использовала дар, и бело-черные молнии прочертили небо, привлекая внимание создания. Она побежала по ступеням разрушенной пирамиды, намеренно выбрав это сооружение — каменные блоки не загорятся от пламени, и еще рядом не было ни домов, ни людей. Никки могла встретиться с чудовищем один на один. Дракон по спирали спускался к ней, ревя от жалящих его молний. Увидев, что она взбирается по разломанным ступеням пирамиды, он подлетел ближе.

Чудовище показалось Никки знакомым, и когда он раздул грудь, чтобы исторгнуть смертоносное пламя, колдунья выкрикнула его имя:

— Бром!

Дракон замешкался, хлопая широкими крыльями, и сделал над ней еще один круг.

— Бром, страж юдоли Кулот, почему ты покинул кости драконов? Ты должен был защищать их, а не сражаться с нами.

Серое чудовище фыркнуло, но заинтересовалось. Никки помнила, каким он был древним и дряхлым, с изодранными крыльями и выпирающими ребрами. Несмотря на возраст и слабость, Бром бросился защищать кладбище драконов. Никки, Натан, Бэннон и юная Чертополох пришли в юдоль Кулот за ребром дракона, чтобы справиться с Госпожой Жизнь. Сражаясь с серым драконом, Никки случайно омолодила его, придав ослабевшей рептилии сил и энергии. Теперь Бром был внушительным и пугающим — настоящий монстр. Отведя

крылья назад, он приземлился на грудь обломков перед Никки. Неровно остриженные светлые волосы еще не отрасли, и она не знала, узнает ли ее Бром. А может, для дракона все люди выглядят одинаково. Она чувствовала бурлящий внутри дар, жаждущий высвобождения.

— Бром, я сражалась с тобой, когда ты был гораздо слабее, — храбро крикнула она. — И буду биться снова, если вынудишь.

Мудрый дракон стоял на разрушенной пирамиде, исполненный энергии. Он выдохнул с громким гулким сопением, и возле чешуйчатой морды за клубился дым.

— Ты колдунья. Я помню.

— Мы встречались в юдоли Кулот, — сказала Никки. — Ты даровал нам ребро, в котором мы нуждались, а моя магия разожгла огонь в твоём сердце. Я дала тебе силы и избавила от дряхлости.

— Да, так и было. А я дал нужную тебе кость. Мы в расчете.

— Я не взываю к долгу, — возразила Никки. — Я обращаюсь к здравомыслию. Ты мудрый дракон, старый ученый. Разве мудрец позволит втянуть себя в войну, которая для него ничего не значит? Почему сражаешься на стороне Утроса? Что тебя заинтересовало?

— Ничего. Ты меня тоже не волнуешь.

— Тогда зачем ты здесь? — спросила она.

Бром фыркнул.

— Он создал магические узы, используя обожженную драконьим огнем кожу на его лице. Мы связаны, и его колдуньи вынуждают меня подчиняться. Потом я снова стану свободным. Так он сказал.

— Кто-то может подчинить столь могущественное создание? — спросила она. — Я знаю, откуда у него шрам. Ты не серебряный дракон, который сражался с ним много лет назад.

— Связь слаба, — согласился Бром, — но я не могу разорвать ее. Колдуньи причиняют мне боль. Утрос сказал, что я должен уничтожить Ильдакар и сжечь всех вас, и лишь тогда смогу вернуться к костям своих предков. Это все, что меня волнует.

Никки положила руки на бедра.

— Значит, ты вынуждаешь меня сражаться с тобой. Ты уже знаешь, что я тоже могу причинить боль.

Бром открыл и закрыл свою впечатляющую пасть.

— Я не хочу этой битвы.

— Я помогла тебе в юдоли Кулот, вернула силы, а Утрос связал тебя, вынудил подчиняться и доставил боль. Он твой настоящий враг.

Бром задрожал.

— Я должен сжечь Ильдакар или никогда не обрету свободу.

Никки простерла свой дар, ощутив мощное присутствие серого дракона. С помощью хань и ауры магии, наполнявшей город, — особенно сильно она ощущалась на пирамиде, — она смогла разглядеть тонкую невесомую нить, тянущуюся к Брому.

— Его колдуньи связали тебя узами, но эта цепь слаба. Они использовали клочок обожженной драконом плоти, чтобы призвать любого дракона. Ты просто оказался ближе всех.

Бром фыркнул огнем, демонстрируя свое раздражение.

— Знаю! Я мудрый дракон. Не думай, что можешь меня обдурить.

— Я и не пыталась, я лишь констатирую очевидное. Моя магия превосходит магию этих колдуний. Когда-то я убила волшебника и забрала его силу.

Она разглядывала тончайшую нить между Бромом и Утросом. Потянувшись, Никки схватила нить и перерезала связь своим даром — как избавилась от волоска, когда Ава и Рува напали на нее.

Когда невидимые узы разорвались, Бром пошатнулся. Вздвигнув крупные чешуйки на макушке, он встал в полный рост и расправил крылья. Огромный пугающий дракон навис над руинами пирамиды.

— Выбирай, с кем хочешь сразиться, — сказала Никки. — Я освободила тебя. Можешь даже вернуться в юдоль Кулот, если хочешь. — Она улыбнулась. — Но ты опять мой должник. Если нападешь на генерала Утроста и его армию, мы будем в расчете.

Бром потрянул своим хвостом с шипами на конце.

— С удовольствием.

Он снова поднялся в воздух. Преисполненный энергии и ярости дракон летел над Ильдакаром, направляясь к вражеской армии.

Крики умирающих солдат, треск костей и брызги крови заполнили поле битвы, но Иксакс не издавали ни звука. Каждый их шаг был длиной с дюжину человеческих. Обитые железом сапоги насмерть давили по несколько противников разом. Взмах меча рубил по десять человек. Одного удара кулака в перчатке хватало, чтобы пробить строй.

Иксакс уничтожили сотни солдат, тысячи и не собирались останавливаться. Они двигались слаженно, а на них накатывались многочисленные солдаты, пытались пробить копьями и мечами непроницаемую броню великанов. Иксакс убивали всех, кто к ним приближался.

Первый командующий Енох подъехал на бледно-сером боевом коне, подняв меч и крича войскам:

— Сомкнуть ряды! Всем солдатам генерала Утроса сомкнуть ряды! Наша сила в количестве. Построиться!

К дальним рядам помчались гонцы, и вскоре непобедимая армия сплотилась, напоминая живое существо. Десятки тысяч вымуштрованных солдат выстроились и зашагали в ногу.

Воины Иксакс пробивались через волны плоти и костей. С каждым ударом их враги падали, но древняя армия не обращалась в бегство. Енох знал, что они не отступят. Он провел всю жизнь среди этих людей, обучал их десятки лет. Армия стала кровным братством. Их семьи давным-давно умерли, и единственное, что у них осталось — обещанная Утросом победа. Они верили своему генералу.

Протрубил боевой рог, и отчаянные приказы распространились со скоростью пожара.

— За генерала, чего бы это ни стоило! — закричал Енох.

— За генерала! — подхватили его клич тысячи голосов.

Два отряда сомкнули щиты, выставили копья и сформировали две фаланги. Чеканя шаг, они двинулись напрямик в хаос, вызванный огромными Иксакс. Самые закаленные солдаты бросились на гигантов и почти сразу погибли, но другие последовали их примеру и продолжили атаку. Снова и снова.

Енох пришел в ужас от количества жертв. За последние полчаса погибло больше его товарищей, чем во всех боевых кампаниях Утроса. Но армия не отступит, они не сдадутся. Судя по неконтролируемым разрушениям, Иксакс тоже никогда не сдадутся. Енох не знал, действуют ли титаны осмысленно, или же они бездумные бойцы с одной целью: сражаться, пока не перебьют всех врагов.

Им оставалось лишь уничтожить гигантов, сколько бы крови ни пришлось пролить. Генерал Утрос понимал это.

Рога снова взревели, и со всех сторон подбежали полукаменные солдаты, держа в руках сеть. Две фаланги атаковали гигантских воинов. Иксакс разметали острие строя, но солдаты навалились на них, пронзая копьями. Разъяренные великаны разбили строй, но противник подавлял числом. Вокруг Иксакс высились целые горы окровавленных изломанных тел. Енох на боевом коне проревел приказ, но на поле боя стояла такая какофония, что его просто не слышали. Впрочем, солдаты и так знали, что делать.

— За генерала! — кричали они. Голоса рассеивались и накладывались друг на друга; все повторяли клич, и голоса сливались словно в ритмичном напеве. — За Утроса, за Утроса!

Иксакс все убивали и убивали древних солдат, но у генерала были сотни тысяч бойцов, хорошо обученных и вооруженных. Каждый был готов отдать жизнь, чтобы нанести урон титанам. Даже Енох, руководивший строем, не верил своим глазам. Солдаты напоминали ему колонию муравьев, пытающуюся совладать с крупным насекомым. Они тысячами бежали на воинов Иксакс. Их тела образовывали баррикады из кровавой плоти, сломанных костей и отрубленных конечностей, но они не отступали, собираясь сокрушить Иксакс.

Их становилось все больше и больше.

* * *

В толпе зрителей на высокой стене раздались стоны разочарования — Иксакс дрогнули, встретив яростное сопротивление. Натан положил руки на плечи Эльзы и притянул ее к себе. Серый дракон, которого контролировал Утрос, уже кружил над Ильдакаром, а Натан все смотрел на огромную армию, которая сменила тактику и обступила двух титанов, не считаясь с потерями.

— Добрые духи, они как саранча.

— Скорее, как осы, — сказала Эльза. — Нападают роем и жалят.

Дракон кружил над верхней точкой города, исторгая в небо пламя. Натан узнал его: это Бром с древнего кладбища драконов. Никки в черном платье стояла на руинах пирамиды, бросая ему вызов.

На поле битвы воины Иксакс продолжали уничтожать полукаменных солдат целыми отрядами, но когда вся армия пошла на титанов, надежда Натана начала угасать. Вражеские воины бросались на гигантов нескончаемой волной. Они пополняли груды тел своих товарищей, но все же захлестывали двух Иксакс, подавляя числом.

Повелитель плоти Андре заявлял, что каждый Иксакс способен в одиночку зарубить тысячу врагов или даже больше, но эти двое намного превзошли чаяния своего создателя. От их руки погибли десять, а то и двадцать тысяч солдат. Но этого было недостаточно.

Они рубили Иксакс оружием, толпясь, карабкаясь, сражаясь и дергая. Наконец, они повалили нечеловеческих бойцов, словно огромных насекомых. Даже упав и не в силах идти дальше, эти двое продолжали сражаться. Обезумевшие солдаты вскарабкались на них, придавив к земле, и стали рубить на куски, ежесекундно нанося тысячи ударов.

— Мне жаль, что с вами это сотворили, — дрожа от ужаса, прошептал Натан. Его лазурные глаза наполнились слезами, пока он смотрел на гибель Иксакс. — Надеюсь, вы сможете обрести покой. Вы сделали больше, чем от вас просили.

* * *

Армия сделала именно то, чего ждал от нее генерал. Солдаты без вопросов жертвовали собой во имя императора Кергана и Утроса. Первый командующий Енох направил их объединенную силу, которая, как и всегда, доказала свою непобедимость.

Утрос повернулся к неприступным городским стенам, желая увидеть, как Ильдакар сгорит в драконьем пламени. Бром извергал огонь, пролетая над зданиями. Увидев дым, генерал предположил, что некоторые районы Ильдакара охвачены пламенем. Но этого недостаточно. Город уже должен был быть поглощен инферно.

Ава и Рува рядом с ним рухнули, будто в них вонзили невидимые кинжалы. Они схватились за грудь в районе сердца, и Утрос ощутил, как нить магии между ним и Бромом лопнула. Вскоре после того, как армия повалила обоих Иксакс, дракон полетел к полю боя.

Крупная серая тварь летела напрямик к его армии. Утрос подобрался, ощущая нарастающее неверие.

— Дракон свободен. Как он вырвался? — Он резко повернулся к колдуньям. — Верните его! Мне нужен этот дракон.

Колдуньи отчаянно пытались восстановить узы, но безуспешно.

— Твоей плоти хватило лишь на однократное создание связи, — сказала Ава. — Но тебя обжег не Бром, и узы были слабы с самого начала.

— Кто-то разорвал связь, — сказала Рува. Близнецы посмотрели друг на друга и в один голос сказали: — Никки. Должно быть, это сделала колдунья Никки.

Разозленный дракон стремительно приближался к осаждающей армии, и его крылья рассекали воздух, словно боевые топоры. Спикировав с высоты Ильдакара, он летел низко над землей, собираясь атаковать. Вскоре на разрозненный строй обрушились потоки огня. Колонны полукаменных солдат превратились в дымящиеся останки. Целые отряды были словно сплющены гигантской раскаленной палицей.

Утрос уже отступил к штабу. Он собирался активировать кровавую линзу и доложить о своей победе Железному Клыкку, но теперь на них напал серый дракон.

Бром пролетел над огромным скоплением солдат, поборовших Иксакс. Взрывы кислотного пламени подожгли завопивших воинов. Дракон демонстрировал мощь и наказывал Утроста с колдуньями.

Рептилия взмыла в небо, наполняя легкие воздухом, чтобы снова спикировать и обрушить на войско испепеляющую атаку. Бром выискивал Утроста, но узы были разорваны, и все люди внизу казались ему одинаковыми. Дракон подпалил ряды палаток, лачуги и склады, иссушая пропитанную кровью землю.

Генерал остановился перед высокой овальной линзой, сделанной из крови невинных детей.

— Мы не позволим ее разрушить! — завопил Утрос. — Ава, Рува, защитите линзу!

Бром подлетел ближе и широко раскрыл пасть. Заметив Утроста и кровавую линзу, он нырнул вниз и выпустил мощную струю огня прямо в генерала. Завизжав, Ава и Рува сцепили руки и подняли защитную стену, превратив воздух в непроницаемый щит вокруг них троих и линзы. Пламя захлестнуло их, и Утрос ощутил обжигающий жар своей нечувствительной кожей. Невидимый щит рассек пламя на два потока. Строение позади них вспыхнуло, и деревянные стены за считанные секунды обратились в пепел, но магический щит выдержал. Окно в преисподнюю не пострадало.

Дракон пролетел мимо, извергая еще больше огня. Наконец, Бром исчерпал свою ярость и решил, что отомстил. Древний серый дракон добился своего.

Утрос повалился на спину. Вокруг витал смрад горелой древесины, травы и плоти. Он уставился в небо. Бром в последний раз вызывающе взревел, устремляясь ввысь, и повернул на север, в горы, где находилась юдоль Кулот.

Осадные силы за пределами Ильдакара приходили в себя после погрома. Никки видела, что воины Иксакс и серый дракон нанесли серьезный урон самоуверенной вражеской армии, и генерал Утрос впервые почувствовал горечь поражения.

Вернувшись на крепостную стену возле главных ворот, Никки смотрела на выжженный вражеский лагерь. Она видела реки почерневшей почвы там, где солдаты сгорели в пламени Брома, видела груды тел воинов, убитых Иксакс. Она сомневалась, что Утрос сможет оправиться от таких потерь.

— Настало время усилить напор и потребовать, чтобы генерал прекратил осаду, — сказала она.

Натан потер подбородок:

— Согласен. Впрочем, после такого поражения он может быть не настроен на вежливую беседу.

Верховный капитан Стюарт, стоявший рядом с ними, с удовлетворением смотрел на суматоху в огромной армии.

— Как капитан городской стражи я выеду за стены и доставлю сообщение генералу Утросу. Я буду настаивать на переговорах и прекращении этой бестолковой войны.

Деймону и Квентину понравилось предложение капитана, но Орон был настроен скептически:

— Я бы предпочел просто убить генерала, и дело с концом. Можно ли ему доверять, даже если он согласится на переговоры?

— Можем хотя бы попытаться, — сказала Эльза, и Ольгия с ней согласилась.

Взгляд Стюарта стал жестче после ночного нападения, в котором погибло немало городских стражников, но теперь он снова обрел надежду. Он сел на коня, и советники пожелали ему удачи, открыв малые ворота. Сидя в седле с прямой спиной, верховный капитан поехал к вражеской армии. Никки смотрела, как несколько полукаменных солдат встретили его и сопроводили вглубь разрушенного лагеря.

— Пока ждем, предлагаю обсудить, на какие условия мы согласны, — сказал Квентин. — Нужно быть готовыми к ответу Утроса.

Никки предложила собраться не внутри башни властителей, а возле пирамиды — оттуда видны ворота, через которые должен вернуться Стюарт. Оказавшись на вершине плато, советники поднялись по поврежденным ступеням на третий уровень. Никки смахнула пыль с черного платья и посмотрела на выжженные луга. У Утроса оставалось еще много солдат, и он представлял серьезную угрозу. Генерал отправил десятки тысяч воинов в разные уголки Древнего мира.

Деймон с довольным видом сел на каменные блоки и при помощи дара вернул часть обломков на место.

— Мы восстановим Ильдакар во всем величии. Теперь у нас есть шансы.

Квентин помог Деймону, и вскоре одаренные советники полностью расчистили площадку для жертвоприношений.

Ладонь Эльзы скользнула в руку Натана, пока они поднимались выше, чтобы посмотреть на город.

— Мы все устали, — сказала она. — Мы использовали много магии, чтобы защитить

себя, но результат стоил усилий. Теперь генерал будет вынужден обсудить условия. Он знает, насколько мы сильны.

Квентин хлопнул в ладоши, будто ожидал, что на его призыв прибегут рабы.

— Мы должны устроить праздник! Этот день станет памятной датой для Ильдакара.

Никки с раздражением посмотрела на советников.

— Сейчас не время для праздников. Посмотрите!

Натан очертил в воздухе прямоугольник, создавая увеличительное окно. Теперь они смотрели на ряды могучих древних воинов, готовых сражаться, несмотря на потери.

— Да вы гляньте на них, — сказала Никки. — Мы выпустили двух Иксакс, самых мощных бойцов, созданных волшебниками Ильдакара, и они убили десятки тысяч врагов, но сами погибли. За нас сражался дракон, испепеливший огнем тысячи солдат, но он улетел. — Она прищурила голубые глаза. — Да, мы можем гордиться нанесенным уроном, но мы уже использовали все самые сильные средства, а Ильдакар по-прежнему осажден каменной армией. По моим подсчетам, у Утроса осталось две трети солдат. — Она гневно ткнула в окно Натана. — Не время торжествовать. Генерал еще не капитулировал. — Советники испуганно притихли, и она продолжила: — Мы продолжим держать оборону, но не только Ильдакар противостоит этой армии. Под ударом весь континент.

— Это величайший город в истории, — фыркнул Орон. — Нет никого сильнее волшебников Ильдакара. Если мы не сможем остановить Утроса, то какие шансы у остального мира?

Никки холодно посмотрела на него:

— Об этом я и говорю. Ильдакар защищен лучше, чем любой другой город, но Утрос поставил нас в тупиковое положение. Его армия все еще нам не по зубам. — Ее сердце было твердым, а разум решительным. — Ильдакар не может справиться в одиночку.

— Сомневаюсь, что даже д'харианская армия сможет выстоять против оставшегося у генерала войска, — пробормотал Натан.

Квентин вздохнул:

— Я обрел надежду после того, как увидел разрушения в их лагере, но теперь я понимаю, что мы по-прежнему в опасности.

— Верховный капитан Стюарт убедит генерала поговорить с нами, — сказала Эльза. — Мы должны заставить его понять, что для войны больше нет причин. Должен быть способ заключить мир. Тогда все мы сможем процветать.

Натан переместил увеличительное окно, заметив суматоху в центре лагеря. Крепкие солдаты вели коня верховного капитана к городской стене. На седло, как трофей, была водружена голова капитана Стюарта, смотревшая вперед стеклянными глазами. Рот обмяк, будто мужчину обезглавили на середине фразы о приглашении Утроса к переговорам. Вражеские солдаты привели коня с отвратительным ответом к воротам Ильдакара.

Эльза начала плакать, а Натан позволил окну исчезнуть.

Никки устремила на них суровый взор:

— Теперь я еще больше уверена, что Ильдакар не должен сражаться в одиночку. Утрос не сдастся.

* * *

Никки в чистых дорожных ботинках и черном платье, с походным мешком и свертком со стеклянной панелью, на которой было сохранено изображение осаждающей армии, стояла перед пропахшим сыростью колодцем.

— Сильфида, я призываю тебя!

Она создала два светящихся шарика, которые теперь парили в воздухе, отбрасывая резкие тени в ограниченном пространстве. Когда эхо ее голоса затихло, она крикнула снова:

— Сильфида, я желаю путешествовать.

Убийство верховного капитана Стюарта побудило советников искать другие способы атаковать потрепанную вражескую армию. Эльза подняла вопрос об использовании масштабного заклинания переноса, чтобы воздействовать на все войско. Ее задумка могла нанести столько же урона, сколько дракон.

Квентин и Деймон лихорадочно приступили к приготовлениям. Их глаза выдавали, что мужчины на грани паники.

— Может, снова рассмотреть вопрос об освобождении Торы? — неуверенно предложил Деймон. — Она могущественная колдунья.

— А еще ей нельзя доверять, — сказал Натан.

С этим никто не стал спорить, но все же предложение Деймона повисло в воздухе, как эхо грома. Никки еще больше уверилась в том, что должна сплотить весь Древний мир, и решила как можно быстрее доставить предупреждение в другие города. Объединения с Танимурой будет недостаточно. Она должна создать альянс с другими землями, которым угрожает генерал Утрос.

Колдунья, устав от бесконечных дискуссий, повернулась к палате:

— У меня своя миссия.

После этих слов она направилась к изолированному колодцу в низком строении.

— Сильфида! — теряя терпение, вновь крикнула она. — Я желаю путешествовать.

Наконец, послышалось бурление серебра, и оно заполнило колодец. Из зеркальной поверхности появилась женская фигура.

— У тебя новая миссия? Я должна знать, увенчалось ли успехом твое предыдущее задание. Мы победили в восстании?

Никки не стала откровенно врать.

— Мы столкнулись с новыми проблемами.

— Где император Сулакан? Почему я не вижу Лотейна? Я тебя не знаю.

— Ты меня знаешь. Я уже путешествовала в тебе, и мне нужно снова отправиться в путь. Доставь меня в Серримунди. Нужно найти там союзников и подготовить их к войне. — Она знала, что сильфида услышит то, что хочет услышать, но серебряная женщина все еще сомневалась.

— И они будут сражаться за императора Сулакана?

— Это не твоя забота. Знаешь, где Серримунди? Мне нужно туда.

— Я знаю много мест, но существую только для служения нашему делу. Скажи императору Сулакану, что он должен путешествовать во мне. Я доставлю его куда нужно. Я доставлю его к победе.

— Император Сулакан не подчиняется ничьим приказам, — возразила Никки.

Скорчив гримасу, сильфида изменила форму, отражая магический свет огоньков Никки.

— Доставь меня в Серримунди, — повторила Никки.

Явно рассерженная сильфида взметнулась и поглотила ее.

— Дыши! — скомандовала она и потащила Никки вниз.

Лагерь был опустошен, как и сердце генерала. Военачальник испытывал боль и злость при мысли о том, как много солдат потерял за один день. Убийство напыщенного представителя Ильдакара почти не смягчило боль, но Утрос дал городу предельно ясный ответ. Ильдакар падет, причем на его условиях.

Солдаты поклялись ему в верности много веков назад. Безо всяких сомнений они посвятили жизнь службе, но когда они уходили из Ороганга, никто не знал, что они оставляют свой дом и родных навсегда. Теперь у них остались лишь сослуживцы.

Утрос стоял рядом с временным штабом — довольно большой палаткой. Ткань, натянутая меж опорных столбов, была запачкана сажей — она нашлась в повозке, которую солдаты вытащили из огня. Серая морось погасила последние пожары, но запах горького пепла все еще витал в воздухе. Хотя последняя атака была невероятно мощной, он подозревал, что на большее Ильдакар не способен. Возможно даже, что величественный город теперь почти беззащитен. Гигантские воины пали, а новых у Ильдакара не было — иначе их выпустили бы во время битвы. Дракон тоже нанес ужасный урон — предназначавшийся Ильдакару. Железный Клык приказал призвать монстра, но Утрос уже имел опыт обращения с капризной и вероломной натурой драконов, поэтому не был удивлен поведением Брома.

Теперь он должен доложить Кергану о провале. Он потерял десятки тысяч солдат в сражении с воинами Иксакс и драконом, а городские стены ничуть не пострадали. Утрос с тяжелым сердцем думал о том, что ему придется сообщить о своей неудаче и Мэджел.

В дымчатом дневном свете он шагнул к кровавой линзе, глядя на ее изогнутую поверхность, как на горное озеро. Мутное стекло не отражало его, но и не позволяло увидеть что-то в зеленом тумане. Ава и Рува дотронулись до символов по периметру линзы и при помощи дара заставили руны светиться. Стекло заискрилось от энергии, а потом посветлело. Завеса подземного мира стала прозрачной.

Железный Клык и лишенная кожи Мэджел ждали его.

— Я готов выслушать доклад, генерал, — сказал Керган, демонстрируя острый железный зуб. — Ты выполнил мои приказы?

— Да, мой император. Колдуньи сотворили заклинание и призвали дракона, как ты и приказывал. — Слова жгли рот Утроса раскаленным свинцом. Он тщательно выбирал формулировки, но тем самым лишь отсрочивал свой позор.

Керган пришел в восторг от этой новости, но лишенное кожи лицо Мэджел было нечитаемым. Железный Клык грубо схватил жену за плечо и сжал голую плоть.

— Видишь, твой любовник не подвел меня. Скажи нам, генерал Утрос, ты сломил Ильдакар? Город завоеван от моего имени?

Утрос потупил взгляд.

— К сожалению, нет, мой повелитель.

Колдуньи, забеспокоившись, отступили. Это была его битва.

— Дракон явился, и его связали со мной узами. Я заставил его напасть на город.

— Значит, Ильдакар уже превратился в дымящиеся руины!

Мэджел выдохнула с долгим низким стоном.

— Ох, Утрос, что случилось?

— Дракон разорвал узы и пошел против нас. Кто-то в Ильдакаре достаточно силен, чтобы разрушить магию. Монстр убил тысячи моих солдат. — Утрос расправил плечи. — Волшебники Ильдакара создали двух гигантских воинов, которые атаковали армию. Мы потеряли больше тридцати тысяч, прежде чем удалось совладать с титанами.

— И ты допустил это? — Керган пришел в ярость. — А еще называешь себя великим полководцем!

Утрос никогда не хвастался, что он великий полководец, но старался быть им. Посол Натан сообщил, что Утрос вошел в историю как герой и гений. Его прошлые победы соответствовали такой характеристике, но после недавних потерь и неудач историки описали бы его по-другому.

— Я продолжу прилагать все усилия, император Керган. Наша осада сломит город, но на это потребуется время.

— Время, — раздраженно фыркнул Керган. — У тебя было целых пятнадцать столетий. Мне подождать еще сто лет? Или тысячу? Ты неудачник, Утрос, ты разочаровал меня. Ты ушел с моей непобедимой армией завоевывать мир, но тебя не было слишком долго. Ты ушел из Ороганга, а мой народ обратился против меня. Мое правление не закончилось бы, будь ты рядом. Империя выстояла бы. — Он говорил быстро и сердито, источая яд. Керган подошел к линзе, и теперь его изображение занимало почти все стекло. Он усмехнулся. — Опять же, если бы ты был в Ороганге, то жена изменяла бы мне с тобой снова и снова — в твоей палатке или в моей императорской постели.

Он сверкнул взглядом на застывшую Мэджел, истерзанное лицо которой дрожало. Керган протянул руку и погладил ее кровавую щеку, с которой сам срезал кожу. Утрос стиснул кулаки, желая потянуться через линзу и сжать горло Кергана.

— Но теперь она любит меня, — сказал Железный Клык. — В подземном мире бедняжка Мэджел поняла свою ошибку. Владелец оставил ей физическую форму такой, чтобы она всегда могла помнить о том, что сделала со мной.

— Да, муж мой. — Мэджел тоже погладила Железного Клыка. Ее голос дрожал. — Преданность сильнее любви.

Утрос так много раз слышал, как этот голос шепчет ему на ухо.

— Мне так жаль, Мэджел, — сказал Утрос с глухим стоном.

— Моя жена больше не твоя забота, — рявкнул Керган. — Ты мой генерал. Ты мог иметь в своем лагере любую шлюху, но выбрал женщину, которая присягнула твоему императору.

— Теперь я твоя, любовь моя, — сказала Мэджел Кергану, не глядя на Утроса, чье сердце закаменело, а чувства разбились.

Железный Клык продолжал смотреть на него через линзу, нетерпеливый и раздраженный. Керган оттолкнул руки раболепно ласкавшей его изувеченной женщины.

— Поклянись мне в верности снова, Утрос. Пообещай, что завоюешь Ильдакар, а потом захватишь весь Древний мир. Для меня.

— Я поклялся давным-давно, — сказал Утрос. — В этом отношении ничего не изменилось.

Он знал, что Мэджел говорит так, потому что вынуждена оставаться с императором в подземном мире. Может ли дух чувствовать боль? Физическую боль? Душевную может — он видел это по ее лицу. Но что-то глубоко внутри нее изменилось. Она не забыла его, но ее любовь к нему могла умереть вместе с физической оболочкой.

— Мэджел... — прошептал он.

Керган оттолкнул ее, и окровавленное тело Мэджел пропало из виду. Изображение Железного Клыка заняло все стекло.

— Ты мой генерал, мой слуга, мой раб. Даже в подземном мире я остаюсь твоим императором. Поклянись, что завоюешь континент, как и должен был.

— Клянусь. — Утрос сжал и разжал каменные кулаки; он больше не видел истерзанную Мэджел, но Керган выглядел даже более жутко.

Утрос не давал пустых обещаний. Он много раз говорил эти слова. Он знал, что преданность сильнее любви; сотни тысяч солдат были всецело ему преданы. Солдаты часто говорили ему об этом, но он был ослеплен преданностью к вздорному лидеру, который того не заслуживал. Каждая его победа приумножала славу Железного Клыка, но солдаты сражались за Утроса.

Может, Утросу стоит покорить Ильдакар и Древний мир от своего имени, а не для недостойного императора. Такой человек не заслуживает того, чтобы править. Он умер, потому что собственный народ разорвал его на части. Он больше не должен отдавать приказы Утросу. Возможно, было ошибкой создавать эту линзу. Император Керган больше не мог сказать Утросу ничего нового.

Генерал не поклонился и не сказал больше ни слова своему императору, чье лицо все еще занимало всю линзу. Вместо этого он взмахом руки погасил одну из светящихся рун, и изображение поглотил непроницаемый зеленый туман.

Эльза сидела возле фонтана во дворе своего особняка. Шум воды умиротворял и вдохновлял ее, и Натан разделял эти чувства. Эльза, вооружившись пером, рисовала на листах бумаги экспериментальные узоры, заклинания и связующие руны, при помощи которых собиралась активировать магию переноса.

Натан позаимствовал из набитой книгами библиотеки Ренна несколько старых томов. Когда-то Ренн и Лани вместе изучали эти магические книги. Натан ощутил укол боли, подумав об участии колдуньи, и потер шрам на груди — осколки фантомной боли впились в его сердце. Утрос не знал, насколько слабыми стали волшебники Ильдакара, потерявшие немало могущественных советников. Натан был решительно настроен найти нетривиальные методы обороны, пока древний генерал собирал силы для следующего шага.

— Добрые духи, и как нам справиться самостоятельно? — прошептал он, но Эльза была слишком сосредоточена, чтобы услышать.

Прикусив нижнюю губу, она чертила небольшие символы и дополняла их соединительными линиями.

— Магия переноса, как правило, представляет собой поэтапное заклинание. Начертанное заклинание связано со своим двойником, они равноценно используют магию. Но если нужна большая мощь, мы можем сначала отделить компонент, а потом усилить его. — Она постучала пером по бумаге, где был нарисован круг из восьми небольших рун, соединенных линиями, словно колесо спицами. — Посредством центральной точки мы можем расширить поток. Это словно труба, по которой течет вода. — Она оглянулась на фонтан. — Если труба толщиной с палец, то она пропускает мало воды, но представь, сколько воды может пропустить трубопровод диаметром в фут.

Она сделала какие-то пометки, а потом подняла взгляд на Натана, который взирал на нее с восхищением.

— Я понимаю, о чем ты, моя дорогая, — сказал он. — Полагаешь, можно затопить долину и смыть осаждающую армию?

— Может сработать, но не настолько эффективно, — сказала Эльза. — Я думала о потоке магии. Дай мне еще немного поразмыслить.

Радуюсь женской компании, Натан листал книги. На полях он замечал пометки Ренна, но дородный волшебник не думал о войне, когда занимался исследованиями. Он искал способ объединить ветряные колокольчики с фонтанами в своем особняке.

Через несколько часов бесплодных поисков, пока Эльза все усложняла руны переноса, они оба ощутили потребность встать и размяться.

— Давай посмотрим, чем занята Ольгия в гильдии прядильщиков шелка, — предложила Эльза. — Мы не должны упускать ни единой возможности. Вдруг она что-то придумала?

— Меня весьма интересует ткацкий процесс, — сказал Натан. Он отряхнул белый балахон, восхищаясь приятной прохладой шелка. — Улучшенная ткань Ольгии не хуже доспехов. Покажешь, куда идти?

Они шагали по кварталу знати мимо цитрусовых садов и пышных цветников. Вдоль бульвара выстроились деревья с темными листьями и кронами, подстриженными в форме шара. Впрочем, на некоторых деревьях листва отсутствовала — рабочие с корзинами быстро и методично обрывали с них листья.

— Что они делают? — спросил Натан. — Эти листья съедобны? Их используют в лечебных целях? Или это специи?

— Это листья шелковицы. — Догадавшись, что название ничего ему не дало, Эльза пояснила: — Шелкопряд в основном питается ими.

Натан заметил впереди большое здание, решетчатая крыша которого опиралась на высокие столбы. Открытые склады поменьше были забиты разноцветными свертками ткани, лежавшими один поверх другого и походившими на свернутую радугу. Десятки людей сновали туда-сюда, в том числе и рабочие с корзинами темных листьев. Завеса в дверном проеме всколыхнулась, когда через нее торопливо прошли двое мужчин с рулоном ярко-красного шелка. Натан слышал голоса рабочих внутри здания, но был еще какой-то звук... Шелест, стрекот, шепот. Эльза отдернула серую завесу и провела его в похожий на пещеру склад.

Натану показалось, что он попал в паутину туннельного паука. Стены и стропила были увешаны сетями и полотнищами шелка длиной двадцать-тридцать футов. Ниспадающие полотна походили на плохо натянутые тенты и источали сладкий смолистый аромат.

Рабочие высыпали листья в широкие корыта, где извивались зеленые черви длиной с предплечье Натана. У них были слепые плоские головы, и они жадно поедали листья, как личинки гнилую плоть. Мужчины и женщины суетились возле корыт, не обращая внимания на Натана и Эльзу.

Ольгия стояла возле нескольких грохочущих и стучащих ткацких станков, в которые работники заправляли сырые шелковые нити, создавая чудесную ткань. Она торопливо закончила раздавать ткачам инструкции и повернулась к Натану и Эльзе, нахмурившись.

— Вы по делам палаты волшебников? Мы работаем так быстро, как только можем.

— Мы просто хотели посмотреть, как у вас дела, — сказал Натан. — Я никогда не видел, как ткут шелк.

— Черви прядут шелковые нити, — сказала Ольгия. — А мы ткем ткань. — Она была поглощена работой и просто бурлила энергией. Ее шелковый наряд был украшен затейливыми узорами преимущественно зеленого и голубого цветов с вкраплениями красного и оранжевого. Украшенные лентами волосы были растрепаны. — Черви едят и едят. Благодаря повелению плотью они взрослеют всего за несколько дней и не окукливаются. Достигая зрелости, они плетут кокон, который мы разматываем. Наши черви крупные и производят большой пушистый кокон. Они проходят минимум десять циклов: сплетают кокон, потом возвращаются к еде, пока не наберут вес, и берутся за другой.

Зеленые извивающиеся черви выползали из корыт, устраивались в переплетении штырей и искусственных ветвей и начинали вырабатывать блестящую нить. Когда коконы затвердевали, рабочие брали конец нити и наматывали ее на деревянную катушку, которую потом относили к станкам.

— И этот шелк поможет в войне? — спросил Натан.

Ольгия продемонстрировала магический ткацкий станок — грохочущий деревянный механизм с железными петлями и ремизками, которые удерживали появляющуюся ткань. Вырезанные на древесине руны светились светло-голубым; шелковые волокна впитывали это свечение, пока полотно росло дюйм за дюймом. Ткачи руководили процессом при помощи дара.

— Новый шелк обеспечивает хорошую защиту. — Ольгия отвела их к дальнему краю станка, откуда выходила готовая ткань. — Особые пигменты повышают прочность, но ткань

и так уже в десять раз прочнее обычного шелка и способна защитить тело не хуже тонкой кольчуги. — Она с вызовом посмотрела на Натана, обратив внимание на изысканный меч у его бедра. — Попробуй повредить шелк мечом. Нанеси колющий удар по ткани.

Натан достал меч, и клинок удобно лег в руку. Он ткнул заточенным острием в шелк, но оружие не прошло насквозь.

— Сильнее! — скомандовала Ольгия.

Он нанес удар сверху вниз. Ткань вспучилась, повторяя очертания клинка, но выдержала.

— Сильнее!

Натан отступил на шаг и ударил со всей силы, пытаясь пронзить ткань, словно это самый ненавистный враг. Он бил снова и снова, но не смог повредить полотно. Шелк был достаточно прочным, чтобы уберечь кожу своего хозяина.

— Должен сказать, я впечатлен.

— Вражеские стрелы и мечи не смогут пробить шелк. Наши солдаты будут в безопасности, хотя этого и не хватило, чтобы защитить моего Джеда. — Ее твердый голос вдруг дрогнул. — Мальчик не хотел сражаться и заплатил за это самую страшную цену. Я никогда не растила из него солдата, потому что он сын одаренных дворян. Зачем ему переживать, что его могут убить в бою? — Она вздрогнула, но в следующий миг ее лицо снова стало каменным. — Мы все должны сражаться. Все должны внести свой вклад, даже шелкопряды. — Она посмотрела на плотную шелковую ткань. — Мы заставляем их выкладываться по полной, и некоторые не выживают.

Три шелкопряда перевалились через край корыта, безвольно обмякнув. Рабочие подобрали податливые тельца и бросили их в корзину, полную мертвых червей. Другие работники подсыпали в корыто листьев шелковицы, чтобы выжившие черви продолжали питаться.

Натан прислушался к стрекоту и шуршанию прожорливых существ, которые поедали листья и пряли коконы. Станок грохотал и шелкал, рабочие сворачивали шелк в рулоны и относили на склад.

— Каждый вносит свой вклад, — повторила Эльза. — Если мы падем, если Ильдакар падет, то все умрут. — Она повернулась к Натану с неподходящей к ее словам усмешкой. — Я только что поняла, как именно использовать магию переноса. Теперь я могу раздавить добрую часть вражеской армии. Думаю, это сработает!

Тора томилась в темнице, ее одолевали скука и злость, но на этот раз она оставалась в заточении добровольно. На каменных блоках вокруг двери снова высекали ограждающие руны. Она знала, как освободиться, могла вырваться из камеры в любой момент, и ее тюремщики знали это. Но она этого не делала.

Тора полагала странным, что люди, которые предали ее и считали опасной, оказывали ей такое доверие. Она сдалась, потому что действительно хотела спасти свой город. Тора сидела в камере, скованная цепями собственной вины. Ради Ильдакара.

Властительница была неподвижна, но мысли ее неслись вскачь. Она часами поддерживала яркий огонек, который освещал голые каменные стены, а когда ее одолевали мрачные мысли, предпочитала сидеть в темноте, перебирая возможности.

Сбегая из темницы, чтобы покинуть Ильдакар, она была слепа. Она приняла решение помочь Утросу, своему истинному врагу. Теперь Тора осознавала, что это было безумием. Отчаяние и разочарование захватили разум, опутав многочисленными щупальцами, и она едва не совершила ужасную ошибку — самую ужасную в жизни.

Когда она стояла на стене, готовая прыгнуть к древней армии, что-то в ней сломалось. Ее сердце претерпело метаморфозу, как один из улучшенных шелкопрядов Ольгии, которому позволили окуклиться после долгой изнурительной службы. Тора знала, что Ильдакар выстоит. Он по-прежнему ее идеальный город, и она должна помочь сохранить его, если палата волшебников позволит ей сделать это.

Она отличалась от Максима. Вероломный муж сделал все возможное для уничтожения Ильдакара, но не ради великой цели, а просто от скуки. Она не уподобится ему. Она чувствовала себя одинокой, словно ее погребли заживо.

Услышав в коридоре шепот, а затем скрежет замка, она взяла себя в руки и горделиво выпрямилась. Тора повернулась к двери и прикрыла глаза от резкого света, когда ее приветствовали двое мужчин в балахонах.

— Властительница, нам нужно поговорить. — Грубый голос принадлежал Квентину.

Она предавалась размышлениям в темноте, но теперь создала яркий огонек, чтобы осветить помещение. Рядом с Квентином стоял Деймон, неуверенный и даже испуганный.

— Вы пришли вдвоем. — Тора прищурилась. — Остальные не знают, что вы здесь? — Мужчины походили на пугливых жаворонков, которых она держала в клетках. — Где же Лани? — спросила она, когда они не ответили. — Почему не пришла позлорадствовать?

— Лани мертва, — сказал Деймон. Длинные усы лишь подчеркивали хмурое выражения его лица. — Колдуньи генерала убили ее, когда она подглядывала за ними при помощи магии. Она утонула в собственном всевидящем омуте.

Тора постаралась скрыть свое удовлетворение.

— А теперь вам понадобилась я. Чем помочь? Я хочу сражаться.

— Вы нужны Ильдакару. — Квентин поскреб свою пухлую щеку.

Они с Деймоном рассказали о недавней битве, об освобождении двух воинов Иксакс и о появлении дракона.

— У нас не осталось других средств обороны, а древняя армия все еще невероятно сильна, — сказал Деймон. Челка лезла ему в глаза, и он неосознанно смахнул ее. — Мы должны использовать все возможное, чтобы спасти город.

— А как же Никки? — удивилась Тора. — Я думала, она настолько могущественна, что может в одиночку спасти мир. Разве не это предсказано в книге жизни Натана Рала? Что она спасет мир! — Тора фыркнула, но сдержала гнев. Она долго была отрезана от мира, и ей нужно услышать все, что могли рассказать эти два волшебника.

— Никки снова покинула нас, чтобы сплотить другие города. Она может никогда не вернуться, — сказал Квентин.

— И зачем ей это? — спросил Деймон. — Падение Ильдакара лишь вопрос времени. Другие члены палаты копаются в магических книгах и проверяют малоизвестные заклинания. Эльза собирается представить совету новейшую руну переноса, но этот план не проработан и кажется мерой отчаяния.

— Всего этого недостаточно, — простонал Квентин. — Мы должны быть реалистами. Поэтому мы здесь.

Деймон громко сглотнул.

— Мы с Квентином пришли к выводу, что есть только один верный способ защитить Ильдакар навсегда — и нам никогда больше не придется беспокоиться об Утресе или любом другом враге.

Квентин кивнул.

— Мы должны снова поднять саван вечности. И нам понадобится ваша помощь, властительница, если не возражаете.

Тора уже догадалась, к чему ведет этот разговор.

— Когда я сдалась, там, на стене, то поклялась, что Ильдакар для меня священен и я сделаю все для его спасения, если мне будет дозволено. Я не отказываюсь от клятвы.

Деймон и Квентин с облегчением переглянулись.

— Большую часть подготовки мы выполним сами. Фактически, мы уже начали. Пока Никки отсутствует, а Натан и Эльза разрабатывают план с рунами переноса, мы тайно распространили информацию среди горожан. Мы собираем списки. Там добровольцы и те... кого мы предлагаем сами.

Тора коснулась твердой холодной щеки, похожей на камень.

— Вы понимаете, сколь ужасна будет цена? Сколько потребуется крови? Понадобится очень много людей, а кровь одаренных самая сильная.

— Мы знаем, — сказал Квентин. — Как и остальные. И все видели вражескую армию снаружи. Люди думают о своих семьях и о будущем. Они знают, что если генерал сломает ворота, то город будет опустошен и от него останутся лишь руины. Все их родные будут убиты. Даже некоторые мятежники предлагали себя в жертву.

— Мятежники? — Тора нахмурилась. — Они разрушили наши традиции и стерли классовые границы. С чего бы им помогать?

— Они хотели свободы и должны постичь ее цену, — пожал плечами Деймон. — Если хотят быть равными в новом Ильдакаре, то должны нести равную ответственность. — Голос Деймона дрогнул. — И они соглашаются! Они понимают, некоторые даже цитируют Зерцалоликого, обещая сражаться и умереть за будущее своих близких.

— Мой муж никогда не был искренен, — удивленно возразила Тора. — Он сам выдумал все эти лозунги.

— Это были хорошие слова, независимо от мотивации, — сказал Квентин. — Важно то, как его последователи восприняли их, а не то, что было на сердце у главнокомандующего волшебника.

Тора задумалась, жив ли он, ведь за ним охотится Адесса.

— Пирамида разрушена, каналы для крови и схема заклинания исчезли, аппарата больше нет. Как задействуете магию крови?

— Я могу восстановить оборудование, — сказал Деймон, — а пирамида не нужна, достаточно найти место для жертвоприношения.

— И палачей, готовых пролить кровь жертв, — добавил Квентин.

— Вы действуете из лучших побуждений, но я не уверена, что найдется достаточно добровольцев, — все еще сомневалась Тора.

— Как я уже сказал, у нас есть длинный список людей, — сказал Квентин. — И мы составили второй список — там люди, которых можно вынудить, если нам понадобится больше крови. Мы можем потребовать по одной жертве от каждой семьи.

Тора почувствовала тепло внутри, проблеск гордости за ее город.

— Возможно, Ильдакар все же удастся спасти. Я помогу вам всем, чем смогу. Приходите ко мне, когда все спланируете.

Максим нашел подходящее место, где можно было спрятаться и восстановить силы, — уютный домик в лесистых холмах над рекой Киллрейвен. Он проделал большой путь, всю дорогу заметая следы. Он бросил украденную в Тараде лодчонку в другом речном поселке и двинулся дальше.

Вдоль берега ему встретилось много поселений, поскольку расширяющаяся река давала пищу и работу множеству людей. Но Максим не хотел снова жить в деревне. Не сейчас. Он намеревался построить новую империю — превосходящую Ильдакар, — но это позже, а времени у Максима было достаточно.

Его ошибка в Тараде заключалась в том, что он слишком торопился. Он почти тысячу лет ждал падения застойного Ильдакара, и теперь город наверняка уже разрушен пробудившейся каменной армией. Нельзя создать подобный город всего за год или два.

Максим нашел прибежище в холмах рядом с речным поселением под названием Гантова переправа. Возможно, он проведет здесь несколько месяцев. Стоявший на отшибе домик был просторным, с большой общей комнатой и очагом. Большая родительская кровать была отгорожена занавеской из шкуры, а в комнате поменьше стояли три узкие детские кроватки. В очаге на железном крюке висел котелок, а рядом лежали железные вертела — для принесенной с рынка рыбы или пойманных в лесу белок и зайцев.

В кладовой за домиком отец семейства развесил связки оленьей колбасы. Куры бегали по двору, клюя жуков и червей, и не нуждались в уходе. Максим, бывший главнокомандующий волшебник Ильдакара, не собирался выращивать домашнюю птицу.

Когда-нибудь он вновь построит большой город, и в его распоряжении будут стражники в мундирах, предупредительные слуги, талантливые массажисты, которые будут разминать его тело после ванны с благовониями. В его постели будут молодые женщины. Портные будут создавать для него великолепные одежды из лучших тканей, тончайших полотен и самого теплого меха. Самые искусные ювелиры будут создавать для него драгоценные украшения.

Максим вздохнул. Он и не думал, что будет так скучать по Ильдакару.

Сейчас этот домик вполне его устраивал. Лесная тишина успокаивала, перемежаясь с шумом еловых веток на ветру. Хозяин и его жена срубили самые высокие деревья, оставив во дворе пни. У домика была сложена поленница, а рядом с пнем, служившим колодой для колки дров, покоился топор. Когда у Максима закончились дрова для очага, он даже не соизволил взять его в руки. Посредством дара он расширил трещины в поленьях и разделил их на части, которые поместятся в очаг. Волшебник был находчивым и мог о себе позаботиться.

После многих дней бега по болотам, где ему приходилось избегать хищников и безумно целеустремленную Адессу, он был рад оказаться в безопасном и тихом месте. Он знал, что она не сдастся, хотя если бы Морасит обладала здравым смыслом, она бы поняла, что ей никогда не одолеть главнокомандующего волшебника! Защитные руны оберегали ее от прямых магических атак, но она не могла сравниться с ним в могуществе. Когда Морасит пыталась его убить, он поразился ее силе. Интересно, откуда взялась такая мощь? Неужели Тора нашла способ как-то проявить дар в Адессе? Это его раздражало.

Пройдясь по тихому дому, он обзавелся чистой льняной рубашкой, которая

принадлежала хозяину. Штаны были слишком велики, и ему понадобился пояс из веревки, чтобы удержать их, но это было частью его маскировки. Его ильдакарское одеяние не подлежало ремонту, а серый балахон Зерцалоликого он выбросил. Максим был вынужден так поспешно убежать из Тарады, что не смог прихватить с собой сменную одежду. Что ж, он хотя бы не выглядел голодранцем.

Он использовал слабенькое заклинание очарования, и жители Гантовой переправы дали ему все, в чем он нуждался. Ему лишь нужно было схорониться подобно впадающему в зимнюю спячку медведю. Когда будет готов, он выйдет на свет с детальным планом покорения мира. Самым трудным испытанием стало одиночество. После столетий жизни в Ильдакаре Максим отвык от уединения.

Раз в два-три дня он совершал часовую прогулку по лесной тропинке к речному поселению. Грубая одежда Максима не привлекала никакого внимания, и люди принимали его за одного из лесорубов, фермеров или охотников, которые жили в глуши. Максим обедал в трактирах, и особенно ему нравился пирог с сомом. Иногда он тратил монеты из кувшина, найденного в доме, а иной раз просто творил заклинание забвения и уходил, не заплатив. Морщившись, он пил деревенский кислый эль и даже попробовал вино, которое привозили баржи с верховьев реки. Однажды он спросил у трактирщика, есть ли у них кровавое вино из Ильдакара, и тучный мужчина рассмеялся, объяснив, что кровавое вино — это роскошь, которую никто в поселении не может себе позволить.

Максим убедил себя, что знакомится с бедняками и трудолюбивыми неодаренными. Когда он играл роль Зерцалоликого, то делал вид, что понимает тяжелую участь низших классов. Он научился говорить правильные слова, наблюдая, с какой легкостью люди верят его обещаниям. Он мог бы подстегнуть их сладкими речами о свободе, хотя люди в Гантовой переправе и так были свободны и знали, что их судьба никогда не изменится к лучшему.

Утолив жажду общения, Максим возвращался по тропинке в домик в холмах, где продолжал мечтать о великих завоеваниях.

В какой-то из дней на него так давили тишина и скука, что он поспешил выйти из дома. Одичавшие куры во дворе кудахтали и разбегались, хотя он и не собирался их убивать — слишком хлопотно и грязно. У семьи был огород, где они выращивали лук, бобы и тыквы, широко раскинувшие свои плети. За домиком были высажены в ряд кусты ежевики со сладкими ягодами. Еды у него было достаточно, но он уже начал терять терпение от этого ожидания.

Проходя мимо грядок, он увидел пять каменных фигур — они стояли там с того дня, как он прибыл сюда. Широкогрудый мужчина и его жена, еще не старая, но некрасивая. Ее окаменевшие волосы были собраны в узел под платком. Невзрачная юбка свисала с широких от родов бедер. Мать держала за руку одного из своих детей, мальчика лет восьми. Отец схватил младшую дочь, которой было не больше пяти лет. Между ними на бегу застыл мальчишка лет одиннадцати. Когда они поняли, как опасен Максим, на их лицах появилась паника. Ночью они попытались скрыться, но далеко не ушли. Максим, выйдя из дома, увидел убегающую семью и, не утруждая себя окликом, наложил заклинание окаменения. Они застыли в движении, их плоть и кости превратились в камень, а в широко раскрытых глазах застыл страх. Больше они не сделают ни шага. Максим сожалел о своем порыве, ведь теперь они не могли его обслуживать и поддерживать порядок в доме.

Когда он пришел сюда, они пригласили путника в дом, накормили и позволили переночевать. Но люди испугались, когда он наложил на них принуждение, а он слишком

устал, чтобы действовать достаточно тонко. Теперь, проходя мимо статуй семьи, Максим смотрел на родителей и их слепые неподвижные глаза. С сарказмом он пожелал им доброго дня — больше ему было не с кем поговорить.

Он шел по гребню холма, прислушиваясь к шепоту высоких елей, пока не достиг места, откуда открывался вид на реку Киллрейвен. Он стоял на скалистом выступе, наслаждаясь картиной. Река искрилась в лучах полуденного солнца, а крошечные люди в Гантовой переправе занимались повседневными делами.

Затем он заметил корабли. Внушительный флот насчитывал минимум пятьдесят крепких судов с рядами длинных весел, темно-синими парусами и устрашающими резными змеями на носу каждого корабля. Максим вытаращил глаза. Норукайцы!

Не торговый флот, не пара кораблей, доставляющих рабов в обмен на кровавое вино и мясо яксенов. Это было полномасштабное норукайское вторжение. В прошлом налетчики приходили в Ильдакар, притворяясь обычными торговцами, но теперь вверх по течению шла настоящая флотилия. Максим разгадал их намерения — вовсе не одиночный набег на беззащитные речные деревушки. Он улыбнулся, представив, какой хаос эти свирепые воины посеют в Ильдакаре.

Максим не сомневался, что город падет, если Ильдакар еще не уничтожен вследствие его действий. Он отмахнулся от угрызений совести и еще целый час наблюдал, как десятки змеиных военных кораблей плывут к его бывшему дому.

У Бэннона не было дара, но он хотел защитить Ильдакар. После плена он уже не так стремился к прямому столкновению с вражескими солдатами, но вызвался помочь Эльзе, которая нуждалась в физической силе для осуществления грандиозного плана: обрушить на поле битвы магию переноса.

Бригады рабочих собрались на утесе над рекой. Темная полоса облаков на небе, напоминая след драконьего дыма, принесла моросящий дождь. Холодный сырой воздух не только был неприятен, но и делал отвесную скалу еще опаснее. Бэннон с тревогой посмотрел на свисающие веревки, узкие деревянные платформы и строительные леса, по которым карабкались рабочие с ведрами свежей краски. Он чуть не потерял самообладание.

— Пресвятая Мать морей. — Он со свистом втянул в себя воздух и кивнул Эльзе. — Если я могу сражаться с тысячей воинов, то у меня хватит храбрости разрисовать скалу.

Немолодая колдунья кивнула.

— Если мы преуспеем, юноша, эта огромная руна переноса уничтожит больше вражеских солдат, чем тысяча ильдакарских мечей.

— Ради этого стоит потерпеть головокружение, — согласился он.

Лила как-то водила его к реке по узким лестницам, деревянным площадкам и подвесным платформам. Он знал, что сможет. Руна Эльзы будет покрывать всю скалу. Замысловатый узор должен быть нарисован без пропусков и помарок.

Колдунья наклонилась, заглядывая за край обрыва:

— Видишь вон тот участок возле водяной трубы? Там никто не работает. Почему бы тебе не взяться за него?

Указанное ею место находилось вдали от платформ и лестниц.

— Мне нужно закрепить веревку на вершине утеса.

— Или так, или тебе придется научиться летать, — с улыбкой пошутила Эльза. — Веревки, пожалуй, надежнее.

— Нужна еще краска! — послышался низкий мужской голос.

Бэннон заметил пузатого мужчину на шаткой платформе под ними. Он махал толстой кисточкой, брызгая алой краской на свои обнаженные плечи. Двое рабочих возле соседнего туннеля привязали веревку к ведру с краской и быстро опустили его. Ведро качнулось, пролив немного содержимого, но толстопуз поймал его и поставил на платформу, а потом снова принялся рисовать.

Стоя у края обрыва, Бэннон обвязывал себя веревками. Ему помогали двое рабочих; они завязывали узлы и проверяли их дважды. Эльза прошла по краю, глядя на рабочих внизу.

Она придумала хитрый магический узор с многочисленными петлями и объединяющими линиями. Эльза проверяла руны до тех пор, пока не убедилась, что структура идеальна. Пока палата волшебников планировала отчаянную атаку на поле боя, чтобы нарисовать там вторую руну для заклинания переноса, Эльза собрала более сорока добровольцев, чтобы нарисовать якорную руну на отвесной скале. Среди них был и Бэннон.

В основном кисточками орудовали грузчики и речные работники, которые привыкли ходить по крутым лестницам, площадкам и платформам. Стоя на вершине утеса под моросящим дождем, Эльза прибегла к магии переноса — взяв листок бумаги с замысловатой руной, она при помощи дара увеличила изображение и спроецировала его на скалу. Рабочие,

рассредоточившиеся по утесу на ненадежных с виду опорах, видели четкие линии, по которым нужно было рисовать.

Пока Бэннон возился с веревками, Эльза показала ему влажный листок с руной:

— Если волшебники смогут нарисовать не только центральную якорную руну, но и меньшие по размеру ограничительные руны вокруг вражеской армии, я сумею связать их все с большой руной на утесе и перенести скалы и реку Киллрейвен прямо в центр войска.

— Что вы собираетесь перенести? — спросил Бэннон. — Воду?

— Река и камни гораздо более разрушительны, чем просто вода. — Ее глаза заблестели. — Тепло. Огромный источник тепла. Я могу вытянуть все тепло из этих скал и из реки на милю в каждую сторону, а потом швырнуть его в центр поля боя, в якорную точку связанных рун. Но для начала первичное заклинание должно быть изображено в полный размер толстыми линиями. Сейчас это самое главное. Через день-другой мы будем готовы к главной атаке.

Бэннон никогда не понимал магию и не пытался ее использовать, а просто сражался мечом. Сегодня ему предстоит сражаться кисточкой.

— Мои мысли с тобой, юноша, — сказала Эльза, когда все веревки были затянуты. — Как только руна будет готова, мы снова ударим. В армии Утроса настоящий кавардак, и после того, как ужасно они обошлись с верховным капитаном Стюартом... — Ее лицо предвещало бурю. — Мы не склонны проявлять милосердие.

Бэннон снова проверил веревку. Толстый канат намок из-за дождя, но узлы были завязаны надежно. Он попятился к краю отвесной скалы, держа в правой руке ведро с краской.

— Я сделаю свою часть работы.

— Просто обведи линии, которые увидишь. Пока проецирующее заклинание действует, руна четко видна. Работа несложная.

Холодный туман лип к нему, как пелена пота. Решившись, он начал спуск, стараясь не пролить краску. В песчанике обнаружились небольшие опоры для рук и ног, а затем и узкая извилистая тропа.

Бросив быстрый взгляд вниз с головокружительной высоты, он сосредоточился на скале перед собой. Дождь усилился, но Бэннон продолжил спускаться к участку светившейся проекции, радуясь, что Лила его не видит. Сегодня она тренировала мечников отдельного ударного отряда, который планировала задействовать Эльза.

Повиснув на веревке, он достиг нужного места возле трубы, через которую речная вода поступала в акведуки. Перед скалой парил мерцающий узор. Бэннон макнул кисть в ведро и начертил на песчанике широкую красную линию. Краска была достаточно густой, чтобы лечь на неровную поверхность, намокшую от дождя, и Бэннон за раз закрасил намеченное место. Он качнулся, словно маятник, чтобы дотянуться до другого участка, и, макнув кисть в краску, начертил еще одну красную линию вдоль проекции.

Он смотрел, как другие добровольцы в люльках и на узких платформах с шаткими перилами высовываются подальше, чтобы закрасить больше линий. Многие части огромного узора уже соединились.

Один из рабочих наклонился слишком сильно и поскользнулся на мокрой доске. Он вскрикнул, и его ведро упало, выплескивая кроваво-красную краску на пути к реке. Мужчине удалось зацепиться рукой за леса и повиснуть над пропастью. Он перебирал ногами и размахивал второй рукой, но никто не был достаточно близко, чтобы помочь ему. После

нескольких напряженных секунд он смог забраться на помост и какое-то время стоял на четвереньках, тяжело дыша.

Эльза глянула вниз, и ее лицо исказилось от беспокойства. Когда стало ясно, что мужчина в безопасности, она крикнула:

— Краска не попала на скалу, заклинание не искажено! — Она повернулась к погрузочным туннелям: — Дайте этому мужчине другое ведро. Нам нужно закончить.

Бэннон проверил узлы своей оснастки и уперся ногой в прочный выступ. Держась рукой за влажную веревку, он продолжил рисовать.

* * *

Ночью, зная, что завтра огромная руна будет готова, Эльза встретила с Натаном и лидерами шести отрядов добровольцев, которые поверили в ее план. Они собрались в освещенной факелами палате совета и встали вокруг каменного стола, на котором она раскатала огромный лист бумаги.

— Вот так магия переноса нанесет урон Утросу.

Натан ободряюще улыбнулся, восхищаясь масштабностью замысла. Точными отработанными движениями она набросала сложную якорную руну, которую наносили на скалу, и отличавшиеся друг от друга пограничные руны, которые она придумала для этой цели.

— Вот, — сказала она, постучав пальцем по бумаге, указывая на круг с петлями внутри него, вписанными в треугольник. — Запомните рисунок до мелочей. В магии переноса каждая руна и каждое заклинание имеют определенную грамматику и пунктуацию, которые должны быть точными. Я не хочу объяснять значение каждого изгиба и каждой линии. Просто знайте, что нельзя ошибиться.

Орон, Ольгия и три других одаренных дворянина поведут за собой независимые отряды. Джулиан был одним из главных продавцов шелка. Второй одаренный доброволец, невысокий женоподобный мужчина по имени Лео, управлял двумя скотобойнями и обладал выдающимся контролем над своей магией. Третья, Перри, была кроткой на вид женщиной средних лет. Она была мастером формы, как и Деймон, и манипулировала виноградными лозами, побуждая их давать больше урожая. Пять лидеров отрядов поклялись использовать свои умения, чтобы претворить в жизнь план Эльзы.

— Каждый отвечает за начертание одной из пяти вспомогательных пограничных рун, и их нужно исполнить в точности. — Эльза посмотрела на каждого одаренного, убеждаясь, что они понимают всю важность. — Ваши пограничные руны обозначат зону разрушения. Каждый отряд будут сопровождать солдаты, которые помогут занять позиции вокруг долины. Натан пойдет со мной, потому что нам предстоит поместить якорную руну в центре лагеря. — Ее голос надломился. — Мы обозначим центральную точку, которая объединит пограничные руны. Весь комплекс символов будет усилен и подпитан большим рисунком на скале над рекой.

— Не сомневаюсь, что ты всех нас спасешь, — мягко сказал Натан.

Осознавая риск, палата решила не отсылать всех своих волшебников — если план Эльзы провалится, кому-то придется защищать город. Деймон и Квентин пожелали остаться, а Натан собирался найти способ удержать Бэннона в городе. Юноша наверняка попросится в атакующий отряд. Он уже доказал свою храбрость на поле боя, но попал в плен и чуть не погиб. Никки отсутствовала, и Натану самому придется проследить, чтобы Бэннон остался в городе. У Эльзы не было недостатка в добровольцах, и ему не составит труда убедить Лилу

побережь Бэннона. Морасит тоже не захочет, чтобы он рисковал.

Размышляя о предстоящей миссии, Натан старательно бодрился — больше ради Эльзы. Он посмотрел на могущественных волшебников, которые поверили в нее, и потер руки.

— Когда Никки вернется, я буду рад сообщить ей, что нам удалось победить генерала Утроса.

Серримунди раскинулся на низких холмах, окружавших гавань, которая была забита большими парусными кораблями и рыбацкими лодками. Теснившиеся друг к другу дома стояли на склонах, которые когда-то были покрыты лесами. Серримунди был древним городом, и от диких лесов остались лишь просторные парки. Вода текла по широким каналам между холмов и впадала в залив. Лодочники на суденьшках орудовали шестами, доставляя товары и перевозя людей.

С высоты холмов Никки смотрела на извилистые улицы, темную черепицу крыш и беленые здания. Ей пришлось признать, что Серримунди — красивый город. И совершенно не защищенный.

Когда она вынырнула из сильфиды, кашляя и вдыхая воздух, то поняла, что создание не призывает ее дышать. Восстановив равновесие, она обернулась на серебристую фигуру, сурово смотревшую на нее. Даже не сообщив о прибытии в точку назначения, капризная сильфида нырнула в непостижимые глубины колодца.

Никки осталась одна под палящим солнцем на холме над гаванью. Колодец сильфиды был частью храма под открытым небом с рифлеными колоннами. На покрытом плиткой полу стояли высокие урны со свежими цветами. На алтаре было блюдо с перезревшими фруктами — подношение богу или богине, которое оставалось без внимания уже несколько дней. По полу скользили сухие листья, а в ветках над головой щебетали птицы.

Никки обернулась и увидела статую женщины с длинными волосами, напоминавшими морские волны. Ее протянутые руки словно призывали просителей. Никки уже видела похожую статую, высеченную в устье гавани Серримунди. Она изображала Мать морей.

Бэннон вырос на острове Кирия, где почитали Мать морей. Эта религия была распространена и вдоль побережья Древнего мира, а еще вполне гармонично сочеталась с преобладающей верой в духов и преисподнюю. Никки знала, что подземный мир существует, потому что сама сталкивалась с Владетелем. Она решила, что сейчас находится в уединенном храме Матери морей.

Как ни странно, богиня имела поразительное сходство с сильфидой. Может, тысячи лет назад какой-нибудь доверчивый зевака увидел, как серебряная женщина появилась из колодца, доставив путешественников, которые тайно служили Сулакану? Могло ли это побудить их поверить в Мать морей и высечь в скале ее огромную статую?

Храм был пуст, но его посещали. Почитатели Матери морей обычно бросали подношения в море, но люди построили вокруг колодца храм, окруженный садами. Каменные дорожки были такими извилистыми, словно просители по пути к алтарю должны были сполна насладиться видами.

Никки услышала голоса и увидела чьи-то силуэты за высокой живой изгородью. Кто-то шел к храму. Она не хотела объяснять, как тут оказалась, поэтому пошла по другой тропинке в сторону жилых домов возле гавани.

Вскоре она оказалась на многолюдных улицах; женщины сидели перед швейными мастерскими, а мужчины трудились за верстаками. Некоторые узнавали колдунью, но жители Серримунди не проявляли подозрительности и излишнего любопытства к чужакам. Черное платье Никки отличалось от привычной для них одежды, но шумный портовый город повидал немало чужеземцев.

Она уже бывала в Серримунди, когда они с Натаном плыли из Танимуры на борту «Бегущего по волнам». Тогда они просто путешествовали по Древнему миру в качестве послов Д'Харианской империи. Пока капитан Эли Корвин закупал припасы, она провела короткую встречу с хозяином порта по имени Отто. Сейчас она решила предупредить сначала его.

Она шла вдоль канала, когда к ней подплыл лодочник и предложил подвезти. Никки не возражала против пешей прогулки, но она торопилась, поэтому приняла предложение. Балансируя в лодке, пока мужчина орудовал шестом, она рассматривала холмы, здания, торговые районы и сады. Серримунди был открытым и процветающим городом, но был совершенно не готов к возможному вторжению армии генерала Утроста. Серримунди почти не пострадал от Имперского Ордена и теперь виделся Никки излишне самодовольным. Она должна изменить их мышление.

Наконец она добралась до здания хозяина порта, расположенного возле воды. Клерки вели подробный учет всех кораблей, которые входили в гавань Серримунди, и записывали сведения о капитанах, основном грузе и порте отправления. Трое немолодых мужчин с почти одинаковыми прическами — бахромой коротких седых волос вокруг обширной лысины — сидели, уткнувшись в книги.

Один из них поднял взгляд на Никки и сощурился, словно ее было разглядеть труднее, чем записи в журнале с кожаной обложкой.

— Хозяина порта Отто сейчас нет на месте, мисс. Он отправился встречать корабль. Его дочь совсем недавно обручилась с Гэнли, капитаном этого судна.

— Что за корабль? — спросила Никки. — Я найду его в доках.

— «Туманная дева», — ответил другой старик. — Отто должен быть там.

Никки пошла вдоль гавани, неся с собой завернутое в ткань стекло с изображением огромной древней армии. Она прошла мимо дурно пахнущего корабля охотников на кракенов, корпус которого был пропитан слизью со щупалец морских тварей. Один корабль только что отчалил от переполненного пирса и направился к устью гавани, где волны врезались в похожие на часовых скалы. Огромная женская фигура, высеченная в скале, выступала прямо из камня. Мать морей. Никки снова отметила сходство с сифидой.

«Туманная дева» оказалась трехмачтовым грузовым кораблем, который был даже крупнее «Бегущего». Паруса были убраны, а толстые тросы тянулись к самому большому причалу. Экипаж уже сошел на берег, и на палубе осталось лишь несколько мужчин, ничем не занятых. Большие ящики с грузом были сложены штабелями, а рабочие и извозчики уносили их прочь. Торговцы спорили, деля товар.

Никки узнала хозяина порта. Отто пружинисто шел по сходням «Туманной девы», поправляя мягкую кожаную шляпу, которая была при нем и в прошлый раз. На палубе она заметила молодую женщину, которая разговаривала с бородатым капитаном. Наверняка это Шира, дочь Отто. Она потеряла мужа, капитана Корвина, когда «Бегущий по волнам» потопили сэлки. Скоро Шира снова выйдет замуж — за капитана Гэнли. Хозяин порта был искренним и добродушным человеком, которого уважали в Серримунди. Если Никки заручится поддержкой Отто, то он поможет распространить предупреждение и подготовить город к обороне.

— Хозяин порта, мне нужно с вами поговорить, — бодро и деловито окликнула она мужчину.

Он посмотрел на нее своими глазами цвета карамели:

— Чем могу быть полезен?

— Помогите распространить по Серримунди предупреждение.

— Какое предупреждение? — нахмурился он.

— Об огромной вражеской армии, которая может двинуться по Древнему миру. Сейчас они далеко, осаждают Ильдакар, но Серримунди должен подготовиться. К счастью, у вас еще есть время.

Хозяин порта был скорее озадачен ее словами, чем встревожен.

— Вражеская армия? Вы говорите об Имперском Ордене? Мы слышали, что император Джегань мертв, а его войско повержено. О чем тут волноваться?

— Да, Джегань мертв. — Никки не стала уточнять, что это она его убила. — Это другая армия, которая пятнадцать столетий назад служила Железному Клыку. Они находились под действием чар, но теперь пробудились.

— А я слышал, как моряки рассказывают истории о морских монстрах, сэлках и кракенах, — усмехнулся Отто. — Вы шутите.

Никки развернула ткань и показала ему стекло с изображением армии Утроса.

— Это правда. Легендарный город Ильдакар осажден. Неважно, выстоит он или нет, генерал Утрос все равно продолжит завоевания. Рано или поздно он выйдет к побережью — и к Серримунди. Вам нужно построить укрепления.

Отто снова хохотнул.

— Но Ильдакар на другой стороне мира, если вообще существует! Никто не слышал о нем веками.

— Ильдакар существует, и он вовсе не так далеко, как вы думаете. Д'Харианская империя получила предупреждение, и солдаты лорда Рала двинутся на юг из гарнизона Танимуры. Серримунди тоже должен оказать помощь.

— Мы не боимся никаких вторжений, — фыркнул хозяин порта. — Мы пережили Имперский Орден, мисс. — Он прищурился, разглядывая стекло. — Как вы получили это изображение? — Он постучал ногтем по пластине, словно ожидая, что фигурки исчезнут. — Вы прибыли на корабле? На каком?

— Я колдунья и прибыла другим способом, — ответила она. — Мы с вами встречались несколько месяцев назад, когда я приплыла на борту «Бегущего по волнам». После этого я отправила гонцов с сообщением о том, что судно потопили сэлки.

Он понурил голову и стал серьезным.

— Да, мы получили эту весть. Трагичную весть. — Отто изо всех сил пытался вспомнить ее имя. — Вы... Никки?

— Да. — Она снова подняла стекло. — Вы должны прислушаться к моим словам об армии. Войско генерала Утроса не меньше армии Имперского Ордена. Рано или поздно вы окажетесь под ударом.

Он нахмурился, припоминая разговоры.

— Вообще-то, я слышал из вторых рук вести о рыбацкой лодке, прибывшей этим утром: что-то об уничтожении одной или двух прибрежных деревень. Эффрен и еще какая-то. Но у меня нет доказательств. Думаю, нам не следует тревожиться, пока новости не подтвердятся. Вы же о них говорили? Эта армия напала на побережье? — Он указал на кусок стекла.

— Нет. Генерал Утрос в глубине материка, но скоро он выдвинется. Говорю вам, он опасен. Вы должны подготовиться. — Она видела, что ее слова до него не доходят.

Он рассеянно кивнул.

— Спасибо, приму это к сведению, но у Серримунди нет постоянной армии. Как видите, наша гавань весьма оживленная. Мы процветаем, все торгуют с нами. Мы не на военном положении.

— Поэтому я и пришла предупредить вас.

Сохраненное Эльзой изображение подтверждало слова Никки, но из-за огромного расстояния между Ильдакаром и Серримунди угроза казалась незначительной. Утрос уже отослал часть армии, и если эти отряды, не нуждавшиеся в еде и воде, продолжат маршировать, то пересекут континент гораздо быстрее, чем обычная армия.

— Вы не понимаете всей опасности, хозяин порта. Эту армию нельзя игнорировать.

— Мать морей защитит Серримунди, как и всегда. — Отто снова посмотрел на стекло. — Нам не нужно бояться нападения.

— Помните, что я вас предупреждала. — Никки разочарованно завернула панель в ткань, спрятав изображение.

Нисколько не обеспокоившись, Отто поправил кожаную шляпу и пошел по причалу с улыбкой на лице. Его дочь помахала с палубы «Туманной девы», обнимая своего жениха.

Надеясь, что добьется большего успеха, если распространит весть по гавани, Никки пошла вдоль пирсов. Моряки сидели без дела возле своих кораблей. Некоторые строгали ножом поделки из дерева или кости кракена. Трое загоревших небритых матросов передавали по кругу бутылку вина. Никки показывала стекло капитанам торговых судов, охотникам на кракенов и рыбакам, но толку было мало.

Она наткнулась на четверых нахальных юнцов без рубашек, которые лежали на груди парусины, словно это была кровать. По татуировкам на их груди Никки поняла, что это ныряльщики за жемчугом. Похожих она видела на борту «Бегущего» — те неприятные самодовольные мужчины отлынивали от работы на корабле. Еще они отравили Никки, лишив ее силы, и попытались изнасиловать. Когда сэлки убили их, Никки ничуть не расстроилась.

Она одарила сердитым взглядом ныряльщиков, и те оживились.

— Если на Серримунди нападет враг, вы хоть пальцем пошевелите, чтобы защитить город? — спросила колдунья. — Или вы такие же бесполезные, как другие встречавшиеся мне ныряльщики?

Разозлившись, четверо мужчин с голыми торсами вскочили и оскалились.

— Пошевелю, если ляжешь в мою постель, — сказал один из них.

— Мне достаточно шевельнуть пальцем, чтобы разбить ваши кости на очень маленькие кусочки, — сказала она. — Запомните мои слова: приближается армия, которая может уничтожить этот город.

— Какая армия? — спросил другой ныряльщик. — Мы не слышали ни о какой армии.

— Теперь слышали, так что готовьтесь, если способны сражаться.

— Мы умеем плавать, — хохотнул мужчина.

Они не воспринимали ее всерьез. Она показала им изображение на стекле, но они сочли его неубедительным, хотя и забавным.

— Армия в горах, а у нас нет гор.

— Армии способны пересекать горы, — сказала Никки. — Это войско движется.

— Ну, раз они так далеко, нам пока не о чем беспокоиться, — заявил один ныряльщик.

— А я вообще не верю в эту армию, — сказал другой, прищурившись на стеклянную панель. — Это просто трюк. В стекле магия, и женщина может показать нам что угодно.

— Ха, хотел бы я, чтобы она кое-что мне показала, — похотливо сказал ныряльщик.

Никки собиралась было взорвать его яички — чтобы уж точно привлечь его внимание. Но потом вспомнила, что и не ожидала получить поддержку от ныряльщиков за жемчугом — и они не разочаровали. После долгого дня она надеялась встряхнуть жителей Серримунди, хотя и знала, что это будет сложнее, чем убедить генерала Линдена и д'харианский гарнизон. Эти люди ее не знали. Пока не знали.

Помимо хохота потешавшихся над ней ныряльщиков она услышала крики в гавани. Дозорный на высокой мачте «Туманной девы» бросал сухари кричащим чайкам, но вдруг выронил корзину и начал орать во всю мощь легких. Судна по всей гавани подняли тревогу, громко зазвенели корабельные колокола.

В небе за скалистым мысом Никки увидела дым — в гавань вплывал охваченный огнем корабль охотников на кракенов. Он низко сидел в воде, качался и вихлял, а паруса его горели. Она разглядела, как несколько моряков нырнули за борт. Двоих подхватило течением и понесло к скалам под статуей Матери морей. Горящий корабль приближался к переполненной гавани.

— Корабль в огне, корабль в огне! — пронеслись по суднам крики.

Корабль охотников на кракенов накренился, когда огонь разгорелся еще сильнее. Портовые рабочие сустились, опасаясь, что огонь перекинется на другие суда. Несколько рыбацких лодок быстро отплыли от доков, чтобы освободить место. Горящий корабль зачерпнул воду и начал тонуть возле устья гавани.

Никки приставила ладонь козырьком ко лбу, гадая, почему корабль загорелся. Будто кто-то бросил в Серримунди сигнальный факел. Но вскоре она узнала ответ. Все узнали.

Показались туго натянутые паруса цвета ночного неба и ряды весел — змеиный корабль норукайцев обогнул мыс и зашел в гавань Серримунди вслед за подожженным кракенобойным судном.

За первым кораблем показался второй, третий... Всего их было десять. В доках раздавались неистовые крики и звенели колокола. Никки еще не видела так много норукайских кораблей. Они собирались захватить Серримунди. Она предупреждала не об этой армии, но норукайцы тоже были смертельно опасны.

Было холодное и ненастное утро. Туман на широкой реке мешал обзору, а дождь мягко стучал по палубам норукайских кораблей. Король Скорбь в расстегнутом жилете из акульей кожи стоял под открытым небом, и его массивные руки были скользкими от дождя. Он смотрел вперед, словно мог проникнуть через туман силой мысли, но видел лишь серые очертания спутанных деревьев на ближнем берегу.

Дальний берег терялся в сумраке и дожде. Коварные болота тянулись уже многие мили, пока норукайцы шли по реке под парусами. Кое-где река Киллрейвен была столь широка, что походила на море. Скорбь не любил узкие и тесные русла, которые заставляли его чувствовать себя запертым.

Вода плескалась о борт змеиноного корабля, а попутный ветер наполнял темные паруса. Скорбь хотел двигаться быстрее, и норукайские матросы взяли за весла. Флот походил на меч, медленно пронзающий встречное течение.

Туман приглушал звуки. Барабанщики в носовой части выстукивали размеренный ритм для гребцов, и зловещие корабли плыли вперед. Ритмичные удары вселяли страх в слабых деревенщин, сидевших на берегу и наблюдавших за кораблями.

Большая радужная форель выпрыгнула из воды, встревоженная проходом огромных судов. Мелок схватился за леер и подпрыгнул, опираясь теперь лишь на тонкие руки. Он смотрел в воду, гримасничая и наблюдая за рябью коричневого течения. Скорбь схватил шамана за костлявое плечо и оттащил назад, чтобы тот не упал за борт.

— Рыба, мой Скорбь, мой король Скорбь! Королевская рыба! — он растянул в улыбке искривленные губы. — Ильдакар — это рыба. Мы поймаем ее, выпотрошим и зажарим.

— Да-да, поймаем и выпотрошим, — согласился Скорбь. — Но мы не можем его уничтожить, потому что город мой. Он станет столицей моей новой империи.

— Они все будут скорбеть!

Мелок снова посмотрел за борт, высматривая рыбу. Бледный шаман улыбнулся, когда еще одна форель выпрыгнула в воздух, но под водой плыло и другое существо. Болотный дракон бросился вперед, и его челюсти сомкнулись на рыбе. Держа форель в зубах, рептилия погрузилась под воду и уплыла, создавая едва заметную рябь.

Барабанный бой продолжался, длинные весла били по воде, и норукайские корабли шли вверх по реке. На носу корабля была насаженная на пику отвратительная голова сэлки. Скользящая морщинистая кожа обмякла и обвисла на скулах и подбородке, желтые глаза превратились в желе, и команде приходилось постоянно отгонять воронов, желавших полакомиться. Морские твари не нападут на норукайские корабли, которые зашли так далеко по реке Киллрейвен.

В океане разъяренные сэлки преследовали флот, угрожая, но не смея атаковать. Норукайские налетчики насмехались и издевались над ними, бросая гарпуны на веревках и пытаясь пронзить существ, но промахивались. Сэлки следовали за ними до самого устья реки, поднимая над водой безобразные головы и шипя невнятные проклятия. Норукайцы в ответ вылили в воду зловонное содержимое трюмов.

На третий день пути по реке начался дождь. Норукайские корабли проходили мимо прибрежных деревень, рыбацких и торговых городков. Раньше работоторговцы остановились бы и разграбили слабые поселения, чтобы заменить ходячее мясо, погибшее за время

путешествия. Но сейчас пятьдесят змеиных кораблей выдвинулись не в обычный налет, а в военный поход. Бойцы проявляли беспокойство, и король все же позволил нескольким кораблям подплыть к берегу. Воины хлынули на берег и принялись убивать горожан, поджигать дома и насиловать женщин, оставляя после себя печать ужаса. Если Скорбь собирается править континентом железной рукой, нужно, чтобы люди его боялись. Но он хотел достичь Ильдакара.

Дрожа, Мелок обхватил свое костлявое тело тонкими руками.

— Огонь. Я хочу к огню. Тут так холодно.

— Я дал тебе одеяло, — сказал Скорбь. — Завернись в него.

— Огонь. Хочу огонь. Как в большом камине бастиона.

— Мы не можем разжечь огонь на корабле. Завернись в одеяло.

Мелок сгорбился. Стук его зубов был слышен даже через грохот барабанов, которые задавали ритм гребцам.

— Холод. Лед. Снег.

Королю Скорбь было жаль своего чудаковатого упрямого друга. Мелок постоянно мерз — даже на главном острове. Шаман полдня торчал возле ревущего камина, но одевался лишь в набедренную повязку. Он не хотел прятать под одеждой бесчисленные отметины укусов, но сейчас выглядел жалко.

— Будет тебе огонь. В Ильдакаре, — сказал Скорбь. — Можем поджечь часть города, чтобы ты согрелся. — Мелок не ответил, и он легонько подтолкнул шамана локтем. — Хотя бы укройся от дождя — в малой каюте или под палубой.

— Снег и лед, — простонал Мелок. — Все такое холодное. Река замерзла!

— Это просто дождь. Скоро покажется солнце.

Позабыв о физическом дискомфорте, Мелок снова подпрыгнул.

— Солнце покажется, мой Скорбь! Да, поздним утром, и мы увидим Ильдакар! Нашу рыбу, король Скорбь. Они все будут скорбеть.

— Все будут скорбеть. — Он узнал перекошенное выражение лица Мелка. — Это было во сне?

— Да, Ильдакар. Мы почти там, но холод и лед... — Мелок тряхнул головой и снова обхватил себя руками, дрожа. — И снег!

— Ты даже не знаешь, что такое снег, — сказал Скорбь. — Ты никогда его не видел.

— Холодно! — настаивал Мелок.

Весла в унисон двигались под бой барабанов, и змеиные корабли скользили мимо болот. Скорбь выслушал доклад капитана Кора о предыдущей экспедиции в Ильдакар и знал, что цель уже близко.

Часом позже дождь стал слабее, а туман над рекой поредел, прожигаемый желтым солнечным светом. Скорбь сгорбился на носу корабля, устав от ожидания и глядя на свет, становившийся ярче. Мелок жадно ловил слабые солнечные лучи.

Поздним утром, как и предсказывал шаман, солнце прорвалось сквозь тучи, и норукайский король огляделся. Его взору предстали утесы из песчаника, созданные волшебниками древности. Наконец, он собственными глазами увидел вдалеке древний Ильдакар, возвышавшийся над рекой, его белые строения и высокие башни. Город был больше главного норукайского острова. Его пятьдесят кораблей скоро завоюют город, в этом он не сомневался.

Мелок указал на солнце костлявым пальцем:

— Они все будут скорбеть. Наша рыба! Они все будут скорбеть.

Король норукайцев дотронулся до мягкой зловонной кожи разложившейся сэлочьей головы. Сжав сочащуюся плоть щек, он развернул голову так, чтобы ее жидкие глаза смотрели на уязвимый город.

— Вот, — пробасил он. — Узри нашу следующую победу.

Экспедиция из Твердыни шла через горы. Воздух стал разреженным, дул холодный ветер. Верна оглянулась, представляя пустынные каньоны, оставшиеся позади, а затем повернулась в сторону Ильдакара. Он был их целью, и ей не терпелось увидеть обещанные Ренном чудеса. Теперь дорогу было хорошо видно, потому что по ней совсем недавно прошел большой отряд полукаменных солдат.

Генерал Зиммер верхом на боевом коне вел их группу. Оливер и Перетта делали записи о путешествии и обменивались историями с Эмбер. Остальные ученые были грязными, несчастными и уставшими — никто из них прежде не покидал изолированный каньон.

За несколько дней местность сменилась лесистыми предгорьями. Тропа зигзагами спускалась к водоразделу, где ручьи обеспечили путников водой для питья и купания. Они забрались на следующий хребет, и с его закругленной вершины увидели впереди еще один.

Верна начала терять надежду, но Ренн впал в возбуждение, пока они взбирались на следующую гряду холмов.

— Думаю, мы близко. Долина Ильдакара прямо впереди. — Он глубоко вдохнул, словно воздух для него пах иначе. — Так хорошо оказаться дома.

Верна предвкушала радость встречи с Никки и Натаном, хотела поговорить с ними и выслушать их мнение об Ильдакаре.

— Пахнет дымом, — сказал Оливер, пока они шли мимо деревьев. Все утро лил дождь, и Верна уже совсем промокла. Ее каштановые с проседью волосы обвисли, но она старалась не подавать вида, что испытывает неудобства.

— Как ты вообще можешь чувствовать тут какой-то запах? — спросила Перетта.

— У меня всегда был хороший нюх.

Генерал с разведчиками пересекли вершину хребта и выехали из-под редких сосен. Впереди они увидели поросшие травой холмы и огромную долину. Ренн прибавил шаг, желая рассмотреть пейзаж.

— Это Ильдакар, его долина. Это...

Зиммер поднял руку, приказывая всем оставаться под прикрытием деревьев.

— Нас не должны увидеть.

Верна, Эмбер, Перетта и Оливер протолкались вперед.

— Борода Владетеля! — Ренн замер, опустил руки и разинув рот.

Травянистые холмы на северном крае огромной долины выгорели до черноты. В самой долине Верна увидела армию — тысячи и тысячи солдат разбили лагерь ровными рядами. Впрочем, у армии было всего несколько палаток. Солдаты двигались, маршировали, собирались в группы. Это войско намного превосходило отряд, который они погребли под лавиной.

— Их больше, чем людей во всей Танимуре, — дрожащим голосом сказала Эмбер.

Верна оглядела каменную армию. Ильдакар походил на прекрасный остров с ярусами зданий и лоскутами кварталов, поднимающихся к вершине плато. Это был поистине чарующий город. Город, осажженный камнем.

По щекам Ренна покатались слезы.

— Утрос пробудился. Посмотрите, что он сотворил с Ильдакаром! — Он приставил ладонь к глазам, разглядывая высокие укрепления. — Из-за мороси я едва могу разглядеть

вершину плато. Вижу башню властителей, но не могу отыскать пирамиду. Ее словно и нет.

Перетта прищурила темные глаза.

— Я вижу пирамиду, но она разрушена. Она такой и была?

— С моим городом что-то случилось, — сказал Ренн. — Что-то ужасное. Мы должны помочь, должны биться за Ильдакар.

Семь сестер Света ожидали приказов аббатисы, но Верна не знала, что сказать.

— У нас несколько одаренных, я и мои сестры, волшебник Ренн. Но лавиной тут не обойдешься. Только посмотрите на размер армии.

— У меня лишь горстка солдат, — сказал Зиммер. — Что мы можем противопоставить целому войску?

Ренн застонал.

— В Ильдакаре полно одаренных мужчин и женщин, которые не слабее меня. Нужно выяснить, как проскользнуть за стены, и тогда я присоединюсь к палате волшебников. Я нужен им.

Верна, глядя на армию между ними и городом, не знала, что ему ответить.

После нескольких дней работы руна магии переноса была готова. Огромный рисунок покрывал отвесную скалу над рекой, а люди были готовы к рискованной вылазке во вражеский лагерь.

— Я не могу спланировать или даже представить высвобождение большей энергии, — сказала Эльза. — После дракона и воинов Иксакс этот удар может стать последним и сломить их.

— Если каждый выполнит свою часть, — сказал Натан.

Он отметил напряженное выражение ее лица. Морщинки избородили ее тонкие черты, а гусиные лапки в уголках глаз стали глубже. Он не уставал восхищаться ее храбростью, решимостью и талантами. Магия переноса, над которой она столетиями трудилась в изолированном Ильдакаре, была впечатляющей. Натан помог ей продумать поразительный и рискованный контрудар. Эльза скрывала беспокойство и сомнения, но страх обернул ее, как похоронный саван.

— Все получится, моя дорогая. Сделаю все возможное, чтобы помочь тебе. За последние два дня мы собрали немало тренированных солдат, которые желают защитить шесть ударных отрядов. Все они знают, что делать и что стоит на кону. — Он улыбнулся. — Мы готовы выдвигаться.

Эльза сжала его ладонь.

— По правде говоря, без тебя всего этого не было бы, Натан. Я рада, что ты со мной.

— Будь храброй. Добрые духи, мы сделаем то, что должно. — Он погладил свой подбородок и нахмурился. — Уверена, что не хочешь дожидаться Никки? Эта колдунья сильнее любого из нас.

— Нет, — резко ответила Эльза. — Мы не знаем, когда она вернется, а у нас уже все готово. Руна начертана, шесть отрядов обучены и вооружены. — Она выпрямилась, все еще выглядя раздраженной. — Нужно действовать сейчас. Я все решила.

Натан тоже сжал ее ладонь.

— Понимаю. Мы и без Никки способны быть убедительными.

Сегодня Бэннон и Лила занимались утесом, добавляя в гигантскую руну переноса последние штрихи, хотя рисунок был закончен еще вчера вечером. Натан отослал Бэннона, поручив ему убедиться, что каждая деталь выполнена правильно. Задание не позволит юноше принять участие в отчаянной атаке, хотя это ему и не понравится. Скорее всего, участники вылазки не выживут, и Натан знал, что исход последней битвы с Утросом решит магия. И без Бэннона бойцов было достаточно для защиты отрядов одаренных, которые должны начертать пограничные руны.

Под серым небом Натан и Эльза поспешили по мокрым улицам к высокой стене, где собрались ударные отряды: лошади оседланы, бойцы облачены в доспехи и держат в руках мечи и окованные железом дубины. Им предстояла еще одна неожиданная для врага атака, но сейчас у них была четкая цель. Магия переноса выполнит основную работу — но только если одаренные нанесут руны на поле боя.

Натан склонился к Эльзе и прошептал:

— Я безоговорочно доверяюсь твоим способностям.

Самая большая группа бойцов собралась возле главных ворот — они сопровождают Натана

и Эльзу к сердцу лагеря, где волшебники начертят центральную руну. Пять других отрядов во главе с Ороном, Ольгией, Джастином, Перри и Лео отбыли к второстепенным воротам. Все выдвинутся одновременно, и у каждого отряда будет своя цель.

Ольгия подарила каждому плащ из прочного шелка, который служил как защитой, так и маскировкой. Шелкопряды пришли в полное истощение, но произвели невероятно много рулонов особой ткани. Каждый из бойцов сопровождения тоже был защищен.

Натан с Эльзой закутались в шелковые плащи и туго стянули их на талии. Натан в черных штанах, дорожных сапогах и с изысканным клинком у бедра ощущал себя искателем приключений и волшебником, а еще защитником Эльзы.

Городские стражники, приведенные в бешенство жестокой казнью верховного капитана, добровольно присоединились к отрядам.

— За Стюарта! — крикнули стражники, подняв мечи.

В каждом отряде было по две Морасит. Женщины поклялись ценой своей жизни защищать одаренных, пока те будут рисовать руны.

— Мы должны действовать быстро, — крикнул Натан. — Наша цель не ввязаться в битву, а занять нужные позиции и начертить пограничные руны. — Он улыбнулся. — Дальше дело за Эльзой.

Немолодая колдунья, погруженная в раздумья, молча сидела на спине рыжего мерина. Она согласилась ехать верхом, потому что им нужна была скорость. Натан выбрал крепкого серого коня. У других ворот возле командиров собрались закаленные ветераны арены и городские стражники в униформе. Совсем недавно эти люди были злейшими врагами, но теперь будут сражаться вместе.

— Столь многое изменилось, — негромко сказал Натан. — Удивительно, как быстро противостояние общему врагу может привести к дружбе.

Эльза обратила к нему лицо, полное переживаний. В ее глазах блестели слезы.

— Спасибо, что стал моим другом, Натан. Я рада, что ты пришел в Ильдакар, рада нашему знакомству. С тех пор, как не стало Дерека, ты первый, кто действительно согрел мое сердце.

— Надеюсь, так будет и дальше, моя дорогая. Но сейчас нам пора выдвигаться!

Прикусив нижнюю губу, Эльза кивнула.

Натан увидел среди бойцов освобожденного раба Ренделла, который служил Зерцалоликому, а потом стал первым представителем низших классов в палате волшебников. Ренделл отсалютовал Натану железной палицей.

— Я тоже сражаюсь, волшебник. Может, у меня и нет магии, зато есть оружие в руке, а гнев мой столь же силен, как у остальных.

— Позже мы отпразднуем победу вместе, — сказал Натан.

Они решили не трубить в боевые рога, а просто выехать под утренний дождь, лившийся с серого неба. Даже несколько лишних минут могут дать им преимущество.

Главные ворота начали открываться, и напряженные солдаты подступили ближе к Натану и Эльзе. Все держали мечи наготове.

Эльза несла большой бурдюк с ярко-красной краской — такой же была нарисована руна на скале. Когда настанет время, она отрежет угол и прольет на землю краску, вырисовывая якорную руну. У Орона, Ольгии и остальных трех одаренных дворян были похожие мешки с краской для начертания пограничных рун. Когда они подадут сигнал, что закончили работу, Эльза соединит пограничные руны с якорной и перенесет тепло со скал и реки прямо в

центр древней армии.

Натан уверенно улыбнулся Эльзе, когда все ворота в стене Ильдакара открылись.

— Идем, моя дорогая! Давай ощутим вкус победы.

Он ударил пятками в бока серого коня, и тот помчался галопом. Мерин Эльзы не отставал. Бойцы сопровождения рванули вперед, готовые биться насмерть ради исполнения отчаянного плана. Натан уже призвал в одну руку молнию, а во вторую — огонь волшебника. Он собирался ударить как следует.

— За Ильдакар! — вскричал он.

Эти же слова вырвались из множества других глоток.

Всех лодочников, рыбаков и речных торговцев предупредили, что им лучше держаться подальше от Ильдакара после того, как на утесе будет нарисована огромная руна переноса. Когда Эльза активирует заклинание, обратная реакция будет опасна для любого поблизости.

Лила и Бэннон стояли возле края одного из туннелей и глядели на многочисленные пандусы, лестницы и погрузочные платформы.

Разглядывая огромный рисунок, Морасит нахмурилась.

— Не следовало разрешать тебе висеть на веревке с кисточкой в руках. Это было рискованно, а я обещала оберегать тебя.

— Есть разные способы сражаться. — Бэннон с гордостью указал на впечатляющий ярко-красный узор. — Я должен был помочь.

— Ты мог упасть, — усмехнулась она.

— Я довольно ловкий. — Его раздражало такое отношение Морасит. — Здесь никто не нуждается в защите. Битва на противоположной стороне города, и я волнуюсь за ударные отряды и Натана. Сейчас они, должно быть, готовы выйти из города, чтобы начертить руны на поле боя, и это гораздо опаснее того, чем занимался здесь я. — Он оглянулся на туннель и город позади. — Натан обхитрил меня. Я хотел пойти с ним.

— Твой друг-волшебник хотел защитить тебя и просил меня позаботиться о том же. И я намерена выполнить просьбу, — сказала Лила. — Мои сестры сопровождают отряды. Значит, у них все получится.

Бэннон дотронулся до Крепыша у бедра:

— Вдруг они потерпят неудачу, хотя еще один боец мог бы спасти волшебника или колдунью в критический момент? Что если я нужен Натану?

— Понимаю твои опасения, — наконец, задумчиво сказала Лила. — Я бы тоже хотела пойти с ними.

Четверо рабочих стояли на отдельных лесах, проверяя все еще раз и подкрашивая участки, поблекшие за ночь из-за дождя.

— Быстрее! — крикнул им Бэннон. — Атака вот-вот начнется. Когда Эльза активирует магию переноса, вам лучше не быть здесь.

Самонадеянные молодые маляры раскачивались на веревках, совсем не боясь высоты. Перекрикиваясь, они завершили работу, а затем спустились на деревянные платформы. Собрав полупустые ведра с краской, они нырнули в туннели. Дождевая вода лилась с утеса в реку из небольших дренажных труб, соединенных с желобами на улицах, и у Бэннона возникло странное предчувствие. Словно Ильдакар плакал, и его слезы стекали по нарисованному на скале заклинанию.

Он подумал о грандиозной статуе Матери морей, которая возвышалась над гаванью Серримунди. У него возник похожий страх, когда «Бегущий по волнам» проходил мимо статуи. Не было ли это предупреждением об атаке сэлок, в результате которой корабль потерпел крушение? Натан и Никки много раз говорили, что лорд Рал изменил основы магии и пророчество исчезло. Юноша сомневался, что обладает способностью видеть проблески будущего, поэтому решил, что дрожь вызвана холодным воздухом.

Лила была считай голой, за исключением кожаных полос на груди и бедрах, а также сандалий с высокой шнуровкой. На ее коже поблескивала влага, подчеркивая выжженные

руны.

— Тебе не холодно? — спросил он.

— Нет. Я никогда не мерзну.

Из укрытия туннеля Бэннон и Лила смотрели, как с реки сходит туман, а день становится ярче. Он слышал шепот неторопливого течения и шум болота. Издалека послышался жуткий приглушенный барабанный бой, напоминавший сердечный ритм.

— Барабаны. Много барабанов. — Встревоженная Лила заглянула за край.

Выглянуло солнце, согревая воздух и разгоняя туман. Барабаны стали громче.

— Кто-то приближается.

Пытаясь хоть что-то разглядеть в редящем тумане, Бэннон ощутил зловещее изменение в воздухе и неосознанно придвинулся к Лиле.

Вместе они в ужасе смотрели на очертания, появившиеся на широкой реке: темные паруса, жуткая змеиная голова на носу корабля, который скользил вперед под размеренный и недобрый бой барабанов. Весла вздымались и опускались, толкая корабль против течения.

Бэннон вспомнил, как норукайские работорговцы прибыли в Ильдакар, чтобы продать ходячее мясо. В нем вскипела злость.

Появился еще один корабль, а потом еще — десятки судов. Конец вереницы терялся в тумане. В его жилах застыла кровь, когда он понял, что это не торговая экспедиция.

— Пресвятая Мать морей, это не торговцы. Вторжение!

Ненависть Бэннона к норукайцам была безгранична. В бухте Ренда он впал в раж и убил много работорговцев. Когда они явились торговать в Ильдакар, то он едва сдерживал отвращение, а потом по глупости бросил вызов трем норукайцам возле загона для яксенов. В итоге его избили и бросили в тренировочные ямы.

Барабаны забили громче, и змеиные корабли подплыли к докам у подножья утеса. Бэннон слышал вызывающие крики сотен — нет, тысяч — норукайцев, которые приближались к городу.

Он схватил Лилу за руку.

— Мы должны поднять тревогу, разрушить доки и защитить туннели. Ильдакар в опасности!

* * *

Когда ударные отряды направились в лагерь огромной армии, Деймон и Квентин остались в башне властителей. Двое волшебников обдумывали план, боясь, что им придется прибегнуть к крайним мерам. Они должны быть готовы. Никки с помощью сильфиды отправилась распространить страшную весть по Древнему миру, но Деймон знал, что она не приведет сюда подкрепление. Ильдакару придется спасать себя самому.

Обсудив с Торой возможность восстановления савана, двое волшебников приступили к закладке фундамента, не обсудив это с палатой. Мастер формы Деймон работал с металлом, сплавляя его и формируя новый тигель, зеркала и желоба — в точности такие, как были на пирамиде. Волшебники Ильдакара были поглощены своим отчаянным планом, но он и Квентин имели прагматичную точку зрения на то, что способно спасти Ильдакар. Они знали, что их схема сработает, даже если все остальное будет потеряно. Грандиозный замысел Эльзы способен нанести огромный урон, но риск был велик. Даже если все получится, разрушений может не хватить. Снова. Деймон с Квентином были реалистами.

В башню ворвался покрасневший и запыхавшийся Бэннон.

— Норукайцы! Десятки змеиных кораблей, тысячи воинов. Мы должны организовать

оборону утеса.

Вслед за ним вбежала Лила.

— Мальчишка прав. Норукайцы прибыли не для торговли. Они хотят завоевать город.

Мы в опасности.

Побледневший Деймон посмотрел на своего товарища. Оба волшебника знали, зачем остались в городе, пока Эльза и остальные отправились устанавливать пограничные руны.

Квентин прижал ладонь к животу, будто у него скрутило желудок.

— Я всегда считал норукайцев отвратительными.

— Вам вообще не следовало с ними торговать! — прорычал Бэннон. — Эти монстры собираются убить всех нас, будут штурмовать нас с реки. Мы должны остановить их. Нам нужны вы и огонь волшебника. Нужно активировать ловушки, построенные на скалах — сейчас. — Пока в голове Деймона кружились сумбурные мысли, Бэннон рыкнул на сомневающегося волшебника: — Пресвятая Мать морей, вы хоть меня слышите? Их тысячи! Они напали на город.

— Объявить тревогу! — приказал Квентин.

Деймон вытер со лба испарину.

— Бросьте по городу клич. Нам нужен каждый боец, чтобы отбросить норукайцев.

Но у него на уме было другое. Это ли не доказательство, что им нужно поднять саван и изолировать город? Это единственный действенный способ. Когда по улицам разнесся звон набата, он подумал, что звон похож на сигнал созыва к пирамиде для кровопролития.

Лила взяла Бэннона за руку, и они побежали к утесу, где был враг. Оставшись в башне, Деймон посмотрел на Квентина и увидел понимание в распахнутых карих глазах друга.

— Даже если план Эльзы сработает, генерал Утрос отомстит. Он не остановится, пока не сломает городские стены. — Он покачал головой. — А теперь и норукайцы атакуют утес. Если они проникнут внутрь, город падет. Квентин, ты знаешь, что у нас нет выбора.

Его товарищ кивнул.

— Мы дадим клич и созовем на арене добровольцев. Городская стража может собрать столько людей, сколько нужно. Кровь одаренных самая сильная; если найдется несколько бесполезных дворян, будет даже лучше. Сейчас не время для щепетильности. Нужно начинать немедленно. Такое крупное кровопролитие может занять больше времени, чем у нас осталось.

Аббатиса Верна и ее спутники не верили своим глазам: перед Ильдакаром разбила лагерь огромная армия.

— Нас слишком мало, мы ничего не можем им противопоставить, — стонал Ренн. Он спрятался за деревом и, казалось, едва сдерживался. — Я много веков смотрел на эту каменную армию, но никогда не думал, что она снова нападет.

— Лавина погребла под собой тысячи солдат, — сказал Зиммер. — Но генерал Утрос едва ли заметит потерю экспедиционного корпуса.

Разглядывая древнюю армию, выжженные холмы и распаханную долину, Верна пыталась представить, что здесь произошло.

— Определенно, город яростно сражался и даже добился некоторого успеха.

Побледневший капитан Тревор казался отчаявшимся.

— Нужно проникнуть в Ильдакар и выяснить, что случилось.

Генерал Зиммер тяжело вздохнул:

— Я знаю, что вы хотите вернуться в город, но мы не сможем пройти мимо этой армии. Разве что волшебник научит всех нас летать. Ваш дар способен на это?

Ренн поскреб щетину на щеках:

— Нет.

Морось и серые облака приглушали детали, хотя солнце пыталось пробиться сквозь тучи. Верна заметила, что далекие ворота Ильдакара открылись и из них выехали шесть отрядов. Они собирались совершить дерзкую и безумную вылазку.

— Смотрите, они пошли в атаку.

— Какие малые ударные силы! Это все оставшиеся защитники Ильдакара? — недоверчиво спросил Ренн. — Они все равно что мелкие стрелы против здорового яксена.

Они смотрели, как шесть отрядов безрассудно мчатся прочь от городских стен. Они направились в разные стороны, каждый к своей точке. Древняя армия начала шевелиться, реагируя на неожиданное и незначительное вторжение. Во главе каждого ильдакарского отряда ехал одаренный, который призывал ревущие ветра и молнии, сметая магией оборонительные ряды врага. Шесть групп скакали во весь опор, преследуя четкую цель.

— Это не полномасштабная атака, — сказал Зиммер, скрестив на груди руки. — Почти все отряды едут по окраине лагеря. Пытаются сбежать? Не понимаю.

— Смотрите, — сказала Верна, показывая вдаль. — У каждой группы своя цель. Они знают, куда движутся.

Шесть отрядов скакали на бешеной скорости, разя мечом и магией, сметая каменных солдат, которые пытались их остановить. Верна видела: они избегают прямого столкновения, чтобы сохранить скорость. Две группы ехали по холмам на южной стороне долины, еще две держались возле северного края, где трава была выжжена. Еще один отряд сделал крюк и помчался по самой свободной части лагеря прямо туда, где пряталась Верна и остальные. Одаренный лидер этой группы создал воздушный клин, который плугом прошел через обороняющихся солдат. Последний из шести отрядов направился прямо в сердце армии, пробиваясь через гущу солдат. Из каждой группы хлестали яростные молнии, ударявшие по скоплениям врага и вырывавшие дерн из земли. Верна пыталась понять, чего

они надеются достичь.

Оливер и Перетта стояли бок о бок, напряженно следя за битвой.

— Мы можем как-то помочь? — спросила послушница Эмбер. — Они даже не знают, что мы здесь.

Оливер решительно кивнул.

— Когда мы обрушили лавину, то работали все вместе. Только вспомните, чего мы достигли. — Он оглянулся на одаренных ученых, д'харианских солдат, горстку ильдакарских стражников и сестер Света. — Мы можем что-то сделать. Мы знаем кое-какие заклинания.

— Но мы не знаем их плана, — заметила сестра Рода. — Не знаем, чем им можно помочь.

— Ильдакар нуждается в помощи, неважно какой, — сказала Перетта. — Мы знаем, на чьей мы стороне.

— На стороне Ильдакара. — Голос Ренна просел от испуга. — Если мы можем действовать, то обязаны это сделать.

Ударные силы на северных и южных холмах направлялись к заранее определенным позициям. По одной группе с каждой стороны долины остановились на полпути, защитники выстроились вокруг одаренного лидера, а тот начал что-то делать. Остальные отряды продолжили мчаться еще быстрее, удаляясь от Ильдакара.

Отряд, который был ближе всех к Верне и ее прятавшимся товарищам, столкнулся с ожесточенным сопротивлением. Вражеские ряды сомкнулись, блокируя путь.

— Смотрите, вот наш шанс! Поможем им. — Ренн указал на отряд. — Можем напасть на врага со спины. Никто не знает, что мы здесь!

— Добрые духи, да. — Верна посмотрела на Эмбер, Роду, Элдин и других сестер Света, которые ушли вместе с ней из Твердыни. — Мы используем магию все вместе.

Отряд Верны был готов действовать, хотя шансы были малы.

— Если хотим изменить ситуацию, нам лучше подойти ближе. — Генерал Зиммер сел в седло боевого коня. — Вперед!

Не желая посрамить имя волшебников Ильдакара, Ренн взметнул руку, и густые облака над ним закружились, словно водоворот в серой реке. Повинуясь его приказу, дождь над полем битвы усилился.

Забравшись в седло, Верна обратилась к нетерпеливым ученикам из Твердыни:

— Вспомните, чему научились. Мы показали вам много заклинаний, и теперь нам нужен каждый трюк, который сможете придумать.

— За Ильдакар! — на ходу закричал Ренн.

Ближний к ним отряд застопорился, окруженный полукаменными солдатами. Ильдакарцы яростно сражались, необычные шелковые плащи словно защищали их. Волшебник, который вел эту группу, посылал молнии во вражеские ряды, расчищая путь и отбрасывая древних воинов. Выгадав немного времени, он тут же принялся за работу.

Бойцы Утроста перегруппировались и снова бросились на пойманный в ловушку отряд. Защитники организовали последний рубеж, окружив волшебника так, чтобы у того было достаточно пространства для выполнения задачи. Он поднял бурдюк, выливая на землю красную жидкость и рисуя большой узор.

Древние воины напирали, пытаясь добраться до волшебника и не дать ему закончить работу.

— Быстрее! — крикнула Верна на скаку.

Под прикрытием ливня Ренн застал врагов врасплох, испепелив молнией двадцать крепких солдат. По рядам пронесся удивленный рев, и они обернулись навстречу отряду, атаковавшему их со спины.

Верна пригнулась к спине скакуна, схватившись рукой за поводья. Вторую руку она сжала в кулак и нанесла удар воздухом перед собой. Ее магия породила гулкий ветер, который врезался во врагов, окруживших отряд защитников Ильдакара. Эмбер и еще шесть сестер использовали тот же прием, сметая с пути неповоротливых солдат.

Волшебник в центре отряда не сражался при помощи магии и сосредоточенно рисовал на земле замысловатый рисунок. Его длинные грязно-желтые волосы были заплетены в толстую косу. Он быстро работал, не обращая внимания на бедлам вокруг. Верна поняла, что он чертит красной краской некое заклинание.

Вырвавшись вперед, Ренн крикнул:

— Похоже, это Орон, волшебник из гильдии скорняков! Он использует магию, чтобы защитить рисунок от дождя.

Все восемь сестер Света ударили ветром. Верна выпустила зазубренную молнию, которая испарила высокого воина в кожаных доспехах. Генерал Зиммер ехал с поднятым мечом, как и д'харианские солдаты позади него. Капитан Тревор и городские стражники с покрасневшими лицами не отставали, решительно настроенные сражаться. Они врезались в солдат осаждающей армии.

— Мы поможем тебе, Орон! — завопил Ренн.

Вокруг Верны царил хаос, но она заметила, что другие отряды отчаянно обороняются, заняв позиции на равноудаленных точках. Они сформировали петлю размером с почти четверть древней армии. Верна все еще не понимала, что они делают, но группы твердо удерживали позиции, давая одаренным лидерам возможность начертить на земле заклинание, похожее на то, что рисовал Орон.

Защитники Орона попятились, делая последние отчаянные попытки его уберечь, но отряд из Твердыни разметал врагов и освободил волшебнику место. Верна и Ренн поспешили к нему. Начертанная на земле руна казалась Верне совершенно не знакомой.

— Похоже на руну переноса, — сказал Ренн.

Орон выжал на притоптанную грязь последние капли краски, закончив рисунок. Когда он поднял взгляд, на его серьезном лице не было удивления или радости.

— Ренн, ты вернулся вовремя. Нам нужны волшебники, чтобы сражаться.

— Я привел с собой одаренных. Они тоже помогут.

Обессилевший Орон посмотрел на рисунок на земле и простер над ним ладони, словно грел руки над огнем. Он надавил вниз, встречая некое невидимое сопротивление, и краска начала источать призрачное сияние.

— Теперь руна будет в целости и сохранности. Утрос не сможет повредить ее, пока Эльза не закончит работу. — Он вытер испарину со лба. — Если ее план сработает, нам не понадобится еще одна армия. — Он оглядел долину и увидел, что другие отряды тоже заканчивают работу. Орон быстро объяснил, зачем нужны пять отрядов во главе с одаренными: — Каждая группа рисует пограничную руну, пока Эльза и волшебник Натан пробираются в сердце лагеря. Эльза установит якорную руну магии переноса и задействует ее. Мы можем уничтожить немалую часть вражеского войска.

— Тогда мы тем более должны помочь, — сказал Ренн.

Орон резко поднял руку к небу и подал сигнал, создав яркий огненный шар, который

поднимался все выше и выше.

— Теперь они знают, что моя руна готова. — Тысячи вражеских солдат наступали, оправившись от неожиданной атаки. Орон перекинул на спину толстую соломенную косу. — Я хочу прожить достаточно долго, чтобы увидеть ее в действии.

* * *

К тому времени, как Бэннон и Лила вернулись к утесу, первые пять кораблей норукайцев врезались в доки внизу.

Бэннон стиснул зубы:

— Я даже отсюда чую их вонь. Запах крови, боли и уродства.

Лила сверкнула улыбкой:

— Я с удовольствием убью их, но, если ты дашь мне повод их ненавидеть, я получу от битвы еще больше удовольствия.

Налетчики бросали веревки, швартуя змеиные корабли к причалу у подножия обрыва, и высаживались. Река позади безобразных воинов была запружена змеиными кораблями, и все они шли к Ильдакару.

Больше сотни городских бойцов появилось у входов в служебные туннели. Они держали в руках оружие и были готовы отбивать нападение с реки. Бэннон, стоя у края, глядел на изощренную руну переноса, которую помогал рисовать. Но на вершине утеса не было видно волшебников палаты, которых он ждал.

— Где Деймон и Квентин? Они должны сражаться, нам нужна их магия!

Норукайцы начали карабкаться по платформам и высеченным в камне ступеням, напоминая вереницу диких муравьев. Лила держала на изготовку короткий меч и кинжал, но потом вернула их в ножны.

— Воспользуюсь оружием позже.

Она взяла бочку муки из припасов, хранившихся в туннеле, и швырнула ее вниз. Снаряд попал в двух норукайцев на нижних ступенях. Из разбитых голов брызнула кровь, перемешиваясь с белым облаком муки, и захватчики упали с утеса, сшибая тех, кто шел за ними. Бэннону понравилась идея, и он последовал примеру Лилы, сбросив на норукайцев небольшой бочонок.

Ильдакарские бойцы в других туннелях тоже принялись скидывать со скалы бочонки, булыжники и даже ящики с залежавшейся рыбой, метя в приближающихся норукайцев. Но налетчики продолжали сходить с кораблей и лезть вверх, не обращая внимания на потери.

Наконец, волна магии хлынула с верха стены из песчаника, сопровождаемая треском и вибрацией. Бэннон вытянул шею и увидел на вершине утеса несколько фигур в шелковых балахонах, которые использовали свой дар.

— А вот и подмога, — сказала Лила.

Причалы на речном берегу оторвались от скалы, и потерявшие опору змеиные корабли сбились в кучу. Корпуса их затрещали. Остававшиеся на палубах норукайцы, завопив от ужаса, стали перебираться с одного корабля на другой. Кто-то прыгал в реку.

Норукайские корабли продолжали прибывать, врезаясь друг в друга и перегораживая реку, пока захватчикам не удалось пришвартовать судна друг к другу и сформировать некий трап. Теперь они могли перемещаться между кораблями, чтобы добраться до утеса.

Волшебники наверху усилили напор магии, и из поверхности скалы вырвались струи воды. Вода с улиц и сточных канав хлынула на карабкающихся норукайцев. Скала и так была влажной из-за утреннего дождя, и сточные воды затруднили подъем.

Бэннон подкатил к отверстию тяжелую бочку.

— Пресвятая Мать морей, в ней что, камни?

Впрочем, главное, что бочка была тяжелой. Пошатнувшись, он скинул бочку с края и посмотрел, как она упала на одну из платформ далеко внизу, на которую как раз пытались забраться норукайцы.

Лила была весьма довольна собой.

— Давай сделаем это еще по сто раз. Но даже так нам все равно придется биться с оставшимися норукайцами. — Она усмехнулась. — И тогда начнется настоящее веселье.

* * *

Тяжелая дверь темницы рывком распахнулась, и Тора вскочила на ноги. На пороге стояли Квентин и Деймон, вспотевшие и напуганные.

— Время пришло, властительница! Если мы сейчас не задействуем магию крови, Ильдакар падет.

— Генерал Утрос проломил стену?

— Советники сейчас сражаются с армией, пытаюсь осуществить план с магией переноса, предложенный Эльзой, — сказал Квентин.

— А по реке только что прибыл боевой флот норукайцев! — перебил его Деймон. — Пятьдесят змеиных кораблей и тысячи налетчиков пытаются прорваться через утес. Мы не переживем обеих атак.

Тора выгнула бровь:

— Значит, вы решили поднять саван раз и навсегда?

— Нужно сделать это немедленно, — быстро кивнул Квентин. — Все советники, у которых были возражения, сейчас на поле битвы, а Никки еще не вернулась. Можем преуспеть, если будем действовать быстро. Нужно что-то предпринять, пока Ильдакар еще не пал.

Деймон сцепил руки:

— Пожалуйста, властительница, нам нужна помощь. Вы самая искусная в обращении с магией крови и уже поднимали саван.

— Я обещала помочь, — сказала она, шагнув к дверному проему.

Квентин поспешил вперед.

— Мы уже разослали по городу отряды стражников. Они знают имена добровольцев и соберут их в одном месте.

— Согласно предварительным спискам, — добавил Деймон.

Взбудораженная Тора быстро шла вслед за ними по каменным коридорам, освещенным яркими факелами.

— Мы должны принести эту жертву, чтобы уберечь Ильдакар. Эти отважные добровольцы спасут нас.

— Скоро будут собраны восемь сотен людей, — сказал Деймон, торопливо идя по коридору.

— Нужна минимум тысяча для такого масштабного кровопролития, — сказала Тора. — И дворяне, если сможете их отыскать. Кровь одаренных сильна. Она уменьшит необходимое количество жертв.

— Но неодаренных проще схватить и убить, — сказал Квентин. — Стражники уже собирают кандидатов. После убийства верховного капитана Стюарта они стали намного кровожаднее.

Волшебники прошли через каменную арку и оказались на открытом воздухе. Тора посмотрела на серое небо и на вершину плато.

— Пирамида разрушена. Где мы будем творить магию?

— Пирамида больше не нужна, — сказал Деймон. — Нужны лишь заклинания и устройство.

— И кровь, — добавил Квентин. — И понадобится место, где поместится много людей.

Паника охватила город, когда распространилась новость о вторжении норукайцев. Горожане бежали по улицам — кто-то в поисках укрытия, кто-то для того, чтобы схватить оружие и отправиться к утесу. Солдаты мчались к главным воротам и внешним стенам, чтобы защитить их, если Утрос решит ответить на вылазку ударных отрядов.

Тора обрадовалась, поняв, куда ведут ее двое волшебников. Квентин и Деймон прошли через высокую арку, служившую входом на огромную боевую арену. Собранная здесь толпа испуганно гомонила. Городские стражники грубо подгоняли людей, игнорируя их мольбы. Многие мужчины и женщины плакали, другие впали в оцепенение. Пожилая пара шагала с достоинством, смотря вперед и держась за руки — они добровольно отправились на арену.

Оглядев поле боя, Тора увидела, что Деймон воссоздал серебряный тигель, металлические желоба и каналы для крови, а также огромные зеркала, которые отражали слабый солнечный свет и направляли его во вращающиеся призмы из кварца. На неровном песке арены Квентин начертал заклинание.

— Осталось лишь пролить кровь, — сказал Деймон.

Все больше и больше людей сгоняли на арену, на которой им суждено было умереть.

— Так приступим, — кивнула Тора.

Десять норукайских кораблей ворвались в гавань Серримунди, обойдя обломки кракенобойного судна. Они походили на волков, игнорировавших уже убитую добычу.

Никки, находившаяся в доках, закричала, усилив голос магией.

— Норукайцы уничтожат гавань. Приготовьтесь сражаться.

Ныряльщики за жемчужинами желаний позабыли о похоти и лени.

— Женщина не врала.

Один ныряльщик был потрясен происходящим.

— Мы уже видели норукайцев. Они звери. Им не нужны ни деньги, ни жемчужины желаний — только плоть.

— Утром я слышал, что норукайские налетчики сожгли дотла Эффрен и убили всех жителей, но не поверил.

— Теперь поверишь. — Никки сощурилась. — Ты собираешься сражаться?

Она удивилась, когда мужчины вскочили.

Горящее кракенобойное судно медленно уходило под воду в устье гавани. Моряки бежали к своим кораблям с городских улиц и портовых таверн. Оказавшись на борту, они вскарабкались по снастям и развернули паруса.

Несколько кораблей, стоявших на якоре на открытой воде, приготовились к отплытию, но Никки сомневалась, что они смогут миновать норукайцев, блокирующих выход в море.

Чуть дальше по пристани капитан «Туманной девы» призывал матросов вернуться:

— Нужно выйти на открытую воду, где сможем защитить корабль!

Половина его моряков повиновалась и собралась на палубе, готовая сражаться, но те, кому не хватило храбрости, ринулись в боковые улочки, чтобы укрыться в рыбных лавках и на складах. Многие жители Серримунди убежали в холмы.

Десять змеиных кораблей плыли к гавани, выискивая легкие цели. Залп пылающих стрел поджег грузовое судно, и когда его паруса загорелись, большая часть экипажа попрыгала за борт в поисках спасения. Норукайский корабль с треском протаранил корпус грузового судна, расколов доски. Покрытые шрамами налетчики перепрыгнули через борт на соседний корабль, орудуя топорами, мечами, дубинами и убивая оставшихся на палубе матросов.

Хозяин гавани Отто бежал по причалу, ведя за собой дочь.

— Колдунья, вы предупреждали! — крикну он, увидев Никки. — Простите. Теперь мы должны сражаться. Что нам делать?

— Вам давным-давно следовало возвести укрепления, — жестко ответила Никки. — Разве Имперский Орден ничему вас не научил?

Отто покраснел.

— Император Джегань пощадил нас, потому что у нас не было флота. Мы заплатили ему большую дань, и его армия двинулась дальше по побережью, не став тратить силы и проливать кровь, чтобы нас захватить. Мы думали, Серримунди в безопасности.

— Норукайцев не интересуется дань или ваша капитуляция. Они пришли разрушать. Я видела, как они жгли бухту Ренда. Серримунди для них лишь более крупная цель.

Она задавалась вопросом, сколько прибрежных городов пострадало от налетчиков. Никки пристально смотрела на приближающиеся змеиные корабли и слаженную работу

весел. Два зловещих корабля зажали с двух сторон грузовое судно, которое прорывалось к выходу из гавани, протаранили беспомощную посудину, взяли на абордаж и методично вырезали весь оставшийся экипаж.

Отто сжал плечо дочери и подтолкнул ее к городу на холмах.

— Иди в старый дом, Шира. Найди детей и спрячься там, забаррикадируй двери на случай, если норукайцы прорвутся в город.

Глаза молодой женщины наполнились слезами.

— Я не могу оставить тебя, отец. Не могу оставить жениха. — Она показала на «Туманную деву».

— Ты не должна бросать детей, — сказал он. — А теперь иди!

— Если норукайцы пойдут по улицам, разоряя город, значит, твой отец и муж уже потеряны, — добавила Никки и перевела твердый взгляд на хозяина порта. — Мы не можем этого допустить. — Она оглядела пришвартованные корабли, среди которых была «Туманная дева». — Нужно использовать эти корабли. Они не могут просто дожидаться, пока их сожгут на месте. Уплыть они тоже не могут. У вас же есть готовый флот — если капитаны и экипажи станут сражаться.

— Они станут — иначе погибнут.

Грохоча барабанами, змеиные корабли атаковали каждое пытавшееся улизнуть судно. Норукайцы выпускали залпы огненных стрел, которые в большинстве своем не долетали до цели, но иногда все же попадали в длинные пирсы Серримунди или небольшие рыбацкие лодки. Пламя начало распространяться. Никки выставила руки, призывая дар, и послала прицельный порыв ветра через корабли. Поток воздуха задул слабое пламя, еще не успевшее разгореться. Колдунья послала в море более мощный порыв ветра, создав пенистые волны, которые ударили в передние норукайские корабли.

Когда Шира убежала, Отто повернулся к Никки:

— Теперь я знаю, что она будет в безопасности. Что нам делать?

Никки увидела, что «Туманная дева» почти готова к отплытию. Капитан Гэнли выкрикивал приказы, а его матросы отвязывали причальные канаты.

— Этот корабль будет нашим флагманом. Вы знаете капитана, подчинится ли он вашим приказам?

— Он знает, что должен спасти прекрасную Ширу и ее детей.

Никки и хозяин порта побежали к трехмачтовому кораблю, и она крикнула четверем ныряльщикам за жемчугом:

— Вы хотите сражаться? У меня есть для вас работа, но достаточно ли вы храбры для нее?

— Не оскорбляй нас, — надменно ответил мужчина, который отпускал непристойные шуточки.

— Тогда не давайте мне повода. Идем!

Мужчины с обнаженными торсами поспешили за ней к «Туманной дева» и взбежали по трапу. Капитан Гэнли рывал на матросов, которые остались защищать корабль. Вышколенный экипаж перекидывал канаты, натягивал паруса, а Никки при помощи дара подтолкнула парусник, приведя его в движение. Другие корабли тоже ставили паруса. Матросы вооружались баграми и шестами.

Хозяин порта Отто подбежал к носу «Туманной девы» и крикнул другим кораблям:

— Мы должны прогнать захватчиков, иначе они сожгут Серримунди. Сражайтесь за

наш город и свои семьи!

— Отто, многие экипажи даже не родом из Серримунди, — сказал капитан Гэнли.

— Тогда они будут биться за собственную жизнь, — сказала Никки. — Такой причины достаточно для любого.

Она усилила ветер, наполняя паруса, и «Туманная дева» отчалила вместе с еще тремя кораблями. На краю гавани, рядом с каменной фигурой Матери морей, от кракенобойного корабля остались лишь клубы дыма. Его почерневший корпус погрузился под воду.

Атакующие норукайцы гребли изо всех сил, и первый змеиный корабль уже подплыл к дальнему пирсу. Налетчики спрыгнули с палубы, и горожане побежали им навстречу. Никки пока не могла помочь — она руководила морской атакой на змеиные корабли.

— Я попытаюсь уничтожить пять кораблей, — сказала она капитану Гэнли и хозяину порта Отто. — Для начала.

— А что делать нам? — требовательно спросил один из ныряльщиков. — Мы поднялись на борт не для того, чтобы просто смотреть.

Его товарищи согласно заворчали, но вместо ответа Никки повернулась к Гэнли:

— Нужны стеклянные бутылки с пробками, по одной для каждого из этих мужчин. Сделаем из них смертельное оружие.

Нахмурившись, капитан посмотрел на Отто:

— Что она...

— Делай, как сказала колдунья. Она предупреждала, что нас могут атаковать, но я отказался слушать. Нужно делать все, что она скажет.

Для капитана Гэнли этого было достаточно. Он выкрикнул приказ, и вскоре его первый помощник вернулся из камбуза с четырьмя бутылками из коричневого стекла. Он откупорил пробки и вылил содержимое бутылок за борт, а затем вручил пустую тару Никки. Она почувствовала едкий запах пряной жидкости, перечного масла и ванильной настойки.

— Подойдет.

Гэнли стоял на носу корабля, отдавая распоряжения. «Дева» шла вперед, подгоняемая магией Никки. Змеиные корабли сократили дистанцию, движимые взмахами острых весел под грохот барабанов.

Никки еще раз прокрутила в голове план уничтожения пяти кораблей и повернулась к угрюмым ныряльщикам за жемчужинами.

— У вас мощные легкие. Вы действительно умеете надолго задерживать дыхание?

— Именно поэтому мы носим свои знаки! — мужчины указали на татуировки на груди.

— Тогда поплывете на глубине, — сказала она.

Осторожно и филигранно обращаясь с даром, Никки наколдовала шар огня волшебника размером с виноградину и опустила в первую коричневую бутылку, подвесив шарик при помощи другого заклинания, чтобы он не касался стенок. Она заткнула бутылку пробкой, и коричневый сосуд засветился подобно фонарю.

— Это тебе пригодится. — Она отдала бутылку первому ныряльщику, а потом создала еще один шар огня волшебника и опустила во второй сосуд. Она повторила процедуру еще два раза, чтобы у всех ныряльщиков было по бутылке.

— Налетчики приближаются! — крикнул Гэнли.

Под грохот барабанов змеиные корабли подплывали к «Туманной деве». Матросы вызывающе закричали, подстегивая свою ярость в отчаянной попытке преодолеть страх.

Отто повернулся к Никки:

— Мы готовы к битве, колдунья. Надеюсь, ваш план сработает.

— Сражайтесь и убивайте, — сказала Никки. — Вот и весь план.

Норукайцы на борту приближавшихся кораблей разразились еще более громкими возгласами. С разрезанными ртами и змеиными татуировками на щеках налетчики походили на нечеловеческую армию, но Никки так просто не запугаешь.

— За борт, сейчас! — скомандовала она ныряльщикам после того, как объяснила, что нужно делать. — Вы можете выиграть для нас половину битвы, если преуспеете.

Сжимая в руках светящиеся стеклянные бутылки, ныряльщики распределили цели и прыгнули за борт, ныряя на глубину. Никки посмотрела за борт и увидела, как яркие огоньки уходят вниз, напоминая мерцающих в ночи, а потом начинают двигаться к змеиным кораблям.

На глазах Никки еще два змеиных корабля втиснулись между пришвартованными судами, не успевшими отплыть от причала. Норукайцы бросали факелы, поджигая корабли и пирсы, и пламя скоро должно было дойти до складов. Серримунди мог сгореть. Никки пока не могла присоединиться к битве у берега — сначала ей нужно было уничтожить остальные корабли.

Экипаж «Туманной девы» размахивал шестами, мечами, баграми и гарпунами. Никки нацелилась на резного змея на носу ближнего корабля и послала туда огонь волшебника. Жгучее пламя обратило змеиную голову в пепел. Норукайцы взревели от негодования, и Никки направила ветер, чтобы отогнать их корабль в сторону. Вместо того чтобы протаранить «Туманную деву», змеиный корабль едва ее задел. Но судна оказались достаточно близко, чтобы норукайские мужчины и женщины перепрыгнули с одного борта на другой, размахивая топорами, копьями и мечами в безумной жажде крови.

Никки опознала их лидера по жилету из акульей кожи и клыку, вживленному в бритую голову. Это был капитан Кор — один из торговцев рабами, прибывших в Ильдакар. Когда его команда оказалась на борту «Девы», Кор тоже прыгнул на палубу, и его тяжелые ботинки стукнули по доскам. Громко крича, все больше налетчиков переходило на корабль, желая зарезать экипаж капитана Гэнли.

Матросы «Туманной девы» бросились навстречу врагу. Никки шагнула вперед. Неровно остриженные волосы развевались на ветру, а черное платье колыхалось, пока она готовилась атаковать магией. Она столкнулась с норукайским капитаном, готовая пролить кровь.

Со звоном клинков, стуком копыт, криками боли и ярости ильдакарская ударная группа пробивалась к сердцу лагеря генерала Утроста. Натан швырнул огонь волшебника, расчищая путь себе и Эльзе. Пылающий шар поглотил пятьдесят солдат, но спустя несколько секунд брешь в строю затянулась.

— Дальше нам не пробиться, — сказал Натан, тяжело дыша. Они с Эльзой продвинулись уже довольно далеко. — Возможно, это лучшее, чего мы могли добиться, но хватит ли этого?

Ей нужно было где-то начертать большую якорную руну, чтобы сработала магия переноса. Когда к колдунье подбежал полукаменный солдат, Натан нанес удар воздухом, с шумом отбросив его.

— Надо было попросить Никки научить меня останавливать человеческое сердце, — пробурчал он себе под нос. — Я никогда не хотел использовать такую силу, потому что это казалось несправедливым по отношению к врагу. — Его длинные белые волосы спутались и пропитались потом, пылью и кровью убитых врагов. — Я забыл, что на войне все средства хороши.

Эльза остановила лошадь на пяточке перепаханной грязи и соскользнула с седла.

— Это место подойдет. Я надеялась поместить якорную руну подальше, чтобы кольцо охватило больше солдат. — Голос ее был хриплым и полным душевной боли.

Многие из их отряда уже пали, но две Морасит, Ренделл и около дюжины защитников все еще бились. Кажется, они и не рассчитывали выжить.

— Надеюсь, все не напрасно. Ох, Натан, как я на это надеюсь. — Эльза суетилась, рисуя яркими красными линиями замысловатый узор на расчищенном пространстве. Ее лошадь в испуге ускакала прочь, но колдунья словно и не заметила.

Торн, Лайес и уцелевшие ильдакарские бойцы яростно сражались, освобождая для Эльзы пространство. Одежда из укрепленного шелка обеспечивала некоторую защиту от яростных вражеских ударов. Защитники продолжали сражаться бок о бок, оберегая Натана и Эльзу. Ей нужно было еще немного времени.

Пока немолодая колдунья рисовала на земле могущественную руну, Натан посылал неистовые ударные волны, которые отбрасывали вражеских солдат, не давая им приблизиться к Эльзе. Она быстро двигалась по кругу, добавляя новые линии, в то время как оставшиеся ильдакарцы из последних сил держали оборону.

Натан спешил, желая быть ближе к Эльзе, и через несколько мгновений его конь тоже ускакал. Колдунья ставила все на эту попытку, и Натан видел, что все ее мысли поглощены задачей. Он должен дать ей шанс. Но их успех зависел и от остальных пяти отрядов. Без пограничных рун магия переноса не работает. Натан поднял взгляд и с нервным трепетом увидел яркий огненный шар, взметнувшийся в небо над дальней из южных групп.

— Еще один, Эльза! Четверо уже закончили!

Он отвлекся лишь на мгновение, но к ним уже мчался здоровенный воин на полукаменном коне. Натан заставил грязь вздыбиться, образовав стену; конь споткнулся об нее, словно об веревку, и кубарем полетел на землю. Воин вывалился из седла, и Натан прыгнул на него, нанося изысканным мечом удар сверху вниз, пронзая твердую кожу на груди солдата. В свободной руке Натана вспыхнул огонь волшебника, и он швырнул

пылающий шар, сбив еще двадцать солдат. Натан чувствовал, что его дар слабеет — силы были на исходе.

Он наблюдал, как в небе угасает сигнальное пламя. Четыре пограничных руны были нарисованы и закреплены, не смотря на все трудности. Он обернулся, осматривая выжженные холмы.

— Осталась еще одна.

Он видел, как древние солдаты стягивали силы туда, где находился последний отряд, но тут из серых туч обрушился столб хлещущего снега и льда, сметая врагов. Одаренный лидер последнего ударного отряда использовал магию, чтобы выполнить свою задачу, в то время как остальные четыре группы пытались выжить и отступить в безопасное место. Эльза трудилась над большим узором, тяжело дыша и обливаясь потом. Обе пешие Морасит сражались как дикие звери, а Ренделл размахивал дубинкой с железным наконечником, компенсируя свое неумение яростью.

Натан еще никогда не видел Эльзу такой свирепой. Все новые вражеские солдаты атаковали их, окружая, но Натан оставался рядом и защищал колдунью. Он видел, что она плачет, вычерчивая линии.

Когда она активирует руну переноса и вытянет все тепло из реки Киллрейвен и утеса, погибнет огромное число вражеских солдат.

— Они враги, а иногда враги заслуживают смерти, — попытался успокоить ее Натан.

— Но не друзья, — сказала она. — Мои дорогие друзья.

Натан не понял, что она имеет в виду. Когда еще несколько солдат бросились на них, выставив копья, он создал очередной воздушный молот. Шелк задержал острие копья, и оно не смогло пробить ткань. Натан наотмашь ударил мечом.

В сотне ярдов он увидел самого генерала Утроса в маске из чеканного золота, закрывавшей половину лица, и в толстых кожаных доспехах с пламенем Железного Клыка. Две колдуньи, кожу которых покрывали узоры, шагали рядом с ним, намереваясь встретиться лицом к лицу с Натаном и Эльзой.

— Добрые духи, я не знаю, как долго мы продержимся против двух колдуний и всех этих солдат. Прошу, Эльза, поторопись!

Затем он увидел зажженную стрелу, поднимающуюся в воздух с того места, где находился пятый отряд. Она описала дугу, угасая и оставляя за собой след дыма. Не магический огонь, но Натан все понял.

— Последний сигнал! Пятая пограничная руна готова, но они не использовали огненный шар. — Он знал, что ни один одаренный не станет стрелять из лука. — Значит...

Эльза расправила плечи:

— Значит, тот, кто создал пограничную руну, уже мертв, но узор закончен. — Она взяла себя в руки. — Мы готовы. Осталась только одна соединительная линия. — Она подняла бурдюк с красной краской. — И тогда я смогу активировать перенос. Это будет восхитительно, Натан. Надеюсь, мы спасем Ильдакар. — Она больше не сдерживала слез. — Я рада знакомству с тобой, ты мой дорогой друг.

Его сердце оборвалось.

— Что ты имеешь в виду? Заканчивай руну, чтобы мы могли убежать и отпраздновать победу вместе.

— Это якорная руна, центр заклинания, — сказала она. — Ее нужно активировать отсюда. Руна вытянет магию переноса из пяти пограничных рун, объединит их. Все, что

внутри, окажется под ударом. — Она глубоко вздохнула. — И я должна быть в самом центре.

Натан отпрянул.

— Нет, я тебе не позволю. Иди ко мне! — Он протянул к колдунье руку, но Эльза его удивила, призвав порывистый ветер.

Натан и не подозревал, что она так сильна в этом типе магии. Поток ветра подхватил его и унес в небо, точно шелуху. Две Морасит, Ренделл и оставшиеся бойцы сопровождения поднялись в воздух вместе с ним.

— Остановись! — закричал Натан. — Идем со мной.

Он взмахнул руками, поднимая щит, чтобы заблокировать ее магию, но запущенный Эльзой воздушный поток мчался со скоростью арбалетной стрелы. Натан метался в поисках опоры, но сейчас он и остальные были подобны снарядам, запущенным из катапульты.

Оставшись одна в большом круге, Эльза выжала последние красные капли, начертив завершающую линию узора. Сотни древних солдат подступили ближе к оставшейся без защиты Эльзе. Они поглотят ее, такую маленькую и одинокую.

Но она завершила узор и запустила магию переноса.

Нахлынул зной, и равнина запылала от жара солнца.

* * *

Струи воды хлестали из сточных труб, накрывая норукайцев на трапах и лестницах. У Бэннона закончились бочки и ящики для метания, но другие добровольцы продолжали забрасывать захватчиков камнями, кирпичами и крупной глиняной посудой. Норукайцы, рыча, пытались увернуться от падающих предметов. Многие погибли от падения с обрыва, но налетчики продолжали лезть на утес нескончаемым потоком. Бэннон почувствовал, как вены его загорелись знакомым огнем. Не в силах контролировать свою ярость, он высунулся за край, размахивая Крепышом и крича:

— Мы порежем вас на куски!

— Когда они доберутся, мы с тобой будем вести счет, — уверенно кивнула Лила. — Возможно, скоро я сочту тебя своей ровней, а не учеником. — На ее лице появилась пугающая улыбка, но он все равно считал Лилу красивой и соблазнительной. — Если хорошо проявишь себя, мальчишка, я могу снова вознаградить тебя.

Он коротко рассмеялся.

— Кажется, ты говорила, что это я тебя награждаю.

— Разве есть разница?

С вершины утеса одаренные швыряли обычный огонь, и языки пламени облизывали туманные скалы, сжигая отвратительных налетчиков. Но норукайцы продолжали взбираться, не обращая внимания на дымящуюся кожу.

Бэннон был сосредоточен на битве, но заметил, как нарисованная на скале огромная руна начала светиться, вибрировать и пульсировать. Покрытые шрамами налетчики испуганно вскрикнули, а защитники Ильдакара прекратили обстрел и отступили в туннели.

— Это магия переноса! — сказал Бэннон.

Лила схватила его поперек груди и отбросила под прикрытие нависающего выступа. Гигантская руна засияла, и Бэннон почувствовал, как из его легких вышел воздух. Морось в воздухе превратилась в крошечные замерзшие алмазы размером с песчинку. С треском тысячи ломающихся костей слой воды на утесе замерз, превратившись в тонкий лед. Потоки воды из дренажных труб застыли в воздухе, когда из камня было высосано все тепло.

С сокрушительным ревом река Киллрейвен остановилась, вздымая глыбы льда.

Смертельно холодные кулаки речного льда крушили норукайские корабли, раскалывая их корпуса, будто игрушечные.

С гневными проклятиями налетчики падали, соскальзывая с превратившихся в лед выступов. Некоторые норукайцы замерзли, покрывшись коркой льда, а другие сорвались со скалы и упали в твердую как камень реку. Платформы и лестницы в считанные секунды разлетелись вдребезги.

Изумленные защитники Ильдакара высовывали головы из туннелей и радостно кричали. Бэннон выдыхал облачка пара. Торжествуя смеясь, он с восторгом повернулся к Лиле.

Но даже внезапная буря холода задержала норукайских налетчиков лишь на несколько мгновений. Многие упали с обрыва и лежали мертвыми или ранеными на речном льду, но некоторые еще цеплялись за замерзшие скалы. Вонзая в лед кинжалы, они продолжили подъем.

На пятидесяти змеиных кораблях было много норукайцев, еще даже не вступавших в бой.

Бэннон свесился с выступа, чтобы посмотреть вниз на ледяную стену. Длинные сосульки свисали клыками, но отвратительные налетчики не выказывали никакого страха. Они лезли наверх сотнями, и Бэннон приготовился сражаться за свою жизнь.

Еще два дерзких норукайских корабля вторглись в порт Серримунди. Налетчики бросали факелы на деревянные пристани и в оснастку пришвартованных торговых кораблей. Крепкие норукайцы оставили весла, перепрыгнули на берег и помчались вперед, сметая напуганных рабочих порта, которые пытались защитить свой город.

Норукайцы были неудержимы. Они нечленораздельно вопили, чтобы запугать своих жертв, рубили топорами, размахивали тяжелыми боевыми молотами и пронзали противников копьями с костяными наконечниками. Они бежали по скользким от крови доскам доков, оставляя позади искалеченные тела.

Огонь начал переходить с причалов на склады и торговые лавки. Целые семьи спасались, уплывая по каналам на маленьких лодках или убегая в холмы. Серримунди слишком долго был уверен в своей безопасности и процветании.

Испуганные люди начали медленно разворачиваться — как волна, хлынувшая на берег. Отправив свои семьи в укрытия, отважные горожане вернулись в гавань, неся с собой найденное дома оружие. Некоторым ветеранам даже удалось отыскать крепкие нагрудники, фамильные мечи и щиты, которые служили украшением, а также шлемы, помятые в давно забытых столкновениях.

К поврежденному причалу пристали три змеиных корабля, но число сошедших на берег норукайцев не насчитывало и двух сотен. Серримунди мог призвать гораздо больше защитников. Ситуация изменилась, когда город пробудился.

С палубы «Туманной девы» Никки наблюдала за столкновением в доках, но ей пришлось сосредоточиться на пяти кораблях поблизости. Ее импровизированный военный флот состоял из решительных, но напуганных матросов. А еще против норукайцев была Никки.

Когда переднее змеиное судно отделилось от корпуса «Девы», его обугленная носовая фигура еще дымилась. Неотесанные норукайцы в безрукавках прыгнули на палубу. У них были гравированные металлические браслеты, шипастые ошейники, кольца и цепи. Мужчины и женщины больше походили на демонов, чем на людей. Они издали улюлюкающий боевой клич, широко раскрывая разрезанные рты.

Первый помощник «Туманной девы», держа меч обеими руками, поднял клинок в защитной позиции, но норукайское копьё с костяным наконечником пронзило его грудь. Закашлявшись кровью, он выронил оружие и упал на колени. Экипаж застонал при виде первой смерти, но горевать было некогда. Десятки новых налетчиков перепрыгнули на палубу и ринулись вперед, выставив лес острого оружия. Никки не могла помочь первому помощнику, но потянулась своим даром к норукайке, которая пронзила его копьем. Широкоплечая женщина триумфально кричала, но Никки сосредоточилась, отыскала ее сердце и сокрушила магией. Норукайка с глухим стуком упала под ноги своим товарищам, и теперь они спотыкались о ее тело и валялись с ног. Никки переместила внимание на мужчину, который поднялся на ноги. Она нащупала его сердце и остановила.

Палуба корабля наполнилась воплями и звоном оружия. Пали еще трое матросов «Туманной девы». Хозяин порта Отто разбивал черепа и ломал руки увесистым посохом.

Церемониальный меч капитана Гэнли был туп, и он не практиковался с оружием. Когда к нему приблизились двое норукайцев, он взмахнул мечом, затем выронил его и схватил

багор, который, похоже, был ему более привычен. Со всей силы замахнувшись, он разодрал лицо норукайца изогнутым крюком. Второй его противник сделал яростный выпад, но Гэнли перехватил его острием багра и пронзил живот. Налетчик схватился за скользкое древко и устоялся на багор, уязвленный тем, что так быстро погиб в бою. Капитан корабля, бледный и решительный, еще раз с силой ткнул, опрокинув умирающего норукайца, и тот соскользнул с багра.

Оказавшись на палубе, Кор взревел, подстегивая налетчиков:

— Норукайцы! Король Скорбь приказал вам умереть, но мы не смеем умереть, пока не победим во имя змеиного бога. — В одной руке у него был топор с длинной рукоятью, а во второй — меч. — Мы разграбили уже пять деревень, но теперь захватим целый город!

После бухты Ренда все норукайцы были врагами Никки, но она с огромным удовольствием убьет именно этого мужчину. Она ненавидела капитана Кора уже за то, что он избивал рабов в Ильдакаре и смеялся над их страданиями. Колдунья подняла ладонь, ощущая бурление дара, которому не терпелось получить свободу. Она могла остановить сердце Кора, могла сжечь его огнем волшебника или выкинуть за борт порывом ветра. Но когда он увидел и узнал ее, его слова заставили Никки помедлить.

— Колдунья из Ильдакара! Я думал, что король Скорбь убьет тебя во время вторжения, но это удовольствие выпало мне.

У Никки не было времени обдумывать его слова.

— Я не знаю твоего короля, но с радостью убью тебя.

Она должна устранить норукайского капитана быстро, чтобы защитить моряков «Туманной девы». Она подняла руку, ощущая всплеск магии, готовый его уничтожить...

Но тут взорвался соседний змеиный корабль. Яркая вспышка прошла снизу вверх через корпус, расколов палубу и послав во все стороны огненные брызги. Огонь волшебника. Если расплескавшееся пламя попадало на норукайцев, то смертоносный огонь прожигал их плоть и кости. Змеиный корабль со стоном накренился, в его трюм хлынула вода. Ошалевшие налетчики на борту «Туманной девы» закрутились, взвывая от ярости.

Второй норукайский корабль захлестнуло пламя. Огонь волшебника хлынул снизу вверх, разломав доски палубы, расколов киль и превратив судно в пылающие обломки. Норукайцы отчаянно высматривали неожиданного врага. Никки увидела еще две светящиеся сферы ниже ватерлинии — последние двое ныряльщиков плыли со стеклянными бутылками с магическим огнем. Еще два норукайских судна постигла та же участь — огонь волшебника вырвался из бутылок и устремился вверх. Через считанные минуты все четверо ныряльщиков всплыли на поверхность, хватая ртом воздух.

Битва на борту «Туманной девы» продолжалась. Никки создала на ладони шар огня волшебника, но не собиралась рисковать, пуская его в ход здесь. Корабль Кора был слишком близко, и огонь распространится на оба судна.

Поняв, что Никки как-то связана со взрывами, Кор рванул вперед, замахнувшись тяжелым топором. Колдунья пригнулась, почувствовав, как лезвие прошло прямо над головой, а норукаец продолжил атаку быстрым уколом меча в другой руке.

Никки увернулась, но острый клинок разрезал черное платье и оставил рану на ребрах. Она отбросила противника магией. Кор приземлился на ноги и ринулся на нее, размахивая обоими орудиями. Никки потянулась, чтобы остановить его сердце, но он двигался слишком быстро, шипя и атакуя. Она не могла выбрать момент, чтобы найти правильную точку.

Норукайцы впали в бешенство, увидев гибель четырех своих кораблей. Они вели себя

самоубийственно, атакуя безо всякого намерения выжить в битве. Они напоминали Бэннона, впавшего в неконтролируемую кровавую ярость.

— Вы все умрете! — сказал Кор. — Вы будете скорбеть, как скорбит сейчас каждый в Ильдакаре. — Он взмахнул боевым топором, ударив по доскам палубы, и во все стороны полетели крупные щепки. — Весь мир узнает о короле Скорбь, но Серримунди никогда не забудет капитана Кора.

Никки уже собиралась сломать его позвоночник, но ей нужно было узнать больше.

— Хочешь сказать, Ильдакар атакован? Как?

Она отправилась сюда в сильфиде, оставив осажденный Утросом город, но не думала, что норукайцы вторгнутся в Ильдакар.

— Пятьдесят кораблей, колдунья. У короля Скорбь тысячи норукайских воинов. — Кор усмехнулся. — Я сообщил ему все необходимые сведения, чтобы захватить город. Ильдакар станет столицей, когда король завоюет Древний мир.

Никки вообразила флот, который в пять раз больше того, что сейчас напал на Серримунди. Смогут ли Натан и палата волшебников справиться с двойной атакой — и с Утросом, и с норукайцами?

— Я вернусь и помогу сокрушить короля Скорбь, как только разделаюсь с тобой, — сказала Никки. — Я расскажу ему, как ты умер.

Кор насмешливо улыбнулся.

— Я уже мертв. Скорбь приказал мне сражаться, пока я не погибну в бою. Именно так я и собираюсь поступить. Но сначала я увижу твою смерть. — Он кинулся на нее со сверкающим взглядом.

Раз уж он хотел умереть, Никки исполнила его желание. Она сконцентрировалась, придала воздуху форму и ударила по его черепу с обеих сторон. Кости сломались, а мозг превратился в кашу.

Норукайский капитан еще падал, но Никки уже повернулась к другим налетчикам, собираясь спасти Серримунди. Она посмотрела на корабли в гавани и горящие склады. Сотни норукайцев сражались в своем последнем бою, но горожане сплотились и отбросили их назад.

Никки взяла в правую руку кинжал, а в левую призвала магию. Она посвятила себя битве. Колдунья уже убивала людей сотнями, и теперь сделает это снова. Она принялась за работу.

Магия переноса была активирована, и Бэннон надеялся, что Натан и Эльза выжили на равнине, которая сейчас должна быть поглощена огнем. Магия оставила пронизывающий холод на скалах и заморозила реку Киллрейвен.

Лила, одетая лишь в узкие полоски кожи, словно и не замечала холода. Когда она заговорила, из ее рта вырвался пар:

— Они идут. Приготовься, мальчишка.

Несмотря на резкое понижение температуры, по коже Бэннона струился пот. Он собрался с силами.

— Меня зовут Бэннон.

Хотя норукайские корабли застряли во льдах, налетчиков ничто не сдерживало. Не обращая внимания на тела тех, кто упал с утеса, они притащили с палуб осадные лестницы и прислонили длинные узкие конструкции к заледеневшему песчанику. Нестабильный лед продолжал трескаться и щелкать, его куски откалывались и падали ледяными копьями, но налетчики все карабкались к грузовым платформам и входам в туннели.

Бэннон и Лила, готовые сражаться, наблюдали, как норукайцы преодолевают уровень за уровнем, топорами и кинжалами вырубая опоры в ледяной скале.

— Пресвятая Мать морей, — сказал он, сжимая холодную рукоять меча, — мы не можем просто ждать, пока они сокрушат нас.

— Согласна, — сказала Лила. — Давай спустимся и не дадим им подняться выше.

Она перепрыгнула из их укрытия на узкий уступ, который вел к грузовой платформе. Эта опора и в нормальных условиях была не слишком надежной.

— Лед... — ахнул Бэннон.

— Лед не везде. Выбирай участки голой скалы и иди за мной к тем лесам. — Она подняла на него взгляд. — Или хочешь остаться и смотреть, как я сражаюсь в одиночку?

— Я буду сражаться вместе с тобой. — Он вложил меч в ножны, чтобы освободить руки, и последовал за Морасит.

Ильдакарцы высунулись из защищенных туннелей, выдыхая пар в ледящий воздух. Они удвоили усилия, швыряя во врагов все, что могли найти. Три одаренных дворянина на вершине утеса вернулись после резкой волны магии переноса и теперь посредством дара откалывали ледяные обломки и швыряли вниз. Бэннон не понимал, почему Деймон и Квентин не отреагировали на объявленную тревогу. Ильдакар нуждается в этих могущественных волшебниках!

Заклинание переноса сделало свое дело, и песчаник быстро нагревался под ярким солнцем. Все было затянуто пеленой тумана, словно дымом. Бэннон увидел, как по меньшей мере десять норукайцев поскользнулись и с криками упали, но большая часть продолжала двигаться вверх. Возглавлял атаку самый крупный норукаец: с костяными шипами, вживленными в плечи, и железными пластинами, имплантированными в кулаки. Его сопровождал похожий на паука альбинос, кожа которого была сплошь покрыта зажившими укусами.

— Мой Скорбь, король Скорбь! — закричал странный человек, суетливо поднимаясь и находя крошечные уступы. — Холод, снег, лед! Я говорил тебе, что видел это. Холод, холод!

Норукайский король посмотрел на него сверху вниз.

— Ты был прав, Мелок, но еще ты видел победу. Меня не волнует лед. Я хочу Ильдакар.

Бэннон прыгнул на деревянную платформу для подъема и спуска ящиков. Закрепленная на утесе платформа совсем промерзла, поддерживающие ее канаты стали твердыми как железо. Она была достаточно широкой, чтобы занять позицию. Лила приземлилась рядом, и теперь они вдвоем смотрели, как к ним приближаются норукайцы. Юноша приготовился, чувствуя, как гнев разгоняет кровь. Он вынул из ножен Крепыша и встал в боевую стойку. Лила улыбалась, сжимая в руках короткий меч и кинжал. Она плюнула во врагов.

— Норукайцы, может, и уродливее солдат Утроста, но убивать их будет проще.

Звуки битвы становились все громче по мере того, как налетчики карабкались по скалам к погрузочным платформам и уступам, разбросанным по утесу. Трое защитников на узкой деревянной площадке — Бэннон узнал в них молодых маляров, которые вносили последние штрихи в руну Эльзы, — сражались палками и ножами. Их платформа стояла на пути к главному входу в тело скалы. Они били по цеплявшимся за платформу рукам, но противник подавлял их числом.

Один из юных бойцов получил удар мечом в бок, и норукайка сбросила его тело с платформы. Еще двое налетчиков перелезли через ограждения. Оставшиеся двое парней орудовали кинжалами, отрубая пальцы норукайцев, и трое налетчиков сорвались, разбившись насмерть. Но этого было недостаточно. Еще шесть норукайцев забрались на платформу, и маляры оказались обречены. Они посмотрели друг на друга, молчаливо разделяя понимание своей участи. Собрав последние силы, двое окровавленных защитников Ильдакара перерубили ножами канаты, удерживавшие платформу. Скользкие ото льда леса потеряли опору и обрушились в ледяную реку вместе с юношами и карабкающимися норукайцами.

— Я больше не могу ждать! — простонал Бэннон.

Он покинул безопасную платформу и спустился по скользкой лестнице, даже не замечая высоты. Приземлившись на следующую площадку, он добрался еще до одной платформы, прикрепленной к утесу. Лила следовала за ним.

Король Скорбь и его уродливый белый компаньон лезли вверх, отбивая атаки защитников. Бэннон увидел его и понял, что это главарь мерзких работорговцев.

— Я убью тебя, король Скорбь! — крикнул он.

Правитель Норукайских островов посмотрел на Бэннона, как на насекомое, и ухмыльнулся ртом с ужасными шрамами. Он изменил траекторию и направился к платформе, где стоял готовый к бою молодой мечник. Кожа Бэннона была мокрой от пота. В его сердце пылал огонь, и он ничего не боялся.

Доски платформы все еще были скользкими.

Игнорируя холод и коварный лед в скальных трещинах, Скорбь полз по утесу словно жук. Нацелившись на Бэннона, он пробирался по высеченной в камне тропе, ступени которой были слишком узкими для его ног.

Бэннон вспомнил, как норукайцы пытались схватить его, когда он был еще совсем мальчишкой. Как тащили его к длинной лодке, как бедный Ян... Потерянная жизнь, полная мучений. Еще он подумал о том, сколько налетчиков убил в бухте Ренда. Ему не терпелось убить еще больше — здесь и сейчас.

— Берегись, мальчишка! — Лила прыгнула на платформу рядом с ним.

Он услышал кряхтенье откуда-то снизу, повернулся и увидел здорового норукайца,

висевшего на краю платформы и тянувшего руку, чтобы схватить его. Норукаец широко раскрыл разрезанный рот, и Бэннон яростно ударил его пяткой в нижнюю челюсть. Плоть разорвалась, мышцы лица не выдержали, и челюсть оторвалась. Мужчина забулькал, его язык свисал из открытого горла, как сырой кусок мяса. Размахивая рукой, налетчик уцепился за ногу Бэннона, но юноша снова нанес удар — на этот раз в лоб, — и мужчина сорвался.

Еще двое карабкались к ним по скале, и Лила атаковала их коротким мечом. Король не позабыл о вызове Бэннона. Он приближался, а следом семенил бледный шаман. Ухватившись за край платформы, король подтянулся. Бэннон взмахнул Крепышом, но Скорбь заблокировал удар стальным наручем на мускулистой руке. Брызнули искры. Скорбь крикнул от силы удара, а потом издал вызывающее змеиное шипение. Он перебрался с замерзшей каменной тропки на деревянную площадку и выпрямился.

У короля был массивный грозный клинок, который Бэннон не поднял бы и обеими руками, но норукаец держал оружие одной. Он потянулся к юноше, но тот по широкой дуге ударил Крепышом. Король отпрянул, и клинок едва разминулся с его широкой грудью.

Эмоции Бэннона бурлили все сильнее, и края его зрения окрасились красным. Он ударил мечом, прочертив алую линию на груди норукайского короля, но тот даже не вздрогнул и провел ответную атаку огромным изогнутым мечом, застав Бэннона врасплох. Юноше едва удалось отразить удар.

Лила обезглавила норукайца, который пытался забраться на другой край платформы. Покрытые льдом канаты застонали от нагрузки.

Солнце продолжало нагревать утес. Туман рассеялся, и все больше ледяных глыб отрывалось и скользило вниз подобно разбитому стеклу. Норукайцы установили дополнительные осадные лестницы, выстраивая импровизированные платформы, чтобы забраться выше. Некоторые уже добрались до нижних туннелей. Река затрещала, когда течение хлынуло на берега. Толстый лед разломился.

Но Бэннон видел только короля Скорбь, правителя норукайцев, ответственного за их жестокие набеги, которые причиняли невероятные страдания и боль. Был ли он королем десять лет назад, когда схватили Яна? Даже если нет, его предшественник был таким же. Все норукайские мужчины и женщины были одинаковыми. Бэннон ощутил, как черный жар внутри него становится горячее.

Если бы Никки или Натан были здесь, то могли бы уничтожить огнем волшебника всех нападающих разом, но Бэннону посчастливилось сделать это своим клинком. Он прольет кровь поганого короля.

— Это ты будешь скорбеть, — сказал Бэннон. Он неожиданно провел Крепышом блестящую атаку, ударив короля и подтолкнув к краю.

— Мой Скорбь! — Шаман перепрыгнул на платформу.

Едва что-то различая в кровавом тумане, Бэннон взмахнул мечом, собираясь отрубить голову норукайского короля, но Скорбь пригнулся, и заточенное лезвие Крепыша перерезало толстый канат, на котором держался угол платформы. Деревянная площадка накренилась. Скорбь пошатнулся, издал грубый крик и заскользил. Ему кое-как удалось схватиться за край, впившись ногтями в обледеневшую древесину. Его челюсть напряглась от усилий, и шрамы на щеках едва не разошлись.

Бэннон, поскользываясь, пытался добраться до какой-нибудь опоры. Скорбь схватил его за сапог, и юноше показалось, что на его лодыжке сомкнулись челюсти волка. Бэннон пинался, снова и снова попадая королю по лицу. Платформа раскачивалась. Лила

вскрикнула и рубанула мечом, перерезав горло норукайцу, который лез на шаткую платформу.

Сосульки падали, врезаясь в другие глыбы льда и провоцируя ледопад. Из замерзших стоков начала течь вода, пробившая себе путь.

— Умри! — Бэннон еще раз ударил короля сапогом по лицу.

Из разбитого носа норукайца текла кровь, но его глаза пылали.

— Мой Скорбь! — вскричал Мелок и пополз вперед, едва удерживаясь на скользкой наклонной платформе.

Он схватился за короля, но Бэннон сшиб его ногой; покрытый шрамами шаман споткнулся и упал через край. Он визжал, падая на платформы внизу.

— Мелок! — крик короля был полон боли и потрясения.

Бэннон ударил его так сильно, что голова короля откинулась назад. Его хватка на сапоге Бэннона ослабла, и он с яростным ревом упал.

Бэннон царапал древесину наклонной платформы, пытаясь удержаться. До него донесся грохот, когда Скорбь и бледный шаман упали на другую платформу. Еще он слышал гомон лезущих наверх норукайцев. Бэннон вцепился в доски, выронив меч, который проскользил по платформе и со звоном упал вниз. Ладони юноши скользили по льду, в пальцы впивались занозы; он не мог больше держаться.

Лила рванулась к нему. Она схватила его запястье, и он тоже из последних сил сжал ее руку, но его мокрая окровавленная кожа была скользкой.

— Держись! — Чтобы не упасть, она ухватила за веревку, стараясь не выпускать руку Бэннона.

Бэннон сжал руку, но его окровавленная ладонь выскользнула из руки Лилы, и сила тяжести потащила его вниз. Он не удержался. Бэннон схватился за край платформы, проскользив последние несколько дюймов.

Глаза Лилы распахнулись, лицо выражало потрясение и ужас.

— Нееееет! — просипела она.

Бэннон уже падал, когда кончики его пальцев на короткое мгновение дотронулись до пальцев Лилы. Падая, он видел грубый песчаник, лед и входы в туннели. Он пытался хоть за что-то ухватиться. На секунду он зацепился за край тропинки, но пальцы снова соскользнули, и падение продолжилось.

Вдруг он приземлился спиной на десятки тел — как ильдакарских защитников, так и норукайцев, — грудой лежавших на широкой нижней платформе. Некоторые были еще живы, потому что падение смягчилось мягкой плотью. Тут же был король, а также белый шаман — они как раз поднимались на ноги. Бэннон завертелся в поисках меча.

— Взять его! — проревел Скорбь.

Норукайцы приблизились к нему и окружили толпой уродливых лиц.

Арена в самом сердце Ильдакара стала местом бойни, но для города это был единственный шанс выжить. Тора знала это.

Битва с норукайцами продолжалась, пламя придуманного Эльзой заклинания переноса бушевало среди древней армии, а Квентин и Деймон совершали грандиозное кровопролитие. Времени оставалось мало, и Тора торопила их.

Полные решимости городские стражники вывели на песок добровольцев, сформировав шеренги. Многие плакали. Эти храбрые люди ответили на призыв в момент великой нужды Ильдакара, предложили свою кровь и жизнь, убежденные, что должны сделать что-то ради любимого города. Но когда время пришло, оказалось, что принесение в жертву требует гораздо больше мужества, чем простое внесение имен в список.

Тора смотрела на сотни людей с перерезанным горлом. Их кровь текла по желобам, складываясь в заклинание на песке. Того требовал Ильдакар, и люди должны были выполнить свой долг.

Деймон создал желоба при помощи своего дара, наложив на них собирающее заклинание, чтобы ни капли не пролилось мимо. Рисунок заклинания был достаточно большим и глубоким, чтобы вместить всю кровь, необходимую для поднятия савана.

Именно в этом нуждался Ильдакар. В этом нуждалась Тора. Она как никогда прежде чувствовала себя сердцем города. В ее венах текла истинная кровь Ильдакара. Она все еще ощущала каменную тяжесть в теле — заклинание окаменения сошло не полностью. Видимо, Максим отменил исходное заклинание, чтобы пробудить каменную армию, и еще жив, иначе последняя магическая нить разорвалась бы, и ее плоть стала бы обычной.

Тора злилась. Адесса потерпела неудачу. Но сейчас ей нужно думать об Ильдакаре. Нет ничего важнее города.

Деймон и Квентин были потными и измазанными кровью — словно мясники на яксеновой скотобойне. Двое волшебников подходили к жертве со спины, обхватывали рукой и делали быстрый надрез на шее жертвенным ножом. Бросив умирающего на край желоба, они тянулись к следующему ошеломленному добровольцу. Они уже убили сотни людей и теперь дрожали от затраченных усилий. Волшебники двигались механически, убивая снова и снова.

Тора знала, что нужно действовать быстрее. Она наставила палец на дрожащих жертв, выстроившихся перед желобами, и создала острый воздушный клинок. Когда она прочертила ногтем линию в воздухе, невидимое лезвие глубоко разрезало глотки сразу десятерым. Они еще не успели ничего понять, как раны на их шеях раскрылись, и хлынула кровь. Люди повалились вперед, проливая кровь в каналы и заплатив необходимую цену. Каждый должен заплатить цену.

Став свидетелями жестокого, но действенного удара магического клинка, Деймон и Квентин приобрели встревоженный и испуганный вид, но все же кивнули. Новые жертвы вздрогнули и застонали, когда их потащили вперед. Вдруг десять пленников не выдержали и вырвались. Городские стражники догнали их и зарубили со спины, и те повалились на песок, как бойцы арены во время показательных боев.

— Перережьте им глотки, пока не поздно! — обеспокоенно крикнула Тора. — Не проливайте кровь впустую.

Стражники приподняли головы умирающих трусов и выполнили приказ, проливая их кровь в каналы заклинания.

С началом кровопролития Тора снова почувствовала себя живой. Исполнялась ее заветная мечта — она спасала Ильдакар, как и обещала. История будет помнить Тору — властительницу Тору. С нее будет смыт позор, имя станут произносить без стыда. Она — фундамент этого последнего кровопролития, которое спасет город.

Очень кстати, что Натан и Эльза находятся за городскими стенами, и даже коварная Никки ушла. Их спасти не стоит. Когда город укроется под саваном, у него появится реальная возможность стать безупречным обществом, которое она всегда себе представляла. Обычно Тора была беспристрастна, но теперь ощущала теплую радость, глядя, как все больше жертв падает и проливает кровь.

Она применила невидимый клинок снова и застала врасплох еще партию жертв, перерезав им горло и подтолкнув магией тела к желобам. Кровь текла уже настоящими потоками, но Тора знала, что для заклинания требуется минимум тысяча жизней. Утомительное и кровавое занятие займет еще несколько часов, если только они не найдут дворян с мощным даром, которые пожертвуют собой.

— Слишком медленно, — простонала она, глядя в серое небо.

Увидев, как властительница хладнокровно убивает по десять человек разом, некоторые добровольцы пришли в ужас. Вместе с семьями они стали пробиваться к аркам, собираясь сбежать.

— Остановите их! — Тора рассвирепела при виде того, что горожане уклоняются от своего долга.

Паника распространялась. На самом деле многие здесь не были добровольцами — стражники привели их силой. Тора подозревала, что в списке добровольцев было недостаточно имен. Да и те, кто был храбр на бумаге, в большинстве своем не хотели платить цену, когда наставало время. Значит, их нужно заставить. Те, кто противился, теперь сидели связанными на песке, но все равно пытались бороться со стражниками. В ходе борьбы многие безоружные кандидаты в жертвы были убиты далеко от заклинания. Их смерть не принесла пользы, а кровь пролилась на песок впустую. Трусы, превосходившие числом стражников, окружили солдат, отобрали мечи и убили. Очень быстро началось массовое бегство добровольцев.

— Но все это ради Ильдакара! — кричала Тора. — Если вы не умрете здесь, то город падет. — Она гадала, удалось ли норукайцам пробиться в туннели, атаковал ли Утрос ворота после того, как сработала магия переноса.

Люди ее не слушали. Они бежали, спасая жизни, забирая с собой родных и друзей. Они поступили храбро, когда внесли имена в список Деймона и Квентина, но большинство добровольцев не верили, что придется платить цену. Стражники перегородили выходы с арены и сражались с теми, кто пытался прорваться. На улицах города солдаты без разбора хватали всех, кого могли найти.

Трусы не заслуживали Ильдакара. Их кровь слишком слаба, чтобы принести пользу магии. Тора снова воспользовалась воздушным клинком, с силой взмахнув им и потратив много магии. Одним ударом она полностью отрубила головы тринадцати жертвам. Они упали, проливая из обрубков шей алые струи, а головы покатались по земле.

Деймон и Квентин продолжали орудовать ножами, но теперь их жертвы отбивались. Сотни людей убегали, словно перепуганные овцы. Тора знала, что они убили только

половину от необходимого для савана количества.

— Нет! — чуть не рыдала она.

Еще один отряд стражников вбежал на арену, и Тора с облегчением подумала, что у них подкрепление. Но они пришли не чтобы помочь ей сражаться, и выглядели потрепанными и испуганными.

— Норукайцы карабкаются по скалам! Многие уже проникли в туннели. Скоро внутри стен будут тысячи налетчиков.

— Времени не хватит! — Торе хотелось закричать.

Если саван не будет поднят в течение нескольких минут, если невидимые стены не вырвут ее прекрасный город из потока времени, то все будет потеряно. Ее надежды рушились.

— Больше, убейте больше! — Она снова ударила магическим клинком, зарезав тех, кто пытался сбежать. Силы ее были на исходе.

Деймон и Квентин впали в иступление и уже не перерезали горла, а просто наносили удары всем поблизости. Забрызганные кровью высокие кварцевые призмы медленно вращались, а тусклый солнечный свет падал на вогнутые зеркала, направляя магию и энергию в изогнутый серебряный тигель, из которого вытягивались линии магии крови.

— Почему вы не спасаете Илдакар? — истошно орала Тора убегающей толпе. — Почему не делаете то, в чем нуждается ваш город?

Эти трусы не заслуживали ее прекрасного идеального города. Она ненавидела их. Воздух пропах страхом, а металлический запах крови смешался со зловонием смерти. Груды тел походили на осадную стену. Тора была в отчаянии.

— Почему они не хотят платить цену? Должен быть способ.

Деймон и Квентин повернулись к ней. Измотанные волшебники были перепачканы кровью. Она была так взбешена, что не заметила отчаянного блеска в их глазах. Два волшебника с ожесточенными лицами приблизились, сжимая кинжалы в скользких от крови ладонях.

— Способ есть, и вы это знаете, — сказал Деймон.

— Каждый должен заплатить цену, — сказал Квентин.

— Мы завершим кровопролитие, — добавил Деймон, оглянувшись на товарища. Тот кивнул, и они вдвоем пошли на Тору. — Вам известно, что нужно магии. Мы уже принесли сотни жертв, и магия набирает силу. Нужно только подтолкнуть ее.

— Этого недостаточно, — сказала Тора, сердито и разочарованно пожав плечами. — Вы знаете, что недостаточно.

— Но вы можете сделать остальное, — продолжил Квентин. — Вы сами сказали, что кровь одаренных намного сильнее. Властительница, вы самая могущественная колдунья в Илдакаре, и магия крови в вас сильнее, чем в сотнях неодаренных.

Деймон с ножом подошел еще ближе:

— Вы можете закончить это. Одна жертва. Вы говорили, что каждый из нас должен быть готов заплатить цену.

Тора похолодела.

— Вы глупы, если думаете, что сможете сделать все без меня.

— Не без вас. Нам нужны вы и ваша кровь, — сказал Деймон. На его усах запеклась кровь, которая брызгала ему на лицо.

— Вас признали виновной и опозорили. — Квентин старался говорить убедительно,

тоже наступая на Тору с ножом. — Вы говорили, что хотите вернуть себе доброе имя. У вас есть такая возможность.

Тора рванулась к ним, призывая свой дар. Она хлестнула по воздуху невидимым клинком, но Деймон и Квентин подняли щиты и блокировали атаку.

— Вы сильны, властительница, но вам не по силам сражаться сразу с двумя волшебниками.

Деймон замахнулся жертвенным кинжалом, и она призвала все свои силы, чтобы отбросить его кулаком из воздуха, пронизанным нитями молний. Удар заставил Квентина пошатнуться, но Деймон, который был мастером формы, собрал мягкий песок арены и заставил его толстым одеялом обернуться вокруг ног Тора до самой талии. Властительница пыталась высвободиться, ее взгляд источал яд.

— Не подходи!

— Ваша кровь может спасти город, и вы это знаете. — Квентин двинулся на нее. — Не боритесь с нами — времени не осталось.

— Нет! — крикнула она, когда два волшебника кинулись на нее с поднятыми кинжалами.

Магией Тора разметала песок, сковывавший ноги, но поток воздуха от Деймона повалил ее на спину. Она упала на пропитанный кровью песок, не в силах подняться. Квентин и Деймон навалились на Тору, придавливая ее магией. У нее почти хватило сил, чтобы отшвырнуть их обоих — почти, — но Деймон вонзил острое кинжала в ее горло и надавил, пробивая твердую кожу.

Она царапала его руку, пытаясь убрать кинжал; затем клинок Квентина тоже воткнулся ей в шею. Приглушенный крик Тора вскоре утонул в крови — сильной одаренной крови.

Угасающим зрением она видела красную реку, текущую к центру символа. Ее ярость нарастала даже сейчас, и Тора с самодовольным удовлетворением отметила, что ее могущественной крови действительно хватит. Теплая жидкость пролилась в канал, заполняя узор заклинания. В последние мгновения жизни Тора ощутила яркую и торжествующую магию, выплеснувшуюся в воздух.

* * *

Измученный Деймон выпрямился. Он повидал за сегодня слишком много крови и смертей, но эта была последней и наиболее важной.

— Быстрее! — сказал Квентин.

Он сгреб Тору за плечи, наклонив ее голову и обмякшее тело, чтобы остатки алой жидкости вытекли в желоб. Кровь текла подобно маслу, заполняя огромный узор и собираясь в центральной точке.

В обычной ситуации здесь собрались бы все члены палаты. Деймон надеялся, что Тора сама будет направлять магию, но они с Квентином знали, что делать. Когда кровь могущественной колдуньи смешалась с кровью других жертв, они призвали рассеянную в воздухе магию, и направили по линиям, которые проходили через весь Ильдакар.

Многие из убежавших добровольцев остановились и уставились в небо, когда воздух замерцал. Волна магии вытекала с арены, поднимаясь от тигля и вращающихся призм. Большой и сложный узор заклинания светился на пропитанном кровью песке.

— Саван! — с благоговейным трепетом прошептал Деймон.

— Саван... — повторил Квентин.

Воздух вокруг них изменился, когда весь город укрылся от потока времени в защитном

пузыре и стал недостижим.

Магия переноса превратила поле боя в огненный ад. Разрушительная вспышка жара появилась из ниоткуда, и генерал Утрос вскинул руку, заслоняя лицо. Это пламя было гораздо сильнее драконьего огня. Утрос втянул в себя воздух и протестующе закричал, отказываясь верить, что он так безоговорочно и внезапно проиграл.

Ава и Рува бросились к нему и обняли. Каждая из сестер выставила вперед руку, истошно и отчаянно крича. Звук сотряс воздух, а их магия сформировала оболочку пустоты, похожую на расплавленное стекло. Изогнутый щит закрыл их в последнее мгновение. Пузырь заключил их в себя так резко, что у генерала заложило уши, но все же внутрь успело проникнуть дыхание жара. Единственный вдох обжег ему рот и легкие.

Утрос скорчился под волной огня. Казалось, кто-то вылил на них тигель с расплавленным железом. Он упал на колени, зажмурился и стиснул кулаки. Жар все нарастал, Ава и Рува жались к нему, рыдая и оскалив зубы. Близнецы вцепились друг в друга, будто каждая стремилась похитить энергию у своей сестры, чтобы выжить.

Он не понимал, что произошло. Когда он увидел, как шесть небольших конных отрядов под предводительством одаренных выехали из города, то понял, что у ильдакарцев есть некий отчаянный план. Утрос остался у командного шатра, полагая, что это еще одна глупая вылазка, которую с легкостью можно отбить.

Но когда Ава и Рува увидели, чем заняты ильдакарские отряды, сестры испугались.

— Они рисуют руны! — сказала Рува. — Это часть сложного заклинания. Взгляните на их расположение!

— Это все единый рисунок заклинания! — Ава указала на сражающиеся отряды, над которыми поднимались огненные сигналы после того, как руна была готова. — Они могут окружить и отрезать большую часть наших сил.

Помня разрушения, вызванные воинами Иксакс и серым драконом, Утрос не сомневался, что должен остановить ильдакарцев.

— Владетель и духи, идемте. Заблокируем передовую группу. — Вооружившись и надев рогатый шлем, Утрос стремительно зашагал через войско, направляясь к ближайшему ударному отряду.

Там он увидел волшебника Натана, а также немолодую колдунью в пурпурном платье. Натан и многочисленные бойцы защищали колдунью, пока она рисовала на земле яркую руну. Утрос бросился к ним, но не успел: женщина использовала дар, чтобы отшвырнуть Натана и остальных защитников далеко в сторону, а сама осталась.

— Что за... — начал было Утрос, но тут колдунья завершила узор и активировала заклинание переноса.

Ава и Рува закричали и подняли руки. Из ниоткуда возникли огромные всполохи огня...

* * *

Когда инферно утихло, Утрос поднялся на ноги и посмотрел сквозь колеблющуюся дымку магического щита. Воздух внутри пузыря был обжигающе горячим. Ему отчаянно хотелось увидеть, что осталось от его лагеря и армии.

— Освободите нас. Выпустите меня отсюда!

— Мы не в безопасности, возлюбленный Утрос, — сказала Ава. — Я не знаю, выжил ли кто-нибудь в нашей армии.

— Я должен сам увидеть! Сейчас же, — потребовал генерал, прижимая к лицу золотую полумаску.

Измученные сестры обмякли. Когда они позволили магии рассеяться, прозрачная оболочка исчезла, и Утрос уставился на кошмарный пейзаж. От сильного жара земля превратилась в стекло. Каменные глыбы, ставшие тускло-оранжевыми, еще тлели. Дым заполнял воздух черными пятнами крови. Рядом раскинулся лес почерневших костей, изогнутых ребер, обугленных черепов, взорвавшихся, когда от высокой температуры вскипели мозги.

Он, Ава и Рува были единственными выжившими поблизости. Все передние ряды гигантской армии были уничтожены.

Утрос всегда управлял своими мыслями, отделяя эмоции от логики, тактические планы от исторических знаний, но теперь эти перегородки в его разуме начали рушиться при виде ужасной картины. Глядя на пустую черноту там, где недавно были его верные солдаты, он предположил, что в этом погребальном костре сгорело минимум тридцать тысяч человек. Глядя на обугленный мир и думая о солдатах, которые беспрекословно подчинялись его приказам, он неистово взревел, глядя на Ильдакар и требуя мести.

В следующий миг город замерцал и исчез.

* * *

Натан кувыркался в воздухе, видя, как inferно проносится через поле боя, не выходя за пределы пограничных рун, начертанных другими отрядами. Оказавшись за пределами огня, он рухнул в траву и покатился по земле.

Рядом повалились ильдакарские защитники: Ренделл, две Морасит, солдаты и бойцы арены. Все они охраняли Эльзу, пока она работала над руной. Колдунья потратила последние силы на то, чтобы отбросить их всех на безопасное расстояние. Лайес и Торн вскочили на ноги и приготовились драться, даже не потрудившись отряхнуться. Натан, Ренделл и остальные поднялись, готовые к столкновению с древними солдатами.

Но выброс огня от магии переноса был ошеломительным. Натан видел, что заклинание одним ударом убило десятки тысяч врагов.

И дорогу Эльзу.

С гневом он увидел, что полукаменные солдаты все еще движутся к ним со всех сторон. Натан швырнул в них огонь волшебника, уничтожая всех, кто осмелился приблизиться. Взрыв дал ему и его спутникам возможность перевести дух.

— Мы должны вернуться в город, — просипел он. — Отступаем к воротам.

Они повернулись к возвышающемуся над ними Ильдакару, который теперь был единственным безопасным убежищем. Все они пожертвовали многим, чтобы защитить его. Но прежде чем они успели двинуться к нему, город замерцал, а затем исчез.

— Добрые духи! — воскликнул Натан. Он понял, что произошло.

У Ренделла отвисла челюсть.

— Наш город! Ильдакар исчез.

Остальные выжившие в смятении смотрели туда, где был город.

— Наши дома! — вскричал городской стражник, у которого из раны на левой руке текла кровь.

Две Морасит по-прежнему были готовы убивать, но на их лицах появился ужас.

— Наш Ильдакар...

Когда саван восстановился, город и большая часть возвышенности оказались просто

стерты. Красивые здания, фруктовые деревья, многоярусные сады, район торговцев и ремесленников, склады... все исчезло, будто равнину побрили, оставив лишь обрыв над рекой.

Ильдакар вновь был запечатан вне времени.

Натан застонал. Он вспомнил, как впервые увидел Ильдакар с высоты горного перевала Кол Адаир. Книга жизни привела его сюда, и он действительно нашел необходимое — сердце волшебника, сердце главного укротителя Айвена. Теперь он чувствовал боль в груди и знал, что это реакция на исчезновение города.

Но то же самое предсказание в книге жизни гласило, что колдунья спасет мир. Он даже не знал, где сейчас Никки.

Колдунья... неужели предсказание имело в виду Эльзу?

— Саван может быть как постоянным, так и временным, — сказал Натан своим потрясенным спутникам, когда они взяли себя в руки. Стоя на окраине черной пустоши, он вдруг почувствовал себя уязвимым. — В любом случае, Ильдакар теперь не защитит нас. Мы должны убраться с поля боя, пока Утрос не начал отдавать приказы — если он выжил. Подозреваю, они захотят отомстить.

Хотя душа его горевала по Эльзе, он знал, что она была бы довольна результатом своей работы. Магия переноса нанесла ужасающий удар по вражеской армии. Но силы Утроста могли оправиться от потерь. Натан знал, что пора уходить. Прямо сейчас.

Он оглядел почерневшее поле, приметив другие ударные отряды, которые тоже искали укрытие. Натан обнажил изысканный меч и отбросил с лица белые волосы, испачканные сажей.

— Может, нас немного, но мы продолжим бороться с тем, что осталось от этой армии.

— Мы не можем сражаться с ними всеми, — сказала Морасит Торн. — Мы единственные, кто остался.

— Не единственные, — возразил Натан. — Это еще не конец.

Им больше не нужно защищать исчезнувший город.

Отряд Натана обогнул резко очерченный выгоревший контур и воссоединился с Ольгией и ее уцелевшими бойцами. Вместе они продолжили двигаться к скалистым предгорьям на западе, в сторону Кол Адаира. Вскоре к ним присоединились отряды Перри и Лео. Когда они повстречались с остатками группы, которая выпустила огненную стрелу, Натану сообщили, что Джулиан погиб после того, как завершил пограничную руну.

Вместе они продолжили отступать от вражеской армии, выбитой из колеи и ошеломленной. Натан решил, что лучше двигаться через дикую местность в направлении гор. Никки, вероятно, была в далеком Серримунди. Как же ей теперь вернуться? Он сомневался, что когда-нибудь снова увидит ее.

Дорогой Бэннон, бедняга. Натан надеялся, что в городе юноша будет в безопасности, но теперь Ильдакар исчез. Волшебник заскрипел зубами. За тысячу лет он не раз ошибался в выборе, и ему приходилось жить с последствиями. Он найдет способ жить и с этим.

— Что ж, мы должны выжить, — сказал он.

Остатки шести ударных групп, брошенные Ильдакаром, устремились в сторону холмов. Потрясенная вражеская армия не могла сосчитать своих погибших, пытаясь оправиться от случившегося. Жив ли еще Утрос? Натан видел генерала и его колдуний внутри зоны воздействия заклинания, но он не мог ничего сказать наверняка. Если Утрос мертв, кто возглавит остатки гигантской армии? Оставалась надежда на то, что древняя армия

распадется и рассеется.

Ильдакарские защитники собрались у предгорий, усталые, испуганные и растерянные. Все они видели, как исчез их город, и знали, что навсегда отрезаны от своих домов и семей, брошены одни в глуши. В предгорьях они встретились с пятой группой бойцов, которые отвечали за самую дальнюю пограничную руну.

Натан с удивлением увидел знакомое лицо, которое уже не надеялся увидеть снова.

— Аббатиса Верна! Добрые духи, я пересек полмира, но сестры Света все еще преследуют меня. — В последний раз, когда она его нагнала, он сломал ей челюсть.

Верна выглядела истощенной до предела. Ее лицо было перепачкано пылью и грязью, каштановые с проседью волосы спутались. С ней были семь сестер, а также генерал Зиммер и небольшая группа д'харианских солдат. Натан увидел волшебника Ренна, отосланного из Ильдакара, и двух ученых из Твердыни, Оливера и Перетту, которых они с Никки отправили с посланием.

— Что вы все здесь делаете?

— Исследуем мир, — ответила Перетта, — и запечатлеваем в памяти все детали. Такова миссия ученых.

— Вы с Никки отправили этих двоих из Твердыни, — сказала Верна, — и они добрались до Танимуры, где рассказали нам о великом архиве. Генерал Зиммер отправил экспедиционный корпус, чтобы помочь защитить магические знания, и там мы встретились с Ренном. Он вел нас в Ильдакар с новостями о Твердыне.

— Что... что здесь произошло? — Ренн объединил в одном вопросе тысячу. Он кивнул в сторону опустошенной равнины, от которой поднимался дым, а потом на пустырь, где недавно был Ильдакар.

— У нас будет еще много времени для разговоров, — нетерпеливо сказал Орон, — когда мы доберемся до безопасного места.

Голос Ольгии звучал растерянно:

— Неужели из волшебников Ильдакара остались только мы?

— Мы все еще волшебники, — сказал Ренн, — но Ильдакар исчез.

Укрывшись под деревьями на холмах, Натан оглянулся на армию далеко внизу и пустоту на месте Ильдакара. Пока волшебник стоял, вытирая пот со лба и чувствуя боль в сердце, он услышал в подлеске шорох. Вместе с ним на звук обернулись Верна, Ренн и остальные беглецы. Из зарослей дубков и высокой травы появилась клейменная рунами пума. Ученые Твердыни попятились в страхе. Зиммер и его солдаты опасливо подняли мечи, готовясь дать отпор хищнику.

Однако Натан почувствовал прилив облегчения.

— Мрра. — Он повернулся к остальным. — Не стоит беспокоиться. Это песчаная пума Никки.

— А где сама Никки? — спросил Ренделл с несчастным видом. — Она покинула нас, когда мы больше всего в ней нуждались.

Большая кошка дернулась, оскалив пасть, показывая изогнутые клыки. Она втянула воздух, взбудораженная огнем, кровью, дымом и огромным количеством смертей. Натан поднял руку, пытаясь успокоить большую кошку.

— Мрра, ты же знаешь меня. А это мои друзья.

Все в отряде притихли, чувствуя напряжение. Длинный хвост Мрра дернулся, шурша подлеском. Ее золотистые глаза вспыхнули, и она повернула голову, словно услышав

далекий звук.

— Теперь ты с нами, Мрра. Ильдакар исчез, — успокаивающе сказал Натан. — Я не знаю, где сейчас Никки.

Пума издала утробное рычание, а затем наострила уши. Она посмотрела на небо и закрутилась на месте, будто вынюхивая след. Рыкнув, Мрра сорвалась на бег, направляясь к холмам. Вскоре она исчезла в сгущающихся сумерках. Натан задумался, какой зов почуяла пума, но у него не было ответа. Он понятия не имел, где сейчас Никки.

И волшебник не знал, что он и его небольшой отряд выживших бойцов могут сделать против гигантской армии.

После нескольких недель поисков Адесса все же нашла главнокомандующего волшебника. Максим вел себя тихо, прятался и старался не высовываться, но Морасит сомневалась, что он успокоится. Она тоже не успокоится. Максим наверняка знает, что она продолжит преследовать его до конца мира и конца времен. Он был умным и сильным, но иногда вел себя глупо, а Адесса — нет.

В ходе долгого и сложного преследования она поняла, что это уже не просто охота, а настоящая война между ней и главнокомандующим волшебником — с битвами, тактикой и конечной целью. На двадцать дней она потеряла след, но продолжала идти вниз по течению, уверенная, что Максим направился туда. В определенных вопросах у него было ограниченное воображение, и он знал географию реки так же плохо, как и она. Им обоим было известно, что Киллрейвен расширяется к устью и впадает в море. Ей просто нужно найти Максима.

Максим мастерски обращался с даром, поэтому мог спрятаться или даже создать небольшой саван и укрыться в нем от потока времени. И если он просидит достаточно долго, Адесса ни за что его не выследит. Но волшебник был высокомерным и ленивым. Он стал нетерпимым к гедонистическим излишествам Ильдакара и в то же время предпочитал комфорт и не был закаленным человеком. Поэтому Адесса была уверена: он найдет другой городок — уютное убежище, — где заставит кого-нибудь заботиться о себе, как сделал в Тараде.

Когда она приблизилась к поселению на берегу реки, которое называлось Гантова переправа, то решила поспрашивать о Максиме. В кожаном наряде, который ничуть не скрывал многочисленные защитные руны на коже, Адесса выглядела слишком приметной. Она не хотела быть узнанной, ведь тогда новость о ней могла дойти до Максима, если он здесь.

Она ждала в камышах на берегу реки и наблюдала за теми, кто приходил в Гантову переправу. Когда закат окрасил небо в пурпурный цвет, мимо на каноэ проплыл одинокий мужчина в плаще с капюшоном. На корме лодки балансировала плетеная корзина с раками. Адесса была уже по колени в воде. Когда он приблизился, не заметив ее в сумрачных тенях, она, преодолевая течение, бросилась на него. Мужчина взвизгнул, будто на него напал болотный дракон, но она была гораздо хуже.

Адесса стащила сопротивлявшегося мужчину в воду и ткнула в нервную точку на тыльной стороне шеи, сделав его беспомощным. Обездвиженный мужчина в ужасе смотрел на нее, пока она тянула его в грязь и камыши. Там она сорвала его плащ с капюшоном, который станет отличной маскировкой. Она развесила плащ на высоких камышах и склонилась над мужчиной.

— Кто ты? — Он дрожал. — У меня нечего красть.

— Я не грабитель, — сказала она. — Я лишь задаю вопросы.

Он извивался и задыхался, и она начала терять терпение. Вжав его в мягкую грязь, она взялась за черную рукоять ножа-эйджаила и ткнула коротким острием в его бедро. Рана была легкой, но она выпустила магию, и тело мужчины пронзила боль. Он выгнул спину и завопил, но она приглушила вопль, зажав рот свободной рукой. Адесса продлила приступ боли еще на мгновение, а потом выдернула нож-эйджаил.

— Могу продолжать хоть всю ночь, пока не скажешь то, что мне нужно.

Он содрогался от рыданий, по его лицу текли слезы.

— Н-но ты еще даже ни о чем не спросила!

Она описала Максима, объяснила, что он, скорее всего, недавно появился в окрестностях. Мужчина с каноэ был в таком отчаянии, что сказал бы ей что угодно, но Адесса умела распознавать ложь. К счастью, он действительно видел кого-то похожего на Максима.

— Он приходит в город каждые два дня или около того. Он живет в холмах. Кажется... кажется, его приютила семья Фэри. Они лесорубы, и у них есть дом, но я не видел их уже несколько недель.

Она наклонилась ближе.

— Чем занимается мужчина, когда приходит в город?

— Он... он ест. Пьет эль в таверне. Слушает. Он дружелюбный, но странный, и никому не рассказывает, откуда пришел.

Адесса пришла к выводу, что Максим просто выжидает, строя планы и заключая союзы.

— Ты очень помог, но я не могу допустить, чтобы обо мне шептались.

Его глаза расширились, и она убила его так быстро и безболезненно, как только могла. Потом она откатила тело в камыши, где болотный дракон довольно скоро отыщет добычу и избавится от улики. Адесса разожгла небольшой костер и приготовила раков из корзины рыбака. Поев, она принялась за обдумывание плана.

Закутанная в плащ Адесса проскользнула в город, где принялась прислушиваться и ждать появления Максима. В ожидании волшебника она разузнала о его привычках и частоте визитов, а также о том, где находится каменный дом семьи Фэри — небольшое строение в холмах над рекой, окруженное высокими елями. Адесса украла длинную прочную веревку, посчитав, что она пригодится.

Она могла бы бросить вызов Максиму прямо здесь, под открытым небом. Но она уже делала так, и он каждый раз сбегал. Нужно заманить его в засаду, поймать в ловушку и убить.

Как и все Морасит, она предпочитала прямое столкновение с врагом. Максим был сильным противником, и Адесса не хотела растрачивать мощную магию крови, которая все еще горела внутри нее. В финальном столкновении с ним она хотела использовать всю эту силу для победы. Она должна быть умной. Адесса не отмахивалась от угрозы, которую представлял собой главнокомандующий волшебник. Возможно, она не способна превзойти его в открытом бою, но может перехитрить его.

Максим прятался, но не был одиночкой или самодостаточным человеком, поэтому любил сидеть в таверне, жалуясь на местный эль и еду и играя в кости. Она выяснила, что он, скорее всего, придет в город этим вечером — в таверне у реки сегодня подавали пирог с сомом, одно из его любимых блюд. Адесса не стала задавать слишком много вопросов. Она уже знала все что нужно и обзавелась веревкой.

Дождавшись заката, она увидела мужчину, который вошел в город и отправился прямо в таверну. С первого взгляда она узнала Максима. Он вел себя беспечно, источал обаяние и улыбался, дополняя все это заклинанием очарования, чтобы люди приветствовали его. Морасит оставалась в тени.

Адесса хотела выскочить и убить его на месте, но контролировала себя, зная, что так потерпит неудачу. Она знала, что Максим проведет в городе несколько часов, лакая эль, и

тогда она получит преимущество. У нее как раз хватало времени подготовиться.

В сгущающейся тьме Адесса выскользнула из Гантовой переправы и направилась в холмы по грязной тропе. Она уже знала, где живет Максим, и вскоре вышла к темному пустому дому, построенному лесорубом для жены и троих детей. Во дворе она нашла всю семью, которую превратили в статуи прямо на бегу. Адесса уставилась на них, и ее решимость лишь укрепилась. Тора приказала убить волшебника, и она заполучит его голову этой ночью.

Она могла бы дождаться, пока Максим уснет, а затем вломиться в дом и сражаться изо всех сил, но то был грязный и ненадежный способ. Она не сомневалась, что он расставил охранные заклинания вокруг дома и узнает о ее приближении. Нужно действовать хитрее.

Адесса с веревкой в руках быстро обошла вокруг дома, выискивая необходимое. Сбоку от дома она нашла большое тяжелое бревно, которое дровосек еще не успел пустить на дрова. Под воздействием магии крови Адесса была достаточно сильна, чтобы при помощи веревки поднять бревно. Все шло по плану.

Завершив приготовления, Адесса сбросила украденный для маскировки плащ и осталась в кожаном наряде Морасит. Она хотела, чтобы Максим узнал ее перед смертью. Она сунула за пояс кинжал и короткий меч. Это оружие ей не понадобится, как и нож-эйджаил. Ветер раскачивал ели в темноте, и некоторые деревья стонали громче, чем остальные. Словно от боли.

Она прождала в темном лесу несколько часов. Наконец, появился Максим. Он шел по тропе, насытившись пирогом с сомом и кружкой-другой эля. Максим насвистывал, даже не подозревая об опасности. Используя дар издалека, он зажег лампы в доме, и окна засветились. Волшебник шел прямо к двери. Адесса шагнула из теней, заняв точно выверенную позицию. Темные густые ели качались от ветра. Максим резко остановился и уставился на нее.

— Ты до безобразия настойчива.

— Я обещала убить тебя.

Она ощутила вибрацию, когда он выставил перед собой магический щит, но отметины на коже защищали Морасит от любой направленной на нее магии.

— Пообещала Торе, ведь так? Ты даже не знаешь, занимает ли она еще пост властительницы. — Он фыркнул. — Подозреваю, сейчас Ильдакар уже пал, так или иначе. — На его губах заиграла улыбка. — Я покончил с заклинанием окаменения и освободил армию генерала Утроса. А еще я видел норукайский военный флот, который плывет вверх по реке. Может, тебе следовало остаться и биться за город, а не гоняться за мной по болотам? — Он поднял брови.

— Я сдержу обещание. — Она приготовилась.

Ветер усилился, деревья качались и трещали.

— Как утомительно, — сказал Максим. — Я не виню тебя за целеустремленность, но тебе со мной не тягаться.

— Я верю в свои силы, — сказала Адесса. Оставив короткий меч в ножнах, она достала кинжал. — Мне хватит и ножа, чтобы убить тебя.

Он безумно улыбнулся.

— И как ты собираешься это проверить?

Волшебники владели мощной магией и знали много способов защиты, но их можно было убить, как и обычных людей — если застать врасплох. Адесса приготовила просто

потрясающий сюрприз.

Подняв кинжал и не сводя глаз с Максима, она метнула клинок ровно в цель. Острый кинжал перерезал веревку, которой она перевязала одну из высоких гибких елей. Используя свою силу и магию крови, она согнула и закрепила деревья, а потом пристроила тяжелое бревно, чтобы оно повисло на веревке словно таран. Деревья трепетали как натянутый лук, которому не терпелось распрямиться, и брошенный Адессой кинжал перерубил веревку.

Согнутые ели резко выпрямились, как пружина, и взмыли вверх, освобождая подвешенное бревно. Максиму едва хватило времени, чтобы обернуться и увидеть летящее в него бревно. Такой таран справился бы и с воротами Ильдакара. Он услышал треск сосновых веток, скрип веревок и стоны древесины. У него было лишь мгновение, чтобы поднять щит, а потом бревно ударило в его грудь с такой силой, что пробило ее.

Бревно качнулось назад, повиснув на веревках. Максим распластался на земле в луже крови, на его лице было лишь удивление. Грудная клетка была пробита, ребра торчали во все стороны, словно чертополох, но волшебник был еще жив, дергался и задыхался. Впрочем, даже при помощи великой магии он не смог бы исцелиться.

Адесса нависла над ним и вынула из ножен короткий меч.

— Властительница Тора приказала принести твою голову, и я сделаю это с огромным удовольствием.

Она дотронулась до своего плоского живота и подумала о ребенке, которого больше не было в ее утробе. Она ощутила в себе тень Яна и заверила себя, что жертва была приемлемой. У нее хватило сил убить главнокомандующего волшебника, а остальное не важно.

Максим булькал и кашлял кровью.

— Я волшебник... меня не убить так... легко.

— Это было нелегко, но я убью тебя, — сказала Адесса.

Он сжал пальцы, и в его ладони замерцал огонек. Максим пытался призвать крохи магии, но жизнь вытекала из тела через пробитую грудь. Ей пришлось поторопиться.

— О нет, Максим, я не позволю тебе просто умереть. Именно я должна тебя убить.

Он застонал, пытаясь говорить:

— Я все равно... буду...

Она вонзила клинок в его шею, перерезая мышцы и позвоночник. Через некоторое время она подняла за красивые темные волосы голову, с которой капала кровь. Когда Максим умер, из его тела вырвался светящийся поток, всколыхнув теперь уже неподвижные ели. Она ощутила дрожь магии, словно оборвались последние нити древнего заклинания. Но ее защищенного рунами тела ничего не коснулось.

Максим принадлежал ей. Она посмотрела на обмякшее лицо с потускневшими открытыми глазами. Адесса доставит трофей в Ильдакар и отдаст Торе. Ей предстоит долгий и трудный путь домой, но голова главнокомандующего волшебника составит ей компанию.

Пламя спалило авангард армии Утроса, но генерал не хотел признавать поражение. Ильдакар исчез, и теперь его никак не захватить. Несмотря на потери, у него осталось больше сотни тысяч храбрых солдат, которые стояли на пустой выжженной равнине. Без врага.

Он смотрел на остатки своей ошеломленной армии и думал о том, что должен дать им новую цель, другой мотив для существования. Отдельные экспедиционные корпуса уже отправились на поиски других земель. Утрос надеялся использовать эти победы, чтобы вернуть расположение Кергана, но все меньше и меньше уважал человека, которому поклялся в преданности и посвятил свою жизнь.

Преданность сильнее любви. Правда? Мэджел, его возлюбленная, была растерзана, а преданность Утроса ее убийце ослабела и вызывала все больше вопросов.

Утрос вернулся в свой временный командный шатер, стоявший возле огромного валуна. На открытом месте стояла высокая линза, ведущая в преисподнюю. Ава и Рува были рядом, твердо настроенные поддержать любое его решение. Первый командующий Енох чудом выжил, к облегчению Утроса, но он никогда не узнает имен всех погибших. Хороший командир должен знать имена павших солдат, но их было слишком много. Невероятно много.

Первый командующий, сидя на боевом коне, склонил голову.

— Солдаты ждут ваших приказов, генерал. Мы последуем за вами куда угодно.

Утрос взирал на пустую равнину, не в силах поверить, что город просто исчез. Без Ильдакара приказы Железного Клыка утратили силу, но, по правде говоря, император никогда не понимал реальную ситуацию, никогда не чувствовал собственную империю. Железный Клык знал, как заставить людей его бояться, но понятия не имел, как править. Он был напыщенным эгоистом, который достиг власти только благодаря другим людям — таким как Утрос.

Генерал не понимал, почему был так слеп. Неудивительно, что Мэджел искала утешения в объятиях другого. Если б не встреча с Утросом, она бы выбрала кого-то другого? Она была прекрасной и совершенной, но даже после столь ужасного наказания вернулась к Кергану. Утрос не мог и не хотел понимать этого. Сейчас его долг — забота о сотне тысяч солдат. Он был их лидером, их генералом, а не духом, говорящим через кровавую линзу.

Утрос встал перед опаленной, но все еще исправной линзой в подземный мир. По его команде колдуньи активировали руны, те засветились, и зеленоватый туман рассеялся, позволив заглянуть в царство духов. Генерал храбро стоял перед стеклом, глядя на пустые владения мертвых, которые слишком походили на его разоренный лагерь.

Пред ним появился император Керган. Он ухмылялся, выставляя напоказ железный зуб. Мэджел с кровавой маской вместо лица стояла рядом. Ее лишённые век карие глаза смотрели на Утроса, но теперь он видел ее более четко. У нее не осталось любви к нему.

— Ты снова призвал меня, Утрос, — сказал Керган. — Если ты уже завоевал Ильдакар, то я готов отдать первые приказы. Отправь на казнь всех, кто бросал мне вызов. Когда они окажутся в преисподней, мы продолжим наказывать их. — Он просто наслаждался своей идеей.

— Ильдакара нет, — сказал Утрос. — Он исчез.

— Нет? — опешил Керган. — Как ты мог потерять город?

— Как ты мог потерять империю? — парировал Утрос, позволив резкому тону стереть почтение и уважение, которые он когда-то испытывал к Кергану. — Как ты мог потерять свою жену, самую красивую женщину в мире? Как ты мог разбрасываться землями, которые я для тебя завоевал, пока я продолжал сражаться за твою глупость?

Керган был вне себя.

— Запрещаю говорить тебе в подобной манере! Я твой император.

— Ты мертв. Ты больше не мой император, и я не подчиняюсь твоим приказам. И преданность, и любовь недостаточно сильны. А я силен. У меня есть армия, и я захвачу Древний мир для себя. Солдаты служат мне, и мы создадим новую и достойную империю. Ты портишь все, к чему прикасаешься. — Он понизил голос, когда Керган зарычал, не в силах говорить, а затем перевел взгляд на другую фигуру в линзе. — Мэджел, я действительно любил тебя, но наша любовь была обречена с самого начала. Я должен был проявить мудрость и признать это. Возможно, я мог бы спасти тебя, но я не буду оплакивать то, что случилось пятнадцать столетий назад. Вместо этого я построю свое будущее без тебя. — Он повернулся к Кергану. — И без тебя, Железный Клык.

Оставив императора кипеть от злости за завесой подземного мира, генерал отошел от линзы и взял тяжелый боевой молот, позаимствованный у одного из солдат. Оружие приятно оттягивало руку, оно было настоящим, тяжелым и смертоносным. С криком, в который он вложил всю свою ярость и отчаяние, Утрос размахнулся и ударил в центр кровавой линзы. Магия золотом потрескивала и вспыхивала в трещинах, которые прочертили стекло. В месте удара остался белый кратер, от которого к краям расходились трещины. Утрос услышал последний яростный вопль Железного Клыка, а потом кровавая линза превратилась в груды осколков на выжженной земле.

Ава и Рува улыбнулись ему с удовлетворением и облегчением. Первый командующий Енох прижал кулак к сердцу и крикнул:

— За генерала Утроса!

Две колдуньи подхватили клич, как и тысячи солдат.

Внезапно у Утроса возникло ощущение, никак не связанное с разбитой линзой. Он почувствовал странную силу, вибрирующую в воздухе подобно магической грозе. Далекая ударная волна сотрясла ткань мироздания. Он инстинктивно схватился за грудь, и его полукаменная кожа покрылась мурашками.

Ава и Рува переглянулись, а потом повернулись к нему в надежде на ответ. Первый командующий Енох ощупал свою руку, затем лицо, и поморщился. Солдаты начали переговариваться. Кто-то кричал, глядя на свои ладони, сгибая запястья и разминая руки.

Утрос дрожал, его кожу покалывало, и она становилась теплее. Ощущения были похожи на те, которые он испытал при пробуждении от каменного небытия. Но теперь он чувствовал себя обновленным, чувствовал себя человеком. Каменное окаменение уходило.

Кожа стала мягкой. Мускулы расслабились. Выдохнув, он ощутил, как из его легких выходит пыль. Он потянулся и дотронулся до золотой полумаски на лице, а потом провел пальцами по другой щеке. Борода была мягче и податливее, чем раньше. Он посмотрел на Аву и Руву. Их кожа цвета мела снова превращалась в теплую плоть.

— Камень уходит! — сказала Рува, подняв свою нежную руку.

Сестры трогали друг друга, поглаживая кожу и лаская лица.

— Заклинание разрушилось, — сказала Ава. — Полностью.

Утрос прислушался к нарастающему удивленному гомону в лагере. Один солдат подпрыгнул, дрыгая ногами от радости.

— Мы снова стали людьми!

Волшебник, который много веков назад наложил заклинание окаменения, скорее всего мертв. Заклинание исчезло без остатка. Они снова были полностью свободны.

— Мы живы! — Утрос поднял руки и сжал их в кулаки.

Ответный рев прокатился по рядам вооруженных солдат, стоявших лагерем в выжженной долине. Генерал позволил себе минуту удовольствия и попытался стереть с лица выражение глубокой обеспокоенности. Они и сами довольно скоро все поймут и придут к такому же выводу. Больше сотни тысяч воинов находились посреди выжженной долины вдали от любого города. У них не было ни припасов, ни Ильдакара — только голодные рты.

Генерал с ужасом понял, что голоден.

Норукайские налетчики нанесли Серримунди серьезный урон. Горожанам удалось расправиться со змеиными кораблями, но Никки хотела бы подготовить их лучше. Теперь же на это не было времени. Мир и процветание ослабили бдительность городов, сделав их уязвимыми, но Никки никогда не недооценивала потенциал ненависти и зла в мире, ведь она сама причинила немало вреда.

Когда они с Натаном покинули Народный Дворец, она верила, что искреннее желание Ричарда нести свободу и независимость во все уголки Д'Харианской империи действительно изменит мир. Но довольно скоро она осознала, что мир все еще полон опасностей. Им встретилось много достойных мужчин и женщин, которые боролись за правое дело: трудолюбивые фермеры, ремесленники, и даже воины, которые хотели лучшей жизни и мира. Но они повстречали и немало врагов. Никки должна сражаться с ними ради безопасности добрых людей, должна подавить амбиции завоевателей вроде норукайцев.

Большой флот короля Скорбь был далеко и, скорее всего, уже атаковал Ильдакар. Капитан Кор раскрыл ей грандиозные планы норукайцев, и теперь Никки поняла, что у нее появился еще один сильный враг, будто полукаменной армии генерала Утроста было мало.

Хозяин порта Отто и капитан Гэнли направили поврежденную «Туманную деву» к пристани, которую зачищали от последних налетчиков. Тысячи убежавших в холмы горожан возвращались и помогали тушить пожары в доках. Воодушевленные жители города выступили против остатков норукайцев. Окруженные налетчики мало заботились о своей судьбе и просто продолжали сражаться, пока их не настигали стрелы лучников, дававших залп за залпом.

На залитой кровью палубе «Туманной девы» злые и потрясенные матросы выкидывали за борт трупы норукайцев — на корм рыбам. Тела погибших товарищей они выложили в ряд, осторожно распрямив их руки и ноги. Лица мертвецов были безмятежны. Хозяин порта просил Мать морей благословить их.

На носу корабля стояла покрытая кровью Никки. Ее светлые волосы покраснели. Она повернулась к Отто, когда «Дева» пришвартовалась к поврежденной пристани и люди с криками побежали по пирсу. Капитан Гэнли замахал рукой, увидев со смехом бежавшую к нему невесту. Хозяин порта, казалось, готов разрыдаться при виде дочери.

Когда они сошли с корабля и оказались в ликующей толпе торговцев и рабочих порта, Никки обратилась ко всем:

— Я пришла предупредить вас о враге, но опасность оказалась даже страшнее, чем я представляла. Надеюсь, теперь вы мне верите. — Она обвела рукой гавань, указывая на горящие корабли, мертвых норукайцев и на тела матросов Серримунди, которые члены экипажа торжественно выносили с палуб вернувшихся кораблей. — Готовьтесь к худшему. Это еще не конец.

— Разве мы не разбили их? — грубо спросил долговязый мужчина в запачканной форме капитана. Его лицо чем-то напоминало Отто.

— Это просто отряд налетчиков, десять змеиных кораблей, — сказала Никки. — Норукайская империя решила пойти на нас войной.

— Это мой брат Джаред, — сказал Отто. — Он капитан кракенобойного судна вроде того, что сгорело у входа в гавань.

Джаред почесал затылок:

— Мы знаем, как убивать в открытом море монстров со щупальцами, но обычно нам не приходится волноваться о пиратах — никто не хочет приближаться к кракену.

— Может, из-за вони... — пошутил Отто.

— Норукайцы сожгут любой корабль на своем пути, — сказала Никки.

Джаред покачал головой:

— Но не мой. Отныне все мои матросы будут вооружены. Норукайцы — просто другой тип монстров, которых нужно убивать.

— Каждый корабль должен быть готов к бою, — сказала Никки хозяину порта. — Распространите новость по гавани и среди всех отплывающих кораблей, чтобы они передали дальше: норукайцы уже всюду грабят города. Открытая торговля больше не гарантирует вам безопасность. Даже если у вас сильный город, кто-то все равно захочет его покорить. Я уже доставила предупреждение в Танимуру и попросила помощи у лорда Рала. Весь д'харианский экспедиционный корпус готов выступить, но Серримунди и все прибрежные города должны сами себе помочь. Возможно, норукайцы поразили уже несколько целей. Отправьте вестников во все концы, даже в города в глубине материка, потому что армии генерала Утроста тоже могли уже выдвинуться. Будьте бдительны. Стройте укрепления.

Люди пообещали все сделать. Они хотели верить, что все будет хорошо, но Никки не могла позволить им снова расслабиться. Она развернула кусок стекла, который держала при себе.

— Вас ждет встреча с еще одним врагом. Огромная армия пробудилась после пятнадцати столетий сна. Они осадили Ильдакар и уже отослали второстепенные армии грабить и разорять города. Они покорят земли в горах, а потом отправятся к побережью.

Если норукайцы уже напали, как хвастался Кор, то ей нужно вернуться в Ильдакар. Придется жителям Серримунди самостоятельно выстраивать оборону.

— Возможно, я вернусь сюда еще не скоро, поэтому предоставляю все вам. Сплотите Древний мир. — Она медленно повернулась, демонстрируя всем стеклянную панель Эльзы, на которой была запечатлена армия. — Вот доказательство того, что враг идет к вам. Покажите его всем.

Она бросила панель на широкие доски пирса, и та разломилась на восемь неровных кусков. На всех осколках было одно и то же изображение. Никки подобрала один фрагмент и вручила его хозяину порта Отто. Второй она отдала охотнику на кракенов Джареду, а остальные раздала тем, кто мог распространить вести.

— Теперь все зависит от вас, — сказала Никки. — Мне придется вернуться в Ильдакар. Вы должны объединиться, как часть Д'Харианской империи. Сражайтесь за свои жизни и свободу.

Посмотрев в их глаза, она поняла, что достучалась. Они сделают так, как она сказала. Никки чувствовала себя уверенно, когда покинула пристань и пошла в холмы, где находился древний храм Матери морей и колодец сильфиды.

* * *

В сумерках тихий и прекрасный храм казался заброшенным. После атаки норукайцев жители Серримунди разбирали обломки, тушили последние пожары и оказывали помощь сотням раненых. Никки могла исцелять магией, но в Серримунди было много врачей и одаренных целителей. Она больше не нужна этому городу. Если норукайцы напали на Ильдакар, она просто обязана быть там.

— Сильфида, я желаю путешествовать. Сейчас же.

У Никки болело все тело, она устала и переживала за своих друзей. Стоя на краю колодца, она ждала. Кусты и виноградные лозы шелестели на вечернем ветру, и она вдохнула нежный аромат паслена. Из бездонного колодца не доносилось ни звука.

— Сильфида, приди! — Она выпустила дар, ощутив нити магии и пульсирующую силу глубоко в колодце.

Где-то бесконечно далеко непокорная ртуть начала двигаться по туннелю. Никки теряла терпение, думая о том, что сейчас творится в Ильдакаре. Она оставила Натана и палату волшебников искать способ сражаться с генералом Утросом. Как они могли отбиваться еще и от короля Скорбь с его норукайцами?

— Сильфида, мне нужны твои услуги, — крикнула она в колодец. — Мне нужно путешествовать!

Наконец, появилось жидкое серебро, больше походившее на кипящую металлическую кислоту. Лицо сильфиды было злым.

— Я служу цели, а не тебе.

— Ты создана, чтобы перемещать путешественников, а мне нужно путешествовать, — парировала Никки. У нее не было времени упрашивать создание. Сильфида Люси, которую Ричард призвал в Стройзе, тоже была капризной и раздражительной, но в итоге сделала то, о чем ее просили. Никки поставила ногу на край колодца. — Отнеси меня обратно в Ильдакар.

— Как это послужит Сулакану? — требовательно спросила сильфида.

— Сулакана нет, — фыркнула Никки. — Сейчас мы ведем другую битву. Цель изменилась.

Сильфида отшатнулась, услышав эту новость, и Никки потянулась к ней магией Ущерб и Приращения. Сильфида требовала наличия обеих сторон дара, и теперь Никки доказала, что достаточно сильна, чтобы стать ее новым хозяином.

— Доставь меня в Ильдакар.

Сильфида была подавленной. Ее лицо исказилось, и ртуть приняла новую форму.

— Сулакан...

— Доставь меня в Ильдакар. — Никки усилила напор магии до предела, подчиняя себе сильфиду. — Приказываю.

— Ильдакар! — Сильфида ринулась вперед, как атакующая волна расплавленного серебра. — Дыши! — скомандовала она, а потом поглотила Никки и потащила в бездонную ледяную яму...

Когда река растаяла, а большие глыбы льда раскололись, змеиные корабли освободились. Течение подхватило их, и корпуса затрещали. В смешанной со льдом воде покачивались сотни мертвых норукайцев, сорвавшихся с утеса или убитых защитниками Ильдакара.

Окровавленный Бэннон был связан, его тело болело после падения, а в голове звенело так, словно ему проломил череп. Он не мог вырваться из хватки отвратительных норукайцев. Его мысли путались, но он знал, где оказался. Юноша сражался изо всех сил, не надеясь выжить, и после падения с платформы уже не рассчитывал очнуться. Бэннон чувствовал, что несколько ребер треснуло, а по лицу течет кровь, но лучше бы он и правда умер. Он стал пленником ненавистных норукайцев! Его и десятки других ильдакарцев потащили к переполненным змеиным кораблям на реке. Кто-то из пленников был без сознания, кто-то рыдал, и только несколько человек предприняли нерешительную попытку к бегству, которая тут же была жестко предотвращена.

Бэннон не мог понять, что видят его глаза. Находясь на реке, он посмотрел на вершину утеса, на котором стоял город.

Ильдакар исчез. Исчез! Целый город просто пропал, словно по вершине плато прошла огромная бритва, оставив нетронутой лишь нижнюю часть утеса. Но верхние уровни были считай срезаны.

Хотя Бэннон не мог мыслить ясно, он помнил, как вместе с Натаном и Никки впервые увидел Ильдакар. Перед ними тогда была пустая равнина, потому что город прятался под саваном вечности, который стирал город из потока времени. Волшебники сделали это снова? Укрыли Ильдакар и бросили на произвол судьбы всех, кто был снаружи? Как там Натан, Эльза и их ударная группа? А остальные ильдакарцы? Лила?

Защитники в нижних туннелях утеса были брошены, и теперь норукайцы прочесывали туннели, захватывая пленников и убивая тех, кто сопротивлялся.

Ильдакар исчез. Бэннон был сам по себе.

Когда похитители провели его по деревянному трапу на палубу змеинового корабля, Бэннон словно попал в ужасный кошмар из детства, когда покрытые шрамами налетчики пришли на остров Кирия, избили его и отвели в пещеру. Теперь, спустя годы, Бэннон снова оказался в руках этих монстров.

Король Скорбь и Мелок тоже пережили падение, и от этого Бэннону было еще хуже. Скорбь стоял среди выживших налетчиков и взывал к своим бойцам:

— Обыщите все туннели и посмотрите, что наверху. Залезьте по утесу на равнину.

Белый шаман переплел свои узловатые пальцы:

— Да, равнина и весь мир! Там наша судьба, мой Скорбь, мой король Скорбь. Они все будут скорбеть!

Норукайский король фыркнул.

— Я теперь не знаю, как тебе верить, Мелок. Твои видения ни на что не годны.

— Нет, мой Скорбь! Я видел битву. Видел холод, снег и лед. Помнишь? Помнишь, мой Скорбь? Холод, лед, холод! — Он указал на освобождавшуюся ото льда реку и ледяные глыбы, соскальзывавшие со скал. — Ильдакар не победил, и у нас есть то, что после него осталось. Это твое, мой король, мой Скорбь. Ильдакара больше нет! Я говорил об этом.

— Это не то, чего я ожидал.

— Никогда не бывает того, чего ждешь, — сказал шаман. — Но я знаю, что в конечном итоге мое видение сбудется. Иди на равнину, и увидишь, как завоевать весь мир.

Бэннон сражался с веревками.

— Ты падешь. — Его голос походил на карканье вороны. — Древний мир восстанет против тебя, а лорд Рал и д'харианская армия уничтожат тебя.

Скорбь ударил Бэннона по голове окованным железом кулаком. Парень рухнул, едва удерживаясь на грани сознания. Он лежал спиной на холодной и скользкой от крови палубе, моргая и пытаясь разглядеть реку, полностью дезориентированный.

Он видел норукайские корабли и множество налетчиков, ворвавшихся в туннели, чтобы подняться туда, где стоял исчезнувший город. Он видел осыпающиеся камни, реку и густые заросли вдоль берегов. Краем глаза он уловил стройную женщину, одетую лишь в полоски из черной кожи. Лила? Прежде, чем он успел сфокусировать взгляд, она нырнула в тень и скрылась между низкими деревьями.

— Если собираемся захватить мир, — снова заговорил король, — нам понадобится много пленников, рабов и рабочих. — Массивным подбородком он указал на лодки и отдал приказ: — Отныне убивайте, только если придется. Нам нужно провести еще сотню налетов, чтобы пополнить ряды и захватить пленников. Думаю, придется убить немало людей, чтобы до них дошло.

Бэннон сопротивлялся, пока его тащили мимо дрожавших пленников. Не обращая на него внимания, король указал на утес:

— Поднимемся через туннели, Мелок. Я хочу посмотреть, что ждет нас на равнине.

* * *

После бесконечно долгого путешествия Никки вынырнула из колодца. Скорее, ее с отвращением из него выбросили. Она упала на землю и перекатилась на живот, хватая ртом воздух и пытаясь вытолкнуть из легких неосязаемую сущность сильфиды. Что-то было не так. Она чувствовала странную слабость, в ушах звенело.

Вместо сырого помещения с каменными стенами Никки оказалась под открытым ночным небом, на разбитой каменной брусчатке. Вокруг были поваленные каменные колонны толщиной с могучий дуб. Большие мраморные плиты торчали под странными углами, словно древний город был разрушен. На дальнем конце площади лежала статуя мужчины размером с дракона, разломанная на куски.

Луна светила из высоких клочковатых облаков, озаряя руины огромного города. Огромные башни превратились в груды обломков, а величественные арки поросли мхом и виноградом. Зубчатые силуэты горных вершин маячили позади безмолвных и безжизненных строений. Единственными огоньками, помимо звезд, были крошечные светлячки, которые кружили вокруг со скоростью метеоров.

Не было ни костров, ни света в окнах домов. Ни единого признака жизни. Никки повернулась к сильфиде, которая выглядывала из круглого колодца.

— Где я? Это не Ильдакар. — На нее накатило головокружение и тошнота. — Что ты со мной сделала?

Сильфида, напоминая злого духа, нависла над ней. Серебристая фигура смещалась и таяла, словно ей было трудно сохранять форму.

— Ильдакара больше не существует. Я не могу доставить тебя туда. Я пыталась, но... меня отбросило. Города нет.

— Как нет? — Никки шагнула к колодцу. — Мы пришли оттуда. Мне нужно путешествовать. Доставь меня в Ильдакар.

— Я отказываюсь. Ильдакара нет. — Ее лицо исказилось от гнева. — И я не твоя рабыня. Если Сулакан мертв, то дело потеряно. У меня нет цели. Ты обманула меня, и я не стану тебе помогать.

Никки поняла, в каком положении оказалась. Она могла застрять здесь. Это существо было ее единственной связью с миром, единственным способом вернуться.

— Нет, сильфида! Если не можешь доставить меня в Ильдакар, тогда верни в Серримунди. — Она оглянулась на покинутый город. — Не оставляй меня здесь.

— Ты никогда не будешь путешествовать во мне. — В голосе сильфиды звучала опасная твердость. — Я должна восстановиться.

Никки бросилась к колодцу, но было уже поздно. Сильфида исчезла, отступив в бездонные глубины со стремительно удаляющимся звуком. Никки молча стояла среди обломков пустого древнего города, отрезанная от друзей и всего, что знала.

* * *

Разведчики Утроса галопом возвращались из пустоши на речном обрыве, где раньше стоял Ильдакар. У первого солдата было слишком уж встревоженное лицо.

— Генерал! С Киллрейвен поднимаются воины. Тысячи солдат!

— Они вооруженные и злые, — сказал раскрасневшийся второй разведчик. — И уродливее всех, кого мне доводилось видеть.

— Другая армия? — шагнул вперед Енох. — Откуда они пришли? Они собираются сражаться с нами?

Утрос посмотрел в сторону реки и увидел беспорядочный строй, идущий к ним. Его армия, пострадавшая от огненного шторма, все равно превосходила числом любую вражескую силу. И все же другие воины продолжали забираться на вершину утеса.

Утрос стиснул зубы и кивнул Еноху.

— Первый командующий, возьми группу солдат и иди навстречу. Выясни, кто они такие. Я хочу поговорить с их главарем.

Поспешно кивнув, закаленный ветеран собрал пятьдесят солдат и выехал навстречу налетчикам, идущим с реки.

Утрос игнорировал непривычный мучительный голод. Когда он попробовал жареное мясо яксена вскоре после пробуждения, его вырвало, но теперь желудок требовал еды. Солдаты ощущали то же.

Вскоре Енох вернулся с десятью уродливыми воинами, лица которых были покрыты шрамами. Один из них был крупнее и мощнее остальных, с костяными шипами, вживленными в плечи, и железными пластинами на костяшках. Он шагал в сопровождении бледного мужчины, сплошь покрытого шрамами.

— Мы норукайцы, а я король Скорбь, — сказал крупный мужчина, остановившись перед Утросом. — Что вы сделали с Ильдакаром?

— Мы осадили город. — Утрос указал на выживших солдат, которые рассредоточились по лагерю на равнине. — Моя армия ждала здесь пятнадцать столетий, чтобы сокрушить его.

— Армия статуй! — громко расхохотавшись, перебил Скорбь. — Да, шпионы говорили о каменных воинах. Гляжу, вы пробудились.

Генерал не дрогнул и не выказал признаков слабости.

— Мы бились, чтобы сломать городские стены, но Ильдакар просто исчез у нас на

глазах. Я не знаю, что произошло.

— Да, город уже делал это прежде, — проворчал Скорбь. — Может, Ильдакар вернется, а может, нет. Но у меня есть флот, и моим воинам нужно сражаться. — Он подался к Утросу. — Может, нам напасть на твою армию?

— Только если хочешь умереть, — сказал Утрос. — Разве не видишь, сколь велико мое войско? Какой в этом смысл? Ты считаешь войну всего лишь соревнованием?

— Иногда, — пожал плечами Скорбь.

Ава и Рува со сверкающими взглядами подошли ближе, и Утрос понял, что они готовы атаковать магией. Двойняшки настороженно смотрели на покрытого шрамами альбиноса.

Оба мужчины были крупными. Если бы Утрос все еще находился под остаточным воздействием заклинания окаменения, он мог бы сокрушить короля. Но теперь он вновь состоял из плоти и крови, ему были присущи все человеческие слабости. Встретившись с королем, Утрос испытывал отвращение и восхищение по отношению к его шрамам, разрезанному рту, вживленным костяным шипам и татуировкам. Еще более уродливым был покрытый шрамами шаман.

— Судьба, — сказал альбинос. — Судьба, мой Скорбь, король Скорбь! Будет война, большая война. — Он ткнул пальцем в генерала Утроса. — Но не с ним.

На лице короля читался безрассудный вызов, но Утрос оставался спокойным. Они оба атаковали Ильдакар, но с разных сторон.

— У нас общий враг, — сказал Утрос. — Полагаю, у тебя были причины напасть на город.

— Хотел завоевать его, — сказал Скорбь.

Утрос увидел тысячи норукайцев, поднимавшихся с реки, а его разведчики доложили о большом количестве кораблей на воде.

— Ильдакара здесь больше нет. Хочешь стать моим врагом? Ты и все твои бойцы? — Его голос оставался спокойным. Он показал на бесчисленные ряды воинов на выжженном и взрыленном поле. — Моя армия легко может победить твою. Нам нет резона сражаться.

— Норукайцы всегда сражаются, — сказал Скорбь. — Мы совершаем набеги, грабим и захватываем.

— Достойное занятие, — сказал Утрос, — если выбираешь правильную цель. И правильного союзника.

Шаман подошел ближе, заинтересованный двумя колдуньями. Он втянул носом воздух, глядя то на Аву, то на Руву.

— Магия, — сказал он. — Мощная магия! Но они не видят того, что вижу я, мой Скорбь. Я вижу огромную армию! Вижу норукайские корабли. Вижу Утроса и его солдат. — Он ухмыльнулся. — Вижу могущественную силу, которая прокатится по всем землям.

Генерал Утрос заинтересовался.

— Прежде я служил императору Кергану. Теперь я служу себе, у меня нет императора.

— Я король, — сказал Скорбь. — Король народа Норукай.

— Может, ты и король, но я генерал для своего войска. Древний мир огромен. Можешь ли ты помочь мне его захватить?

Скорбь раздулся от возмущения, словно был готов броситься на Утроса. Ава и Рува напряглись, собираясь высвободить магию. Одной молнией они могли превратить короля в горстку пепла.

Но белый шаман прыгнул меж ними, отчаянно размахивая руками.

— Именно это я и видел, мой Скорбь, мой король Скорбь! Ты и генерал Утрос, огромная армия! Великая война.

— У меня сотни кораблей, — похвастался Скорбь. — Большая часть на реке, остальные грабят побережье, и еще больше строится на моих островах. Такого флота история еще не видела.

— Все будут скорбеть! — прокричал шаман.

Утрос размышлял о том, сколько солдат он только что потерял, о принятом решении отказаться от преданности императору Кергану.

— У меня есть армия, но, чтобы захватить все земли, не помешают флот и дополнительные бойцы, — расчетливо сказал он. — Если норукайцы способны сражаться.

Скорбь сплюнул на землю, словно ответ был очевиден. Король рассказал о своем великом военном флоте и многочисленных налетчиках, безжалостных мужчинах и женщинах, а также о мощных змеиных кораблях. Рассказал об островах Норукай, где было полно воинов, которые еще не вступили в бой, но жаждали присоединиться к атаке. Война, полномасштабная война по захвату Древнего мира.

Утрос решил, что через какое-то время уничтожит норукайцев, если будет необходимо, но сейчас его рассредоточенным войскам не нужна еще одна война. Возможно, эти воины окажутся полезными.

— Вместе наши армии могут завоевать мир, — сказал Скорбь. — Если будем сражаться вместе.

— Они все будут скорбеть! — повторил шаман.

Ава и Рува подались вперед и жутковато зашептали в унисон:

— Если захватить весь континент, возлюбленный Утрос, то там хватит места для двух империй.

Он поразмыслил, а затем обратился к главарю норукайцев:

— С твоими кораблями и налетчиками, а также с моими солдатами, мы можем сокрушить все страны. Король Скорбь и генерал Утрос.

Норукайский король открыл разрезанный рот и клацнул зубами.

— Я согласен.

Удовлетворенно улыбнувшись, Утрос протянул руку, чтобы пожать широкую ладонь короля Скорбь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Список произведений Терри Гудкайнда

МЕЧ ИСТИНЫ

Первая исповедница (2012)

Долги предков (1998)

Первое правило волшебника (1994)

Камень слез (1995)

Защитники паствы (1996)

Храм Ветров (1997)

Дух огня (1999)

Вера падших (2000)

Столпы Сотворения (2002)

Голая империя (2003)

Огненная цепь (2005)
Призрак (2006)
Исповедница (2007)
Машина предсказаний (2011)
Третье царство (2013)
Разлученные души (2014)
Сердце войны (2015)

ДЕТИ Д'ХАРЫ

Угольный человек (2019)
Мерзкие твари (2019)
Пустошь (2019)
Ведьмовская клятва (2020)
Врата во тьму (2020)

ХРОНИКИ НИККИ

Госпожа Смерть (2017)
Саван вечности (2018)
Осажденные камнем (2018)
Сердце из черного льда (2020)

ТРИЛЛЕРЫ

Скверна (2016)
Отродье (2018)
Девочка с луны (2018)
Шальная Ванда (2018)

НОВЕЛЛЫ

Закон девяток (2009)
Небесные люди (2019)